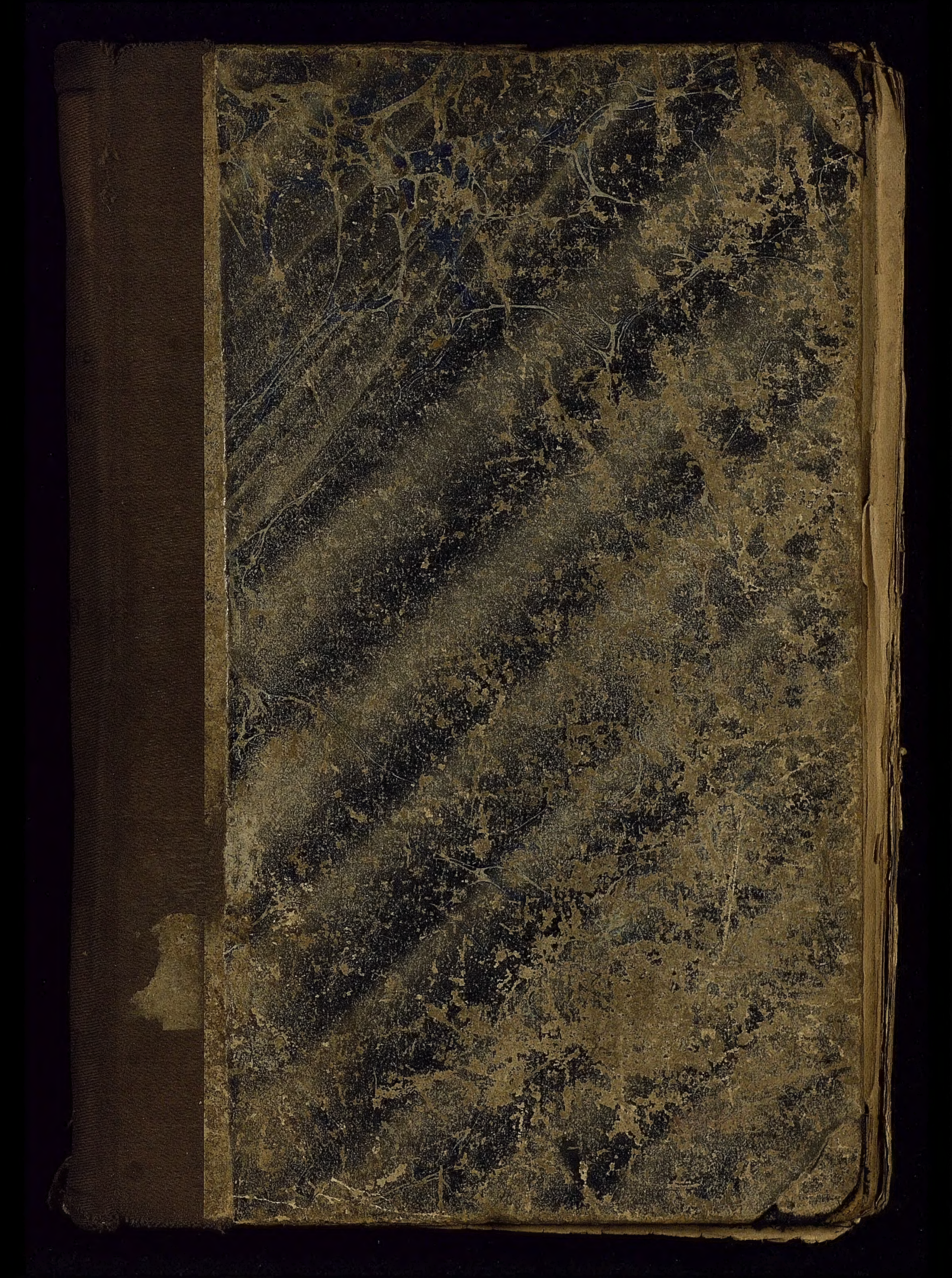


19

18

VI/15 17/XII

5/4

18/IV 16/[illegible]

9/5 7/[illegible]

21/5

16/VI 28/[illegible]

11/IV

26/6 [illegible]

5/8 30/[illegible]

26/8 16/[illegible]

11/9

19/[illegible]

7/[illegible]

6

J. W. 17/10

Шренку — кадров В

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

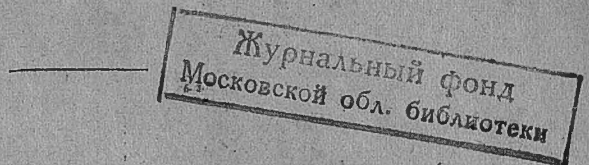
ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОДЪ.

ЯНВАРЬ.



Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Петроградъ, Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ—ЯНВАРЬ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ 4½ до 5½ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Съ К. К. Арсеньевымъ—сношенія письменно по адресу: Царское Село. Церковная улица, д. Сутугиной.

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Л. Н. ТОЛСТОГО [1]).

Письма къ кн. С. С. Урусову (1869—1889 г.г.).

Кн. Сергѣй Семеновичъ Урусовъ (1827—1897 г.г.) былъ севастопольскимъ боевымъ товарищемъ Толстого, и дружба ихъ идетъ отъ тѣхъ отдаленныхъ временъ. Урусовъ былъ, очевидно, очень незауряднымъ человѣкомъ, но со странностями. Необычайно высокій ростъ, могучее сложеніе и густой басъ, блестящая военная храбрость, вспыльчивость и чудаковатость, прямота и благородство, оригинальность мысли, которой чего-то нехватало до подлинной крупной научной даровитости, не остывшее всю жизнь увлеченіе высшей математикой и шахматами, въ которыхъ онъ достигъ выдающагося умѣнья, наконецъ большая религіозность—вотъ какимъ представляется Урусовъ по отзывамъ знавшихъ его лицъ. Въ севастопольскую кампанію онъ, служа въ Полтавскомъ полку не въ крупныхъ еще чинахъ, быстро очутился, за выбытіемъ изъ строя старшаго персонала, во главѣ полка и принялъ команду. Когда же миновало горячее время и Урусовъ долженъ былъ сдать полкъ какому - то нѣмцу, то произошелъ случай, извѣстный въ семьѣ Толстыхъ по разсказамъ самого Урусова. Новый полковникъ, принимая полкъ, сильно и несправедливо придирался къ солдатамъ; взбѣшенный Урусовъ скомандовалъ одному солдату по адресу нѣмца: «Пли!» Солдатъ выстрѣлилъ въ землю. Случай былъ замятъ,

---

[1]) Благодаря любезности Толстовскаго Музея (въ Москвѣ), „Вѣстникъ Европы“ имѣетъ возможность предложить читателямъ рядъ неизданныхъ писемъ Л. Н. Толстого, а именно письма къ кн. С. С. Урусову, кн. Л. Д. Урусову и Г. А. Русанову. Приступаемъ къ печатанію этого матеріала, вмѣстѣ со вступительными замѣтками и пояснительными примѣчаніями, составленными *А. Е. Грузинскимъ*.

Ред.

но карьера Урусова оборвалась. Въ русско-турецкую войну онъ просился изъ отставки на службу, но не получилъ разрѣшенія[1]). Другой случай того же времени передаетъ Л. Н. въ письмѣ къ «Шведскимъ поборникамъ мира» въ 1899 г. «Я помню, во время осады Севастополя, я сидѣлъ разъ у адъютанта Сакена, начальника гарнизона, когда въ пріемную пришелъ князь С. С. Урусовъ, очень храбрый офицеръ, большой чудакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ лучшихъ европейскихъ шахматныхъ игроковъ того времени. Онъ сказалъ, что имѣетъ дѣло до генерала. Адъютантъ повелъ его въ кабинетъ генерала. Черезъ десять минутъ Урусовъ прошелъ мимо насъ съ недовольнымъ лицомъ. Провожавшій его адъютантъ вернулся къ намъ и, смѣясь, разсказалъ, по какому дѣлу Урусовъ приходилъ къ Сакену. Онъ приходилъ къ Сакену затѣмъ, чтобы предложить вызовъ англичанамъ сыграть партію въ шахматы на передовую траншею передъ 5-мъ бастіономъ, нѣсколько разъ переходившую изъ рукъ въ руки и стоившую уже нѣсколько сотъ жизней».

Выйдя въ отставку генералъ-маіоромъ съ Георгіевскимъ крестомъ, Урусовъ жилъ въ Москвѣ и въ своемъ имѣніи близъ Троице-Сергіевской Лавры. Въ 80-хъ годахъ онъ потерялъ жену (единственная дочь умерла еще раньше) и велъ одинокую жизнь, занимаясь составленіемъ математическихъ сочиненій. Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны, какъ напр. «Геометрія» (объ этомъ есть свѣдѣнія въ письмахъ Л. Н.), но неизвѣстно, пускалъ ли ихъ Урусовъ въ продажу. Онъ писалъ и по другимъ вопросамъ. П. И. Бартеневъ помнитъ, что онъ «много лѣтъ писалъ сочиненіе въ доказательство того, что Императоръ Павелъ I умеръ спокойно»[2]). Оно, повидимому, осталось въ рукописи. За его подписью напечатаны въ журналѣ С. А. Юрьева «Бесѣда» за 1871 г. статьи: «Мысли о военной реформѣ» (№ 1) и «Американское военное устройство» (№ III).

Интересъ Урусова къ математикѣ, очевидно, иногда переплетался съ мистикой, и тогда его вычисленія принимали кабалистическій оттѣнокъ. Л. Н. упоминаетъ въ одномъ письмѣ о какомъ-то «законѣ смертности царей», который открывалъ или

---

[1]) Передаемъ по разсказамъ сыновей Л. Н. Объ этомъ случаѣ упоминаетъ гр. И. Л. Толстой въ своихъ „Воспоминаніяхъ" (стр. 50).

[2]) Беремъ цитату изъ примѣчанія Б. Модзалевскаго къ перепискѣ Толстого и Страхова (къ № 105). Въ концѣ примѣчанія здѣсь С. С. Урусову ошибочно приписанъ переводъ „Въ чемъ моя вѣра" Толстого на французскій языкъ. Переводъ этотъ принадлежитъ кн. Л. Д. Урусову.

думалъ открыть Урусовъ. Гр. И. Л. Толстой говоритъ, что Урусовъ увѣрялъ, будто онъ можетъ вычислить срокъ жизни всякаго человѣка и ему извѣстно, когда умретъ Л. Н., но онъ держитъ это въ секретѣ. («Воспоминанія», стр. 51).

Л. Н. любилъ Урусова, охотно видѣлъ его у себя, ѣздилъ къ нему въ деревню и постоянно поддерживалъ съ нимъ переписку. Въ письмѣ къ П. А. Сергѣенкѣ 1906 г. Толстой прямо называетъ Урусова въ числѣ трехъ лицъ (на-ряду съ А. А. Толстой и Н. Н. Страховымъ), къ которымъ онъ написалъ много писемъ «интересныхъ для тѣхъ, кому можетъ быть интересна моя личность». Дружба съ Урусовымъ уцѣлѣла, несмотря на испытанія, которымъ она подвергалась. С. С. Урусовъ былъ религіозенъ на церковный ладъ, и когда Л. Н. началъ все болѣе и болѣе отходить отъ конфессіональнаго христіанства, Урусовъ старался вернуть его къ православію. На этой почвѣ между ними происходили жаркія размолвки; въ письмѣ 1876 г. мы имѣемъ, повидимому, отголосокъ одного изъ такихъ недоразумѣній (см. ниже примѣчанія); быть можетъ, этимъ же объясняется значительный пробѣлъ въ письмахъ (съ 1879 до 1889 г.). Но тутъ могло присоединиться дѣйствіе и другой причины. Есть всѣ основанія полагать, что письма Л. Н. сохранились далеко не всѣ; повидимому, С. С. Урусовъ уничтожилъ значительное ихъ количество подъ вліяніемъ расхожденія съ Толстымъ во взглядахъ. Какъ бы то ни было, отношенія возстановились къ концу 80-хъ годовъ, и ранней весной 1889 г. Л. Н. ѣздилъ къ Урусову въ Спасское, провелъ вдвоемъ съ нимъ очень пріятно около трехъ недѣль и въ письмахъ къ Софьѣ Андреевнѣ передаетъ свои впечатлѣнія отъ Урусова и его жизни (по тону и подробностямъ можно заключить, что Толстой долго не видѣлся съ нимъ и впервые наблюдалъ его въ деревенской обстановкѣ). Урусовъ жилъ одиноко со старымъ слугой, вставалъ въ 3, въ 4 часа утра, ставилъ самъ самоваръ, пилъ чай и садился на весь день за свои вычисленія, прерываемыя отдыхомъ, пасьянсомъ, прогулкой. Онъ произвелъ на Л. Н. трогательное впечатлѣніе. «Живетъ, никакихъ раздоровъ ни съ кѣмъ кругомъ себя, помогаетъ многимъ и молится Богу. Напримѣръ, передъ обѣдомъ онъ ходитъ взадъ и впередъ гулять по тропинкѣ передъ домомъ. Я подошелъ-было къ нему, но видѣлъ, что я ему мѣшаю, и онъ признался мнѣ, что онъ, гуляя, читаетъ часы и псалмы». Ниже, въ примѣчаніяхъ, мы сообщаемъ мнѣніе Л. Н. о его занятіяхъ.

Даты на письмахъ Толстого по обычаю почти вездѣ отсут-

ствуютъ, но на оборотѣ листовъ проставлены Урусовымъ крупныя карандашныя цифры годовъ; сдѣлано это было, очевидно, много лѣтъ спустя, и съ нѣкоторыми датами невозможно согласиться. Отступленія оговорены въ примѣчаніяхъ. Чужія даты вездѣ заключены въ скобки.

А. Г.

I.

№ 1. (1869—70).

Письмо ваше, любезный другъ, я получилъ наканунѣ вербной субботы и потому и думать нечего было васъ застать. Очень жаль. Тѣмъ болѣе, что я все-таки на-дняхъ буду въ Москвѣ.

«*Біологія*» меня огорчила. Какъ можно говорить объ этомъ серьезно.—Это только слово. Объ этой мнимой *наукѣ* можно говорить только тогда, когда не можешь или не хочешь серьезно мыслить. Я жалѣю, что не видалъ Столыпина, не потому, что не имѣлъ случая поговорить о *біологіи*, но потому, что онъ милый человѣкъ, хотя и...

Вашъ Л. Толстой.

У насъ все здорово.

№ 2. (Лѣто 1870 г.) [1].

Я виноватъ, что не отвѣчалъ вамъ, любезный другъ. Произошло это отъ того, что я съ утра до вечера работаю—руками—и (сталъ) [2]) ничего не думаю и не помню. Нынче я нездоровъ и потому пишу. Вы ошиблись: изъ ведра молока получается одинъ ф. масла. Остальное же вѣрно: корова даетъ въ годъ отъ 120 до 160 ведеръ, т. е. отъ 3 до 4-хъ пудовъ масла, и масла сливочнаго. Когда клеверъ вырождается, то засѣдаютъ луговыя травы, имя же имъ легіонъ. Главныя — кашка бѣлая,

---

1) Сзади письма стоитъ цифра 1869 г., но мы передвигаемъ письмо въ 1870 г., такъ какъ упомянутая въ концѣ просьба Юрьева о сотрудничествѣ можетъ имѣть въ виду лишь журналъ „Бесѣду", издававшуюся съ 1871 г. Къ лѣту 1871 г. отнести мѣшаетъ то обстоятельство, что какъ разъ время покоса Л. Н. проводилъ тогда въ Самарской губ. на кумысѣ.

2) Въ круглыхъ скобкахъ ставимъ то, что написано, но зачеркнуто Л. Н-чемъ; въ квадратныхъ—то, что считаемъ недописаннымъ или случайно пропущеннымъ. Знаки препинанія, почти отсутствующіе у Толстого, поставлены нами.

розовая и красная, пырей, чечевичка и др. О лѣсахъ я забылъ вамъ сказать, что есть цѣлая наука—таксація—о приростѣ лѣсовъ, но другая сторона задачи: о томъ, сколько и въ какомъ ростѣ выбываютъ деревья изъ лѣса отъ тѣсноты, сколько я знаю, (ник) не разработана. А это главное. Я теперь вотъ уже 6-й день кошу траву съ мужиками по цѣлымъ днямъ и не могу вамъ описать, не удовольствіе, но счастье, кот[орое] я при этомъ испытываю. — Англичанка къ намъ все не пріѣхала, а Джени уѣхала и потому я еще не смѣю думать объ отъѣздѣ куда бы то ни было.

Передайте нашъ привѣтъ княгинѣ. Обнимаю васъ.

Вашъ Толстой.

Получилъ письмо отъ Юрьева о сотрудничествѣ [1]) и не знаю, что отвѣчать ему. Если [бы] онъ просилъ меня о пособіи въ скошеніи его луговъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я исполнилъ его просьбу.

Слышали ли вы, что Голицынъ женится на Обрѣзковой. Если знаете подробно, что и какъ, сообщите мнѣ. Желаю ему отъ души счастья, но боюсь за него.

№ 3. (1870 г.) 25 ноября [2]).

Любезный другъ!

Путь выпалъ и рѣки стали. Ѣдемъ. Отъ васъ зависитъ, когда? Въ пятницу письмо это будетъ у васъ. Слѣдовательно, мы можемъ сдѣлать трояко: 1) Вы можете выѣхать въ субботу или въ воскресенье рано утромъ, взявъ билетъ до Козловки, и пріѣхать въ субботу или въ воскресенье. Въ оба эти дня на Козловкѣ васъ будутъ ждать лошади. 2) Вы можете написать мнѣ или телеграфировать (Кузминскому, Тула), когда вы ѣдете, и тогда я выѣду за вами въ Тулу или Ясенки или Козловку, когда велите, и 3) Вы можете пріѣхать, когда хотите (я без-

---

1) Л. Н., хорошо относившійся къ С. А. Юрьеву, принялъ таки участіе въ его журналѣ: разсказъ „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ" появился въ № 3 „Бесѣды" за 1872 г.

2) Письмо имѣетъ чужую дату «1871 — 1872 г.г.», но она опровергается точно датированнымъ письмомъ Толстого Фету о той же опасной болѣзни жены Фета, о которой идетъ рѣчь и здѣсь. (Фетъ, Воспоминанія, II, 225). Поѣздка съ Урусовымъ въ Оптину Пустынь, которая проектируется здѣсь, состоялась или нѣтъ, неизвѣстно.

выѣздно дома), и изъ Тулы доѣхать на извощикѣ. Лучшій способъ первый, если вы готовы. Если же вы не скоро, то вторымъ. Третій самый непріятный. Для самой поѣздки въ Оптину есть тоже разныя средства, кот[орыя] мы обсудимъ дома.

И такъ до радостнаго свиданья. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются. Фетъ пріѣзжалъ въ Москву за докторомъ: у него умирала жена. Не слыхали что о ней? Я ужасно жалѣю его, это было бы для него большое несчастіе.

Маленькая просьба. Если вы случитесь на Страстномъ бульварѣ, спросите у Соловьева, передалъ ли онъ 100 р. по моей запискѣ одной госпожѣ. Это деньги Ганны и я очень боюсь, чтобы онъ ихъ не задержалъ.

До свиданья.

Вашъ Л. Толстой.

№ 4. (1870 г. Конецъ года [1]).

Очень радъ былъ, любезный другъ, получивъ отъ васъ извѣстіе, и извѣстіе хорошее. Вижу, что вы духомъ бодры—работаете и работа спорится. Съ нетерпѣніемъ жду геометріи [2]).

Про себя не знаю что сказать—быть ли довольнымъ своимъ состояніемъ или нѣтъ. Я хвораю почти всю зиму, двѣ недѣли какъ не выхожу изъ дома. И ничего не пишу. Занятъ же страстно уже три недѣли—не угадаете, чѣмъ? Греческимъ языкомъ. Дошелъ я до того, что читаю Ксенофонта почти безъ лексикона. Черезъ мѣсяцъ же надѣюсь читать также Гомера и Платона. Поѣздка въ Оптину все манитъ меня. У меня всѣ здоровы и кланяются вамъ и княгинѣ.

Прежде чѣмъ васъ увидать радости, жду съ волненіемъ родовъ, чѣмъ ближе они приближаются [3]).

Вашъ Л. Толстой.

---

[1]) Это письмо тоже отнесено Урусовымъ къ 1869 г., но указаніе на занятія греческимъ языкомъ, начатыя три недѣли назадъ, заставляетъ перенести на самый конецъ 1870 г.: эти занятія начались въ декабрѣ (Бирюковъ, Біографія II, 169—170): быть можетъ, письмо надо отнести къ январю 1871 г., по упоминанію о близкихъ родахъ (12 февраля).

[2]) Имѣется въ виду математическій трудъ Урусова. О немъ см. въ дальнѣйшихъ письмахъ.

[3]) 12 февраля 1871 г. родилась Марья Львовна.

№ 5.

Поздравляю васъ съ будущей крестницей. Вчера все благополучно совершилось.

Теперь дѣло за вами. Мои (рожде) именины 18-го и жена мечтаетъ, чтобы крестить въ этотъ день, но въ сущности все равно. Пусть будутъ крестины, когда вамъ и кумѣ всего удобнѣе. Хорошо бы было, если бы вы зашли къ Дьяковымъ (Конюшки, домъ Ладыженскаго) [1]) и, уговорившись съ нимъ, уже написали мнѣ, когда васъ ждать.

Вашъ Л. Толстой.

Пожалѣйте меня, я все боленъ.

(1871 г. 13 февраля, Ясная Поляна).

№ 6. (1871).

У насъ, слава Богу, все благополучно. Жена ходитъ и понемножку кормитъ—между кормленіемъ кормилицы—надѣясь, что съ прибавленіемъ молока отпуститъ кормилицу. Благодарю васъ, милый другъ, за вашу дружбу, которую вижу во всемъ. Я очень огорченъ, что не увижу васъ. Мнѣ такъ хотѣлось поговорить съ вами по душѣ и на спокоѣ. А боюсь, письмо и не застанетъ васъ въ Москвѣ. Если бы почему-нибудь вы остались бы долѣе, напишите, я пріѣду къ вамъ. Мое здоровье все скверно, никогда въ жизни не испытывалъ такой тоски. Жить не хочется.—Поэтому и хочется особенно васъ увидать. Ничего не дѣлаю, кромѣ греческаго чтенія, и ничего не хочется дѣлать. Прочелъ разъ статью Елагина и написалъ цѣлую статью о военной реформѣ. И потомъ совѣстно стало, что такими глупостями занимаюсь, какъ будто наши мысли для чего-нибудь нужны кромѣ собственнаго увеселенія. Какъ проблема коня.—Вы мелькомъ пишете о законѣ смертности царей [2]). Мнѣ это очень интересно. Я вѣрю въ это. (Хотя) Для царей законъ этотъ долженъ быть очевиднѣе всѣхъ другихъ людей, хотя и для нихъ должно быть это (зак.) дѣло завѣшено, такъ что можно догадываться, а знать нельзя. Если (это) [бы] все было извѣстно, для Бога не было бы

---

1) Д. А. Дьяковъ, старинный пріятель Толстого еще со временъ Казанскаго студенчества. По указанію самого Л. Н., дружба съ Дьяковымъ дала ему матерьялъ для описанія отношеній Иртеньева и Нехлюдова.

2) Объ этихъ таинственныхъ вычисленіяхъ Урусова см. выше во вступительной замѣткѣ.

ничего интереснаго смотрѣть на нашу комедію. Да и мы бы перестали играть такъ серьезно свои роли.

Если можете, напишите мнѣ, въ чемъ дѣло, это меня очень интересуетъ. Геометрію вы свою продешевили. Я ее началъ разъ читать изъ второй части и часа три радовался, все понимая. Статья, к[оторую] я разорвалъ, о военн. реформѣ была отчасти математическая. Вотъ что я говорилъ:

1. Войско есть (величина) сила, составленная изъ а) количества (солдатъ) людей и времени, к[оторое] (каждый) человѣкъ упражняется въ военномъ дѣлѣ. Отсюда

2. Чѣмъ больше времени, тѣмъ меньше людей. И, наоборотъ, чтобы (величина) сила не измѣнилась. И (приб) сила увеличивается и временемъ и количествомъ.

3) Въ Россіи денежные интересы государства и народа тожественны. Доказательствомъ тому служитъ то, что государство можетъ заставить всѣхъ мужчинъ идти въ солдаты. Если оно можетъ заставить всѣхъ идти въ солдаты, то оно можетъ вмѣсто солдатства [на] всѣхъ наложить лишній налогъ деньгами.

4) Сила войска не увеличивается (прямо-по) и не уменьшается просто по времени, которое люди проводятъ въ военномъ упражненіи, а увеличивается и уменьшается въ какой-то прогрессіи. Т. е. что 1.200 солдатъ, изъ к[оторыхъ] каждый пробудетъ (одинъ мѣсяцъ въ службѣ) три дня въ службѣ, не будутъ равны одному 10-лѣтнему солдату, а будутъ въ 1.000 (хуже) слабѣе его. Или что 100 старыхъ 5-лѣтнихъ солдатъ будутъ не равны 1.000½ годовымъ солдатамъ, а много (лучше) сильнѣе и т. п. И что, стало быть, если сила войска увеличивается въ прогрессіи времени, то чѣмъ дольше срокъ службы, тѣмъ выгоднѣе.

Если эти 4 положенія справедливы, то вопросъ воен[ной] реф[ормы], суть к[оторой] есть вопросъ о томъ, какимъ образомъ съ наименьшими расходами имѣть наисильнѣйшее войско, разрѣшается просто и совершенно противоположно прусскому рѣшенію[1]).—Выгода этого рѣшенія состоитъ въ томъ, что(быне) надо только ничего не дѣлать, не уничтожать типъ стараго рус-

1) Пруссія и Франція послѣ войны произвели рядъ реформъ въ своемъ военномъ дѣлѣ. Суть этихъ реформъ клонилась къ болѣе широкому привлеченію населенія въ ряды армій и къ уменьшенію соотвѣтственно сроковъ службы. На этомъ же началѣ была, какъ извѣстно, основана и наша, вскорѣ послѣ того (1874 г.) введенная реформа (всеобщая воинская повинность). Въ ожиданіи этой реформы и Урусовъ написалъ тогда же двѣ статьи о военномъ дѣлѣ въ „Бесѣдѣ“ (см. вступит. замѣтку).

скаго солдата, давшаго столько славы русск. войску и не пробовать новаго, неизвѣстнаго.

А то выходитъ такъ, что славная на вѣки защита Севастополя именно она-то показала намъ, что русскій солдатъ старый не годится и надо выдумать новаго *получше*, на манеръ прусскаго. Выходило такъ, какъ бы вышло у глупаго хозяина, который разъ, до-пьяна угостивъ гостей хорошимъ старымъ виномъ, въ слѣдующій разъ, пригласивъ гостей, разбавилъ бы это вино квасомъ, чтобы казалось побольше вина.

Прощайте, обнимаю васъ. Пишите почаще.

№ 7. [1876] [1]).

Пріѣхавъ въ Тулу, нашелъ ваше письмо заказное у кучера, тотчасъ, преодолѣвъ любопытство, разорвалъ его на клочки и дорогой разбросалъ. Дома нашелъ все благополучно и отдыхаю послѣ сумбура московскаго. Нѣтъ ничего болѣе вреднаго для работы, какъ споры съ равнодушными. Дай Богъ вамъ спокойствія душевнаго и пожалуйста любите меня и прозрѣвайте хорошенько, тогда во мнѣ ничего не увидите, кромѣ радости о возстановленіи нашей дружбы. Передайте нашъ поклонъ княгинѣ.

Л. Т.

№ 8. 21 февраля [1876] [2]).

Благодарю васъ, дорогой другъ, отъ всего сердца за то, что вы были у насъ и еще болѣе за письмо ваше, такое, какія вы не часто пишете. Я былъ тронутъ этимъ письмомъ: видно, что вы

1) Это письмо мы объясняемъ такъ. Между Толстымъ и Урусовымъ произошла серьезная размолвка, въ разгарѣ которой Урусовъ написалъ ему въ Ясную Поляну письмо, о которомъ сожалѣлъ. Но письмо не застало Толстого въ деревнѣ; онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ видѣлся съ Урусовымъ, объяснился, они примирились, и Урусовъ просилъ, чтобы Толстой, вернувшись въ деревню, разорвалъ его письмо, не читая. Толстой такъ и поступилъ. Конецъ записки какъ разъ и говоритъ о „возстановленіи дружбы".

2) Это письмо Л. Н. по ошибкѣ вложилъ въ конвертъ съ адресомъ А. А. Толстой, которой отвѣчалъ одновременно, а назначенное ей письмо отправилось къ Урусову. См. объ этой случайности письмо А. А. Толстой и отвѣтъ Л. Н. ей, гдѣ онъ прибавляетъ нѣкоторыя подробности о пребываніи у него Урусова и о ихъ спорахъ. (Переписка съ А. А. Толстой №№ 92 и 93).—„21 февраля" выставлено Толстымъ, годъ же опредѣляется благодаря описанной случайности.

меня истинно любите и вы вѣрно не знаете, какъ я дорожу этимъ. О религіозныхъ сомнѣніяхъ не буду теперь писать вамъ, въ особенности потому, что они теперь не такъ сильны, какъ обыкновенно, и что этому много содѣйствовало и ваше пребываніе у насъ и въ особенности ваше письмо: то, что вы не хотите опровергать и доказывать. Вы не повѣрите, какъ это сильно на насъ дѣйствуетъ. Вы, счастливые люди, вѣрующіе, обладаете душевной высотой, спокойствіемъ, огромной силой ума, и вы говорите, что имѣете это благо, но передать его не можете, но только желаете его намъ. Я не вѣрю въ молитву и не могу молиться, но если правда то, чему вы вѣрите, то вы можете молиться, и ваша молитва можетъ быть услышана; и потому помолитесь о томъ, чтобы Богъ далъ мнѣ опору вѣры. На-дняхъ былъ у меня Бобринскій, Алекс. Павл. Онъ очень замѣчательный человѣкъ и, какъ нарочно, разговоръ зашелъ о религіи. Онъ горячій вѣрующій и его слова послѣ васъ имѣли на меня то же вліяніе, чувство зависти къ той высотѣ и спокойствію, кот[орыми] вы обладаете. Сережа былъ въ восторгѣ отъ вашихъ книгъ и изучаетъ ихъ. Онъ и Кеу пишутъ вамъ благодарственныя письма. Кеу въ восхищеніи отъ васъ и я за это его еще болѣе полюбилъ.

Книги тѣ, о кот[орыхъ] вы говорите, и еще нѣкоторыя (такъ какъ вы читаете ихъ) посылаю съ слѣдующей почтой—не успѣлъ еще ихъ отобрать. Передайте мой поклонъ княгинѣ и благодарность за то, что она такъ добра къ намъ. Портреты дѣвочекъ жена на-дняхъ вышлетъ.

Всей душой любящій васъ

Л. Толстой.

№ 9. (1878).

Пожалуйста, не сердитесь на меня, дорогой другъ, за то, что долго не отвѣчалъ на ваши славныя письма. Весна и весеннее лѣнивое расположеніе духа виноваты; и то, что хотѣлось толкомъ отвѣтить на письмо о Цингерѣ.

Учитель нашъ намъ съ Сережей растолковалъ задачи Цингера. Мы все поняли, хотя и трудно было. Спора вашего (если есть споръ) не берусь рѣшать. Сережѣ нужно было сообщить двѣ новыя теоремы или леммы (или не знаю какъ назвать) о центрахъ подобія и о томъ, что продолженныя хорды двухъ круговъ сходятся въ одной точкѣ, но теоремы или леммы эти легки и понятны; такъ что (это) рѣшеніе задачи и элементарно,

по опредѣленію Цингера, и не элементарно по вашему. Также я и написалъ Цингеру. Письмо и книги ваши съ этой почтой пошлю Цингеру. Адресъ его—университетъ [1]).

№ 10. (1878 г. Тула 30 мая).

Съ посылкой произошла какая-нибудь путаница у Цингера; но не ручаюсь, чтобы и у меня не было ошибки, хотя и помнится, что я просмотрѣлъ надпись на посылкѣ къ Цингеру. Я съ этой же почтой пишу объ этомъ Цингеру. Въ первомъ письмѣ я, кажется, не написалъ ему, что посылаю ваши сочиненія, но это видно было изъ вашего письма.

У насъ не совсѣмъ здоровъ маленькой и мы въ большомъ безпокойствѣ. А кромѣ того полонъ домъ гостей. Не люблю я лѣта и гостей. Большая часть лѣта проходитъ какъ сонъ—непріятный и безпокойный; и съ годами я все больше и больше тягочусь этимъ. Завидую вашему уединенію. Обнимаю васъ отъ души.

Вашъ Л. Толстой.

Очень радуюсь тому хорошему чувству ко мнѣ, которое видно въ вашихъ письмахъ: дай Богъ, чтобы оно не измѣнилось.

Очень благодаренъ княгинѣ и еще больше люблю и уважаю ее за совѣтъ питать меня только молокомъ, какъ младенца. Я только одного этого питанія и желаю и прошу Бога, чтобы самому никогда не увлекаться въ споры и разсужденія о вѣрѣ. И жалѣю, что я спорилъ съ Перфильевымъ. Въ извиненіе можетъ служить только то, что заблужденіе Перфильева, въ

---

[1]) Это и слѣдующее письмо говорятъ о какихъ-то математическихъ сочиненіяхъ Урусова, которыя онъ черезъ Л. Н. посылалъ профессору математики В. Я. Цингеру. Учитель, который толковалъ Толстому и его сыну задачи Цингера, это—В. И. Алексѣевъ, математикъ, принадлежавшій къ радикаламъ по политическимъ взглядамъ, но вызывавшій въ Л. Н. симпатію и уваженіе. Онъ жилъ долго въ семьѣ Толстого и потомъ хозяйствовалъ на арендованномъ у нихъ участкѣ въ Самарской губ. въ 1883 г. Толстой въ самомъ началѣ 1878 г. писалъ о немъ Н. Страхову: „У меня живетъ учителемъ математики кандидатъ Петербургскаго Университета, проживщій два года въ Канзасѣ, въ Америкѣ, въ русскихъ колоніяхъ коммунистовъ. Благодаря ему, я познакомился съ тремя лучшими представителями крайнихъ соціалистовъ“. Однимъ изъ нихъ былъ извѣстный А. К. Маликовъ. Несомнѣнно, упоминаніе въ концѣ письма о „нигилистѣ“ имѣетъ въ виду тоже В. И. Алексѣева, какъ и ниже въ письмѣ 11-мъ подъ „сыномъ дьявола“ надо разумѣть его же.

которомъ я такъ недавно былъ, для меня слишкомъ ясно; и, любя его, мнѣ всегда досадно видѣть, что онъ точно нарочно лишаетъ себя лучшаго счастья въ жизни. Но надо питаться и питать всѣхъ молочкомъ, т. е. любовью, снисхожденіемъ и смиреніемъ, отреченіемъ отъ гордости своего ума. А этого я еще не умѣю дѣлать. Я говорю «еще», потому что этого всего больше желаю.

Отъѣздъ нашъ въ Самару все еще не совсѣмъ рѣшенъ, но кажется, что мы поѣдемъ въ началѣ іюня. Адресъ нашъ будетъ въ Самару, но я тогда напишу вамъ.

Какъ отлично, что вы сказали, что пріѣдете къ намъ! Это надѣюсь и прошу васъ исполнить осенью, если Богъ дастъ вернуться изъ Самары. У насъ всѣ здоровы, жена кланяется вамъ и княгинѣ. Насчетъ нигилиста, такъ называемаго, я не могу согласиться, потому что я мало знаю людей болѣе не только хорошихъ, но добрыхъ и религіозныхъ по чувству, какъ онъ. Я увѣренъ, что если бы вы и княгиня видѣли его и знали, то вы то же бы сказали.

Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ Л. Толстой.

№ 11. (Конецъ декабря 1879 г.). [1]).

Очень радъ былъ получить отъ васъ письмо, дорогой кумъ; несмотря на то, что оно, хотя и все доброе, пересыпано сердцемъ, какъ перцемъ.

Вы бы умилились, если бы видѣли того, кого называете сыномъ дьявола. Если бы побольше было такихъ людей и такихъ вѣрующихъ, то хорошо бы было жить. Выше христіанскаго ученія онъ ничего не признаетъ и исполняетъ его въ смыслѣ нелюбостяжанія, воздержанія похотей, кротости любви, неосужденія, смиренія, служенія другимъ, такъ, какъ я бы желалъ когда-нибудь исполнять. Но онъ не признаетъ . . . . хотя и не отрицаетъ этого и не любитъ говорить про это. Что, онъ сынъ дьявола или нѣтъ?

У Троицы я былъ съ дочерью, племянницей Оболенской и вдовой племянника Николиньки—сына сестры [2]). Помните его?

---

1) Урусовскую дату „1878 г." мѣняемъ на „1879 г., конецъ декабря" на основаніи извѣстія о рожденіи „20-го числа седьмого сына": это—Михаилъ, родившійся 20-го декабря 1879 г.

2) Толстой ѣздилъ къ Троицѣ съ дочерью Татьяной Львовной, съ Елизаветой Валерьяновной Оболенской, дочерью Маріи Николаевны Толстой, и съ вдовой сына послѣдней, Николая Валеріановича Толстого.

Онъ женился и черезъ 6 мѣсяцевъ заболѣлъ тифомъ и умеръ. Если бы я былъ не съ ними, я бы былъ у васъ.—Я спрашивалъ про васъ и зналъ, что вы и княгиня живы и здоровы. Леонидъ мнѣ очень, очень полюбился [1]). Если приведетъ Богъ быть свободнымъ, буду у васъ, чего очень хочу. Я не помню, что я вамъ писалъ о пріѣздѣ къ намъ. Вѣрно, что-нибудь глупо. Пожалуйста простите и не сердитесь и, главное, не наказывайте, а пріѣзжайте, какъ и когда вздумаете, и когда вамъ можно, и когда почувствуете, что вы въ любовномъ расположеніи. Меня же, увѣренъ, что вы найдете въ любовномъ къ вамъ расположеніи.

У насъ всѣ растутъ и слава Богу здоровы. Жена родила, 20-го, сына. Это седьмой. Она и ребенокъ здоровы—кланяется вамъ и княгинѣ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 12. (апрѣль, 1889 г.) [2]).

Исполняя обѣщаніе, пишу вамъ, милый другъ, хотя Соня, вѣроятно, все написала. Нынче отдалъ письмо Ал. Аф. черезъ человѣка, но самъ не вошелъ. Увидалъ очень много верхнихъ одеждъ гостей и убоялся. У насъ хорошо, но такъ хорошо, духовно хорошо, какъ бывало у васъ, уже не будетъ. Рѣдко проводилъ такъ хорошо время спокойно, серьезно, любовно, какъ то, что провелъ у васъ, и очень васъ благодарю. Радостно тоже, что мы сблизились опять и тѣснѣе, по-моему, чѣмъ прежде. Надѣюсь, что ужъ до гроба. Многое я понялъ, чего не понималъ изъ вашихъ мыслей, главное же, понялъ то стремленіе къ добру, къ Богу, которымъ вы живете, и это-то больше всего влечетъ меня къ вамъ.

Нѣтъ ли порученій, пожалуйста давайте. Книжку пришлетъ Таня, какъ только почта откроется. Надѣюсь, что вы не поѣдете

---

1) Здѣсь рѣчь о намѣстникѣ Сергіевской Лавры, Леонидѣ (Кавелинѣ).

2) Это и слѣдующее письмо безъ всякихъ указаній на время. Мы относимъ оба къ апрѣлю 1889 г. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля этого года Л. Н. гостилъ у С. С. Урусова въ Спасскомъ подъ Троицей (см. Письма къ С. А. Т—ой, №№ 331—335) и описывалъ С. А самого князя и тихую и спокойную жизнь, какую ведетъ онъ въ деревнѣ съ старымъ слугой, „богобоязненнымъ, и такимъ же, какъ онъ, барственнымъ Герасимомъ и его сестрой“. Этому „Герасиму Павлычу съ сестрой“ и шлетъ тутъ поклонъ Толстой.

въ Ярославль, а будете продолжать ту хорошую жизнь, к[оторую] ведете въ своемъ уединеніи. Помогай вамъ Богъ. Передайте мой поклонъ Герасиму Павлычу и его сестрѣ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 13. Тогда же.

Получилъ ваше письмо, милый другъ, и очень пожалѣлъ о томъ, что пришлось его получить, а не быть у васъ.

Съ одной стороны окончаніе своей книги, к[оторая] кончена и въ понедѣльникъ поступитъ въ цензуру, съ другой—нездоровье мое – животъ болитъ послѣдніе дни, пока помѣшали мнѣ.

У насъ всѣ здоровы и благополучны. Что ваша книга? [1]) и какъ вы отбыли свою повинность?

Всѣ вамъ шлютъ привѣтъ.

Любящій васъ Л. Толстой.

№ 14. Открытое письмо.

Почтов. штемпель: Москва 15 апр. 1889.
Троицо-Сергіевской Посадъ. Село Спаское.

Князю Сергію Семеновичу Урусову.

Третьяго дня писалъ вамъ. Очень благодарю за присылку, хотя не стоило 7 марокъ. Петра вполнѣ рекомендую. Хорошаго семейства, ловкій, умный и непьющій малый.

Л. Т.

---

[1]) Вопросъ уясняется изъ писемъ Л. Н. Софьѣ Андреевнѣ отъ Урусова. „Встаетъ онъ въ 4 часа и пьетъ чай и пишетъ какое-то, непонятное мнѣ, математическое сочиненіе". Ниже: „Слушалъ сочиненіе Урусова: какъ и всѣ его сочиненія—есть новыя мысли, но недоказанно, странно. Но онъ трогателенъ". Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ: „Боюсь, что всѣ вычисленія эти не нужны. У него есть эта неясность мысли, самообманыванье, при которомъ ему кажется, что онъ рѣшилъ то, что ему хочется рѣшить".

№ 15 Открытое письмо.

Почтовый вагонъ 1 мая 1889 г.
Троицо-Сергіевской Посадъ.

Е. С. Князю Сергію Семеновичу Урусову.

Спасибо, что не забываете меня и напоминаете своими письмами то чудесное время, к[оторое] провелъ у васъ. О Петрѣ С. [1]) написала. Я живу здѣсь и съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ отъ васъ, не подвинулся ни на шагъ. Видно, такъ надо. Здѣсь всегда суета и грѣхъ, у васъ всегда тишина и благодать. Помогай вамъ Богъ спокойно работать и жить, никуда не уѣзжая пока. Тѣ, к[оторые] васъ любятъ, сами къ вамъ пріѣдутъ, изъ к[оторыхъ] первый я. Тутъ б[ыли] свадьбы Шидловской за Мещерин[ова] и Львовой за А. Бобринскаго и пріѣзжали для этого Сер[гѣй] изъ Пет[ербурга] и Илья изъ дер. Теперь разъѣзжаются. Часть насъ уѣзжаетъ 5-го.

Л. Т.

Простите, что пишу на карточкѣ.—Поклонъ Гер[асиму] и его сестрѣ.

---

[1]) С.—т. е. гр. Софья Андреевна. Петръ—рекомендованный Толстыми дворникъ.

ЗАМѢТКИ О ТОЛСТОМЪ.

I.

Иллюзіи и страхи.

1.

Въ 1870—1871 г.г. въ творческой дѣятельности Л. Н. Толстого произошла заминка: онъ хворалъ и, кромѣ того, какъ можно думать, былъ переутомленъ долгой, напряженной работой надъ великой эпопеей «Войны и Мира», оконченной въ 1869 г. Объ этой-то заминкѣ и идетъ рѣчь въ письмахъ къ кн. С. С. Урусову, относящихся къ 1871-му году: «я хвораю почти всю зиму... и ничего не пишу...»,—«мое здоровье все скверно... ничего не дѣлаю...»

Надо оговорить, однако, что у Л. Н. Толстого понятіе «ничего не дѣлать» далеко не совпадало съ общепринятымъ; несмотря на болѣзнь, переутомленіе и упадокъ духа, онъ «страстно» занятъ изученіемъ греческаго языка,—въ три недѣли онъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ этомъ, далеко не изъ легкихъ, дѣлѣ, что могъ читать Ксенофонта «почти безъ лексикона», а черезъ мѣсяцъ надѣялся справиться съ Гомеромъ и Платономъ...

Съ этой оговоркой, все-таки приходится признать, что въ данное время Толстой находился въ невыносимомъ для него состояніи бездѣятельности и апатіи. Онъ пишетъ кн. Урусову: «... никогда въ жизни не испытывалъ такой тоски. Жить не хочется... Ничего не дѣлаю, кромѣ греческаго чтенія, и ничего не хочется дѣлать...»—И далѣе: «Вы пишете о законѣ смертности царей. Мнѣ это очень интересно. Для царей законъ этотъ долженъ быть очевиднѣе всѣхъ прочихъ людей, хотя и для нихъ должно быть это дѣло завѣшено, такъ что можно догадываться, а знать нельзя. Если это все бы было извѣстно, для Бога не

было бы ничего интереснаго смотрѣть на нашу комедію. Да и мы перестали бы играть такъ серьезно свои роли...»

Здѣсь уже слышатся ноты того безотраднаго пессимистическаго настроенія, которое позже (въ 1876 г.) пріиметъ размѣры настоящей душевной бури, доведетъ Толстого до отчаянія, до помысловъ о самоубійствѣ и окончится религіознымъ и моральнымъ кризисомъ, столь ярко изображеннымъ въ «Исповѣди» (1879 г.).

Передъ нами здѣсь (въ 1871 г.)—только предварительные и преходящіе симптомы будущей душевной драмы, возникновенію которыхъ благопріятствовали болѣзнь, утомленіе и та относительная (въ спеціальномъ, толстовскомъ, смыслѣ) «бездѣятельность», которая явилась естественнымъ результатомъ того обстоятельства, что одинъ гигантскій творческій трудъ («Война и Миръ») былъ уже оконченъ, а другой колоссальный творческій трудъ («Анна Каренина») еще не былъ начатъ.

Къ этому послѣднему Толстой приступитъ только въ мартѣ 1873 года. Въ его распоряженіи, собственно для мрачныхъ настроеній, для тоски, для специфическаго «ничего-недѣланія», оставалось слишкомъ много времени, болѣе 2-хъ лѣтъ За это время онъ успѣетъ прочитать. и Гомера, и Платона, и многое другое, и, кромѣ того, составитъ извѣстную «Азбуку», да еще, со всѣмъ жаромъ и со всей энергіей, съ какими онъ всегда принимался за любое дѣло, пріймется за изученіе литературы и источниковъ, относящихся къ эпохѣ Петра Великаго,—въ чаяніи создать большое художественное произведеніе, о которомъ онъ писалъ Н. Н. Страхову: (12 дек. 1872 г.): «... Обложился книгами о Петрѣ I и его времени, читаю, отмѣчаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художника! На что ни взглянешь, все задача, загадка, разгадка которой только и возможна поэзіей. Весь узелъ русской жизни сидитъ тутъ. Мнѣ даже кажется, что ничего не выйдетъ изъ моихъ приготовленій. Слишкомъ ужъ долго я примѣриваюсь и слишкомъ волнуюсь. Я огорчусь, если ничего не выйдетъ...» (П. Бирюковъ, «Л. Н. Толстой», біографія, т. II, стр. 199). — О томъ же упоминаетъ и Софья Андреевна въ письмѣ къ брату: «Левочка все читаетъ историческія книги изъ временъ Петра Великаго и очень интересуется... Самъ не знаетъ, что будетъ изъ его работы, но мнѣ кажется, что онъ напишетъ опять подобную «Войнѣ и Миру» поэму въ прозѣ, но изъ временъ Петра Великаго...» (П. Бирюковъ, тамъ-же).

Работа сильно захватила Толстого и затянулась до лѣта

1873, когда онъ отказался отъ этой темы и принялся за романъ «Анна Каренина», начатый еще въ мартѣ (того же года). Любопытно, что въ томъ же мѣсяцѣ Софья Андреевна писала (сестрѣ): «... А всѣ лица изъ временъ Петра Великаго у него готовы, одѣты, наряжены, посажены на своихъ мѣстахъ, но еще не дышатъ. Я это ему вчера сказала, и онъ согласился, что правда. Можетъ быть, и они задвигаются и начнутъ жить, но еще не теперь» (Бирюковъ, т. II, 200). — Очевидно, пока эти «лица изъ временъ Петра В.» создавались въ головѣ художника, одновременно тамъ же возникали и образы изъ романа «Анна Каренина», -Вронскій, Каренинъ, Облонскій, Анна, Кити, Левинъ и т. д. И выходитъ, что совершалась двойная художественная работа, — развертывались и сталкивались два процесса творчества. Изъ нихъ, по необходимости, долженъ былъ взять верхъ одинъ, именно тотъ, который въ данное время больше приходился по душѣ художнику и, по темѣ, сюжету, идеѣ, отвѣчалъ не только его художнической любознательности, но и глубокимъ, интимнымъ запросамъ его души. Таковъ и былъ романъ «Анна Каренина», эта, въ своемъ родѣ, художественная «исповѣдь» Толстого, предшествовавшая его религіозной и моральной «Исповѣди» 1879 года.

Но куда дѣвались апатія, бездѣятельность, пессимистическія настроенія?

Въ тѣ же годы Толстой работалъ надъ «Азбукой», и вотъ чтó писалъ онъ объ этомъ своей тетушкѣ, А. А. Толстой (апрѣль 1872 г.): «Работы все больше и больше впереди. Если бы мнѣ 20 лѣтъ тому назадъ сказали: придумай себѣ работу на 23 года, я бы всѣ силы ума употребилъ и не придумалъ бы работы на три года. А теперь скажите мнѣ, что я буду жить въ 10 лицахъ по 100 лѣтъ, и мы всѣ не успѣемъ всего передѣлать, *что необходимо*. Азбука моя печатается съ одного конца, а съ другого все пишется и прибавляется. Эта азбука одна можетъ дать работы на 100 лѣтъ. Для нея нужно знаніе греческой, индійской, арабской литературъ, нужны всѣ естественныя науки, астрономія, физика, и работа надъ языкомъ ужасная. Надо, чтобъ все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно...» («Толстовскій Музей», т. I, Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой, стр. 233). Въ другомъ письмѣ (12 янв. 1872 г.) онъ говоритъ слѣдующее: «Гордыя мечты мои объ этой азбукѣ вотъ какія: по этой азбукѣ только будутъ учиться два поколѣнія русскихъ *всѣхъ* дѣтей отъ царскихъ до мужицкихъ и первыя впечатлѣнія поэтическія получатъ изъ нея, и что, написавъ

эту Азбуку, мнѣ можно будетъ спокойно умереть» (тамъ же, стр. 230).

Итакъ, «бездѣятельность» очень скоро исчезла. Отъ нея осталось только знаніе греческаго языка. Тоска, апатія, мрачныя мысли растворились въ работѣ надъ «Азбукой», надъ эпохой Петра В., надъ романомъ «Анна Каренина» и сошли на нѣтъ. Очевидно, огромный запасъ живыхъ душевныхъ силъ и творческой энергіи прорвался мощнымъ потокомъ и затопилъ все, что̀ ему такъ или иначе противорѣчило, что̀ было, или скажемъ лучше, казалось отрицаніемъ жизни, работы, дѣятельности, творчества. Зловѣщіе призраки скрылись,—и можно было думать, что это было «просто» случайное, временное настроеніе, ничего не предвѣщающее, не имѣющее никакого значенія...

Но черезъ нѣсколько лѣтъ (въ 1876 г.) они вновь возникнутъ и притомъ—съ удвоенной силой. И тогда выяснится ихъ смыслъ, ихъ назначеніе...

2.

Въ 1876 г. Толстой писалъ тому же С. С. Урусову:

«Вы счастливые люди, вѣрующіе, обладаете душевной высотой, спокойствіемъ, огромной силой ума, и вы говорите, что имѣете это благо, но передать его не можете, но только желаете его намъ. Я не вѣрю въ молитву и не могу молиться, но если правда то, чему вы вѣрите, то вы можете молиться, и ваша молитва можетъ быть услышана, и потому помолитесь о томъ, чтобы Богъ далъ мнѣ опору вѣры...»

Изъ «Исповѣди» (а также изъ эпилога «Анны Карениной») мы знаемъ, какія сомнѣнія и исканія нарушили покой души Толстого, прервали его художественную работу и направили его на путь религіознаго и моральнаго творчества. Мы знаемъ также, что этотъ процессъ осложнился временнымъ упадкомъ духа, глубокимъ разочарованіемъ, настоящимъ taedium vitae. Это болѣзненное состояніе представлено въ слѣдующихъ словахъ одного изъ писемъ Толстого къ Н. Н. Страхову (13 ноября 1876 г.) «Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныніе. Отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбой, не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы...» (Бирюковъ, II, 302).—Въ одномъ письмѣ (того же года) къ гр. А. А. Тол-

стой, онъ говоритъ, что «не видитъ никакой возможности жить безъ вѣры и еще меньше возможности умереть», и что онъ, «строитъ себѣ понемножку свои вѣрованія». («Толстовскій музей», I, стр. 270).

Выраженія: «сплю духовно», «нѣтъ энергіи даже думать» «строю понемножку» надо опять-таки понимать не въ обычномъ смыслѣ, а въ особомъ, спеціально-толстовскомъ. Прошло около трехъ лѣтъ, и новая вѣра Толстого какъ-ни-какъ «состроилась», что видно уже изъ «Исповѣди» (1879 г.). А въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ были закончены такіе труды, какъ «Критика догматическаго богословія», «Краткое изложеніе Евангелія», «Въ чемъ моя вѣра». Какъ извѣстно, эти работы были основаны на изученіи греческаго текста Евангелія, изслѣдованій критиковъ и комментаторовъ текстовъ Св. Писанія (Тишендорфъ и др.), на знакомствѣ съ обширной богословской литературой, на изученіи религіозныхъ системъ Индіи и Китая, на непрерывномъ чтеніи различныхъ книгъ по исторіи религій, по философіи, этикѣ и т. д.—За время своего «духовнаго сна» онъ перечиталъ, между прочимъ, Штрауса, Ренана, Макса Мюллера и др.,—«понемножку» проглотилъ чуть не цѣлую библіотеку и, не имѣя «энергіи даже думать», передумалъ массу головоломныхъ вопросовъ религіознаго и моральнаго сознанія. Можно не соглашаться съ результатами этой работы, можно отрицать ея правильность, убѣдительность выводовъ, но нельзя отвергать одного: работа была колоссальна. «Строить свои вѣрованія понемножку», значило—ворочать огромными глыбами матеріала, перестраивать тысячелѣтнія сооруженія, воздвигать циклопическую постройку, египетскія пирамиды, вавилонскую башню...

Въ замѣткахъ Софьи Андреевны читаемъ:

«...Левочка же теперь совсѣмъ ушелъ въ свое писаніе. У него остановившіеся странные глаза, онъ почти ничего не разговариваетъ, совсѣмъ сталъ не отъ міра сего и о житейскихъ дѣлахъ рѣшительно неспособенъ думать...» (8 ноября 1878 г.).

«...Левочка читаетъ, читаетъ, читаетъ... пишетъ очень мало, но иногда говоритъ: теперь уясняется, или: Ахъ, если Богъ дастъ, то то, что я напишу, будетъ очень важно!» (5 марта 1879 г.) [1]).

Человѣку съ такимъ, можно сказать, неисчерпаемымъ запасомъ творческой энергіи всякая остановка работы казалась невыносимой: его душила накопленная психическая сила, вре-

1) Бирюковъ, II, 331.

менно не находившая исхода и примѣненія. Ему психологически было необходимо работать безостановочно, творить безъ перерыва; закончивъ одно дѣло, возможно скорѣе браться за другое. У него совсѣмъ не было влеченія къ отдыху или къ безцѣльному, ради собственнаго удовольствія, занятію тѣмъ или другимъ предметомъ, соотвѣтствующимъ его вкусамъ и дарованіямъ. Вообще Л. Н. Толстому недоставало многаго, какъ-то: способности опочить на лаврахъ, жить—какъ всѣ живутъ, думать—какъ всѣ думаютъ, остановиться на пути исканій, опуститься, повернуть назадъ, застыть въ самодовольствіи, махнуть рукой на все...

Еще можно отмѣтить отсутствіе у Толстого артистическаго дилеттантизма, свойственнаго многимъ художникамъ, въ томъ числѣ и великимъ. Припоминаю мѣткое слово покойнаго А. А. Потебни: «Тургеневъ—бѣлоручка, у него нѣтъ того, что такъ бросается въ глаза у Толстого,—готовности и умѣнія во всякое время, когда нужно, засучить рукава и приняться за черную работу».

Припадки острой тоски и апатіи быстро проходили, смѣняясь затяжной лихорадочной работой. Но и въ кратковременные періоды припадковъ умъ и чувство Толстого не оставались праздными: онъ бился надъ рѣшеніемъ извѣстныхъ вопросовъ—изъ числа роковыхъ и «проклятыхъ», онъ переживалъ мучительныя чувства, онъ боролся съ сомнѣніями, искушеніями, разочарованіями, искалъ выхода изъ противорѣчій, скорбѣлъ и плакалъ...

И въ эти истинно-трагическіе моменты, какъ фантомъ, возникало передъ нимъ то, чего онъ больше всего боялся, къ чему питалъ органическое отвращеніе: это была иллюзія возможности вдругъ охладѣть, остыть и успокоиться,—фантомъ блаженнаго равнодушія къ добру и злу человѣческому, призракъ въ своемъ родѣ «эстетическаго» индифферентизма и скептицизма по отношенію къ великимъ проблемамъ религіи, морали, жизни, къ основнымъ и вѣчнымъ міровымъ вопросамъ...

Въ промежуткахъ между огромными творческими предпріятіями, когда кончалось одно, а другое еще не могло начаться, великій геніальный работникъ испытывалъ приступы страха передъ иллюзіей будто-бы угрожающаго ему *квіетизма духа*. И тогда-то особливо зловѣщими казались ему обольщенія *музыки*, чарамъ которой онъ былъ въ высокой степени подверженъ. Она представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ пѣнія Сирены, спо-

собнаго одурманить душу, заворожить умъ, околдовать нравственное чувство, усыпить совѣсть...

Онъ страстно любилъ музыку, глубоко чувствовалъ ее, но онъ боялся ея магической силы, которая казалась ему враждебною той, присущей ему, силѣ духа, на которой было основано его творчество и его призваніе...

Д. Овсянико-Куликовскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

1.

Дома.

Окончивъ путь, лежу на солнцепекѣ
Въ степи, на грани вспаханныхъ полосъ,
Цѣлуетъ вѣтеръ грудь мою и щеки,
И пальцы рукъ, и влажный шелкъ волосъ.
    Мнѣ хорошо; пронизанъ свѣтомъ весь я,
    И милы мнѣ степные ковыли;
    Здѣсь гамма чувствъ приходитъ въ равновѣсье
    Отъ лѣности, отъ запаховъ земли.
Вотъ слышу звукъ тоскующій и робкій.
Вздохнулъ и смолкъ—и снова даль мертва;
Бѣгутъ къ лугамъ лазоревыя тропки,
Шумитъ подъ вѣтромъ жесткая трава.
    Припомнилъ сонъ изъ юности незрѣлой,
    Припомнилъ вдругъ—и тутъ же позабылъ...
    Прости пора любви осиротѣлой!—
    Я въ памяти тебя не сохранилъ.
Любилъ «ее», теперь люблю иное:
Вотъ эти пашни, холмики и пни,
Въ лугахъ цвѣты, поникшіе—отъ зноя,
И ночью въ полѣ рѣдкіе огни.
    Здѣсь хорошо: ни весело, ни грустно—
    И будетъ—знаю—будетъ такъ всегда;
    Пусть городъ вновь зоветъ меня стоустно—
    Я не вернусь, я не вернусь туда.

II.

Разгорается яркій костеръ на бугрѣ,
На высокомъ бугрѣ, въ обезлюдившемъ полѣ.
Кто-то пѣсню поетъ «о загубленной долѣ»
За рѣкой, въ одинокомъ шатрѣ.

Въ небѣ звѣзды и мѣсяца сумрачный ликъ;
Пахнетъ сѣномъ и сладкою мятой,
А изъ темныхъ лощинъ, изъ травы непримятой—
Коростельный плыветъ перекликъ...

Тихо полемъ иду по вечерней зарѣ,
По широкой межѣ, какъ по ровной аллеѣ.
Разгораясь, горитъ все сильнѣй и сильнѣе
Искрометный костеръ на бугрѣ.

Я. Тисленко.

ПОСЛѢДНІЕ.

I.

Двадцати семи лѣтъ Василекъ Разумовскій числился еще студентомъ. Богатый, здоровый, крѣпко любимый матерью, онъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: игралъ на бѣгахъ, занимался фотографіей, мѣнялъ и покупалъ автомобили, которыми великолѣпно управлялъ. Въ ресторанахъ и кафешантанахъ съ товарищами Василекъ былъ скуповатъ, почти не тратился на женщинъ и мало пилъ, но денегъ уходило все-таки много.

Въ этомъ году Василекъ твердо рѣшилъ выдержать государственные экзамены и потому уѣхалъ въ Журавлевку, къ матери, въ самомъ концѣ февраля. Для скорости онъ выбралъ кисловодскій курьерскій поѣздъ, отходившій изъ Петербурга на югъ утромъ. И въ купэ, и въ вагонѣ-ресторанѣ было скучно. Назойливо бѣжали мимо оконъ мокрые стволы деревьевъ, плыли мутныя капли по зеркальнымъ стекламъ и желтыми клочьями летѣлъ дымъ...

Въ этотъ день вся жизнь рисовалась Васильку ненужной ѣздой, безъ всякой цѣли, къ станціи, которая называется—смерть. И думалось ему, что на этомъ свѣтѣ все равно—быть злымъ или добрымъ, умнымъ или глупымъ... Только бѣднымъ не хотѣлось сдѣлаться и казалось, что тогда непремѣнно пришлось бы застрѣлиться.

Василекъ любилъ мать инстинктивнымъ нѣжнымъ чувствомъ, къ этому чувству примѣшивалась еще огромная благодарность за всѣ тѣ хлопоты и заботы, какія выпали на ея долю и продолжались и сейчасъ.

Надежда Петровна боялась одного—какъ бы Василекъ не устроилъ mésaillance'а и не женился на какой-нибудь кафешантанной дѣвицѣ. Мать чуяла, что настоящая любовь еще ни разу не взволновала сердца сына. Она мечтала вывести его въ

уѣздные предводители и женить на дочери сосѣда по имѣнію— Варѣ Хотинской.

Хотинскимъ принадлежало одно изъ тѣхъ жалованныхъ Екатериной II имѣній, которыя расхищались и проматывались уже четырьмя поколѣніями и теперь были давно заложены, но при ликвидаціи ихъ все-таки могло остаться чистыхъ денегъ не менѣе полумилліона рублей.

Надежда Петровна Разумовская была очень религіозная, но молиться умѣла только за сына. Часто, положивъ глубокій поклонъ, она долго не подымалась съ пола и шептала:

«Царица небесная! сотвори милость надъ рабомъ Твоимъ Василіемъ... Дай ему въ жены чистую, умную и добрую Варю и пошли имъ долгую жизнь и хорошихъ дѣтей, мнѣ на утѣшеніе, и пусть живутъ они не такъ, какъ живутъ теперь всѣ люди...»

Отъ умиленія слезами заволакивались ея глаза, и она не знала, какія еще шептать слова, чтобы молитва вышла искреннѣй и навѣрное была услышана.

Вставала, крестилась, нѣсколько минутъ стояла передъ кіотомъ молча, съ поникшей, вздрагивавшей головой, затѣмъ снова опускалась на колѣни и говорила мысленно:

— Господи, Ты справедливо наказалъ меня за грѣхи, которые знаешь... Изъ шести дѣтей Ты снова взялъ къ себѣ пять и оставилъ одного Василія... Ты, безконечно справедливый, пошли мнѣ теперь хоть въ немъ утѣшеніе...

Она опять крестилась и тихо трясла головой.

Надеждѣ Петровнѣ было пятьдесятъ семь лѣтъ, но она казалась старше. Вышла замужъ на восемнадцатомъ году—прямо изъ института, и долго думала, что счастлива съ богатымъ и на рѣдкость красивымъ отставнымъ корнетомъ гвардіи Разумовскимъ, который и послѣ паденія крѣпостного права имѣлъ свой оркестръ и псовую охоту. Онъ бралъ только такихъ управляющихъ, которые позволяли ему говорить себѣ «ты», и однажды за сто рублей уговорилъ пьяницу-мужика подвергнуться поркѣ на конюшнѣ,—непремѣнно на конюшнѣ, какъ было при покойномъ папашѣ.

Когда у Надежды Петровны родился уже пятый ребенокъ, она узнала, что у нея есть двѣ соперницы: одна горничная Даша, другая дочь одного изъ арендаторовъ. Съ ней сдѣлалась нервная горячка. Во время бреда Разумовскій понялъ, что женѣ все извѣстно.

Поправлялась очень медленно и возвратилась къ жизни

совсѣмъ другая и вся посѣдѣвшая, что очень шло къ ея тогда еще молодому лицу. И потомъ ни слова не сказала мужу, только уже никогда пылко не отвѣчала на его ласки. И все-таки черезъ годъ у нихъ родился Василекъ. Когда акушерка показала его матери—она отвернулась, и потребовала, чтобы для этого сына взяли кормилицу. Еще черезъ годъ дифтеритъ унесъ двухъ младшихъ сыновей и дочь, а жившій съ ними въ одной комнатѣ Василекъ уцѣлѣлъ.

Еще черезъ пять лѣтъ вся жизнь какъ будто наладилась по-хорошему. Надежда Петровна опять не сомнѣвалась, что мужъ не только вѣренъ, но и крѣпко любитъ ее. И Васю она уже могла цѣловать. Часто ѣздила въ церковь въ село Шпотовку и на могилки дѣтей. Говорила мало и къ гостямъ почти не выходила, въ эти годы она была похожа на осенній прекрасный цвѣтокъ, которому уже недолго осталось цвѣсти.

Разумовскій уговаривалъ ее проѣхаться за границу, но Надежда Петровна наотрѣзъ отказалась и осталась дома съ Василькомъ. Мужъ уѣхалъ съ двумя старшими сыновьями—Сережей и Колей въ Геную.

Угасавшую, не совсѣмъ обыкновенную красоту Надежды Петровны замѣтилъ уже тогда овдовѣвшій сосѣдъ, помѣщикъ Хотинскій, и сталъ пріѣзжать съ двумя дочерьми—пятилѣтней Варей и трехлѣтней Ксеніей, которыхъ воспитывала его сестра Соломонія Ѳедоровна,—грузная старая дѣва, безконечно добрая. Всѣ онѣ часто оставались ночевать; никто и ничего предосудительнаго въ этомъ не видѣлъ,—слишкомъ высоко стояла репутація барыни и самого Хотинскаго, съ которымъ Надежда Петровна всегда разговаривала по-французски...

Хотинскій часто повторялъ, что любилъ въ своей жизни только разъ, и только ее одну, и Надежда Петровна чувствовала, что это правда...

Въ тихія лунныя украинскія ночи и радостно и тяжело было имъ сидѣть вдвоемъ на густо увитой хмелемъ верандѣ, и не было силъ уйти другъ отъ друга.

Надежда Петровна пошла на компромиссъ со своей совѣстью... И сказала Хотинскому, что будетъ принадлежать ему, если это никогда больше не повторится... Убѣждала себя, что такой поступокъ не будетъ измѣной, а только справедливой местью за поруганное мужемъ чувство, но, когда шла на свиданіе, вся дрожала, какъ и въ тотъ вечеръ, когда ѣхала вѣнчаться съ Разумовскимъ.

И случилось.

И знали объ этомъ только они двое, да ночное звѣздное небо, да стѣны далекой бесѣдки...

И вѣроятно, какъ ожидалъ Хотинскій, не выдержала бы Надежда Петровна и не исполнила бы своего слова, но случилось то, что люди такъ любятъ называть словомъ «совпаденіе».

Въ Средиземномъ морѣ, на пароходѣ, шедшемъ прямымъ рейсомъ изъ Генуи въ Палермо, сдѣлался пожаръ. Изъ двухсотъ пассажировъ спаслось только пятьдесятъ шесть человѣкъ, ихъ имена были потомъ напечатаны въ газетахъ, но фамилія Разумовскихъ нигдѣ не упоминалась, не было ничего сказано и о дѣтяхъ.

И «случился» этотъ пожаръ какъ разъ въ ту ночь, когда Надежда Петровна перестала быть вѣрной женой. Долго не вѣрила она несчастью и много потратила рублей на дорого стоющія заграничныя телеграммы съ оплаченными отвѣтами. Не повѣрила и газетѣ, въ которой были уже напечатаны полностью имена погибшихъ мужа, Сережи и Коли. Повѣрила только оффиціальному сообщенію русскаго консула, которое привезли ей въ заказномъ письмѣ съ иностранными марками.

Надежда Петровна не заболѣла, но замучила весь причтъ сосѣдняго женскаго монастыря, требуя, чтобы каждый день служились панихиды, и щедро платила за нихъ.

Хотинскій прислалъ письмо: — молилъ о разрѣшеніи пріѣхать, но получилъ его обратно и безъ всякой приписки.

У Надежды Петровны остался одинъ Василекъ. Съ нимъ однимъ говорила она теперь. Когда отдала его въ гимназію, сама переѣхала въ Петербургъ и на четвертомъ десяткѣ учила вмѣстѣ съ сыномъ и латинскій языкъ. Лѣтомъ возвращались въ Журавлевку.

Мать крѣпко вѣрила, что счастьемъ Василька Богъ рано или поздно, покажетъ, что простилъ грѣхи ея и покойнаго мужа.

Хотинскаго Надежда Петровна увидѣла во второй разъ черезъ десять лѣтъ лежащимъ въ гробу. На похоронахъ разволновалась. И проснулось въ ея сердцѣ что-то особенно нѣжное къ пятнадцатилѣтней съ испуганными синими глазами Варѣ и тринадцатилѣтней Ксеничкѣ. Вмѣстѣ съ теткой, опекуншей Соломоніей Ѳедоровной, она увезла ихъ на цѣлую недѣлю къ себѣ въ Журавлевку погостить. Въ это время Васильку шелъ уже восемнадцатый годъ, и онъ съ грѣхомъ пополамъ перешелъ въ восьмой классъ.

Пріѣхалъ изъ Питера похудѣвшій, возмужавшій и крѣпко обрадовался деревнѣ, матери и свободѣ...

II.

Однообразный грохотъ поѣзда, къ вечеру, утомилъ Василька. Уже недалеко была Москва, и ему вдругъ захотѣлось остаться здѣсь на сутки, побывать кое у кого изъ знакомыхъ и поужинать въ «Яру».

Въ оконныхъ стеклахъ уже мелькали красные и бѣлые выпученные глаза семафоровъ и зеленые огни стрѣлокъ. Вагонъ потряхивало при переходѣ съ рельсъ на рельсы: глямъ-дагамъ, глямъ-дагамъ... глимъ... стучало подъ поломъ.

Слѣва вдругъ вспыхнули электрическіе фонари и поплыли выстроившіеся въ рядъ носильщики въ бѣлыхъ фартукахъ. Зашипѣли тормозы, бѣлые фартуки разбѣжались въ разныя стороны и показались въ корридорѣ вагона.

Василекъ хотѣлъ подозвать одного изъ нихъ, но въ эту минуту увидѣлъ знакомое, милое лицо Вари Хотинской.

— Вы какимъ образомъ?—несмѣло произнесла она и подала руку.

— Да вотъ домой собрался,—хочу серьезно заниматься... А вы?

— Я тоже домой изъ Москвы, хотя заниматься и не собираюсь... Ну, значитъ, до самой Журавлевки вмѣстѣ?

— Значитъ, — отвѣтилъ Василекъ и вдругъ позабылъ о своемъ намѣреніи остаться въ Москвѣ.

— Чемоданъ можно наверхъ, а корзинку и пледъ оставьте внизу,—сказала Варя носильщику, обернулась къ Васильку и добавила:—ужасно трудно достать плацкарту на этотъ поѣздъ. Въ дамскомъ купэ ни одного мѣста, придется уже до конца путешествія вмѣстѣ съ вами...

Васильку это было пріятно, потому что уже не грозила скука, но, съ другой стороны, предстояло провести ночь не раздѣваясь, чего онъ очень не любилъ...

Пока разговаривали, поѣздъ уже снова тронулся. Рѣшили перейти въ вагонъ-ресторанъ. Здѣсь спросили чаю.

Варя никогда не нравилась Васильку, какъ другія женщины, и возбуждала въ немъ только мягкое, почти родственное сочувствіе. Моложе его всего на два года, она показалась ему теперь почти старой дѣвой. И потому, что они видѣлись каждое лѣто, Василекъ былъ убѣжденъ, что знаетъ Варю и ея душу, какъ самого себя. Ему не всегда было понятно, почему и за что его

мать—Надежда Петровна—такого высокаго мнѣнія объ этой дѣвушкѣ.

Однажды онъ сказалъ:

— Знаете, мама, мнѣ кажется, что Варя Хотинская ни во что и ни въ кого не вѣритъ...

— Вѣритъ она еще покрѣпче насъ съ тобой, только не станетъ объ этомъ говорить, а вотъ Ксеничка и цѣлый постъ постится, и въ церковь пріѣзжаетъ раньше меня, а только плохая ея вѣра...

Теперь, въ вагонѣ, Василекъ вспомнилъ этотъ разговоръ и спросилъ Варю:

— Ну, а что подѣлываетъ ваша сестра?

— Ксенія?.. Да какъ вамъ сказать, хотя мы и жили вмѣстѣ, а я ее мало знаю, вѣрнѣе, не понимаю. Она еще на масляной уѣхала въ Шпотовку, да тамъ и осталась. Гимназіи не окончила и, какъ вы знаете, вѣроятно, поступила на драматическіе курсы, а теперь недовольна и ими манкируетъ. Осенью она увлекалась аэропланами и даже, кажется, собиралась летѣть. Требуетъ отъ опекунши, тети Соломоніи Өедоровны, свою часть: Ксеніи вѣдь уже двадцать два года... Кстати могу вамъ сообщить одну подробность: у нея на письменномъ столѣ всегда цѣлый рядъ фотографій разныхъ пѣвцовъ и писателей, и въ числѣ ихъ и ваше изображеніе, хотя вы и не пѣвецъ, и не писатель...

Для Василька это было пріятной новостью. Онъ мысленно представилъ себѣ Ксенію, ея серьезное и въ то же время лукавое личико, она и теперь казалась ему такой же двѣнадцатилѣтней дѣвочкой - шалуньей и лѣнтяйкой, какой онъ помнилъ ее нѣсколько лѣтъ назадъ.

«Если бы на ней жениться,—подумалъ Василекъ о Ксеніи,— то она, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ показалась бы невыносимой, капризной и неумной,—въ ней хороша только молодость».

Въ половинѣ двѣнадцатаго Василекъ и Варя снова вернулись въ купэ. Здѣсь она сказала, что выдержала государственные экзамены еще въ прошломъ году, но до сихъ поръ никому не сообщила объ этомъ.

— И зачѣмъ вамъ дипломъ?—полушутя, полусерьезно спросилъ онъ.

— А вамъ зачѣмъ?

Василекъ не сразу нашелся, что отвѣтить, закурилъ папиросу и все тѣмъ же тономъ произнесъ:

— Я къ нему не особенно стремлюсь и не стремился, а если теперь ѣду заниматься, то съ исключительной цѣлью пора-

довать маму, для которой полученіе университетскаго диплома представляется чѣмъ-то важнымъ... У нея вѣдь такъ мало радостей,—не стоитъ старуху огорчать... Когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, у насъ во дворѣ жилъ и работалъ еще бывшій нашъ крѣпостной, столяръ Павло́... Было ему тогда уже за восемьдесятъ, это однако не мѣшало Павлу вѣчно пьянствовать. Въ подпитіи онъ дѣлался очень откровеннымъ... Я иногда самъ покупалъ для него водку. И вотъ однажды въ саду, въ соломенной будкѣ для сторожей, Павло́, уже покончившій со второй полубутылкой, разсказалъ, что мой дѣдъ, Анатолій Разумовскій, велѣлъ до смерти засѣчь одну прозорливую и святую женщину Неонилу, за какое-то непріятное для дѣда предсказаніе. Затѣмъ Павло́, присутствовавшій при этой казни, добавилъ, что самъ слышалъ, какъ уже залитая кровью Неонила прокричала:

— Пропадете всѣ до третьяго поколѣнія, ни одному счастья не видать... Наглою смертью каждый погибнетъ...

Василекъ помолчалъ, бросилъ папиросу и добавилъ:

— Я это предсказаніе вспоминалъ два раза: въ первый, когда узналъ о смерти отца и братьевъ, какъ они погибли, мать разсказала мнѣ объ этомъ только черезъ нѣсколько лѣтъ. Во второй разъ я вспомнилъ о предсказаніи Неонилы, когда узналъ, что еще двое моихъ братьевъ и сестра умерли отъ дифтерита. Но мамѣ, конечно, не сказалъ о томъ, что слышалъ отъ Павла̀. Я плохо вѣрующій человѣкъ, но я очень суевѣренъ и убѣжденъ, что какая-то Неонила дѣйствительно произносила когда-то такія слова, и недаромъ... Что за всѣ тѣ жестокости, которыя творили наши дѣды, должно быть возмездіе. Вотъ то самое, о которомъ говорится въ священномъ писаніи: «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ»... И когда приходится задавать себѣ вопросъ, почему я лично, имѣя всѣ данныя устраивать свою жизнь какъ угодно,—не стремлюсь рѣшительно ни къ чему,—я отвѣчаю: потому что все равно ничего не достигну и рано умру, какъ говорила Неонила, «наглою смертью»...

Василекъ замолчалъ и встрѣтился взглядомъ съ внимательными синими и печальными глазами Вари. Ему показалось, что онъ въ первый разъ видитъ эти зрачки такими прекрасными и проникновенными.

Долго молчали.

Затѣмъ Василекъ спросилъ:

— А вы вѣрите въ судьбу, въ предсказанія и во всякія такія вещи?

Варя заставила себя улыбнуться.

— Не знаю, во всякомъ случаѣ не люблю объ этомъ говорить...

Василекъ вспомнилъ свой давнишній разговоръ съ матерью и подумалъ: «а вѣдь, пожалуй, она была права»...

Поѣздъ пришелъ въ Тулу. Василекъ и Варя одѣлись и вышли на платформу подышать свѣжимъ воздухомъ. Падалъ крупными хлопьями снѣгъ и казался особенно густымъ возлѣ электрическихъ шипящихъ фонарей,—точно лѣтомъ жуки и бабочки, скопившіеся возлѣ свѣта. Ноги скользили по деревянной платформѣ. Ударилъ второй звонокъ. Варя взошла на площадку вагона и сказала:

— Интересно знать, есть ли въ нашихъ мѣстахъ еще снѣгъ? Вѣдь завтра первое марта...

— Врядъ ли... Я думаю, что уже и трава кое-гдѣ зазеленѣла,—отвѣтилъ Василекъ и тоже вошелъ въ вагонъ.

Когда тронулись, онъ подумалъ, что спать въ присутствіи Вари все-таки будетъ плохо. Дѣвушка точно угадала его мысли и произнесла весело и просто:

— Знаете, что я вамъ посовѣтую, ложитесь-ка вы на верхнемъ мѣстѣ, закройтесь этимъ предохранительнымъ полотнищемъ и можете хоть совсѣмъ раздѣться,—это меня не стѣснитъ, и курить можете.

Василька ея слова тронули и хотя онъ не любилъ спать на «верхотурьѣ», но съ удовольствіемъ самъ поднялъ спинку плюшеваго дивана и легко на нее вспрыгнулъ.

Былъ уже второй часъ и обоихъ клонило ко сну. Василекъ снялъ ботинки, притушилъ электричество и съ удовольствіемъ положилъ голову на подушку.

И приснилось ему, что онъ уже въ своей Журавлевкѣ. Будто кругомъ жаркое лѣто и высокая рожь. Василекъ ѣдетъ по своей землѣ въ новомъ, ярко красномъ, блестящемъ автомобилѣ, а позади сидятъ Варя и Ксенія. Ксенія перешла къ нему и хочетъ взять руль. Скорость очень большая... Варя кричитъ:

— Пожалуйста, не такъ скоро, ради Бога, не такъ скоро...

А Васильку смѣшно, онъ еще разъ дернулъ рычагъ скорости, и автомобиль полетѣлъ такъ быстро, что стало трудно дышать. А Варя все кричитъ:

— Пожалуйста, не такъ скоро, ради Бога, не такъ скоро...

III.

Проснулись въ Бѣлгородѣ, недалеко отъ Харькова. Быстро привели себя въ порядокъ, затѣмъ пошли пить кофе въ вагонъ-ресторанъ. Василекъ почему-то не разсказалъ о томъ, что видѣлъ во снѣ. Снова вспомнили Ксенію.

— Не любитъ она меня, ужасъ какъ не любитъ...—произнесла Варя.

— Да за что же?

— А Богъ ее знаетъ. Я какъ-то ее спрашивала: что я тебѣ сдѣлала?

А она отвѣчаетъ: «Еще сдѣлаешь»...

— Странная она...

— Да, странная, а намъ нужно расплачиваться, да возвращаться въ свое купэ и собираться, вѣдь въ Харьковѣ пересадка на Полтаву, а первая остановка Харьковъ.

Въ курьерскомъ поѣздѣ осталось пробыть не больше десяти минутъ.

Кругомъ уже не было снѣга. Весело махали крыльями вѣтряныя мельницы, весело бѣжала вода по оврагамъ, бѣлѣли хатки, кое-гдѣ, по краямъ насыпи, уже пробилась молоденькая травка.

Василекъ глядѣлъ въ окно и думалъ: «А вѣдь родина—это не пустой звукъ, это почти то же, что и мать. И съ Варей говорится такъ легко потому, что она родилась и выросла въ своей Шпотовкѣ, въ пятнадцати верстахъ отъ Журавлевки».

И харьковскій вокзалъ показался роднымъ, и студенты въ облѣзшихъ тужуркахъ, неизвѣстно зачѣмъ бѣгавшіе отъ книжнаго шкафа къ буфету и обратно,—родными и милыми.

Василекъ и Варя послали депеши съ нарочными о высылкѣ лошадей.

— Въ «авто», я думаю, что еще нельзя,—грязновато,—сказалъ Василекъ и вспомнилъ свой сонъ.

Въ менѣе комфортабельномъ вагонѣ нескораго, длиннѣйшаго поѣзда чувствовалось уютнѣе. Несмотря на протесты кондуктора, Василекъ открылъ одно изъ оконъ и чуть не сломалъ раму. Пахнуло весной и новою жизнью. Ярко сіяло солнце въ лужицахъ, и только кое-гдѣ въ долинахъ виднѣлся ноздреватый, почернѣвшій снѣгъ. Голубыми казались еще безлистые тополи далекихъ дворянскихъ усадьбъ.

Поѣздъ шелъ медленно, а время проходило быстро; просто и весело разговаривалось съ Варей.

Въ Журавлевку пріѣхали въ три часа. Кучеръ Вари и кучеръ Василька стояли на платформѣ рядомъ. Единственный станціонный сторожъ Дементій еще на ходу поѣзда вскочилъ въ вагонъ, закланялся и началъ снимать вещи съ полокъ. Кланялся начальникъ станціи, кланялся буфетчикъ. И все и все казалось роднымъ и своимъ собственнымъ, даже зеленая кадка съ водой...

Садясь въ свою запряженную четверикомъ коляску, Варя крѣпко пожала руку Васильку и сказала:

— Ну, теперь увидите—изъ того, что мы пріѣхали вмѣстѣ, будетъ сдѣлана цѣлая легенда...

— Это неважно,—отвѣтилъ онъ и еще разъ приподнялъ фуражку, а когда коляска уже выѣхала изъ станціоннаго двора, крикнулъ:—значитъ, до очень скораго свиданія.

— Значитъ,—долетѣлъ ея, какъ-будто помолодѣвшій голосъ.

За вещами Василька была выслана отдѣльная телѣга. Онъ сѣлъ въ легкій фаэтончикъ, и пара сѣрыхъ першероновъ съ подвязанными хвостами быстро покатила по проселку въ сторону отъ коляски Вари, свернувшей на шоссе. Отъ станціи Журавлевки до села и до имѣнія Разумовскихъ считалось двѣнадцать верстъ.

Комочекъ грязи попалъ Васильку на лобъ, онъ вытеръ его носовымъ платкомъ и улыбнулся. Вспомнилась юность и казалось, что и сейчасъ, на двадцать восьмомъ году жизни,— она еще продолжается...

Черезъ часъ фаэтончикъ въѣхалъ въ лѣсъ. Гулко простучали копыта по бревенчатому мостику, черезъ свѣтлый ручей, и снова зашуршали шины по прошлогоднимъ листьямъ. Дорога вдругъ расширилась, и лѣсъ кончился. Слѣва раскинулись хатки, а справа показался бѣлый домъ съ колоннами и красной крышей. Въѣздъ былъ обсаженъ тополями.

Надежда Петровна стояла на крыльцѣ въ шубѣ, но безъ платка и безъ шляпы. Вѣтеръ чуть трепалъ сѣдины ея волосъ. Она обняла сына и заплакала.

— А я ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ Варей Хотинской,— сказалъ Василекъ.

— Какимъ образомъ?

— Да такъ вышло. Встрѣтились въ Москвѣ...

— Ну, слава Богу, слава Богу!—произнесла она уже въ столовой и перекрестилась.

Слезы на глазахъ старухи уже просохли, и нельзя было опредѣлить, чему она больше рада: возвращенію Василька, или тому, что онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Варей Хотинской?

— Ну, иди вымойся, да и будемъ завтракать...

Невидимая радость наполнила всѣ четырнадцать комнатъ стараго дома. Нянька Марья не допустила горничную Дашу накрывать на столъ и сама взялась за дѣло. Было похоже, что ждутъ еще гостей.

Весь день Надежда Петровна и Василекъ разговаривали и не могли наговориться. Вспоминали старину. Когда мать намекнула, что недурно было бы въ этомъ же году жениться на Варенькѣ, Василекъ не рассердился, какъ прежде, только долго молчалъ. Уходя спать, онъ поцѣловалъ матери руку, тряхнулъ головой и полушутя, полусерьезно произнесъ:

— Мы съ вами, маменька, не современные люди и судьба съ нами церемониться не будетъ, въ одинъ прекрасный день уберетъ насъ съ этого свѣта...

— Богъ съ тобой, что ты говоришь, мнѣ другое дѣло, а тебѣ только жить, да жить,—испуганно пробормотала она.

Василекъ началъ заниматься со слѣдующаго дня и въ одну недѣлю успѣлъ сдѣлать очень много, больше, чѣмъ въ Петербургѣ за цѣлый мѣсяцъ. А потомъ вдругъ напала тоска,—какъ звѣрь изъ-за угла.

Чтобы не тревожить мать, онъ надѣвалъ пальто, бралъ книгу и шелъ въ еще безлистый паркъ. Здѣсь метался взадъ и впередъ по длинной аллеѣ и старался придумать, чѣмъ бы привести себя въ нормальное состояніе? И приходилось сознаваться самому себѣ, что нѣтъ на свѣтѣ такого мѣста и нѣтъ такого человѣка, въ разговорахъ съ которымъ можно было бы забыться. Ни съ того, ни съ сего давило горло и хотѣлось бѣжать безъ оглядки...

«Я схожу съ ума»—мелькало въ головѣ. Онъ торопливо оглядывался, снималъ фуражку и также торопливо крестился.

Василекъ выписалъ изъ губернскаго города своего прошлогодняго шоффера Филиппа, отлично знавшаго всѣ дороги въ уѣздѣ, молчаливаго и трезваго, получавшаго семьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ, и вмѣстѣ съ нимъ принялся перечищать и починять своихъ два, простоявшихъ всю зиму, автомобиля: одинъ изъ нихъ, меньшій, былъ любимый, а другой, похожій на старомодный рыдванъ,—нелюбимый.

Къ двадцатому марта проселки уже просохли, но по низамъ было еще опасно застрять. Только по шоссе, которое

вело въ Шпотовку, автомобиль шелъ ровно и не такъ скоро пачкался.

Послѣ завтрака, въ воскресеніе, Василекъ взялъ съ собой шоффера и «отъ скуки» поѣхалъ къ Хотинскимъ. Надежда Петровна обрадовалась, что онъ самъ надумалъ это сдѣлать. Пятнадцать верстъ прокатили въ двадцать пять минутъ; когда сворачивали на шоссе, на смерть перепугали мужика и пару его сѣрыхъ воловъ, но все обошлось благополучно.

Усадьба Хотинскихъ была много больше, но сильно запущена. Бѣлыя оштукатуренныя стѣны конюшенъ облупились. Лошадей стояло тамъ еще много, но только шесть изъ нихъ можно было запрягать. Изъ двухъ кучеровъ и четырехъ конюховъ половина всегда «дежурила», то-есть была пьяна, а по праздникамъ случалось, что и всѣ. Огромныя желѣзныя ворота уже десять лѣтъ какъ не красились и покрылись ржавчиной. Одна половина дома — пустовала, а другая раздѣлена была на три части, или, какъ выражался поваръ Игнатій, — «на три половины».

Сестра отца Вари и Ксеніи—Соломонія Ѳедоровна, или, какъ ее называли, «тетя Сома», занимала самую большую и считалась до сихъ поръ опекуншей, хотя по завѣщанію опека принадлежала уѣздному предводителю. И Варя и Ксенія были уже совершеннолѣтнія, но до сихъ поръ не собрались подать прошенія о вводѣ во владѣніе. Каждая изъ нихъ имѣла по три комнаты, только гостиная и столовая были общими. Всѣ три дѣвушки почти всегда были въ ссорѣ и мирились только тогда, когда пріѣзжали гости. Тетя Сома ѣла постное на первой, на четвертой и на послѣдней недѣлѣ; Ксенія постилась до самой Пасхи, а Варя ѣла скоромное, и поэтому во время обѣдовъ и завтраковъ почти всегда выходили недоразумѣнія и въ столовую призывался поваръ Игнатій.

Васильку всѣ три дѣвицы очень обрадовались. Трудно было говорить со всѣми одновременно.

Ксенія упрекала тетю Сому въ томъ, что она не хочетъ дать денегъ на покупку автомобиля. Соломонія Ѳедоровна умоляюще глядѣла на Василька и твердила:

— Вѣдь убьется и другихъ поубиваетъ...

Обѣдъ былъ вкусный, но, когда накрывали общій столъ, должно быть, торопились, открыли цѣлыхъ три коробки омаровъ, но не поставили ни одной солонки,—ужъ потомъ спохватились.

Василекъ этого не замѣтилъ, его интересовало подвижное,

очень хорошенькое личико Ксеніи. Въ противоположность сестрѣ Варѣ, она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ, это впечатлѣніе усиливали распущенные недлинные волосы. Красивѣе всего у нея были черные, очень блестѣвшіе глаза, наивные и чувственные. Она произносила слова скороговоркой и часто употребляла прилагательное «вкусненькій».

Рѣшили, что сейчасъ же послѣ обѣда Василекъ покатаетъ всѣхъ барышень въ своемъ «авто». День былъ теплый, и вечеръ наступилъ ласковый, настоящій весенній. Шоффера Филиппа оставили дома. Василекъ сѣлъ за руль самъ. Ксеничка упросилась рядомъ съ нимъ. На каждомъ поворотѣ тетя Сома хватала Василька рукой за плечо и умоляла ѣхать тише. Ксенія просила позволить ей поправить, и увѣряла, что въ Москвѣ много разъ управляла автомобилемъ и даже участвовала въ какомъ-то большомъ пробѣгѣ.

Тетя Сома уже не умоляла, а просто кричала:

— Если только Ксенія возьметъ руль, я сейчасъ же выхожу... Остановите, остановите... Василій Александровичъ, я васъ прошу...

Все это сначала смѣшило Василька, а затѣмъ утомило.

Ксенія шептала въ самое ухо:

— Вы только дайте мнѣ руль, и вы увидите, какъ я вкусненько поѣду.

Василекъ молча повернулъ обратно на шоссе и позволилъ Ксеніи взять руль.

Правила она дѣйствительно хорошо.

Послѣ вечерняго чая его начали упрашивать остаться до слѣдующаго дня, но Василекъ самъ вышелъ на крыльцо и велѣлъ Филиппу подавать. Когда они выѣхали, уже свѣтили звѣзды. Воздухъ сталъ еще нѣжнѣе.

И хотя Василекъ въ этотъ день слышалъ только голосъ Ксеніи, желавшей обратить на себя вниманіе, но ему все время рисовалась Варя, скромная, какъ будто печальная. И досадно было, что такъ мало пришлось быть съ ней одинъ-на-одинъ.

Что-то новое, похожее на любовь къ этой дѣвушкѣ, какъ зерно въ землю, упало въ его душу.

Сладко и страшновато чувствовалось отъ сознанія, что случилось это помимо его воли.

Хотѣлось объяснить самому себѣ, какъ и почему явилось это новое именно сегодня къ дѣвушкѣ, которую онъ зналъ давно.

Но, точно въ дѣтствѣ, въ трудной задачѣ, — не могъ онъ найти правильнаго отвѣта, который былъ напечатанъ въ концѣ книги его жизни.

IV.

Совсѣмъ незамѣтно подплыла страстная недѣля. И также незамѣтно одѣлся весь паркъ и фруктовый садъ зеленью и цвѣтами. Пасха была поздняя.

Надежда Петровна и почти всѣ домочадцы говѣли. Васильку видно было изъ окна, какъ утромъ шли далеко въ шиповскую церковь мужики и бабы; они сторонились и кланялись, давая дорогу экипажу, въ которомъ ѣхала Надежда Петровна. Затѣмъ всѣ эти люди и фаэтонъ скрывались въ лѣсу...

Нянька Марья даже похудѣла. У кучера Силантія и конюха Петра на лицахъ было уныніе... Вездѣ пахло постнымъ масломъ.

Не признавалъ поста только соловей и съ пяти часовъ начиналъ свою полную страсти пѣсню совсѣмъ близко отъ дома.

Василекъ солгалъ священнику, отцу Захарію, будто говѣлъ еще въ Петербургѣ на первой недѣлѣ поста, и въ церковь поѣхалъ только на выносъ плащаницы. Обрадовался, что не было никого изъ Хотинскихъ... Боялся того особаго волненія, которое вызвала бы встрѣча съ Варей.

Возвращаясь домой въ автомобилѣ, онъ радостно дышалъ полевымъ молодымъ воздухомъ, но съ тоскою думалъ о томъ, что, вѣроятно, изъ его государственныхъ экзаменовъ опять ничего не выйдетъ. Заниматься не хотѣлось.

Пріятно было по вечерамъ сидѣть надъ прудомъ и слушать хоръ лягушекъ.

Къ заутрени поѣхать съ матерью все-таки пришлось. Василекъ едва упросилъ ее позволить ему не надѣвать парадного студенческаго мундира. Были въ церкви и Варя съ Ксеніей и тетей Сомой. Пришлось со всѣми христосоваться. Варя поцѣловалась почти благоговѣйно, а Ксенія впилась настоящимъ горячимъ поцѣлуемъ, послѣ котораго у Василька пріятно закружилась голова. Но это скоро прошло, а ощущеніе отъ прикосновенія губъ Вари помнилось до самаго дома. Надежда Петровна настойчиво и почти властно пригласила барышень и Соломонію Ѳедоровну къ себѣ разговляться, пожевала губами и добавила:

— А то вы у себя дома всѣ перессоритесь, и выйдетъ великій грѣхъ, въ такой-то день...

— Я съ удовольствіемъ,—отвѣтила Варя,—а только какъ же останется прислуга? И нашъ поваръ Игнатій разобидится на смерть...

Василекъ вмѣшался:

— А пусть кучеръ отвезетъ васъ къ намъ и сейчасъ же возвращается домой, а завтра я самъ доставлю васъ въ моемъ ауто. Спать вѣдь всѣмъ найдется мѣсто, я увѣренъ, что нянька Марья уже объ этомъ позаботилась...

Барышни подумали и согласились, тетю Сому и спрашивать не стали. И чудесно было всѣмъ ѣхать на разсвѣтѣ цѣлыхъ двѣнадцать верстъ отъ церкви до усадьбы Разумовскихъ.

— Эхъ, въ такое бы утро, да въ автомобилѣ!—крикнула изъ своего экипажа Ксенія и закивала головкой.

Дома еще разъ похристосовались и сѣли за столъ. Василекъ вышелъ въ переднюю и самъ поднесъ стаканъ водки шпотовскому кучеру, затѣмъ приказалъ ему ѣхать домой.

Пока ѣли и пили, никому не хотѣлось спать, а потомъ разговоръ вдругъ сталъ тише. Варя заикнулась было о томъ, что хорошо бы сегодня же вернуться въ автомобилѣ въ Шпотовку, и вдругъ густо покраснѣла.

— Нѣтъ, голубчикъ, всѣ вы у меня сегодня ночуете, я не люблю, когда мѣняютъ свои слова, а завтра послѣ утренняго чая тамъ ужъ какъ хотите, да и то...

Надежда Петровна въ своемъ бѣломъ платьѣ съ наколкой на головѣ казалась очень важной и тонъ у нея былъ настойчивый, возражать противъ котораго никому не хотѣлось.

Одна Ксенія вдругъ выпалила:

— Въ такомъ случаѣ пусть Василій Александровичъ завтра у насъ ночуетъ...

Сказала и разсмѣялась, но ей никто не отвѣтилъ.

— Значитъ, до завтра, а пока и отдохнуть пора...—снова прозвучалъ уже ласково голосъ Надежды Петровны и, сдѣлавъ общій поклонъ, она встала съ кресла.

Нянька Марья повела барышень и тетю Сому въ отведенныя имъ комнаты.

Василекъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ къ себѣ на мезонинъ; онъ съ удовольствіемъ раздѣлся и въ одномъ бѣльѣ вышелъ на балконъ. Въ это утро вся усадьба казалась ему гораздо красивѣе, чѣмъ всегда. Даже усталость была пріятной. И думалось Васильку, что Варя и Ксенія и безхарактерная тетя Сома, такъ же какъ и эта усадьба, существуютъ только для него. Онъ сдѣлалъ нѣсколько упражненій руками, вернулся въ комнату, легъ и крѣпко заснулъ сномъ удовлетвореннаго и сытаго животнаго.

На слѣдующее утро, какъ и ежегодно, пріѣхала въ огромной

старомодной бричкѣ, на толстыхъ вороныхъ лошадяхъ игуменья сосѣдняго монастыря—мать Серафима, когда-то важная дама и тоже помѣщица, отдавшая все свое состояніе монастырю.

Надежда Петровна считала ее почти святой и дорожила каждымъ ея словомъ.

Въ матери Серафимѣ какъ-то уживались: глубокая, настоящая христіанская вѣра и наивное суевѣріе, строгость, даже жестокость въ обращеніи съ послушницами и въ то же время нѣжная любовь къ каждой изъ нихъ. Скупость и щедрость,—когда напримѣръ требовалось помочь погорѣльцамъ... Ненависть ко всему плотскому и мірскому и особенно къ людямъ невѣрующимъ и въ то же время чисто родственное чувство къ Васильку, который годился ей во внуки и почти никогда не бывалъ въ церкви.

А онъ побаивался игуменьи.

Молодежь проснулась поздно, въ началѣ двѣнадцатаго. Черезъ часъ уже позвали завтракать къ тому же пасхальному столу. Всѣ стѣснялись присутствія монахини и почти не разговаривали. Одна Варя жалобно стала просить, чтобы ее отвезли домой.

— Иначе, право, тамъ, безъ меня, Богъ знаетъ, что будетъ дѣлаться... Всѣ напьются...

Ее поддержалъ Василекъ и велѣлъ сейчасъ же приготовить автомобиль. Ксенія сѣла рядомъ съ нимъ. Шоффера не взяли. Казалось, что Надежда Петровна была рада остаться дома только съ матерью Серафимой.

Старухи перешли въ спальню. Нянька Марья понесла туда блестящій кипящій самоваръ, сливки и нарѣзанный ломтиками душистый куличъ.

Кромѣ Марьи, въ спальню никто и никогда не смѣлъ входить. Остальная прислуга не любила няньку за эту привилегію и дразнила ее «московкой». Марья дѣйствительно была родомъ изъ Москвы, и вывезла ее оттуда сама Надежда Петровна въ первый годъ замужества въ качествѣ горничной, а затѣмъ Марья вынянчила всѣхъ ея погибшихъ дѣтей и Василька, она была свидѣтельницей всѣхъ печалей и радостей въ этой усадьбѣ.

Марья поставила подносъ на круглый столикъ, низко поклонилась игуменьѣ и вышла.

Теплилась передъ темнымъ кіотомъ лампадка въ красномъ стаканчикѣ, и огонекъ звѣздочкой блестѣлъ на серебряной ризѣ старинной иконы,—святой Софіи и дѣтей ея: Вѣры, Надежды и Любви.

Какъ-то незамѣтно вплылъ въ комнату тихій, весенній вечеръ.

Двумъ женщинамъ, у которыхъ личная жизнь давно отняла все личное, хотѣлось подольше побыть вмѣстѣ.

Разговоръ одинъ-на-одинъ въ совсѣмъ пустомъ домѣ располагалъ къ особенной откровенности. Лицо Надежды Петровны было грустное, а глаза монахини свѣтились желаніемъ побольше узнать о томъ, что дѣлается за предѣлами монастыря.

— Василекъ... Что жъ Василекъ, — говорила Надежда Петровна,—человѣкъ онъ не плохой, не развратный и не тупой, да только не знаетъ, что съ собой дѣлать... Жениться ему нужно, и жениться на своей, на здѣшней барышнѣ—петербургская его окрутитъ, ограбитъ, а меня изъ дому выгонитъ. Вѣдь онъ въ двадцать семь лѣтъ такой же, какимъ былъ и въ семнадцать. Эти автомобили, да фотографіи—тѣ же игрушки. Не пьетъ онъ у меня, и знаю, что ни разу еще не влюбился...

Монахиня вытерла двумя пальцами ротъ и сочувственно отвѣтила:

— А годочки-то вѣдь ужъ большіе...

— Да, въ августѣ двадцать восемь кончится—двадцать девятый пойдетъ... Не хочу я его неволить, но если бы Господь милосердный вразумилъ его сдѣлать предложеніе Варечкѣ Хотинской... И благоразумна, и не безприданница, и съ образованіемъ. Иной разъ молю, молю Бога, да и приходитъ мнѣ въ голову, ужъ не грѣхъ ли такъ просить?

— Какой же грѣхъ,—сказано: просите и дастся вамъ...

— Да... Вотъ молилась я, молилась и вдругъ пріѣзжаютъ они вмѣстѣ... Въ Москвѣ встрѣтились...

— Встрѣтились?

— Встрѣтились... Да только что жъ... Теперь вотъ второй мѣсяцъ дома, а только одинъ разъ былъ у нихъ, да вотъ сейчасъ поѣхалъ. И не похоже что-то, чтобъ они другъ къ дружкѣ очень... Скорѣе Ксенія. Да только Богъ съ ней, не люблю я ее...

Старуха надолго замолчала.

Мать Серафима задумчиво покачала головой, повела когда-то красивыми, густыми бровями и произнесла:

— Грѣшники мы всѣ и грѣшницы, да и милость Божія велика... Слыхала я и знаю, какъ вотъ, если солдатъ безъ вѣсти пропадетъ, либо кто изъ близкихъ за океанъ уѣдетъ и если на часточку подать за упокой такого-то имя река,—откликнется.

— Откликнется?—переспросила Надежда Петровна.

— Коли живъ, непремѣнно откликнется.

Мать Серафима вдругъ понизила тонъ и заговорила шопотомъ:

— А если ужъ очень желательно, чтобы поженились молодые имя реки, то нужно подать о здравіи ихъ вмѣстѣ и приписать: «со чады».

Монахиня пугливо оглянулась, вздохнула и точно спохватилась:

— Охъ, да что жъ это я плету, грѣшница, вѣдь запрещено это дѣлать святыми отцами, да и не только дѣлать, а и говорить про такое... Прости, Господи, меня, окаянную,—перекрестилась, потомъ едва слышно добавила:—только въ чужомъ приходѣ это нужно дѣлать...

Лицо Надежды Петровны стало еще серьезнѣе, на губахъ мелькнула рѣшимость, и она сказала:

— Грѣхъ-то грѣхъ, но вѣдь сказано: «Никто же имать большей любви, да аще душу свою положитъ за други своя»... А я бы и душу свою отдала, чтобы Василекъ только по-хорошему жизнь свою прожилъ. А то теперь, какъ почитаешь газету—просто оторопь беретъ, вѣдь вездѣ разводы, жены стрѣляютъ мужей, мужья убиваютъ женъ, дѣвушки другъ дружкѣ въ лицо кислоту брызгаютъ... Замужнія любовниковъ заводятъ, а мужчины любовницъ... Дѣти малыя и тѣ... Прежде ничего такого не было.

Она вдругъ вспомнила своего мужа и отца той, которую хотѣла сдѣлать женой сына,—безпомощно поникла головой и перестала говорить...

V.

Быстро летѣлъ автомобиль къ Шпотовкѣ. Незамѣтно для тети Сомы Василекъ позволилъ Ксеніи взять руль.

— Сейчасъ вкусненько поѣдемъ,—шепнула она ему въ самое ухо.

Правила Ксенія и на самомъ дѣлѣ недурно и впередъ глядѣла внимательно. Сидя слѣва, ей было несовсѣмъ удобно держать за колесо, и ея упругая дѣвичья грудь невольно крѣпко прижималась къ локтю Василька.

Это его волновало и сердило.

Ксенія никогда ему не нравилась, онъ не любилъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя первыя, такъ или иначе, просили о ласкѣ и близости. Въ ея металлическомъ голосѣ Василекъ часто слышалъ затаенную злость и боялся ея...

Когда остановились у подъѣзда шпотовскаго дома, это чувство напряженности и раздраженія—улеглось.

Здѣсь пасхальный столъ былъ убранъ почти художественно. Поваръ Игнатій лично пришелъ, чтобы, какъ онъ выражался, «освѣжить» закуски. Онъ былъ довольно сильно пьянъ, но на ногахъ держался твердо, въ голосѣ его иногда дрожали слезы. Въ слѣдующей комнатѣ Игнатій говорилъ Варѣ:

— Развѣ же это мысленно, что вы поѣхали разговляться въ Журавлевку?.. Хіба ж ясла до коней ходять?—добавилъ онъ вдругъ по-малорусски...—Паничъ до насъ пріѣхать повиненъ, а не вы туда, а я-жъ старался... А я-жъ старался...

Варя, должно быть, не нашлась, что отвѣтить, и пробормотала:

— Такъ онъ и пріѣхалъ, а вы бы, Игнатій, лучше шли спать...

— Я спать всегда могу, а только, какъ папашѣ и мамашѣ вашимъ, такъ и вамъ, и Ксеничкѣ до послѣдняго издыханія работать и служить желаю...

Было слышно, какъ, тяжело ступая сапогами, Игнатій вышелъ.

Васильку стало жаль Варю, онъ пошелъ ей навстрѣчу и сказалъ:

— Кажется, Игнатій вамъ дерзостей наговорилъ?

— Да, что съ нимъ подѣлаешь... у насъ вѣдь полная анархія. Соломонія Ѳедоровна всѣхъ распустила,—это не женщина, а какой-то студень. Меня по полугоду не бываетъ дома, а Ксенія, желая пріобрѣсти необыкновенную популярность, угощаетъ людей водкой, и своихъ, и чужихъ... Все это кончится тѣмъ, что я продамъ свою часть и убѣгу на край свѣта.

Она опустила глаза и спросила:

— Знаете, сколько мы получили въ прошломъ году дохода съ пяти тысячъ десятинъ земли?

— Сколько?

— Шестнадцать тысячъ, изъ нихъ шесть внесено въ банкъ, три тысячи ушло на уплату жалованія служащимъ, двѣ тысячи управляющему,—остальные прожиты. А будь здѣсь настоящій хозяинъ, вѣдь эта самая Шпотовка была бы золотымъ дномъ, а такъ какое-то бабье царство... Ксенія требуетъ, чтобы ей купили автомобиль въ четыре тысячи рублей. И досадно, и смѣшно, точно маленькая, которая не понимаетъ...

Василекъ слушалъ ее, и ему казалось, какъ будто въ голосѣ Вари все время слышится недоговоренная фраза: «Помоги намъ, помоги намъ»...

— Я думала просить въ министерствѣ разрѣшенія и, въ память отца, построить и оборудовать профессіональную школу садоводства, но какъ это ни странно, оказалось, что у насъ совсѣмъ нѣтъ денегъ, а брать подъ вторую закладную не позволяетъ та же Ксенія...

Стало жаль эту богатую дѣвушку, не знающую, что дѣлать со своими средствами и с[illegible]оей жизнью.

«Деньги и сильная привя[illegible]нность къ роднымъ мѣстамъ и людямъ искалѣчили ее, какъ и[illegible]ня,—думалъ онъ.—Мы несовременные и намъ дѣйствите[illegible] остается или пожениться, или бѣжать отсюда, или работат[illegible] Зачѣмъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ и дипломъ, и служба, если я мо[illegible] и свою [illegible]уравлевку, и эту нелѣпую Шпотовку сдѣлать маленьк[illegible]и культурными центрами...»

«Ничего вы съ Варенькой [illegible]икогда не сдѣлаете», подсказалъ ему кто-то невѣдомый.

Послѣ первой же просьбы обѣихъ сестеръ, Василекъ остался у нихъ до слѣдующаго дня.

Вечеромъ, послѣ захода [illegible]олнца, совсѣмъ запущенный садъ Хотинскихъ былъ прекрасенъ. Пѣли въ разныхъ сторонахъ три соловья. Нѣжно гудѣлъ далекій хоръ лягушекъ.

Тетя Сома легла спать рано—въ десятомъ часу. [illegible]сенія съ загадочнымъ выраженіемъ на лицѣ недолго оставалась въ саду и тоже ушла. Василекъ и Варя еще долго сидѣли на балконѣ, потомъ встали и пошли по широкой просѣкѣ до[illegible]рва, которымъ была окопана вся усадьба. Здѣсь снова сѣли на изрѣзанной вензелями скамейкѣ. Видъ съ этого мѣста открывался далеко въ темное поле. Прильнуло звѣздное небо къ землѣ, и нельзя было уловить глазомъ, гдѣ кончается горизонтъ. Слѣва, со стороны усадьбы священника, слышна была хоровая пѣсня. Словъ нельзя было разобрать. Долетѣлъ только могучій теноръ батюшкинаго сына, начавшаго куплетъ:

Не-е сам же я пла-ачу,
Плачуть карі ооо-чі...

Василекъ вздохнулъ и сказалъ:

— Ахъ, какъ хорошо здѣсь, какъ хорошо.

— Чѣмъ лучше, тѣмъ хуже, отвѣтила Варя.—Когда—я здѣсь бываю одна, мнѣ кажется, что великолѣпная, пышная, малороссійская природа надо мною издѣвается, изо всѣхъ силъ подчеркиваетъ мое одиночество и безпомощность, а главное, никчемность моего бытія... А когда со мной сюда приходитъ и Ксенія, я еще острѣе чувствую, насколько человѣкъ человѣку

врагъ вообще, а родная сестра еще болѣе. Но видитъ Богъ, до сентября, или моя жизнь будетъ иной, или я уѣду отсюда очень далеко и навсегда...

Настоящее отчаяніе въ ея голосѣ взволновало и Василька. Онъ взялъ Варю за руку и тихо гладилъ своею ладонью по ея нѣжной кожѣ, затѣмъ сказалъ:

— Это временное настроеніе, ю я понимаю васъ. Какъ говорятъ наши земляки, лучше «х гірше та иньше». Мы дѣти своихъ отцовъ, которые всю жи ничего не дѣлали, а теперь, не дѣлая, жить нельзя,—можно ичить сумасшедшимъ домомъ; но я не виноватъ, ч , пріѣха домой съ единственной и совершенно искренней цѣлью по говиться къ государственному экзамену, я занимался только вую недѣлю, а дальше—стопъ. Не могу... Совсѣмъ не огу...

— А я всегда могла занимаься, только и прежде, и теперь тѣмъ болѣе, мои занятія никому не нужны... Иногда мнѣ кажется, что Кенія умно сдѣлала, когда оставила гимназію, что современемъ она будетъ не только счастливѣе, но и полезнѣе меня. И умаетъ она меньше, а такъ легче жить на свѣтѣ...

И е е больше и еще сильнѣе стало сочувствіе въ груди Василька къ этой дѣвушкѣ. Онъ не сумѣлъ ничего ей отвѣтить. Думалъ: «я не виноватъ, что никогда не любилъ, но, можетъ быть, то, что я чувствую сейчасъ къ ней, и есть настоящая любовь»... Затѣмъ ему пришло въ голову: «но... если слѣпой ведетъ слѣпого, то не оба ли упадутъ въ яму?».

Василекъ сказалъ вслухъ:

— Знаете что, Варя, не слишкомъ ли много мы съ вами разсуждаемъ?

Онъ почувствовалъ ея улыбку въ темнотѣ. Слѣва громко щебеталъ и страстно заливался соловей. Василекъ и Варя встали и медленно пошли по той же просѣкѣ.

— Знаете, во время пѣнія его можно взять рукой,—произнесъ Василекъ.

— А ну, попробуйте.

— Давайте, подойдемъ ближе.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ въ сторону. Соловей продолжалъ свои трели, и было въ нихъ что-то жалобное, похожее на сегодняшнія слова Вари. Вѣтка подъ ея ногами хрустнула, и пѣвецъ вдругъ умолкъ. Было слышно, какъ пролетѣлъ онъ куда-то дальше въ глубину парка.

— А что, вотъ и испугался...—сказала Варя.

— Ну, это какой-то особенно трусливый,—отвѣтилъ Василекъ, взялъ дѣвушку подъ руку выше локтя и почувствовалъ, что тѣло у нея горячее, горячее, точно нагрѣтый солнцемъ песокъ.

Не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ, Василекъ сдѣлалъ огромное усиліе воли, чтобъ не обнять ее и не поцѣловать, можетъ быть, потому, что зналъ навѣрное, что Варя не оттолкнетъ его.

Онъ обрадовался, когда впереди замелькали огни дома.

Во всѣхъ комнатахъ была тишина. Часы медленно и спокойно пробили одиннадцать.

— Не хотите ли закусить?—спросила Варя.

— Нѣтъ, спасибо, сейчасъ мнѣ ѣсть не хочется, а вотъ думать хочется. Пока спокойной ночи...

— Вы знаете, гдѣ вамъ приготовлена постель?

— Знаю. Ну, пусть вамъ приснится все хорошее...

Василекъ пожалъ и снова, едва удержался, чтобы не поцѣловать ея ручку, кивнулъ головой и пошелъ черезъ темную гостиную въ свою комнату.

Здѣсь было слышно, какъ за огромною дверью возится и хлюпаетъ водой Ксенія.

Василекъ угадалъ, что тамъ ея спальня, хотѣлъ зажечь спичку, но въ это время замѣтилъ довольно большую свѣтящуюся щель въ двери. Не думая о томъ, хорошо или плохо онъ дѣлаетъ, неслышно подошелъ и приложилъ глазъ.

Ксенія была совсѣмъ обнаженная, съ распущенными волосами, удивительно правильно сложенная. Она вытиралась мохнатымъ полотенцемъ передъ зеркальнымъ шкафомъ. Затѣмъ обернулась и подошла къ вѣшалкѣ, которая была прибита у самой двери, что-то взяла, снова вернулась, прислушалась и вдругъ дунула на лампу.

Василекъ ощупью добрался до своей кровати и легъ. Сердце билось тяжело. Казалось, что его положили спать здѣсь рядомъ съ комнатою Ксеніи нарочно и что сама Ксенія отлично знала о существованіи щели и знала, когда шла отъ зеркала, что Василекъ на нее въ это время смотритъ.

Ласково и умиротворяюще глядѣла черезъ окно съ неба «Большая медвѣдица».

«Такой самой она была, когда я глядѣлъ на нее шестилѣтнимъ ребенкомъ, и такой самой останется, когда я буду гнить въ землѣ», думалъ Василекъ.

VI.

На другой день Василекъ хотѣлъ уѣхать сейчасъ же послѣ завтрака, но Варя попросила остаться до вечера, и онъ остался.

Ксенія ходила по комнатамъ въ желтомъ капотѣ съ торжествующимъ лицомъ и чему-то улыбалась. Это было противно. Подъ легкимъ пенюаромъ Василекъ угадывалъ линіи тѣла, которое видѣлъ вчера, и, несмотря на презрѣніе къ ней, какъ къ человѣку, это тѣло манило и мучило его.

За столомъ Василекъ глядѣлъ на сестеръ и думалъ:

«Если бы у насъ существовало многоженство,—я бы женился на обѣихъ, и Варѣ открывалъ бы всю свою душу и всѣ свои мысли, а къ странной, грубоватой, но хорошенькой Ксеніи ходилъ бы только цѣловаться... Я сейчасъ, какъ Улиссъ, попавшій къ сиренамъ... Пропали мои государственные экзамены».

— Дайте вашу тарелку, я положу вамъ еще соусу,—сказала Варя.

— Спасибо, не хочется. Я думаю о томъ, на сколько дней еще хватитъ у меня бензину для мотора,—солгалъ онъ.

Послѣ обѣда Василекъ пошелъ къ своему автомобилю, коечто смазалъ, кое-что пересмотрѣлъ. Снялъ съ себя пиджакъ и жилетъ и на корточкахъ возился возлѣ лѣвой передней шины, которая, какъ ему казалось, «похудѣла». Было жарко. Василекъ разстегнулъ воротъ сорочки и закатилъ рукава.

Вошла Ксенія.

— Послушайте, я здѣсь въ négligé,—крикнулъ Василекъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, меня гораздо больше интересуетъ то, что вы дѣлаете, чѣмъ вы сами...

«Сомнительно», подумалъ Василекъ, но промолчалъ.

Механизмъ оказался въ порядкѣ, нужно было только еще вытереть и обмыть кузовъ, но просить объ этомъ на второй день праздника у кого-нибудь изъ прислуги, да еще въ чужой усадьбѣ, онъ стѣснялся.

Ксенія посовѣтовала обратиться къ конюху Петру,—безусому парню съ нахальными сѣрыми глазами. За цѣлковый онъ съ удовольствіемъ привелъ въ блестящій видъ всѣ мѣдныя части и вымылъ кожу и краску.

— Ну, а теперь пойдешь пропьешь эти гроши?—спросила его Ксенія.

— А то жъ,—отвѣтилъ Петро.

— Ты бы лучше жінці отдавъ,—снова сказала она,

— На якій чортъ?..

Когда Петро ушелъ, Ксенія поглядѣла на одѣвавшагося Василька и съ какимъ-то удальствомъ, похожимъ и на отчаяніе, произнесла:

— Въ нашей Шпотовкѣ всего три тысячи населенія, но казенная винная лавка выручаетъ въ годъ восемнадцать тысячъ рублей...

— Это ужасно,—отозвался Василекъ.—Однако, я не могу застегнуть жилета, нужно бы вымыть руки.

— На этомъ свѣтѣ все ужасно,—сказала Ксенія, и нельзя было уловить ухомъ, шутя или серьезно она произнесла эту фразу. — Я сейчасъ пришлю вамъ сюда горничную съ водой, мыломъ и полотенцемъ. А машина ваша стала теперь, какъ новенькая.

Ксенія оглянулась и шопотомъ сказала:

— А когда вы умоетесь, то сдѣлаетесь вкусненькимъ,—и убѣжала.

Остальная часть дня прошла скучно, въ разговорахъ съ тетей Сомой и спорахъ съ Ксеніей, которая въ присутствіи третьихъ лицъ какъ будто нарочно старалась казаться неумной.

Когда сидѣли на балконѣ, пришелъ Игнатій и позвалъ Варю въ кухню за какимъ-то совѣтомъ. Она встала и, придерживая юбку, пошла мелкими, быстрыми шажками. Василекъ нѣжно поглядѣлъ ей вслѣдъ.

Ксенія поймала этотъ взглядъ, покраснѣла и въ одну секунду похорошѣла. Выраженіе ея глазъ и самый голосъ вдругъ измѣнились. Она, видимо, хотѣла овладѣть собой, но въ этотъ разъ не смогла.

— Знаете, иногда у меня является желаніе застрѣлить васъ и мою сестрицу, я бы это могла сдѣлать и не пожалѣла бы.

— Почему?—спросилъ Василекъ и осмотрѣлъ Ксенію съ ногъ до головы.

— Да потому, что оба вы ненужные и вредные...

— А вы кому нужны?—со злостью спросилъ Василекъ.

— Я? Я пока тоже лишняя на этомъ свѣтѣ, но постараюсь жить такъ, чтобы обо мнѣ узнали всѣ люди, или умру. Дайте мнѣ только получить свои деньги и вырваться изъ этого гнѣзда ,— изъ всѣхъ вашихъ Журавлевокъ и Шпотовокъ, гдѣ интеллигентные люди суевѣрнѣе мужиковъ, гдѣ двадцативосьмилѣтніе недоросли изъ дворянъ мечтаютъ снова жить такъ же, какъ жили ихъ дѣдушки и бабушки, и не могутъ обойтись безъ няни въ самомъ буквальномъ смыслѣ слова...

«Ого-го», подумалъ Василекъ: «такой я тебя еще не видѣлъ»... Оскорбленіе задѣло его, но любопытство къ тому, что Ксенія скажетъ дальше, перевѣсило, и онъ промолчалъ.

— Да, безъ няни,—повторила Ксенія.—А я бы... я бы хотѣла быть прежде всего свободной и сильной, чтобы такого человѣка, какъ вы, заставить думать и хоть къ чему-нибудь стремиться, кромѣ собственнаго комфорта, вытравить изъ него эту поганую хохлацкую лѣнь... Но вы только на одно реагируете — на женское тѣло и на женскую ласку, я это чувствую, я это знаю... Не перебивайте меня... Но такая задача мнѣ не по силамъ. Уѣду за границу, поступлю въ авіаціонную школу, высоко полечу. А вы будете ползать по землѣ вмѣстѣ съ вашими слюнявыми ребятишками,—предсказываю. Если бы я была царемъ, я бы васъ отдала въ солдаты, съ такимъ ростомъ и съ такой силой вы бы тамъ очень пригодились, а вашъ юридическій факультетъ такъ же вамъ нуженъ, какъ, извините за выраженіе, собакѣ пятая нога.

Ксенія вдругъ спохватилась и понизила тонъ.

— Впрочемъ, извините, я сама не знаю, что со мной случилось.

— Ничего, ничего, говорите, я никакъ не подозрѣвалъ, что вы можете такъ говорить.

— По-просту думали, что я дура и, какъ и вы, только и мечтаю обо всемъ вкусненькомъ... Грѣшная я, иногда мечтаю, это вѣрно, но прежде дессерта хотѣлось бы еще кушанія и посытнѣе... Я не виновата, если со мной обращаются, какъ съ несовершеннолѣтней. Можетъ быть, я и въ самомъ дѣлѣ дура или кликуша, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ обществѣ слабоумной тетушки и мягкотѣлой сестрицы, можно, дѣйствительно, поглупѣть. Не такъ ли? Варя говоритъ, что я спаиваю дворовыхъ людей, а скажите, пожалуйста, какую другую радость можно для нихъ придумать, чтобы они почувствовали ее немедленно и остро? Книжки читать? Да изъ нихъ никто не пойметъ не только литературнаго, а даже простого русскаго языка, вѣдь вотъ и вашъ любимецъ Хрисанѳъ, какъ-то съ нимъ говорила, онъ убѣжденъ, что слово луна — это эхо, а «запомнить»—это значитъ забыть навсегда. И даю я имъ водку не чаще двухъ разъ въ годъ, когда и безъ меня идетъ пьянство. И дѣлаю это не съ цѣлью отравлять ихъ, а потому, что хочу хоть когда-нибудь услыхать искреннія слова простого человѣка, которыхъ вы никогда не слышали и не услышите. Если бы вы знали, какъ они презираютъ насъ и нашу жизнь... Вы не думайте, что я

заступаюсь за нихъ и хочу сказать, что они лучше, нѣтъ... Дайте этому самому Хрисанѳу или Петру десять тысячъ годового дохода, и онъ сдѣлается такимъ же ненужнымъ, какъ и вы, да еще звѣремъ. Будь онъ образованъ, тогда другое дѣло, но я не виновата, что въ Россіи до сихъ поръ не введено всеобщее принудительное обученіе.

Ксенія надолго замолчала, успокоилась и уже почти ласково добавила:

— Только не сердитесь на меня за рѣзкость, я ужъ себя давно такой не помню, и обѣщаю и впредь больше не горячиться, все равно, ни къ чему. Скучно мнѣ сегодня. Эхъ, на машинкѣ бы прокатиться...

— Что жъ, и прокатимся,—отвѣтилъ Василекъ.—А вы хорошо говорили, но мнѣ кажется, что относительно сестры вы, безусловно, ошибаетесь, и вообще мало ее знаете.

— Больше вашего, а вотъ она меня никогда не понимала, это ужъ вѣрно.

Изъ-за кустовъ сирени показалась Варя, и всѣ трое опять надолго замолчали. Василекъ хмурился и курилъ сигаретку за сигареткой. Горькая правда Ксеніи все еще обидно шевелилась и не давала нервамъ придти въ спокойное, счастливое состояніе, какое овладѣвало всѣмъ его существомъ, когда онъ бывалъ вдвоемъ съ Варей.

Выѣхали со двора уже въ седьмомъ часу. Ксенія сѣла на руль, Василекъ и Варя въ середину, а тетю оставили дома.

Ксенія повернула голову назадъ и сказала:

— Не бойтесь, не убью, только позвольте мнѣ поѣхать черезъ лѣсъ, тамъ уже сухо, мимо Николаевки, а оттуда выѣдемъ на шоссе—это будетъ немного дальше, но зато вечеромъ въ лѣсу чудесно.

— Какъ хотите, но увеличивайте ходъ постепенно, а не дергайте сразу.

— Ладно, будетъ вкусненько...

Василекъ сошелъ и завелъ машину, затѣмъ снова быстро вскочилъ на мѣсто.

Автомобиль затараторилъ, загудѣлъ, кашлянулъ и мягко двинулся впередъ къ огромнымъ ржавымъ воротамъ.

Въ полѣ пріятно задулъ вѣтеръ. Варя замотала все лицо длиннымъ голубымъ вуалемъ. Василекъ взялъ ее за талію. Ксенія оглянулась, прибавила ходу и крикнула:

— Я мимо лѣсничества.

Она свернула на проселокъ и пустила машину между уже

поднявшейся изъ земли рожью, похожей на зеленый шелковый коверъ. Воздухъ былъ безъ единой пылинки, нѣжный и ласковый. По случаю праздника, на дорогѣ не встрѣчалось ни пѣшеходовъ, ни крестьянскихъ телѣгъ. Синѣлъ впереди большой казенный лѣсъ. Черезъ десять минутъ машина вкатилась въ просѣку. Небо вверху стало темно-синимъ. Еще черезъ пять минутъ Ксенія застопорила автомобиль и сказала:

— Погуляемте, господа.

Варя и Василекъ съ удовольствіемъ согласились и съ версту прошли пѣшкомъ. Впереди, на полянѣ розовѣлъ золототысячникъ и бѣлѣла кашка. Птицы пѣли свою вечернюю молитву. Красные блики уже невидимаго солнца золотили верхушки деревьевъ.

И вмѣстѣ съ наслажденіемъ всей этой красотой во всемъ организмѣ Василька проснулась какая-то новая, огромная нѣжность къ Варѣ,—несовременной, болѣе безполезной, чѣмъ Ксенія, дѣвушкѣ, готовой на все доброе, и точно безъ словъ просившей: «Поддержи меня и научи, какъ использовать знанія, деньги и любовь, которыхъ у меня много».

«Я женюсь на ней, я сдѣлаю ее счастливой. Ксенія можетъ быть и умнѣе, но въ ней меньше женственности», думалъ Василекъ. Говорить онъ не могъ и не умѣлъ,—стѣсняла Ксенія, теперь, послѣ разговора, загадочная и даже страшная. Но къ ней уже не было непріязненнаго чувства, какъ прежде, и только думалось: «это молодость бурлитъ,—пусть ее»...

Когда опять сѣли, Ксенія сказала:

— Нѣтъ, вы подумайте, говорятъ, что я злая, но какъ же мнѣ не злиться, если благодаря какой-то тетѣ Сомѣ, отъ которой ни намъ, ни нашему имѣнію ни на іоту ничего не прибавилось, я лишена такого удовольствія, какъ собственная машина... Одинъ мой знакомый офицеръ очень остроумно назвалъ тетю Сому—«женщина типа артиллерійской лошади»... А сколько сѣна и овса скармливается лошадямъ, на которыхъ никто и никогда не ѣздитъ... Нелѣпость вся наша жизнь, но теперь—баста. Или, или... Дальше такъ не могу»...

Ни Василекъ, ни Варя ничего ей не отвѣтили и мысленно согласились съ ея словами.

Автомобиль тронулся.

— Ну, теперь домой,—сказалъ Василекъ,—а то, если стемнѣетъ, мама сейчасъ же разошлетъ верховыхъ искать насъ.

— Въ пятнадцать минутъ доставлю,—отозвалась Ксенія.

Скоро выѣхали изъ лѣсу и опять покатили между рожью.

— А въ центральной Россіи еще и посѣвы не вездѣ закончены,—сказалъ Василекъ, а у насъ:

Степ широкий,
Край веселий...

и взялъ Варю за руку.

— Знаете, вотъ я уже двадцать семь разъ въ теченіе своей жизни переживалъ дни Пасхи, но настоящимъ Свѣтлымъ Праздникомъ эти дни были для меня только въ этомъ году...

— Кажется, и для меня,—несмѣло произнесла Варя и покраснѣла.

Ксенія на секунду оглянулась и крикнула:

— Ну, вотъ и Журавлевскій лѣсъ.

На поворотѣ съ дороги на опушку стоялъ дубъ, которому было много больше ста лѣтъ. Ксенія пустила машину полнымъ ходомъ, переднее лѣвое колесо промелькнуло возлѣ самаго дерева и едва замѣтно черкнуло по корѣ дуба.

— Ксенія, что вы дѣлаете?—невольно вырвалось у Василька.

— А это я затѣмъ, чтобы вы оба хорошенько запомнили это мѣсто...

— Она иногда бываетъ совсѣмъ невмѣняемая, сказала Варя.

У обоихъ стало легче на душѣ, когда машина подкатила къ дому.

VII.

Изъ дверей вышла нянька Марья, низко поклонилась, потрясла головой и сообщила:

— А мамаша-то уѣхали съ игуменьей въ монастырь — помолиться. Въ коляскѣ четверикомъ Силантій повезъ... Сказывали, денька на два, а то и болѣ...

— Ну, что жъ,—отвѣтилъ Василекъ,—значитъ, мы теперь полные хозяева, и вы теперь, конечно, останетесь ночевать...

— Нѣтъ, нѣтъ.... Ни въ какомъ случаѣ,—быстро проговорила Варя.

— Почему?

— Во-первыхъ, тетя съ ума сойдетъ,—она видѣла, что Ксенія сѣла за руль, и, наконецъ, въ отсутствіи Надежды Петровны неудобно. Прикажите лучше Филиппу, чтобы онъ насъ отвезъ. Вотъ и все.

— А самое главное, «что скажетъ княгиня Марья Алексѣвна»...—отозвалась Ксенія.

— Глупо, Ксенія, ужасно глупо. Ты знаешь, что я этого никогда не боялась, и болтаешь чепуху...

— Ну, въ такомъ случаѣ, хоть чаю выпейте, а я прикажу, чтобы добавили бензину и зажгли ацетиленовые фонари. Ну, пойдемте же въ комнаты,—звалъ Василекъ.

Втроемъ, какъ и всегда, не говорилось. И чаю никто не пилъ, одна Ксенія съ удовольствіемъ быстро проглотила два стакана холоднаго молока и начала подговариваться, что снова будетъ править автомобилемъ.

— Нѣтъ, ужъ довольно,—отвѣтилъ рѣзко Василекъ и вспомнилъ, какъ она чуть не зацѣпила за дерево. — Ночью этого нельзя, я не позволю,—васъ повезетъ Филиппъ...

Ксенія надула губки и больше не произнесла ни одного слова. Молчала и Варя, но ея глаза смотрѣли ласково и проникновенно, точно хотѣли сказать:

«Спасибо, милый, что ты меня понялъ».

Когда они черезъ полчаса снова садились въ автомобиль, Василекъ сталъ на подножку и серьезнымъ голосомъ произнесъ:

— Не нужно быстро ѣхать, Филиппъ, особенно черезъ лѣсъ и на поворотахъ осторожнѣе, да и на шоссе нужно поглядывать, а главное, не давайте барышнѣ Ксеніи руля. Ни въ какомъ случаѣ...

— Не въ первый разъ,—отвѣтилъ шофферъ.

Отъ сильнаго свѣта фонарей не было видно ни его, ни женскихъ фигуръ. Ярко выдѣлялась на землѣ каждая травка и каждая щепочка до самыхъ воротъ.

Два луча вздрогнули, какъ будто стали шире и поплыли. Ярко освѣтились стволы деревьевъ впереди, потомъ вдругъ пропали и ничего уже не было видно, слышался только мягкій гулъ.

Василекъ вернулся къ себѣ въ комнату и велѣлъ нянькѣ зажечь двѣ лампы. Внизу въ пустомъ домѣ ему казалось страшно. Не пошелъ бы онъ сейчасъ одинъ и въ паркъ, и не умѣлъ себѣ объяснить—почему.

Чувство огромнаго, ни съ чѣмъ не сравнимаго одиночества давило его и не только въ этомъ домѣ, стѣны котораго видѣли много печали, а и вездѣ, на всемъ свѣтѣ... И казалось невозможнымъ жить дальше, если не видѣться и не разговаривать каждый день съ Варей. Возлѣ нея душа отдыхала, а возлѣ Ксеніи дергалась.

Было душно. Василекъ отворилъ всѣ окна. Сейчасъ же налетѣла цѣлая стая бабочекъ и жуковъ,—они мѣшали думать. Василекъ снова закрылъ окна, позвалъ няньку и велѣлъ ей при-

нести маленькій самоваръ и варенія изъ черной смородины, затѣмъ долго ходилъ взадъ и впередъ. Когда подали чай, онъ налилъ стаканъ очень крѣпкаго, поставилъ возлѣ себя на письменномъ столѣ, оглянулся и сказалъ:

— Ступай, нянька, спать...

— А ты?

— А я посижу еще, почитаю, попишу, пока разсвѣтетъ.

Много хотѣлось сказать Марьѣ своему барчуку, но, тридцать пять лѣтъ прожившая въ семьѣ Разумовскихъ въ особой дисциплинѣ, она только произнесла:

— Воля твоя,—поклонилась и вышла.

Чтобы отрѣзать самому себѣ выходъ, Василекъ рѣшилъ сегодня же написать Варѣ, что проситъ ее стать его женой, и проситъ завтра рано утромъ отвѣта съ нарочнымъ. Онъ еще разъ прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ, снова сѣлъ за столъ и обмакнулъ перо:

«Все это я могъ бы сказать и устно, но такъ мнѣ легче и лучше выражать свои мысли... Я не знаю, какъ назвать мое чувство, потому что, кажется, никого и ни разу еще не любилъ, несмотря на свой почтенный для студента возрастъ... Но то, что я переживаю, когда иду съ вами рядомъ и когда слушаю вашъ голосъ,—очень похоже на счастье, какимъ его рисуютъ писатели... Мы почти вмѣстѣ выросли, и вы мнѣ, какъ родная, но въ послѣдніе годы мы видѣлись рѣдко. Я почти не знаю, какъ жили вы, а о себѣ могу сказать, что мое существованіе было большой нелѣпостью. Да еще и несовременной... Варя, милая, хорошая Варя, если мы пойдемъ рядомъ, то, можетъ быть, не упадемъ оба въ яму, какъ евангельскіе слѣпые, а найдемъ ту дорогу, которая приведетъ насъ къ болѣе интересной жизни... Если вы согласны, то прошу о двухъ вещахъ... Во-первыхъ, отвѣтьте сейчасъ же и только однимъ словомъ «да», а во-вторыхъ, не будемъ откладывать, сдѣлаемъ это какъ можно скорѣе. Не убоимся предразсудковъ и повѣнчаемся теперь же... Хочется еще и еще писать вамъ, но знаю, что больше не нужно, что вы чувствуете и все то, чего нѣтъ на бумагѣ, но есть въ моемъ сердцѣ. Василекъ».

Онъ запечаталъ конвертъ и подумалъ: «Это хорошо, что я не прибавилъ никакихъ поцѣлуевъ и ничего сантиментальнаго. Такому человѣку, какъ Варя, дороже всего правда, и только правда... Раньше девяти часовъ утра письма не слѣдуетъ посылать, она можетъ испугаться».

Василекъ метался взадъ и впередъ по комна

разсвѣта. Уже не было страшно и казалось, что и въ жизни его скоро наступитъ утро, прекрасное, свѣжее, бодрящее.

Когда защебетали въ паркѣ воробьи и небо покрылось свѣтло-зелеными мазками, Василекъ снова отворилъ двери и окна, потушилъ лампу и легъ на холодную, тонкаго холста, простыню.

«Въ семь часовъ я долженъ проснуться и отослать письмо»,— сказалъ онъ самому себѣ мысленно. Эта способность открывать глаза по желанію въ опредѣленный часъ осталась у него еще со времени гимназическихъ выпускныхъ экзаменовъ.

Было безъ трехъ минутъ семь и солнце уже поднялось высоко, когда Василекъ вскочилъ. Прежде всего онъ взглянулъ на письменный столъ: есть ли тамъ конвертъ и не приснилось ли ему то, что онъ вчера писалъ? Затѣмъ онъ въ одномъ бѣльѣ вышелъ на балконъ и крикнулъ проходившему внизу мужику, чтобы къ нему послали кого-нибудь изъ конюховъ. Василекъ наскоро умылся и пожалѣлъ, что вода не холодная.

Вошелъ молодой краснощекій Хрисанѳъ и снялъ картузъ. Этотъ паробокъ всегда былъ симпатиченъ Васильку.

— От шо, Хрисанѳъ, сідай ты зараз на сірого, та вези от це пісьмо у Шпотовку... Да шоб на дёвьять годин і назад був...

Хрисанеъ почесалъ у себя подъ шеей и переспросилъ:

— На девьять кажете?...

— На девьять...

— Дак це-ж кінь издохне...

— Чого-ж він издохне?

— Аж туды пятнадцать верстов, да видтіля...

— Да, пожалуй, не успѣешь,—задумчиво пробормоталъ Василекъ уже по-русски.

— Вы, паничу, от шо, як треба вамъ такъ швидко, дак пошлить лучче Пилиппа автомобилем. Аж він яке жалованья бере, та ничого і не робе, а морда в его як у кабана...

— Ну, это не твое дѣло, какая у него морда... Хотя, въ самомъ дѣлѣ, пошли-ка мнѣ Филиппа.

Пока пришелъ шофферъ, незамѣтно пробѣжало еще четверть часа.

Филиппъ не сталъ много разговаривать, а только спросилъ:

— Значитъ, какъ только отвѣтъ дадутъ, сейчасъ же назадъ?

— Да, пожалуйста.

— Позвольте вамъ доложить, Василій Александровичъ, бензину у насъ маловато осталось...

— Хорошо, я сейчасъ пошлю человѣка въ городъ съ телѣгой.

Шофферъ Филиппъ и «московка» нянька Марья были единственными людьми изъ прислуги, которые умѣли правильно говорить по-русски.

Василекъ спустился внизъ и опять послалъ за Хрисанѳомъ.

«Ишь, лѣнтяй, испугался пятнадцати верстъ, такъ я же пошлю его за тридцать въ городъ за бензиномъ», подумалъ онъ.

Когда Филиппъ уѣхалъ, Василекъ вдругъ началъ волноваться,—не находилъ себѣ мѣста. Обѣжалъ весь паркъ, обошелъ всѣ комнаты и снова вернулся во дворъ. Вспомнилъ о своихъ государственныхъ экзаменахъ и улыбнулся, до такой степени вопросъ о нихъ показался ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ждало его впереди.

Черезъ полтора часа, когда часовая стрѣлка еще не дошла до девяти, въ рукахъ у него была уже небольшая голубенькая карточка, на которой женскимъ почеркомъ было написано только одно слово «да».

Василекъ прочелъ и вдругъ успокоился, задумался.

Около полудня совсѣмъ неожиданно вернулась изъ монастыря Надежда Петровна, радостно поцѣловала сына въ лобъ и спросила:

— Ну, какъ же ты здѣсь хозяйничалъ и какъ тебя принимали въ Шпотовкѣ?

— Да, какъ всегда,—отвѣтилъ онъ и подумалъ: «Я ей скажу потомъ, не сейчасъ, пусть отдохнетъ, лучше всего во время завтрака»...

Въ часъ дня горничная Даша доложила ему, что «кушать подано» на верандѣ и «мамаша ожидаютъ».

Надежда Петровна была въ свѣтло-сѣромъ капотѣ, ея сѣдые волосы были гладко причесаны, съ проборомъ по серединѣ, глаза смотрѣли спокойно и немного торжественно, какъ всегда послѣ того, когда она возвращалась изъ церкви. Она уже пятый годъ не ѣла мясного, положила себѣ на тарелку гренокъ со шпинатомъ и спросила сына:

— Ну, а какъ же твои занятія?

— Да никакъ...

— Почему?

— Да потому, что на душѣ, мама, совсѣмъ другое... Я, мама, сдѣлалъ предложеніе Варенькѣ Хотинской.

Надежда Петровна положила ножикъ и вилку. Видимо, стараясь владѣть собою, она спросила:

— И получилъ согласіе?

— Да...

Мать истово перекрестилась, и на глазахъ ея показались слезы.

— Ну, теперь я могу умереть спокойно... Услышалъ-таки Господь меня, грѣшную.

— Зачѣмъ же, мамочка, умирать, теперь жить нужно, да внуковъ ожидать,—пошутилъ Василекъ. И вдругъ смутился и покраснѣлъ.

Самое главное было сказано.

И матери и сыну стало легко и захотѣлось помолчать. Василекъ заставлялъ себя ѣсть. Когда, какъ всегда послѣ завтрака, подали чай, онъ закурилъ маленькую сигаретку и сказалъ:

— Я, мамочка, хотѣлъ бы не медлить.

— Ничего не имѣю противъ...

— Я, мамочка, дома обѣдать не буду,—поѣду къ ней.

— Поѣзжай, а я немного полежу — подумаю. Вотъ ты молодой и хорошій, а только вѣришь плохо, я тоже когда-то почти не вѣрила, а теперь даже и въ чудеса вѣрю...

VIII.

Деликатный Филиппъ съ серьезнымъ лицомъ подкатилъ къ подъѣзду. Онъ не сомнѣвался, что ѣхать придется снова въ Шпотовку, но, когда Василекъ сѣлъ, Филиппъ спросилъ:

— Куда прикажете?

— Къ Хотинскимъ.

Былъ уже третій часъ, но жара еще не спала. Десять минутъ лѣсомъ было очень пріятно ѣхать, въ полѣ же и на шоссе огромный вихрь пыли побѣжалъ за автомобилемъ.

Когда впереди показались тополи усадьбы, Василекъ задумалъ: «если Варя встрѣтитъ меня спокойная, тихая, безъ лишнихъ словъ—значитъ, мы будемъ счастливы, а если станетъ волноваться и много говорить,—то не будемъ».

Его никто не встрѣтилъ, и во дворѣ и въ комнатахъ было пусто.

Василекъ прошелъ черезъ общую гостиную, затѣмъ черезъ столовую, черезъ комнаты Соломоніи Ѳедоровны и очутился на балконѣ.

Варя, тетя Сома и Ксенія сидѣли за чайнымъ столомъ и очень миролюбиво разсматривали какія-то выкройки. Варя, вѣроятно, не ожидавшая такъ скоро увидѣть жениха, густо покраснѣла.

— Пожаръ, пожаръ,—закричала Ксенія.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно,—пропѣла тетя.

«Неужели Варя сказала имъ?»,—подумалъ Василекъ, и, овладѣвъ собой, поздоровался со всѣми. Въ это время Ксенія громко закричала:

— Вѣдь правда же вы сегодня присылали Филиппа за всѣми нами?

Василекъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Ну, конечно...

— Я такъ и знала, а Варвара не спросила ни меня, ни тетю, хотя мы уже не спали, и отправила его обратно... Мы не виноваты...

Ксенія надула губки. Василекъ снова улыбнулся, улыбнулась и Варя.

— Ну, а теперь я самъ пріѣхалъ,—сказалъ онъ,—и, если позволите, даже останусь обѣдать у васъ...

— Разумѣется,—заохала тетя Сома,—разумѣется,—и, переваливаясь съ боку-на-бокъ, побѣжала совѣтоваться съ поваромъ Игнатіемъ. Ксенія черезъ калитку прямо изъ сада отправилась къ шофферу.

Василекъ и Варя молча пошли по кленовой аллеѣ вправо. Онъ взялъ Варю подъ руку и задыхаясь сказалъ:

— Моя свѣтлая недѣля продолжается и, кажется, обратится въ свѣтлую жизнь.

— Дай Богъ,—прошептала она.

— Тебѣ сейчасъ хорошо?

— Мгм...

«Я бы могъ ее сейчасъ поцѣловать, — подумалъ Василекъ,—но не нужно, чтобы у насъ было такъ, какъ бываетъ у всѣхъ»...

Зашли далеко, вглубь парка.

— Я вѣдь тебя мало знаю. Я только чувствую, какой ты прекрасный человѣкъ,—сказалъ Василекъ.—Я не представляю себѣ, какъ ты жила въ Москвѣ, какъ училась... Я хорошо помню тебя только гимназисткой восьмого класса,—худенькая такая была...

— Я никогда и никого, кромѣ тебя, не любила... Ксенія

знала это и нарочно, чтобы меня злить, поставила твой портретъ у себя на письменномъ столѣ.

— Экая чудачка, однако это интересно, пойдемъ къ ней въ комнату и посмотримъ.

— Послѣ,—тихо отвѣтила Варя.

Она вдругъ остановилась, положила Васильку обѣ руки на плечи и почти однѣми губами сказала:

— Милый, боюсь, что все это снится мнѣ...

Василекъ взялъ ее за талію и поцѣловалъ сначала въ оба глаза, затѣмъ въ губы и въ шею.

— Нѣтъ, голубчикъ, не снится,—пойдемъ вмѣстѣ дальше и дальше, до самаго конца жизни... Если захотимъ, многое сумѣемъ сдѣлать и для себя, и для другихъ, авось, будемъ счастливѣе своихъ родителей, вѣдь въ нашемъ распоряженіи еще добрыхъ двадцать пять лѣтъ...

— Знаешь, когда я тебя увидѣла въ Москвѣ, я уже знала, что это будетъ, и съ тѣхъ поръ перестала томиться и чувствовать себя ненужной, а только напряженно ждала, когда и какъ это случится. Слушай, зачѣмъ ты письмо написалъ, а не самъ?

— Такъ легче, проще...

Когда они вернулись къ дому, Ксенія уже успѣла переодѣться въ зеленоватый легкій капотъ съ большимъ вырѣзомъ. Она очень внимательно оглядѣла Василька и сестру и сдѣлалась серьезной и задумчивой. За обѣдомъ Ксенія тоже не спускала съ нихъ глазъ.

«Почуяла, думалъ Василекъ, пожалуй, теперь не дастъ намъ съ Варей и остаться одинъ на-одинъ. Нужно съ ней поговорить», и онъ сказалъ:

— Слушайте, Ксенія Сергѣевна, если вы дѣйствительно рѣшили покупать машину, то не дѣлайте этого безъ меня, я буду въ Москвѣ въ концѣ августа и тогда пойдемъ вмѣстѣ...

— Непремѣнно куплю,—отозвалась она, и глаза ея вдругъ стали совсѣмъ другими: дѣтскими и любопытными.

«Клюнуло», мелькнуло въ головѣ Василька, и онъ снова спросилъ:

— Ну, а какъ вамъ нравится автомобиль, которымъ вы уже два раза правили?

— Очень, очень нравится.

— Вы не обижайтесь, если я не всегда позволяю вамъ брать руль, право же, для сидящихъ въ автомобилѣ не всегда безопасно, если машину ведетъ женщина... Вы вотъ что, если

хотите поупражняться,—поѣзжайте послѣ обѣда съ Филиппомъ вдвоемъ, до захода солнца можете далеко побывать...

— Спасибо, спасибо,—отозвалась уже совсѣмъ съ дѣтскимъ восторгомъ Ксенія.

Варя едва замѣтно улыбнулась. Когда встали изъ-за стола, Василекъ какъ будто случайно зашелъ въ комнату Ксеніи. Здѣсь былъ страшный безпорядокъ: платья и чулки валялись на креслахъ. Одна туфля лежала посрединѣ комнаты, а другая стояла на письменномъ столѣ.

— Ай, ай, нельзя, я переодѣваюсь,—запищала откуда-то изъ-за ширмъ Ксенія, но сейчасъ же добавила:—а, впрочемъ, входите, все равно не увидите ничего...

Василекъ вошелъ и остановился возлѣ письменнаго стола. Рядомъ съ туфлей онъ увидалъ свою фотографію въ рамочкѣ краснаго дерева, очень старую,—еще когда былъ на первомъ курсѣ.

За желтой ширмой мелькнула обнаженная рука.

— Скажите Филиппу, пусть въ лѣвую заднюю шину подкачаетъ немного воздуху, произнесъ Василекъ, — я только за этимъ и пришелъ.

— Хорошо, хорошо, я сама все осмотрю...

Онъ обернулся и увидалъ въ зеркалѣ полуобнаженную фигурку Ксеніи. Сердце чуть дернулось, но больше отъ неожиданности.

Василекъ заставилъ себя выйти изъ комнаты.

Варю онъ увидѣлъ въ саду и, когда представилъ себѣ, что до самой ночи они будутъ только вдвоемъ, обрадовался, точно долго просидѣвшій въ одиночной камерѣ человѣкъ, которому объявили, что онъ до самаго вечера имѣетъ право гулять и дышать свѣжимъ воздухомъ...

А воздухъ и на самомъ дѣлѣ былъ ласковый, тянуло ландышами и медовыми травами. Краснѣли въ цвѣтникѣ тюльпаны.

— Пойдемъ на ту самую скамеечку, откуда все поле видно,—сказалъ Василекъ.

Она молча взяла его подъ руку, точно хотѣла отвѣтить: «веди, куда хочешь»...

— Знаешь,—произнесъ онъ,—у меня нѣтъ того чувства радостнаго удивленія, которое, казалось бы, должно быть... Если я теперь чему и удивляюсь, такъ это тому, какъ я могъ раньше тебя видѣть и не говорить такъ, какъ говорю съ тобой теперь? Какъ я могъ жить въ Петербургѣ и находить, что есть дѣвушки содержательнѣе и сердечнѣе, чѣмъ ты? Какъ я могъ?

Когда любятъ, часто говорятъ разныя глупости, но, Варя, клянусь тебѣ, я сейчасъ говорю совершенно обдуманно, что никогда и нигдѣ не видѣлъ существа болѣе чистаго, чѣмъ ты, и знаю, что и не увижу, потому что во всей Россіи нѣтъ такой другой...

— Нну...—протянула Варя,—это ужъ слишкомъ...

— Нѣтъ, не слишкомъ... Ты знаешь, мнѣ всегда мѣшалъ жить вѣчный самоанализъ, я всегда спрашивалъ себя, почему я поступаю такъ или иначе? Товарищи не долюбливали меня за это и считали холоднымъ и гордецомъ, думали, что меня испортили деньги... У меня никогда не было ни одного друга, кромѣ матери... И вдругъ я измѣнился. Я не только не хочу, но и не могу отдавать себѣ отчета въ томъ, что дѣлаю сейчасъ, и нѣтъ у меня дороже на этомъ свѣтѣ друга, чѣмъ ты... Я какъ будто бы заново родился и родился совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Эти пять дней больше и интереснѣе, чѣмъ всѣ пять лѣтъ предыдущей жизни въ университетѣ... Только, Варя, дорогая, не будемъ откладывать. Въ первый же день, въ какой можно вѣнчаться по церковнымъ правиламъ, и повѣнчаемся. Надо объ этомъ спросить маму...

— А ты ей сказалъ?

— Сказалъ.

— Ну, что жъ она?

— Радостно перекрестилась... Она у меня проникновенная и сама тебя крѣпко любитъ, послѣ меня, больше всѣхъ...

Еще долго сидѣли на скамеечкѣ и смотрѣли на заходящее солнце, затѣмъ на потухающую зарю, и радостно было Васильку чувствовать, какъ довѣрчиво жмется къ нему Варя... Далеко въ степи, точно вихрь, завиднѣлось облако пыли и ясно выдѣлилось на розовомъ фонѣ, оставшемся послѣ заката.

— Это Ксенія возвращается,—произнесла Варя и почему-то отодвинулась.—Пойдемъ уже домой. Тетя Сома, навѣрное, ожидаетъ насъ съ чаемъ.

— Ну, пойдемъ.

Въ эти минуты и Василекъ, и Варя чувствовали передъ Ксеніей какой-то безотчетный страхъ, но почему-то стѣснялись сказать объ этомъ вслухъ.

IX.

Когда Василекъ вошелъ въ спальню къ матери, она еще не ложилась, но, кромѣ лампадки, передъ кіотомъ въ комнатѣ не было огня.

— Ну, что ты?—спросила Надежда Петровна и поцѣловала его въ лобъ.

— А то, мама, что до сихъ поръ я не зналъ, что такое счастье, а теперь знаю...—И глаза его засіяли.

— Слава Богу, голубчикъ мой.

Василекъ сѣлъ въ кресло, возлѣ круглаго рабочаго столика.

— Слушайте, мама, когда по церковному обряду можно вѣнчаться?

— Хоть на ѳоминой, только требуется, чтобы раньше три раза было сдѣлано оглашеніе...

— Какое оглашеніе?

— Да такъ вотъ: объявитъ васъ о. Захарій всенародно женихомъ и невѣстой и спроситъ, не имѣетъ ли кто препятствій къ вашему браку?

— Какихъ препятствій?

— А на тотъ случай, если бы оказалось, что вы родственники или свойственники.

— Странно, вѣдь самому отцу Захарію извѣстно хорошо, что мы не родственники.

— Да такъ-то оно такъ, а только законъ такой...

— Мамочка, и я, и Варя умоляемъ васъ не дѣлать рѣшительно никакихъ приглашеній и не откладывать ни одного дня...

— Да ужъ очень это скоро, что скажутъ люди?

— Это и мнѣ, и ей рѣшительно все равно. Мамочка, пошлите завтра за о. Захаріемъ, дадимъ ему радужную бумажку, и онъ все сдѣлаетъ, вѣдь мы же не просимъ ничего противозаконнаго...

Проговорили почти до разсвѣта.

Утромъ Василекъ послалъ за священникомъ маленькій фаэтонъ (автомобиля о. Захарій боялся) и передалъ черезъ кучера Силантія письмо. Въ этотъ день батюшка кого-то долженъ былъ хоронить и потому опоздалъ, но пріѣхалъ веселый и ласковый.

Василекъ побѣжалъ къ Надеждѣ Петровнѣ и сказалъ:

— Ты ужъ сама съ нимъ поговори, я не знаю, какъ это дѣлается, и скорымъ шагомъ ушелъ въ паркъ.

Здѣсь онъ сидѣлъ одинъ и улыбался. Черезъ нѣсколько минутъ сюда явилась нянька Марья, тоже сіяющая и вдругъ помолодѣвшая, и сказала ему, какъ говорила и двадцать пять лѣтъ тому назадъ:

— Василекъ, тебя маменька зоветъ.

Онъ вскочилъ и быстро пошелъ къ дому, въ гостиной увидѣлъ священника и поздоровался. Отецъ Захарій потеръ рука объ руку и сказалъ:

— Доброе дѣло, доброе дѣло задумали, только въ субботу таинство брака, конечно, не можетъ быть совершаемо, а въ воскресеніе послѣ литургіи и повѣнчаемъ... Да... Вотъ какъ съ пѣвчими? Вѣдь у насъ не того... Изъ уѣзднаго города придется выписать, и дьякона...

— Я не знаю, батюшка, конечно, лучше съ пѣвчими...

Священникъ не могъ добиться отъ него ничего опредѣленнаго и уѣхалъ съ тѣмъ, что сама Надежда Петровна завтра сообщитъ ему обо всемъ.

Затѣмъ опять до самаго вечера Василекъ говорилъ съ матерью о пѣвчихъ, о томъ, гдѣ лучше поселиться ему и Варѣ, въ Журавлевкѣ или Шпотовкѣ? о подвѣнечномъ платьѣ и приглашать ли уѣзднаго предводителя дворянства или нѣтъ?

— Никого, мама, громко сказалъ Василекъ, вѣдь ты и я собственно говоря петербургскіе жители, а здѣсь мы дачники. Если ты и жила минувшую зиму въ Журавлевкѣ, такъ вѣдь никого не принимала, кромѣ своихъ монахинь, а я въ уѣздномъ городѣ прошлымъ лѣтомъ былъ только одинъ разъ...

— Ну, а какъ же съ шаферами?

— Вотъ это дѣйствительно задача. Хотя у о. Захарія есть сынъ студентъ и второй, кажется, юнкеръ или офицеръ, ну, а затѣмъ нужно спросить Варю; можетъ, она кого-нибудь посовѣтуетъ...

Надежда Петровна махнула рукой и засмѣялась. За два дня она похудѣла, но замѣтно повеселѣла. Она послала за управляющимъ и долго съ нимъ говорила.

А Васильку хотѣлось только одного, чтобы время бѣжало скорѣе. Въ эту ночь онъ совсѣмъ не могъ уснуть, и ему было непонятно, почему могутъ не успѣть выслать вѣнчальное платье, и зачѣмъ нужно вмѣшивать въ его личное счастье мало знакомаго предводителя? Только подъ утро онъ задремалъ, но уже въ семь часовъ вскочилъ и побѣжалъ осматривать свой большой автомобиль, на которомъ вчера ѣздилъ въ городъ управляющій. Машина оказалась въ цѣлости, а Филиппъ разсказалъ, что привезли много покупокъ, въ томъ числѣ дюжину шампанскаго, а также и обойщика съ матеріаломъ.

— Кто же распорядился?

— Надежда Петровна.

Филиппъ никогда не произносилъ слово «барыня».

— Ну, хорошо, я дамъ вамъ письмо, а вы поѣзжайте на этой же машинѣ въ Шпотовку и привезите всѣхъ трехъ барышень не позже двѣнадцати часовъ, затѣмъ будьте добры, ни въ какомъ случаѣ не давайте править младшей барышнѣ...

— Слушаю-съ,—безстрастно и съ собственнымъ достоинствомъ произнесъ Филиппъ.

Васильку казалось, что шофферъ, узнавъ о его женитьбѣ, отвѣчаетъ теперь съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде.

До полудня снова пришлось разговаривать съ матерью и нельзя было ее убѣдить, что отдѣлка и ремонтъ цѣлой половины дома для него и для Вари—это лишнее, и шампанское лишнее, и что можно вѣнчаться и не во фракѣ...

— Милый мой Василечекъ, все это случается только разъ въ жизни, а потому ужъ пусть будетъ по-моему, порадуй меня...

— Ну, пусть...

— А Варѣ я посовѣтую запросить срочной телеграммой въ Москву ту портниху, которая ей всегда шьетъ, можетъ ли она черезъ 5 дней выслать съ курьерскимъ платье?..

Василекъ пошелъ къ воротамъ послушать, не гудитъ ли приближающійся автомобиль? Слѣва, возлѣ сарая, кучеръ Силантій и конюхъ Хрисанѳъ складывали сѣно. Было слышно, какъ Силантій сказалъ сверху—съ чердака:

— Черезъ недѣлю и вѣнчаніе...

Хрисанѳъ снизу отвѣтилъ:

— От попьем горілки, дак попьем...

— Уже всѣ знаютъ, всѣ, кромѣ Ксеніи и тети Сомы, но сегодня и онѣ узнаютъ,—подумалъ Василекъ и прислушался.

Изъ лѣсу ясно долеталъ звукъ открытаго глушителя.

— Ѣдутъ,—прошепталъ Василекъ и побѣжалъ къ воротамъ.

Лица Вари, Соломоніи Ѳеодоровны и особенно Ксеніи были серьезны. Всѣ онѣ были одѣты въ бѣлыя платья, а тетя Сома въ темнозеленое старинное «черкасскаго шелка».

— Что у васъ сегодня такое?—спросила Василька Ксенія и вопросительно подняла брови.

— Да вотъ мамѣ захотѣлось всѣхъ васъ видѣть, праздникъ,—дарное воскресеніе.

— А отчего же она сегодня не была въ церкви?

— Право, не знаю.

Когда вошли въ домъ, и автомобиль отъѣхалъ, послышался стукъ колесъ неуклюжаго монастырскаго экипажа и пріѣхала игуменья Серафима на вороныхъ взмыленныхъ лошадяхъ. У ку-

чера лицо было потное, красное, должно быть, его очень торопили. Въ началѣ 2-го часа пріѣхалъ и отецъ Захарій съ двумя сыновьями. Несмотря на жаркій день, управляющій Иванъ Ивановичъ пришелъ въ черномъ сюртукѣ. Всѣхъ ихъ пригласила сама Надежда Петровна.

Василекъ невыносимо страдалъ, ему хотѣлось убѣжать, вмѣстѣ съ Варей, сначала въ паркъ, а потомъ черезъ поле на станцію желѣзной дороги, и только любовь къ матери заставляла его сдерживаться.

Непріятенъ былъ раздвинутый во всю длину столъ и новый, до сихъ поръ никогда не вынимавшійся, сервизъ и блестящіе холодильники для шампанскаго и черезчуръ по-праздничному одѣтыя горничная Даша и нянька Марья, и уже пятнадцать лѣтъ не жившій въ усадьбѣ и неизвѣстно откуда явившійся въ мѣшковатомъ фракѣ старикъ-лакей Григорій.

Только сейчасъ Василекъ замѣтилъ, что во всѣхъ комнатахъ паркетъ заново вычищенъ и съ дорогой штофной мебели сняты чехлы.

«Ничего не подѣлаешь,—думалъ онъ,—нужно перенести».

И съ Варей не удалось сказать ни одного слова. Нельзя было понять, что это обѣдъ или завтракъ? За столъ сѣли только въ четвертомъ часу и все еще какъ будто кого-то или чего-то ожидали.

Ксенія была очень блѣдна, и это къ ней шло, она жаловалась на головную боль и часто пила воду. Варя казалась спокойной и необыкновенно похорошѣла. День выдался солнечный, точно іюньскій. Грохоталъ гдѣ-то далеко громъ.

По двору ходили съ кнутами шпотовскій и монастырскій кучера и видимо съ нетерпѣніемъ ожидали, когда имъ дадутъ водки. Весь въ бѣломъ, поваръ часто бѣгалъ изъ кухни въ ледникъ и обратно.

Когда всѣ начали ѣсть, стало какъ-то веселѣе и легче. Присутствіе Надежды Петровны всѣхъ подбадривало.

«И зачѣмъ это? точно у купцовъ», съ тоской думалъ Василекъ и злился на сидѣвшаго слѣва управляющаго, который хотѣлъ быть особенно любезнымъ и уже въ третій разъ предлагалъ ему рябиновой водки. Игуменья Серафима ѣла съ большимъ аппетитомъ, но часто подымала глаза и жадно разсматривала Варю.

Подали огромныхъ карасей въ сметанѣ (другой рыбы нельзя было достать). Затѣмъ хлопнула пробка шампанскаго, за ней другая. Григорій трясущейся рукой разлилъ вино по бокаламъ.

Батюшка вдругъ всталъ, слегка откашлялся и началъ говорить что-то длинное о нареченныхъ и святости брака вообще...

Ксенія широко раскрыла глаза, потомъ закрыла ихъ, поблѣднѣла еще сильнѣе и вдругъ легла на плечо тети Сомы, а потомъ сдвинулась и сползла на полъ...

Варя вскочила и побѣжала къ ней. Надежда Петровна опрокинула свой бокалъ.

Кто-то произнесъ слово «обморокъ». Управляющій схватился за графинъ съ водой. Василекъ сообразилъ и побѣжалъ въ спальню матери за нашатырнымъ спиртомъ.

Когда онъ вернулся, Ксенія уже пришла въ себя и только тяжело дышала. Тетя Сома быстро говорила:

— Встала ни свѣтъ, ни заря, не пила, не ѣла, такъ и поѣхала, ну и конечно...

Чувствовалось, что всѣ гости хотятъ владѣть собою, но это имъ плохо удается.

Игуменья Серафима настойчиво потребовала, чтобы Ксенія сейчасъ же выпила стаканъ шампанскаго. Послѣ вина дѣвушкѣ дѣйствительно стало гораздо легче. Еще черезъ пять минутъ всѣ успокоились и снова начали ѣсть. Батюшка не окончилъ своей рѣчи. Но Васильку и Варѣ пришлось чокаться и принимать поздравленія. Надежда Петровна ласково поцѣловалась съ невѣсткой и сыномъ, но тревога не сходила съ ея лица.

Ксенія уже шутила:

— Это со мной произошло отъ умиленія...

Когда встали изъ-за стола, Надежда Петровна увела Варю къ себѣ и долго съ ней о чемъ-то говорила.

Василекъ не зналъ, куда дѣваться.

Къ вечеру онъ почувствовалъ огромную усталость, точно послѣ долгой ѣзды въ вагонѣ третьяго класса...

X.

Медленно ползла еще болѣе утомительная недѣля. Васильку бывало только хорошо съ Варей, но и ее, бѣдную, все время теребили, то звали примѣрять, то диктовали ей какія-то телеграммы...

И въ Журавлевкѣ и въ шпотовскомъ домѣ появилось много какихъ-то незнакомыхъ людей. Собственная комната Василька на мезонинѣ оказалась разоренной, — оттуда вынесли письменный столъ, — на немъ перемѣняли сукно, взяли кожаныя кресла и

диванъ. Внизу стучали молотками и пахло вездѣ спиртовымъ лакомъ. Бабы съ подоткнутыми подолами мыли золой окна. Не было спасенія и въ паркѣ,—тамъ чистили дорожки и подновляли газоны.

Василекъ попробовалъ-было жаловаться на этотъ разгромъ матери, но она только улыбнулась, поцѣловала его въ лобъ и сказала:

— Ты же самъ требовалъ, чтобы все было сдѣлано какъ можно скорѣе. Сейчасъ тебѣ нужно ѣхать въ городъ за фракомъ.

Было рѣшено: назначить вѣнчаніе въ четыре часа, затѣмъ обѣдъ въ Шпотовкѣ, послѣ котораго молодые въ автомобилѣ переѣдутъ въ свой домъ въ Журавлевку.

О. Захарій и дьяконъ были въ новыхъ золотыхъ облаченіяхъ. Пѣвчіе въ синихъ кафтанахъ съ позументами. Трещали свѣчи въ люстрахъ. Всю церковь убрали оранжерейными и полевыми цвѣтами, и запахъ ихъ смѣшивался съ волнами ладана. Пестрѣли искусственные цвѣты у деревенскихъ дівчатъ на головахъ.

Въ церковь пускали всѣхъ.

Вѣнцы держали—сынъ о. Захарія, студентъ духовной академіи, въ парадномъ мундирѣ, и еще какой-то родственникъ управляющаго, въ свѣжемъ, отлично сшитомъ фракѣ. Ксенія была въ бѣломъ платьѣ, отдѣланномъ зелеными гирляндами; она замѣтно поблѣднѣла, и это къ ней шло. Красное, потное лицо тети Сомы постоянно поворачивалось то вправо, то влѣво. Были еще какіе-то люди и въ сюртукахъ, и въ малороссійскихъ чумаркахъ. Стѣны шпотовской церкви давно не видали такой свадьбы.

Василекъ, серьезный, стоялъ, почти не шевелясь. Варя часто крестилась, и казалось, будто отъ ея личика исходитъ сіяніе.

Отъ церкви до шпотовскаго дома было всего полторы версты, и Василекъ мечталъ поскорѣе переодѣться въ чесучовую пару, но этого нельзя было сдѣлать, потому что всѣ его вещи остались въ Журавлевкѣ.

Затѣмъ молодыхъ еще благословляли иконами плакавшая отъ радости Надежда Петровна и тетя Сома, и еще какой-то сѣдой господинъ,—Василекъ такъ и не узналъ, предсѣдатель ли это земской управы или предводитель дворянства?

Невыносимо долго и утомительно тянулся обѣдъ. Кричали «горько», но Василекъ и Варя поцѣловались всего одинъ разъ.

Встали изъ-за стола въ седьмомъ часу. Надежда Петровна уѣхала раньше. Василекъ торопилъ Варю, вышелъ самъ на крыльцо и велѣлъ подавать автомобиль. Ксеніи нигдѣ не было.

Они попрощались общимъ поклономъ. Когда хлопнула дверца и машина загудѣла, Василекъ радостно вздохнулъ и крѣпко сжалъ локоть жены. Стоявшая во дворѣ толпа мужиковъ, паробковъ и дівчатъ закланялась.

Уже кое-гдѣ горѣли звѣзды. Вечеръ наступалъ тихій и теплый.

— Ну, Филиппъ, выѣзжайте-ка поскорѣе на шоссе,—сказалъ Василекъ, повернулся къ Варѣ и добавилъ:—я и не предполагалъ, что это все такъ утомительно. Еще дома предстоитъ благословеніе мамы, а затѣмъ, если и тамъ еще будутъ чужіе люди, то просто хоть бѣги на край свѣта...

Онъ улыбнулся, обнялъ за талію Варю и нѣжно поцѣловалъ ее сначала въ губы, затѣмъ въ плечо.

— Ты устала?

— Да, немного.

— А гдѣ твои платья?

— Не знаю, кажется, ихъ увезли въ Журавлевку.

Когда Филиппъ остановилъ машину у подъѣзда, Василекъ крѣпко обрадовался. Но и здѣсь нужно было еще во второй разъ принять благословеніе, на колѣняхъ, отъ матери и затѣмъ особо отъ игуменьи Серафимы, которая, по своему сану, не могла присутствовать на вѣнчаніи и не была на обѣдѣ. Василекъ и Варя еще должны были выслушать поздравленія прислуги.

Весь мужской персоналъ былъ уже пьянъ.

Надежда Петровна сама повела молодыхъ въ заново-отдѣланную половину.

— Точно дѣтей ведешь елку показывать...—шутилъ Василекъ.

— Елка устраивается на одинъ день, а здѣсь на всю жизнь, серьезно отвѣтила мать.

Василекъ осмотрѣлъ будуаръ, спальню, кабинетъ и маленькую столовую и удивился, какъ это можно было такъ скоро и такъ хорошо все устроить. Ярко горѣла новая спиртовая лампа. Вздрагивалъ огонекъ лампадки передъ новыми въ блестящихъ ризахъ иконами.

— Спасибо, мамочка, спасибо, милая, только сдѣлай, родная, такъ, чтобы хотя въ теченіе недѣли къ намъ не являлась ни одна душа, мы никого, кромѣ тебя, не хотимъ видѣть. Даже игуменьи Серафимы не нужно... Правда, Варя?

— Правда...—она кивнула головкой.

— Ты, жена, переодѣнься во что-нибудь простое, а я пойду и добьюсь отъ няньки Марьи, куда она дѣвала мой пиджакъ, вѣроятно, ей кажется, что я теперь уже всегда буду ходить во фракѣ...

XI.

На слѣдующее утро, молодые встали рано,—въ девятомъ часу. Василекъ не дотронулся до приготовленнаго ему халата и сразу надѣлъ лѣтнюю чесунчовую пару. Не позвонилъ, а самъ пошелъ въ переднюю и сказалъ:

— Нянька, принеси намъ кофе.

Онъ вернулся и открылъ всѣ окна. Какъ и вчера, утро было жаркое. Гдѣ-то за паркомъ гремѣло, точно кто-то проводилъ большимъ пальцемъ по огромному бубну. Воробьи притихли.

Варя окончила прическу и вышла изъ будуара въ бѣломъ фланелевомъ халатикѣ, обшитомъ тонкимъ серебрянымъ позументомъ. Нянька Марья принесла кофейный приборъ, еще разъ поздравила молодыхъ, низко поклонилась и ушла.

Василекъ посадилъ къ себѣ жену на колѣни и сказалъ:

— Варя, милая Варя, какъ хорошо жить на свѣтѣ. Радость физической близости—это великая стихійная радость, но у насъ не только въ этомъ счастье. Правда, голубчичекъ?

— Правда...

— Съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, не страшно. Хорошая жена, точно хорошій домъ,—на дворѣ можетъ быть дождь, холодъ и вѣтеръ, а въ немъ тепло, свѣтло и работать можно. До сентября поживемъ для себя, а затѣмъ въ Питеръ, тамъ что-нибудь выдумаемъ.

— Тебѣ экзамены выдержать все-таки слѣдуетъ.

— Да, нужно бы...

Цѣлую недѣлю ихъ никто не тревожилъ и жизнь бѣжала какъ въ сладкомъ полуснѣ. За это время Василекъ не прочелъ ни одной газеты, и въ субботу никакъ не могъ сообразить, которое сегодня число. Зналъ только, что уже май...

Съ утра и до вечера они были вдвоемъ. Часто уходили гулять за нѣсколько верстъ, въ поле и говорили, говорили, и не надоѣдало. Въ воскресеніе къ обѣду пріѣхали тетя Сома и Ксенія и сейчасъ же отправились осматривать заново-отдѣланную половину молодыхъ.

— Ого, да у васъ здѣсь вкусненько,—сказала Ксенія и сейчасъ же вышла.

За столомъ она заявила, что на-дняхъ уѣзжаетъ за границу на все лѣто.

— Неужели одна?—спросила Надежда Петровна.

— Одна. Я предлагала тетѣ, но она моря боится, автомобиля боится и не говоритъ ни на одномъ изъ иностранныхъ языковъ, это же будетъ мученіе, а не путешествіе. Тетя говоритъ, денегъ нѣтъ, но я рѣшила продать всѣхъ лошадей, которыя считаются моими, и всѣ экипажи и разсчитаю половину прислуги, а главнымъ хранителемъ усадьбы оставлю повара Игнатія. У него семья...

— Такъ-то оно такъ, а все-таки одной нельзя...

— Нѣтъ, можно.

Ея слова прозвенѣли настойчиво, почти дерзко, а блеснувшіе глаза напомнили Надеждѣ Петровнѣ отца Ксеніи и Вари. Какъ-то вызывающе Ксенія выпила послѣ жаркого два стаканчика мадеры подрядъ.

Тетя Сома осталась ночевать. Надежда Петровна убѣждала ее переѣхать въ Журавлевку на все лѣто.

Ксенія наскоро попрощалась, и, когда подали автомобиль, сѣла рядомъ съ Филиппомъ и крикнула:

— Ну, до нескораго свиданія. Вотъ увидите, какую вкусненькую куплю я себѣ машинку.

Она махнула лѣвой рукой, а правой повернула колесо.

Когда вошли въ комнаты, Варя сказала:

— Боюсь я за Ксенію, хотя она, конечно, имѣетъ право устраивать свою жизнь, какъ хочетъ... А тетю лучше бы взять сюда, къ намъ.

Надежда Петровна вздохнула, поцѣловала Варю и Василька и усталой походкой пошла къ себѣ.

Въ этотъ вечеръ она долго молилась.

XII.

Прежде, когда Василекъ рисовалъ себѣ жизнь женатаго человѣка, ему казалось, что сначала всегда бываетъ большое и острое счастье, затѣмъ оно обращается въ нѣжную привязанность, и въ концѣ концовъ наступаетъ взаимная терпимость, а затѣмъ и скука.

Такое представленіе всегда его пугало, и думалось, что лучше быть холостымъ.

Но съ Варей выходило наоборотъ. Первыя двѣ недѣли прошли въ туманѣ, и Варя, какъ человѣкъ, была гдѣ-то далеко. Въ концѣ іюня она уже казалась не только самой любимой, но и самой умной и даже какъ будто старшей. Радовалъ тотъ духов-

ный комфортъ, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія. Съ матерью обо многомъ нельзя было говорить, изъ боязни, что она не пойметъ или огорчится, а Варѣ можно было открывать всю свою душу. Прежде, всякая понравившаяся женщина требовала отъ него заботъ, теперь же предметомъ этихъ заботъ былъ онъ самъ.

Варя выписала нѣсколько журналовъ и всѣ недостававшія ему книги для подготовки къ экзаменамъ. Она перевезла изъ Шпотовки рояль и уговорила тетю Сому въ тотъ же день переѣхать въ Журавлевку, сама устроила для нея уютную комнатку на мезонинѣ, гдѣ прежде жилъ Василекъ.

Варя съ утра ходила на кухню, пересматривала всю провизію, пересчитывала постельное и столовое бѣлье. Черезъ недѣлю она уже знала, какой удой даетъ каждая корова...

На два дня Варя уѣзжала съ Надеждой Петровной въ монастырь, и въ эти сорокъ восемь часовъ Василекъ не находилъ себѣ мѣста, а когда она вернулась, такъ обрадовался, что забылъ поздороваться съ матерью.

У него уже не было того страха передъ будущимъ, который давилъ его прежде, и хотя онъ ничего не дѣлалъ, но не было и сознанія своей ненужности.

Въ началѣ августа выяснилось, что Варя будетъ матерью. Счастье какъ будто удвоилось.

Однажды утромъ, Варя проснулась въ седьмомъ часу, сладко потянулась, поглядѣла на постель Василька и увидѣла, что его тамъ нѣтъ. Вскочила, въ одной рубахѣ подошла къ окну и растворила его. Пахнуло свѣжимъ утромъ и гіацинтами. Справа на яблонѣ громко чирикали воробьи. Слѣва, гдѣ начиналась кленовая аллея, видна была фигура ходившаго взадъ и впередъ Василька. Онъ былъ безъ пиджака, съ сигареткой въ зубахъ, шагалъ быстро и неровно, съ опущенной внизъ головой. Варя никогда не видала его такимъ озабоченнымъ. Она накинула пеньюаръ и, въ туфелькахъ на босую ногу, побѣжала къ мужу.

Постаралась не показать, что встревожилась,—даже нарочно зѣвнула, и спросила:

— Отчего ты такъ рано всталъ?

— Да что-то спалось неважно... Кошмары какіе-то...

— Не слѣдуетъ намъ такъ поздно ужинать.

— Однако, ты тоже ужинала, а спала чудесно.

— Такъ у меня вообще нервы здоровѣе твоихъ.

Варя обняла его за талію, прижалась и спросила:

— Ну, скажи, какіе тебѣ кошмары грезились?

— Да ничего особеннаго, такъ, ерунда: видѣлъ во снѣ Павла столяра.

— Какого Павла?

— Помнишь, я тебѣ разсказывалъ, кажется, еще тогда въ вагонѣ, когда мы ѣхали вмѣстѣ изъ Москвы.

— Ахъ, помню, помню...

Личико ея вдругъ потускнѣло. Василекъ это замѣтилъ и подумалъ: «И зачѣмъ я ей сказалъ. Вѣдь она беременна. Всякая, даже самая маленькая непріятность, ей вредна. Нужно это исправить. Какъ жаль, что я не умѣю и не могу ей лгать».

— Ну, такъ какъ же онъ тебѣ снился?—настойчиво спросила Варя.

— Да никакъ особенно, будто вытянулся передо мной и говоритъ: «честь имѣю поздравить васъ съ законнымъ бракомъ»...

— Только и всего?

— Только и всего,—отвѣтилъ Василекъ и подумалъ: «значитъ, умѣю».

На самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ не такой сонъ. Васильку дѣйствительно пригрезился Павло,—идетъ навстрѣчу, какъ живой, но лицо у него мертвое, сѣрое и глаза закрыты, лиловыя губы плотно сомкнуты и слюна на нихъ запеклась.

— Что тебѣ, Павло?—спросилъ Василекъ.

А Павло молчитъ, все ближе подходитъ. Поднялъ свою костлявую руку и также, безъ единаго слова, положилъ ее на плечо Васильку.

Весь организмъ Василька хотѣлъ закричать, бѣжать, но не могъ сдвинуться съ мѣста и не могъ открыть рта.

Онъ очнулся въ поту и сейчасъ же понялъ, что это былъ сонъ, но все еще казалось, что нечѣмъ дышать, и чувствовался на правомъ плечѣ холодъ мертвой руки. Его удивило спокойное личико спящей Вари. Хотѣлъ разбудить ее, но пожалѣлъ. Наскоро одѣлся и выбѣжалъ въ паркъ на воздухъ,—сразу стало легче. Но тяжелое впечатлѣніе отъ нелѣпаго кошмара еще не изгладилось.

Когда пришла Варя, въ душу точно свѣжая волна вкатилась. И отъ того, что онъ скрылъ отъ жены свой кошмаръ,—солгалъ, стало не тяжелѣе, какъ онъ ожидалъ, а легче. Прикосновеніе маленькой, теплой ручки давало ощущеніе огромнаго счастья, какъ прикосновеніе ледяной руки Павла было ни съ чѣмъ несравнимымъ ужасомъ.

Еще черезъ десять минутъ уже казалось непонятнымъ, какъ это нелѣпое сновидѣніе могло перевернуть всю душу.

Какъ и всегда, они пили утренній кофе у себя въ комнатѣ, только вдвоемъ. Василекъ уже улыбался, а Варя говорила:

— Однако, какой ты впечатлительный, можетъ быть, это не совсѣмъ нормально, но вообрази, мнѣ это нравится...

И опять чудесная усадьба, нѣжность матери и сознаніе, что у Вари скоро будетъ ребенокъ, надолго сдѣлали ихъ жизнь тѣмъ тихимъ раемъ, который бываетъ на этомъ свѣтѣ у немногихъ только, очень немногихъ...

Неожиданно пришло письмо отъ Ксеніи, что она уже въ Варшавѣ, что купила собственную машину и—«въ среду пятнадцатаго августа пріѣду навѣстить милыхъ молодыхъ, которыхъ цѣлую крѣпко, крѣпко».

Варя искренно обрадовалась предстоящему свиданію съ сестрой.

— Нужно будетъ сдѣлать въ этотъ день обѣдъ получше, Ксенія вѣдь любитъ «вкусненько» поѣсть, а за границей она, конечно, ни ея любимаго борща съ курицей, ни заливного поросенка и не видала...

XIII.

Ксенія пріѣхала дѣйствительно въ среду, въ жаркій полдень, совсѣмъ одна, въ новенькомъ красномъ автомобилѣ, которымъ сама правила. И сейчасъ же быстро заговорила:

— Здравствуйте, здравствуйте, я еще, нарочно, въ лѣсу открыла глушитель, чтобы погромче вышло, а вы и не услыхали,—все цѣлуетесь... Ну, давайте и я васъ обоихъ поцѣлую. А правда, шикарная машинка?..

— Да, не плохая,—сказалъ Василекъ.

Онъ все еще чувствовалъ на своихъ губахъ влажный, горячій поцѣлуй, отъ котораго инстинктивно отдернулся.

Автомобиль сдали Филиппу и пошли въ комнаты. Ксенія какъ-будто очень обрадовалась и Надеждѣ Петровнѣ и поцѣловала ей руку, чего раньше никогда не дѣлала. Затѣмъ прошла на половину Василька и Вари, и здѣсь долго и внимательно разсматривала каждую вещь.

— Ничего, вкусненько живете...—вырвалось у нея.

Василекъ замѣтилъ въ ней что-то новое, но что̀ именно, никакъ не могъ опредѣлить, потомъ только понялъ, что, ходившая всегда съ распущенными волосами, Ксенія стала носить высокую прическу, которая къ ней очень шла. Ея лицо и руки сильно загорѣли. Прежней пухленькой барышни не было. Манеры стали

какъ будто не такими рѣзкими, особенно измѣнились глаза. Они блестѣли задумчиво и холодно и не смѣялись, когда улыбались ея губы...

Ксенія весело и ласково шутила:

— Въ Неаполѣ я влюбилась, честное слово, господа, влюбилась,— его звали Джузеппе. И до такой степени онъ былъ похожъ на васъ, Василій Александровичъ, что я, когда увидала его въ первый разъ,—даже испугалась...

Губы Вари сложились въ презрительную улыбку.

— И чѣмъ же окончился вашъ романъ?—спросилъ Василекъ.

— Удралъ онъ...

— Ну и конечно много захватилъ вашихъ лиръ?

— Только двѣсти,—не смущаясь, отвѣтила Ксенія.—Затѣмъ я еще встрѣтилась на Капри съ молодымъ русскимъ драматургомъ...

— Ну, а съ драматургомъ чѣмъ у васъ кончилось?

— Тоже удралъ...

Въ это время вошла Надежда Петровна и позвала:

— Идите же, господа, обѣдать, борщъ стынетъ...

Ксенія вдругъ сократилась и чинно пошла въ столовую. Ѣла она съ какой-то собачьей жадностью и дѣйствительно очень обрадовалась заливному поросенку.

— Этого блюда ни въ Италіи, ни во Франціи нельзя достать ни за какія деньги... Холодненькій, нѣжненькій... Вы знаете, на пароходѣ я познакомилась съ однимъ испанцемъ, и онъ разсказалъ мнѣ, что у нихъ существуетъ поговорка: «месть, это—блюдо, которое нужно ѣсть въ холодномъ видѣ»...

— Какое блюдо? — спокойно переспросила Надежда Петровна.

— Нѣтъ, это я такъ. Чепуха...—Ксенія опять замолчала.

Послѣ обѣда она повезла Василька и Варю кататься въ своемъ автомобилѣ. Василекъ посовѣтовалъ женѣ лучше не садиться. Онъ боялся, что гдѣ-нибудь на поворотѣ машина можетъ сильно тряхнуть, и это будетъ вредно Варѣ.

— Какія глупости,—отвѣтила она и сѣла.

Автомобиль летѣлъ замѣчательно плавно и почти безшумно. Ксенія правила очень внимательно, такъ что Василекъ даже позавидовалъ ей. Она подвезла ихъ къ крыльцу, посмотрѣла на свои крохотные браслетные часы и сказала:

— Ну, господа, извиняюсь передъ мамой, мнѣ нужно домой...

— Хоть чаю выпей,—посовѣтовала Варя.

— Не могу...

Машина снова мягко тронулась, сейчасъ же ускорила ходъ и черезъ минуту вмѣстѣ съ Ксеніей скрылась въ перелѣскѣ.

Когда ложились спать, Василекъ сказалъ женѣ:

— Вотъ тебя я узналъ всю за три-четыре недѣли, а Ксенія непонятная остается, злая она или добрая, умная или глупая,—Богъ ее знаетъ...

— Что ты,—отвѣтила Варя,—ты ей все-таки чужой, а я вѣдь прожила въ одной комнатѣ съ ней нѣсколько лѣтъ и то никогда ее не понимала и теперь не понимаю. Мнѣ кажется, что она просто больной человѣкъ,—неврастеничка...

— Ей бы замужъ,—сказалъ Василекъ, укутался въ одѣяло и закурилъ сигаретку.

— Да, пожалуй...

Ксенія пріѣзжала часто. По вечерамъ катались, затѣмъ подолгу разговаривали, но все больше о пустякахъ. Ксенія нѣсколько разъ оставалась ночевать. Ее клали въ сосѣдней комнатѣ. И тогда Василекъ боялся лишній разъ поцѣловать жену,—ему казалось, что Ксенія непремѣнно подглядываетъ и подслушиваетъ.

Въ концѣ августа—двадцат восьмого числа ему окончилось двадцать восемь лѣтъ. Надеждѣ Петровнѣ хотѣлось отпраздновать этотъ день.

Снова были гости. Василекъ проснулся въ плохомъ настроеніи и ему казалось, что предстоитъ во второй разъ вѣнчаться.

Ксенія дурачилась и балагурила:

— Двадцать восьмого августа и какъ разъ двадцать восемь лѣтъ. Это нѣчто фатальное.

За обѣдомъ она много пила и что-то разсказывала объ испанцахъ. На ея щекахъ горѣли два яркихъ пятна, но глаза были мутны. Бывшій шаферъ, сынъ о. Захарія, студентъ духовной академіи, не сводилъ съ Ксеніи глазъ. Она казалась ему необыкновенной, удивительной, недосягаемой...

На всѣ вопросы студента, Ксенія не отвѣчала, а только разсѣянно улыбалась.

Когда встали изъ-за стола, она вдругъ притихла и все время была возлѣ Вари—сдѣлалась задумчивой и ласковой.

Въ саду подошла къ все еще раздраженному Васильку, погладила его по рукѣ и тихо произнесла:

— Не знаете вы меня, а я крѣпко люблю васъ обоихъ...

Василька эта фраза тронула, въ первый разъ голосъ Ксеніи прозвучалъ такъ искренно и задушевно.

Передъ вечеромъ опять поѣхали кататься. Филиппъ повезъ въ большомъ автомобилѣ предводителя и другого сына священника—офицера. Самъ о. Захарій подумалъ, перекрестился и тоже сѣлъ.

Студентъ-академикъ умолялъ Ксенію взять его въ свой автомобиль, она долго не соглашалась и разрѣшила ему сѣсть рядомъ съ собой, только тогда, когда объ этомъ попросила Варя.

Поѣхали по разнымъ дорогамъ.

Хлѣба были уже сняты, и на десятки верстъ кругомъ раскинулась желтая равнина. Скоро показалась шпотовская церковь, а съ другой стороны завиднѣлась высокая водокачка желѣзнодорожной станціи. Вечеръ наступалъ тихій и теплый. Казалось, что зеленоватое небо опустилось ниже. Иногда на лица падало носившееся въ воздухѣ «бабье лѣто». Кое-гдѣ на горизонтѣ были видны похожіе на большихъ жуковъ, медленно ползущіе возы съ гречихой, которую еще не успѣли свезти слишкомъ богатые или слишкомъ лѣнивые мужики.

Еще дальше гдѣ-то курилась труба паровой молотилки. Долго былъ виденъ и автомобиль, которымъ правилъ Филиппъ.

Ксенія обернулась и сказала:

— Если бы не пыль, какъ бы чудесно было... Поѣдемъ, господа, къ Николаевкѣ и домой черезъ лѣсъ?... Правда?

— Хорошо,—отвѣтилъ Василекъ.

Варя закутала вуалью всю голову и молчала. Студентъ млѣлъ. Больше никто не произнесъ ни слова. Ксенія свернула на проселокъ и прибавила ходу. Машина летѣла, чуть вздрагивая. Черезъ пять минутъ она вкатилась въ лѣсъ и пошла тише. Здѣсь было хорошо, но уже сильно потемнѣло. Трава на полянѣ покрылась росою, и потому рѣшили не вставать, а ѣхать прямо домой.

Вечерній вѣтеръ ласкалъ лица. На опушкѣ Ксенія снова разогнала машину. Впереди показался дубъ, о который она весной задѣла осью.

И теперь никто не узналъ, хотѣла или не хотѣла Ксенія сдѣлать то же самое. Но руль почему-то ея не послушался.

Бухнуло какъ изъ пушки, и горячій столбъ вонючаго дыма поднялся къ небу. Вся передняя часть машины разлетѣлась вдребезги, точно игрушечная. Фигура Вари перевернулась въ воздухѣ и звонко ударилась о корявый стволъ дуба. Студента и

Василька сплющило спинкой кузова. Тяжелая задняя ось разворотила Ксеніи весь черепъ...

Шарахнулись изъ-подъ листьевъ воробьи. На травѣ вокругъ горѣлъ бензинъ, желто-красные языки пламени уже приближались къ смоченной кровью вуали, которой была замотана голова Вари.

Кость руки Василька прорвала пиджакъ, и розовыя сухожилья ярко выдѣлялись на потемнѣвшей дорогѣ...

Борисъ Лазаревскій.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Не жалко юности. Былой печали жалко.
Душа видѣнья ткетъ на призрачной канвѣ.
Ненастный день, заборъ, и на заборѣ галка,
И блѣдносиніе цвѣточки на травѣ...

Не знаю почему,—изъ многихъ впечатлѣній
Пустыя, скудныя остались до сихъ поръ.
Я все перезабылъ. Душа въ усталой лѣни.
Но, странно, помнятся цвѣточки и заборъ...

Мнѣ скучно иногда отъ самого большого,
Что жизни придаетъ и смыслъ и глубину,—
Мнѣ хочется закрыть глаза и видѣть снова
Совсѣмъ далекую, наивную весну,—

И чтобы не было въ ней радостнаго грома,
Чтобъ сердце не томилъ когда-то милый взоръ...
Нѣтъ! Только тишина заброшеннаго дома
И синіе цвѣты, и сломанный заборъ...

Дмитрій Цензоръ.

ПЕРЕДЪ ЖИЗНЬЮ.

I.

Петръ Антоновичъ Коврыгинъ получилъ отъ товарищей прозвище: «хозяинъ», хотя былъ такимъ же слесаремъ железнодорожной мастерской, какъ и они. «Хозяиномъ» его называли и въ глаза, и за глаза—безъ всякой тѣни насмѣшки, а просто и серьезно, какъ будто иначе и быть не могло. Этотъ худощавый, плечистый мужчина, молодой еще, но такой обстоятельный, всегда трезвый, суровый, но не хмурый, внушалъ товарищамъ невольное почтеніе.—«Сурьезный ты парень, Петра!»—говаривалъ Вуколъ Луповъ, лаская его пьяными, наивно восхищенными глазами...

Въ Коврыгинѣ было все серьезно: густыя, нависшія брови, сѣрые глаза, прямодушные, открытые и властные, привычка дѣлать всякое дѣло, какъ слѣдуетъ, не давать поблажки ни себѣ, ни другимъ, а главное—его неусыпная, немного тяжеловѣсная заботливость. Для другихъ мастерская была, просто, «казеннымъ» мѣстомъ: «отзвонилъ и съ колокольни долой!»—а Петръ Антоновичъ принималъ ея интересы къ сердцу, точно это было его собственное, личное дѣло. И поступалъ онъ такъ не изъ корысти, а по инстинкту, какой заставляетъ каждаго муравья заботиться о своемъ муравейникѣ.

— Ну, что ты плетешь лапти? — ворчалъ онъ, замѣчая, что товарищъ работаетъ, спустя рукава.—Смотрѣть-то на тебя скукота.

Встрѣчая на улицѣ плохо навьюченный возъ, что грозилъ разсыпаться при первомъ толчкѣ, Коврыгинъ не могъ удержаться, чтобы не крикнуть:

— Эй, тетеря, чего смотришь? Поправь возъ-то!

Если перегруженный возъ застревалъ на подъемѣ, Петръ Антоновичъ немедленно припрягался и хлопоталъ до тѣхъ поръ, пока не возстановитъ порядка.

Бурое, какъ будто закоптѣлое лицо, носъ лаптемъ и рѣзко очерченная, «заботливая» морщина во всю длину лба—очень

старили Ковригина. Красивымъ его никто не назвалъ бы, но крупныя, энергичныя черты, неторопливая увѣренность движеній и умные, честные глаза, не опускавшіеся ни передъ кѣмъ, возбуждали съ перваго же взгляда довѣріе.

Красавцемъ онъ былъ только для Настасьи Кузьминичны, его жены. Эта низенькая, тщедушная, суетливая женщина недостаточно цѣнила его умъ и характеръ: — «И ничего въ немъ такого обстоятельнаго нѣтъ,—одно упрямство». Зато была высокаго мнѣнія о его наружности:—«Какъ слѣдуетъ, настоящій мужчина,—не то, что Вуколка черномазый». Рядомъ съ мужемъ, она производила впечатлѣніе колесика, вертящагося съ бѣшеной быстротой, въ то время, какъ огромное маховое колесо совершаетъ не спѣша свой мощный оборотъ. Пока мужъ, вернувшись изъ мастерской, отмываетъ съ лица и рукъ копоть, Настасья Кузьминична успѣетъ сдѣлать тысячу движеній, наговорить уйму словъ, которыя могли бы составить довольно толстую книжку. Она обладала способностью произнести безъ передышки длинную рѣчь, состоящую изъ домашнихъ новостей, сплетенъ, приходо-расходныхъ соображеній, жалобъ на судьбу вообще и на дороговизну въ частности, вопросовъ, на которые она тутъ же сама себѣ отвѣчала, и предполагаемыхъ отвѣтовъ мужа, которые она съ жаромъ оспаривала...—«Ну, изъ трубы выкинуло»,—посмѣивался Петръ Антоновичъ.

Квартира, снимаемая Ковригинымъ на самомъ краю города, близъ вокзала, состояла изъ пяти невзрачныхъ клѣтушекъ. Настасья Кузьминична высчитала, что выгоднѣе снять «цѣльную» квартиру и сдавать комнаты, что̀ и доказала блестяще, пустивъ тотчасъ же жильцовъ въ двѣ клѣтушки. Одну занималъ Вуколъ Луповъ, сослуживецъ Ковригина, другую—Капитолина—шляпница, или, просто, Капка, какъ называла ее Настасья Кузьминична...

За послѣдніе дни Ковригинымъ приходилось ужинать вдвоемъ, безъ жильцовъ: Вуколъ загулялъ, а Капка «хвосты трепала». Хотя у Настасьи Кузьминичны была прислуга, тѣмъ не менѣе она считала своимъ долгомъ самой прислуживать мужу, который возвращался изъ мастерской только къ ужину. Неугомонная суетливость подстрекала ее моториться, по выраженію мужа, «вокругъ пустого мѣста»: точить только-что наточенные ножи, разогрѣвать горячее кушаніе, мыть чистую посуду...

— Да сядь ты, блоха, на мѣсто! Чего скачешь зря?

Петръ Антоновичъ не одобрялъ суеты, но, когда жены не случалось дома и ужинъ подавала молчаливая, неповоротливая Матрена, ему дѣлалось скучно:—«Словно, и не домой пришелъ»...

— Не блоха я, а хозяйка, работница. Это вонъ твоя Ольга сидитъ барыней, сложивши ручки...

Съ тѣхъ поръ, какъ сестра задумала готовиться къ экзамену, чтобы изъ швеи стать учительницей, Петръ Антоновичъ постарался снять съ нея всѣ житейскія заботы и строго слѣдилъ, чтобы она не тратила времени на шитье и хозяйство:—«Нечего гоняться за двумя зайцами». Настасьѣ Кузьминичнѣ это было не по сердцу: почему Ольга сидитъ за книжками, а она все на кухнѣ, да на кухнѣ? Вотъ задѣлается «училкой», перемѣнитъ «головенный» платокъ на шляпку, тогда какъ она, которая ничѣмъ не хуже ея, будетъ все около провизіи, да печки, да уборки.

— Ну, ужъ и врущая ты, Настасья! Развѣ Ольга сидитъ, сложа руки? Она вонъ ходитъ на урокъ, 25 цѣлковыхъ получаетъ.

Весной Ольга Антоновна сдала экзаменъ и подала прошеніе въ земство о мѣстѣ, а зимою Юханцева, дама, помогавшая Ольгѣ заниматься, нашла для нея урокъ. Это особенно взволновало Настасью Кузьминичну:—«Учитъ у господъ, щеголяетъ въ шляпѣ, какъ заправская барышня, а мы-то вотъ грѣшныя!..» Въ сущности, она сама не могла разобрать, чѣмъ недовольна, но успѣхъ Ольги раздражалъ ее, какъ заноза.

— «Урокъ». Эка невидаль! Я бы, можетъ, не плоше ея задавала уроки, кабы не была на цѣпи... Тутъ ворочаешь деньденьской всякую работу, какъ лошадь... изъ испарины, можно сказать, не выходишь,—а почетъ-то мнѣ въ родѣ, какъ соборному пономарю...

— Ну, чего плетешь? Какого тебѣ почету понадобилось?

— А такого, что она теперь образованная, а я, какъ была, такъ и остаюсь кухольнымъ человѣкомъ. За день-то ногамъ опомниться некогда...

— Такъ чего жъ тебѣ нужно? Говори толкомъ.

— Ничего мнѣ не нужно. Это вотъ твоей ненаглядной Ольгѣ...

— Тьфу ты, какая женщина неудобная!

Такъ кончился разговоръ и третьяго дня, и вчера. Но на этотъ разъ Настасья Кузьминична завела рѣчь объ Ольгѣ съ какимъ-то лукаво-торжествующимъ видомъ:

— Уроки! Вотъ-те и уроки!

— Что такое?

— Кажный день до поздняго вечера. Знаемъ мы эти «уроки»!

— Да ты къ чему подъѣзжаешь-то?

— Ужъ такъ я и чуяла, что тутъ не спроста. Хоть она у тебя и образованная...

— Да не зуди ты, зуда. Въ чемъ дѣло?

— Больше ничего, какъ шуры-муры-амуры завелись.

И она, не переводя духу, залпомъ сообщила, что Ольга спуталась съ молодымъ Зиновьевымъ: Капка нарочно стерегла около Зиновьевскаго дома и выслѣдила, какъ Ольга, выходя съ урока, встрѣчается съ хозяйскимъ сыномъ, разгуливаетъ съ нимъ, сидитъ на бульварѣ...—«Не диво, что она къ самому ужину приходитъ. Вотъ тебѣ и образованность... Какого ученика завела!»

Петръ Антоновичъ не терпѣлъ бабьихъ сплетенъ, считая ихъ «неосмысленной брехней»; но теперь невольно призадумался. Онъ самъ замѣтилъ въ сестрѣ перемѣну: Ольга почти перестала ѣсть за ужиномъ, спѣшила затвориться у себя въ комнатѣ, а выходя оттуда, какъ-то пугливо косилась на всѣхъ, словно виноватая или обиженная... Да и Вуколъ вонъ запилъ. Положимъ, онъ и прежде баловался виномъ, да все не такъ. Нѣтъ, тутъ тоже есть причина: безъ огня дыму не бываетъ... Опять же эти завитушки. Онъ даже спросилъ какъ-то:—«Что это тебѣ, Ольга, вздумалось прическу взбадривать?» Сестра тогда покраснѣла, надулась, и онъ не сталъ допытываться, рѣшивъ мысленно, что, видно, весь женскій полъ на одну тему...—«А теперь выходитъ въ итогѣ, что и завивка—не спроста».

Изъ кухни донесся смѣхъ и шумъ: Капка вернулась. Петръ Антоновичъ поморщился: все шалое, безпорядочное раздражало его. Капитолина не вошла, а ворвалась вихремъ въ комнату, какъ всегда дѣлала. Первое, что̀ поражало въ ней, это—губы: маленькія, необыкновенно толстыя и та̀кія румяныя, что хотѣлось спросить: не краситъ ли она ихъ? На дворѣ она такъ и значилась: «Капка губастая»... Круглое лицо молочно-бѣлаго цвѣта, крошечный носикъ, ямочка на полномъ подбородкѣ и наивная, глупенькая усмѣшка, не сходившая съ губъ, дѣлали Капитолину похожей на ребенка; но свѣтло-голубые съ зелеными искорками глаза, отливавшіе шальнымъ блескомъ, вкрадчивый голосъ, когда она не визжала, и движенія, напоминавшія кошку, подбирающуюся къ мыши, заставляли инстинктивно настораживаться...

— Откуда Богъ несетъ?

Петръ Антоновичъ всегда говорилъ съ Капитолиной особенно сурово, что̀ повидимому, нравилось дѣвушкѣ, какъ своего рода заигрываніе. Она залилась тоненькимъ смѣхомъ и, взявъ стулъ, усѣлась бокъ-о-бокъ съ хозяиномъ, такъ что перышко на ея шляпѣ коснулось его волосъ. Онъ брезгливо отодвинулся: «Лѣзетъ въ самую рожу со своимъ дурацкимъ перомъ!» Настасья

Кузьминична стояла, молодецки подбоченившись и смотря на Капитолину свысока насмѣшливымъ взглядомъ, который, впрочемъ, нисколько не смущалъ шляпницу.

— Гдѣ жъ твой кавалеръ, Капка? Куда ты его дѣвала?

— Какіе у меня кавалеры! Про кого вы, Настасья Кузьминична?

— Одинъ у насъ кавалеръ-то: Вуколъ Иванычъ.

— Что-й-то вы, право? И въ глаза не видала. И во снѣ не снился... Это вамъ лучше знать.

Всѣмъ было ясно, что она лжетъ, и ее забавляло, что всѣ это отлично знаютъ. Для нея тутъ—какая-то особая, препотѣшная «игра во вранье»: смотрите, молъ, какъ я лихо сочиняю! Лучшее средство узнать у нея всю подноготную это—дать ей поврать всласть: такъ понимала ее Настасья Кузьминична.

— А я думала, ты все съ кавалерами подъ ручку, въ родѣ нашей...

— До кавалеровъ ли мнѣ, Настасья Кузьминична? Теперь работы не оберешься. Весна скоро: шляпницы только поспѣвай.

— Ну, ну... еще снѣгъ на дворѣ. Это вы съ Ольгой поспѣшили въ шляпки вырядиться... Разскажи-ка вотъ, кстати, хозяину, какъ ты видѣла ее съ милымъ дружкомъ.

Капитолина, стыдливо потупившись и бросая на Петра Антоновича изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ быстрые, лукавые взгляды, начала повѣствовать съ какою-то старческой степенностью, производившею у нея комическое впечатлѣніе. Потомъ забылась и застрекотала не хуже Настасьи Кузьминичны. Воображеніе распалялось съ каждымъ словомъ, перышко на шляпкѣ такъ и прыгало, такъ и вертѣлось во всѣ стороны: Ольга Антоновна гуляетъ подъ ручку съ господиномъ, сидитъ съ нимъ на бульварной скамейкѣ, «обнямшись», скачетъ на лихачѣ («чуть меня не задавили!»), а то и на цѣлой тройкѣ съ самой развеселой компаніей.

У Петра Антоновича отлегло отъ сердца:—«ну, видимое дѣло, брешутъ бабы». Онъ уже не слушалъ Капкиныхъ фантазій, а смотрѣлъ на ея жестикулирующія пухлыя руки и думалъ:—«Какая она, къ чорту, шляпница! Лодырничаетъ, по бульварамъ стрѣляетъ. Вонъ у Настасьи рабочія руки, а у этой податливой»... И онъ обводилъ Капитолину съ ногъ до головы тяжелымъ, отталкивающимъ взглядомъ, демонстративно отодвигая отъ нея свой стулъ. Затѣмъ вниманіе его привлекло перо на шляпкѣ, жалкое, ощипанное, точно источенное молью. Это пе-

рышко, странное и смѣшное посреди неприглядной обстановки рабочаго жилья, возбуждало въ немъ и досаду и жалость. Чѣмъ легкомысленнѣе порхало у него передъ глазами, тѣмъ жальче становилось ему «этой безмозглой дѣвчонки, безстыжей и пропащей». Вспоминались осиротѣлыя семьи рабочихъ: жизнь волочитъ ихъ по грязной, наглой улицѣ, сыновей разсовываетъ по острогамъ, дочерей гонитъ на бульвары.

— «Вотъ и эта, должно быть, тоже осталась безъ роду, безъ племени... Наголодалась съ дѣтства, потомъ рада отдать все за сладкій кусокъ. Въ головешкѣ-то ни одной путной мысли. Научилась только втыкать перышко въ шляпу... Эхъ, жизнь!»

— Ты ругаешь ее за кавалеровъ,—сказала Настасья Кузьминична, кивая на шляпницу.—А вотъ помяни мое слово, если твоя училка не заткнетъ Капку за поясъ...

— Потявкай у меня!—гнѣвно оборвалъ ее мужъ и, не доужинавъ, вышелъ изъ-за стола.

II.

Каждый разъ, входя утромъ въ переднюю Зиновьевыхъ, гдѣ пахло какими-то благовоніями, Ольга Антоновна озабоченно осматривала себя въ огромномъ стѣнномъ зеркалѣ, и каждый разъ ей становилось стыдно за свою мужиковатую фигуру. Плечистая, ширококостная, какъ братъ, и немножко грузная, она казалась себѣ такой будничной, вульгарной. Какъ ни убѣждала себя, что все это—глупости и даже совѣстно думать о такихъ вещахъ, конфузное ощущеніе собственной топорности сковывало ее по рукамъ и ногамъ. А когда ея ученица выбѣгала къ ней навстрѣчу, Ольга Антоновна чувствовала себя окончательно уничтоженной передъ этой тоненькой, хрупкой, блѣдненькой дѣвочкой. Все въ Лизѣ представлялось ей верхомъ изящества: крошечныя ручки съ розовыми ноготками, бѣлокурые, нѣжные, какъ пухъ, волосы и большіе-пребольшіе каріе, не по лѣтамъ задумчивые глаза подъ тонкими, нервными бровями, которыя Лизочка такъ мило поднимала. Въ этихъ недѣтскихъ глазахъ постоянно трепетала какая-то неясная, тревожная и, какъ казалось Ольгѣ, поэтическая мысль, немножко грустная, немножко восторженная. Слабый, мелодичный голосокъ Лизы просился прямо въ душу, нѣжныя слова звучали въ ея устахъ такъ очаровательно. Когда она, ластясь, говорила:—«Ахъ, душечка моя, Ольгочка Антоночка!»,—Ольга боялась разинуть ротъ, чтобы не услыхать своего голоса, такого прозаическаго рядомъ съ этимъ милымъ щебетаніемъ.

Мать казалась ей не менѣе изящной. Хотя въ темныхъ, пушистыхъ волосахъ Надежды Николаевны пробивались уже пряди сѣдины, Ольга считала ее настоящей красавицей: до такой степени была чиста и нѣжна ея кожа, стройна талья, прелестны синеватые глаза, подернутые дымкой красивой печали, обворожительна тонкая, какъ иголочка, всегда деликатная улыбка...

— Какъ я завидую вамъ, Ольга Антоновна!

— Мнѣ?!

— Вы такая здоровая, нормальная, а я... а мы всѣ... Страшно подумать, что будетъ съ Лизой, когда ей придется вступить въ жизнь. Вѣдь она не человѣкъ, а какой-то одуванчикъ: дунешь на нее, и она вся разлетится. Я нарочно искала для дочери такую свѣжую, нетронутую натуру, какъ вы...

Ольга невольно ежилась, конфузясь отъ мысли, что ее цѣнятъ здѣсь, какъ здоровую кормилицу, приставленную къ болѣзненному ребенку. Она хорошо знала, что у нея недостаточно знаній, развитія, педагогическаго опыта. Она занимается съ Лизой «на-черно», пока не позвали настоящихъ учителей... Дѣвочка задаетъ ей порой такіе вопросы, на которые она не въ силахъ отвѣтить, высказываетъ такія мысли, что Ольга чувствуетъ себя передъ ней ученицей. Неудивительно, что Лиза говоритъ по-французски и по-нѣмецки, но откуда она узнала про такія вещи, о которыхъ сама Ольга имѣетъ очень смутное понятіе? Какъ и когда могла эта дѣвочка научиться такъ тонко думать и чувствовать? Или она черезчуръ начиталась, или безсознательно восприняла все это изъ домашней атмосферы, гдѣ всегда бываетъ столько умныхъ, образованныхъ людей? Ольгѣ казалось теперь, что сама она до 15-ти лѣтъ ни о чемъ не думала, а шила, чинила, штопала, бѣгала въ лавочку, помогала матери въ кухнѣ, между тѣмъ какъ Лиза давно живетъ кипучей внутренней жизнью. Припоминала знакомыхъ ребятъ, сравнивала ихъ съ Лизой: ни у кого нѣтъ такой красивой души, такого голоса, такихъ глазъ...— «Это ужъ, должно быть, отъ природы: тутъ ужъ, видно, ничего не подѣлаешь»,—съ грустью рѣшала она.

— Вы, милая Ольга Антоновна, не утруждайте ее, пожалуйста,—просила Зиновьева:—Лизу надо не подгонять, а сдерживать. Она и безъ того вся горитъ... Занимайтесь съ ней немножко грамматикой, ариѳметикой, диктантомъ, почитайте что-нибудь вмѣстѣ, погуляйте. Для Лизы важнѣе всего—быть въ обществѣ здороваго, уравновѣшеннаго человѣка, а то всѣ кругомъ нея—такіе издерганные. Хуже всѣхъ, кажется, ея мать...

Надежда Николаевна давно уже не жила съ мужемъ. Объ

этомъ предупредила Ольгу Юханцева, прося ее не спрашивать Зиновьеву о мужѣ. Ольга видѣла, что какое-то глубоко-скрытое страданіе подтачиваетъ въ Надеждѣ Николаевнѣ жизнь, и жалѣла ее и недоумѣвала: какъ могъ Зиновьевъ промѣнять на кого бы то ни было эту умную, добрую, очаровательную женщину?

— Вы знаете, Ольга Антоновна: моя единственная мечта— уберечь дѣтей отъ жизни, отъ ея грязи и темныхъ омутовъ, отъ непосильныхъ надрывовъ. Они слишкомъ хрупки: они не могутъ выйти невредимыми изъ ея водоворота. Глубокія мѣста хороши для тѣхъ, кто умѣетъ плавать, а у нихъ не хватитъ силъ выплыть. Я это по себѣ знаю... Лиза—вся въ меня... да и Коля тоже. Онъ, быть можетъ, не такой нервный, но и въ немъ нѣтъ настоящей живучести. Онъ принадлежитъ къ числу людей, которые какъ-то не сумѣли уцѣпиться корнями за жизнь и висятъ на половину въ воздухѣ. Если бы вы знали его поближе, вы поняли бы, почему я такъ дрожу за него...

Она разсказывала о дѣтствѣ сына, о его странностяхъ и патологической впечатлительности. Ольга слушала жадно, съ тревожно-замирающимъ сердцемъ. Передъ ней вырисовывался все яснѣе внутренній обликъ Николая Сергѣевича, трогательно безпомощный, неотразимо влекущій къ себѣ, росло почти материнское чувство къ этому взрослому ребенку, готовому, по словамъ Зиновьевой, при малѣйшемъ толчкѣ оторваться отъ почвы и захирѣть... Ольгѣ казалось, что она одинаково любитъ и жалѣетъ и дѣтей, и мать. Всѣ трое сидятъ въ ея сердцѣ нераздѣльно и неразрывно... Порой она признавалась себѣ, что, положительно, влюблена во всю семью, во все зиновьевское: въ печальные глаза матери, въ голосокъ Лизы, въ тихія, задумчивыя бесѣды Николая Сергѣевича, въ звуки піанино, на которомъ Лиза разыгрывала экзерцисы, въ картины, развѣшенныя по стѣнамъ комнатъ—во весь домъ, съ его лѣстницами, коврами, мраморными тумбочками, куреніями и тѣмъ особеннымъ, ласково-серьезнымъ благообразіемъ, что такъ шло къ сосредоточенному, застѣнчивому лицу хозяйки...

III.

До завтрака, какъ всегда, учились, потомъ долго гуляли съ Лизой по скверу; вернувшись, читали вмѣстѣ книжку о муравьяхъ и пчелахъ...

Вошла молоденькая горничная, одѣтая, какъ барышня, и

положила, что барыня проситъ къ себѣ Ольгу Антоновну на одну минутку.

Лиза огорченно воскликнула:—Ахъ ты, Господи,—на самомъ интересномъ мѣстѣ!

Обѣ—и ученица, и учительница—были изумлены: никогда не случалось, чтобы Надежда Николаевна мѣшала ихъ занятіямъ.

Серьезно встревоженная, Ольга направилась своей тяжеловатой походкой по корридору къ комнатѣ хозяйки. Никогда не покидавшая ее тайная мысль, которую она силилась скрыть даже отъ себя самой, вызвала на ея щеки два предательскихъ розовыхъ пятнышка. Вдругъ почудилось, что кто-то вывѣдалъ ея секретъ и крикнулъ о немъ во всеуслышаніе... — «Пустяки все это, мнительность одна»... — шептала она, какъ бы оправдываясь, а пятнышки все больше расползались по щекамъ, и, когда она вошла къ Зиновьевой, лицо у нея было буро-красное.

— Простите, ради Бога, что оторвала васъ отъ занятій...

Голосъ былъ все тотъ же: кроткій и усталый; но къ нему примѣшивалась оффиціальная нотка. Ольга подозрительно насторожилась.

— Сейчасъ былъ докторъ. Онъ очень напугалъ меня. Говоритъ, что Лиза должна оставить всякое ученіе... на время, конечно. Иначе ей угрожаетъ...

— «Не то, не то!»—пронеслось въ головѣ Ольги, и она почувствовала, что у ней горятъ уши, по волосамъ пробѣгаютъ мурашки.

— Такъ что приходится, къ моему крайнему сожалѣнію, прекратить, волей-неволей, занятія... временно, конечно, пока она не оправится...

По тому, какъ Зиновьева избѣгаетъ ея взгляда, какъ дрожатъ у нея руки, перелистывающія книгу, Ольга съ несомнѣнностью убѣдилась, что ее обманываютъ. Но неужели Надежда Николаевна узнала про то, чего она сама еще хорошенько не знаетъ?

— Когда Лиза окрѣпнетъ, я извѣщу васъ, а пока... Вотъ тутъ за мѣсяцъ...

Все не глядя на Ольгу, Зиновьева подала ей маленькій конвертикъ, пропитанный духами. Застигнутая врасплохъ, Ольга могла только пролепетать растерянно:

— Зачѣмъ же «за мѣсяцъ»? Я на прошлой недѣлѣ получила...

— Полноте!.. Стоитъ ли разговаривать?

Торопливо сунула въ руку Ольги конвертъ и такъ же торопливо вышла. Нѣсколько мгновеній Ольга простояла въ столбнякѣ, вспомнила, что на этотъ разъ хозяйка даже не предложила ей присѣсть.— «Да, вотъ они какъ!» — прошептала она безсознательно, тихонько положила конвертъ на столъ, тихонько, какъ воръ, прокралась въ переднюю. Тамъ было пусто. Радуясь, что ее никто не видитъ, она принялась поспѣшно одѣваться. Невыразимое презрѣніе къ себѣ терзало ее съ такой силой, что она зажимала ротъ, боясь застонать. Презрѣнными казались пальто, сшитое изъ перваго жалованія, и шляпка, пріобрѣтенная для нея Капитолиной «по дешевымъ цѣнамъ». Въ зеркалѣ мелькнуло круглое, все еще красное лицо, припомнилось почему-то, какъ на святкахъ, когда она ходила еще въ платочкѣ, пьяный на улицѣ привѣтствовалъ ее словами:— «Ишь, мордастенькая!» Съ тѣхъ поръ она рѣшила перемѣнить поскорѣй платокъ въ шляпку, чтобы быть подальше отъ уличныхъ фамиліарностей... Съ отвращеніемъ покосилась она на свое изображеніе въ зеркалѣ, которое показалось ей теперь особенно некрасивымъ, на прическу, стоившую ей столько усилій, и вышла на улицу, какъ оплеванная.

IV.

Небо было густо застлано молочно-сѣрой пеленой. Шелъ мелкій, дряблый снѣгъ, похожій на дождь; ноги шлепали по скользкому мѣсиву. Кое-гдѣ скреблись по камнямъ сани; пролетки подпрыгивали по изрытой мостовой, разбрызгивая снѣжныя лужи. Фонарей еще не зажигали, и Ольга не безъ труда разглядѣла въ полусумракѣ на перекресткѣ, возлѣ трамвайной остановки, знакомую фигуру въ короткомъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ. То былъ Николай Сергѣевичъ.

Вотъ уже скоро мѣсяцъ, какъ онъ встрѣчаетъ ее чуть не каждый день на этомъ мѣстѣ. Началось со случайной встрѣчи: онъ подъѣхалъ на трамваѣ, когда Ольга дожидалась здѣсь вагона, чтобы ѣхать домой. Потомъ Николай Сергѣевичъ, которому доктора предписали моціонъ, сталъ поджидать ее тутъ, чтобы совершать вмѣстѣ прогулку: «Тоска, знаете, слоняться одному по улицамъ. Какъ-то ужъ очень глупо, да и мысли невеселыя одолѣваютъ»... Мать знала про эти совмѣстныя прогулки и благодарила Ольгу: «По крайней мѣрѣ, онъ поговоритъ въ это время съ здоровымъ человѣкомъ, наберется бодрости». Николай

Сергѣевичъ провожалъ ее иногда до самаго дома; случалось, что они нарочно дѣлали крюкъ и прогуливались по нѣсколькимъ бульварамъ. Никому изъ нихъ не приходило въ голову думать о какомъ-нибудь ухаживаніи. Они разговаривали просто и серьезно: о Лизѣ, воспитаніи, книгахъ, о будущемъ учительствѣ Ольги въ деревнѣ—и никогда ни о чемъ мало-мальски интимномъ.

Но вотъ однажды Николай Сергѣевичъ встрѣтилъ ее на обычномъ мѣстѣ съ очень разстроеннымъ видомъ: глаза какъ будто ввалились, голосъ—глухой, больной, и весь его видъ—какой-то тусклый, надломленный, точно у человѣка, не успѣвшаго оправиться послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни.

— Что съ вами?

— Ничего.

Зиновьевъ молчалъ всю дорогу, отдѣлываясь коротенькими, неохотными фразами, и только на прощаніе признался со вздохомъ:

— Вѣдь, въ сущности, насильно живешь.

— То-есть, какъ «насильно»?

— Да такъ... Все время пришпориваешь себя, какъ заморенную клячу... Ну, да что объ этомъ! До свиданія...

Съ тѣхъ поръ Николай Сергѣевичъ началъ понемножку говорить Ольгѣ о себѣ, о своихъ настроеніяхъ, и она мало-помалу поняла, что разумѣетъ Надежда Николаевна и самъ онъ подъ его «болѣзнью». У него не было желаній, не хватало внутри какого-то самаго живого мѣста: хотѣлось жить, любить, радоваться, но онъ чувствовалъ себя такъ, точно изъ него «выпустили всю кровь и замѣнили сывороткой».

— Вѣдь, какъ ни разсуждайте, а я все-таки пережилъ кое-что на своемъ вѣку. Были успѣхи, неудачи, разочарованія, было то, что называютъ «радостями», и то, что называютъ «ударами судьбы». Но все это прошло какъ будто мимо меня или насквозь меня, не затронувъ хоть чуть-чуть сердцевины: скользнетъ—и исчезнетъ куда-то. Такъ бываетъ съ людьми, охваченными великой идеей, передъ которой все кажется маловажнымъ; но вѣдь у меня нѣтъ ничего такого за душой—вотъ, что обидно! Поймите: ничего, чѣмъ могъ бы я оправдать передъ собой свое равнодущіе. Къ великимъ идеямъ я отношусь такъ же апатично, какъ и къ маленькимъ радостямъ и огорченіямъ. Вамъ все это дико слышать, потому что вы—дитя здоровой, живучей среды, а у насъ, Зиновьевыхъ, еще дѣды носили въ себѣ порчу... Вотъ причина, почему вы никогда не поймете иныхъ вещей, которыя мы, выродженцы, понимаемъ другъ въ другѣ съ полслова...

Разговоры становились все откровеннѣе, дружба—тѣснѣе. Ольга тоже разсказывала о себѣ, описывала обстановку, въ которой живетъ, много говорила о братѣ. Дошла даже до того, что отважилась повѣдать Зиновьеву о своихъ «глупостяхъ», про которыя никому въ мірѣ не рѣшилась бы заикнуться. Николай Сергѣевичъ встрѣтилъ ея признаніе какимъ-то стариковски-снисходительнымъ смѣшкомъ:

— Вотъ забавно! Вы тяготитесь тѣмъ, о чемъ мы больше всего мечтаемъ. Мама отдала бы все на свѣтѣ, чтобы у Лизы были такія же полныя щеки, широкія плечи, какъ у васъ... Что касается меня, то я ощущаю паническое отвращеніе къ нашимъ немощнымъ дамамъ и барышнямъ: эти уродливыя таліи, паутинные нервы, истеричность... брр! Не могу подумать безъ ужаса о подобной женѣ. Нѣтъ, ужъ если бы я сталъ выбирать себѣ подругу жизни, то непремѣнно—здоровую тѣломъ и духомъ, безъ этой привилегированной гнили: словомъ,—дѣвушку, похожую на васъ... Да, да, я не шутя говорю: мнѣ нужна именно такая, какъ вы, т.-е., спокойная, твердая, уравновѣшенная...

— Я вовсе не такая спокойная...—пробормотала Ольга, краснѣя до корней волосъ...

Разговоръ этотъ произошелъ съ недѣлю назадъ, и Зиновьевъ больше не возобновлялъ его, а вращался все въ кругу отвлеченныхъ вопросовъ. Но Ольгу такъ взволновали его признанія, что она не спала двѣ ночи и даже, къ своему удовольствію, какъ будто похудѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждую черту ея вселилось какое-то праздничное оживленіе, бросавшееся въ глаза и роднымъ, и Вуколу. Куда дѣвалась ея прежняя тяжеловѣсность? Всѣ эти дни она порхала по квартирѣ, сіяя непонятнымъ счастьемъ, торопясь каждому оказать какую-нибудь услугу, сказать что-нибудь доброе, пріятное. На дворѣ успѣла стать любимицей многочисленной грязной дѣтворы, которую лакомила леденцами, пряниками, учила разнымъ играмъ, ласкала, мирила...

Сама на себя удивлялась, сколько ей удается передѣлать за день: поможетъ по хозяйству золовкѣ, сбѣгаетъ въ публичную библіотеку, поговоритъ по-хорошему съ братомъ, напишетъ Матренѣ письмо, да и сама почитаетъ, поработаетъ... Съ особеннымъ пыломъ набросилась она теперь на самообразованіе, и мысль, что она учится «для него», придавала каждой прочитанной строчкѣ новый смыслъ. Она чувствовала себя, какъ старательная ученица передъ экзаменомъ у любимаго учителя, въ глазахъ котораго страшно хочется отличиться...

V.

Завидя теперь высокую, стройную фигуру Николая Сергѣевича, она со страхомъ подумала, что сейчасъ все неминуемо должно рѣшиться: не можетъ же она скрыть отъ него свою отставку. Что онъ скажетъ на это, какъ поступитъ?.. Тутъ только впервые поняла она, съ кѣмъ ей всего труднѣе разстаться. Приближаясь къ Зиновьеву, привѣтливо улыбавшемуся ей, она вглядывалась въ него особенно внимательно и тревожно, точно силилась прочитать въ его лицѣ отвѣтъ на свое роковое, точно спрашивала себя: что сулитъ ей это бѣлое, выхоленное лицо съ нѣжной, какъ у Лизы, кожей, эти каріе глаза, безпокойные, непонятные, эти блѣдные пальцы, нервно теребящіе бѣлокурую бородку?

— Здравствуйте, Ольга Антоновна... Вы сегодня, кажется, раньше обычнаго?.. Я хотѣлъ-было сдѣлать еще одинъ моціонный рейсъ...—Хорошо, что раздумалъ... Почему у васъ такой фатальный видъ?

Ольга разсказала о случившемся. Говорила отрывисто, сухо, чтобы не расплакаться. Николай Сергѣевичъ, идя рядомъ, все старался заглянуть ей въ лицо,—она упорно отвертывалась.

— Ну, вотъ, значитъ, и прощайте, не поминайте лихомъ...—срыву закончила она, глотая слезы.—Поцѣлуйте отъ меня Лизу. Я очень жалѣю, если повредила ея здоровью...

Она прибавила шагу, чтобы поспѣть къ трамваю у слѣдующей остановки.

— Постойте же... Это что-то не то... Тутъ дѣло не въ Лизѣ. Я увѣренъ, что никакого доктора не было...

Онъ заставилъ ее повторить подробно весь разговоръ съ матерью.

— Ну, такъ и есть! Я узнаю маму: не Лизу она оберегаетъ, а меня. Понимаете: меня.

— Нѣтъ, не понимаю...

— Вчера мы разговорились съ ней о Трубчевской, которую она прочитъ мнѣ въ невѣсты... Есть такая Мери Трубчевская, истерическая барышня... Я сказалъ, что предпочелъ бы дѣвушку изъ простой... то-есть, изъ здоровой, неиспорченной среды... въ родѣ, напримѣръ, Ольги Антоновны. Сознаюсь: при этомъ я не въ мѣру увлекся и очень-таки расхвалилъ васъ. Ну, вотъ и... Этого было достаточно, чтобы мама обезпокоилась и начала «принимать мѣры»... ха, ха!

Замѣтивъ оскорбленное лицо Ольги, сразу притихъ, сталъ серьезнымъ и грустнымъ.

— Не судите маму строго, Ольга Антоновна. Повѣрьте: она — очень несчастная женщина. Жила годы съ человѣкомъ, которому вѣрила, какъ Богу, — и вдругъ мужъ бросается въ объятія кафешантанной этуали, равнодушно уходитъ отъ жены, отъ семьи. Какой переворотъ долженъ былъ произойти въ душѣ мамы! Немудрено, что вся жизнь кажется ей съ тѣхъ поръ сплошной клоакой, всѣ заботы направлены на то, чтобы держать дѣтей подъ стекляннымъ колпакомъ. Она убѣждена, что стоитъ намъ высунуть носъ изъ-подъ колпака, и мы тотчасъ подвергнемся нравственному растлѣнію... Ужъ не въ первый разъ отстраняетъ она отъ меня «опасныхъ» людей... конечно, прежде всего—женщинъ. Бѣдная мама не подозрѣваетъ, что опасность грозитъ не со стороны, а изнутри, что мой злѣйшій врагъ, это— я самъ. Она не замѣчаетъ этого потому, что вся полна горечью собственнаго разочарованія. Ея личная рана вѣчно сочится кровью, заполняетъ все ея вниманіе... Если бъ не это, она, какъ умная, чуткая женщина, поняла бы, что сама же, своими руками роетъ для меня яму, потому что мнѣ жениться на Мери Трубчевской... Да какъ она не видитъ, что тутъ — форменное сумасшествіе?

Ольга уже не думала о нанесенной ей обидѣ, забыла обо всемъ личномъ. Она испуганно смотрѣла на Зиновьева, стараясь проникнуть въ истинный смыслъ его словъ. Ее больше всего тревожило странное несоотвѣтствіе ихъ съ его наружностью: слова какъ будто негодовали, протестовали, а лицо было мертвымъ. Глаза, блестѣвшіе за минуту, потускнѣли: что-то безнадежно-покорное просвѣчивало въ нихъ. И весь онъ точно застылъ, только неугомонные пальцы продолжали все быстрѣе, возбужденнѣе щипать бородку. Голосъ, звучавшій въ началѣ оживленіемъ, дѣлался все ровнѣй, безстрастнѣе, апатичнѣе...

— Мама не знаетъ, что наканунѣ того дня, какъ мы встрѣтились съ вами въ первый разъ—помните, тогда у трамвая?— я цѣлый вечеръ просидѣлъ въ своемъ кабинетѣ передъ заряженнымъ револьверомъ: спустить или не спустить курокъ?

— Какъ! Что вы говорите?.. Почему же?.. Что такое тогда случилось?

— Ровно ничего. Или, лучше сказать, случилось то, что я родился, а жить не хочется. Прекурьезное положеніе, — не правда ли?.. Я ужъ говорилъ вамъ, что живу насильно. Вамъ трудно понять это. Ну, какъ вамъ объяснить? Вы знаете, ко-

нечно, что есть на свѣтѣ люди, слѣпые или глухонѣмые отъ природы. Теперь представьте, что они родились съ слѣпой или глухонѣмой душой, которая не видитъ, не слышитъ, не ощущаетъ жизни. Таковъ вашъ покорнѣйшій слуга... Когда я сдружился съ вами, я какъ будто началъ ощущать жизнь, а теперь вотъ мама старается убить... Родители всегда глубоко убѣждены, будто знаютъ, какъ нельзя лучше, своихъ дѣтей, и въ этомъ— ихъ роковая ошибка. Да, они, можетъ быть, знаютъ ихъ манеры, особенности, всѣ ихъ маленькія слабости, но они изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса; не чувствуютъ, чѣмъ ихъ дѣти живы... Ахъ, вотъ восхитительная жанровая картинка! Посмотрите-ка на этого крѣпыша въ клеенчатой курткѣ. Нашъ швейцаръ остроумно называетъ ихъ «звѣздочетами»... Но что за прелестная фигура!

Ольга узнала Вукола: онъ стоялъ противъ казенки и, запрокинувъ голову, вливалъ въ себя сотку. Испугавшись, какъ бы Вуколъ не замѣтилъ ихъ, Ольга поторопилась свернуть въ переулокъ: — «Обойдемте кругомъ, а то не успѣемъ договорить».

— Эти крѣпыши могутъ жить, какъ на каторгѣ, дышать отравленнымъ воздухомъ фабрики или мастерской, не имѣть никакой цѣли и отрады, кромѣ трактира или монопольки,—и все же они будутъ любить и цѣнить жизнь, цѣпко держаться за нее... Или вонъ тотъ мальчишка... видите, приладился на запяткахъ трамвая? Вѣроятно, его плохо кормятъ, ругаютъ походя, колотятъ,—а онъ прокатился «на трамваѣ» и счастливъ... Или эта ломовая лошадь: надрывается съ утра до ночи, знаетъ только понуканія да кнутъ; вся жизнь ея пройдетъ въ этомъ, пока не сведутъ ее на живодерню... А она пріѣхала на ночлегъ, жуетъ себѣ солому и думаетъ:—«чѣмъ однако не жизнь?» Впрочемъ, она вовсе ни о чемъ не думаетъ, а это лучше всего...

Они гуляли до поздняго вечера. Уставъ, сидѣли на бульварѣ; напились въ кофейнѣ чаю, опять гуляли... Зиновьевъ говорилъ всю дорогу о себѣ, о матери,—вообще, былъ разговорчивъ, какъ никогда. Опять ожилъ, опять блестѣли глаза. Ольга взяла съ него слово, что онъ не будетъ больше сидѣть глазъ на глазъ съ заряженнымъ револьверомъ...

— Ну, пора домой: Надежда Николаевна, навѣрное, безпокоится за васъ. Да и меня ждутъ.

Они стояли передъ воротами. Ольга уже два раза простилась, дважды бралась за кольцо калитки—и все не могла уйти, все ждала чего-то. Напрасно пыталась разглядѣть лицо Николая Сергѣевича: въ темнотѣ неосвѣщеннаго переулка оно казалось блѣднымъ пятномъ.

— Ну, до свиданія!—молвилъ онъ, вдругъ заторопившись, пожалъ наскоро въ послѣдній разъ ея руку и скрылся во мракѣ.

Ольга прикусила до крови губу: — «Вотъ и кончено... Какъ будто ничего и не было... А я-то, несчастная»...

VI.

Сонная Матрена отперла дверь, въ которую вырвались изъ квартиры топотъ и разудалые возгласы шляпницы: — «И-и-хъ! Ой, жарко мнѣ! Все сниму, все сниму!»

Ольга увидала въ столовой пляшущихъ Вукола и Капитолину. Капка была безъ кофточки, въ одномъ лифѣ, съ голыми руками и грудью. Она отплясывала какой-то дикій танецъ, разстегивая на бѣгу лифчикъ и продолжая выкрикивать въ экстазѣ:—«Все сниму! Ей-Богу, все сниму!» На столѣ стояло нѣсколько бутылокъ, закуски; лежали на тарелкахъ яблоки, орѣхи и еще что-то, прикрытое оберточной бумагой... Вуколъ, красный, потный, ходилъ вкругъ стола въ присядку, размахивая и прихлопывая руками.—«Мельче дѣлай, мельче дѣлай!»—гаркнулъ онъ, заглушая Капитолину, и тутъ внезапно замѣтилъ Ольгу. Онъ побагровѣлъ, сердито крикнулъ:—«Капка, собирай паруса!», схватилъ бутылки и исчезъ съ ними въ комнатѣ шляпницы... А Капка, полуобнаженная, стояла передъ Ольгой, лаская ее весело искрящимися, безстыдными глазами. Ни тѣни смущенія не было въ ея красномъ, какъ кумачъ, лицѣ; задорно играла ямочка на подбородкѣ, съ толстыхъ губъ не сходила шалая, довольная усмѣшка.

— Вуколушка—милый: онъ напоилъ меня пьяной. Видишь, какъ мы съ нимъ лихо живемъ,—инда въ жаръ бросило... Твои ушли на крестины, а мы тутъ... Выпей, Оленька, наливки. Чокнемся!..

Ольга ушла къ себѣ въ комнату и заперлась. Она доставала у Юханцевой книги по исторіи и литературѣ, чтобы пополнить образованіе, и часто читала далеко за полночь. Такъ хорошо было сидѣть за книгами, когда всѣ улягутся; такъ интересно узнавать все новое и новое. Попробовала и теперь взяться за чтеніе, хватала то одну книгу, то другую, но ничего не шло въ голову.—«Мѣшаютъ!» съ досадой думала она, прислушиваясь къ визгу Капитолины, и плотно затыкала уши. Но и это плохо помогало...

Визгъ прекратился. Ольга слышала, какъ Вуколъ, неровно ступая и натыкаясь на стулья, прошелъ въ свою коморку.—«Ну, слава Богу,—успокоились: теперь позаймусь». Но она попрежнему читала и не понимала, точно книга написана на иностранномъ языкѣ, а когда понимала, то спрашивала себя:—«Зачѣмъ мнѣ все это?» Грызло обидное сознаніе;—«Вотъ распростилась съ нимъ, — и мнѣ ужъ какъ-будто ни до чего на свѣтѣ».

Всѣми силами старалась не думать о Зиновьевыхъ:—«Что мнѣ до нихъ? Жила безъ нихъ и проживу... Ты тутъ привязываешься, покою не знаешь, а они: «до свиданія, Ольга Антоновна!»—и дѣлу конецъ. Ну такъ и я не хочу вспоминать о нихъ: не стоитъ!»... А сама все думала, все выращивала въ себѣ обиду.

— Ольга Антоновна, можно къ вамъ чуточку взойтить?

— Войдите...

Вуколъ пролѣзъ неуклюже бочкомъ въ дверь. Жаль было смотрѣть на этого коренастаго силача: черные глаза такъ конфузливо моргали, смуглое, рябоватое лицо казалось виноватымъ, и только короткіе жесткіе волосы торчали, какъ всегда, упрямымъ ежомъ.

— Я обезпокоилъ васъ подъ тѣмъ предлогомъ, что легъ было спать — да куда тебѣ! весь пополамъ раскололся... А я знаю, что вы до поздней ночи за книжками,—вотъ я и осмѣлился... Лежу у себя въ дортуарѣ и мысленно думаю:—«Великолѣпное, знать, воображеніе имѣетъ теперь про меня Ольга Антоновна!».

— Вотъ нехорошо, что вы Капитолину сбиваете...

— Я?! Да убей меня Богъ, ежели... Она сама ко мнѣ присосалась, какъ піявица: вѣдь ее хлѣбомъ не корми, только въ трактирѣ поужинать дай... Да что—Капка! Тѣсто—не болѣе. Глазами коситъ да верещитъ безъ толку, а человѣчьяго духу въ ней ни на грошъ... Не съ ней я мечталъ дружбу водить, а съ настоящими людьми... Ну, да вы знаете: еще давно тому назадъ докладывалъ вамъ... Конечно, я передъ вами—какъ есть, оглобля, а все же я не прохвостъ какой, позвольте васъ завѣрить... Что мнѣ Капка? Я вонъ съ похмелья и огуречный разсолъ пью, а такъ я его пить не стану...

Онъ замолчалъ, обезсилѣвъ отъ напрасныхъ стараній выразить свою наболѣвшую мысль, и мѣшковато лѣпился на кончикѣ стула, какъ человѣкъ, которому вотъ-вотъ укажутъ на дверь... А Ольга, не переставая думать о Зиновьевыхъ, невольно

сравнивала съ ними Вукола:—«У него, у всѣхъ нашихъ, есть душа, чувство, а у тѣхъ — съ глазъ долой, изъ сердца вонъ».

— Я вовсе не считаю васъ «прохвостомъ», Вуколъ Ивановичъ. Вы честный, хорошій, а только...

— А только дуракъ по поясъ? Истину вы изволите...

— Никто этого не говоритъ.

— У васъ все вонъ какія мечты: чтобы въ деревнѣ ребятъ учить, да чтобы объ человѣчествѣ, такъ сказать, убиваться. Читаете, учитесь, про людей думаете, про жизнь, какъ бы на себя всякаго безпокойства побольше нахлобучить; а я больше по бутылочной части: въ стеклянной библіотекѣ занимаюсь... Такъ-то! Нѣтъ, Ольга Антоновна, не дуракъ я, а тяжелый человѣкъ... свинцовый, съ самимъ собой сообразиться не могу... Видали, какъ кошка на мѣсяцъ смотритъ? Въ родѣ, какъ о чемъ-то помышляетъ, а удумать ничегошеньки не можетъ. Вотъ и я такъ же... Онъ поникъ головой, точно она у него на самомъ дѣлѣ была свинцовая, и сидѣлъ, тяжко отдуваясь, будто только-что влѣзъ на крутую гору.

— Скажите мнѣ какое-нибудь хорошее слово, Ольга Антоновна!

Ольга усмѣхнулась. Господи, да она сама жаждетъ, чтобы кто-нибудь сказалъ ей «хорошее слово», сама, какъ Вуколъ, заблудилась и не видитъ дороги. Что она можетъ ему посовѣтовать? Читать книжки? Но она сама только-что убѣдилась въ ихъ безсиліи...

— Не пейте, Вуколъ Ивановичъ.

— Только и всего?

— Нехорошо, вредно.

— Не пить? Это можно, да проку-то что, Ольга Антоновна?

Ольга встала и, заломивъ пальцы, машинально заметалась по тѣсной клѣтушкѣ: три шага впередъ, три назадъ...

— Какого же вамъ еще проку нужно? Все равно, мы ничего не можемъ... Лучше не думать, не воображать, а то одно безпокойство. Просто, не давать себѣ передышки, заморить на работѣ: вотъ и все тутъ!

Въ голосѣ звенѣли слезы и ожесточеніе. Все ходила вдоль стѣнки, все твердила упрямо, будто глумясь надъ кѣмъ-то:

— Вотъ и все тутъ! И весь сказъ!.. И ничего больше... Вотъ вамъ и «хорошее слово»!..

— Стало быть, механика одна? А душонку-то куда жъ пристроить?

— А зачѣмъ намъ она? Какая надобность? Что мы съ ней будемъ дѣлать? Одна мука, одно надругательство...

И вдругъ, неожиданно для себя, всхлипнула. Вуколъ сорвался съ мѣста, схватилъ Ольгу за руку.

— Да что вы это?.. Ахъ ты, сдѣлай милость... Голубушка моя родная! Неужто изъ-за нашихъ безобразій?.. Нѣтъ, нѣтъ, не буду больше — вотъ образъ со стѣны сыму! Разъ вамъ такая непріятность отъ моихъ подобныхъ проказъ. Да будь я проклятъ, ежели...

Ольга поплакала и какъ будто успокоилась. Они долго сидѣли, разговаривая, и въ ихъ тихихъ голосахъ было что-то особенно проникновенное, торжественное. Никто изъ нихъ не смутился, когда Ковригины, вернувшись поздно ночью съ крестинъ, застали ихъ сидящими рядышкомъ. Настасья Кузьминична многозначительно подмигнула мужу, а тотъ, какъ бы ничего не замѣчая, весело разсказывалъ Вуколу про крестины:

— И вовсе было утопилъ крестника въ купели. Главная причина: народъ они больно склизкій... младенцы-то эти.

— Склизкіе, склизкіе! — восторженно подхватывалъ Вуколъ.—Это, братецъ ты мой, все одно, что лягушка.. ха, ха!

. . . .

Укладываясь на зарѣ, Ольга говорила себѣ съ невеселой усмѣшкой:—«Одинъ далъ мнѣ слово не брать пистолета въ руки, другой божился, что броситъ пьянствовать. Цѣлыхъ два добрыхъ дѣла нынче сдѣлала! На что лучше? Чего еще отъ Бога желать?»

VII.

— Вуколъ-то Иванычъ нашъ каковъ,—а? Былъ совсѣмъ лѣшій одутлый, а сталъ свѣженькій, молоденькій, что твой огурчикъ!—удивлялась Настасья Кузьминична.

Вуколъ въ самомъ дѣлѣ очень подбодрился, даже шутки шутилъ, чего за нимъ не водилось прежде. То пошлетъ Матрену купить «завтрашнюю газету» («на чай тебѣ за это... покажу!»), то принесетъ со двора куриное перо и воткнетъ въ шляпу Капитолины; хозяйку величалъ ласково «мелколѣсьемъ», самъ наливалъ ей чаю, и, почтительно подавая, говорилъ: «лопенъ зи!» Но веселость его была какая-то напряженная, и оживленіе—неестественное. Можно было подумать, что онъ вѣчно пьянъ,

хотя онъ теперь не бралъ капли въ ротъ. Въ свободное время онъ спѣшилъ схватиться за книгу, за газету или бѣжалъ въ читальню, въ церковь, въ баню... Казалось, ему страшно было остановиться на минуту, задуматься. Когда некуда было бѣжать или нечего читать, онъ изводилъ разговорами Настасью Кузьминичну о хозяйствѣ, Петра Антоновича—о «мѣдно-слесарномъ заведеніи», которое рѣшилъ завести Ковригинъ; или приставалъ къ Капитолинѣ, убѣждая ее намозолить себѣ руки работой, «а то пропадешь, какъ червь капустный!» Впрочемъ, онъ дѣлалъ это, только слѣдуя примѣру Ольги, а самъ былъ увѣренъ, что изъ Капки, все равно, пути не выйдетъ.

Прежде она пропадала по вечерамъ вмѣстѣ съ Вуколомъ, теперь стала пропадать одна. Потомъ къ ней зачастилъ старикъ, котораго Ковригины прозвали «облѣзлымъ»: постная физіономія, маленькіе свиные глазки, сѣдой выбритый подбородокъ, трясущаяся челюсть, на щекахъ угри. Все на немъ было съ иголочки, и все казалось почему-то поношеннымъ и какъ будто чужимъ; чужимъ казался и пучокъ жиденькихъ волосъ на лысой головѣ.

— Весь онъ словно краденый!—фыркалъ Петръ Антоновичъ.

— Не наломать ли этому сѣдовласію шею?—предлагалъ Вуколъ.

Капка божилась, что это—ея папаша: только-что пріѣхалъ съ родины. Всѣ видѣли, что она безбожно лжетъ, и это ей льстило. Впрочемъ, на другой же день она призналась, что это не папаша, а землякъ ея: привезъ ей родительское благословеніе и поклоны съ родины.

«Землякъ» приходилъ ровно въ семь часовъ вечера, отечески цѣловалъ Капку, говорилъ, что очень любитъ дѣточекъ, и вручалъ ей «деревенскіе гостинчики». Капка помирала со смѣху, брала свертки и уводила земляка къ себѣ поить чаемъ. Онъ плотно притворялъ дверь и говорилъ вполголоса; она визжала на всю квартиру и безпрестанно отворяла дверь, жалуясь на «жарынь»; звала къ себѣ то Ольгу, то Настасью Кузьминичну. У нея была страсть угощать всѣхъ и хвастаться «гостинчиками»:

— Кушайте, Настасья Кузьминична! Онъ завтра еще притащитъ...

Ей нравилось разыгрывать роль «землячки», спрашивать старика о здоровьѣ папаши и объ урожаѣ хлѣбовъ на родинѣ. Она заботилась, чтобы при этомъ представленіи было побольше зрителей, чтобы они говорили другъ другу:—«Ну, и ловка же Капка очки втирать!» Забавнымъ также казалось выйти неожиданно изъ роли и посмотрѣть, какъ при этомъ

вытягивается лицо «земляка». Сначала долго слышится глухой старческій голосъ, толкующій о чемъ-то подъ сурдинку, и вдругъ по всей квартирѣ раскатится визгливое:

— Что мнѣ молоденькіе? Да я пожилыхъ во сто разъ больше обожаю!..

«Землякъ» зашикаетъ, кинется притворять дверь, а Капка хохочетъ, не позволяя затворять... Петръ Антоновичъ хмурился, хмурился, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія:

— Вотъ что, Капитолина Дормидонтовна,—съѣзжайте-ка вы отъ насъ по добру, по здорову, а то сраму съ вами не оберешься.

— Да что-й-то вы, Петръ Антоновичъ? И какъ это вамъ въ голову такія мысли? Все это—ложная клевета на меня... А вы лучше взойдите ко мнѣ да помогите стянуться, коли вы добрый...

— Тьфу ты, прокаженная!

Ольга уговорила брата не гнать Капитолину:—«Все-таки жалко». Какъ-то утромъ она застала ее въ слезахъ. У Капки болѣла голова, одолѣвали самыя мрачныя предчувствія; будущее рисовалось ей, какъ тьма кромѣшная: все больницы, да остроги, да могилы...—«Черный воронъ вьется надо мной. Ужъ я знаю, что судьба моя—самая погибельная... Оленька, достань мнѣ мышьяку: по крайности, одинъ конецъ»... Ольга знала, что Капитолина любитъ поломаться, и все-таки разжалобилась.

Она зазывала Капку къ себѣ въ комнату, цѣлыми часами усовѣщевала, журила:

— Гуляешь до полночи, потомъ до десяти часовъ нѣжишься въ постели. Развѣ такъ можетъ жить работящая дѣвушка? И какъ тебѣ не совѣстно ходить до вечера полураздѣтой? Да прогони ты, ради Создателя, этого старика: вѣдь ужъ на дворѣ въ трубы трубятъ...

— Погоди, Оленька,—вотъ я выучу англичанскій языкъ: гувернанткой буду. Очень я обожаю англичанскій языкъ...

Или размечтается передъ Ольгой, какъ хорошо быть святой, только чтобы сразу: «проснулась утромъ,—анъ, ужъ ты святая, праведная»...

— Пустынницей была бы, ходила бы нагая, вся бы волосьями обросла... Хорошо! Буду молиться, исцѣлять недужныхъ, медвѣдя прикормлю, и станетъ онъ у меня совсѣмъ какъ собака... Буду судьбу предсказывать, а брать за это ничего не буду, развѣ что съ богатенькихъ. Такъ и умру, а надо мной будетъ райская птица летать... Хорошо, Оленька!

Капитолина даже зажмурилась, и лицо ея принимало самое лакомое выраженіе.

— Напрасно только порохъ тратишь,—замѣчалъ Петръ, видя старанія сестры.

— Постой, Петя,—она еще можетъ образумиться. Кто изъ насъ не сходилъ съ ума? Посумасшествуетъ, а потомъ возьметъ себя въ руки, опять человѣкомъ станетъ...

Петръ Антоновичъ недовѣрчиво качалъ головой. За послѣднее время онъ какъ-то «ничему такому не вѣрилъ». Жена радуется за Вукола, а онъ не вѣритъ. Она ждетъ скорой свадьбы:—«Хоть и не ахти какой женихъ, да зато свой человѣкъ»; а Петръ Антоновичъ только буркаетъ:

— Не подходящее это дѣло... Не годится Вуколъ для Ольги.

— Что человѣкъ-то онъ не твердый? Такъ это ничего... Можно изъ хорошаго мущины сдѣлать плохого и изъ плохого—хорошаго: какая женщина попадется.

— Хорошій тотъ, кто самъ изъ себя сдѣлалъ хорошаго, а Вуколъ самъ не можетъ...

Съ сестрой Петръ Антоновичъ не заговаривалъ объ этомъ: ждалъ, когда она сама заговоритъ. Привыкнувъ съ дѣтства читать по лицу Ольги, онъ видѣлъ, что съ ней творится что-то особенное, но не подозрѣвалъ о ея разрывѣ съ Зиновьевыми. Она сказала ему только, что у нея заболѣла ученица и потому занятія на время прекратились... Втайнѣ Ольга все еще надѣялась, что ее позовутъ, и каждый разъ съ волненіемъ встрѣчала почталіона, но письма были или къ брату, или къ Капитолинѣ, которая сейчасъ же прибѣгала съ ними къ Ольгѣ. Въ цидулкахъ, написанныхъ большею частью неграмотно и высокопарно, говорилось о свиданіяхъ, презентахъ и любовныхъ «жестокостяхъ». Ольга не безъ зависти выслушивала всю эту чепуху и думала съ тоской:—«Да, а мнѣ-то вотъ никто не напишетъ!»

Она, кажется, скорѣй умерла бы, чѣмъ призналась, что живетъ только мыслями о Зиновьевыхъ. Все домашнее казалось ей непроглядными буднями, все зиновьевское—яркимъ, блестящимъ праздникомъ. Руки Настасьи Кузьминичны—золотыя: своими коротенькими, на диво ловкими и цѣпкими пальцами съ заусенцами она передѣлаетъ за день кучу всякой работы; но если сравнить ихъ съ руками Надежды Николаевны и Лизы... Какія у нихъ бѣленькія, нѣжныя, маленькія ручки! И что за огромная разница между горластымъ стрекотаньемъ Настасьи Кузьминичны — и тихой, деликатной, задумчивой рѣчью Зиновьевыхъ, мелодичнымъ голоскомъ Лизы! Положимъ, Петръ говоритъ все

дѣльное, и каждому его слову можно вѣрить, но вѣдь это все—давно извѣстное, такое обыкновенное, тогда какъ у Николая Сергѣевича столько новыхъ, неожиданныхъ мыслей, такихъ оригинальныхъ, удивительныхъ...

Ее коробили засаленная куртка брата, неприличное перышко Капки, вульгарныя выраженія, въ родѣ: «здорова, какъ корова», «рожа-то у меня», «катай-валяй» и тому подобное. Морщилась она иной разъ и на скрупулезную бережливость Петра. Видя, какъ онъ кладетъ въ сахарницу крошечные огрызки сахара или моется микроскопическимъ обмылкомъ мыла, она не удержится, чтобы не замѣтить:

— Ну, чего ты, право, трясешься надъ каждой крохой?

— Это у *нихъ* тамъ капиталы готовые, а у насъ денежки—трудовыя, мозольныя...

— «Петя правъ: мы всѣ тутъ трудимся, а Зиновьевы живутъ на доходы съ имѣній, палецъ о палецъ не ударятъ, только книжки читаютъ да разговариваютъ. И какъ имъ не совѣстно?»

Но, вопреки убѣжденіямъ, трудъ невольно представляется ей чѣмъ-то грубымъ, унизительнымъ, а праздность — красивой, поэтической. Пускай *они*—эгоисты, трутни, да все у нихъ такъ чинно, тонко, деликатно: никогда не услышишь рѣзкаго слова, даже отъ прислуги. Тамъ каждый заботливо оберегаетъ другъ друга отъ всякой царапины; тамъ такъ участливо и нѣжно слѣдятъ за душой дѣтей: какъ бы не попала на нее капелька грязи, не замутила ея свѣтлой поверхности?—«А у насъ вонъ сосѣди колошматятъ ребятъ по затылкамъ, точно головы у нихъ—деревянныя, ругаются при дѣтяхъ скверными словами, говорятъ всякія гадости»...

Тѣснота, обида, невѣжество, порча. Въ праздникъ не знаютъ, куда дѣвать себя, грызутся отъ скуки, пьянствуютъ. Вонъ Настасья Кузьминична—хорошая женщина, работящая, неглупая, а и она по праздникамъ бываетъ рада-радехонька, если до вечера ни съ кѣмъ не переругается на смерть... Темная, смрадная жизнь!

А Капитолина? Когда приходитъ къ ней «землякъ», ребятишки на дворѣ, даже совсѣмъ маленькія, кричатъ во все горло:—«Капкинъ любовникъ пришелъ, орѣховъ принесъ!» И дворникъ гогочетъ:—«Дай срокъ, она тутъ у насъ весь дворъ своими щенятами запрудитъ!» Всѣ это видятъ, слышатъ, обсуждаютъ, варакаются вмѣстѣ въ грязи: и взрослые, и дѣти.—«Господи, какіе мы всѣ несчастные, безпомощные, безобразные! Глаза бы мои не глядѣли!»

VIII.

Ольга возвращалась изъ публичной библіотеки съ обиднымъ сознаніемъ, что просидѣла тамъ два часа, «какъ дура»: ничего не сдѣлала, а все думала о своемъ. И вчера—то же самое, и третьяго дня... Да, она бѣгаетъ туда не для науки, а чтобы только спастись отъ домашней тоски. И кого она обманываетъ?—«Глупо, глупо!»

Настасья Кузьминична отперла ей дверь и сейчасъ же затараторила съ непомѣрнымъ волненіемъ:

— Вотъ дѣла, вотъ дѣла!... Я ѣздила въ городъ за разными разностями, позадержалась тамъ... Вертаюсь домой,—батюшки, да онъ у насъ сидитъ!... Вотъ ужъ нежданно-негаданно!

— Да кто, кто?

— Твой кавалеръ — вотъ истинный Богъ! Какъ его: Зиновьевъ?... Высокій такой... въ коротенькомъ пиджачкѣ. Такъ я и обмерла. Вхожу,—а онъ съ Капкой сидитъ... уморушки! Та, безстыжая, такъ и извивается передъ нимъ... аккуратъ, гадюка: и такъ-то, и этакъ-то... на всѣ фасоны! Самоваромъ поила его, а сама—простоволосая, вся расхлобыснутая... Я отозвала ее къ сторонкѣ, говорю:—«Хоть бы платокъ на себя накинула. Здѣсь тебѣ не передбанникъ»... Фыркаетъ, подлая:—«Ничего, гытъ,—онъ такой симпатичный». А онъ сидитъ да смѣется на нее...

Въ голосѣ Настасьи Кузьминичны, во всей бурно оживленной тщедушной фигуркѣ была странная смѣсь сокрушенности, испуга и лукаваго злорадства. Глазки такъ и прыгали, зорко наблюдая въ то же время за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Ольгу, которая вся пополовѣла...

— Гдѣ же онъ? Ушелъ?

— Посидѣлъ и ушелъ. Все тебя дожидался. Говоритъ: «моціонъ надо дѣлать»... Капка-то увязалась съ нимъ. Вотъ срамница: размазывается по всѣмъ, какъ масло. Теперь ее хоть цѣпами бей, не отобьешь отъ него... Ахъ, что жъ я главное-то? Деньги онъ принесъ, велѣлъ передать тебѣ. Какъ же это ты отъ денегъ своихъ трудовыхъ отказываешься? Вотъ, получай.

Ольга схватила конвертъ и поспѣшила скрыться въ свою комнату: навѣрно, тутъ есть записка или цѣлое письмо... Да это, кажется, тотъ самый конвертикъ, который отдавала ей Надежда Николаевна? Она вскрыла его трепещущими руками: тамъ лежало 25 рублей.

Ольга почувствовала себя такъ, точно ей дали пощечину.

Хуже, оскорбительнѣе этого конвертика нельзя было нарочно придумать:—«наняли, потомъ разсчитали—вотъ и все!» И зачѣмъ онъ приходилъ? какъ будто для того только, чтобы унизить ее этими деньгами? Да, теперь она поняла. Зиновьевы никогда не видѣли въ ней человѣка, никогда не думали, что вѣдь и у нея тоже есть душа, достоинство, самолюбіе... Мать ей комплименты говорила, а чуть померещилось что-то, сейчасъ деньги въ конвертъ—и отправляйся на всѣ четыре стороны; и дочь тоже въ нее: «милочка» да «душечка», а теперь забыла, чай, какая такая «Ольгочка Антоночка»... И всѣ они такіе: мягко стелютъ, да жестко спать... Поговорить съ ними,—какъ все умно, деликатно! А на повѣрку — ничего, кромѣ обиды... Вѣдь какъ *онъ* тогда хорошо разсудилъ про мать, а кончилъ тѣмъ, что сдѣлалъ по ея желанію. Велитъ она ему жениться на этой истеричкѣ Трубчевской, онъ поворчитъ: «какъ это глупо!» — а все-таки женится. Будетъ стонать, проклинать жизнь, да кому отъ этого тепло?...—«Ахъ, да ну ихъ совсѣмъ! И чего я такъ прилипла къ нимъ? И откуда вдругъ такая тоска?»

Ворвалась съ веселымъ визгомъ Капка.

— Оленька, какой онъ симпатичный! Вотъ милка! Кажется, душу можно отдать... Обожаю блондиновъ!.. Сейчасъ гуляли съ нимъ по бульвару... Ужъ такой-то умница! Вотъ это настоящій кавалеръ!—«У васъ, говоритъ, въ глазахъ зеленыя искры, какъ у кошки». Ха, ха!.. Ну, развѣ я похожа на кошку?

Ольга съ ненавистью взглянула на перышко, вертѣвшееся у нея передъ глазами, какъ живое, и сердито попросила Капку не надоѣдать ей своими «пошлостями».

Изъ столовой слышался гнѣвно повышенный голосъ Петра Антоновича:

— А ты, чай, такъ и разстилалась передъ нимъ? Увидала наряднаго барина и растаяла? Знаю я тебя!

— Нельзя же быть невѣжей, когда онъ такой деликатный.

— Хамство, Настасья! Уважать себя не умѣешь... Передъ господами сейчасъ на заднія лапки и хвостикомъ вертѣть?

— Нѣтъ, это ты Капкѣ говори, а не мнѣ...

Ольга не пошла ужинать. Она сидѣла у себя, прислушиваясь къ пониженнымъ голосамъ разговаривающихъ. Слышала, какъ вернулся Вуколъ, какъ его шаги направились къ ея двери, но повернули назадъ... Съ отвращеніемъ обвела она взглядомъ свою комнатушку, окутанную сумерками, всѣ эти продырявленные стулья, простецкую полку съ книгами, горшокъ съ какимъ-то цвѣткомъ (подарокъ Капитолины), аляповатыя фотографіи на

стѣнѣ... Заглянула въ маленькое оконце на темнѣющій дворъ, гдѣ мальчишки дразнили отъ скуки хромую собаченку,—и ее съ новой силой охватило противное ощущеніе буденъ, безпросвѣтно сѣрыхъ, ужасныхъ по своей нескончаемости...

— Ольга, можно къ тебѣ?

— Можно...

Петръ Антоновичъ вошелъ, засвѣтилъ лампу, замѣтилъ прежде всего продавленный стулъ.

— Взяла бы ты другой, а то нехорошо. Да постой: я самъ займусь какъ-нибудь въ праздникъ, обряжу твои аппартаменты...

Онъ остановилъ на сестрѣ внимательный, участливо-суровый взглядъ и, какъ и дѣловой человѣкъ, не привыкшій терять времени, спросилъ:

— Уроки твои, стало быть, прикончились?

— Да.

— Ну, ладно, бѣда не велика... А разстроилъ тебя, повидимости, этотъ франтъ?

Ольга молчала, ломая подъ столомъ руки. Ей хотѣлось признаться брату во всемъ, но насмѣшливое слово «франтъ», рѣзнувшее по нервамъ, заставило уйти въ себя.

— Всѣ эти господчики таковы: «нынче ты мой, а завтра чортъ съ тобой». А вѣдь съ виду какіе добренькіе, любезненькіе!..

Онъ понялъ, что попалъ сестрѣ въ больное мѣсто, но не сталъ смягчать, а еще больше разсердился, какъ бы желая сказать: «Вижу, что тебѣ это не по шерсти, да такъ и нужно. Нечего мирволить себѣ, потакать собственному малодушію»... И онъ продолжалъ тѣмъ упрямо-сосредоточеннымъ тономъ, про который Настасья Кузьминична отзывалась:—«Ну, ну пошелъ теперь вбивать гвозди въ камень!» Въ этомъ тонѣ звучала нажитая годами вражда, сдержанно клокотало что-то непримиримое:

— Довольно мы знакомы съ этими «манишками»!.. Я называю всѣхъ подобныхъ бѣлоручекъ «манишками»... Имъ наплевать, что у тебя тамъ, въ душѣ, сидитъ; имъ «манишку» подавай: какого ты чина, званія, какой у тебя аттестатъ да какими словами ты говоришь—образованными или своими собственными? Вотъ, что я называю «манишкой»... И цѣнятъ они по манишкѣ. Ежели нашъ братъ сдѣлаетъ какое поганство, его такъ и зовутъ «поганцемъ»; а манишка сблудитъ, это у нихъ называется: «такой ужъ характеръ увлекательный». Нашего

брата за это бьютъ, а ихняго брата въ романахъ описываютъ: «вотъ, дескать, какой интересный господинъ, совсѣмъ особенный!» Манишка безчинствуй, сколько влѣзетъ, а простая сорочка, чуть что, сейчасъ ее въ ветошку произведутъ... въ родѣ, какъ для обтирки ногъ...

Чѣмъ ожесточеннѣе нападалъ братъ, тѣмъ сильнѣе поднимался протестъ въ Ольгѣ, и говорилъ голосъ въ защиту Зиновьева. Вспоминались его жуткіе, не-живые глаза, какое-то «обреченное» выраженіе ихъ.—«Родился, а жить не хочется... Живу насильно... Пришпориваешь себя, какъ клячу»... Боже мой, да онъ, можетъ быть, сидитъ сейчасъ передъ заряженнымъ револьверомъ? Что, если онъ приходилъ сюда за спасеніемъ? Вѣдь сидѣлъ тутъ, дожидался ее! Можетъ быть, и не написалъ потому, что хотѣлъ на словахъ передать? И какъ могла она позабыть всѣ ихъ дружескіе разговоры, все то, что Николай Сергѣевичъ говорилъ ей о своей болѣзни? Развѣ болѣзнями хвастаются? Да и не болтунъ онъ какой-нибудь...—«А я—то злюсь, браню его, рада, кажется, всякую подлость на него взвести... Ахъ, тяжелый у насъ съ Петромъ характеръ, недобрый!»...

— Вотъ тебѣ, Ольга, мой совѣтъ: не связывайся съ манишками, а лучше гни свою линію да побольше уважай себя. Не взыщи ужъ, коли коряво сказалъ. Вѣдь объ тебѣ же...

Онъ взглянулъ на ея насупленное лицо, круто оборвалъ себя и вышелъ, очень недовольный самимъ собой.

IX.

На другой день было воскресеніе, и Ольга съ утра уже ощущала приступъ праздничной тоски. Настасья Кузьминична, накормивъ своихъ обѣдомъ и убравшись, сидѣла въ шерстяномъ праздничномъ платьѣ у окна и апатично жустрила сѣмячки. Вуколъ толкнулся-было къ Ольгѣ, но, обезкураженный ея молчаливостью, пошелъ на улицу «обвѣтриться». Капитолина, напомадившись и принарядившись, тоже куда то скрылась...

Петръ Антоновичъ, не выносившій праздности, занимался въ столовой починкой мебели. Послѣ вчерашняго онъ какъ будто чувствовалъ себя виноватымъ передъ сестрой и потому особенно ласково заговаривалъ съ ней за обѣдомъ, даже раза два потрепалъ ее одобрительно по плечу... И теперь, поправляя сидѣніе у стула, онъ не переставалъ слѣдить заботливымъ взо-

ромъ, какъ Ольга слоняется изъ комнаты въ комнату, словно не находитъ себѣ мѣста. Войдетъ, поглядитъ на работу брата, постоитъ съ какимъ-то вопросительнымъ видомъ...

— Ты что, Оля? Или заскучала?

— Нѣтъ, ничего...

Потомъ онъ видѣлъ, какъ она выбросила швыркомъ изъ своей комнаты котенка, котораго всегда приголубливала.—«Э, знать, плохо дѣло, коли кота увѣчитъ!»

Ольга въ самомъ дѣлѣ не находила себѣ мѣста.—«Убѣжать бы... Да куда, куда?» Наконецъ, надумала: собрала прочитанныя книги и отправилась къ Юханцевой.—«Кстати попрошу Марью Васильевну еще разъ похлопотать о мѣстѣ». Юханцева обѣщала замолвить за нее словцо въ управѣ, но пока никакихъ результатовъ не было. Ольгѣ казалось, что она такъ бы сейчасъ и полетѣла въ деревню, въ школу:—«Запрягусь въ работу, и не будетъ этой тоски». Но, въ сущности, ей ничего не хотѣлось, кромѣ одного: повидать Николая Сергѣевича.

Поговоривъ съ доброй Марьей Васильевной и повеселѣвъ немного, Ольга нехотя возвращалась домой мимо знакомаго бульвара. Вдругъ ее осѣнила мысль: отчего бы ей не пройти для прогулки по всѣмъ четыремъ бульварамъ, по которымъ недавно прогуливалась съ Зиновьевымъ? Если онъ все еще совершаетъ свои «моціонные рейсы», то она можетъ встрѣтиться съ нимъ, какъ бы случайно. Что жъ такое? Въ этомъ ничего постыднаго нѣтъ. А если онъ подумаетъ про нее, что она навязывается?— «Да и вообще, ни къ чему это»...

Раздумывая такъ, она уже шла по бульвару, довольно многолюдному по случаю праздника. Часть скамеекъ была занята мастеровыми съ папиросками, няньками съ дѣтьми...—«Бѣгаю по бульварамъ за кавалерами. Хороша учительница!»—думала Ольга, вступая на второй бульваръ. Ей чудилось, что встрѣчные оглядываютъ ее какъ-то особенно выразительно, что ужъ и няньки заприметили ее, и швейки, слоняющіяся попарно взадъ и впередъ, встрѣчаютъ ее лукавыми усмѣшками.—«И чего я мыкаюсь... ищу вчерашняго дня?»—говорила она себѣ, переходя на третій бульваръ,—и вдругъ точно вросла въ землю. Впереди нея, по узкой боковой аллеѣ, шли Зиновьевъ съ Капитолиной. Капка безъ умолку болтала, смѣясь то и дѣло игривымъ, заливчатымъ смѣхомъ; онъ слушалъ, безпрестанно поворачиваясь къ ней, разглядывая ее съ какимъ-то недоумѣлымъ любопытствомъ... Не успѣвъ отдать себѣ отчета, зачѣмъ она это дѣлаетъ, Ольга неслышно догнала ихъ и шла по аллеѣ за ихъ спинами.

— Я обожаю блондиновъ,—говорила Капка, никогда не понижавшая голоса.

Зиновьевъ, посмѣиваясь, отвѣчалъ ей. Говорилъ долго, но такъ тихо, что Ольга не могла разобрать. Капка начала возражать ему своимъ старчески-степеннымъ тономъ, къ которому прибѣгала, говоря о чемъ-нибудь «умномъ»:

— Дѣвушка она... какъ сказать?—серьезная, семейная, не мнѣ чета. Я вотъ куда хочу, туда и скачку, а она себя соблюдаетъ...

— «Соблюдаетъ»?.. Какое смѣшное слово!

— Смѣйтесь, смѣйтесь... Вотъ васъ за нее Богъ накажетъ.

— Хорошо еще, если есть, кто можетъ наказывать. А ну, какъ нѣтъ?

Капка начала-было возражать резонерскимъ тономъ, но вдругъ не выдержала:

— Зайдемте куда-нибудь: что-то холодно...

Ольга торопливо свернула въ проходъ, прочь съ бульвара. До нея успѣли долетѣть слова Зиновьева:

— Знаете, въ васъ есть какая-то безстыдная невинность...

Боясь оглянуться, Ольга бѣжала по тротуару въ противоположную сторону. Все, что было у нея съ Зиновьевымъ, казалось ей теперь жалкой и постыдной нелѣпостью. Ему безразлично, съ кѣмъ ни ходить для моціона: Ольга ли, Капка ли, все единственно! Прежде она «бѣгала» съ нимъ по бульварамъ, а теперь вотъ Капка... ха, ха! Чѣмъ она отличается отъ Капитолины? Вѣдь обѣ побѣжали за нимъ, какъ собаченки, едва онъ поманилъ ихъ.—«И я—такая же потаскушка. Петръ правду сказалъ: не умѣемъ мы уважать себя. Образованіе... школа... Бѣлинскій... романтизмъ... А я вотъ стрѣляю по бульварамъ. Что бы сказала про меня Марья Васильевна?.. Вонъ Петръ умѣетъ ни передъ кѣмъ не заискивать, ни за кѣмъ не гоняться, а я...»

Въ ней взбунтовалась вся гордость рабочаго человѣка, пробивающаго себѣ дорогу собственнымъ трудомъ,—гордость, вдругъ сдѣлавшая брата въ ея глазахъ образчикомъ «настоящаго человѣка». Она чувствовала сейчасъ такъ ясно, что въ нихъ обоихъ сидитъ эта фамильная гордость, и ей страстно захотѣлось услышать опять «корявыя», желчныя рѣчи Петра, увидать его суровое, но не злое лицо, всегда честное, прямодушное. Она уже ощущала въ себѣ самой то непримиримо-рѣшительное, что клокотало вчера въ голосѣ брата. Зиновьевъ рисовался ей теперь, какъ избалованный баричъ, признающій только свои прихоти, какъ «манишка», подъ которой скрываются пустота и

красивая ложь:—«Ему только бы занять себя чѣмъ-нибудь, потѣшить, а тамъ хоть перемри всѣ!»

Въ такомъ настроеніи прибѣжала она домой. Настасья Кузьминична была у сосѣдки, а Петръ Антоновичъ все еще возился съ мебелью. Ольга позвала его къ себѣ въ комнату и долго сидѣла съ нимъ, запершись...

X.

Зиновьевы только-что пообѣдали и пили въ гостиной кофе. У нихъ были гости: Трубчевская съ хорошенькой, блѣднолицой дочерью, старая баронесса Гукъ, очень чопорная и скучная, и два молодыхъ человѣка, утонченно-вѣжливыхъ, корректныхъ, стоящихъ на порогѣ къ незаслуженной, но блистательной карьерѣ.

Вошла горничная и доложила Николаю Сергѣевичу, что его спрашиваетъ «какой-то господинъ». Надежда Николаевна взглянула встревоженно на сына, какъ бы желая сказать: «Какой-то господинъ?.. Что бы это значило?» Николай Сергѣевичъ извинился передъ гостями и, втайнѣ радуясь, что его избавили отъ гостинной скуки, пошелъ въ прихожую.

— Вы ко мнѣ? Чѣмъ могу служить?

— Ковригинъ, братъ Ольги Антоновны...

— А!..

Николай Сергѣевичъ крѣпко пожалъ руку гостю.

— Раздѣвайтесь, пойдемте ко мнѣ...

Ковригинъ снялъ пальто и оказался въ длинномъ сюртукѣ. Этотъ сюртукъ, употребляемый имъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ, нестерпимо смущалъ его.—«Какъ только надѣну, чувствую, что поглупѣлъ на 50 процентовъ»,—признавался онъ женѣ, когда она любовалась его сюртукомъ...

Хозяинъ повелъ его вверхъ по лѣстницѣ, все время повторяя съ неподдѣльнымъ оживленіемъ:

— Очень радъ, очень радъ! Вы пріѣхали какъ нельзя болѣе кстати: тамъ у меня гости,—скука страшная, а уйти неловко... Самъ Богъ послалъ васъ на выручку... Чрезвычайно радъ.

— «Что онъ, смѣется, что ли, надо мной?»—подозрительно косился на него Ковригинъ.

Хозяинъ, продолжая радушно болтать, привелъ его въ кабинетъ, усадилъ на диванъ, предложилъ коробку съ папиросами:

— Вы курите?

— Нѣтъ, благодарствую.

Ковригина неприятно удивлялъ легкій, развязный тонъ Зиновьева: точно встрѣтились добрые знакомые и калякаютъ, о чемъ придется. Всего удивительнѣе было то, что хозяинъ какъ будто нисколько не удивился его приходу: разсказывалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, о своихъ гостяхъ, о своемъ посѣщеніи Ковригиныхъ: — Представьте, совершенно забылъ домъ, въ которомъ вы квартируете, даже переулокъ: меня ужъ мальчикъ изъ лавочки проводилъ... Хотите кофе?

— Нѣтъ, merci-съ. Мы къ этому напитку непривычны...

Петръ Антоновичъ самъ не могъ понять, какъ у него вырвалось это «merci»:—«Что я, словно ученый попугай?» Его вдругъ разсердило радушіе хозяина, и мягкій диванъ, въ который его погрузили, какъ въ тѣсто, и вся роскошь комфортабельнаго кабинета:—«Вонъ, какъ обставились на чужія денежки! Картинки, бюстики... портретовъ что понавѣшено! Ковровъ настелилъ для моли... Письменный столъ взбодрилъ себѣ сажени въ полторы, а писать-то нечего: чай, однѣ любовныя бельеды сочиняетъ?.. Ни къ чему все это».

— Я къ вамъ имѣю честь по одному дѣльцу...

— «За какимъ чортомъ я сказалъ: «имѣю честь»?..— мысленно одернулъ себя Ковригинъ.

— Дѣльце?.. Ну, если не кофе, такъ, можетъ быть, чаю?

— Нѣтъ-съ, увольте... Намедни вы не изволили застать дома Ольгу, иначе бы она... Считая 25 цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, ей приходится съ васъ, по разсчету за 12 дней... Да вотъ тутъ у меня все вывѣрено...

Онъ вынулъ изъ ветхаго бумажника записочку, всю измаранную карандашомъ, и вручилъ хозяину; потомъ отсчиталъ пять трехрублевокъ и тоже подалъ... Зиновьевъ страшно переконфузился, вертѣлъ оторопѣло записку, не зная, что съ ней дѣлать, а на деньги замахалъ руками:

— Полноте, полноте!.. Что это?.. Вы шутите...

— Извольте получить сдачу. Мы чужого не беремъ,— упрямо твердилъ Ковригинъ.

— Какая сдача?.. Богъ съ вами!.. Совсѣмъ этого не нужно...

Николай Сергѣевичъ растерялся до-смѣшного, даже перепугался. Смотрѣлъ на страннаго гостя съ боязливымъ изумленіемъ, а тотъ продолжалъ свое непреклонное:

— Нѣтъ, ужъ будьте такъ любезны... Нѣтъ, ужъ покорнѣйше прошу. Намъ чужого не надо.

Въ тонѣ сквозило даже что-то угрожающее. Зиновьевъ пожалъ плечами, какъ бы начиная стыдиться за неприличное поведеніе гостя.

— Ого, какой вы однако педантъ!—засмѣялся онъ, стараясь придать всему видъ милой шутки.—Ну, а теперь разскажите, пожалуйста, какъ идутъ дѣла у Ольги Антоновны? Все работаетъ, готовится къ будущей дѣятельности?.. Ахъ, вотъ кстати! Я знаю, что она хлопочетъ о мѣстѣ... У меня въ Тверской губерніи есть дядя, предсѣдатель управы; я ему писалъ, просилъ за Ольгу Антоновну, рекомендуя ее съ наилучшей стороны. На-дняхъ получилъ отъ него отвѣтъ: тамъ освобождается мѣсто помощницы учительницы. Совѣтую Ольгѣ Антоновнѣ теперь же подать прошеніе. Я увѣренъ, что съ осени ей дадутъ мѣсто учительницы, такъ что помощницей придется быть недолго. Ей тамъ, вообще, будетъ хорошо: дядя приметъ ее подъ свое крылышко. Вотъ захватите письмо, передайте сестрѣ: тутъ есть адресъ и условія... Я прошлый разъ хотѣлъ отдать его Ольгѣ Антоновнѣ, да, къ сожалѣнію, не засталъ.

— Хорошо-съ... Это вамъ большое спасибо...

Петръ Антоновичъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ позиціи. Онъ шелъ сюда затѣмъ, чтобы «вывести господина Зиновьева на свѣжую воду за его смутьянство», а вотъ оказывается, что тотъ печется объ Ольгѣ и ничего въ немъ такого, «манишечнаго», не видать.

— Можетъ, вы сами зайдете къ намъ, растолкуете ей все порядкомъ?—буркнулъ онъ, глядя въ уголъ, гдѣ торчалъ на тумбочкѣ чей-то бюстъ.

— Да, собственно говоря, въ этомъ нѣтъ надобности. Просто, подать прошеніе... Я и самъ не знаю, какъ это дѣлается...

— «Врешь, отвиливаешь!»—пронеслось въ головѣ Ковригина. Онъ вспомнилъ страдальческое лицо сестры, муки оскорбленнаго сердца, ея негодующія слезы, которыхъ она, при всемъ стараніи, не могла удержать, вспомнилъ все, что̀ она, терзаясь горемъ и униженіемъ, передала ему сегодня о Зиновьевыхъ, о Николаѣ Сергѣевичѣ и разговорахъ съ нимъ, о Капкѣ, о сценѣ на бульварѣ, и въ немъ закипѣла всегда готовая желчь, исконная вражда къ «манишкамъ». Но тихій, деликатный голосъ хозяина, вся уютная обстановка кабинета и непривычное ощущеніе своего торжественнаго сюртука обязывали быть корректнымъ. Онъ удовольствовался тѣмъ, что процѣдилъ сквозь зубы:

— Конечно, мы вамъ очень благодарны за ваши заботы, а только, ежели сказать по совѣсти: добрая ссора лучше худого мира...

Зиновьевъ вскинулъ на него ласково-вопросительные глаза, наивно-недоумѣлые; такъ смотрѣла на Ольгу Антоновну Лиза, когда слышала отъ нея что-нибудь необычное.

— Я не понимаю васъ, Петръ Антоновичъ...

Этого было довольно, чтобы въ Ковригинѣ вспыхнула страсть идти напроломъ, какъ локомотивъ. Все уклончивое, недоговоренное побуждало его, по выраженію Настасьи Кузьминичны, «срываться съ цѣпи и набрасываться». Ударяя себя кулакомъ по колѣнкѣ, какъ кузнецъ—молотомъ, Петръ Антоновичъ заговорилъ своимъ непримиримымъ, «вколачивающимъ гвозди» тономъ:

— Дѣло, понятно, — ваше: вы съ ней не маленькіе... А только баловство все это... Работала она, училась, а теперь у нея въ головѣ разбивка... Какой вамъ интересъ путать въ ней мысли? Ежали вы, съ позволенія сказать, къ какой-нибудь Капкѣ гулящей... Однимъ словомъ: сестра моя—не Капка, и съ ней не пристало такъ легковѣсно обращаться. Простите, что я напрямикъ...

Зиновьевъ подсѣлъ къ гостю на диванъ, дотронулся до его руки съ осторожной нѣжностью.

— Я сразу понялъ, зачѣмъ вы пришли... И, разумѣется, всего лучше—напрямикъ, а то самъ запутаешься и другихъ запутаешь. Вамъ кажется, что я позволилъ себѣ съ Ольгой Антоновной какую-то некрасивую игру въ чувство? Праздношатающійся баринъ бѣсится съ жиру?.. Такъ вѣдь?

Ковригинъ старался не глядѣть на хозяина, чувствуя, что его страшно волнуетъ этотъ сдержанный, деликатный голосъ. Ему хотѣлось сохранить свое непримиримое настроеніе, и онъ хмурился, принимая сердитый, неприступный видъ...

— Повѣрите ли вы мнѣ, милый Петръ Антоновичъ, если я скажу вамъ, что мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ не до игры, что я не ловеласничалъ, а хватался за Ольгу Антоновну, какъ утопающій?

— Съ чего бы вамъ, кажется?—пробурчалъ Ковригинъ.—Живете, дай Богъ всякому. Это нашъ братъ бьется иной разъ башкой объ стѣну, пока шишка не вскочитъ, а вамъ—во всѣ стороны просторъ: лети, куда хочешь!

— А если крылья подрѣзаны? Клѣтка открыта, а птица сидитъ на жердочкѣ, смотритъ на просторъ, а летѣть не можетъ. Или вылетитъ, потрепыхается, потрепыхается—да опять назадъ въ клѣтку... Вы, вонъ, пожалуй, сами бы клѣтку сломали да улетѣли, а мнѣ и ломать нечего, только крыльевъ нѣтъ, да и

не знаешь, куда летѣть, зачѣмъ? Да, можетъ быть, и желанія-то настоящаго нѣтъ: такъ, чтобы всего охватило...

Идя сюда, Ковригинъ приготовился къ тому, что Николай Сергѣевичъ засыплетъ его «мудреными словечками», будетъ извиваться угремъ, «плести политику»,—а онъ возьметъ да и прижметъ барина къ стѣнѣ... И вдругъ—самыя простецкія слова, самый простодушный тонъ! Если это—тоже политика, то какая-то непонятная. Петръ Антоновичъ недоумѣвалъ, но уже пересталъ быть настороже. Больше всего сбивали съ толку глаза Зиновьева: открытые и ясные, они тревожно смотрѣли на него въ упоръ, какъ будто ожидая отъ гостя разрѣшенія мучительной загадки, прося содѣйствія, защиты... Передъ Ковригинымъ былъ не баринъ, отдѣленный цѣлой пропастью отъ слесаря, а скорѣй ребенокъ, заблудившійся ночью на незнакомой улицѣ: точь-въ-точь маленькій барчукъ, котораго Петръ Антоновичъ встрѣтилъ прошедшей зимой за заставой... Ковригинъ опять отвернулся, опять уставился угрюмо на бюстъ.

— Нѣтъ, я не обманывалъ Ольгу Антоновну: я обманулся въ себѣ самомъ. Думалъ, могу принять къ сердцу то серьезное, хорошее, что̀ есть въ вашей сестрѣ. Даже уважать началъ себя за это... Но—увы!—я быстро выдохся. У Ольги Антоновны есть цѣль въ жизни, опредѣленная дорога, разные планы, перспективы на будущее, а у меня ничего такого нѣтъ. Для нея жизнь—неизслѣдованная, заманчивая глубина, а для меня—просто, мелкая лужа, на днѣ которой я не вижу ничего, кромѣ пустоты и скуки. Да, я оказался хуже, безнадежнѣе, чѣмъ самъ думалъ...

Онъ прошелся по кабинету. Бѣлые, тонкіе пальцы быстро и безпокойно пощипывали бородку. Теперь онъ говорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Ну, вотъ я женюсь на ней. Чтеніе и разговоры, чаепитіе вдвоемъ... Скучно! Самообразованіе, декабристы, западники, славянофилы... общественные, моральные вопросы. Да о чемъ спрашивать? Какіе, въ сущности, могутъ быть вопросы? Все давно—какъ на ладонкѣ... Жениться на Трубчевской? Еще скучнѣе! Нервы, тошные разговоры о чувствахъ, анализъ утонченныхъ настроеній... брр! Значитъ, вопросъ сводится къ тому, себя ли самого пожирать, или испортить жизнь честной дѣвушкѣ?.. Да, надо признаться: мой экспериментъ съ Ольгой Антоновной совершенно не удался. Не могу же я перелить въ себя ея психическое здоровье, а другого мнѣ ничего не нужно. Она не виновата, что живетъ, мыслитъ и чувствуетъ просто, нормально; но вѣдь и я не виноватъ, если все это представляется мнѣ баналь-

нымъ, безвкуснымъ... Разъ я понялъ себя, я долженъ, какъ честный человѣкъ, уйти отъ нея, чтобы не отравить своей моральной немощью. Я такъ и сдѣлалъ...

— Да отчего жъ, скажите на милость, вы не втолковали ей путемъ? Можетъ, и не было бы у нея подобной лютой обиды...

— Ахъ, Петръ Антоновичъ! Сколько разъ я собирался написать ей или, просто, зайти, лично объяснить...

— За чѣмъ же, спрашивается, дѣло стало?

— Два раза я выходилъ изъ дому, чтобы отправиться къ вамъ, и оба раза возвращался съ полдороги.

— Стѣснялись, что ли, или оторопь брала?

— Хуже! Не успѣвалъ дойти, какъ выдыхался...

— Это какъ же такъ? Что-то маленечко невдомекъ мнѣ...

— Знаете, какъ ходятъ въ свѣтлую утреню со свѣчами? Чуть дунулъ вѣтеръ, — и погасла свѣча: много ли ей нужно? Вотъ и я хожу въ жизни съ такой свѣчкой. Выйдешь изъ дому — столько хорошихъ мыслей въ головѣ, столько искреннихъ желаній теплится въ сердцѣ. А пройдешь нѣсколько улицъ, — и вотъ свѣтлыя искры начинаютъ одна за другой гаснуть внутри, и приходишь на мѣсто совершенно пустой... какъ переплетъ, изъ котораго выдрана книга. Вамъ смѣшно? Ну, разумѣется, смѣшно!

Но Петръ Антоновичъ не смѣялся. Странные глаза все больше безпокоили его: онъ не привыкъ, чтобы кто-нибудь смотрѣлъ на него прямо, не смигивая и, вмѣстѣ, какъ бы не замѣчая его. Казалось, Зиновьеву не было дѣла ни до гостя, ни до себя самого и всего, что онъ говорилъ; въ глубинѣ глазъ притаилась какая-то закоренѣлая, неотвязная забота или дума, поглощавшая все его вниманіе. Петръ Антоновичъ поводилъ нетерпѣливо плечами, глядѣлъ то на бюстъ, то на коверъ, а тихій, подозрительно ровный голосъ звучалъ надъ самымъ ухомъ и медленно, осторожно пробуравливалъ ему душу:

— Вы, я знаю, привыкли считать насъ, образованныхъ, обезпеченныхъ, какими-то баловнями судьбы, а мы, быть можетъ, самые несчастные изъ всѣхъ и... самые безполезные... У васъ — здоровый аппетитъ къ жизни, къ ея благамъ, къ познаніямъ, а мы, ничего еще серьезно не узнавъ, не испытавъ, какъ будто давнымъ-давно все извѣдали и пресытились. Вонъ Ольгу Антоновну волнуютъ всевозможные вопросы, а насъ ничто не можетъ взволновать до дна. А все — оттого, что васъ еще продолжаетъ соединять съ жизнью какая-то таинственная пуповина, а мы ровно ничѣмъ не связаны съ нею: насъ слишкомъ рано отрѣзали отъ жизни. И вотъ мы задыхаемся, мерзнемъ, умираемъ отъ истощенія. И въ этомъ наша трагедія...

Петръ Антоновичъ окончательно сталъ въ тупикъ:—«Что такое онъ говоритъ? Къ чему, собственно клонитъ рѣчь?». Никогда еще онъ не встрѣчалъ такихъ диковинныхъ людей, не слыхалъ такихъ ни съ чѣмъ не сообразныхъ словъ. Хотѣлось встать поскорѣй съ рыхлаго дивана, который какъ-то размариваетъ, хотѣлось сильныхъ движеній, громкихъ, рѣшительныхъ голосовъ, чтобы прогнать это «навожденіе». Съ языка такъ и рвалось:—«Да какого же тебѣ, прости Господи, рожна?»—но рѣзкія, отрезвляющія слова таяли во рту и просачивались наружу тепленькой водицей:—Конечно, у всякаго своя забота... Зачѣмъ ужъ такъ-то, безо всякаго милосердія?.. А вы бы какъ-нибудь полегче, поразвязнѣе... Вѣдь могли бы изловчиться по всѣмъ направленіямъ: не одно, такъ другое, не другое, такъ третье.

Пришла горничная просить барина въ гостиную, потомъ забѣжала Лиза позвать къ мамѣ. Зиновьевъ бормоталъ наскоро:—«Сейчасъ, сію минуту,»—и продолжалъ договаривать свою нескончаемую, какъ унылый осенній дождикъ, рѣчь. Отъ этого ровнаго, безжизненнаго голоса и нервныхъ пальцевъ, не перестающихъ судорожно теребить бородку, у Петра Антоновича цѣпенѣли мозги, а пухлый, жаркій диванъ и вязкій коверъ подъ ногами окутывали какимъ-то теплымъ, разслабляющимъ паромъ, какъ въ банѣ, застилали мысль прѣлымъ туманомъ... Онъ вырвался, наконецъ, изъ удушливыхъ объятій дивана, всталъ и, разминаясь энергичными потягиваніями, проворчалъ не безъ участливости:

— Нужды вы не знали, Николай Сергѣевичъ,—вотъ главная причина; не видали, въ чемъ нужда ходитъ.

Зиновьевъ провелъ рукой по лбу, какъ бы съ трудомъ приходя въ себя.

— Да, да...—пробормоталъ онъ разсѣянно.—Я, кажется, наговорилъ вамъ разныхъ пустяковъ?.. Вернемся лучше къ дѣлу. Я рекомендовалъ бы Ольгѣ Антоновнѣ не отказываться отъ предложенія дяди, въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ...

* *
*

Петръ Антоновичъ вернулся домой въ глубокой задумчивости. Когда Ольга бросилась къ нему съ разспросами, онъ только махнулъ рукой:

— Да что! Чудной этотъ твой Зиновьевъ. Въ родѣ, какъ мужчина въ бабьемъ платкѣ, а вѣдь какой бравый на видъ!.. А не притворяется—нѣтъ: сразу видать. И что это съ нимъ,—ума не приложу? Скучливый онъ какой-то, и голосъ—впалый... Да

не въ этомъ теперь суть дѣла. Вотъ онъ мѣсто тебѣ сватаетъ, велитъ прошеніе подавать. У него тамъ дядя предсѣдатель... Прочитай-ка письмо да обмозгуй хорошенько...

Ольга читала письмо предсѣдателя, Петръ Антоновичъ сообщалъ подробности о школѣ, переданныя ему Зиновьевымъ...

— Не поѣду,—сказала Ольга.

— Какъ такъ? Почему? Сама же мечтала...

— Не хочу отъ него никакихъ благодѣяній.

— Да что онъ, милостыню тебѣ подаетъ, что ли? Тамъ работницу ищутъ—вотъ и все. Тебѣ предлагаютъ хорошее дѣло, а ты—съ капризами...

— «Писалъ обо мнѣ дядѣ своему...—думала съ горечью Ольга:—значитъ, тогда еще хотѣлъ выпроводить меня куда-нибудь подальше. Значитъ, я тогда еще была ему въ тягость»...

Ей казалось теперь, что никогда, никогда, даже въ лучшія минуты, не было между ними тѣни душевной близости, никогда не покидала его затаенная мысль, дѣлавшая его чужимъ, далекимъ. Развѣ ей не случалось, среди оживленнаго разговора, ловить на его лицѣ выраженіе страннаго безучастія... можетъ быть, скуки? Тогда она не придавала этому значенія, а теперь все разгадала:—«Ему, просто, было скучно со мной, да не хотѣлъ сознаться». Недаромъ ее такъ часто грызло ощущеніе какой-то унизительной неудовлетворенности, чего-то не настоящаго, поддѣльнаго. Да, теперь она поняла...—«Онъ хочетъ откупиться отъ меня хорошимъ мѣстомъ, какъ его мать хотѣла откупиться нѣсколькими лишними рублями. Да не нужно мнѣ ничего отъ васъ! Оставьте меня въ покоѣ, мучители!».

— Да оставьте же, говорятъ вамъ, не приставайте!—крикнула она, забывшись.

Петръ Антоновичъ и Настасья Кузьминична, позванная имъ на подмогу, вдругъ опѣшили и замолчали, глядя на глаза Ольги, полные слезъ.

— Не тревожь ее, Настасья. Видишь: не до того ей...

— Да вѣдь до лѣта осталось всего какихъ-нибудь два мѣсяца, а тамъ гуляй себѣ, а жалованіе пойдетъ своимъ чередомъ. Какъ она не понимаетъ разсчета?

— Не трогъ, не трогъ ея, Настасья.

XI.

Солнышко начало порядкомъ пригрѣвать, и въ столовой Ковригиныхъ появилась тетка Настасьи Кузьминичны, ветхая деньми Прохоровна. Она ежегодно выползала изъ своей бога-

дѣльни съ первымъ тепломъ: выходила не спѣша, утречкомъ, опираясь на клюку, двигалась со скоростью одной версты въ часъ и въ сумерки достигала до Ковригиныхъ.

— Ну, ласточка наша прилетѣла!—шутилъ Вуколъ.

— Стало быть, надо рамы выставлять,—замѣчалъ Петръ Антоновичъ.

— Теперь только самоваръ подогрѣвай!—подхватывала Настасья Кузьминична.

У старушки остались, какъ она сама говорила, только двѣ утѣхи въ жизни: Богъ и самоваръ. Великая постница и молитвенница, она по цѣлымъ суткамъ не ѣстъ, цѣлыя ночи простаиваетъ на молитвѣ; зато чай могла пить, когда угодно и сколько угодно. Утвердивъ блюдечко на пятернѣ, она медленно и истово втягивала въ себя часами жиденькій чай, почти не прикасаясь къ сахару.

Всѣ у Ковригиныхъ встрѣчали съ радостью эту ласковую, разсудительную и уютную старушку: отъ нея вѣяло какимъ-то несокрушимымъ, теплымъ спокойствіемъ, навсегда застрахованнымъ отъ всякихъ тревожныхъ неожиданностей... Она приходила съ ворохомъ чулокъ, связанныхъ ею за зиму, и справлялась прежде всего о Капитолинѣ, которая умѣла сбывать торговкамъ ея чулки...

— Гдѣ же Капочка-то моя?

Глазки Настасьи Кузьминичны злорадно запрыгали.

— Нѣтъ у насъ твоей Капочки: съѣхала..... пристроилась. Теперь, какъ сыръ въ маслѣ...

Ольга встала изъ-за стола и торопливо вышла. Ковригины и Вуколъ выразительно посмотрѣли другъ на друга, а Настасья Кузьминична принялась съ жаромъ разсказывать теткѣ про Капитолину: какъ она наврала, будто ѣдетъ «на родину», а сама ушла къ любовнику; какъ прибѣгала къ Ковригинымъ похвастаться своимъ житьемъ и плела что-то про брилліантъ съ кулакъ величиной...—«Теперь собирается со своимъ милымъ дружкомъ на кавказское море ѣхать для разгула... Вотъ, какъ прославилась наша Капитолина Дормидонтовна—не то, что мы, грѣшныя, около ухватовъ».

— «Что же это такое происходитъ?»—вихремъ кружился въ головѣ Ольги все одинъ и тотъ же вопросъ, въ которомъ послѣднее время тонули всѣ ея мысли, интересы, планы. Съ тѣхъ поръ, какъ обнаружилось, что Зиновьевъ живетъ съ Капкой, ее точно оглушилъ ударъ грома. Ей чудилось, что она уже ничего не понимаетъ въ жизни: такъ все замутилось, исказилось

въ ея глазахъ.—«Нельзя любить человѣка, не уважая его, а я вотъ люблю... Безумно—отказываться отъ дѣла, на которое положила столько силъ, — а я вотъ отказываюсь, не хочу ѣхать въ деревню, быть учительницей... Вѣдь постыдно — жить на шеѣ брата, прозябать изо дня въ день, безъ работы, безъ мыслей, безъ надеждъ,—а я вотъ живу такъ»...

Зиновьевъ — самый умный, образованный человѣкъ изъ всѣхъ, кого она знаетъ,—а что дало ему образованіе? Капитолина—неразвитая, пустенькая,—а вотъ привлекла же его: съ ней ему весело. Если такъ, то какой смыслъ имѣютъ образованіе, всякія честныя стремленія, порывы къ свѣту, къ порядочной жизни, къ полезному труду? Много у нихъ было за это время разговоровъ съ братомъ, а все остается по-прежнему темнымъ, неразгаданнымъ. Только-что она чуть-чуть утвердится на чемъ-нибудь, какъ мысль о Капитолинѣ въ одинъ мигъ все расшатаетъ, перевернетъ вверхъ дномъ, и внутри — опять только апатія, безысходное недоумѣніе и тоска, тоска...—«Не стоитъ ни о чемъ стараться, ничего не надо»...

Въ дверь просунулись голова и рука Петра Антоновича:

— Ольга, письмо тебѣ заказное. Я тамъ расписался за тебя... Не отъ предсѣдателя ли?

Письмо было отъ Зиновьева. Ольга такъ сильно задрожала, что Петръ Антоновичъ кинулся поддержать ее.

— Ничего, Петя, ничего... Ты пока поди туда... Я тебя позову потомъ... Ты поди, поди.

Затворивъ за братомъ дверь, Ольга разорвала конвертъ. Она задыхалась, прижимала изо всѣхъ силъ рукой сердце, готовое, казалось, выпрыгнуть или лопнуть.

«Дорогая Ольга Антоновна!

Позвольте назвать васъ такъ въ первый и послѣдній разъ. Я рѣшаюсь на такую фамиліарность потому, что вычеркиваю себя изъ списка живыхъ... Странное дѣло! Сейчасъ, когда я готовлюсь убрать себя со сцены, жизнь чѣмъ-то привлекаетъ меня. Вспоминаю васъ, нѣкоторыя наши бесѣды; оживаютъ какъ будто прежніе вопросы и проекты, что роились тогда въ моей несчастной головѣ. Опять подманиваетъ жизнь, но теперь-то я знаю, что это—только иллюзія, и ужъ не поддамся ей. Простите, что я внесъ въ ваше свѣтлое существованіе каплю отравы. Человѣкъ, у котораго хлещетъ кровь изъ раны, не можетъ быть предусмотрительнымъ: онъ бѣжитъ, куда попало, зажавъ покрѣпче рану, и думаетъ только о томъ, какъ бы не истечь кровью?.. Впрочемъ, довольно съ васъ жалкихъ словъ.

Прилагаю второе письмо дядюшки и убѣдительно прошу васъ: утѣшьте меня, поѣзжайте! Вамъ хорошо будетъ, да и я умру спокойнѣе. Ради Бога, не вздумайте оплакивать меня, не тратьте силъ по-пустому: вѣдь я—изъ приговоренныхъ, и тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Я похожъ на тонкое блюдо: поваръ искусно приготовилъ его, уснастилъ всѣми приправами, но забылъ посолить, и получилась безвкусица... Ну, да, въ концѣ концовъ, не все ли равно, и стоитъ ли разсуждать? Вся разница—въ томъ, что одни спятъ и видятъ пріятные, золотистые сны, а другихъ, какъ меня, мучатъ тяжелыя, мутныя сновидѣнія; въ сущности же, всѣ одинаково грезятъ и бредятъ, а стоитъ ли такъ ужъ дорожить своимъ бредомъ? Простите за мертвецкія мысли, забудьте о нихъ поскорѣе: надо жить такъ, чтобы было не до нихъ... Просто, въ моихъ жилахъ течетъ гнилая кровь предковъ, которую я и намѣренъ теперь выпустить изъ себя...

Въ заключеніе, два слова о Капитолинѣ. Кстати: я зову ее «Линой», и это ей почему-то страшно нравится. Если она растеряется отъ моего самоубійства и прибѣжитъ къ вамъ, успокойте ее, помогите ей. Она вовсе не такая развращенная, какъ о ней думаютъ. Въ ней нѣтъ стыда, какъ въ ребенкѣ или животномъ, но она въ тысячу разъ невиннѣе, чище, чѣмъ я и подобные мнѣ. Иногда мнѣ приходитъ въ голову—не ближе ли она всѣхъ насъ къ истинѣ ужъ однимъ тѣмъ, что ничего не знаетъ и знать не хочетъ? Она—ужасная лакомка, какъ дитя, никогда не видавшая сладкаго. Вотъ сейчасъ—вымыла голову, обернула ее въ полотенце, въ видѣ чалмы, и наслаждается чаемъ съ пастилой и печеніемъ. Я всегда испытывалъ большое удовольствіе, смотря, какъ она поглощаетъ конфекты и фрукты... Скажу вамъ больше: къ моему изумленію, этотъ звѣрекъ оказался способнымъ на искреннюю привязанность. Я ненавижу себя за то, что всю жизнь пользуюсь, какъ паразитъ, чужимъ чувствомъ, не будучи въ состояніи ничего дать взамѣнъ. Въ этомъ моя главная мука, мое проклятіе... Прощайте и простите, если можете, а главное — забудьте и уѣзжайте поскорѣй на работу»...

XII.

— Что жъ это ты, Вуколъ Иванычъ? Никакъ опять за старое?

— Молчи, хозяинъ! Не береди сердца... Былъ у меня

алмазъ самоцвѣтный, и мнилъ я себя богаче всѣхъ, а теперь сталъ хуже нищаго... Эй, милый, пару пива!

Ковригинъ сидѣлъ въ залѣ III класса, охраняя вещи сестры, которая, вмѣстѣ съ Настасьей Кузьминичной, отправилась брать билеты. Вуколъ явился на вокзалъ, хмельной и взвинченый, подсѣлъ къ Петру Антоновичу, спросилъ полдюжины пива и жадно глоталъ стаканъ за стаканомъ, забывая даже подливать товарищу, чего прежде никогда не позволялъ себѣ. Его слегка замутившіеся глаза горѣли мрачнымъ огнемъ изъ-подъ козырька картуза, грозно нахлобученнаго на самыя уши, а широкія скулы все время безпокойно шевелились...

— Сказала мнѣ твоя сестра нонче словцо: маленькое, да—ухъ!—какое остренькое. Насквозь оно меня пронзило...

— Это что не любитъ-то? Эхъ, ты! Да ей теперь въ пору о своей собственной головѣ промыслить, а не то что...

— Понимаю я это, Петра, до тонкости, а только больно я ожегся, потому и заливаю...

— Ожегся, такъ подуй на пальцы — вотъ и все. Она-то, думаешь, не обожглась? Еще какъ! Да вѣдь не спасовала: видишь, ѣдетъ на свой промыселъ. Какой кругъ себѣ очертила, тотъ и исполняетъ. И ты бери съ нея примѣръ...

— А я развѣ не старался? Горами двигать хотѣлъ, да, видно, по-нашему не бываетъ.

— «Хотѣлъ»!.. Такъ ли хотятъ по-настоящему? Нѣтъ, ты захоти на всю жизнь, чтобы, чѣмъ дальше, тѣмъ пуще разгораться, чтобы никакая сила не свернула тебя съ дороги. Такъ грудью и ломись.

— Куда ломиться-то, коли всѣ пути заказаны?

— Дороги нѣтъ, такъ по цѣлику пробирайся. Одинъ прошелъ, другой за нимъ слѣдомъ,—вотъ тебѣ и тропка. А тамъ, можетъ, и на столбовую выйдешь...

— У тебя всегда одна резолюція: «гни» да «ломись»!.. Серьезный ты мужчина, Петра... кремневый! И сестра твоя, видать, вся въ тебя вышла. Знаю: тебѣ хочется въ дамки пролѣзть, заправскимъ хозяиномъ задѣлаться. И она тоже желаетъ орудовать... А мнѣ ничего этого не нужно... Ну, накопишь ты денегъ, коли мастерская у тебя пойдетъ: собственный домъ, того гляди, взгромоздишь себѣ, отгородишься заборомъ съ гвоздями— и будешь въ родѣ собаки на сѣнѣ...

— Не собакой хочу я быть, а въ полной мѣрѣ человѣкомъ. Не домъ съ заборомъ мнѣ нуженъ, а своя воля, чтобы не распоряжались мной всякіе нестоящіе люди...

— Ну, будешь ты самъ себѣ голова, да что толку?

— Больше ничего, какъ буду жить, никому не кланяться.

— Не человѣкъ ты, хозяинъ, а булыжникъ... какъ есть, булыжникъ!

— Чего лаешься-то? Я дѣло говорю.

— Деньги наживать, проценты слизывать? Гробъ, что ли, золоченый себѣ закажешь?

— Э, нескладный! Не «проценты», а уважать себя надо...

— Провались ты съ своимъ уваженіемъ! Лучше же я распояску себѣ сдѣлаю, чтобы чертямъ стало тошно...

— Тошно-то станетъ не чертямъ, а тебѣ самому.

— Стало быть, такая моя доля, чтобы быть мнѣ на произволъ карательной судьбы...

— Это ты, знать, въ пивной такихъ словъ нахватался?.. Какая-такая доля?.. Схватилъ быка за рога, — вотъ тебѣ и «доля»... Эй, послушай меня, Вуколъ,—не дури! Нашему брату стоитъ только разъ спотыкнуться,—о насъ ужъ никто не позаботится. Увязъ по щиколку,—уйдешь и по горлышко, и никто не протянетъ тебѣ руки, не вытащитъ. Да ты одно сообрази: всякое горе перегорюешь,—вонъ, какъ Ольга, всякую бѣду изживешь,—ну, а если характеромъ ослабнешь, тогда—ау, братъ! Вотъ и наши идутъ...

Глаза у обѣихъ были красны. Ольга объявила, что билеты взяты и поѣздъ поданъ. Настасья Кузьминична засуетилась, хватая вещи, торопя всѣхъ... Ковригины, забравъ узелки и корзинки, шли впереди въ толпѣ, хлынувшей къ дверямъ. Ольга задержала Вукола, тащившаго въ багажъ тяжелую корзину съ книгами.

— Вотъ я пріѣду, устроюсь, а вы пріѣзжайте ко мнѣ съ братомъ на пасху... Пріѣдете?

Вуколъ весь просіялъ. Его тронуло, что Ольга не захотѣла обратить вниманія на бутылки, зная, какъ ему совѣстно; еще больше тронуло приглашеніе Ольги: «Стало быть, моя рожа еще не вовсе опротивѣла». Сама въ хлопотахъ, въ такомъ разстройствѣ, а не забыла позвать. Нарочно поотстала отъ своихъ, чтобы поговорить съ нимъ келейно... Это особенно польстило ему.

— Бить меня надо, Ольга Антоновна,—пробормоталъ онъ, намекая на бутылки.

— Такъ смотрите же, пріѣзжайте,—повторила Ольга и вышла на платформу.

XIII.

Въ вагонѣ 3-го класса стоитъ гулъ, и носятся клубы сердитой махорки. Петръ Антоновичъ читаетъ газету, взглядывая по временамъ на сестру. Она сидитъ противъ него, положивъ голову на узелъ; глаза закрыты, лицо кажется измученнымъ или больнымъ.

— «Умаялась!»—говоритъ себѣ Петръ Антоновичъ, удивляясь на маленькую, скорбную морщинку, прорѣзавшуюся между бровей сестры: или онъ не замѣчалъ раньше этой морщинки, или она только теперь появилась у нея?—«Какая-то она... словно не прежняя. Знать, поломала-таки ее шестерня?» Онъ былъ доволенъ, что вызвался проводить ее до самаго мѣста. У него начинала налаживаться своя мастерская и хлопотъ было по горло, а все-таки онъ хорошо сдѣлалъ, что поѣхалъ съ сестрой:—«Ишь, какъ ее, сердечную, подвело!»

— Здорово идетъ машина, ходко!—одобрительно замѣтилъ онъ, желая разговорить сестру.

Ольга не отозвалась. Передъ ея закрытыми глазами мелькали недавно покинутыя лица провожавшихъ. Настасья Кузьминична, прощаясь съ ней, рыдала навзрыдъ; она, вообще, въ послѣднее время очень «залюбила» Ольгу, обращалась съ ней особенно бережно, какъ съ тяжело-больной, то и дѣло сочувственно вздыхала надъ ней, называла не иначе, какъ «Оленькой». Это началось съ того дня, какъ Ковригины прочитали въ газетѣ о самоубійствѣ Зиновьева и съ Ольгой произошелъ припадокъ. А когда Ольга сказала, что ѣдетъ въ школу, и стала укладываться, Настасья Кузьминична ходила за ней по пятамъ, всячески услуживала, такъ и смотрѣла въ глаза... И вся она за это время измѣнилась: прежде съ утра до вечера звонко трещала, точно орѣхи щелкала, а теперь стала какая-то тихая, осторожная въ мысляхъ и словахъ... А вотъ Вуколъ, неистово размахивающій картузомъ передъ тронувшимся поѣздомъ. Подъ окномъ промелькнуло въ послѣдній разъ нетрезвое, восторженное лицо, черные глаза, горящіе тоской и необузданной преданностью... Да, не легко, видно, было ему разставаться! Съ каждымъ звонкомъ такъ замѣтно росли въ немъ тоска и тревога, но онъ изо всѣхъ силъ бодрился, даже пробовалъ шутить. Послѣ перваго звонка сказалъ: «На чаекъ бы мнѣ за корзинку-то!» А послѣ второго, когда Ольга стояла уже на тормозѣ, объявилъ, что она поѣдетъ со скоростью «шестьдесятъ минутъ въ часъ». Бѣдный, славный Вуколушка!

Но отчего же эти волны любви и грусти, такъ внезапно и бурно нахлынувшія на нее, отчего растроганныя лица близкихъ, ихъ слезы, поцѣлуи, рукопожатія, какъ будто не дошли до ея сердца? Ущипнули на одинъ мигъ, а вотъ ужъ точно и не было ничего! Неужели она такая безчувственная, что даже не хочетъ поговорить съ братомъ, съ которымъ завтра уже не увидится? Или сердце въ ней надорвалось?

Въ вагонѣ сквозь шумъ голосовъ прорѣзались вдругъ стонущіе звуки плохонькой скрипки. Пріоткрывъ глаза, Ольга увидѣла слѣпое, изрытое оспой лицо, склонившееся надъ скрипкой, и мальчугана, державшагося за полу слѣпца. Жалобные звуки, какъ будто молившіе о пощадѣ, то заглушались вагоннымъ гуломъ, то властно покрывали его... Ольга опять зажмурилась, чувствуя, какъ выжимаются изъ глазъ жгучія, ѣдкія слезы.

Она видитъ передъ собой того, кого тщательно схоронила въ глубинѣ сердца. Выступаетъ изъ мрака блѣдное пятнышко, шевелится, сгущается, оживаетъ... И вотъ уже стоитъ неотвязно передъ глазами знакомое лицо, какъ роковая, измучившая душу загадка: оно точно заморожено, обезкровлено, безучастно ко всему, а въ то же время какъ будто чего-то ждетъ отъ нея, о чемъ-то проситъ...—«Могла ли я спасти его?»—проносится въ Ольгѣ.—«Что, если могла и не спасла?»

Она тоскливо мотаетъ головой, вся нервно передергивается, прижимаетъ горячій лобъ къ запотѣвшему стеклу окошка. Бѣгутъ мимо, какъ въ туманѣ, снѣжныя поля, почернѣвшія мѣстами, рощи въ сторонѣ, деревни, будки, столбы; летитъ стая галокъ, какъ будто обгоняясь съ поѣздомъ и, попавъ въ дымъ локомотива, отлетаетъ въ сторону. Вонъ потянулось шоссе, побурѣвшее отъ весенняго солнца; отъ него идетъ, извиваясь коричневой змѣей, грязный проселокъ къ дальнему селу или имѣнію... тамъ, на горѣ.—«Конечно, это чье-то имѣніе... Вонъ и усадьба!»

И вдругъ словно молнія освѣтила картину жизни, давно взлелѣянную воображеніемъ: тихій, благообразный домъ Зиновьевыхъ, грустная красота Надежды Николаевны, нѣжныя ручки Лизы. Такъ и чувствуешь ихъ ласковое прикосновеніе, когда она, обнимая, щебечетъ любовно своимъ дивно звенящимъ голоскомъ: «Милая, Ольгочка Антоночка!» Знакомый запахъ куреній въ прихожей, котораго никогда не забыть, звуки наивной сонатины на роялѣ, печальная прелесть задумчивой тишины комнатъ, шаговъ, рѣчей. Тамъ еще больше затихли, когда *его* не стало. Говорятъ, они сейчасъ же переѣхали въ свое имѣніе... можетъ быть, такое же, какъ вотъ это... на

горѣ? Каждая мелочь въ этой жизни, каждое слово, движеніе Зиновьева представлялось безмѣрно значительнымъ, точно она заглядывала въ бездонную глубь, полную тайнъ и неожиданностей... Отрывалась отъ окна, обводила взглядомъ брата, уткнувшагося въ газетный листъ, тулупы и поддевки пассажировъ и весь вагонъ, напоминавшій конюшню со стойлами,—и щемящая грусть по красотѣ, по *той* красотѣ, заволакивала душу. Что-то прекрасное, поэтическое прошло мимо нея, какъ смутный, чарующій призракъ, и никогда уже не вернется, не повторится. Оно разлетѣлось по вѣтру, словно воздушно-нѣжный одуванчикъ: остался одинъ жесткій стебель. Съ жизни какъ будто сошла позолота...

Ольга снова обращала взоры къ окну и, подъ стремительный, упрямый стукъ колесъ, мысленно твердила: «Не то, не то... Теперь ужъ совсѣмъ не то». Не тѣ, не прежнія были и небо, и земля, и деревья, и галки... Тогда это все было совсѣмъ, совсѣмъ другое...—«Въ сущности, всѣ одинаково грезятъ и бредятъ»...—вспомнилось ей изъ письма. Да, у нея прежде были иные сны,—а теперь? Проснулась она—или только сновидѣнія измѣнились?—«Стоитъ ли дорожить своимъ бредомъ?» Можетъ быть, и не стоитъ, а я вотъ дорожу, не могу оторвать сердца отъ этого бреда, не могу примириться»...

— Обида? Какая обида? Вотъ ужъ это, дѣйствительно, былъ бредъ. Да, она бредила, мучась отъ уколовъ самолюбія, сходя съ ума отъ «измѣны», бичуя *его* мысленно разными оскорбительными словами. Обида — въ томъ, что его не стало: онъ ушелъ отъ красоты, окружавшей его, отъ этого неба и земли, и отъ весны, и отъ любви, и отъ жизни... Вотъ это такъ обида!

На эту непоправимую, неутѣшную обиду плачутся и жалуются дребезжащіе звуки скрипки, отъ нея хотятъ убѣжать куда-то торопливыя колеса, отъ нея прячется въ газету съежившійся на скамейкѣ Петръ Антоновичъ. Обида эта отбросила безконечную тѣнь во всѣ стороны, легла на ясное небо, на оттаивающія поля, на лицо слѣпого и на огромные, не по росту, дырявые сапоги его проводника. Да, подъ всѣми маленькими обидами притаилась одна огромная, глубокая, неизлѣчимая обида, и хочется плакать о ней и жаловаться кому-то, какъ жалуется этотъ изуродованный оспой слѣпецъ...

— Проснись-ка: пріѣхали!

Петръ Антоновичъ стаскивалъ сверху узлы, выдвигалъ изъ-подъ скамейки корзины.

— А ты задремала? Это правильно... Гдѣ квитанція-то? Я за багажомъ схожу, а ты тѣмъ временемъ ямщика приспособь. Больше цѣлковаго не давай, а то они рады облупить...

XIV.

Розвальни, огибая сосновую рощу, шуршали по влажному, зернистому снѣгу. Солнце, не сходившее весь день съ яснаго неба, успѣло образовать повсюду множество проталинъ, и полозья скрипѣли время отъ времени по голому суглинку...

— Ишь вѣдь сколько проплѣшинъ!—говорилъ Петръ Антоновичъ.

Ольга ѣхала въ какомъ-то забытьѣ. Ей казалось, что розвальни везутъ ее не часъ, а цѣлый день, что она давнымъ-давно покинула вагонъ, а городъ, Настасья Кузьминична, Вуколъ отошли для нея въ неразличимую даль былого. И опять все не таково, какъ было: иное небо, какая-то другая земля и совсѣмъ новыя рощи, деревни, пригорки, низины. Солнца уже не видно было за лѣсомъ, а впереди и направо по безпредѣльному снѣжному полю протянулись отъ закатныхъ лучей ослѣпительныя серебристыя и золотистыя полосы, сверкавшія мѣстами въ большихъ лужахъ. Проталины—вездѣ: у каждаго дерева, куста, пня, возлѣ лѣсной сторожки, вдоль изгороди, мимо которой проѣхали...

Ольга долго не могла понять, почему эти проталины такъ настойчиво приковываютъ ея вниманіе, такъ странно волнуютъ? Смотришь на нихъ, и точно что-то встаетъ въ памяти и, не успѣвъ проясниться, забывается. И хочется вспомнить это неуловимое, какъ давнишній сонъ, и не можешь успокоиться, пока не вспомнишь... Вотъ розвальни ухнули въ лужу, — Петръ Антоновичъ торопится подобрать ноги, а Ольга вся напряглась, силится уловить что-то. Лужа, блестящая, веселая лужа... Что такое шевельнулось вдругъ въ душѣ, потянуло за собой нить какихъ-то стертыхъ воспоминаній? — «Или все это — только мои фантазіи? Нѣтъ, нѣтъ, тутъ есть что-то... Вотъ сейчасъ вспомню, ухвачу»... Но нить уже порвалась: видна одна лужа, а то, что блеснуло за нею, исчезло...— «Ахъ, Господи,—что же это? Ужъ не во снѣ ли я видѣла?..»

— Эй, ямщикъ,—какое это село?—раздался зычный голосъ Ковригина.

Мужичокъ, въ рваномъ, вонючемъ тулупѣ, польщенный титуломъ «ямщика», обернулся съ широкой, доброжелательной улыбкой:

— Это-то? Ельниково называется.

— А до Михайловскаго много еще осталось?

— Да вонъ—за рѣкой... Видишь? Ба-альшущее село!

Въѣхали на просторную улицу Ельникова. Пустынно и тихо, только гурьба ребятишекъ шляндаетъ голыми ногами по сѣти лужъ, раскинувшейся привольно среди улицы: скачутъ по водѣ съ веселыми подвзвизгиваньями, разбрызгиваютъ ее грязными каскадами или полощутся, какъ утки. Вонъ маленькая бѣлобрысая дѣвочка, подобравшись неестественно высоко, залѣзла въ самую глубокую лужу и визжитъ отъ радостнаго страха...

— Ишь, ребятенки дрызгаются во все свое полное удовольствіе! Было время, когда и ты вотъ такъ же, босоногая, шлепала по деревенскимъ лужамъ. Помнишь, чай?

Какая-то тончайшая струна задрожала внутри Ольги. Слова брата подѣйствовали, какъ внезапный лучъ, упавшій въ темную глубину прошлаго, гдѣ вспыхивали, гасли и вновь тускло мерцали блестки давнихъ воспоминаній... Ольга еще крошкой покинула съ матерью деревню, никогда потомъ не бывала въ ней и не вспоминала. И вдругъ теперь младенческія впечатлѣнія ожили, точно мухи весной послѣ долгой зимней летаргіи..

— Господи, до чего это давно было!.. Помню, какъ ты дрался съ мальчишками, чтобы не смѣли обижать меня... Ты всегда былъ такой сильный, смѣлый...

Она смотрѣла на плечистую фигуру брата, словно сотканную изъ однѣхъ мышцъ, и по губамъ скользила невольная блѣдная усмѣшка, давно не появлявшаяся на ея лицѣ. Паутина воспоминаній раскидывалась во всѣ стороны, неощутимо обволакивала, втягивала... Ольга уже не могла остановиться, какъ будто за нее говорилъ кто-то, противъ ея желанія и воли:

— Ну, вотъ точно вчера только шла съ мамой къ колодцу за водой, а Волчокъ бѣжалъ сзади и лаялъ. Потомъ вернулись домой: мама стала мыть полъ, а я вышла на улицу и припустилась бѣгать съ ребятами по лужамъ... Какъ сейчасъ помню: вонъ тамъ виднѣлся лѣсъ, и туда опускалось солнце, а съ этой стороны было поле, и на немъ—такія же проталины. И церковь была на горкѣ, и звонили ко всенощной...

Петръ Антоновичъ явственно уловилъ въ ея голосѣ молодыя нотки, такъ долго не звучавшія, и лицо его просвѣтлѣло.

— Вѣдь вотъ поди жъ ты! Тамъ была Смоленская губернія, тутъ — Тверская, а все будто одинаково мило сердцу... Эхъ, бросилъ бы я мастерскую, сталъ бы здѣсь хозяйствовать... право!

— Ты и тогда еще любилъ копаться въ полѣ, въ огородѣ. Еще маленькимъ все умѣлъ...

И опять засасывали воспоминанія, воскресавшія неожиданно одно за другимъ. И съ каждымъ словомъ все больше оживали для Ольги родныя картины: эти весеннія лужи, полуодѣтыя, бурно-веселыя ребятишки, эти завалинки у приземистыхъ избенокъ, солома клочьями, лохматая, выпачканная въ грязи собака у воротъ, крохотные палисадники, на загородкахъ которыхъ развѣшено для просушки бѣлье, мелочная лавчонка съ выцвѣтшей вывѣской, бѣлая, облупленная церковь на горѣ... Вѣдь это все—то самое, чѣмъ жила она въ раннемъ дѣтствѣ, когда еще цѣплялась за подолъ матери! И солнце, и роща, и колодецъ—все то же! И братъ—какъ будто не дюжій Петръ Антоновичъ, а маленькій, жигулистый Петя, таскавшій ее на закоркахъ, всегда бодрый, затѣйливый, всегда такъ заботившійся о сестренкѣ. Вонъ и лицо у него—не сурово-озабоченное, а мягкое, даже какъ будто шаловливое; такъ и кажется, что онъ выпрыгнетъ сейчасъ изъ розвальней и помчится куда-нибудь съ ватагой ребятъ.—«Какой онъ хорошій... самый мой близкій!».

То былъ первый слабый лучъ, затеплившійся въ сердцѣ Ольги.

Долго душа ея была похожа на стекло, не задерживающее лучей, долго мучилась ощущеніемъ безнадежнаго холода и теперь впервые ощутила, что искра, запавшая въ нее, не гаснетъ, а разгорается. Да, она чувствовала брата, а за нимъ—и тѣхъ, что оплакивали разлуку съ нею: точно она прощалась съ ними не утромъ, а вотъ только теперь, и только теперь ихъ грусть и любовь достигли ея сердца. Съ изумленіемъ и радостью прислушивалась Ольга къ ощущенію этой первой проталины въ себѣ:—«Неужели я, и вправду, оживаю?».

Сквозь *ту* красоту, по которой болѣзненно ныла ея душа, какъ будто просвѣчивала другая, не похожая на нее, но теплая, властная, живительная; она еще чуть брезжитъ, но неслышно входитъ во всѣ поры, согрѣваетъ ласковымъ материнскимъ дыханіемъ... Свѣтлыя сумерки... прудъ и утки въ немъ... березовая рощица... живописное село на горѣ...

— Смотри, Петя, какъ хорошо, какъ красиво!

И тутъ же вдругъ точно ножомъ по сердцу:—«А вотъ *онъ* ушелъ отъ этой красоты, не захотѣлъ жить». Братъ увидѣлъ глаза, полные испуганнаго недоумѣнія и слезъ, крѣпко сжалъ руку сестры, похолодѣвшую отъ волненія:

— Ничего, Ольга,—не робѣй! Ты пустишь здѣсь корни,

опять расцвѣтешь заново... А мы съ Вуколомъ пріѣдемъ къ тебѣ, грядъ накопаемъ.

...«Когда я готовлюсь убрать себя со сцены, жизнь чѣмъ-то привлекаетъ меня»,—вспомнилось Ольгѣ изъ письма, которое она знала наизусть. Ей чудилось, что если бы онъ былъ сейчасъ здѣсь, среди этой красоты, онъ не ушелъ бы изъ жизни. Да, вотъ когда только поняла она его вполнѣ: поняла, какъ можно отвертываться отъ жизни и—тосковать по ней, проклинать и—тянуться, жадно ждать отъ нея чего-то, вѣрить во что-то. Поняла она также, что можно, сидя на развалинахъ своего счастья, любоваться новорожденными побѣгами, выбивающимися изъ-подъ руинъ...—«Но *онъ*-то понималъ ли это?»

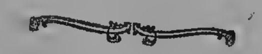
Подъѣхали къ пруду, и розвальни немилосердно заскрежетали по ветхому деревянному мосту на хвостѣ пруда.

— Лошадь-то взмылилась,—сказалъ заботливый Петръ Антоновичъ, вылѣзая изъ розвальней.

А Ольга ничего не замѣчала. Всѣ мысли стянулись къ одному тревожному ощущенію: ей казалось, что между ея прошлымъ и будущимъ легла бездна, и черезъ нее перекинута узенькая, ломкая дощечка. Она вступила теперь на этотъ хрупкій мостикъ и не знаетъ: выдержитъ ли онъ? удастся ли ей перейти на ту сторону, гдѣ, какъ въ туманѣ, брезжитъ для нея что-то большое, но неясное? Радость это—или страданіе? Спасеніе—или гибель?

— Вылѣзай-ка, Ольга, а то сейчасъ будетъ крутенько: дѣло пойдетъ теперь въ гору...

Н. Тимковскій.



* * *

Ты ушла съ глазами синими,
Въ нихъ цвѣла улыбка дѣвичья...
Ты искала за пустынями
Молодого королевича.

А вернулась молчаливою.
Блѣдно рдѣютъ щеки впалыя.
И теперь плакучей ивою
Всѣ зовутъ тебя, усталая...

Дмитрій Цензоръ.

ЦѢЛИТЕЛЬ.

Разсказъ.

— Редакторъ, это если напримѣръ газета, а онъ въ ней первое лицо.

Старенькій дьячекъ, подносившій къ раскрытому рту кусочекъ соленаго огурца, недовѣрчиво скосилъ на говорившаго глаза и слегка поперхнулся:

— Первое?..

— Самое первое!.. Главный, какъ бы сказать, пьедесталъ... Безъ редактора ни одно слово въ газетѣ не проходитъ, все равно, хоть и похвалить кого, или, напротивъ того, выразить осудительное мнѣніе... И оттого редакторъ отвѣчаетъ передъ закономъ. По стодвадцать девятой статьѣ и по 2-й части 1024, и по 1535, и по многимъ другимъ... Вы думаете какъ?.. Я въ городѣ Симбирскѣ одиннадцать мѣсяцевъ въ редакторахъ служилъ.

Разговоръ идетъ въ каютѣ третьяго класса небольшого камскаго парохода. Рекомендуетъ себя редакторомъ человѣкъ очень печальнаго вида, уже не молодой, чуть-чуть косоглазый и необыкновенно морщинистый. Борода у него не растетъ, усовъ тоже не далъ Господь—такъ себѣ, клочечки жиденькой пеньки какой-то желтѣютъ у концовъ губъ, тонкихъ и кривыхъ...

Одѣтъ редакторъ въ черный сюртукъ, и возрастъ этого сюртука, надо полагать, не на много ниже возраста самого владѣльца... Синеватый ситцевый воротничекъ рубахи,—охъ, какой грязный!—накрахмаленъ, и есть галстукъ: нѣчто широкое, темно-красное, отъ жиру и грязи почернѣвшее, очень похожее на тюфячекъ для куколъ... Съ такимъ галстукомъ не надо и бѣлья: мѣсто между лацканами все прикрыто до самаго горла... И благородно, и экономно...

Если войдетъ въ каюту человѣкъ свѣжій, съ палубы, то ему покажется, что въ груди у него встала перегородка,—такъ

густъ и тяжелъ здѣсь воздухъ, не проходитъ воздухъ въ легкія... Всякой ѣдой пахнетъ, водкой, сапогами, цыгаркой. Кажется, совсѣмъ бы задохнуться можно. Но спасаетъ то свѣжее и свѣтлое, упрямое, ничѣмъ не заглушимое дыханіе рѣки, которое, несмотря ни на что, всегда проникаетъ во всѣ помѣщенія парохода... Народу много. Басомъ кричитъ грудной ребенокъ. Его передразниваетъ, теребя за ножку, стриженная дѣвочка лѣтъ шести, въ красной, до полу, юбченкѣ, и на дѣвочку покрикиваетъ мать, нестарая баба съ оголенной грудью, темной, искусанной блохами...

Редакторъ говоритъ, а его, съ выраженіемъ вѣжливаго вниманія, слушаетъ и эта гологрудая женщина, и тощенькій дьячекъ въ заплатанномъ подрясникѣ, и дьячиха, пугливая, молчаливая старушка съ кроткими, удивленными глазами...

Пароходъ, по-стариковски покряхтывая, идетъ внизъ. Не хочется—ахъ, какъ не хочется странствовать старику!—Но пары гонятъ, ничего не подѣлаешь, надо покориться... Въ окна каюты видны берега, крутые, хмурые, а на нихъ темныя сосны. Насупились сосны, точно кто-то угрожаетъ имъ, мѣшаетъ ихъ старому покою... Такія онѣ мрачныя и темныя, будто совсѣмъ и нѣтъ солнца на свѣтѣ. А между тѣмъ солнечный блескъ заливаетъ все вокругъ, зеркально играетъ на мутныхъ, блѣдно-желтыхъ волнахъ Камы, толченымъ стекломъ посыпаны сверкающіе гребни ихъ. Поглядишь пристально и въ глазахъ почувствуешь острые уколы...

— Я сначала агентомъ по сбору объявленій служилъ,—скромно признается редакторъ.—Для редактора я настоящаго образованія не получилъ. Способности у меня всегда очень хорошія были, но я курсъ наукъ прошелъ неполный... У насъ газету вели Пашутинъ, Николай Ивановичъ, ветеринарный врачъ. А только когда ихъ по сто тридцать шестой статьѣ привлекли и посадили, то ужъ по этому случаю пригласили меня.

— А какое за это дѣло идетъ жалованіе?—полюбопытствовалъ дьячекъ.

Редакторъ объяснилъ:—въ обычное время двадцать рублей въ мѣсяцъ,—это за подписаніе номера. А если выйдетъ отсидка, то вдвое.

— Однако, и полугода, знаете, не прошло, а ужъ меня къ слѣдователю, по случаю тюремной голодовки политическихъ... «Такъ и такъ, говоритъ слѣдователь:—фельетонъ у васъ въ газетѣ, по поводу голодовки политическихъ». А я, какъ оно

по совѣсти и было:—«не могу знать, ваше благородіе,—отвѣчаю,— а это господинъ Метеоръ писали. Они сами вамъ и объяснятъ, а я тутъ безъ касанія»...

— Ну и что жъ?

— Ну и все-таки, не снисходя, меня на четыре мѣсяца.

— Васъ за что же, если написалъ другой?—спрашиваетъ какой-то новый голосъ.

И изъ глубины затѣненнаго прохода, зацѣпляясь за узлы, сундуки и чемоданы, за свѣшивавшіяся съ верхнихъ коекъ ноги, обутыя и босыя, выходитъ высокій, сильно высохшій, костлявый человѣкъ, съ черной бородкой, и какими-то неправдоподобно большими, горящими глазами,—видимо очень больной.

— А за то, что я редакторъ... Я за все отвѣчаю, за всякое нарушеніе. Вотъ въ родѣ какъ на пароходѣ капитанъ... Редакторъ знай—смотри: правильно написано—печатай. А если клевета, или, напримѣръ, распространеніе ложныхъ слуховъ, или диффамація,—обязанъ пріостановить.

— Значитъ, все отъ редактора?—спрашиваетъ подошедшій, и какими странными дѣлаются при этомъ его большіе, черные глаза!..

Точно чудесное что-то, неожиданно счастливое, несказанно-прекрасное вдругъ свершилось... И не думалъ и не расчитывалъ, и не предполагалъ, а вотъ приключилось необычное, загадочное, и такое доброе, что захватываетъ дыханіе и хочется вскрикнуть...

Даромъ, что ли, это вышло такъ?.. Ахъ, нѣтъ! Спроста такіе случаи не приходятъ.. Если же приходятъ, то есть тутъ скрытое и благостное предрѣшеніе, и есть тутъ знаменіе...

Вмѣстѣ съ огромнымъ и глубокимъ удивленіемъ зажглось въ темныхъ глазахъ больного человѣка выраженіе бездоннаго и радостнаго восхищенія...

— Стало быть, въ газетѣ все отъ редактора? — волнуясь, переспрашиваетъ онъ.—Отъ него все?...

* * *

Дьячекъ мѣшаетъ ложечкой чай, многоэтажно икаетъ. Отъ иканія маленькая головенка его сильно поддергивается кверху— разъ-разъ!—и подъ горизонтально поднявшейся жиденькой бородкой рѣзко обозначаются на шеѣ жилы и острый кадыкъ.

Старенькая дьячиха силится разжевать беззубымъ ртомъ ломтикъ расщепленнаго на четыре части соленаго огурца—предпріятіе нелегкое!...

— Видите ли, если это выходитъ такое дѣло, и вы будете господинъ редакторъ, то я сейчасъ долженъ считать такъ, что не иначе какъ самъ Господь Богъ устроилъ мнѣ съ вами встрѣчу: есть у меня къ вамъ важное дѣло!

Выраженія изумленія въ глазахъ больного уже нѣтъ. Оно ушло. Въ самомъ дѣлѣ: чему изумляться?... Да, случилось необычное. Но, — если вдуматься, — развѣ это такъ ужъ непонятно?...

Послѣ всего того поразительнаго и необычайнаго, что произошло раньше, нужно ли удивляться, если счастливое совпаденіе случилось и теперь?... Напротивъ: это совпаденіе очень понятно. Къ нему даже надо было готовиться. Оно непремѣнно должно было случиться... Именно такъ и должны были сложиться обстоятельства, какъ складываются сейчасъ, именно такъ, а не иначе...

Не было больше ничего удивительнаго въ томъ, что оказался на пароходѣ редакторъ—человѣкъ столь рѣдкостнаго званія и занятія. И не было, поэтому, на лицѣ больного ни изумленія, ни озадаченности. Лицо тихо свѣтилось выраженіемъ благодарности и радостной удачи...

— Имѣю къ вамъ очень важное дѣло,—вторично заявилъ этотъ человѣкъ.

— По редакціи?

— Вѣдь я сколько уже времени про это самое думаю: какъ бы такъ сдѣлать, чтобы всѣмъ стало извѣстно?... И даже когда въ Саратовѣ на трамваѣ вагоновожатымъ ѣздилъ, то такимъ же точно способомъ зашелъ разъ въ газету, «Наша копейка» называется, и просилъ написать для всеобщаго свѣдѣнія. Ну, потребовали у меня за это шесть съ полтиной деньгами. А у меня въ это время, по случаю болѣзни, не то что капиталу, а куска хлѣба не было... И еще того главнѣе: я въ своемъ средствѣ не вполнѣ еще, не до послѣдней точки еще, былъ удостовѣренъ, и надо было мнѣ его собственнымъ опытомъ усовершенствовать. Стало быть, подождать надо было. А шесть съ полтиной потребовали сразу, на стойку выкладай!

Глаза у говорящаго разгораются. Бѣлки сверкаютъ, точно фарфоровые. Очень странный человѣкъ! Голова огромная, широкая и массивная сверху, и продолговатая въ нижней части. Лобъ могучій, выпуклый. Короткая, темная, очень густая бородка обложила впалыя щеки... Чѣмъ-то суровымъ, загадочнымъ и таинственнымъ вѣетъ отъ этого человѣка. Взглянувъ на него, почему-то вспомнишь о веригахъ, о молчаливыхъ скитахъ въ

глуши старыхъ лѣсовъ, о мечтательныхъ, но твердыхъ людяхъ, которыхъ сжигали «за вѣру»,—и которые сжигали «за вѣру»... Живописецъ можетъ быть нашелъ бы, что съ него хорошо писать пророка, или, напримѣръ, протопопа Аввакума...

— Тогда полной вѣрности еще не было у меня... А теперь все доведено до конца и ясно вполнѣ. Теперь необходимо объявить всѣмъ людямъ.

— Публикація, если впереди текста, — объясняетъ редакторъ, — то за первый разъ по пятидесяти копѣекъ со строки нонпарель.

— Нонпарель?

— Да... Нонпарель по названію.

— Какая нонпарель?

— А шрифтъ... Размѣръ шрифта... Бываетъ шрифтъ боргесъ. Бываетъ корпусъ, или цицеро... А этотъ—нонпарель.

Больной нахмурился. Какъ будто что-то неприличное и недоброе совершалось тутъ же, передъ глазами... Съ оттѣнкомъ худо подавленнаго недовольства и брезгливо, онъ проворчалъ:

— «Нонпарель»...

— Да... Который шрифтъ цицеро, а который нонпарель... И за нонпарель взимается по пятидесяти копеекъ со строки, или за мѣсто, занимаемое ею.

— Да какая же тутъ можетъ быть нонпарель и пятьдесятъ копѣекъ, если это предметъ такой, что до всѣхъ имѣетъ касаніе!— рѣзко вскрикнулъ больной.

И затѣмъ хриплый голосъ его прервался, а изъ груди вырвался придушенный и точно ободранный кашель... Глубоко внутри зарождался кашель, съ натугой поднимался кверху и, проходя черезъ горло, раздиралъ его, самъ разрываемый, злобно скребъ и царапалъ... Можетъ быть, были похожи звуки этого кашля на сильно пострадавшаго отъ боя молодого пѣтушенка, растерявшаго въ дракѣ опереніе: мѣстами перья торчатъ, жалкіе, взъерошенные, некрасивые, мѣстами же видна непріятно обнаженная кожа...

— «Нонпарель»!.. Вѣдь я о чемъ?... Театръ это вамъ, что ли! Или тамъ балъ какой съ духовымъ оркестромъ?.. Средство есть!.. Найдено средство отъ чахотки!

Больной выпрямился, поднялъ голову и сжатый кулакъ положилъ на грудь, подъ бороду.

— Вѣдь это сколько же, если посчитать, народу гибнетъ отъ чахотки. Числа нѣтъ!.. Величайшее бѣдствіе среди всѣхъ временъ и народовъ, уносящее въ могилу цвѣтъ и надежду

родины... Я самъ седьмой годъ страдаю этимъ ужаснымъ бичемъ и изучилъ вопросъ въ точности.

— Чахотка, это вѣрно,—согласился дьячекъ.—Это вѣрно, что она бичъ Божій.

— Болѣю туберкулезомъ легкихъ и чахоткой въ послѣдней стадіи развитія, — волнуясь, прохрипѣлъ больной. — Такія были кровотеченія, что произошло полное истощеніе организма... Въ горло бросилось, и сдѣлалась горловая чахотка... Осужденъ единогласно на роковой конецъ и на завершеніе своего земного пути... А у меня жена и двое ребятишекъ.

* * *

Человѣкъ этотъ говорилъ быстро, горячо, энергично, и публика слушала его съ какимъ-то особеннымъ, тревожнымъ вниманіемъ. Слова его шли прямо къ сердцу и проникали въ сердце, какъ пуля проникаетъ въ мякоть тѣла. Большіе бѣлки говорившаго сверкали рѣзко, устремлялись то на одного, то на другого. И слушателямъ это нравилось, и нравилось имъ, что рѣчь больного пересыпана учеными словами, загадочными и непонятными, и потому привлекательными. Больной,—было ясно,—начитался какихъ-то сочиненій о туберкулезѣ, можетъ быть и по анатоміи и физіологіи, удержалъ въ памяти изъ читаннаго разные отрывки и обломки, и теперь густо разсыпалъ ихъ передъ публикой,—точно пестро расшитый коверъ встряхивалъ.

Нѣсколько человѣкъ пришли съ другого конца каюты и стали внимательно слушать. Надъ койкой дьячка, у потолка, брюхомъ внизъ, лежалъ на своей койкѣ маленькій сѣдой еврей. Онъ подперъ голову кулакомъ и вытаращенными круглыми глазами такъ и впился въ больного оратора,—«вотъ это такъ исторіи!.. Таки очень необыкновенныя исторіи!...»

Должно быть, не все изъ того, что говорилъ больной, было понятно еврею,—вѣдь какія необыкновенныя слова!..—но выпяченные, напряженные глаза его были глубоко печальны и выражали горестное сочувствіе.

Запахъ машиннаго масла преобладалъ надъ другими запахами въ каютѣ. Глухо громыхала машина. Пароходъ, подрагивая немолодымъ и уже сильно изношеннымъ корпусомъ, шелъ близко у берега. Въ окна каюты видна была неширокая полоса желто сверкающей воды, да глинистые обрывы берега съ темными, угрюмыми соснами. Какъ давно уже стоятъ здѣсь эти сосны, и сколько еще будутъ стоять, карауля первобытную пустынность великой рѣки...

— Чахотка есть злѣйшій бичъ современнаго человѣчества,— опять началъ больной. — Я жестоко пострадалъ отъ него, даже съ потерей голосовыхъ средствъ, и нахожусь у рокового конца. Но теперь, когда я на самомъ себѣ провѣрилъ методъ лѣченія и испыталъ его на другихъ съ полнымъ возстановленіемъ здоровья, то все думаю о томъ, какъ распространить это цѣлебное средство, чтобы было оно на пользу всѣхъ страдающихъ больныхъ.

Дьячекъ отодвинулъ отъ себя чайникъ и пропитанную жиромъ коричневую бумагу, на которой лежали черныя косточки отъ маслинъ да тоненько нарѣзанныя пластинки желтоватаго сала, вздохнулъ и сказалъ:

— Племянница у меня есть, въ Рязанской губерніи, въ селѣ Головкинѣ... тоже очень больна... Не знаю что у нея...

— Кашляетъ?—съ живостью обернулся къ дьячку больной.

— Такъ кашляетъ, такъ кашляетъ, упаси Богъ!

— Въ гору ходить трудно?

— Куда тамъ въ гору!... Ей по ровному невозможно.

— Потѣетъ по ночамъ?

— Про это не скажу: не любопытствовалъ.

— Чахотка! — авторитетно установилъ больной. — Обязательно чахотка... А чахотка, она теперь признается болѣзнью излѣчимой. За границей, въ городѣ Марсели, въ республикѣ французской, излѣчивается декохтомъ изъ цвѣтовъ, называемыхъ «Вердюръ Эндошинъ»... Подтверждается копіей нотаріуса, а также тысячами благодарностей навѣки излѣчившихся господъ паціентовъ!

Было ясно: больной говоритъ фразами шарлатанской заграничной рекламы, крѣпко засѣвшими въ немудреной, но жадно ищущей, но жадно вѣрующей головѣ его...

Онъ говорилъ убѣжденно, горячо, страстно. Его убѣжденность и волненіе сообщались другимъ пассажирамъ, и оттого они тоже испытывали какой-то подъемъ, какое-то колыханіе. Однако, вмѣстѣ съ подъемомъ, люди эти испытывали и большую жалость къ больному, испытывали даже нѣкоторую тревогу за него,—до такой степени плохъ и слабъ былъ больной... Старый еврей смотрѣлъ на говорившаго сверху, изъ-подъ потолка, грустно покачивалъ небольшой, острой головой и временами вздыхалъ— охъ-охъ...

Сосны все проплывали темнымъ строемъ передъ окнами каюты, но берегъ былъ теперь дальше, и между нимъ и пароходомъ, надъ сѣро-желтымъ, волнующимся покровомъ рѣки, протянулась длинная и широкая полоса черно-коричневаго дымъ.

— Вердюръ Эндошинъ дѣйствуетъ, какъ карболовая кислота,—размахивая длинными руками, объяснялъ больной.

И дальше онъ разсказалъ, что когда покойника подвергаютъ вскрытію, то на трупѣ легко прослѣдить, какъ живущая въ легкихъ человѣка чахоточная бактерія погибаетъ отъ карболовой кислоты. Однако, влить въ человѣка карболовую кислоту никакъ невозможно: сожжены будутъ ткани желудка и кишечника. А декохтъ Вердюръ Эндошинъ дѣйствуетъ на бактерію, какъ карболовая кислота, при чемъ его свободно выноситъ ткань кишечника, благодаря чему его можно принимать безнаказанно внутрь...

— Но долженъ присовокупить, что у насъ въ Россіи, по случаю нашего климата, Вердюръ Эндошинъ соотвѣтствуетъ не вполнѣ. Необходимо дополненіе, сообразно съ нашимъ климатическимъ условіемъ. И ужъ на этомъ пунктѣ это дѣло усовершенствовалъ я лично... Когда я обращался въ «Нашу копейку», то твердо еще не изучилъ лѣкарства и оттого особенно не добивался опубликованія. Но теперь, по изученіи соотвѣтствующихъ травъ, и на опытѣ моей личной болѣзни, могу заявить вполнѣ, что средство излѣченія чахотки найдено.

— Стало быть выходитъ, что есть средство отъ чахотки?— спросилъ дьячекъ.

— А людямъ это неизвѣстно! — не отвѣчая на вопросъ, увлеченный своей рѣчью, воскликнулъ больной. — Люди погибаютъ отъ тяжелаго бича...

— Да что тамъ «люди». Вы же вотъ и сами, — несмѣло заговорилъ редакторъ.—Можетъ, вы еще и не погибли отъ бича, а поглядите-ка, какой больной... Въ горло — сами говорите — болѣзнь бросилась... Какъ же вы себя-то не излѣчите?

— А уже поздно, — съ полнымъ спокойствіемъ объявилъ больной.—Слишкомъ глубоко укоренилась болѣзнь... Надо бы захватить сначала и сдѣлать прегражденіе сразу, — ну, я не успѣлъ... И къ тому же я опыты надъ собой дѣлалъ, когда искалъ дополненіе къ Вердюръ Эндошинъ, а опытовъ было много неудачныхъ,—тутъ ошибешься, тамъ не потрафишь,—дозу не ту возьмешь,—а тѣмъ временемъ болѣзнь во мнѣ укрѣплялась сильнѣе...

— А къ докторамъ вы обращались?

— Сначала даже очень много обращался. А потомъ бросилъ.

— Зачѣмъ бросили?

— По случаю опытовъ съ Вердюръ Эндошинъ и бросилъ.

— Вотъ тебѣ разъ!... И остались безъ лѣченія?

— Не безъ лѣченія остался, а безъ докторовъ... Какъ же я могу къ доктору, подумайте сами, какой смыслъ?

— Какъ «какой смыслъ»?.. Докторъ лѣчилъ бы, поправилъ бы васъ.

— Ну, положимъ, что и поправилъ бы,—согласился больной.

— Докторъ бы мнѣ «молоко пейте, порошки разные, пилюли, ставьте мушку»... А какъ же я могу все это дѣлать, если я нахожусь въ состояніи опытовъ?... Неизвѣстно тогда было бы: съ его ли пилюль и порошковъ мнѣ улучшеніе пришло, или отъ Вердюръ Эндошинъ... Дѣло понятное, что докторскія средства надо было всѣ оставить...

* *
*

— Такъ, значитъ, выходитъ, что вы совсѣмъ и не лѣчились?—не выдержавъ, вмѣшался вдругъ еврей.

Круглые, выпуклые глаза его сверкнули враждебно, ротъ покривился...

— Лѣчился своими травами... И теперь нашелъ самое вѣрное средство. Вмѣстѣ съ Вердюръ Эндошиномъ его потреблять—и исцѣленіе обезпечено... Ѣду теперь въ Казань, добиться надо, объявить всѣмъ: кто въ университетѣ профессоръ, или кто въ газетахъ пишетъ — чтобы всѣмъ объявить, и всѣ чтобъ узнали про исцѣленіе.

— Для этого самаго и ѣдете?—спросилъ дьячекъ.

— Для этого.

— Въ Казань, стало быть, ѣдете?

— Сначала въ Казань... А потомъ въ Москву... Можетъ, и въ Петербургъ придется...

Дьячекъ отвернулся. Онъ не смѣлъ смотрѣть на больного,—такъ много было въ душѣ его изумленія, почти испуга... Замѣтитъ больной, и тяжело станетъ ему... И чтобы тотъ не замѣтилъ, дьячекъ упорно смотрѣлъ въ сторону, въ широко раскрытую дверь каюты. У порога лежитъ босоногій парень и вяло жуетъ кусокъ пирога, изъ котораго начинку выѣлъ уже раньше. Дальше, загораживая каютную дверь до половины, виденъ пароходный бортъ. А за бортомъ медленно проходитъ большая, золотисто горящая въ лучахъ низкаго солнца бѣляна... Вотъ бѣляну обогнали... Открылся берегъ, плоскій, песчаный. Двѣ лодки лежатъ на бѣловатомъ пескѣ вверхъ дномъ: одна параллельно берегу, другая—съ синей каймой—поперекъ. Должно быть живутъ гдѣ-то по близости люди, но здѣсь людей не видать, пустынно и глухо—и какъ свободно!..

Украдкой дьячекъ взглянулъ на больного, и сердце у него сжалось. Еле на ногахъ держится, волосы мокры и слиплись отъ пота; глаза—какіе и не бываютъ у людей: огромные и горятъ. Губы мертвыя, а подбородокъ и борода трясутся... Куда ужъ ему въ Казань, въ Москву!... Полежалъ бы спокойненько дома, — сколько еще тамъ Господь жизни дастъ, — молочка бы испилъ, яичекъ бы, говядинки, что ли, поѣлъ; а тамъ—за священникомъ бы, да тихонько, на своемъ мѣстѣ, при родныхъ и близкихъ, и померъ бы... Да... Лучше, если бы такъ... Но онъ — вотъ оно что выдумалъ: ѣхать!... Несетъ его куда-то, шумитъ онъ, руками машетъ, кипятится, громко разговариваетъ...

— И таки совсѣмъ не надо было безъ доктора!—скороговоркой, отрывисто, и какъ бы пугаясь чего-то, заговорилъ вдругъ еврей, стремительно приподнявшись и по-турецки усаживаясь на своей койкѣ.—И вотъ тебѣ вовсе такой фасонъ: безъ доктора!.. Зачѣмъ безъ доктора? Лѣчиться надо было... Порошки надо было... Пилюли разныя надо было. Мушку надо было... И рыбный жиръ... И въ сосновый лѣсъ—все надо было!..

Больной медленно отвелъ голову назадъ и строго оглядѣлъ корявое лицо еврея... Тотъ былъ маленькій, какъ мальчикъ, тщедушный, какой-то искривленный. Можетъ быть, былъ онъ калѣкой, безногимъ или сухорукимъ,—такія лица, морщинистыя и сѣрыя, чаще всего бываютъ именно у калѣкъ. Но снизу увѣриться въ этомъ нельзя было. Еврей сидѣлъ подъ потолкомъ, на койкѣ, какъ на печи, и оттуда нервно ронялъ свои отрывистыя, торопливыя слова,—точно тяжелые кремни сбрасывалъ... Говорилъ онъ захлебываясь, торопясь, какъ бы всхлипывая, и въ голосѣ его чувствовалась досада и ѣдкое раздраженіе... Ему въ разговоръ вмѣшаться хотѣлось давно. Уже давно мучила его нервную, общительную натуру необходимость отозваться на странные разсказы больного. Но онъ не смѣлъ заговорить. Богъ его знаетъ, какъ будетъ принято его вмѣшательство!.. Своего брата, еврея, тутъ нѣтъ,—это не Днѣпръ около Кременчуга, и не Бугскій лиманъ около Очакова, гдѣ евреевъ всегда полный пароходъ! Тутъ онъ одинъ-одинешенекъ на всю каюту. А русскіе, или вотъ эти чуваши, или татары, возьмутъ и цыкнутъ на него, можетъ быть, и обругаютъ... Примѣровъ такихъ было сколько угодно, Боже мой!..

И долго боролся съ собой еврей, и все молчалъ.

Но вотъ перешло уже черезъ край, мѣра переполнилась, и подъ самое горло подступило... Дальше молчать ужъ нельзя было

никакъ. И точно по крутой сходнѣ покатился старикъ. Заговорилъ,—и подгоняемый волненіемъ, говорить продолжалъ,—но сдавленный страхомъ, мысленно сдерживалъ себя и мысленно себя бранилъ. «Какое тебѣ дѣло!.. Молчи, старая лошадь, молчи лучше!..». А молчать не могъ... И все горячился, и все сыпалъ оттуда, сверху, изъ-подъ потолка свои слова—кремни...

— Развѣ можно такое, чтобы не лѣчиться?.. Развѣ можно человѣку себя убивать, когда есть жена и дѣточки?..

Больной смотрѣлъ на еврея внимательно, сурово. По могучему, сильно выпуклому лбу его выступали искристыя капли пота. Верхняя губа сильно нажимала на нижнюю, а въ свободно раскрытыхъ глазахъ была напряженная дума... Горячій блескъ этихъ глазъ заставилъ маленькаго еврея съежиться... Съ палубы доносились шустрые переливы гармоники. Громко стуча сапогами, кто-то тяжело танцовалъ; и потолокъ каюты отъ этого скрипѣлъ, точно ему было больно.

— Ты говоришь: сосновый лѣсъ надо было, мушку,—сказалъ больной.—Какое же это у тебя понятіе!.. Ну, мушка, можетъ быть, меня и подправила бы... Такъ вѣдь только мнѣ одному и была бы тогда польза. А теперь средство есть для всѣхъ людей. Вотъ, можетъ, и у тебя кто заболѣетъ, сынъ, али, скажемъ, внукъ,—и сейчасъ полное исцѣленіе! Ты это понимаешь, аль нѣтъ?

Еврей, какъ на винтѣ, повернулся на своей койкѣ.

— Понимаешь, понимаешь, — раздраженно передразнилъ онъ.—Понимаешь...

На душѣ у него стало нѣсколько легче. Вмѣшательство его не отвергнуто, не накричали на него, не посмѣялись надъ нимъ. Ну, если такъ, онъ сейчасъ и докажетъ!.. Въ такомъ случаѣ онъ уже все объяснитъ, какъ слѣдуетъ, и со всѣми подробностями...

Но больной не давалъ ему говорить, продолжая:

— Никакого другого лѣченія не нужно было мнѣ, ни мушки, ни порошковъ, ничего... И можетъ быть, даже отъ Господа вся-то моя болѣзнь для того именно и послана была, чтобъ я противъ нея искалъ средство... Нарочно для того и назначена мнѣ чахотка, чтобъ я съ ней вошелъ въ бореніе.

— Охъ, что!.. Ой, что такое онъ говоритъ?..

Еврей всплеснулъ руками. И обѣ крѣпко сжатыя ладони такъ ужъ и оставилъ передъ грудью, подлѣ сѣдой бороденки... Больной же, приподнявъ голову и глаза впеаривъ вверхъ, въ потолокъ, продолжалъ свою рѣчь... Точно сходили на него оттуда, сверху, мысли, и онъ эти мысли видѣлъ, какъ видишь спускаю-

щагося съ выси небесной жаворонка. И въ жаворонка онъ вглядывался, старался разсмотрѣть его со всѣхъ сторонъ, и всѣ перышки его отмѣчалъ...

* * *

— Ну вотъ, подумай же ты самъ: родомъ я изъ Уфимской губерніи. Нужды у меня нѣтъ ни въ чемъ, работаю у себя по хозяйству и все у меня дома есть! А между прочимъ стало меня тянуть съ мѣста,—тянетъ, вотъ и тянетъ!.. Богъ знаетъ, куда и зачѣтъ, а тянетъ,—изъ родного села, то-есть. Вотъ, какъ случается тянетъ, кого на богомолье куда, къ угодникамъ... Безпокойно мнѣ, и усидѣть дома не могу... Вотъ поѣхалъ я въ Подольскую губернію, въ село Калиновку, поступилъ на сахарный заводъ...

— Знаю Калиновку,—огрызнулся еврей. Около него стояло блюдце съ вишневымъ вареніемъ. Онъ сердито толкнулъ его.— Знаю этой заводъ... Директоромъ тамъ панъ Здзѣховскій, который пузатый...

— Дома у меня и земля, и скотъ, и изба новая,—ни въ чемъ недостачи нѣту, а меня, однако, тянетъ, да тянетъ... Поѣзжай, Никита, тутъ незачѣмъ тебѣ, поѣзжай!.. Почему жъ такое ты думаешь? Для чего ѣхать?

На темномъ лицѣ больного было недоумѣніе. Онъ все смотрѣлъ вверхъ, на потолокъ, все всматривался въ сходившія на него сверху мысли... Таинственны были мысли, и не въ силахъ онъ былъ разгадать до конца большія и спутанныя указанія ихъ... Одно знала его душа: полны мысли благостнаго значенія, приходятъ онѣ не ко всѣмъ, и высоко надо цѣнить ихъ, радоваться надо имъ, и надо за нихъ быть крѣпко благодарнымъ Богу... Выраженіемъ безграничной благодарности и сіяли его огромные, черные, съ фарфоровыми бѣлками глаза...

— Для чего мнѣ, спрашивается, ѣхать?.. Хоть бы сказать: жалованіе хорошее положили на заводѣ,—такъ гдѣ жъ тамъ! Еле прохарчиться, только и всего... А все таки: я на заводъ, да на заводъ... Работа чисто каторжная, а топка на заводѣ такая, что отъ поту весь мокрый ходишь, и такъ съ тебя льетъ потъ, что работаешь въ однихъ порткахъ, а тѣло голое... Потомъ, какъ вѣтромъ схватитъ,—готово! Плевритъ, воспаленіе легкихъ, туберкулезъ... Въ этомъ отдѣленіи рѣдко какой рабочій больше трехъ—четырехъ лѣтъ выдерживаетъ. Всѣ заболѣваютъ.

— Очень хорошо знаю это,—подтвердилъ еврей.—собственными глазами видѣлъ.

— Видѣлъ собственными глазами?.. Ну такъ по какому же это я, думаешь, случаю на этакое мѣсто пошелъ?.. Какая мнѣ въ немъ была надобность, когда дома у насъ, у родителей моихъ, работникъ живетъ лучше, чѣмъ я на заводѣ жилъ... Почему такое вышло, скажи самъ?

Гдѣ-то далеко за Камой, за безкрайными лѣсами, садилось солнце, и каюта пароходная полна была теперь того особаго, теплаго, золотистаго свѣта, какой всегда устанавливается надъ землей въ минуты тихихъ закатовъ іюня... Больной стоялъ спиной къ свѣту. На фонѣ открытой двери высокая фигура его выступала четко, темнымъ силуэтомъ, и только съ боковъ, подъ ушами, борода была тронута искорками послѣднихъ лучей. Влажные отсвѣты рѣки, переливаясь въ окнахъ, слабо играли на лицѣ больного, сгоняя прочь тяжелую сумрачность и дѣлая его воздушно-легкимъ... Большіе глаза съ фарфоровыми бѣлками сіяли. Непонятное было въ этомъ сіяніи, непонятное было во всей фигурѣ больного, такой высокой, костлявой, худой... Въ каютѣ было съ полсотни пассажировъ разныхъ возрастовъ, разныхъ профессій и общественныхъ положеній,—и, вѣроятно, разныхъ достатковъ,—и если окинуть быстрымъ взглядомъ всѣхъ, то тѣ показались бы схожими между собой, какъ бы родственными, и во всякомъ случаѣ показались бы существами одной породы. Этотъ же больной съ горящими глазами, съ большимъ, выпуклымъ, напоминавшимъ чугунный котелъ лбомъ, и съ полуоткрытымъ ртомъ, изъ котораго выходили странныя слова, былъ какимъ-то совсѣмъ особеннымъ, отдѣльнымъ, ни на кого не похожимъ... Тайна была въ немъ, онъ въ себѣ ее чувствовалъ, и, должно быть, оттого чувствовали ее и всѣ другіе, сидѣвшіе въ каютѣ. Чувствовали тайну и испытывали жуть, привлекательную, даже пріятную, но пугающую и тягостную...

— Въ полной ясности мнѣ это непонятно,—говорилъ больной, — но понимаю я дѣло такъ: для этого меня и гнало изъ родного дома прочь, для того меня и тянуло на заводъ, чтобы я спознался съ болѣзнью и чтобы въ больномъ состояніи я сталъ противъ болѣзни искать средство...

Еврей вдругъ изумленно всхлипнулъ. И лицо его приняло выраженіе такое, какъ если бы его неожиданно ударили.

— Та-а-акъ?—громко вскрикнулъ онъ.—Ну, этого ерунда я не понимаю!

Край засаленнаго одѣяла свѣшивался съ его койки внизъ. Нервнымъ движеніемъ еврей потянулъ одѣяло къ себѣ... Потомъ онъ вдругъ схватилъ свое блюдце съ вареніемъ и поднесъ ко

рту... Но ѣсть не сталъ и, позвякавъ ложечкой о блюдце, порывисто отодвинулъ блюдце подальше. Какія-то сердитыя тѣни, быстро мѣняясь, пробѣгали по его корявому, морщинистому лицу. Можетъ быть, это были отраженія чернаго дыма, который стлался надъ потухавшей въ отзвучавшемъ закатѣ Камой...

— Не понимаешь?—спросилъ больной.—Что жъ, неудивительно. Я и самъ тебѣ говорю: мнѣ тоже тутъ не все понятно. И только какъ черезъ сито вижу все, неясно... Но считаю такъ: все это мнѣ назначено отъ Господа Бога.

— Отъ Господа Бога?!

— Оттуда,—нѣсколько оробѣвъ и понижая голосъ, произнесъ больной, поднимая палецъ кверху.—Все оттуда.

— Нѣтъ, этого я ужъ таки не могу!—яростно вскричалъ еврей.

Онъ вдругъ подскочилъ, сталъ на колѣни, а кулаками оперся на койку. Было похоже, что онъ хочетъ поползти на четверенькахъ. Онъ не ползъ. Онъ стоялъ такъ, на колѣняхъ, подпираясь руками, и, тараща круглые, негодующіе глаза, выкрикивалъ:

— Съ оттудова?.. Отъ Господа-Бога?! Видалъ ты?.. Значитъ, если Господу Богу надо было дать людямъ средство отъ чахотки, то Господь Богъ не могъ обойтись безъ васъ?..

Больной не отвѣчалъ.

— Значитъ, Господь Богъ иначе не сумѣлъ, какъ вотъ: поѣхать въ вашу Уфимскую губернію, отыскать парня Никиту, отвезти его въ Калиновку, на сахарный заводъ, помѣстить, гдѣ горячая топка, и гдѣ ходятъ въ однихъ штанахъ, всадить въ этого парня хорошую чахотку—и чтобы черезъ это дать людямъ отъ чахотки средство?.. Вотъ это Господу Богу необходимо?... Чтобы непремѣнно черезъ Уфимскую губернію?.. А другого коридора для проходки у Господа Бога нема?..

— Есть университетъ,—снова усѣвшись на одѣялѣ и тыча указательнымъ пальцемъ правой руки въ ладонь лѣвой, кричалъ еврей:—есть клиники, больницы. Есть знаменитые доктора, и профессора, и кролики, и морскія свинки, и разныя машины съ колесами, съ электричествомъ и гальваничествомъ,—во́! вотъ же оно горитъ!.. Само отъ себя зажглось!..—ткнулъ онъ пальцемъ въ засіявшую надъ дверью электрическую лампочку.—Теперь же все черезъ электричество и радіумъ!.. Теперь даже депеша посылается съ Эйфелевой башни безъ проволоки: фи-фа!—и депеша побѣжала, на край свѣта, на всѣ пароходы... И, кажется, есть, слава Богу, кому дѣлать разные опыты съ новыми

лѣкарствами. И даже черезъ пружину впрыскивать сыворотку въ середину тѣла, все равно, какъ оспу, или, извините, клистиръ... А вы—здравствуйте вамъ!—вы говорите, что надо взять человѣка, рабочаго съ сахарнаго завода, заразить его чахоткой, и отъ этого произойдетъ людямъ лѣченіе!.. Фу, какія абсолютныя глупости!..

Еврей вздернулъ плечами. Тощая физіономія его вдругъ искривилась и сморщилась, какъ если бы въ ротъ къ нему попало что-то очень противное, — живая муха, или червякъ... Онъ харкнулъ, вытеръ носъ и гнѣвно проворчалъ:

— Господь Богъ ему назначилъ... Выдумалъ, га?.. и черезъ такую ахинею долженъ человѣкъ пропадать!..

Послѣ этого онъ умолкъ.

* *
*

...Какая-то совсѣмъ особенная тишина была теперь во взглядѣ больного—была снисходительность человѣка знающаго и посвященнаго къ мелкой и грустной ограниченности бѣднаго слѣпца... Въ душѣ звучатъ зовы, впереди рѣютъ свѣтлыя видѣнія, постороннимъ знать про это не дано, но онъ-то самъ про это знаетъ отлично, ему извѣстно многое,—и что же другое, кромѣ дружескаго сожалѣнія и мягкой снисходительности, можетъ онъ питать къ этому раздражительному, крикливому еврею, корчащемуся на засаленомъ ватномъ одѣялѣ?

Да еврей и не одинъ: всѣ вообще люди относятся къ нему насмѣшливо и неодобрительно. А хуже всѣхъ—родные и близкіе, И хуже всѣхъ близкихъ—жена. Сначала она все негодовала и сердилась, что изъ-за опытовъ съ Вердюръ Эндошинъ мужъ запустилъ дѣла, не работаетъ, не смотритъ за хозяйствомъ. А потомъ онъ невыносимо противенъ сдѣлался ей,—совсѣмъ вѣдь забывалъ, что она жена его... Ссоры были, брань, издѣвка... Появилась бурная ненависть... А тамъ стала она ходить къ Ѳедькѣ Оралѣ, докторскому кучеру...

Думая теперь обо всемъ этомъ, больной не волновался, не негодовалъ,—что же, иначе женѣ и нельзя,—не монашка... И въ душѣ больного не было осужденія, не было тревоги... Тревоги не было и на лицѣ... До сихъ поръ строгое и вдохновенное, все сверкавшее отъ судорожныхъ вспышекъ внутренняго пламени, лицо тихо свѣтилось теперь внутренней лаской, спокойной нѣжностью добраго привѣта... И это было такъ неожиданно... Нельзя было бы и предположить, что эти глаза смогутъ

такъ перемѣниться. Какъ будто другимъ сдѣлался и цвѣтъ ихъ, не такимъ чернымъ и густымъ...

Еврей молча сидѣлъ на своей койкѣ. Успокоиться онъ не могъ.

— Такъ что же это все-таки за человѣкъ? — настойчиво спрашивалъ онъ себя.—Да, что это за человѣкъ?.. Сказать, что онъ умный,—такъ я же самъ буду дуракъ... Сказать, что онъ дуракъ,—такъ я самъ буду три раза дуракъ. А какой же я дуракъ, если даже онъ не дуракъ?

Не желавшая угомониться тревога тяжко сжимала его душу...

... — Послушай... который еврей, ты вотъ что, — вдругъ обратился къ нему больной.—Библія, скажемъ... Ты свой законъ знаешь?.. Такъ вотъ въ Библіи, отчего Господь Богъ избралъ Іова Многострадальнаго?.. И отчего ему страданія назначилъ?.. Объяснить умѣешь?..

— Библія?.. Іовъ Многострадальный?.. Извините пожалуйста, вашъ сапогъ увоткнулся въ мое блюдце съ вареніемъ!

Вытаскивая блюдце съ вареніемъ изъ-подъ ноги неосторожнаго сосѣда, еврей продолжалъ:

— Библія, видите ли, такъ она себѣ Библія. А пароходъ на Камѣ, такъ онъ пароходъ на Камѣ... Это вамъ во-первыхъ... А во-вторыхъ... Во-вторыхъ... Про Іова, такъ тамъ надо было испытать вѣру,—чи крѣпка религія,—и тамъ необходимъ былъ человѣкъ. Таки надо было спробовать на человѣкѣ. А тутъ же что? Тутъ профессоръ Эрлихъ можетъ все сдѣлать черезъ морскую свинку... Зачѣмъ же тутъ вы? И зачѣмъ ваше здоровье?.. Человѣческая жизнь очень дорогая вещь и его уничтожать большой грѣхъ!

Больной не возражалъ...

То, свое, нужное ему, онъ зналъ, зналъ твердо. И зналъ, что если заболѣетъ у еврея сынъ, или внукъ, то исцѣленіе для нихъ приготовлено. Ну, а это и все. Убѣждать же еврея—да Господь съ нимъ!..

И къ еврею больной уже не обращался, а повернувшись лицомъ къ редактору, сказалъ:

— Вотъ вы, господинъ редакторъ, разсуждаете: нонпарель, патьдесятъ копѣекъ, такса... Какая же можетъ быть такса, когда тутъ общая необходимость?...

Снова по лицу больного пошли какіе-то странные, суровые блески, и брови его высоко поднялись.

— Надо немедленно все распубликовать!.. Чтобы во всѣхъ больницахъ, по желѣзнымъ дорогамъ, по пароходнымъ приста-

нямъ, во всѣхъ, какія есть, газетахъ... Вездѣ въ народѣ распространить надо, и чтобы узнали какъ можно скорѣе...

Голосъ больного срывался. Дыханіе было короткое. Видно было, что ознобъ сильно мучитъ этого человѣка. Но самъ больной этого не замѣчалъ. И, задыхаясь, онъ говорилъ:

— Вы, господинъ редакторъ, напечатаете?.. Скажите прямо: напечатаете?

Редакторъ конфузливо потупился.

— Я что жъ?.. Я жъ говорилъ вамъ, что послѣ того, какъ я четыре мѣсяца отсидѣлъ, я это дѣло бросилъ... Я уже не редакторъ.

Онъ мялся и поправлялъ свой галстучекъ - тюфячекъ... А больной недружелюбно и въ упоръ смотрѣлъ на него, прокалывалъ его своими черными глазами.

— По таксѣ желаете? За нонпарель?

Отъ волненія, отъ напряженной страстности рѣчи, отъ сильныхъ и рѣзкихъ движеній и отъ душнаго воздуха шумной и густо населенной каюты, больному стало нехорошо.

Онъ присѣлъ на какой-то сундучекъ, странно замоталъ головой, стиснулъ губы... и надъ черными усами его выступила кровавая пѣна...

— Ну вотъ!.. Когда жъ Господу Богу непремѣнно надо было, чтобы онъ былъ безъ мушки,—сумрачно и съ выраженіемъ печали на лицѣ ворчалъ еврей...—Архинея такая!..

Больной лежалъ потомъ на койкѣ. Ему было холодно, его тошнило, и онъ не разбиралъ словъ, когда къ нему обращались. Можетъ быть, это говорятъ люди, а можетъ быть и стучитъ пароходная машина... А можетъ быть, это какіе-то невѣдомые голоса возвѣщаютъ, что надо искать травъ для улучшенія дѣйствія декохта «Вердюръ Эндошинъ»... Не понять... Желтый туманъ колышется передъ глазами,—нѣтъ, это не воды Камы, освѣщенныя пароходнымъ электричествомъ, виднѣются въ окошко,—это живой туманъ, и въ туманѣ этомъ, спотыкаясь, ковыляютъ тусклыя и блѣдныя, какъ слюда, фигуры, чахоточные больные, и среди нихъ—больная племянница дьячка, живущая въ Рязанской губерніи, въ селѣ Головкинѣ... Бредетъ племянница въ гору, ей трудно итти въ гору, ей трудно итти и по ровному, она кашляетъ, и лицо ея покрыто потомъ и пылью... А за ней и передъ ней, плетутся другіе, такіе же больные и блѣдные, плетутся сынъ и внукъ вотъ этого тощаго еврея, который кипятится здѣсь и корчится на койкѣ, и имъ

тоже трудно, и они тоже кашляютъ, и имъ тоже надо помочь, поскорѣе надо помочь и облегчить...

— Поскорѣе надо... въ Казань надо... въ Москву надо...

Но до Казани далеко. Доѣдетъ ли онъ до Казани? Доберется ли до аптекарей и врачей? Успѣетъ ли оповѣстить людей, пишущихъ въ газетахъ, объ исцѣляющемъ декохтѣ «Вердюръ Эндошинъ»?..

...— Вотъ этотъ съ декохтомъ,—думаетъ старенькій дьячекъ, заботливо устраивая на нижней койкѣ постель для своей старухи.—А другой новую вѣру выдумаетъ. Третій—на счетъ забастовки поведетъ разговоръ... И все вѣдь это объ народѣ хлопочутъ, все чтобы народу лучше было, все чтобы для Россіи облегченіе сдѣлать...

Онъ разстилаетъ изношенное, изъ цвѣтныхъ лоскутовъ составленное одѣяло; поверхъ него кладетъ старенькую рясу. Обветшалыя, слабыя руки дѣйствуютъ неувѣренно, неумѣло. Маленькіе глаза смотрятъ съ печалью и тревожно... И уже проникъ взоръ далеко за пароходный бортъ, пересѣкъ волнующуюся темную Каму, и побѣжалъ дальше, по шири русской земли, по безкрайной шири родной земли, гдѣ тысячи и тысячи ищущихъ душъ бредутъ и бьются, отыскивая правду... Кто вѣру новую, кто декохтную травку... Найдутъ ли?.. Дойдутъ ли?.. Добьются ли?..

— Когда-нибудь вѣрно найдутъ,—невнятно, по-старчески, бормочетъ дьячекъ...

Сверху же, надъ койкой, изъ - подъ краснаго, ватнаго одѣяла вдругъ быстро высовывается голова еврея.

— Ага, какъ вы сказали?

Кто знаетъ: можетъ быть, и въ встревоженной душѣ этого человѣка толпятся вопросы, схожіе съ размышленіями стараго дьячка... И хочется опоры...

Дьячекъ, крестясь, молился и не отвѣчалъ. Кама спокойно плескалась за бортомъ...

Еврей легъ. И хоть было въ каютѣ очень жарко, накрылся ватнымъ одѣяломъ по самое горло.

— Ой, рѣка!.. Ой, какая это рѣка,—думалъ еврей, поглядывая въ окошко.—Какая ширина!.. Вотъ это такъ тебѣ таки рѣка... А направо отъ нея Россія... А налѣво отъ нея Россія... Уй-уй-уй,—какая ширина!..

Д. Айзманъ.

ПРЕДѢЛЫ ОБЛАСТНОЙ АВТОНОМІИ.

Характерной для всего послѣдняго столѣтія была идея національности. Возникшія въ XIX вѣкѣ государства созданы подъ вліяніемъ этой идеи; той же идеей были проникнуты стремленія различныхъ политическихъ партій къ внутреннему преобразованію европейскихъ государствъ. Какъ отмѣчаетъ Еллинекъ, національная идея дала положительное содержаніе идеѣ государства, внушила населенію любовь къ государству, вѣрность ему и способность воодушевляться его задачами.

На-ряду съ ростомъ и развитіемъ національной идеи XIX вѣкъ былъ свидѣтелемъ зарожденія еще одной идеи, равнымъ образомъ оказавшей могущественное вліяніе на государственный строй цивилизованныхъ странъ, и таковой была идея необходимости защиты правъ меньшинства. Если первая половина минувшаго столѣтія (приблизительно до эпохи объединенія Германіи) характеризуется борьбой національностей за государственное существованіе, то вторая половина протекала подъ знаменемъ борьбы экономическаго, культурнаго и національнаго меньшинства за свои права. Эти двѣ господствовавшія въ политическомъ мірѣ идеи имѣли огромное творческое значеніе, и, при оцѣнкѣ современныхъ федералистскихъ и автономистскихъ стремленій, необходимо имѣть прежде всего въ виду, какъ подъ вліяніемъ ихъ создавались федеративныя государства и автономныя провинціи.

Писавшій въ эпоху борьбы національностей за государственное существованіе Блюнчли требовалъ, чтобы каждая нація была призвана образовать отдѣльное государство. Міръ долженъ быть раздѣленъ на столько же государствъ, на сколько націй распадается человѣчество. Пусть каждая нація будетъ государствомъ, пусть каждое государство будетъ національнымъ организмомъ. Объединеніе Германіи и Италіи, преобразованіе Швейцаріи изъ союза кантоновъ въ союзное государство, возрожденіе Греціи и балканскихъ государствъ—были результатомъ торжества національной идеи.

Но когда національное государство было создано, быстро обнаружилась недостаточность идеи. Въ средѣ каждаго государства стали замѣчаться тенденціи, враждебныя давно жданному государству. Различіе соціальныхъ интересовъ, историческія реминисценціи, областныя особенности—всѣ эти явленія поставили на очередь новый вопросъ объ огражденіи и защитѣ правъ меньшинства. Борьба меньшинства съ большинствомъ, борьба области съ государствомъ наполняютъ собой политическую жизнь Европы. Идея необходимости защиты правъ меньшинства находитъ свое осуществленіе въ самыхъ различныхъ формахъ. Пропорціональное представительство, парламентская обструкція, областная автономія — какъ бы различны эти институты ни были—преслѣдуютъ одну и ту же цѣль. Мажоритарный принципъ, который Руссо клалъ въ основаніе своей политической теоріи, сталкивается съ новымъ началомъ: защиты меньшинства отъ порабощенія его большинствомъ.

Новыя стремленія вызываютъ усиленіе процесса самоорганизаціи въ обществѣ. «Современное общество,—пишетъ Еллинекъ, — охвачено процессомъ развивающейся самоорганизаціи. Самые разнообразные человѣческіе интересы, которымъ тщетно хотятъ дать выраженіе при образованіи парламента, все болѣе и болѣе объединяютъ отдѣльныхъ лицъ въ множествѣ взаимноперекрещивающихся группъ. Право образованія корпорацій, которое, главнымъ образомъ, беретъ свое начало въ сферѣ индивидуальной свободы, но которымъ общественныя власти пользуются также въ соціальныхъ интересахъ, является самымъ могучимъ средствомъ для группировки гражданскаго общества, обреченнаго, какъ первоначально казалось, на вѣчную распыленность. Въ этихъ корпораціяхъ идея представительства можетъ получить гораздо болѣе вѣрное выраженіе, чѣмъ въ существующихъ центральныхъ парламентахъ, потому что органы корпорацій предназначены служить лишь болѣе ограниченнымъ интересамъ своихъ членовъ, въ противоположность неосуществимой идеѣ отразить всю жизнь народа въ его представительствѣ».

Наиболѣе видную роль среди корпорацій играютъ территоріальныя корпораціи—области, но прежде, чѣмъ перейти къ непосредственно интересующему насъ вопросу о предѣлахъ областной автономіи, необходимо разсмотрѣть взаимоотношеніе федералистскихъ и автономистскихъ стремленій.

* * *

Въ своей работѣ о теоріи федерализма проф. Ященко слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачи федерализма и автоно-

мизма: «въ сложномъ и запутанномъ мірѣ политическихъ отношеній можно подмѣтить одну основную идею здороваго развитія: постоянное расширеніе политическаго суверенитета и дифференціацію способовъ его осуществленія. Федерализмъ есть одинъ изъ моментовъ по первому пути, децентрализація — по второму». «Федерализмъ есть путь соединенія, а не разъединенія, будетъ ли это федерализмъ національно-государственный, когда объединяются въ одну политическую организацію разныя, дотолѣ разрозненныя части единой національной или политической системы, будетъ ли это федерализмъ международный, когда независимыя государства и націи соединяются другъ съ другомъ въ общую систему. Федерализмъ есть необратимое назадъ движеніе политической интеграціи».

Дѣйствительно, исторія современныхъ федерацій свидѣтельствуетъ ясно о томъ, что онѣ создавались въ цѣляхъ національнаго объединенія, точнѣе, въ цѣляхъ превращенія націи въ международно-правовую личность. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что одинъ изъ видныхъ современныхъ германскихъ публицистовъ, Ремъ, вноситъ въ понятіе государства признаки международно-правовой личности (das Merkmal der völkerrechtlichen Persönlichkeit). Нація, поэтому, становится государствомъ въ тотъ моментъ, когда она пріобрѣтаетъ этотъ признакъ и вступаетъ, въ качествѣ равноправнаго члена, въ международное общеніе. «Подобно тому, какъ отдѣльное физическое лицо,—говоритъ покойный проф. Мартенсъ,—только въ обществѣ съ другими лицами проникается пониманіемъ свойственныхъ ему личныхъ способностей и силъ, такъ конкретный народъ получаетъ средства самопознанія въ международномъ общеніи. Путемъ постоянныхъ сношеній съ другими народами онъ приходитъ къ уразумѣнію своего національнаго характера, своихъ силъ, своихъ недостатковъ, своихъ законныхъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію, словомъ, вполнѣ вырабатываетъ свою личность».

Когда разрозненныя части одной и той же національной системы, проникнутыя сознаніемъ своихъ обще-національныхъ задачъ, стремились войти въ среду народовъ въ качествѣ единой государственной единицы, но въ то же время не желали отказаться отъ своихъ частныхъ особенностей, тогда возникала федерація. Федерализмъ долженъ примирять стремленія разрозненныхъ частей къ объединенію и стремленіе ихъ къ защитѣ своихъ партикулярныхъ интересовъ. «Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, въ намѣреніи организовать болѣе совершенный союзъ, установить правосудіе, упрочить внутреннее спокойствіе, озабо-

титься объ общей защитѣ, споспѣшествовать общему благосостоянію и обезпечить намъ самимъ и нашему потомству благо свободы, предписываемъ и устанавливаемъ эту конституцію для Соединенныхъ Штатовъ Америки», такъ опредѣляетъ цѣли и задачи федераціи введеніе къ конституціи 1787 г., а раздѣлъ IV ст. IV подчеркиваетъ, достиженіе какихъ цѣлей имѣли въ виду отдѣльные штаты, объединяясь въ общій союзъ; «Соединенные Штаты будутъ гарантировать каждому штату въ настоящемъ союзѣ республиканскую форму правленія и будутъ охранять каждый изъ нихъ отъ внѣшняго нашествія, а по представленію законодательнаго собранія или исполнительной власти (когда законодательное собраніе не можетъ быть собрано) и отъ всякаго внутренняго насилія». Излагая исторію конституціи 1787 года, Брайсъ говоритъ: «Печальный опытъ внутреннихъ затрудненій, презрѣніе, съ которымъ относились къ нимъ иностранныя правительства, заставили Штаты понять необходимость въ болѣе прочномъ и болѣе тѣсномъ союзѣ». Государственные люди того времени были проникнуты сознаніемъ своей слабости на сушѣ и на морѣ въ случаѣ конфликта съ европейскими державами; обезпечить союзъ противъ всякихъ покушеній извнѣ было ихъ основнымъ желаніемъ. Выросшій во время борьбы съ Англіей союзъ прежде всего ставилъ себѣ цѣлью достиженіе прочнаго положенія среди другихъ государствъ. Объединенный народъ Соединенныхъ Штатовъ видѣлъ свою главную задачу въ томъ, чтобы стать международно-правовой личностью.

Еще ярче та же тенденція сказывается въ введеніи къ конституціи Германской имперіи. «Его Величество король Пруссіи отъ имени Сѣверо-Германскаго союза, Его Величество король Баваріи, Его Величество король Вюртемберга, Его королевское Высочество великій герцогъ Баденскій, Его королевское Высочество Великій герцогъ Гессенскій и частей великаго герцогства Гессенскаго, расположеннаго по берегамъ Рейна къ югу отъ Майна, заключили вѣчный союзъ для защиты союзной территоріи и дѣйствующаго въ ея предѣлахъ права, равно какъ и для упроченія благосостоянія германскаго народа. Этотъ союзъ будетъ носить имя Германской Имперіи и будетъ обладать нижеслѣдующей конституціей». Закрѣпивъ объединеніе Германіи, имперская конституція ставила себѣ цѣлью создать сильное вовнѣ и жизнеспособное государство. «Нашей задачей,—указывалъ Бисмаркъ,—было найти минимумъ тѣхъ уступокъ, которыя должно было сдѣлать существованіе особыхъ нѣмецкихъ государствъ коллективному цѣлому при условіи, чтобы это коллективное един-

ство было жизнеспособно». Создать сильную имперію, обезпечить объединенному нѣмецкому народу вліяніе на міровой аренѣ—таковы были идеалы творцовъ современной Германіи. Германскій милитаризмъ съ логической необходимостью вытекаетъ изъ тѣхъ принциповъ, которые были положены творцами Германской имперіи въ основаніе ихъ работы. Дальнѣйшее развитіе политической жизни Германіи шло, поэтому, въ направленіи усиленія внѣшней мощи государства и тѣсно связаннаго съ нимъ усиленія власти центральнаго правительства. Изображая общую тенденцію, которой проникнуты всѣ дополненія и измѣненія имперской конституціи, Лабандъ отмѣчаетъ ихъ унитарный характеръ. Этотъ характеръ вызывается, по его словамъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ наиболѣе существенные и наиболѣе важные интересы являются общими для всей Германіи, и «логика вещей» требуетъ, чтобы партикуляризмъ уступалъ мѣсто унитарнымъ стремленіямъ.

Примѣры наиболѣе могущественныхъ федерацій новаго времени—Соединенныхъ Штатовъ и Германской имперіи—показываютъ, что федерализмъ, преслѣдуя цѣли объединенія разрозненныхъ частей національной системы въ одну политическую организацію, имѣетъ главнымъ образомъ дѣло съ факторами международными и относится въ значительно бо̀льшей степени въ области внѣшней политики государства, нежели къ сферѣ вопросовъ внутренняго его строительства.

* * *

Въ то время, какъ вопросы, связанные съ федеральнымъ устройствомъ государства, вытекаютъ изъ соображеній международно-правовыхъ, вопросы объ организаціи областей въ формѣ автономіи всецѣло относятся къ внутренней жизни страны; отличіе это ясно указано Еллинекомъ: «Область,—говоритъ онъ,—ни въ какой мѣрѣ не можетъ обладать международно-правовой самостоятельностью, всѣ ея элементы считаются поэтому въ международно-правовомъ отношеніи принадлежащими государству. Въ этомъ заключается также существенное различіе между областью и зависимымъ государствомъ, которое въ ограниченной мѣрѣ можетъ пользоваться правами международно-правовой личности». Но если вопросъ о мѣстной автономіи касается исключительно внутренней организаціи государства, то необходимо точно различать автономистскія стремленія отъ федералистскихъ. Идея автономизма и идея федерализма, различаясь по своему заданію, отвѣчаютъ и различнымъ требованіямъ населенія.

Стремленіе націи стать международно-правовой личностью лежитъ, какъ мы видѣли, въ основаніи существующихъ федерацій. Прямо противоположной цѣли добиваются автономисты. Они не имѣютъ дѣла съ внѣшней политикой государства; для нихъ внѣшнее единство есть тотъ фактъ, изъ котораго они исходятъ. Дать возможность максимальнаго развитія мѣстныхъ особенностей при непремѣнномъ сохраненіи внѣшняго единства, такова проблема, разрѣшить которую стараются автономисты. Нельзя сейчасъ же не отмѣтить, что тенденціи автономизма сами по себѣ отнюдь не связаны территоріальными предѣлами. Возможна автономія соціальныхъ группъ (синдикаты), національныхъ группъ (проектъ Шпрингера) и т. д. Насъ интересуетъ одна изъ формъ автономистскаго движенія, а именно стремленіе къ областной автономіи.

На почвѣ борьбы національностей въ Австріи создана была очень популярная среди австрійскихъ политиковъ теорія области, какъ «историко-политическаго организма». Корона св. Звониміра, корона св. Венцеслава—таковы историческія основанія, которыя приводились въ оправданіе конкретныхъ политическихъ требованій. На противоположной точкѣ зрѣнія стояли сторонники чисто этнографическаго принципа: не земли короны св. Венцеслава, а земли, большинство населенія которыхъ принадлежитъ къ чешскому народу, въ правѣ требовать автономіи. Борьба принциповъ этнографизма и историзма наполняла собой политическую жизнь Австріи. Споръ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ мало даютъ для пониманія разсматриваемаго нами явленія исключительно историческія и этнографическія теоріи.

Французскіе публицисты эпохи Реставраціи выдвинули иной принципъ. Бенжаменъ Констанъ, отстаивавшій существованіе особой, муниципальной власти, коснулся вопроса о мѣстномъ патріотизмѣ. «Патріотизмъ, который рождается въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ,—говоритъ онъ,—въ особенности въ настоящее время единственный истинный. Всюду можно имѣть блага общественной жизни. Только привычекъ и воспоминаній не найти вновь; поэтому необходимо привязать людей къ тѣмъ мѣстамъ, съ которыми у нихъ связаны привычки и воспоминанія, и, чтобы достичь этой цѣли, необходимо предоставить имъ въ мѣстахъ ихъ пребыванія, въ коммунахъ и округахъ столько политическаго вліянія, сколько можно дать, не нарушая интересовъ цѣлаго (il leur faut accorder... autant d'importance politique qu'on peut le faire sans blesser le lien général)». Общность привычекъ и воспомина-

ній, общность мѣстныхъ интересовъ, территоріальная близость— вотъ въ чемъ видитъ Бенжаменъ Констанъ внутреннюю идею мѣстной автономіи, и къ этой мысли онъ часто и охотно возвращается въ своихъ статьяхъ и въ своихъ рѣчахъ.

Близость теоріи Бенжамена Констана къ позднѣйшей національной теоріи Ренана очевидна. Общность историческихъ воспоминаній, общность культуры выдвигаются на первый планъ французскими публицистами; несмотря на свой нѣсколько неопредѣленный характеръ, теорія эта шире австрійской теоріи «историко-политическаго организма» или односторонняго увлеченія этнографическимъ принципомъ Шпрингера. Но теорія Б. Констана, хотя и выясняетъ внутреннюю сущность автономистскихъ стремленій, оставляетъ открытымъ вопросъ объ отличіи областной автономіи отъ мѣстнаго (коммунальнаго) самоуправленія вообще.

Когда въ эпоху второй имперіи и затѣмъ во время дѣятельности Національнаго Собранія вопросъ о децентрализаціи былъ вновь поставленъ на очередь, одинъ изъ представителей децентрализаторовъ, Родо, старался провести въ жизнь идею возможности и необходимости возрожденія старыхъ провинціальныхъ традицій въ условіяхъ новаго государства. Вѣдь не «мозельцевъ» и не «верхнихъ или нижнихъ рейнцевъ» оплакиваетъ, какъ онъ замѣчаетъ, Франція, а Эльзасъ и Лотарингію. По его проекту, центръ тяжести остается въ департаментахъ, но они соединяются въ провинціи, по нѣсколько въ каждой. Знаменитая въ свое время Нансійская программа 1865 года точно также предусматривала право смежныхъ департаментовъ сноситься по общимъ дѣламъ.

Здѣсь мы, можетъ быть, найдемъ тотъ признакъ, которымъ область отличается отъ коммуны или округа. «Общность привычекъ и воспоминаній», точнѣе говоря, общность культурныхъ интересовъ заставляютъ отдѣльные округа объединяться. На-ряду съ историческими причинами, причины этнографическія и экономическія вынуждаютъ населеніе сосѣднихъ округовъ стремиться къ объединенію ради достиженія общихъ цѣлей, ради удовлетворенія общихъ интересовъ. Поскольку достиженіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ интересовъ невозможно въ тѣсныхъ предѣлахъ коммуны или округа; поскольку, съ другой стороны, эти цѣли и интересы не могутъ найти себѣ признанія со стороны обще-государственныхъ органовъ, возникаетъ необходимость въ существованіи особой посредствующей единицы—области. Стремленіе общества къ самоорганизаціи, которое, какъ мы видѣли раньше, отмѣчаетъ Елли-

некъ, встрѣчаясь съ только-что указаннымъ явленіемъ, и создаетъ потребность въ областной автономіи. Автономизмъ становится регіонализмомъ.

* * *

Для установленія предѣловъ областной автономіи необходимо остановиться еще на одномъ вопросѣ.

Федерализмъ есть стремленіе къ объединенію слабыхъ разрозненныхъ частей одной національной или политической системы. Какъ мы видѣли, сознаніе своей слабости побуждаетъ мелкія государства (напр., мелкія германскія государства въ эпоху 1866—1871 г.г., штаты во время войны съ Англіей) объединяться ради созданія могущественнаго государства, способнаго противостоять нападенію извнѣ, способнаго обезпечить внутренній ростъ и благосостояніе составныхъ его частей. По существу, самостоятельныя государства, создавая союзное государство, теряютъ свой государственный характеръ и переходятъ на положеніе автономныхъ областей. Какъ неоднократно указывалось въ литературѣ, теорія несуверенныхъ государствъ была создана для удовлетворенія самолюбія южно-германскихъ государствъ и южныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Въ дѣйствительности же княжество Вальдекъ или другія мелкія герцогства, по своему фактическому положенію внутри Германской имперіи, являются лишь областями, пользующимися довольно ограниченной автономіей (въ особенности, напр., Вальдекъ, который въ силу его соглашенія съ Пруссіей находится на положеніи прусской провинціи).

Наоборотъ, автономизмъ можетъ вырости лишь на почвѣ сильной государственности. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ примѣръ Англіи. Ростъ автономистскаго движенія въ Англіи совпалъ съ той эпохой, когда послѣ наполеоновскихъ войнъ внѣшнее могущество Англіи было обезпечено отъ всякихъ потрясеній. Начиная съ сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, колоніальная политика Джона Росселя дѣлается національной политикой Англіи. Обстоятельства, предшествовавшія акту 1909 г., создавшему южно-африканскую унію, напоминаютъ обстоятельства, предшествовавшія реформѣ 1841 г. управленія Канадой. Реформѣ 1841 года предшествовало возстаніе въ Канадѣ, акту 1909 года—бурская война. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, послѣ того, какъ сепаратистскія стремленія были подавлены силой, лучшимъ средствомъ привязать къ себѣ колоніи Англія считала дарованіе имъ широкой автономіи. Увѣренная въ своемъ могуществѣ,

Англія пошла навстрѣчу стремленію мѣстнаго населенія къ само-организаціи.

Принципъ областной автономіи, котораго можетъ придерживаться въ своей внутренней политикѣ сильное государство, кажется опаснымъ слабымъ правительствамъ. Анти-славянская и анти-румынская политика Венгріи служитъ тому доказательствомъ. Немедленно послѣ того, какъ былъ въ 1867 году созданъ австро-венгерскій дуализмъ, и Венгріи пришлось начать борьбу за роль въ обще-европейской политикѣ, законами 1868 и 1876 годовъ Трансильванія была лишена своихъ древнихъ привилегій и слита во всѣхъ отношеніяхъ съ остальной Венгріей. Территорія была разбита на новые округа, введена мадьярская административная система и примѣнены законы объ употребленіи венгерскаго языка.

Такимъ образомъ, необходимымъ условіемъ для возможности осуществленія областной автономіи является внѣшнее могущество государства. Чѣмъ государство сильнѣе, тѣмъ меньше опасностей представляютъ тѣ центробѣжныя тенденціи, которыя могутъ развиться въ автономныхъ областяхъ. Опасность становится серьезной и даже грозной для государства слабаго, сознающаго свою слабость и имѣющаго основанія бояться за свое существованіе. Изъ этого положенія вытекаетъ дальнѣйшій выводъ: чѣмъ государство могущественнѣе, тѣмъ предѣлы областной автономіи будутъ шире. Пять англійскихъ автономныхъ колоній дошли уже, по замѣчанію проф. бар. Корфа, до государственнаго статуса.

* * *

Какъ бы, однако, ни были обширны права данной области, международныя отношенія исключаются изъ ея компетенціи. Въ этомъ вопросѣ сходятся конституціи какъ федерацій, такъ и государствъ, допускающихъ широкую областную автономію. Въ конституціяхъ федерацій (напр. германская конституція § 11; швейцарская § 8; Соед. Штатовъ разд. VIII и X, ст. I) подчеркивается, что веденіе международныхъ переговоровъ, объявленіе войны и заключеніе мира предоставляется союзной власти. Правда, въ очень тѣсныхъ предѣлахъ федерированныя государства сохраняютъ нѣкоторыя сюда относящіяся права: такъ, напр., швейцарскіе кантоны сохранили право заключенія договоровъ съ иностранными государствами по дѣламъ, касающимся сосѣдскихъ отношеній и отношеній полицейскихъ, но договоры эти не должны содержать ничего противнаго союзу или правамъ дру-

гихъ кантоновъ; нѣмецкія государства, входящія въ составъ германской имперіи, сохранили право посольства; но полномочія такихъ пословъ крайне ограничены, и Лабандъ настойчиво указываетъ, что *всѣ* вопросы иностранной политики относятся къ компетенціи имперіи. Естественно, что союзныя власти при веденіи международныхъ переговоровъ должны считаться съ интересами отдѣльныхъ областей, такъ же точно, какъ, впрочемъ, и съ мнѣніемъ отдѣльныхъ общественныхъ круговъ. На содержаніе заключенныхъ Германіей торговыхъ договоровъ, несомнѣнно, большее вліяніе оказали стремленія союза сельскихъ хозяевъ, чѣмъ интересы отдѣльныхъ мелкихъ государствъ и княжествъ. Такое же значеніе имѣетъ и данное Греемъ на конференціи колоніальныхъ премьеровъ 1911 года обѣщаніе, что Англія не будетъ принимать на себя новыхъ международныхъ обязательствъ, которыя касались бы автономныхъ колоній, не предоставивъ имъ предварительно возможности высказаться. Въ этомъ обѣщаніи сказывается лишь тенденція къ демократизаціи внѣшней политики, которая замѣчается въ настоящее время.

Выдѣленіе важнѣйшихъ вопросовъ иностранной политики изъ сферы компетенціи автономныхъ областей и федерированныхъ государствъ объясняется тѣми историческими и политическими причинами, о которыхъ говорено было выше. Главнымъ основаніемъ стремленія отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ къ объединенію въ формѣ федераціи была необходимость въ защитѣ отъ нападеній и посягательствъ извнѣ, сознаніе своей слабости; поэтому всѣ вопросы внѣшней политики были предоставлены компетенціи союзной власти.

Съ другой стороны, автономисты видятъ во внѣшнемъ единствѣ исходный пунктъ для своихъ стремленій. Поэтому какъ бы широки ни были требованія автономистовъ, вопросы международные исключаются ими самими изъ сферы компетенціи области. Характерно, что даже финляндскіе члены въ комиссіи Н. С. Таганцева и въ комиссіи П. А. Харитонова, ставившіе очень широко предѣлы финляндской автономіи, оговаривали, что «вопросы о войнѣ и мирѣ, а также о союзахъ съ иноземными государствами относятся къ дѣламъ общегосударственнымъ, которыя, съ одинаковою силою для Финляндіи, какъ и для имперіи, подлежатъ разсмотрѣнію согласно законамъ имперіи», а въ своемъ особомъ мнѣніи финляндскіе члены комиссіи П. А. Харитонова подчеркиваютъ, что «Финляндія не имѣетъ своей иностранной политики, и завѣдываніе иностранными дѣлами должно опредѣляться исключительно постановленіями имперскаго законодательства о заключеніи договоровъ съ иностранными державами».

Если общее руководство внѣшней политикой всецѣло относится къ компетенціи центральнаго правительства, то нѣкоторые вопросы могутъ быть все же предоставлены усмотрѣнію мѣстныхъ властей. Цитированный выше § 8 швейцарской конституціи говоритъ о возможности заключенія кантонами договоровъ, касающихся сосѣдскихъ отношеній, съ иностранными государствами. Въ значительной мѣрѣ такое право предоставляется и автономнымъ колоніямъ Англіи. Такъ, напр., ими заключаются договоры о выдачѣ преступниковъ и пр. Подобное расширеніе правъ автономныхъ областей легко объясняется современнымъ развитіемъ международныхъ сношеній. Цѣлый рядъ вопросовъ какъ бы выдѣляется изъ числа вопросовъ высшей политики и пріобрѣтаетъ, такъ сказать, болѣе будничное значеніе. Предоставленіе этихъ вопросовъ на усмотрѣніе областныхъ органовъ ни въ чемъ не должно, разумѣется, затрагивать интересовъ цѣлаго и не можетъ противорѣчить принципу государственнаго единства. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что предоставленіе областнымъ органамъ веденія сношеній съ сосѣдними государствами по нѣкоторымъ дѣламъ не составляетъ какого-либо особаго или чрезвычайнаго преимущества ихъ. Туркестанскому генералъ-губернатору предоставлено право непосредственныхъ сношеній съ бухарскимъ эмиромъ и хивинскимъ ханомъ, но подобно тому, какъ недопустимо, чтобы туркестанскій генералъ - губернаторъ велъ свою собственную внѣшнюю политику, такъ же точно немыслима самостоятельная иностранная политика какой-либо автономной области.

* * *

Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ того же принципа единства является установленіе центральною властью основныхъ началъ организаціи области, т. е. опредѣленіе рамокъ областной автономіи.

Это обстоятельство служитъ однимъ изъ отличій автономной области отъ федерированнаго государства. Государство, входя въ федерацію, отказывается отъ принадлежавшихъ ему ранѣе правъ. Съ принципіальной точки зрѣнія союзная власть имѣетъ лишь тѣ права, которыя ей присвоены при образованіи союза. Дальнѣйшее развитіе приводитъ, однако, къ преобразованію государственнаго строя въ смыслѣ усиленія унитарныхъ тенденцій. Примѣры этого явленія мы находимъ въ Германіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Совершенно обратное движеніе замѣчается въ автономныхъ

областяхъ. Предѣлы областной автономіи опредѣляются центральной властью, которая желаетъ при этомъ оградить обще-государственные интересы. Когда съ теченіемъ времени обнаруживается, что сами автономныя области, сознавая всю важность сохраненія государственнаго единства, стремятся согласовать свои интересы съ интересами обще-государственными, когда все болѣе и болѣе крѣпнетъ духовная и экономическая связь области съ центромъ, тогда конституція страны преобразовывается въ смыслѣ расширенія предѣловъ областной автономіи. Центральная власть отказывается отъ ряда полномочій, которыя ранѣе казались необходимыми и которыя теперь безъ всякаго ущерба могутъ быть предоставлены области. Такое расширеніе предѣловъ областной автономіи мы встрѣчаемъ въ исторіи англійскихъ колоній. Поэтому естественно, что при дарованіи автономіи какой-либо области центральное правительство тщательно выдѣляетъ тѣ пункты, которые по его соображеніямъ охраняютъ единство области и центра. Характернымъ въ этомъ отношеніи представляется споръ австралійскихъ делегатовъ съ министерствомъ метрополіи въ 1900 году. Какъ указываетъ проф. бар. Корфъ, главнымъ камнемъ преткновенія оказалась ст. 74 австралійскаго проекта, касавшаяся права судебной апелляціи. Австралія желала разъ на всегда отдѣлаться отъ судебнаго контроля тайнаго совѣта метрополіи; съ точки же зрѣнія послѣдней этимъ нарушалась бы одна изъ существеннѣйшихъ ея привилегій и прочная связь съ колоніями. Вопросъ былъ поставленъ настолько рѣзко, что одно время казалось въ опасности все дѣло австралійской федераціи, такъ какъ Чемберленъ предпочиталъ его провалъ отказу метрополіи въ упомянутомъ полномочіи; онъ открыто заявилъ, что не уступитъ ни одного вершка привилегій и правъ метрополіи. Въ конечномъ счетѣ Австралія вынуждена была уступить. Несмотря на то, что судебныя права тайнаго совѣта являются въ значительной мѣрѣ устарѣвшими и что какъ разъ въ этомъ вопросѣ метрополія сдѣлала нѣкоторыя серьезныя уступки Канадѣ, сохраненіе права апелляціи къ тайному совѣту казалось тогдашнему министерству столь существеннымъ для упроченія связи колоніи съ метрополіей, что министерство не постѣснялось превратить этотъ вопросъ въ conditio sine qua non всего проекта.

Только-что приведенный примѣръ интересенъ еще и съ другой стороны. Здѣсь ясно обнаружилось, что конституція автономной области не только съ точки зрѣнія формальной является актомъ, исходящимъ отъ центральной власти, но и по

существу представляетъ собой одно изъ проявленій власти законодательныхъ учрежденій центра. Канадская конституція 1867 года, австралійская 1900 г. и южно-африканская 1909 г. были актами англійскаго парламента, и во вступительныхъ словахъ къ этимъ актамъ видно, что съ точки зрѣнія англійскаго парламента конституціи эти разсматривались, какъ дѣло внутренней политики. Во вступленіи къ акту 1867 г. указывается, что «такой союзъ будетъ способствовать процвѣтанію провинцій и благопріятствовать интересамъ Британской имперіи» и что «одновременно съ установленіемъ союза *властью парламента*, полезно не только выяснить устройство законодательной власти владѣнія, но и опредѣлить природу его исполнительной власти». Предоставляя колоніямъ широкую автономію—вплоть до права измѣненія конституціи (напр. ст. 128 акта 1900 года), метрополія сохранила свое вліяніе на колоніальное законодательство возможностью осуществленія т. н. права резервації, о которомъ рѣчь ниже.

Конституція автономной области, являясь актомъ центральной власти, можетъ быть измѣнена въ порядкѣ обще-имперскаго законодательства. Мнѣніе это, оспариваемое бар. Корфомъ въ отношеніи англійскихъ автономныхъ колоній, находитъ себѣ признаніе въ отношеніи континентальныхъ автономныхъ областей, въ частности австрійскихъ. Такъ, Тецнеръ въ своей обширной работѣ о родномъ представительствѣ въ Австріи указываетъ, что областная конституція (Landesverfassung) подлежитъ измѣненію въ порядкѣ обще-имперскаго законодательства и что полномочія ландтаговъ могутъ быть сокращены тѣмъ же путемъ. Въ такомъ же положеніи, по замѣчанію Тецнера, ссылающагося здѣсь на Лабанда, находятся и отдѣльныя нѣмецкія государства, входящія въ составъ Германской имперіи.

Итакъ, предоставляя области автономію, центральная власть оставляетъ за собой какъ веденіе иностранной политики, такъ и установленіе самыхъ основъ организаціи области. Несомнѣнно, что при этомъ центральная власть должна принять во вниманіе, насколько сильны и значительны тѣ общіе интересы, которые заставляютъ населеніе отдѣльныхъ мѣстностей стремиться къ объединенію въ формѣ области. Это стремленіе къ объединенію имѣетъ различную степень интенсивности: отдѣльные округа могутъ объединиться для осуществленія отдѣльныхъ опредѣленныхъ задачъ (напр., школьные союзы, страховые союзы и т. п.); въ такомъ случаѣ, естественно, нѣтъ еще тѣхъ элементовъ, которые позволяютъ объединить отдѣльныя самоуправляющіяся

единицы въ автономную область. Только тогда, когда общими становятся важнѣйшіе мѣстные интересы, можетъ идти рѣчь объ областной автономіи. Чрезвычайно характерно, что англійскимъ актамъ 1867 г., 1909 г. предшествовали долгіе переговоры между представителями отдѣльныхъ провинцій и что автономныя колоніи были результатомъ не теоретическихъ построеній, а практическихъ требованій населенія. Иниціатива исходила, такъ сказать, изнутри, и цитированные выше акты всюду отмѣчаютъ, что такія-то провинціи «пришли къ соглашенію относительно необходимости соединиться въ единый нераздѣльный федеральный союзъ подъ короною Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи».

* * *

Наиболѣе существеннымъ правомъ автономной области является право внутренняго законодательства. Въ какомъ же отношеніи стоятъ законы областные къ законамъ государственнымъ, въ какихъ предѣлахъ центральная власть можетъ вмѣшиваться въ законодательную дѣятельность областныхъ органовъ?

Для разрѣшенія этого вопроса чрезвычайно важно установленное Еллинекомъ различіе двухъ главныхъ формъ областей: области могутъ быть либо присоединенными землями (Nebenländer), либо входить въ составъ государства, какъ его интегральныя части (das Land, als integrierendes Staatsglied). Къ первой группѣ областей Еллинекъ относитъ всѣ территоріи, состоящія подъ протекторатомъ, и колоніи, которымъ не предоставлено никакого участія въ парламентскомъ представительствѣ метрополіи, колоніи, управленіе которыхъ въ значительной мѣрѣ обособлено отъ обще-государственнаго управленія. Во второмъ случаѣ область въ большей или меньшей мѣрѣ входитъ въ общую организацію государства, образуетъ по отношенію къ дѣламъ, отнесеннымъ исключительно въ компетенціи государства, провинцію, которой предоставлено соотвѣтственное участіе въ жизни государства. Въ этой формѣ области могутъ также служить основаніемъ всего государственнаго строя; само государство можетъ быть составлено изъ областей. Типическимъ примѣромъ первыхъ являются британскія автономныя колоніи, вторыхъ — австрійскія «королевства и земли», канадскія провинціи, австралійскіе штаты. По замѣчанію Еллинека, Канада и Австралія—области, въ свою очередь, состоящія изъ областей.

Права автономной области находятся въ тѣсной зависимости отъ того, къ какой категоріи относится данная область. «Присоединенныя земли», по терминологіи Еллинека, пользуются естественно болѣе широкой автономіей, чѣмъ вторыя. Отдален-

ность колоній отъ метрополіи, устраняющая возможность цѣлаго ряда конфликтовъ, многочисленность спеціальныхъ колоніальныхъ интересовъ, чуждыхъ метрополіи, заставляютъ метрополію устраняться отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь области. Метрополія ограничивается лишь общимъ контролемъ и общимъ наблюденіемъ за дѣятельностью областныхъ органовъ. Англійская практика выработала рядъ основныхъ пріемовъ воздѣйствія на колоніальную жизнь. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о политическомъ значеніи генералъ-губернатора и объ его правѣ veto, коснемся лишь двухъ своеобразныхъ институтовъ—резерваціи и отмѣны (такъ назыв. disallowance) колоніальныхъ законовъ. Въ случаѣ резерваціи билля метрополія имѣетъ право его санкціонировать въ теченіе двухъ лѣтъ; до санкціи билль не можетъ стать законнымъ; если королевская санкція не состоится, то билль считается отклоненнымъ; дѣйствіе билля начинается съ момента особаго объявленія генералъ-губернаторомъ, что послѣдовала санкція даннаго билля. Кромѣ санкціонированія резервированныхъ биллей, корона имѣетъ право отмѣнять уже санкціонированный генералъ-губернаторомъ билль (т. н. disallowance), при чемъ билль считается отмѣненнымъ со дня объявленія объ этомъ генералъ-губернаторомъ (ст. 55—57 акта 1867 года). Разумѣется, случаи, когда метрополіи приходится прибѣгать къ этимъ средствамъ для охраны обще-имперскихъ интересовъ, могутъ быть болѣе или менѣе рѣдкими, но съ принципіальной точки зрѣнія важно, что метрополія сохранила за собою право высшаго надзора надъ дѣятельностью законодательныхъ органовъ автономныхъ колоній.

Въ областяхъ, принадлежащихъ ко второй категоріи, этихъ средствъ недостаточно. Приходится прибѣгнуть къ болѣе точному разграниченію компетенціи областныхъ и обще-государственныхъ органовъ. Здѣсь можно подмѣтить двѣ системы: либо конституція опредѣляетъ, какіе вопросы входятъ въ компетенцію обще-имперскихъ органовъ, относя всѣ остальные къ компетенціи органовъ областныхъ (напр., §§ 11 и 12 австрійскаго закона 21 декабря 1867 года о народномъ представительствѣ, ст. 51 и 107 конституціи Австралійскаго союза 1900 года); либо, наоборотъ, конституціи указываютъ, какіе предметы входятъ въ компетенцію областныхъ органовъ, относя всѣ остальные къ компетенціи общегосударственныхъ органовъ (ср. ст. 91 и 92 канадской конституціи 1867 года).

Европейскія федеративныя государства—Германія (ст. 4 имперской конституціи 1871 года) и Швейцарія (§ 3 швейцарской конституціи 1874 года) придерживаются первой системы,

при чемъ оговариваютъ, что при столкновеніи законовъ обще-имперскихъ съ законами отдѣльныхъ государствъ имперскіе законы имѣютъ превалирующее значеніе (ст. 3 конституціи Германской имперіи) по принципу: Reichsrecht bricht Landrecht.

Нельзя не указать, что природѣ областной автономіи значительно болѣе соотвѣтствуетъ вторая система—точнаго опредѣленія предѣловъ компетенціи области. Предоставляя автономію какой-либо области, центральная власть принимаетъ во вниманіе, какъ мы видѣли раньше, наличность общихъ интересовъ у населенія сосѣднихъ мѣстностей или округовъ и выдѣляетъ тѣ, которые подлежатъ охранѣ обще-государственныхъ органовъ. При такихъ условіяхъ точное перечисленіе предметовъ, входящихъ въ компетенцію областныхъ органовъ, даетъ отвѣтъ на вопросъ о цѣляхъ и задачахъ, имѣвшихся въ виду при установленіи автономіи данной области. Конечно, каждое перечисленіе по существу своему является примѣрнымъ: жизнь выдвигаетъ вопросы, которые ранѣе предусмотрѣны не были. При возникновеніи такихъ вопросовъ часто возбуждаются конфликты, для разрѣшенія которыхъ необходимо исходить изъ общихъ задачъ и цѣлей автономіи данной области.

Подобное перечисленіе служитъ не только руководствомъ при разрѣшеніи могущихъ возникнуть конфликтовъ. Областные органы, находя въ законѣ опору для своихъ притязаній, дѣйствуютъ болѣе увѣренно, а съ другой стороны населеніе опредѣленно знаетъ, въ какихъ именно случаяхъ ему надлежитъ подчиняться предписаніямъ областныхъ властей. Примѣры государствъ, придерживающихся первой системы, показываютъ еще, что система эта значительно менѣе благопріятна для автономныхъ областей, нежели вторая. Каждый органъ силой вещей стремится къ возможному расширенію своей компетенціи: поэтому въ государствахъ, придерживающихся первой системы, центральная власть стремится къ расширенію своей компетенціи на счетъ компетенціи областей; наоборотъ, при господствѣ второй системы области усиливаютъ свою власть на счетъ центральной власти.

Ясное опредѣленіе границъ областной автономіи имѣетъ огромный практическій интересъ. Какъ отмѣтили еще французы XIV вѣка, par requierre de trop grande franchise et liberté chet-on en trop grand servage. Установить точный предѣлъ тѣхъ franchises et libertés, которыя могутъ быть предоставлены данной области—значитъ создать твердую опору для развитія мѣстной жизни и мѣстныхъ особенностей.

Б. ЛАНДАУ.

БОЛЬШАЯ АННА.

Эдуарда Рода.

Перелистывая какъ-то мой старый фотографическій альбомъ, я нашелъ въ немъ портретъ крестьянки: портретъ большой Анны. Черты лица у нея рѣзкія, энергичныя, носъ прямой, губы тонкія, обрисовывающія большой ротъ, въ которомъ уже нѣтъ зубовъ; ея лицо изборождено морщинами, разбѣгающимися и перекрещивающимися во всѣхъ направленіяхъ; она одѣта по-праздничному въ красивомъ бѣломъ чепцѣ; фотографъ сказалъ ей, что нужно улыбаться, и она улыбается улыбкой удивленной, дѣланной, но сознательной, которая заставляетъ подмигивать и ея глаза; руки ея лежатъ на колѣнахъ, руки старыя, обезображенныя работой, грубыя руки съ твердыми ногтями, по нимъ видно, сколько онѣ вынесли труда... И вотъ я вспомнилъ исторію жизни этой бѣдной старушки, жившей и умершей на моихъ глазахъ...

I.

Тамъ, у подошвы лѣса, совсѣмъ близко отъ одной маленькой деревушки, она прокармливала всю свою семью.

Ея мужъ, дѣдушка Андрей, очень старался заработать нѣсколько су шитьемъ сапогъ; но кромѣ того, что онъ становился старъ и почти-что не видѣлъ ничего, его заказчики, снимающіе свою обувь, изъ боязни испортить ее, какъ только дороги становятся плохи, заставляли его часто сидѣть безъ работы; затѣмъ онъ жилъ далеко, было неудобно ходить къ нему для заказа, тѣмъ болѣе, что появился и конкуррентъ, поселившійся въ болѣе посѣщаемомъ мѣстѣ въ деревнѣ, напротивъ трактира, вывѣской котораго служитъ вѣтка сосны.

Семья пользовалась нѣкоторымъ достаткомъ: она жила въ собственномъ домѣ, на которомъ, правда, былъ долгъ, за домомъ

прилегалъ, примыкая къ лѣсу, участокъ земли, а передъ домомъ былъ огородъ, гдѣ росли горохъ, подсолнухи, салатъ и большое грушевое дерево, дававшее мало плодовъ, но зато бросавшее большую тѣнь на дорогу.

Несомнѣнно — садъ, поле, домъ—это болѣе, чѣмъ нужно, чтобы жить двумъ старикамъ; они могли бы жить тамъ совершенно спокойно о-бокъ съ «Пилильней» толстаго Фридриха-Базельца, который, несмотря на давнее житье въ вельшской землѣ, выучилъ не болѣе двадцати французскихъ словъ, какъ разъ столько, сколько ему было нужно для сношеній съ торговцами лѣса. Старики могли бы спокойно оставлять пастись своихъ трехъ козъ на склонахъ «Моллара»—горки, имѣющей форму ослиной спины, которую издали видно возвышающейся надъ ихъ жилищемъ. Для того же, чтобы немножко улучшить свою ѣду, имъ достаточно было отдать въ наймы на время каникулъ свои лучшія комнаты нѣсколькимъ женевцамъ, которые, желая подышать лѣснымъ воздухомъ, не удаляясь очень отъ своего города, устраиваются у нихъ по-деревенски—ѣдятъ вечеромъ супъ изъ глинянаго горшка, сидя подъ грушей, а утромъ пьютъ теплыя яйца, взятыя прямо изъ-подъ курицы, которая не перестала еще кудахтать.

Но со стариками жилъ и ихъ сынъ Яковъ, каменщикъ. Яковъ—высокій парень, геркулесовскаго тѣлосложенія, имѣлъ бронзовый цвѣтъ лица южанина, окладистую бороду и искрившіеся умомъ глаза. Яковъ не былъ лѣнтяемъ, напротивъ. Только, къ несчастью, онъ выбралъ очень неудачное ремесло — никто ничего не строитъ въ этихъ деревняхъ Ватландской Юры; почва здѣсь безплодна, здѣсь только одной торговлей лѣсомъ можно заработать деньги, да и то, если имѣешь ихъ достаточно, чтобы рискнуть. А Яковъ еще совсѣмъ маленькимъ говорилъ: «я хочу строить дома!»

И онъ выучился ихъ строить, какъ желалъ того; только онъ ихъ не строилъ.

Въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ Яковъ не имѣлъ работы: печальный, придумывая массу плановъ, безпокоившихъ его мать, онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на кучѣ обрубковъ у толстаго Фридриха; иногда, чтобы нѣсколько разсѣяться, онъ помогалъ базельцу, который, всегда молчаливый, со своей хемницской трубкой въ зубахъ, въ старомъ шелковомъ колпакѣ на ушахъ, постоянно былъ въ движеніи между своими стружками и корой. Когда же Яковъ со свирѣпымъ видомъ,—что было очень сквер-

нымъ знакомъ—читалъ «Горный Курьеръ», онъ начиналъ говорить, что нужно свернуть головы всѣмъ богатымъ людямъ.

Въ концѣ концовъ онъ нашелъ работу въ двухъ миляхъ, въ горахъ въ каменоломняхъ Сен-Серга, исполнять которую могъ всякій простой рабочій и для которой не нужно было учиться строить дома, и которая приносила ничтожный заработокъ, но онъ былъ доволенъ, что нашелъ хоть такую.

Если бы еще Яковъ былъ одинъ! Онъ могъ бы тогда уйти на заработки въ города, которые разростаются, гдѣ хорошій каменщикъ, навѣрно, можетъ заработать на свой хлѣбъ; или еще дальше — по ту сторону океана, въ эти новые края, гдѣ всѣ богатѣютъ и откуда не возвращаются никогда; но, дѣйствуя всегда сообразно только своимъ желаніямъ, онъ женился въ девятнадцать лѣтъ на француженкѣ, служившей въ деревнѣ, хорошенькой дѣвушкѣ по имени Леони Леду: теперь Леони не была уже хорошенькой, болѣе того, она была больна женской болѣзнью и обречена на долгую неподвижность—она была болѣе чѣмъ безполезна въ домѣ.

Они имѣли трехъ дѣтей: Ами, старшій мальчуганъ двѣнадцати лѣтъ, крѣпкій, какъ скала, имѣвшій аппетитъ обжоры, не возвращался домой никогда, не изорвавъ своей блузы и панталонъ; маленькая Анна—любимица дѣдушки—очень спокойная, кроткая, миленькая на рѣдкость со своими волосами цвѣта конопли и маленькимъ, худенькимъ личикомъ въ веснушкахъ, и самый младшій Альбертъ—великое горе родителей—ихъ бремя, ихъ мученіе: несчастный былъ страшно худъ, все лицо его было покрыто родимыми пятнами, въ восемь лѣтъ онъ не умѣлъ еще говорить, сосалъ свой палецъ, валялся въ грязи, какъ животное, безъ всякаго сознанія, былъ, однимъ словомъ, «юродивый», какъ говорятъ въ деревнѣ.

Съ такимъ семействомъ будешь прикованъ къ мѣсту, менѣе свободенъ, нежели коза на привязи; нѣтъ никакой возможности пускаться въ путь, подвергать ихъ всѣхъ случайностямъ, быть можетъ отнять у нихъ мать, которая не вынесетъ переѣзда, лишеній или климата.

Значитъ, нужно было большой Аннѣ изощряться всѣми способами, чтобы добыть хлѣба для всѣхъ ртовъ.

И она изощрялась...

Ея старая голова изобрѣтала каждый день новое средство, чтобы заработать нѣсколько су; ея старыя ноги никогда не отдыхали. Два раза въ недѣлю, въ четвергъ и воскресеніе, она, съ тяжелой корзиной на согнутой спинѣ, уходила въ Ніонъ,

ближайшій городъ, за покупками для всей деревни. Лѣтомъ, чтобъ не терять утра, она уходила къ двѣнадцати часамъ, во время самой страшной жары; она шла на самомъ припекѣ, не подумавъ даже зайти по дорогѣ въ трактиръ, гдѣ обыкновенно останавливаются извозчики, чтобы освѣжиться; она присѣдала только время отъ времени на краю дороги подъ тощей тѣнью яблони, чтобы отереть лившійся ручьемъ съ ея лица потъ. На полпути мимо нея проѣзжалъ дилижансъ со звономъ своихъ бубенчиковъ. Вскорѣ потомъ появлялось темно-синее озеро подъ сверкающимъ небомъ, Савойскіе склоны съ перспективами колоколенъ, зеленыхъ луговъ, палевыхъ ячменныхъ полей, а надъ всѣмъ этимъ вершины Альпъ,—точно высѣченныя въ сказочныя времена сильнымъ размахомъ руками великановъ,—и ихъ снѣжныя глыбы, образующія горизонтъ. Затѣмъ въ концѣ изгиба, гдѣ дорога начинаетъ круче спускаться, на первомъ планѣ появляются три башеньки Ніонскаго замка, а величественный пейзажъ, находящійся сзади, служитъ рамкой для этой бомбоньерки.

Въ Ніонѣ большая Анна бѣгала по запутаннымъ, съ острой мостовой, улицамъ, которыя то подымаются, то опускаются. Ее знали во всѣхъ лавкахъ; когда она входила за покупками, ее просили присѣсть:

— А! Это вы, тетушка Анна! Какъ поживаете?.. А что новаго у васъ тамъ, наверху?

Ей предлагали стаканчикъ легкаго вина, и она нѣсколько долѣе засиживалась, разсказывая деревенскія сплетни: дочь священника выходитъ замужъ; Сандикъ началъ запивать; уже начались приготовленія къ ярмаркѣ, которая будетъ въ сентябрѣ.

При всякой остановкѣ корзина ея наполнялась: были куплены съѣстные припасы для г-на Парана, богатаго собственника, который любитъ консервы и всякія новинки сезона; стопа бумаги для учителя; книги для г-на Лоранже—извѣстнаго ватландскаго писателя, изобразителя деревенскихъ нравовъ,—однимъ словомъ, въ корзинѣ помѣщалось изрядное количество тяжелыхъ предметовъ, которые можно достать только въ городѣ, такъ что, когда приходилъ часъ возвращаться, корзина порядкомъ оттягивала плечи.

Поэтому на возвратномъ пути потъ лился еще обильнѣе съ лица большой Анны, которая вытирала его поминутно клѣтчатымъ платкомъ; она выпрямляла свой гренадерскій станъ и продолжала путь, полуоткрывъ ротъ, чтобы дышать лучше. Дорога идетъ все время въ гору: склонъ мягкій, но постоянный, который, продолжаясь долго, заставляетъ задыхаться и подкаши-

ваетъ ноги... Усталость!.. Что за бѣда! Жара спала, вѣтеръ подуваетъ хорошимъ свѣжимъ воздухомъ съ запахомъ сѣна, которое сушится на поляхъ. Однако, уже поздно—съ долины подымается тѣнь и ползетъ по возвышенности «ослиной спины» Юры, однообразная и темная линія которой возвышается тамъ, выше Живрена, а между тѣмъ маленькая Анна, у которой здоровья не больше, чѣмъ у больного цыпленка, уснетъ на скамьѣ, возлѣ дома и простудится, какъ это уже случалось не разъ...

Зимою путешествіе это было еще труднѣе: приходилось мѣсить снѣгъ, покрывающій все, иногда погружаться въ него чуть не до колѣнъ; при поворотахъ холодный морозный вѣтеръ заграждалъ дорогу, хлесталъ по лицу точно тысячами ударовъ кнута, пронизывалъ до костей; а съ наступленіемъ сумерекъ вѣтви сухихъ мерзлыхъ деревьевъ стучатъ точно кости мертвецовъ и въ темнотѣ слышатся глухіе стоны, которые наводятъ на васъ страшныя мысли...

Сдавать въ наймы обѣ комнаты на два лѣтніе мѣсяцы, ходить въ городъ за покупками, обрабатывать огородъ, продать козленка, когда онъ родится, всего этого недостаточно, чтобы прокормить семь душъ, даже и тогда, когда дѣдушка Андрей успѣетъ заработать что-нибудь на своихъ сапогахъ, Яковъ на своей, не всегда случавшейся, поденной работѣ, особенно же, когда нужно постоянно дѣлать новыя блузы этому шалуну Ами, который только и знаетъ, что рветъ ихъ, да покупать лѣкарства для Леони, платить за визиты доктору Дюрье, который пріѣзжаетъ къ нимъ изъ Трелекса въ своемъ кабріолетѣ, запряженномъ рыжей кобылой.

Большая Анна, значитъ, имѣетъ еще и другіе источники дохода.

Живутъ они совсѣмъ близко лѣса: вотъ этотъ лѣсъ и заключаетъ въ себѣ эти источники, и большая Анна, которая знаетъ его основательно, умѣетъ пользоваться имъ. Она не ограничивается только тѣмъ, что добываетъ себѣ тамъ запасъ дровъ на зиму: хорошихъ, сухихъ вѣтокъ, которыя вѣтеръ срываетъ съ деревьевъ и которыя такъ весело пылаютъ и трещатъ въ печкѣ въ то время, когда все спитъ подъ снѣгомъ. Лѣтомъ она терпѣливо собираетъ душистую землянику, прячущуюся подъ мхомъ, чернику и сочную малину, которая, несмотря на тѣнь, хотя и, медленно, но все-таки дозрѣваетъ въ лѣсной тиши.

Маленькая Анна сопровождаетъ ее и щебечетъ, какъ птичка въ кустарникѣ; приближаясь слишкомъ близко къ обрывамъ, она

заставляетъ бабушку поминутно звать ее: она очень хочетъ помочь бабушкѣ, но, увы! слишкомъ отвлекается то дятломъ, который стучитъ по стволу дерева, то мотылькомъ, крылышки котораго вдругъ засверкаютъ въ лучѣ, проскользнувшемъ сквозь листья,— и она не можетъ, какъ слѣдуетъ, со вниманіемъ собирать ягоды.

Два или три раза хотѣли взять съ собою Ами, но такой лѣнтяй, какъ онъ, любящій только заниматься пустяками, все время ворчалъ, наступалъ на ягоды или давилъ ихъ пальцами, при чемъ трудно было навѣрно опредѣлить—дѣлалъ ли онъ это по неловкости или со злости.

Такъ что бабушка не могла разсчитывать на дѣтей; да кромѣ того, они портятъ ей только кровь, ссорясь между собою, при чемъ Ами, съ рискомъ быть пойманнымъ лѣснымъ сторожемъ, ломалъ вѣтки бука для того, чтобы колотить маленькую Анну,—и бабушка предпочитала ходить одна собирать ягоды своими старыми сухими руками.

Но это еще не все: проходитъ земляника, есть осенью ежевика, прячущаяся въ защищающихъ ее шипахъ; она продается за хорошую цѣну для сироповъ. Затѣмъ послѣ дождей дороги испорчены, трава мокрая, но есть грибы, которые покупаютъ аптекари и готовятъ изъ нихъ свои лѣкарства. Есть еще засады для лисицъ, которыя большая Анна открываетъ сама, вооруженная топоромъ, и убиваетъ животное; есть также ядовитыя змѣи, которыя она уничтожаетъ, получая за каждую голову вознагражденіе. И все это даетъ ей лѣсъ.

Самое доходное ремесло большой Анны, которымъ она занимается зимой, когда она ничего не можетъ получить изъ лѣсу,— это «бойня», т.-е. она уходитъ въ городъ, куда ее приглашаютъ убивать свиней и дѣлать изъ нихъ всевозможныхъ родовъ колбасы.

Большая Анна совсѣмъ не чувствительна: она слушаетъ безъ всякаго волненья крикъ бѣднаго животнаго, истекающаго кровью,— этотъ пронзительный, отчаянный крикъ съ интонаціей дѣтскаго голоса. Затѣмъ, подкативъ рукава, она проводитъ день или два въ томъ, что сѣчетъ свѣжее мясо и начиняетъ различнаго рода кишки по всѣмъ правиламъ искусства, очень сложнаго.

Да! Нужно браться за все, чтобы имѣть возможность прокормить своихъ...

II.

Недѣли, мѣсяцы проходятъ—улучшеній никакихъ.

Зрѣніе Андрея съ каждымъ днемъ слабѣе: пришлось пріобрѣсти очки, большія круглыя очки, которыя купила ему жена на

распродажѣ въ Ніонѣ. Они держатся такъ смѣшно на его носѣ, что дѣти не могутъ удержаться отъ смѣха, глядя на него. Тогда дѣдушка Андрей, который никогда не упускаетъ случая выругаться, начинаетъ сердиться и кричать, утверждая, что за его время дѣти не смѣялись, когда родители ихъ надѣвали очки.

Ами бездѣльничаетъ. Нѣтъ возможности выучить его какому-нибудь ремеслу—ученіе стоитъ слишкомъ дорого. Дѣдушка Андрей учитъ его дѣлать сапоги, но безъ всякой надежды выучить, лишь бы занять его; да еще посылаютъ его собирать по дорогамъ въ телѣжку навозъ, который покупаютъ хозяева для унаваживанія. И большая Анна съ грустью видитъ, какъ онъ растетъ—дѣлается сильнымъ, здоровымъ, но неспособнымъ заработать на себя... Ахъ, Господи! Что съ ними будетъ, когда ея не станетъ?!...

И такъ Ами не былъ годенъ ни къ чему серьезному; его посылаютъ время отъ времени въ школу, но онъ учится плохо, несмотря на то, что онъ старше своихъ товарищей; учитель, которому онъ не приноситъ никогда ни свѣжихъ яицъ, ни колбасъ, ни овощей, говоритъ, что онъ оселъ съ дурными наклонностями. И это должно быть правда, потому что онъ водитъ дружбу съ самыми скверными, негодными мальчуганами, которые приходятъ за нимъ даже къ дому и бродятъ въ ожиданіи его вокругъ «Пилильни».

Самымъ любимымъ удовольствіемъ этихъ молодцовъ, у которыхъ умъ былъ направленъ только на злое—это схватить Альберта, этого бѣднаго «юродиваго», унести его на нѣкоторое разстояніе отъ дома и заставлять его заучивать самыя скверныя слова, которыя онъ потомъ безсознательно повторяетъ. Когда же несчастный, утомившись, или по упрямству, отказывается повиноваться, они его толкаютъ, бросаютъ въ кусты изгороди, тянутъ за волоса, качаютъ въ крапивѣ и наслаждаются нечленораздѣльными криками, его безсильнымъ гнѣвомъ, ударами кулаковъ, которые онъ, не попадая ни въ кого, даетъ вокругъ себя до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь сердобольный прохожій не отниметъ его изъ ихъ рукъ.

Или же, предводимые самимъ Ами, они забирались на лужокъ и катались съ крикомъ по склону, идущему къ ручью, вытаптывая траву такъ, точно по ней прошелъ градъ или туча саранчи. Нужно было дѣду Андрею бѣжать съ вилой на защиту своего сѣна, и онъ за ухо приводилъ своего внука домой.

Тогда большая Анна выходила изъ себя и страшно кричала, не обращая вниманія на умоляющіе взгляды печальныхъ глазъ Леони, у которой была слабость къ своему негодному сыну.

Впрочемъ, у нея дѣло почти всегда кончалось одними только словами, но Яковъ, вернувшись вечеромъ послѣ тяжелаго дня работы и долгой ходьбы, сразу догадывался, что произошло, и задавалъ Ами хорошую трепку; при первомъ же ударѣ, скверный мальчикъ начиналъ ревѣть такъ, точно его рѣзали; подымался страшный шумъ въ стареинькомъ домѣ, нарушая покой людей, живущихъ у нихъ на дачѣ, и на другой день они жаловались, говоря, что переѣхали въ деревню не для того, чтобы слушать крики по ночамъ.

Только маленькая Анна старается быть полезной. Ей уже тринадцать лѣтъ, она помогаетъ бабушкѣ во многихъ тяжелыхъ работахъ. Когда комнаты наняты, она убираетъ ихъ въ то время, когда постояльцы дышутъ свѣжимъ воздухомъ утромъ передъ домомъ подъ большимъ грушевымъ деревомъ въ ожиданіи кофе. И нужно видѣть, съ какимъ усердіемъ ворочаетъ она тяжелые для нея тюфяки, обливаясь потомъ.

И у нея составился планъ, который она безпрестанно повторяетъ:

— Черезъ четыре года, когда я совсѣмъ выросту, я поступлю на мѣсто въ Женевѣ...

Всякій разъ, когда она говоритъ это, большая Анна задумывается серьезно: работать, какъ волъ, цѣлую свою жизнь, какъ работала она, и все для того только, чтобы видѣть своихъ дѣтей уходящими на службу къ другимъ, между тѣмъ какъ жизнь была начата недурно: былъ собственный домъ, поле, была надежда разбогатѣть,—тяжело это, такъ тяжело, что помириться съ этимъ она не можетъ!..

Маленькая Анна качаетъ головой съ разсудительнымъ и въ то же время упрямымъ видомъ. Несомнѣнно—нужно оставаться дома такъ долго, какъ только возможно; но, если отецъ не зарабатываетъ почти ничего, если мать больна, одинъ братъ юродивый, другой—никчемный, то выходитъ, что нельзя—вотъ и все. И нужно умѣть покориться тому, что есть.

III.

Какъ-то весною, въ началѣ года, на который очень надѣялись, надъ семьей стряслось большое горе: при взрываніи части скалы, въ Якова попалъ осколокъ камня. Его понесли прямымъ путемъ на носилкахъ; несшіе его спотыкались о камни, попадавшіеся на тропинкахъ, или же, не имѣя силы болѣе нести, они опускали

его на землю, но раненый, несмотря на сотрясенія, на страданія, не издалъ ни звука.

Когда шествіе остановилось у ихъ дома, большая Анна была занята развѣшиваніемъ бѣлья на изгороди. Она не вскрикнула, но поблѣднѣла и подняла руки къ небу, какъ бы прося пощады.

Всѣ начали плакать, кромѣ дѣдушки Андрея, который угрюмо глядѣлъ на своего сына, лежащаго на носилкахъ, блѣднаго, какъ сушившееся бѣлье, въ кроткихъ глазахъ котораго загоралась лихорадка. Онъ помогъ перенести его на кровать, угостилъ виномъ людей, принесшихъ сына, и потомъ, какъ только они ушли, отправился въ свой сарай и засѣлъ съ отчаяніемъ за шитье сапогъ.

У Якова была сломана правая рука, а можетъ быть и внутри было что-нибудь повреждено, не знали только гдѣ, потому что доктора, при всей своей наукѣ, не могутъ, однако, видѣть, что дѣлается въ серединѣ. Каждый день кабріолетъ доктора Дюрье, запряженный рыжей кобылой, появлялся передъ ихъ домомъ.

Когда старый врачъ нашелъ, что ампутація необходима, онъ потребовалъ консиліума, чтобы не брать на себя отвѣтственности: нужно было пригласить доктора изъ Ніона; у этого эскулапа было много паціентовъ иностранцевъ. Онъ былъ очень занятъ и, недолго думая, положилъ резолюцію — сдѣлать ампутацію.

Яковъ не согласился, чтобы его усыпляли, но, не будучи въ состояніи выдержать страданія, онъ потерялъ сознаніе и не чувствовалъ, какъ ему отрѣзали руку.

Мать держала бинты съ лицомъ неподвижнымъ, мертвенно блѣднымъ. Леони плакала на своемъ креслѣ; изъ сосѣдней комнаты слышенъ былъ скотскій смѣхъ Альберта, который забавлялся гнѣздомъ сороки, которое принесъ ему Ами.

Впрочемъ, операція удалась какъ нельзя лучше. Довольно скоро докторъ Дюрье позволилъ ему встать, и выздоровленіе пошло быстро.

Тогда Яковъ снова началъ, на этотъ разъ поневолѣ, свою праздную жизнь, не имѣя теперь даже возможности помогать толстому Фридриху. Онъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ подъ грушей, положивши свою единственную руку на колѣни, и смотрѣлъ на пустынную дорогу, по которой, съ длинными промежутками, появлялись то ломовой извозчикъ, то возъ съ дровами, то крестьяне, идущіе на работу съ инструментами на плечахъ; рабочіе здоровались съ нимъ, онъ провожалъ ихъ глазами и когда они скрывались за поворотомъ, онъ бросалъ на окружающую пустынную деревню взглядъ безполезнаго возмущенія.

Иногда какой-нибудь старый товарищъ останавливался ненадолго возлѣ него и, чтобы развлечь его, разсказывалъ ему о жатвѣ, о томъ, что говорятъ въ деревнѣ, въ газетѣ. Г-нъ Лоранже, отправляясь на охоту за птицами для своей зоологической коллекціи, всегда обращался къ нему съ нѣсколькими ласковыми словами. Время отъ времени священникъ присаживался къ нему на полчаса; въ первые мѣсяцы выздоровленія синдикъ прислалъ ему шесть бутылокъ стараго вина, чуднаго янтарнаго цвѣта, которое «могло бы воскресить мертваго». Всѣ жалѣли его. Видя, что всѣмъ жалко его, онъ еще больше страдалъ.

Нужно было платить доктору Дюрье и въ аптеку за лѣкарства, и за бифштексы, которые были необходимы для возстановленія силъ больного—такъ и не осталось ничего отъ сбереженій большой Анны, отъ денегъ, собранныхъ урываніемъ отъ самаго необходимаго, добытыхъ пòтомъ, падавшимъ на мостовую, на худосочную почву огорода, на лѣсной мохъ, не осталось ничего изъ этихъ нѣсколькихъ желтыхъ монетъ, бережно запрятанныхъ въ старый чулокъ.

Старуха чувствовала себя совсѣмъ прибитой отъ такого неожиданнаго удара; безъ сомнѣнія, Яковъ зарабатывалъ немного, но и тѣ небольшія деньги, которыя онъ зарабатывалъ, были все-таки кое-что, а теперь и этого не будетъ. А кромѣ того—видѣть его медленно шагающимъ вокругъ дома, мрачнаго, съ отрѣзанной рукой,—есть отъ чего придти въ отчаяніе. Несмотря на все это, приходилось еще поддерживать его нравственно—онъ раздражался, выходилъ изъ себя, дѣлалъ изъ мухи слона, видѣлъ вездѣ злые намеки: если отецъ, безъ всякой задней мысли, садясь за столъ, заговоритъ о томъ, какъ жизнь трудна, Яковъ уходилъ немедленно съ крикомъ, точно сумасшедшій: «Если не работаешь, такъ и ѣсть не нужно, да?.. Ты это хочешь сказать?..»

Отецъ пожималъ плечами:

— Да нѣтъ же!.. Нѣтъ!..

Но Яковъ ничего и слышать не хотѣлъ; мать должна была выходить за нимъ съ горшкомъ супа въ рукахъ, повторяя: «Слушай—всѣ же понимаютъ, что ты въ этомъ не виноватъ»...

Ей же приходилось успокаивать его и тогда, когда онъ, прочитавъ «Горный Курьеръ», начиналъ изливать свою злобу на богатыхъ и развивать теоріи, могущія заставить вздрогнуть лѣсъ.

Кромѣ всего этого, бѣдная женщина переживала еще много скверныхъ минутъ, когда нужно было платить проценты или налоги. И ее при этомъ постоянно мучила одна мысль, которую

она одинъ разъ высказала Фридриху, уходя въ Ніонъ съ корзиной на плечахъ: «Несчастье никогда не приходитъ одно, и это меня очень безпокоитъ!»..

Старый базелецъ усердно кивалъ своей, точно изъ дерева вырубленной, головой, такъ что его черная трубка въ зубахъ медленно отбивала тактъ.

А она продолжала:

— Много горя доставляетъ мнѣ семья! А этотъ негодный Ами, который могъ бы уже помогать намъ, по цѣлымъ днямъ только и дѣлаетъ, что бѣгаетъ по улицамъ. Ахъ! Счастливецъ вы—дѣла ваши идутъ хорошо и вы не имѣете никого!...

Тутъ пильщикъ, не вынимая трубки изо рта, сдѣлавъ усиліе, отвѣтилъ ей со своимъ ужаснымъ выговоромъ:

— Да, тетка Андре, дѣла идутъ вѣрно... И я не имѣю никого... вѣрно... Но вѣрно и то... что не весело, когда не имѣешь никого... можно соскучиться...

— Правда! Жизнь ни для кого не усыпана розами!— сказала Анна и ровнымъ шагомъ пустилась въ путь.

Толстый Фридрихъ, знавшій ее молодою, любезной, со свѣтлыми волосами, розовыми щеками, бѣлыми руками, которыя она показывала, развѣшивая бѣлье, смотрѣлъ на нее теперь, какъ она уходила вся въ морщинахъ, какъ печеное яблоко, согнувшись, точно ея корзина вѣсила нѣсколько пудовъ.

И одна мысль начала медленно зрѣть въ мозгу нѣмца, перенесеннаго въ чужой край, оглушеннаго шумомъ текучей воды и «Пилильни», раздававшимся по всему лѣсу: «вотъ тутъ близко живутъ люди, усердно работающіе, но не могущіе, при всемъ своемъ желаніи, свести концы съ концами; эти люди имѣютъ мальчика въ возрастѣ, когда онъ можетъ уже заработать кусокъ хлѣба, сильнаго, хорошо сложеннаго, съ которымъ они не знаютъ, что дѣлать, и который только портится, не имѣя занятій; лѣсопильня же идетъ настолько хорошо, что еще одинъ работникъ не будетъ лишнимъ... Его останавливало только одно соображеніе стараго эгоиста: ему страшно было, что его привычки отшельника будутъ нарушены... Этотъ мальчикъ будетъ все ходить за нимъ, кружиться вокругъ него, какъ волчекъ, будетъ разспрашивать его о тысячѣ вещей и нужно будетъ—хорошо, или худо—объяснять ему... А между тѣмъ тетка Андре не въ состояніи тянуть далѣе—это ясно!

И добрыя чувства взяли-таки верхъ у него. И вотъ однажды онъ остановилъ большую Анну, когда она уходила въ Ніонъ, и сказалъ ей торжественнымъ тономъ:

— Слушайте, тетка Андре, я хочу поговорить съ вами...

Онъ казался очень смущеннымъ, вынулъ даже свою трубку изо рта, такъ что старуха встревожилась:

— Ахъ, Боже мой! Что случилось, Фридрихъ?

Тогда онъ началъ объяснять дѣло маленькими прерывистыми фразами:

— Вотъ что, тетка Андре!... Мнѣ пришла мысль... Если это только удобно вамъ, конечно, я возьму вашего Ами... Въ помощь себѣ... Я буду кормить его... Дамъ ему пять франковъ въ недѣлю... для начала, конечно... Что скажете вы на это?...

Дорога въ этотъ день показалась короткой теткѣ Аннѣ: въ ея головѣ зароились сладкія мечты, и она шла, строя воздушные замки, подымавшіеся до меланхолическаго осенняго неба, покрытаго мелкими бѣлыми облачками. Старый базелецъ не имѣетъ семейства: тамъ, гдѣ-то на его родинѣ, Богъ знаетъ гдѣ, есть только отдаленные родственники, которые, безъ сомнѣнія, и не думаютъ уже о немъ.

Возможно, что онъ полюбитъ малаго, который, несмотря на всѣ свои недостатки, можетъ быть милымъ мальчикомъ, если захочетъ. Онъ заинтересуетъ его своимъ дѣломъ и оставитъ его ему въ наслѣдство, когда онъ «уйдетъ» или же когда ревматизмъ будетъ часто удерживать его въ постели. А «пила» не плохо устроилась въ лѣсу, въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ отъ Ніона; если она до сихъ поръ не приноситъ много дохода, то это вина Фридриха, который даже въ наиболѣе бойкое время не хотѣлъ брать болѣе одного работника и упорно держался своего обычнаго скромнаго производства — такая мысль можетъ засѣсть только въ глупую голову нѣмца, какъ гвоздь въ старый дубъ. Но, управляемая съ умомъ человѣкомъ дѣятельнымъ и предпріимчивымъ, «Пила» можетъ расшириться. Тогда къ ней будутъ обращаться всѣ большіе купцы въ окружности, и другимъ «Пиламъ» станетъ тогда плохо.

Большая Анна была такъ занята своими мечтами, что слишкомъ заспѣшила со своими покупками и забыла купить для жены синдика чулочной шерсти, несмотря на то, что та дала ей даже образчикъ.

Ей такъ хотѣлось скорѣе вернуться домой съ доброй вѣстью, что она едва согласилась выпить стаканчикъ вина. На возвратномъ пути, идя легкой походкой, не обращая вниманія на свою тяжелую ношу, она снова обратилась къ своимъ мечтамъ: навѣрное, Ами станетъ болѣе серьезнымъ при такомъ хорошемъ дѣлѣ, пойметъ, что онъ поддержка семьи, что онъ долженъ кор-

мить калѣку-отца, больную мать, слабоумнаго брата, а когда онъ будетъ зарабатывать много, также и она—бабушка, столько лѣтъ бѣгавшая для всѣхъ, сможетъ оставить свою корзину, протянуть свои ноги у печки и кончить свою старость среди всѣхъ своихъ, счастливо живущихъ, какъ сыръ въ маслѣ, послѣ столькихъ лѣтъ невзгодъ и испытаній.

Погода прояснилась; солнце только-что зашло за гору, на которой еще играли радужные цвѣта. Большая Анна замѣтила, что верхушка старой груши начала желтѣть. Подходя къ дому, она услыхала хорошо ей знакомые рѣзкіе крики: мальчишки опять дразнили «идіота», который качался по землѣ и билъ ее ногами. Этотъ негодяй Ами снова привелъ ихъ, а отецъ, загнавъ его въ уголъ, билъ его своей единственной рукой такъ сильно, что спина мальчика звучала, какъ барабанъ.

— Оставь его,—сказала большая Анна, добѣжавши запыхавшись къ нимъ.—Нужно его простить сегодня,—онъ ужъ поумнѣетъ.

Она подняла Альберта, а такъ какъ онъ продолжалъ все кричать, она шлепнула его нѣсколько разъ:

— Замолчи... Не рѣжутъ же тебя!...

Затѣмъ она передала имъ весь свой разговоръ съ Фридрихомъ. Какъ разъ въ этотъ день обѣдъ былъ лучше, чѣмъ обыкновенно: была курица съ рисомъ, которая уже не неслась и продать которую было совершенно невозможно. Ами получилъ лучшій кусокъ: нужно подкармливать мальчика теперь, когда онъ будетъ зарабатывать на свою жизнь, и всѣ говорили о его счастьѣ, какъ о вещи вполнѣ рѣшенной. Даже Яковъ просвѣтлѣлъ:

— Нужно будетъ, чтобы Ами перемѣнилъ инструменты,—сказалъ онъ... теперь изобрѣтены машины, которыя дѣйствуютъ куда лучше, чѣмъ тѣ, которыя держитъ толстый Фридрихъ.

Но большая Анна наморщила брови:

— Хорошо, хорошо... Объ этомъ будемъ говорить позже! А теперь пусть онъ зарабатываетъ деньги съ инструментами такими, какіе тамъ есть!

Такое замѣчаніе, однако, не остановило старика Андре, и онъ вслухъ высказалъ свои мечты:

— Изъ Ами выйдетъ важный промышленникъ... Онъ будетъ синдикомъ, возможно, что его выберутъ въ «Верховный Совѣтъ». Почему бы нѣтъ?.. Онъ не хуже другихъ...

Тѣмъ временемъ Ами попросилъ себѣ еще курицы, хотя онъ сталъ совсѣмъ краснымъ отъ ѣды. Онъ держалъ себя важно, но сохранялъ хмурый видъ вслѣдствіе полученнаго наказанія, и время отъ времени теръ бока, бросая на отца злобные взгляды.

IV.

Однако, горе состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что Ами не имѣлъ ни малѣйшей охоты къ работѣ: утромъ бабушкѣ нужно было стаскивать его за ноги съ кровати, чтобы онъ вставалъ; вечеромъ онъ такъ жаловался на усталость, точно онъ одинъ перепилилъ всѣ деревья въ лѣсу. Тогда мать, баловавшая его съ дѣтства, жалѣла его, говорила ему нѣжныя слова и вызывала этимъ гнѣвъ Якова.

И притомъ, нѣтъ никакой возможности узнать, доволенъ ли имъ толстый Фридрихъ, или нѣтъ.

Яковъ часто заходилъ къ нему, разговаривалъ съ нимъ, жестикулируя своей единственной рукой, съ безпокойствомъ слѣдилъ за нимъ, но не могъ вывести базельца изъ его обычной молчаливости. Когда въ разговорѣ упоминалось имя Ами, онъ поворачивался спиной и исчезалъ между кучами сѣрой коры. Только два или три раза большая Анна уловила брошенный имъ на Ами взглядъ, который не предвѣщалъ ничего добраго. Она уже не смѣла разсчитывать на будущее и когда Леони говорила ей голосомъ больной женщины:—«когда Ами будетъ богатъ...»—она уже ничего не отвѣчала ей.

Однажды въ субботу вечеромъ Ами вернулся поздно, говоря, что Фридрихъ посылалъ его по дѣлу въ Трелексъ. Когда же спросили его о деньгахъ за недѣлю—которыя онъ до сихъ поръ отдавалъ имъ регулярно,—онъ въ замѣшательствѣ, покраснѣвъ до ушей, засунулъ руку въ карманъ, и кончилъ тѣмъ, что вынулъ монету въ два франка, бормоча, что остальные онъ потерялъ дорогой.

— Ты лжешь!—крикнула ему бабушка.

А Яковъ, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, ринулся на него и, стиснувъ зубы, повторялъ:

— Что ты сдѣлалъ съ этими деньгами, говори? Что ты съ ними сдѣлалъ?..

Видя угрозу, мальчикъ не испугался. Онъ подался назадъ и отвѣтилъ:

— Эти деньги мои—я ихъ зарабатываю.

Мысль эта никогда бы не пришла ему самому въ голову—безъ сомнѣнія, это вліяніе его испорченныхъ товарищей, съ которыми онъ водилъ компанію. Но Яковъ сразу остановился, взглянувъ на старую Анну, которая, въ свою очередь, посмотрѣла на Андрея.

— Какъ бы тамъ ни было, а то, что онъ говоритъ— вѣрно,—сказалъ старый сапожникъ, поразмысливъ минуту.— Онъ не стоитъ вамъ теперь ничего... Если онъ захочетъ оставить своихъ родителей—это его право!..

И всѣ замолчали, при чемъ всѣ ихъ воздушные замки рушились одинъ за другимъ.

— Вотъ какъ теперь настало на бѣломъ свѣтѣ,—сказала наконецъ старая Анна,—ни на что нельзя теперь разсчитывать, даже на собственныхъ дѣтей!..

Ами всталъ и, посвистывая, руки въ карманахъ, вышелъ съ видомъ полнаго равнодушія.

Съ тѣхъ поръ Ами исчезалъ всякій разъ, какъ получалъ свое жалованіе. Уходя въ деревню, онъ спускался въ ровъ, тянувшійся вдоль дороги; дѣлалъ онъ это для того, чтобы не проходить мимо своего дома, скорѣе рискуя быть укушеннымъ змѣей, только бы не отказаться отъ своихъ развлеченій. Онъ шелъ прямо въ трактиръ, проходилъ гордо подъ вѣткой сосны, качавшейся отъ вѣтра, ударялъ кулакомъ по столу, звалъ такимъ способомъ трактирщицу, приглашалъ своихъ пріятелей и курилъ сигары, разрѣзывая ихъ пополамъ, совсѣмъ какъ взрослый. Его не видѣли до вечера понедѣльника, не зная, гдѣ онъ ночевалъ. И никто ничего не говорилъ ему.

Если бы дѣло было только въ томъ, что онъ зря выбрасывалъ деньги за окно, какъ говорилъ дѣдушка Андрей... Но кромѣ этого онъ доставлялъ еще и большія непріятности семьѣ.

Однажды дядюшка Плантенъ, котораго магазинъ былъ напротивъ дома священника, пришелъ къ нимъ, чтобы сказать, что Ами увивается за его дочерью Розой, дѣвчонкой, у которой еще «молоко не обсохло на губахъ»! И онъ еще сказалъ имъ, что это чистый срамъ, что родители должны смотрѣть лучше за своими дѣтьми, что онъ выломаетъ ребра негодяю, если онъ будетъ продолжать торчать по воскресеніямъ цѣлыми часами передъ его лавкой.

Но Ами только посмѣивался надъ заявленіями дядюшки Плантена: у него были ноги, которыя, при случаѣ, несмотря на свою лѣнь, онъ умѣлъ употреблять въ дѣло; поэтому, точно для того, чтобы дразнить добраго человѣка, онъ продолжалъ ходить взадъ и впередъ передъ лавкой въ то время, какъ Роза, оживленная, быстро двигалась между всевозможными предметами, которые она продавала, лукаво опускала глаза и дѣлала видъ, что не замѣчаетъ его.

Но плутовка хорошо видѣла его! Онъ ей даже нравился

своимъ смѣлымъ видомъ, пушкомъ своихъ усовъ, которые начинали уже пробиваться, такъ нравился, что однажды г. Лоранже засталъ ихъ цѣлующимися за школой и далъ имъ препорядочный нагоняй.

У Ами были также непріятности и съ полевымъ сторожемъ, поймавшимъ его на мѣстѣ кражи плодовъ въ чьемъ-то саду. Только вмѣшательство г. Лоранже избавило его отъ очень скверныхъ послѣдствій этого. Яковъ уже не билъ своего сына—побои не служили ни къ чему, онъ ограничился только тѣмъ, что сказалъ:

— Вотъ ты дѣлаешься и воромъ!.. Ты кончишь плохо— увидишь!...

Всякій разъ, какъ поступки Ами огорчали всѣхъ въ домѣ, маленькая Анна, со своимъ разсудительнымъ видомъ, повторяла свой припѣвъ:

— Ты видишь сама, бабушка, нужно мнѣ искать мѣста, иначе не поправить намъ нашихъ обстоятельствъ здѣсь... Матери дѣлается все хуже и хуже... Тебѣ никто не помогаетъ!.. Нѣтъ, нужно непремѣнно...

Большая Анна не говорила уже «нѣтъ». Она дѣлалась стара настоящимъ образомъ; ея сѣдые волосы стали совсѣмъ бѣлыми; спина горбилась все больше и больше; на дорогѣ въ Ніонъ ей приходилось все чаще и чаще останавливаться и отдыхать; зрѣніе тоже слабѣло: аптекарь не бралъ уже у нея грибовъ, потому что, не доглядѣвъ, какъ слѣдуетъ, она уже два раза навлекла на него непріятности. Нужно было смириться.

И вотъ осенью маленькая Анна взяла мѣсто няни къ дѣтямъ въ одномъ женевскомъ семействѣ за пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ.

V.

Тогда въ домѣ, гдѣ было двое больныхъ и одинъ слабоумный, настало полное уныніе.

Дѣдушка Андре въ сущности любилъ только свою внучку, только она одна умѣла развеселить его; теперь, разставшись съ нею, онъ каждый день забирался въ сарай и тамъ портилъ свою работу. Леони слабѣла, лежа въ постели, которую она уже не покидала.

Яковъ, измученный всѣми непріятностями, бродилъ по лугу, или смотрѣлъ подолгу на лягушекъ, которыя, испугавшись его прихода, прыгали въ прудъ, служившій шлюзомъ для «Пилы».

Онъ не искалъ больше общества: когда, сидя подъ грушей, онъ замѣчалъ на поворотѣ товарищей, онъ спѣшилъ войти въ домъ. Время отъ времени г. Лоранже говорилъ большой Аннѣ:

— Вы должны постараться развлекать вашего сына, тетка Анна... Онъ слишкомъ скучаетъ... Онъ кончитъ тѣмъ, что заболѣетъ душевной болѣзнью...

Бѣдная женщина подымала руки къ небу:

— Только этого недоставало!.. Но, мой добрый господинъ, что же я могу сдѣлать!

И ни разу Ами не отдалъ имъ и половины денегъ, которыя онъ всѣ тратилъ въ трактирѣ.

Однажды толстый Фридрихъ остановилъ большую Анну:

— Тетка Анна, я имѣю что-то сказать вамъ.

Старуха вздрогнула: базелецъ смущенъ — навѣрное, онъ будетъ жаловаться на Ами—быть можетъ, разсчитаетъ его...

Лѣсопильщикъ разсматривалъ свою трубку, которую онъ вынулъ изо рта, и со смущеннымъ видомъ держалъ ее между большимъ и указательнымъ пальцами. Наконецъ, онъ пояснилъ:

— Тетка Анна, я доволенъ вашимъ Ами... Это вѣрно— работаетъ онъ хорошо... Онъ дѣлаетъ столько, какъ и взрослый рабочій...

Было замѣтно, что все это неправда, и ему было трудно это говорить:

— Я ему давалъ пять франковъ въ недѣлю... Это недостаточно, конечно... Я ему дамъ десять... Только... только онъ истрачиваетъ свои деньги... А вамъ трудно, конечно... Такъ я буду уплачивать Вамъ самимъ то, что я назначилъ больше... Не такъ ли?..

Это была милостыня: старый базелецъ не могъ оставаться равнодушнымъ, видя стѣснительное положеніе хорошихъ людей, единственныхъ, съ которыми онъ сталкивался въ продолженіе столькихъ лѣтъ и къ которымъ однимъ онъ чувствовалъ нѣчто въ родѣ дружбы. Ему было больно встрѣчать всегда ихъ озабоченныя лица, и онъ шелъ имъ на помощь,—вѣдь онъ зарабатывалъ больше, чѣмъ ему нужно. Такъ ужъ всегда бываетъ: надѣешься на своихъ дѣтей, когда прійдетъ старость; а они, какъ только смогутъ летать на своихъ собственныхъ крыльяхъ, устраиваютъ свою собственную жизнь, забывая ваши заботы; неблагодарныя, они заставляютъ принимать хлѣбъ, который вамъ протягиваютъ сердобольные иностранцы.

Глаза большой Анны наполнились слезами, когда она бла-

годарила своего сосѣда; но это были слезы отъ стыда, и онѣ жгли ей лицо.

Великодушіе толстаго Фридриха уменьшило на нѣкоторое время заботы о завтрашнемъ днѣ, тѣмъ болѣе, что маленькая Анна ежемѣсячно присылала въ письмѣ отъ шести до восьми франковъ марками, которыя Яковъ ходилъ продавать въ бюро деревенской почты. А письма читала своимъ болѣзненнымъ голосомъ Луиза. Маленькая Анна разсказывала въ нихъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ очень подробно: барыня подарила ей платье, фартухъ... ребенокъ, котораго нужно было всегда носить, становился тяжелымъ, царапался, какъ кошка, часто плакалъ отъ злости, даже тогда, когда у него ничего не болѣло... она поссорилась съ горничной, которая находитъ ее слишкомъ простой... она по-прежнему скучаетъ по своимъ... и это дѣйствительно было видно изъ ея писемъ, въ которыхъ описывался большой городъ, съ его широкими бульварами, вдвое шире, чѣмъ ихъ проѣзжія дороги, съ лавками, въ которыхъ можно купить все, съ парными извозчиками, съ великолѣпными туалетами на улицахъ, и все же, несмотря на такое множество развлеченій, она не забывала ни своихъ, ни дома.

— Славная она дѣвочка,—говорилъ дѣдушка Андрей съ радостной улыбкой...—Я всегда говорилъ, что она славная дѣвочка.

Яковъ съ прояснившимся немного лицомъ добавлялъ, дѣлая жестъ своей единственной рукой:

— Счастье наше, что мы имѣемъ ее, иначе можно было бы усомниться въ существованіи Бога!..

Но онъ тотчасъ же омрачался, когда идіотъ Альбертъ, слишкомъ большой для своего возраста, начиналъ кружиться, положивъ въ ротъ большой палецъ, который онъ сосалъ, какъ маленькія дѣти, хотя уже порядочная борода окаймляла его лицо въ красныхъ пятнахъ. Яковъ грубо кричалъ на него:

— Брось свой палецъ, животное! Тебѣ не стыдно, скажи?..

VI.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ маленькая Анна писала, что ей нужно сдѣлать себѣ платье и что на этотъ разъ ей нужны всѣ ея деньги, и не прислала почтовыхъ марокъ.

Леони прочитала письмо среди унылаго молчанія.

— Мы разсчитывали на нее, чтобы заплатить хлѣбнику,-

сказала бабушка.—Нужно, значитъ, обернуться какъ-нибудь иначе?..

Дѣдушка Андрей хотѣлъ оправдать внучку:

— А если ей дѣйствительно нужно платье, ничего здѣсь не подѣлаешь!

Но Яковъ, который видѣлъ всегда во всемъ дурное, пожалъ плечами и пробормоталъ:

— Я вамъ говорю, что она поступитъ такъ же, какъ и тотъ, и кончитъ тѣмъ, что будетъ заботиться о насъ не болѣе, какъ о старыхъ паршивыхъ собакахъ... Нужно этого ждать... дѣти всѣ на одинъ ладъ!.. Почему эта будетъ лучше, чѣмъ другіе...

На слѣдующій мѣсяцъ письмо изъ Женевы опоздало на три дня и оказалось опять безъ приложенія: маленькая Анна должна была заказать себѣ шляпу, которая подходила бы къ платью.

Дѣдушка Андрей опустилъ глаза, совсѣмъ сконфуженный.

Яковъ злобно усмѣхнулся.

— А что? Не говорилъ ли я вамъ?.. На этотъ разъ шляпа... А затѣмъ что ей будетъ нужно? Ленты, косынки, Богъ знаетъ что!.. Все, что женщина можетъ напялить на спину... И это въ то время, когда здѣсь почти нечего ѣсть...

Прошелъ еще мѣсяцъ, и, когда письмо пришло опять съ опозданіемъ, всѣ посмотрѣли другъ на друга прежде, чѣмъ открыть его.

— Ну, распечатывай,—сказалъ Яковъ своей женѣ.—Держу пари, что и въ немъ ничего нѣтъ.

Яковъ былъ правъ, какъ всегда. Маленькая Анна на этотъ разъ даже не потрудилась объяснить, почему она удержала деньги.

Дѣдушка Андрей прослезился, но не потому, что не было денегъ, а потому, что ему показалось, что маленькая Анна ужъ не та, что была; въ ея письмѣ не было уже тѣхъ ласковыхъ словъ, которыя она умѣла находить и которыя согрѣвали сердце дѣдушки; затѣмъ она почти ничего не говорила о себѣ, заявила только, что она перемѣнила мѣсто, и дала свой новый адресъ; и бумага пахла хорошо, какъ пахучее мыло.

Этотъ запахъ возмутилъ большую Анну, и она вскрикнула:

— Ну, что, если она тамъ плохо кончитъ!.. Боже мой, Боже!

— Что же это мы надѣлали?

Вмѣсто того, чтобы утѣшить ее, Яковъ сказалъ ей глухимъ голосомъ:

— Для насъ, мужиковъ, городъ не годится: онъ забираетъ

у насъ все, до нашихъ дочерей включительно, которыя забываютъ о насъ.

Г. Паранъ, богатый собственникъ, интересовался маленькой Анной потому, что онъ зналъ ее со дня ея рожденія; часто, отправляясь на охоту, останавливался у большой груши, чтобы освѣдомиться о маленькой Аннѣ, и, когда дѣдъ Андрей разсказывалъ ему, какая она хорошая, онъ очень былъ доволенъ. Когда же онъ узналъ, что случилось потомъ, онъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Якова.

— Нѣтъ, городъ не годится для жителей деревни—они должны оставлять при себѣ своихъ дочерей, которыя всегда могутъ найти себѣ работу въ деревнѣ... Нужно жить тамъ, гдѣ родился, какъ деревья въ лѣсу... Но люди всѣ вездѣ одинаковы—они только и думаютъ о томъ, чтобы «возвышаться» вмѣсто того, чтобы принимать ту судьбу, какую даетъ имъ Провидѣніе... И выходитъ, что земля не имѣетъ достаточно рабочихъ для обработки ея... а между тѣмъ нѣтъ лучшаго занятія, какъ занятіе земледѣльца съ тѣхъ поръ, какъ Богъ предпочелъ жертву Авеля, а не Каина!

Всѣ эти прекрасныя слова наконецъ вывели изъ себя дѣдушку Андрея.

— Да, совершенно вѣрно, вы правы! Лучше оставаться тамъ, гдѣ родился, тамъ такъ же хорошо, какъ и въ другомъ мѣстѣ, можно на старости лѣтъ околѣть съ голоду!

И г. Паранъ, предвидя, что настанетъ время, когда, рано или поздно, попросятъ у него помощи, избѣгалъ съ тѣхъ поръ останавливаться подъ большой грушей.

VII.

Не взирая на всевозможныя бѣды, семья Андрея все еще кое-какъ держалась—такъ бываетъ въ лѣсу: полусгнившія деревья не поддаются силѣ вѣтра оттого, что они тѣсно стоятъ одинъ возлѣ другого. Но въ концѣ концовъ послѣднимъ ударомъ былъ для нихъ отъѣздъ Ами.

Парень ушелъ въ Лозанну отбывать воинскую повинность, и здѣсь онъ закутилъ. Въ казармѣ свелъ знакомство съ городскими молодыми людьми, имѣвшими достаточно денегъ въ карманахъ. Они говорили ему, что они добываютъ ихъ легко, не изнуряя себя лишнимъ трудомъ, и пользуются ими на славу. Можно было бы предположить, что они знаютъ всѣ ремесла, а между тѣмъ они утверждали, что не занимаются никакими.

— Когда у тебя есть умъ,—говорили они,—можно обойтись и безъ науки!

И они исправно платили за выпитыя бутылки вина и пива въ трактирахъ, гдѣ прислуживаютъ хорошенькія дѣвушки.

Поэтому неудивительно, что семь недѣль его военной службы, несмотря на «разъ, два», на форсированные марши и т. п., оставили у Ами чудесныя воспоминанія. Вернувшись домой, онъ уже не могъ примириться съ своимъ положеніемъ. Работать, какъ волъ, шесть дней въ недѣлю съ этимъ базельцемъ, который никогда не открывалъ рта, чувствовать себя презираемымъ своими, которые не понимали его достоинствъ, не имѣть другого удовольствія, какъ пьянствовать по воскресеніямъ въ трактирѣ, гдѣ важные здѣшніе господа смотрятъ на тебя косо—развѣ это жизнь? И его начала преслѣдовать мысль объ отъѣздѣ. Сначала онъ намѣревался исчезнуть, не сказавъ никому ни слова, чтобы избѣжать споровъ; но «нѣчто», что все-таки было въ немъ, не позволило ему сдѣлать этого; и онъ сообщилъ своимъ родителямъ о своихъ планахъ какъ-то вечеромъ, когда всѣ собрались въ кухнѣ, не имѣвшей другого освѣщенія, какъ только сухія вѣтки, пылавшія въ печкѣ.

Онъ говорилъ, опустивъ глаза и такъ быстро, какъ только могъ, чтобы кончить какъ можно скорѣе.

Оба старика не произнесли ни слова, только большая Анна склонила голову, точно ударили ее обухомъ. Леони начала тихонько плакать, какъ женщина, привыкшая къ страданіямъ и не дѣлавшая никогда изъ-за нихъ шума. Одинъ Яковъ разсердился:

— Я знаю, почему ты хочешь уходить!—крикнулъ онъ...— Ты не можешь тутъ развернуться!.. Тебя стѣсняютъ, ты боишься насъ... Ну, такъ и убирайся, коли хочешь уходить!.. Отправляйся, куда хочешь!.. Чтобы мы не слышали о тебѣ!.. По крайней мѣрѣ, ты будешь повѣшенъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ ты кончишь плохо, я говорю тебѣ!..

Леони, рыдая, шептала:—О! Не говори такъ, Яковъ, не говори такъ!.. И ей казалось уже, что она видитъ своего любимца, своего Веніамина, который былъ такой хорошенькій, когда былъ маленькимъ, котораго она такъ баловала до своей болѣзни, она видитъ его проходящимъ мимо дома среди двухъ жандармовъ, скованнымъ по рукамъ, какъ тѣ мошенники, которыхъ арестуютъ на границѣ.

Нѣсколько дней позднѣе Ами уходилъ съ узломъ платья на палкѣ, за спиной съ провизіей хлѣба, колбасы и пятнадцатью франками въ кошелькѣ, который далъ ему дѣдъ.

Хотя было и неблагоразумно, но Леони хотѣла непремѣнно встать, чтобы проводить его немного. «Кто знаетъ, увижу ли я его?»—говорила она. Оба старика провожали его, дѣдъ Андрей велъ его подъ руку. Яковъ же, пожелавъ холодно хорошаго успѣха своему сыну, вернулся сейчасъ домой.

Падалъ первый снѣгъ. Такъ какъ не было вѣтра, то обнаженныя вѣтки деревьевъ казались словно въ бѣлыхъ ножнахъ. Луга, изгородь, дорога — все было бѣлое, и все было окутано глубокой печалью... Медленно шли четыре человѣка... Они скользили, какъ тѣни, подъ хлопьями снѣга, и уныніе отъ тишины, отъ зимняго холода проникало до глубины ихъ душъ.

Леони пробрала дрожь; въ это время она позабыла всѣ проступки сына и любила его всей силой своей великой любви. Большая Анна и дѣдъ Андрей прощали ему такъ же, какъ и она, и чувствовали, что уходящій юноша былъ кусочкомъ ихъ живого тѣла, который отрывался; смутно, не говоря ни слова, они думали о прошлыхъ временахъ.

Внизу подъема они остановились подъ большой сосной:

— Твоей матери нельзя итти дальше, — сказала большая Анна.

Леони хотѣла протестовать:—Нѣтъ, нѣтъ, я не устала, я чувствую себя очень хорошо!..

Но дѣдъ Андрей, въ свою очередь, сказалъ:

— Нѣтъ—это будетъ неблагоразумно... Подумай, какъ будемъ мы тебя лѣчить, если ты еще больше заболѣешь!..

И они обняли Ами, который, вопреки своему эгоизму, чуть не плакалъ. Затѣмъ они еще постояли нѣсколько минутъ подъ сосной, слѣдя за нимъ глазами до тѣхъ поръ, пока онъ, обернувшись къ нимъ два раза, не скрылся за поворотомъ.

Когда они проходили мимо «Пилы», они замѣтили Фридриха, который едва передвигалъ свои одеревенѣлыя отъ болей ноги, скорбившагося и снова одинокаго.

Вернувшись домой, Леони, въ порывѣ внезапной нѣжности къ Альберту, хотѣла его обнять, но онъ, котораго никогда никто не ласкалъ, началъ такъ кричать, точно его избивали.

VIII.

Весною семья не имѣла ни гроша на уплату процентовъ. Кромѣ того, еще не было уплачено аптекарю за лѣкарства для Леони. Аптекарь требовалъ свои деньги каждую недѣлю, да и

пекарь не хотѣлъ печь имъ ихъ хлѣба, пока они не заплатятъ за прошлое время. Они, наконецъ, рѣшили продать толстому Фридриху окружавшій прудъ клочекъ земли, который ему всегда хотѣлось пріобрѣсти, чтобы чувствовать уже себя совсѣмъ дома. Это было, какъ говорилъ Яковъ, начало конца, первая жертва, приносимая нищетѣ, которая затѣмъ возьметъ остальное—кусокъ за кускомъ... Дѣдъ Андрей чуть не плакалъ, подписывая купчую у нотаріуса, и большая Анна должна была утѣшать его...

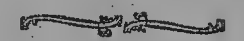
Она одна поддерживала семью. По-прежнему ходитъ она въ Ніонъ; но она уже не въ силахъ носить наполненную корзину, и Яковъ сопровождаетъ ее и тащитъ корзину своей единственной рукой.

Всѣ ее жалѣютъ; ея домъ называютъ госпиталемъ большой Анны; добрые люди стараются ободрить ее разсказами о своихъ несчастіяхъ и говорятъ ей въ утѣшеніе:

— Что дѣлать, тетка Анна! Нужно покоряться, если ничего другого сдѣлать не можешь.

И она покоряется, выпрямляя какъ можно лучше свой разбитый станъ, находя время отъ времени добрыя слова для Якова, который, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе погружается въ свои мрачныя мысли; для Леони, которая уже совсѣмъ не встаетъ и угасаетъ въ своей постели; для своего стараго мужа, глаза котораго почти совсѣмъ ослѣпли. И такъ, ходя отъ одного къ другому, она думаетъ о томъ, что крыша портится и не на что поправить ее, что, такъ какъ необходимо продавать козлятъ по мѣрѣ того, какъ они родятся, не будетъ кѣмъ замѣнить козу, когда та состарится...

Перев. съ франц. Л. Д.



МѢЩАНСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

(Farfui).

Романъ Лучіано Цукколи.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Зачѣмъ онъ купилъ этотъ домъ, онъ и самъ не сумѣлъ бы объяснить.

Ему предложили эту сдѣлку въ то время, когда у него были свободныя деньги, когда повышеніе нѣкоторыхъ цѣнностей на биржѣ доставило ему большіе барыши.

Домъ былъ въ два этажа, выкрашенный въ свѣтло-желтый цвѣтъ, съ зелеными жалюзи, примыкавшій къ довольно большому саду, который въ моментъ пріобрѣтенія усадьбы былъ въ прекрасномъ состояніи, съ красивымъ цвѣтникомъ, маленькой оранжереей, чистенькими, опрятными аллеями.

Обстановка одна стоила тѣхъ денегъ, которыя онъ заплатилъ за домъ; въ гостиной, выходившей прямо въ садъ, стоялъ чудеснѣйшій большой рояль, огромные диваны, обитые золотистымъ бархатомъ съ розовыми цвѣтами; посрединѣ круглый столъ съ инкрустаціей изъ перламутра тончайшей работы; и во всѣхъ комнатахъ соотвѣтствующая мебель и дубовыя панели.

Это была одна изъ причинъ, почему Лоренцо Моро колебался купить этотъ домъ. Наскоро осмотрѣвъ его, онъ объявилъ:

— Мнѣ не подходитъ; слишкомъ красивъ; дамскія штучки.

Притомъ же, домъ стоялъ за городомъ, далеко за таможней у Порта Тичинезе, въ районѣ, занятомъ почти исключительно большими сыроварнями и маслобойнями и дровяными складами; въ предмѣстьѣ, населенномъ простонародьемъ и рабочими, да еще разбогатѣвшими подрядчиками—классически миланскіе кварталы, по своей кипучей дѣятельности, костюмамъ, діалекту, болѣе открытому и типичному, чѣмъ въ другихъ частяхъ города.

Именно въ этой части города находились оптовые магазины Лоренцо Моро и его рабочая контора, и ему вовсе не хотѣлось самому поселиться здѣсь; это заставило бы его перемѣнить привычки своей трудовой жизни, лишило бы его основанія къ долгимъ утреннимъ прогулкамъ отъ дома до конторы и обратно, которыя онъ совершалъ ежедневно, съ тѣхъ поръ, какъ жилъ въ улицѣ Бильи.

Въ этой самой улицѣ Бильи онъ уже присмотрѣлъ для себя подходящій домъ, переговорилъ съ владѣльцемъ и надѣялся пріобрѣсти его по сходной цѣнѣ.

Ему вовсе не хотѣлось покупать домъ за городомъ. Но приставанія Маріано Фриджеріо, докука спорить, выгодность предложенія побѣдили его неохоту.

Лоренцо Моро терпѣть не могъ людей развратныхъ и распущенныхъ. Маріано Фриджеріо, его школьный товарищъ, увлекшійся игрой и кутежами и быстрыми шагами идущій къ вѣрному разоренію, не давалъ ему покоя съ этимъ домомъ, пока не убѣдилъ его купить: каждый день ходилъ къ нему въ контору, заводилъ рѣчь объ этомъ и въ театрѣ, и въ кафэ, писалъ письма, словомъ, надоѣдалъ.

Вначалѣ онъ запросилъ сорокъ тысячъ лиръ. Чтобъ отдѣлаться отъ него разъ навсегда, Лоренцо предложилъ ему половину, и за двадцать пять тысячъ Маріано уступилъ ему домъ съ полной обстановкой, лишь бы только получить сейчасъ, наличными деньгами.

— Должно быть, тебѣ круто пришлось, — сказалъ, покосившись на него, Лоренцо.

— Пускаю въ ходъ послѣдніе патроны, — былъ отвѣтъ.

— Да не хочу я, въ такомъ случаѣ. На что онъ мнѣ, твой домъ?—я даже не знаю, что съ нимъ дѣлать.

Но Маріано, испуганный такою щепетильностью, принялся увѣрять, что онъ пошутилъ: вовсе его дѣла не такъ плохи; просто въ тѣхъ мѣстахъ у него нѣтъ теперь никакихъ дѣлъ, и ему на руку сбыть этотъ домъ и поселиться въ болѣе центральномъ мѣстѣ.

— Да, мнѣ онъ не нуженъ; я не знаю, что съ нимъ дѣлать,— повторялъ Лоренцо.

— Ну, какъ ты можешь говорить такія глупости? Отъ такихъ выгодныхъ покупокъ люди не отказываются; домъ стоитъ не меньше сорока тысячъ лиръ; если бъ я подождалъ, я, навѣрное, нашелъ бы покупателя за эту цѣну, но я предпочитаю сбыть его сейчасъ и продать пріятелю...

Лоренцо буркнулъ:

— Двадцать пять тысячъ и ни одного чентезимо больше, потому что я тебѣ правду говорю: мнѣ онъ не нуженъ.

— Да я больше и не прошу,—сказалъ Маріано.

Когда сдѣлка была заключена, Лоренцо пошелъ еще разъ посмотрѣть домъ, садъ и обстановку. Маріано не солгалъ: покупка была выгодная и еще болѣе цѣнна тѣмъ, что онъ не искалъ ея и не хотѣлъ.

Во время этого второго визита Лоренцо пришла мысль, которая заставила его сразу полюбить новый домъ. Гостиная внизу была лишней, такъ какъ имѣлась еще другая, въ первомъ этажѣ; эту просторную комнату, прекрасно освѣщенную, съ крѣпкимъ плитянымъ поломъ, легко было превратить въ фехтовальный залъ, отдѣливъ часть его перегородкой подъ гардеробную.

Уже много лѣтъ, кромѣ своей торговли, Лоренцо Моро ничѣмъ особенно не интересовался и не имѣлъ иныхъ склонностей, сколько-нибудь заслуживающихъ вниманія, кромѣ одной,—фехтованія, удовлетворявшей запросамъ его полнокровнаго тѣла и его потребности въ движеніи. Фехтованію онъ удѣлялъ почти все свободное время, какимъ могъ располагать: заперевъ контору, онъ тотчасъ садился въ экипажъ и ѣхалъ къ Пино Монти, своему учителю, поупражняться, но, при этомъ, всегда подолгу, особенно въ холодные зимніе дни, сидѣлъ въ гардеробной, остывая послѣ упражненій, прежде чѣмъ выйти на улицу.

Фехтовальный залъ въ собственной квартирѣ избавлялъ его отъ всей этой потери времени, а маэстро можетъ приходить къ нему на домъ въ заранѣе назначенные дни.

Въ виду этихъ соображеній, нижнюю гостиную быстро очистили отъ мебели; Лоренцо Моро пріобрѣлъ все необходимое для оборудованія хорошей фехтовальной залы и тѣшился, какъ школьникъ, любуясь саблями, шпагами и рапирами, блестѣвшими на стѣнахъ, между масками и фехтовальными перчатками.

Было лѣто; Морелла Барди, жена Лоренцо, жила на дачѣ вмѣстѣ съ сестрой и зятемъ на берегу озера Комо.

Лоренцо купилъ домъ и передѣлалъ его по-своему, ни слова объ этомъ не сказавъ женѣ: онъ побаивался критики Мореллы, хоть и дѣлалъ видъ, что не считается съ ея сужденіями, и нерѣдко бывалъ съ ней прямо грубъ. Когда все, казалось ему, было уже приведено въ порядокъ, и самъ онъ уже переѣхалъ въ новый домъ, тогда только онъ рѣшилъ переговорить объ этомъ съ Мореллой.

Онъ поѣхалъ на дачу въ субботу, съ тѣмъ послѣобѣден-

нымъ поѣздомъ, который повсюду забираетъ изъ города мужей, какъ утренній поѣздъ забираетъ скотъ, отправляемый на рынокъ.

Съ нимъ ѣхалъ Эдоардо Фальконаро, приглашенный на эту недѣлю погостить на дачѣ.

Пріятели не походили другъ на друга.

Лоренцо Моро, шарообразный, съ маленькими колючими черными глазами, широкій въ плечахъ и низкій ростомъ, никакъ не могъ отдѣлаться отъ какой-то бьющей въ глаза вульгарности во всей его фигурѣ, самъ сознавалъ это и втайнѣ огорчался этимъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, его иной разъ принимали за кучера или за сторожа изъ магазина. И чѣмъ больше онъ старался быть элегантнымъ, ловкимъ, развязнымъ, тѣмъ болѣе казался неуклюжимъ и вульгарнымъ.

По внѣшности никто не принялъ бы его за труженика, способнаго, упорнаго въ трудѣ: онъ имѣлъ видъ человѣка, всецѣло преданнаго матерьяльнымъ наслажденіямъ, раба чувственности и обжорства. Ежедневныя занятія фехтованіемъ не въ мѣру развили его и отъ природы сильную мускулатуру, что еще болѣе подчеркивало низкій ростъ, било въ глаза контрастомъ слишкомъ короткихъ ногъ съ широкими плечами. Онъ завидовалъ Эдоардо Фальконаро, на которомъ платье всегда сидѣло превосходно, тогда какъ на немъ всюду морщило.

Эдоардо былъ высокій, не худой и не толстый, съ длинными усами и густою черной шевелюрой, съ смуглымъ лицомъ, прорѣзаннымъ рубцомъ, который шелъ отъ лѣваго виска черезъ лобъ и заканчивался между бровями. Этотъ рубецъ придавалъ его лицу выраженіе незаурядной силы. Всѣ были убѣждены, что это—рубецъ отъ старой раны, полученной въ какой-нибудь ужасной авантюрѣ, и только друзья дѣтства знали, что Эдоардо мальчикомъ упалъ и сильно изранилъ себѣ лицо.

Но проницательный взглядъ сѣрыхъ глазъ, рѣзко выдѣлявшихся на смугломъ лицѣ, энергичный подбородокъ, суховатое и нервное строеніе тѣла, привычка къ рѣшительнымъ и почти рѣзкимъ жестамъ, отрывистая рѣчь—все говорило, что передъ вами, дѣйствительно, человѣкъ энергичный и рѣшительный.

Порою чувство въ немъ ослабляло волю и неожиданная мягкость умѣряла совѣты холоднаго разума; взглядъ его, суровый, металлическій, иногда смягчался и становился почти влажнымъ, отражая каждую перемѣну настроенія, каждое движеніе души.

Лоренцо Моро былъ человѣкъ запальчивый, способный на насиліе. Эдоардо Фальконаро былъ человѣкъ сильный.

Лоренцо Моро нарочно прихватилъ съ собой пріятеля, ѣдучи въ эту субботу на дачу, чтобы сообщить женѣ о пріобрѣтеніи новаго дома. Въ дорогѣ онъ почти не разговаривалъ съ Эдоардо, поглощенный мыслями о своемъ новомъ домѣ и о тѣхъ удобствахъ, которыя еще нужно завести въ немъ, чтобъ онъ понравился Мореллѣ.

Эдоардо читалъ газету. Жара стояла удушливая, хотя солнце уже близилось къ закату.

— Вчера у меня былъ Пино Монти,—подалъ, наконецъ, голосъ Лоренцо.

— А?—пробормоталъ Эдоардо, роняя газету на колѣни.— И что же онъ сказалъ тебѣ?

— Что зала отличная, словно созданная для занятій фехтованьемъ.

— Значитъ, ты доволенъ?

— Доволенъ.

Но тотчасъ же лобъ его омрачился и, не умѣя скрыть отъ друга тайной своей тревоги, онъ прибавилъ:

— Посмотримъ, что скажетъ объ этомъ Морелла.

Эдоардо только-было хотѣлъ отвѣтить, какъ въ ихъ купэ вошло нѣсколько знакомыхъ негоціантовъ; зашелъ разговоръ о биржѣ и неожиданномъ банкротствѣ, поколебавшемъ рынокъ.

Лоренцо заинтересовался разговоромъ; Эдоардо снова взялся за газету.

II.

Дача, гдѣ жила Морелла, вилла Мора, стояла не на самомъ берегу озера. Отъ станціи Комо къ ней нужно было ѣхать еще съ полчаса въ экипажѣ, въ гору, но по такому отлогому подъему, что лошади могли бѣжать рысью.

Друзья нашли на станціи ожидавшій ихъ экипажъ, плетеную коляску, запряженную парой рослыхъ гнѣдыхъ, которые весело позвякивали бубенчиками сбруи и, видимо, гордились красной сѣткой, прикрывавшей ихъ лоснящуюся шерсть.

— Посмотримъ, какъ отнесется къ этому моя супруга,— повторилъ Лоренцо, продолжая прерванный разговоръ.

Эдоардо смотрѣлъ направо и налѣво, на поля пшеницы, еще тонкой и зеленой, алѣвшей мѣстами ярко-огненными маками. И думалъ о томъ, что Лоренцо нарочно везетъ его съ собой на дачу, чтобы Мореллѣ неудобно было слишкомъ рѣзко реагировать въ его присутствіи.

— Пожалуй, это я плохо сдѣлалъ, что раньше не спросилъ ея совѣта, а скажу только теперь, когда уже все копчено,—вслухъ раздумывалъ Лоренцо.

— Если бъ ты спросилъ ея совѣта, она бы посовѣтовала тебѣ не покупать,—замѣтилъ Эдоардо.

— Почему ты думаешь?

— Потому что для женщины не безразлично жить на віа Бальи, или за Тичинскими воротами. Тебѣ не кажется этого?

— Ты правъ,—согласился Лоренцо,—но мнѣ эти мелочи никогда не приходятъ въ голову, или приходятъ слишкомъ поздно.

Эдоардо усмѣхнулся.

— Надо будетъ устроить ей роскошную гостиную, чудеснѣйшую спальню и столовую—тогда и она будетъ довольна. Словомъ, чтобъ все было великолѣпно.

Лоренцо не отвѣтилъ; ему тоже хотѣлось, чтобъ все было «великолѣпно», но въ элегантности, какъ ее понимаютъ женщины, онъ такъ мало смыслилъ, что, безъ помощи Мореллы, у него, все равно, ничего бы не вышло.

— Ты думаешь, ей непріятно будетъ жить далеко отъ центра?—спросилъ онъ, послѣ минутнаго раздумья.

Эдоардо пожалъ плечами.

— По всей вѣроятности. Изящно одѣтая дама въ такой мѣстности обращаетъ на себя особое вниманіе, потому что изящныя дамы тамъ бываютъ рѣдко, и это можетъ быть ей непріятно. На віа Манцони, на Соборной площади, или у Венеціанскихъ воротъ—другое дѣло...

— Морока мнѣ съ этимъ вашимъ изяществомъ!—вскричалъ Лоренцо, стукнувъ себя кулакомъ по колѣну.

Эдоардо смотрѣлъ на ярко-изумрудный холмъ, у подножья котораго извивалась широкая, отлогая дорога, и съ наслажденіемъ вдыхалъ мягкую, вечернюю прохладу, обвѣвавшую ему лицо.

— Я купилъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Маріано,—пояснилъ Лоренцо.

— Ради Бога, не говори этого своей женѣ!—засмѣялся Эдоардо.—Ты же знаешь, что твоя сеньора терпѣть не можетъ Маріано; ужъ лучше скажи, что ты купилъ, чтобъ раздосадовать его.

— Усадьбу, стоющую сорокъ тысячъ лиръ, не всякій день можно купить за двадцать пять тысячъ,—заключилъ Лоренцо.

И, очевидно, успокоился такимъ соображеніемъ, ибо тотчасъ же удобнѣе расположился въ экипажѣ, какъ бы въ полной увѣренности, что онъ не потерялъ даромъ ни времени, ни денегъ.

— И этого также не слѣдуетъ ей говорить, — замѣтилъ Эдоардо, — твоя жена отлично знаетъ, что для тебя лишнихъ пятнадцать тысячъ разницы не составляютъ.

Но тотъ, довольный собою, только проворчалъ что-то невнятное въ отвѣтъ и пожалъ плечами.

Коляска остановилась у рѣшетчатой ограды. Изъ аллеи сада вышла, направляясь къ пріѣхавшимъ, Морелла Моро.

Высокая и худощавая, она была одѣта въ бѣлую прозрачную блузку съ чернымъ поясомъ и огненнаго цвѣта юбку. На видъ ей было тридцать лѣтъ; на самомъ дѣлѣ двадцать шесть; смуглый цвѣтъ лица, бѣлокурые волосы, очень нѣжнаго оттѣнка, глаза цвѣта овса—столько противорѣчій было въ этомъ лицѣ съ нѣсколько острыми чертами, что съ перваго взгляда трудно было разобрать, красива эта женщина, или дурна собой.

Но голосъ ея, мягкій и бархатный, съ множествомъ полутоновъ, заставлялъ предполагать, что слова любви въ ея устахъ должны были звучать особенно красиво и дѣйствовать на нервы, какъ чувственная ласка. Она, повидимому, очень обрадовалась Эдоардо.

— Теперь ужъ мы васъ не отпустимъ. Вы прогостите у насъ цѣлый мѣсяцъ,—сказала она, протягивая ему руку.

— Я и годъ прогостилъ бы, если бъ можно, — отвѣтилъ Эдоардо, любуясь садомъ и съ наслажденіемъ вдыхая ароматъ жимолости, обвивавшей стѣну ограды:—но Лоренцо не позволитъ мнѣ, онъ такъ ревнивъ...

— Тогда сколько же вы пробудете?

— Лоренцо мнѣ сказалъ—недѣлю...

Морелла улыбнулась и тряхнула головой.

— Въ недѣлю можно покорить сердце женщины лучше, чѣмъ въ годъ. Лоренцо ничего не понимаетъ въ такихъ вещахъ.

Лоренцо, шедшій вслѣдъ за ними, громко расхохотался: онъ, дѣйствительно, ничего не смыслилъ въ такихъ психологическихъ тонкостяхъ.

— Не премину использовать совѣтъ,—пообѣщалъ Эдоардо.—Черезъ недѣлю вы будете моей.

Онъ выговорилъ эту фразу такъ торжественно, что Морелла и Лоренцо оба разсмѣялись.

На порогѣ большой залы, непосредственно примыкавшей къ террасѣ, ихъ ждала Изидора съ мужемъ своимъ, Федерико Берарди. Этотъ послѣдній очень привязанъ былъ къ своему шурину, Лоренцо, любилъ его, какъ брата, и, завидѣвъ его, тотчасъ выбѣжалъ ему навстрѣчу и кинулся обнимать его, восклицая:

— Добро пожаловать! Добро пожаловать!

Изидора не походила на свою сестру. На два года моложе ея, маленькая, съ блестящими черными волосами, съ необычайно бѣлымъ, какъ у дѣвочки, лицомъ, она за это и за свой спокойный характеръ получила въ школѣ отъ подругъ прозвище «простокваши».

— Вы сегодня всѣ въ прекрасномъ настроеніи,—замѣтилъ Федерико.—Я слышалъ сейчасъ, вы такъ весело смѣялись.

— Еще бы не смѣяться! Эдоардо берется за эту недѣлю вакацій покорить сердце Мореллы,—отвѣчалъ Лоренцо.

— Не выгоритъ,—пресерьезно возразилъ Федерико.—О такихъ вещахъ не предупреждаютъ. Это было бы чудомъ...

— А если я способенъ творить чудеса?—пошутилъ Эдоардо.

Федерико, улыбаясь, смотрѣлъ на него. Средняго роста, онъ въ тридцать лѣтъ уже обнаруживалъ наклонность къ тучности. Онъ управлялъ имѣніями одного знатнаго ломбардскаго семейства, но по внѣшности похожъ скорѣе былъ на профессора, чѣмъ на дѣльца. Лицо у него было пухлое и розовое, носъ былъ увѣнчанъ очками въ золотой оправѣ. Во взглядѣ его не было иного выраженія, кромѣ полнѣйшаго душевнаго спокойствія, съ которымъ вполнѣ гармонировала его старомодная любовь къ порядку и точности во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, мелкихъ и крупныхъ.

— Покорить женское сердце—Мореллы, или чье бы то ни было—значитъ, нажить себѣ хлопотъ,—наставительно замѣтилъ онъ.—Нѣтъ на свѣтѣ женщины, которая стоила бы спокойнаго сна.

— Однако, Федерико, ты говоришь дерзости,—отпарировала Морелла.—Будь я твоей женой, я бы обидѣлась.

— А я не обижаюсь,—объявила Изидора.—Я тоже нахожу, что нѣтъ на свѣтѣ мужчины, изъ-за котораго стоило бы страдать безсонницей.

Шутя и болтая такимъ образомъ, всѣ они вошли въ просторную столовую, съ небольшимъ количествомъ мебели свѣтлаго дуба. Стекла огромныхъ, до полу, оконъ, замѣнявшихъ двери, выходившихъ въ садъ, были шафрановаго цвѣта съ кобальтовыми розетками, и послѣдніе лучи заката, преломляясь въ нихъ, бросали яркіе отсвѣты на венеціанскую мозаику пола. Красиво сверкалъ хрусталь на столѣ, прорѣзанномъ длинной жардиньеркой съ роскошнѣйшими розами, алыми и желтыми, съ толстыми, мясистыми листьями.

— А у насъ для тебя большая новость,—обратился Лоренцо къ женѣ, когда всѣ усѣлись за столъ.

— У васъ обоихъ вмѣстѣ? Не вѣрю.

— По правдѣ говоря, я тутъ ни при чемъ, — возразилъ Эдоардо.—Лоренцо хочетъ свалить часть отвѣтственности на меня; я принимаю это, но въ новости, которую онъ хочетъ сообщить вамъ, моей заслуги нѣтъ.

— Скорѣе выкладывайте свою новость!—вскричала Изидора, по-дѣтски хлопая въ ладоши.

— Потомъ,—сказалъ Лоренцо.

Но Изидора не успокоилась; въ теченіе всего обѣда она строила догадки—что̀ это можетъ быть за новость: парюра изъ рубиновъ, которая давно нравилась Мореллѣ, вилла въ горахъ, платье изъ стариннаго кружева для открытія оперныхъ представленій въ Скала, два щенка сенъ-бернара для охраны виллы, кулонъ изъ жемчуга съ сафирами.

— Ты слишкомъ торопишься,—смѣялся Лоренцо,—и забѣгаешь впередъ.

— Какой ты вздоръ говоришь!—горячился Федерико.—Потвоему, все равно, что кулонъ изъ жемчуга, что пара собакъ.

— Ну тогда, можетъ быть, ребенокъ, котораго вы рѣшили усыновить?—не подумавъ, сболтнула Изидора.

За брошенной вскользь фразой наступило краткое молчаніе—неловкое, тревожное: лицо Мореллы вдругъ исказилось, точно отъ внутренней боли, но тотчасъ же приняло прежнее выраженіе. Эдоардо смотрѣлъ и молчалъ.

Но Федерико, чувствуя, что настроеніе испорчено, поспѣшилъ вмѣшаться:

— Чекъ на итальянскій банкъ,—продолжалъ онъ угадывать,—съ пустымъ мѣстомъ для цифры? Опера, написанная Лоренцо на либретто Эдоардо.

— И озаглавленная: «Я ничего не понимаю», — смѣясь, заключила Морелла.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего подобнаго.—И, чтобы перемѣнить разговоръ, Лоренцо повернулся къ Федерико.—Ты знаешь, что фирма Годжіоли и Біанки обанкротилась?

— Развѣ я не предсказывалъ тебѣ этого?—вмѣшался Эдоардо.—Ты не хотѣлъ мнѣ вѣрить...

—Фальконаро—пророкъ,—слегка иронически усмѣхнулась Морелла.—Онъ все знаетъ впередъ и раньше, чѣмъ другіе.

— Такія вещи не трудно знать впередъ, когда имѣешь дѣло съ биржей,—возразилъ Эдоардо.

Мужчины, тотчасъ, по привычкѣ, увлеклись разговоромъ о дѣлахъ. Этой фирмѣ Лоренцо, по настоянію Фальконаро, уже

два раза отказалъ въ кредитѣ, хотя лично онъ и не сомнѣвался въ ней: и теперь не могъ нахвалиться проницательностью друга и его прекрасною освѣдомленностью. Если бъ не Эдоардо, и онъ теперь очутился бы въ числѣ пострадавшихъ, которымъ обанкротившаяся фирма выплачивала семь и восемь за сто. Морелла слушала, съ виду разсѣянно.

Подъ конецъ обѣда она взяла красную розу изъ жардиньерки и протянула ее Федерико; другую красную заткнула за ухо Лоренцо; потомъ сорвала третью, желтую, посмотрѣла на Эдоардо подняла руку—и тотчасъ опустила ее.

— Ахъ, кокетка!—пробормоталъ Лоренцо.

Эдоардо тогда собралъ всѣ розы, которыя стояли передъ нимъ, раздѣлилъ ихъ надвое и одну половину съ поклономъ поднесъ Мореллѣ, другую Изидорѣ.

— Это урокъ. Я не забуду этого урока,—съ улыбкой замѣтила Морелла. И встала изъ-за стола.

— Кофе пойдемте пить на воздухъ.

III.

Какъ только они вышли во дворъ и усѣлись въ плетеныя кресла передъ столикомъ, за которымъ Морелла разливала кофе, Лоренцо выложилъ, наконецъ, свой секретъ:

— Ну-съ, такъ новость вотъ какая:—я купилъ усадьбу Маріано Фриджеріо.

Морелла выронила щипчики отъ сахара и повернулась къ мужу.

— Ты шутишь?

— Нѣтъ, серьезно: я купилъ у Фриджеріо его домъ, и теперь мы будемъ жить тамъ. Я, собственно, уже недѣлю тамъ живу.

Морелла передала чашку Эдоардо и присѣла къ столику. Остальные всѣ молчали, вглядываясь въ ея лицо; но оно было непроницаемо. Пользуясь этой паузой, Лоренцо продолжалъ:

— Тебѣ тамъ будетъ отлично. Я уже привелъ въ порядокъ мои аппартаменты; относительно твоихъ даю тебѣ картъ-бланшъ. Эдоардо говоритъ, что ты все устроишь превосходно: и гостиная у тебя будетъ великолѣпная, и столовая, и спальня, а я буду только смотрѣть и апплодировать... Что сдѣлка эта выгодная, никто опровергать не станетъ: домъ достался мнѣ за

грошъ, а домъ отличный. Ты, вотъ, все жаловалась, что у тебя нѣтъ сада; ну, теперь будетъ и садикъ; можешь, какъ тебѣ вздумается, планировать его, украшать и расширять... Одна мебель стоитъ всей той цѣны, которую я заплатилъ за домъ, я не очень-то много понимаю въ этихъ вещахъ, но, напримѣръ, тамъ есть большой концертный рояль, знаменитой фабрики; онъ одинъ стоитъ уйму денегъ.

Морелла встала и, ни слова не отвѣтивъ, вышла, оставивъ розы на столѣ.

Наступило долгое, неловкое молчаніе. Эдоардо первый сказалъ:

— Твоя супруга недовольна.

— Да, кажется, что такъ,—сознался Лоренцо, съ такою искренностью, что Фальконаро невольно улыбнулся.

— И есть отчего,—вмѣшалась Изидора.—Чему жъ тутъ радоваться? Жить за городомъ, за Тичинскими воротами, въ изгнаніи, вдали отъ нарядной городской жизни и движенія. Чтобы попасть на Соборную площадь или на Корсо, надо проѣхать двадцать километровъ.

— Да, вѣдь, у насъ же экипажъ есть,—перебилъ Лоренцо.—У насъ же лошади свои.

— Ты думаешь, она каждый день будетъ выѣзжать въ экипажѣ? Вѣдь она же боится лошадей.

— Я ей куплю отдѣльную лошадку, смирную, какъ овечка, или пони, которыя ей такъ нравятся. Но тебѣ я говорю: случай исключительный—я не могъ упустить его.

Изидора слегка пожала плечами.

— Ради твоего исключительнаго случая, ты принесъ въ жертву Мореллу,—строго выговорила она.

Федерико съ изумленіемъ смотрѣлъ на свою жену, эту смирненькую простоквашку, которая вдругъ вскипѣла и осмѣлилась выразить свое мнѣніе съ такой враждебностью.

— Дора!—воскликнулъ онъ.—Что съ тобою? Кто тебѣ далъ право вмѣшиваться и критиковать?

Молодая женщина, получивъ выговоръ отъ мужа, вдругъ опомнилась, вся вспыхнула, забилась поглубже въ кресло и, чтобы скрыть свое смущеніе, налила себѣ вторую чашку кофе.

— Какъ я и говорилъ вамъ,—началъ Эдоардо, спѣша перевести разговоръ на другую тему,—въ банкротствѣ виноватъ исключительно Біанки. У этого человѣка никогда не было ни наблюдательности, ни чутья. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ

вложилъ цѣлый капиталъ въ акціи общества «Монополь», бумаги котораго черезъ три дня упали на десять процентовъ. .

Онъ остановился; шелестъ платья заставилъ его обернуться. Вошла Морелла, спокойная и улыбающаяся, съ розой въ рукѣ, такой густой окраски, что она казалась почти черной.

— Вотъ цвѣтокъ, который вамъ подходитъ,—сказала она, подходя къ Эдоардо и издали показывая ему розу.

— Приколите его сами мнѣ въ петличку,—попросилъ Эдоардо.

Молодая женщина подошла ближе; въ тотъ моментъ, когда она наклонилась надъ нимъ, чтобы приколоть цвѣтокъ, Фальконаро замѣтилъ по уголкамъ губъ ея горькія складки и особый влажный блескъ въ глазахъ—слѣдъ недавно пролитыхъ слезъ.

— А теперь пойдемте прогуляться по саду. Хотите?— предложила веселымъ голосомъ Морелла.

Всѣ немедленно встали и пошли за ней.

Садъ тянулся за виллой, красивый, съ нарядными клумбами, усаженными самыми разнообразными цвѣтами, съ низкой оградой, почти сплошь увитой блѣдно-палевыми цвѣтами каприфолій. Высокія деревья съ могучими стволами переплетались вершинами, образуя колыхавшіеся своды надъ змѣистыми дорожками; это было цѣлое море зелени всѣхъ оттѣнковъ отъ самаго свѣтлаго до самаго темнаго, среди котораго рѣзко выдѣлялись яркіе цвѣта пышно цвѣтущихъ розъ, разливавшихъ волны ароматовъ.

Эдоардо уже бывалъ въ этомъ саду, но, тѣмъ не менѣе, учтиво слушалъ объясненія Мореллы, вставляя порой собственныя наблюденія и замѣчанія, которыя смѣшили ее.

— Нѣтъ, это невозможно, Фальконаро! Вы слишкомъ невѣжественны,—возмущалась она.—Ну какъ же это можно—принять магноліи за макъ? Да у насъ маковъ и вовсе нѣтъ въ саду.

— Если бъ я далъ вамъ биржевой бюллетень,—вы такъ же не поняли бы въ немъ ничего, какъ я въ магноліяхъ.

— Но, вѣдь, это же не позволительно—воображать, что у простого мака бываютъ такіе блестящіе листья и такой крѣпкій стволъ! воскликнула Морелла.

Эдоардо пожалъ плечами.—А чѣмъ нехорошъ стволъ мака? И у мака стволъ чудеснѣйшій.

Онъ говорилъ вещи, скандализовавшія ее, съ такой увѣренностью и небрежностью, что Морелла поражалась, а Изидора и Федерико, шедшіе за ними, все время хохотали.

Шествіе замыкалъ Лоренцо, молчаливый и угрюмый. Онъ

понялъ: Морелла ни словомъ больше не упоминетъ о новомъ домѣ; и это презрительное безмолвіе, въ которомъ она замыкалась, это нежеланіе разговаривать о непріятномъ, это гордое молчаніе, какъ будто говорившее, что она выше всего этого и задѣть ее это не можетъ, вызывали въ немъ глухое раздраженіе— онъ предпочелъ бы бурю жалобъ и упрековъ.

Онъ ускорилъ шагъ, поравнялся съ женою и попробовалъ возобновить прерванный разговоръ.

— Если какое-нибудь дерево тебѣ здѣсь нравится, мы можемъ перевезти его въ Миланъ.

Молодая женщина изумленно поглядѣла на него и коротко бросила:

— Это неважно.

Затѣмъ повернулась къ Эдоардо и совсѣмъ другимъ голосомъ, гораздо мягче, спросила:

— А огорода вы никогда не видали? Хотите взглянуть?

Лоренцо готовъ былъ ударить ее, чтобы она, по крайней мѣрѣ, крикнула, разсердилась, выказала хоть какое-нибудь чувство; и чтобъ на чемъ-нибудь сорвать злость, отъ которой онъ весь дрожалъ, отломилъ вѣточку акаціи и принялся сдирать съ нея кожу.

Смеркалось. Пока они дошли до огорода—онъ же и фруктовый садъ—извилистой тропинкой, змѣившейся въ глубинѣ сада, уже плохо стало видно, и они оставались тамъ недолго. Морелла указывала рукою на персиковыя, миндальныя, вишневыя деревья, гнувшіяся подъ тяжестью сочныхъ плодовъ, и говорила:

— Вишни, сорванныя прямо съ дерева—это прелесть что такое. Я каждое утро прихожу сюда и поѣдаю ихъ въ огромномъ количествѣ.

Они проходили возлѣ большой цистерны, въ которой держали воду для поливки; глубиною въ нѣсколько метровъ, затянутая сверху зеленой ряской, она вся звенѣла хорами лягушекъ. Лоренцо, не замѣтивъ выступа, которымъ выдавался надъ окружающей почвой каменный край цистерны, шагнулъ къ ней, но не успѣлъ упасть, какъ его удержалъ обѣими руками Эдоардо, первый замѣтившій опасность.

— Спасибо, другъ,—сказалъ Лоренцо.—Еще немного, я бы кончилъ жизнь среди лягушекъ.

Морелла не замѣтила опасности, угрожавшей ея мужу; Изидора и Федерико промолчали; и всѣ четверо медленно вернулись къ виллѣ, не нарушая пустой болтовней торжественнаго безмолвія, спускавшагося надъ полями, гдѣ свѣтлячки уже начали свою сумеречную пляску.

IV.

Поведеніе Мореллы Моро, которая за столомъ отказала въ розѣ Эдоардо Фальконаро, а потомъ, словно раскаявшись, принесла ему изъ сада свѣжую, только-что сорванную, принятое ея мужемъ, да и другими, за кокетство, въ дѣйствительности, было только проявленіемъ жгучей антипатіи, которую Морелла питала къ Эдоардо.

Ея любезность съ нимъ свидѣтельствовала только о большомъ самообладаніи и неусыпномъ надзорѣ за собой, такъ какъ Мореллѣ вовсе не хотѣлось, чтобъ кто-нибудь замѣтилъ ея скрытую враждебность по отношенію къ самому преданному и вліятельному другу ея мужа. Молодая женщина прекрасно знала, что этотъ послѣдній своимъ богатствомъ въ значительной степени обязанъ Эдоардо, который, въ качествѣ биржеваго маклера, руководилъ Лоренцо въ его игрѣ на биржѣ и не разъ давалъ ему удачные совѣты. Мало того, въ моментъ серьезныхъ затрудненій, онъ далъ взаймы Лоренцо крупную сумму денегъ, позволившую тому выдержать конкурренцію, которую устроили другіе торговцы, и расширить свои сыроварни и маслобойни за Тичинскими воротами, которыя въ нѣсколько лѣтъ обогатили его.

Эта мысль непрестанно мучила ее, словно роскошь, которой она окружла себя, была подачкой посторонняго, чужого человѣка. И—странно!—она говорила себѣ, что, если бъ Эдоардо не помогъ Лоренцо, этотъ послѣдній не выбился бы изъ посредственности, быть можетъ, даже обанкротился бы, и отецъ ея, Тито Барди, не принудилъ бы ее, единственно изъ матеріальнаго разсчета, выйти замужъ за этого толстяка, который никогда ей не нравился, котораго она такъ и не могла полюбить, который постоянно шокировалъ ее своей вульгарностью, своими взглядами, чуждыми деликатности и возвышенныхъ порывовъ.

А Эдоардо, дѣйствительно, не разъ оказывалъ услуги своему пріятелю, и очень цѣнныя. Вотъ и сегодня, за столомъ, рѣчь шла о банкротствѣ, о крахѣ торговаго дома, съ которымъ Лоренцо не связался только потому, что его во-время удержалъ Эдоардо, не то онъ потерялъ бы много денегъ на этомъ банкротствѣ. И Лоренцо всячески восхвалялъ мудрость и предусмотрительность биржевого маклера, котораго она иронически назвала «пророкомъ».

Пророку было тридцать восемь лѣтъ, Лоренцо—за сорокъ; и, однако же, первый всегда и во всемъ руководилъ вторымъ.

Когда Лоренцо предпринималъ что-нибудь на свой страхъ и рискъ, онъ дѣлалъ это украдкой, потихоньку, какъ мальчишка, прося не сообщать объ этомъ Эдоардо; но, увы! все, что Лоренцо задумывалъ и выполнялъ безъ совѣта и участія друга, оказывалось неудачнымъ—такъ и эта покупка дома Маріано Фриджеріо.

Морелла не могла не признать, что Фальконаро человѣкъ воспитанный, умный, опытный, знающій жизнь и людей. Но это-то и возмущало ее, такъ какъ рядомъ съ Эдоардо ея мужъ казался человѣкомъ низшей расы, и это такъ било въ глаза, что становилось нестерпимымъ. И молодой женщинѣ казалось, что одинъ руководитъ другимъ съ снисходительной жалостью, которая обижала ее—за Лоренцо.

Она угадывала въ Эдоардо одного изъ тѣхъ людей, которые никогда и ничего не дѣлаютъ подъ вліяніемъ внезапнаго порыва, но всякое свое рѣшеніе терпѣливо обдумываютъ и вынашиваютъ въ душѣ, и лишь когда оно вполнѣ созрѣетъ, осуществляютъ его, во что бы то ни стало. Объ этомъ говорили и сѣрые глаза Эдоардо, эти умные, холодные глаза, которые такъ рѣдко свѣтились теплымъ свѣтомъ; Морелла вѣрнымъ чутьемъ женщины читала въ нихъ необычайное упорство и непреклонное мужество, которыя смущали ее.

Она съ удовольствіемъ узнала бы о какомъ-либо его промахѣ или ошибкѣ; его сила раздражала ее. Не разъ при ней разсказывали, что Фальконаро окружаетъ себя кокотками и балеринами, игроками и прожигателями жизни, но никогда еще ей не случалось слышать, чтобъ онъ любилъ, или страдалъ, чтобъ онъ въ чемъ-нибудь проявилъ растерянность и малодушіе.

Однажды до нея дошелъ смутный слухъ о какомъ-то большомъ несчастьѣ, постигшемъ его, но подробностей она такъ и не узнала, такъ какъ Эдоардо неожиданно скрылся изъ Милана, долго путешествовалъ и вернулся очень не скоро.

А вернулся замкнутымъ и холоднымъ, какъ и раньше. И это опять-таки было не по душѣ Мореллѣ, что Эдоардо не подумалъ даже обратиться за совѣтомъ и поддержкой къ ея мужу, которому онъ такъ щедро давалъ совѣты и оказывалъ поддержку, очевидно, въ глазахъ Фальконаро Лоренцо былъ ничтожествомъ, мальчишкой, котораго надо поддерживать, но не мужчиной, у котораго можно въ трудную минуту искать утѣшенія.

Все это ей казалось оскорбительнымъ, и она удивлялась, что это не кажется оскорбительнымъ Лоренцо. Но тотъ былъ всецѣло подъ вліяніемъ Фальконаро и въ полномъ восторгѣ отъ него. Въ

сомнительныхъ случаяхъ онъ выдвигалъ единственный неотразимый аргументъ «Эдоардо говоритъ». И на это ужъ не могло быть возраженій.

Нелѣпо было бы пытаться подорвать вліяніе такого друга; опасно дать почувствовать этому другу незаслуженную антипатію, которую онъ вызывалъ исключительно своею силой. Его воздѣйствіе на Моро было разумное и благотворное; упрекнуть его было не въ чемъ; довѣріемъ, которымъ онъ пользовался въ домѣ Моро, онъ не злоупотреблялъ и съ молодой женой Лоренцо держалъ себя учтиво и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно.

Неизмѣнный совѣтчикъ и руководитель въ дѣлахъ, Эдоардо никогда не пытался втянуть Лоренцо въ тотъ веселый кругъ, гдѣ онъ вращался самъ; предоставляя ему жить тихой семейной жизнью, для развлеченій онъ выбиралъ другихъ друзей.

Морелла принуждена была сознаться, что за все это онъ заслуживаетъ уваженія и, понимая свою неправоту, и въ же время не умѣя побѣдить слѣпой враждебности, всячески старалась маскировать ее, вводя въ заблужденіе всѣхъ, считавшихъ ее искреннимъ другомъ Фальконаро.

Всѣхъ, и даже самаго Фальконаро. Это была первая и единственная женщина, сумѣвшая обмануть его; зоркіе сѣрые глаза, читавшіе многое, скрытое въ глубинѣ этой женской души, не сумѣли прочесть тамъ отвращенія и гнѣва, съ трудомъ скрываемыхъ и сдерживаемыхъ.

Лоренцо пробылъ на дачѣ все воскресенье и имѣлъ несчастье снова разсердить Мореллу, разсказавъ послѣ обѣда нѣсколько вольныхъ анекдотовъ, вульгарность которыхъ заключалась не столько въ самомъ фактѣ, сколько въ выборѣ словъ для передачи.

Ничто такъ не оскорбляло молодую женщину, какъ вольности и грубость рѣчи; ей казалось въ такія минуты, какъ будто мужъ раздѣваетъ ее публично, и это было такъ противно ей, что она страдала почти физически. Но напрасно она пыталась останавливать и сдерживать Лоренцо: онъ былъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые считаютъ, что замужней женщинѣ можно слушать самые вольные разсказы, самыя циничныя шутки, самыя непристойныя слова, и только потѣшаются надъ ея стыдливостью.

Эдоардо бровью не повелъ, слушая эти анекдоты, понимая, что одобреніе только подстрекнуло бы пріятеля и подвергло

бы Мореллу новой пыткѣ. Федеряко и Изидора слегка улыбались, изъ вѣжливости.

На другой день, чуть свѣтъ, Лоренцо уѣхалъ обратно въ Миланъ; Эдоардо остался гостить на виллѣ; и Морелла рѣшила подавить въ себѣ ненависть къ Фальконаро, подойти къ нему съ раскрытой душой и попробовать узнать его поближе, чтобы лучше оцѣнить.

Судьба благопріятствовала ей: Изидора и Федерико съ утра уѣхали въ Комо за покупками, и Морелла осталась одна съ гостемъ.

V.

Они сидѣли въ бесѣдкѣ, подъ развѣсистымъ дубомъ, отбрасывавшимъ вокругъ прохладную тѣнь; листья дуба все время ласково шептались надъ ихъ головами.

До этого дня молодой женщинѣ рѣдко доводилось оставаться наединѣ съ другомъ своего мужа, и то всего на нѣсколько минутъ; и теперь ее охватилъ такой страхъ, такая безумная робость, что она, какъ дѣвочка, готова была вскочить и убѣжать, и, какъ только ушелъ лакей, унося на подносѣ чашки изъ-подъ кофе, сливочникъ и сахарницу, она неожиданно вскочила на ноги.

Но тотчасъ же сообразила, что это выйдетъ неловко, и остановилась у входа въ бесѣдку, вдыхая ароматъ блѣдно-лиловой сирени, обвивавшей столбы бесѣдки.

— Вы соскучитесь здѣсь,—сказала она, перебирая пальчиками душистые гроздья.

Онъ, не вставая, обернулся посмотрѣть на молодую женщину; на ней было простенькое, бѣлое съ голубымъ платье и бѣлыя туфельки; голова ея, словно въ сіяніи свѣтлыхъ волосъ, красиво выдѣлялась на нѣжно-лиловомъ фонѣ. Эдоардо вскользь подумалъ, что эта молодая женщина сразу хорошѣетъ, какъ только исчезаетъ мужъ, и улыбнулся.

— Если вы будете со мной, я не соскучусь.

— Какъ видите, я здѣсь. Скажите мнѣ, о чемъ я должна говорить, чтобъ вамъ не было скучно.

— Такъ много я не прошу, — усмѣхнулся Эдоардо.—Вы просто не обращайте на меня вниманія. Долженъ васъ предупредить, что я никогда не скучаю.

— Откройте мнѣ вашу тайну,—подходя, вскричала молодая женщина.

Фальконаро пристально взглянулъ на нее и измѣнился въ лицѣ. Онъ не такъ понялъ: ему показалось, что Морелла хочетъ выпытать у него его «тайну»—то, что печалило его и ныло неутихающей болью въ глубинѣ его души; одновременно съ этимъ Морелла догадалась, что онъ не такъ понялъ ее, сконфузилась и въ первый разъ почувствовала, что въ этой жизни, дѣйствительно, есть тайна.

Чтобъ разогнать тревогу, охватившую ихъ обоихъ, Морелла сѣла противъ Эдоардо и повторила:

— Откройте мнѣ вашъ секретъ—никогда не скучать.

Морщины на лбу Фальконаро мгновенно разгладились: яснѣе онъ не могъ показать, что счелъ ее нескромной. Морелла вспыхнула, мгновенно перейдя отъ тревоги къ раздраженію, и вздрагивающимъ голосомъ продолжала:

— А что вы подумали? Что я, въ самомъ дѣлѣ, хочу выпытать у васъ какой-нибудь секретъ.

— Этого не могло быть,—преспокойно солгалъ онъ,—потому что у меня секретовъ нѣтъ, а вы—воспитанная женщина. Мой секретъ не скучать очень простъ: на мнѣ лежитъ большая отвѣтственность, у меня много работы, много дѣлъ, которыя я направляю; я всегда жду результатовъ какой-нибудь покупки или начатаго дѣла, всегда рискую и въ одно прекрасное утро могу проснуться нищимъ. Какъ видите, мнѣ скучать некогда.

— Вы правы. А я такъ вотъ всегда скучаю, потому что мнѣ дѣлать нечего и никакому риску я не подвергаюсь...

Ее прервало появленіе лакея, принесшаго почту—газеты для Мореллы, газеты и нѣсколько писемъ для Эдоардо.

— Спросите у Челестины мою бѣлую шляпу,—обратилась молодая женщина къ лакею,—и принесите ее мнѣ сюда.

И продолжала, обернувшись къ Фальконаро:

— А теперь пойдемте въ огородъ. Я всякій день хожу туда.

Эдоардо, взглянувъ на письма, оставилъ ихъ на столѣ нераспечатанными. Невольно, съ неотразимой силой, они притягивали къ себѣ взглядъ Мореллы: на большинствѣ конвертовъ были адреса и названія фирмъ; но письмо, лежавшее поверхъ всѣхъ прочихъ, было надписано женской рукой, красивымъ, четкимъ почеркомъ.

— Если вамъ хочется читать, вы не стѣсняйтесь—я одна пойду,—замѣтила Морелла.

— Благодарю, тутъ спѣшнаго ничего нѣтъ, — отвѣчалъ

Эдоардо, собирая письма и кладя ихъ въ карманъ.—Пойдемте въ огородъ.

Лакей бѣгомъ вернулся. Молодая женщина взяла у него шляпу и надѣла ее себѣ на голову, заложивъ резинку за уши и подъ подбородокъ.

— Не правда ли, какая практичная шляпа для дачи?—безъ шпилекъ,—обратилась она къ Эдоардо.—Точно у гимназистки.

Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Морелла подумала, что, при всей своей корректности, онъ могъ бы сдѣлать ей комплиментъ: большая бѣлая шляпа, съ цѣлымъ каскадомъ кружевъ, подчеркивавшая контрастъ между свѣтлыми волосами и смуглостью лица, должна была итти къ ней; но она ждала напрасно.

Они пошли по длинной извилистой тропинкѣ, между деревьями, все время шелестѣвшими вершинами. Фальконаро спрашивалъ себя, надо ли ему держать лѣстницу, когда Морелла влѣзла на нее, чтобы нарвать плодовъ. Но голосъ Мореллы, которой не нравилось это молчаніе, вывелъ его изъ задумчивости.

— Итакъ, что же *мнѣ* дѣлать, чтобы не скучать?

— Теперь вы ужъ не будете скучать,—возразилъ Эдоардо.—Вамъ придется заняться новымъ домомъ.

Морелла вдругъ остановилась.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ! Можно ли выдумать что-нибудь хуже дома за Тичинскими воротами? Скажите: Лоренцо совѣтовался съ вами въ этомъ дѣлѣ?

— Я ничего не зналъ объ этомъ,—сознался Эдоардо.—Если-бъ зналъ, постарался бы отговорить его. Но, все же, мнѣ кажется, вы преувеличиваете.

— Нѣтъ, вы не понимаете. Надо быть женщиной, чтобы понять это. Вы только подумайте: вѣдь, этотъ домъ принадлежалъ Маріано Фриджеріо. Вы знаете, кто такой Маріано Фриджеріо.

Эдоардо усмѣхнулся и не отвѣтилъ.

— Что онъ тамъ дѣлалъ, въ этомъ домѣ?—продолжала Морелла.—Что у него тамъ было—маленькій дворецъ—убѣжище...

Она не докончила, боясь сказать слишкомъ много; но, по улыбкѣ Эдоардо, поняла, что онъ понялъ ее, и продолжала:

— А теперь я принуждена буду жить въ этомъ домѣ, и каждый разъ, какъ я выйду на улицу, меня будутъ разгляды-

вать и критиковать, какъ рѣдкое животное... Да я носу не покажу на улицу.

— У васъ есть экипажъ,—замѣтилъ Эдоардо, присваивая себѣ возраженіе Лоренцо.

Но молодая женщина какъ будто даже не слышала и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Если мой мужъ не спросилъ вашего совѣта, онъ могъ бы все-таки посовѣтоваться со мной. Я заставила бы его понять, что отъ такихъ господъ, какъ Маріано Фриджеріо, подарковъ принимать нельзя.

— Подарковъ?—повторилъ Фальконаро.—Вы не такъ поняли. За домъ заплачено наличными деньгами.

— Лоренцо самъ сказалъ, что это выгодная сдѣлка, что одна мебель стоитъ денегъ, которыя онъ заплатилъ за домъ: слѣдовательно, мы оказываемся какъ бы въ долгу у того, кто продалъ этотъ домъ. Одно изъ двухъ: либо мы приняли отъ него подарокъ, либо, воспользовавшись тѣмъ, что онъ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, устроили себѣ выгодную спекуляцію. Все это недостойно...

Они подходили къ цистернѣ, въ которую наканунѣ вечеромъ едва не кувырнулся Лоренцо. Эдоардо внимательно взглянулъ на нее—въ мутной, недвижной водѣ легко могли утонуть десять человѣкъ.

— Почему вы не прикажете закрыть досками этотъ резервуаръ? Это опасно такъ держать его—открытымъ.

Но молодая женщина, опередившая его, ничего не отвѣтила и снова взобралась на лѣстницу, приставленную къ вишнѣ. Лѣстница была двойная, сходившаяся вверху; обѣ половины ея были скрѣплены цѣпью. Морелла рвала вишни, съѣдала ихъ и далеко отшвыривала косточки; Эдоардо стоялъ съ противоположной стороны лѣстницы.

— Вамъ жарко?—спросила она вдругъ, смѣясь.

Ярко сіяло солнце и жгло. Фруктовый садъ тянулся по склону холма; дорожка то поднималась, то спускалась; фруктовыя деревья были ниже, чѣмъ въ саду, и въ этомъ мѣстѣ только небольшая тѣнь вишни укрывала отъ солнца. Зелень на солнцѣ блестѣла до боли ярко.

— Нѣтъ, мнѣ хорошо,—отвѣтилъ Эдоардо.

— Не хотите вишенъ? Вы ихъ не любите?

— Спасибо; мнѣ и такъ хорошо.

Онъ смотрѣлъ на большое поле, покрытое какой-то красноватой травкой, и, видимо, не могъ понять, что это за ра-

стеніе. Морелла быстро соскользнула съ лѣстницы и подошла къ нему.

— Надо будетъ приходить сюда пораньше. Когда становится жарко, вишни теряютъ вкусъ.

— Что это тамъ за поле?—освѣдомился Эдоардо.—Почему у него такой странный цвѣтъ?

— Волчій бобъ. Это вамъ тоже ничего не объясняетъ?— засмѣялась молодая женщина.—Лупинусъ—волчій бобъ—это такая лѣкарственная трава, которая идетъ на кормъ скоту...

— Какъ вы все знаете!

— Черезъ недѣлю и вы будете все знать не хуже меня... А посмотрите, дрокъ какой красивый—совсѣмъ золотой... А эта смородина—точно рубиновая...

Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на то, на что указывала ему Морелла, Эдоардо смотрѣлъ на нее: она положительно помолодѣла и похорошѣла, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Лоренцо: и, видимо, отъ души радовалась, что живетъ на воздухѣ, въ деревнѣ, подъ этимъ веселымъ, яркимъ солнцемъ.

У нея для всего находились милыя, ласковыя слова: и для дрока, для деревьевъ, для смородины, для львинаго зѣва и маковъ, пестрѣвшихъ на лугу; въ ея словахъ звучало удовлетвореніе души, которая искренно любитъ невинную красоту природы и отдыхаетъ среди зелени, забывая невзгоды жизни, сложившейся не такъ, чтобъ она могла быть довольной ею.

Эдоардо не мѣшалъ ей восхищаться и слушалъ ее молча.

Крохотный жучекъ сѣлъ на руку Мореллы: темный, кругленькій, съ красными пятнышками на спинкѣ.

— Смотрите, какая прелесть!—вскричала она, протягивая къ нему руку, по которой бѣгалъ жучекъ.—Здѣсь ихъ зовутъ «божьи коровки». Ага! остановился...

Жучекъ остановился на мизинцѣ, возлѣ кольца съ большимъ брильянтомъ, словно любуясь его многоцвѣтнымъ блескомъ.

— У вашего жучка душа ювелира,—засмѣялся Эдоардо.— Онъ любуется чистотой воды этого камня.

Морелла засмѣялась и нѣсколько разъ взмахнула рукой; жучекъ расправилъ крылышки и улетѣлъ.

VI.

На обратномъ пути случилось нѣчто непредвидѣнное, показавшее Мореллѣ Эдоардо Фальконаро въ новомъ и странномъ свѣтѣ.

Онъ опять завелъ разговоръ о домѣ; ему не хотѣлось, чтобы молодая женщина думала дурно о Лоренцо и обвиняла его въ томъ, что онъ спекулировалъ стѣсненностью денежныхъ обстоятельствъ Маріано.

— Фриджеріо насильно навязалъ ему этотъ домъ. Лоренцо все время отнѣкивался и, наконецъ, чтобъ отвязаться, предложилъ ему немного больше половины запрошенной суммы; а тотъ сейчасъ же согласился. Что было дѣлать Лоренцо? Подарить ему остальныя пятнадцать тысячъ лиръ? Или взять назадъ свое слово?

— Не надо было даже разговаривать объ этомъ,—строго замѣтила Морелла.—Домъ этотъ не слѣдовало покупать ни за какую цѣну—на это тысяча причинъ.

— Маріано—старый знакомый вашего мужа; можно осуждать человѣка за его поведеніе, но, вѣдь, не говорятъ же ему этого въ глаза и не выгоняютъ его изъ дому только за то, что онъ предлагаетъ вамъ купить.

Онъ вдругъ прервалъ себя:

— Вы слышали? Какъ будто гдѣ-то плачутъ.

— Да, это ребенокъ плачетъ,—отвѣтила, прислушавшись, Морелла.

Эдоардо безпокойно оглядывался.

— Тамъ, на полѣ,—указала молодая женщина рукой въ ту сторону, откуда доносился плачъ.

Не успѣла она договорить, какъ Эдоардо бросилъ ее и помчался къ полю.

Морелла видѣла, какъ онъ нагнулся надъ высокой травой и поднялъ съ земли горько рыдавшаго ребенка.

Морелла нагнала его.

— Онъ порѣзался,—сообщилъ ей Эдоардо.—Посмотрите на его ручку.

Онъ опустился на колѣни, разглядывая правую рученку мальчика, который отъ удивленія, что передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ незнакомый баринъ, вдругъ пересталъ плакать. Ребенокъ несъ какой-то пузырекъ, споткнулся въ травѣ, упалъ и разрѣзалъ себѣ ладонь, изъ которой обильно текла кровь.

— Это Польдо, сынъ нашего работника,—пояснила Морелла.—Не бойся, Польдо; это пустяки.

— Надо бы промыть ранку; она вся забита землей,—говорилъ Эдоардо.

— Идите вонъ по той тропинкѣ; тамъ, подальше, возлѣ дуба, есть источникъ,—сказала Морелла.

И съ удивленіемъ увидѣла, что Эдоардо, не задумываясь взялъ ребенка на руки и почти бѣгомъ понесъ его къ фонтану, при чемъ нѣсколько капель крови запачкали его бѣлыя брюки. Но еще страннѣй показалось Мореллѣ поведеніе ребенка; четырехлѣтній Польдо, угрюмый, нелюдимый, на всѣхъ глядѣвшій исподлобья, къ Эдоардо относился съ явнымъ довѣріемъ, словно къ старому другу.

Молодая женщина нашла обоихъ у источника: Эдоардо осторожно промылъ ранку и перевязалъ ее своимъ платкомъ, веселенькимъ, съ красной каймой, видимо, очень нравившимся мальчику, который глядѣлъ на него съ восхищеніемъ.

— Теперь ступай домой,—сказалъ Эдоардо, положивъ ему руку на плечо.—И платочекъ береги; онъ твой; никому не отдавай его.

На дорогу онъ далъ мальчугану сольдо, и тотъ отошелъ, мелкими шажками, отъ времени до времени оглядываясь, съ явнымъ восторгомъ, на высокаго незнакомаго синьора.

Морелла не знала, какъ скрыть свое изумленіе: хвалить было смѣшно, ничего не сказать невозможно. И она тихо пошутила:

— Съ какихъ поръ вы стали сантиментальны, Фальконаро?

Но Эдоардо оборвалъ ее острымъ, какъ сталь, обжигающимъ взглядомъ, отъ котораго у нея слова застряли въ горлѣ; въ этотъ моментъ передъ нею былъ, дѣйствительно, человѣкъ суровый и рѣшительный, какимъ онъ слылъ.

— Вы не знаете, такъ и не говорите!—бросилъ онъ почти грубо.

VII.

«Вы не знаете!» Эти три слова долго звучали въ душѣ Мореллы—и когда они молча медленно возвращались съ Эдоардо къ виллѣ, и весь остальной день.

Въ тотъ моментъ, когда были сказаны эти слова, женщина заглянула въ сердце мужчины и увидѣла самую глубь его, такъ же отчетливо, какъ видѣла бы что-нибудь, происшедшее на ея глазахъ.

И поняла его тайну.

У Эдоардо былъ сынъ, отъ какой-нибудь любовницы,—можетъ быть, отъ той самой, которая прислала ему письмо сегодня утромъ, надписанное такимъ красивымъ, четкимъ почеркомъ.

Но почему же онъ ни съ кѣмъ не говоритъ объ этомъ ребенкѣ? почему никто и не подозрѣваетъ объ его существованіи? почему онъ не хвастается имъ передъ друзьями, не держитъ его у себя?..—онъ, такой нѣжный, такой неожиданно заботливый, даже о чужихъ дѣтяхъ...

Эти мысли осаждали молодую женщину, но вдуматься и отвѣтить сама на вопросы она не умѣла.

Эдоардо, шедшій съ ней рядомъ, чувствовалъ себя виноватымъ и не зналъ, какъ загладить свою вспышку.

Когда они подошли уже къ оградѣ виллы, онъ вдругъ рѣшился:

— Я долженъ просить у васъ извиненія за мои гадкія слова. Я въ отчаяніи, я искренно раскаиваюсь...

Морелла подняла на него глаза и отвѣтила своимъ бархатнымъ, ласкающимъ голосомъ:

— Въ душѣ я тотчасъ оправдала васъ. Моя вина, что я пошутила такъ некстати, вмѣсто того, чтобъ поблагодарить васъ за то, что вы сдѣлали для этого бѣдняжки.

Она кротко улыбнулась и протянула ему руку, которую тотъ крѣпко сжалъ.

Потомъ Эдоардо пошелъ перемѣнить платье, запачканное кровью маленькаго Польдо; Морелла осталась одна и задумалась о трехъ словахъ.

Почему же, если у Фальконаро есть сынъ,—почему онъ прячетъ отъ всѣхъ этого сына, и почему онъ огорчается, вмѣсто того, чтобъ радоваться? Не разъ, за время ихъ знакомства, Морелла замѣчала, что Фальконаро страдаетъ внезапными приступами меланхоліи, становится разсѣянъ, грустенъ, удрученъ. Если бъ онъ любилъ своего сына, развѣ ребенокъ не былъ бы для него утѣшеніемъ и гордостью?..

Молодая женщина судила по себѣ. Она сама мечтала быть матерью, съ безконечной заботливостью воспитывать своего сына, сосредоточивъ на немъ всю свою гордость и надежды. Замужество не дало ей и этого утѣшенія, единственнаго, на которое она могла разсчитывать. Пять лѣтъ прошло безплодно, и она вынуждена была отказаться отъ надежды, которая въ былые дни заставляла ее вздрагивать отъ радости.

Наканунѣ вечеромъ ея сестра, необдуманно заговоривъ о пріемышѣ, пробудила въ ней всю горечь ея разочарованія, всю тоску ея безплодной никому не нужной жизни. Ей самой не разъ приходило въ голову усыновить чужого ребенка, и она

удерживалась отъ этого только изъ страха плохо выбрать и потомъ раскаяться.

И теперь не могла понять, почему Эдоардо скрываетъ, что у него есть ребенокъ. Ужъ, конечно, не изъ равнодушія, или холодности; эпизодъ съ малюткой Польдо былъ слишкомъ краснорѣчивъ. Она не понимала также, какъ можно не находить жизнь прекрасной, полной и радостной, когда у человѣка есть цѣль, продолженіе самого себѣ въ лицѣ его сына.

Появленіе Эдоардо и возвращеніе изъ Комо Изидоры съ Федерико снова оборвали нить ея размышленій.

День прошелъ весело и, все же, показался нескончаемымъ Мореллѣ, любопытство которой было возбуждено столькими вопросами, оставшимися безъ отвѣта. И она была счастлива, когда могла, наконецъ, уйти въ свою комнату разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ.

Спальня у нея была отдѣльная; ни въ городѣ, ни здѣсь, на дачѣ, она не хотѣла спать вмѣстѣ съ Лоренцо, которому отвели комнату на другомъ концѣ дома.

Въ окна виднѣлся профиль горъ, четко выдѣлявшихся на опаловомъ фонѣ неба, слабо озареннаго луннымъ свѣтомъ; внизу подъ окнами, шумя листами, густыми темными купами стояли деревья, серебрившіяся въ лунномъ свѣтѣ и шумѣвшія при малѣйшемъ дыханьѣ вѣтерка. Въ долинѣ стрекотали цикады; издали, смягченный разстояніемъ, временами доносился глухой лай собакъ на фабрикѣ. Просвѣтъ въ густой массѣ растительности и перламутровый блескъ со стороны заката выдавали зыблющееся зеркало озера.

Морелла присѣла къ окну и задумалась, вглядываясь въ эту мирную и вмѣстѣ грандіозную картину, подставляя лицо теплымъ волнамъ благоуханій, струившихся отъ цвѣтовъ внизу.

Она удивлялась сама себѣ: съ чего это ей пришло въ голову, что у Эдоардо есть сынъ, но снова и снова возвращалась къ этой мысли, увѣренная, что первое впечатлѣніе не обмануло ея. Такой человѣкъ, какъ Фальконаро, способный скорѣй побить, чѣмъ приласкать, не сталъ бы возиться съ незнакомымъ, чужимъ ребенкомъ, если бы привычка имѣть у себя дома ребятъ не научила его цѣнить всю грацію и прелесть дѣтства. Утренній эпизодъ, несомнѣнно, пробудилъ въ немъ болѣе эгоистическое чувство— быть можетъ, воспоминаніе о другомъ ребенкѣ, близкомъ его сердцу.

Морелла достаточно изучила характеръ Фальконаро, чтобъ ей не показалось страннымъ, почти невѣроятнымъ, что онъ со

всѣхъ ногъ кинулся на помощь плачущему ребенку, и еще болѣе страннымъ то, что онъ взялъ его на руки и ухаживалъ за нимъ съ такой заботливостью. Ей вспомнился этотъ гордый лобъ, прорѣзанный длиннымъ рубцомъ, склонившійся надъ дѣтской головкой, такой выцвѣтшей отъ солнца, что волосы на ней казались бѣлыми. И молодая женщина улыбалась въ темнотѣ, мысленно любуясь этой сценкой.

Потомъ опомнилась. Куда дѣвались ненависть, антипатія къ Фальконаро, непріязненное отношеніе къ нему? Изчезли, словно по мановенію волшебнаго жезла. Морелла изумилась и взволновалась. Одного простого, добраго, искренняго жеста было достаточно, чтобы сломить предубѣжденіе, сидѣвшее прочно въ теченіе долгихъ лѣтъ.

— Какъ это глупо!—пробормотала она вслухъ.

Но тотчасъ же ею снова овладѣло желаніе узнать все. Почему Эдоардо не довѣрится кому-нибудь?—т. е., конечно, ей. Но какъ же могъ бы Эдоардо открыться ей, когда, при первомъ же проявленіи доброты съ его стороны, она разсмѣялась ему въ лицо! Надо было сперва внушить ему довѣріе—тогда онъ, можетъ, и заговорилъ бы, потому что такую тайну мужчина скорѣй довѣритъ женщинѣ, чѣмъ другому мужчинѣ, боясь его насмѣшекъ. Тогда онъ непремѣнно пришелъ бы къ ней, когда на него нападетъ тоска...

— И такъ придетъ!—выговорила она громко.

И, поймавъ себя на томъ, что она разговариваетъ вслухъ сама съ собою, тихонько разсмѣялась.

Посидѣла еще немного у окна, глядя на тихія поля и на зыблющуюся листву деревьевъ, дышала воздухомъ, такимъ чистымъ и прозрачнымъ, что онъ казался жидкимъ, потомъ легла въ постель и сладко уснула, довольная тѣмъ, что въ сердцѣ ея нѣтъ больше непріязни къ лучшему и самому искреннему другу ея мужа.

VIII.

Морелла никому ни словомъ не обмолвилась объ утреннемъ приключеніи, но на другой день Изидора таинственно сказала ей:

— Знаешь что: я видѣла, какъ Фальконаро прошелъ огородомъ и вошелъ въ домъ нашего работника.

Морелла, лежавшая въ длинномъ креслѣ, опустила на колѣни книгу, которую держала въ рукахъ, и съ улыбкой посмотрѣла на сестру, сидѣвшую за вышиваніемъ на скамеечкѣ, почти у ея ногъ.

Сестры всегда были очень дружны между собою. Изидора видѣла въ Мореллѣ выдающуюся женщину и любила ее смиренно, почти съ трепетомъ. Миролюбивая, кроткая, послушная, она восхищалась старшей сестрой, рѣшительной и своевольной, зная, что у нея всегда найдетъ защиту. И еще дѣвочкой принимала къ сердцу каждое огорченіе сестры и пугалась ея молчанія.

Морелла въ совершенствѣ умѣла молчать: она страдала молча, осуждала и возмущалась молча. Младшая сестра никогда не видала у нея слезинки на глазахъ, а, между тѣмъ, знала, что Морелла много слезъ пролила, когда, по волѣ семьи, вынуждена была принести въ жертву свою молодость и дѣвственность человѣку, который былъ ей противенъ.

Но ни одного слова досады, ни одной жалобы не сорвалось съ устъ Мореллы ни тогда, ни послѣ; только ея усталые глаза, тревожный блескъ въ нихъ и упорное молчаніе говорили больше словъ, яснѣе жалобъ. За это великолѣпное молчаніе Изидора обожала Мореллу.

Сама она рѣшалась задать себѣ вопросъ, какія чувства она питаетъ къ зятю, боясь сознаться себѣ въ томъ, что она терпѣть его не можетъ; это было единственное, въ чемъ она, хоть и безъ споровъ, расходилась съ своимъ мужемъ Федерико, питавшимъ къ Лоренцо искреннюю привязанность и симпатію.

— И что же ты объ этомъ думаешь?—спросила Морелла, продолжая улыбаться.

— Я... я не знаю,—испуганно пролепетала Изидора.

— Нѣтъ, ты скажи,—повелительно продолжала Морелла.— Скажи мнѣ, какъ ты это объясняешь.

— У нашего работника есть дочка, лѣтъ шестнадцати, очень хорошенькая...

Изидора не договорила и запнулась,—старшая сестра покатилась со смѣху.

— Ты думаешь? Такъ ты рѣшила, что онъ хочетъ соблазнить Аннунціату? Ну, какъ тебѣ могутъ приходить въ голову подобныя нелѣпости! Фальконаро, соблазняющій шестнадцатилѣтнюю крестьяночку, на глазахъ ея отца!.. Нѣтъ, это прямо уморительно.

Изидора сконфузилась, покраснѣла и подняла на сестру молящіе глаза, какъ бы прося не издѣваться надъ ней; но Мореллу забавляла комичность подозрѣнія, и ей хотѣлось насмѣяться вдоволь.

— Что тебѣ говорили о Фальконаро? Что онъ развратникъ, волокита? Я ничего о немъ не знаю, но, во всякомъ случаѣ,

думаю, что онъ можетъ дождаться возвращенія въ городъ и не заводить интрижекъ у насъ на глазахъ. Ты не находишь? Ахъ, ты, простоквашка! какая у тебя богатая фантазія!. Если бъ ужъ ему такъ нужна была женщина, онъ началъ бы ухаживать за мною, или за тобой...

— Можетъ быть, мы ему не нравимся,—наивно замѣтила Изидора.

И снова испугалась неожиданнаго, громкаго смѣха сестры. Потомъ прибавила:

— Или же онъ слишкомъ любитъ Федерико и Лоренцо, чтобъ ухаживать за нами... Не смѣйся такъ: мнѣ непріятно.

Морелла тотчасъ сдержалась и перестала смѣяться.

— Ты права. Я, вообще, не питаю большого почтенія къ твоимъ открытіямъ, но *это* показалось мнѣ поистинѣ необычайнымъ. Фальконаро пріѣхалъ въ субботу; сегодня у насъ вторникъ, и онъ уже затѣялъ обольщеніе крестьяночки. Ну, придется же ему поторопиться, такъ какъ въ будущій понедѣльникъ онъ уѣзжаетъ...

— Хорошо,—возразила Изидора, недовольная шутками сестры,—но тогда зачѣмъ же онъ ходилъ къ работнику?

— Не знаю. Мнѣ-то что за дѣло? Но почему ты, не имѣя понятія о цѣли его посѣщенія, сразу предположила худшее, вотъ это кажется мнѣ страннымъ...—вообще, ты очень довѣрчива... Можетъ быть, тебѣ антипатиченъ Фальконаро?

Сестры, какъ всегда, проводили самые жаркіе часы дня на дворикѣ, всегда прохладномъ. Обѣ были сегодня въ голубомъ, Изидора пухленькая, бѣлая, съ черными, какъ смоль, волосами; Морелла худощавая блондинка, съ бронзовымъ лицомъ. Въ нихъ трудно было бы признать сестеръ, если бъ не одинаковый цвѣтъ глазъ, или нѣкоторые жесты, позы, интонаціи голоса, почти одинаковыя у обѣихъ, обличавшія одинаковость происхожденія и кровное родство.

Прежде, чѣмъ продолжать разговоръ, Морелла освѣдомилась:

— Его нѣтъ?

— Онъ уѣхалъ съ Федерико. Они взяли маленькую бричку и поѣхали въ Комо.

— Итакъ,—продолжала допытываться Морелла,—Фальконаро тебѣ антипатиченъ?

Изидора выпрямилась, пожала плечами и улыбнулась.

— Не знаю,—отвѣтила она, подумавъ.—Я, кажется, боюсь его. А ты—не боишься его?

Захваченная врасплохъ неожиданнымъ вопросомъ, Морелла

покачала головой, но, почувствовавъ, что краснѣетъ, разсердилась на себя и поспѣшила отвѣтить:

— Боюсь ли я? Чего же ради мнѣ его бояться?.. Фальконаро—другъ нашъ, можетъ быть, единственный искренній другъ, какой у насъ есть—было бы странно, если бъ я его боялась. И, вообще, какъ можно бояться человѣка? Чего же опасаться? Что онъ убьетъ насъ, что ли?..

— Да нѣтъ же. Я не про такой страхъ говорю... Ну, вотъ я, напримѣръ, боюсь, что, если когда-нибудь Фальконаро станетъ врагомъ Лоренцо, онъ можетъ разорить его въ двадцать четыре часа... Я въ этомъ смыслѣ и говорила: онъ слишкомъ сильный, слишкомъ энергичный...

Морелла перебила ее на полусловѣ:

— Ты съ ума сошла. Это не ты придумала: это мысль, подсказанная тебѣ Федерико. Но ты и мужъ твой не знаете Фальконаро: онъ прежде всего джентльменъ, благородный человѣкъ... Никогда онъ не станетъ врагомъ Лоренцо и, если даже допустить эту нелѣпость, никогда бы онъ не воспользовался своей силой, чтобы разорить его. Да и какъ онъ могъ бы это сдѣлать? Лоренцо богатъ—не можетъ же Фальконаро прокутить его наслѣдство... Нѣтъ, вы не знаете его—онъ порядочный человѣкъ... Вѣдь, если бы то, что ты говоришь, было правдой, тогда, значитъ, мы были бы въ рукахъ у него, онъ могъ бы сдѣлать съ нами что угодно, и Лоренцо принужденъ былъ бы во всемъ ему повиноваться... и, если бъ онъ захотѣлъ меня, Лоренцо долженъ былъ бы отдать меня ему... Словомъ, у себя въ домѣ мы имѣли бы надъ собой деспота и господина... Ахъ, нѣтъ! вы мало знаете его... Онъ способенъ на такую деликатность чувства...

Опершись руками на колѣни и подбородкомъ на ладони, Изидора не столько смотрѣла на сестру, сколько изучала ея лицо, вглядываясь въ каждую черту, дивясь тому, съ какой горячностью, какъ страстно Морелла говорила и защищала друга. Никогда еще она не видала старшей сестры въ такомъ волненіи и сама взволновалась этимъ.

Морелла, замѣтивъ производимое ею впечатлѣніе, оборвала фразу въ самомъ началѣ, улеглась, какъ прежде, и закончила:

— Не будь такой трусихой, простоквашка.

Изидора не подала реплики. Она снова нагнулась надъ своимъ вышиваньемъ, а Морелла надъ книгой, держа ее такъ, чтобъ она закрывала ей лицо.

— Съ чего это я такъ вступилась за него?—спрашивала она самое себя.—Какое мнѣ дѣло до того, что о немъ думаютъ?

— А, вѣдь, ты не договорила,—начала вдругъ Изидора.—Ты сказала, что Фальконаро способенъ на такую деликатность чувства... И не докончила... Въ чемъ дѣло, Мора? Ты не можешь разсказать мнѣ.

Мора! Этимъ уменьшительнымъ она называла сестру въ минуты наибольшей нѣжности, когда ласкалась къ ней, выпрашивая какую-нибудь особенную милость. Это слово она выговорила особенно ласково, нѣжно заглядывая въ глаза сестрѣ. Но та ужъ овладѣла собой, снова опустила на колѣни книгу и отвѣтила, шутя:

— Такихъ вещей нельзя разсказывать маленькимъ дѣвочкамъ.

Обѣ смолкли; каждая вернулась къ своему занятію, и разговоръ не возобновлялся до тѣхъ поръ, пока на улицѣ не зазвенѣли бубенцы и не заскрипѣли колеса по гравію.

— Пріѣхали!—сказала Изидора, вскакивая на ноги.

И, подъ палящимъ солнцемъ, пошла встрѣчать пріѣхавшихъ. Морелла шла за нею.

Изъ коляски вышли Федерико и Эдоардо, послѣдній съ тремя пакетами въ рукахъ.

— Что за безуміе!—замѣтила Морелла.—Въ такую жару ѣхать въ Комо. Не могли вы подождать до вечера?

Всѣ четверо вошли во дворикъ, и Фальконаро поднесъ дамамъ по коробкѣ конфетъ: Мореллѣ голубую, Изидорѣ пунцовую. Обѣ благодарили, улыбаясь.

— А это мнѣ!—объявилъ Федерико.

И потянулся за третьимъ пакетомъ, который Фальконаро еще держалъ въ рукахъ.

— Держу пари на что угодно: ни одна изъ васъ не угадаетъ, что въ этомъ пакетѣ.

— У, какіе! Вѣчно заставляютъ угадывать!—вскричала Изидора.

— Все равно, не угадаете. Лучше ужъ я такъ покажу,—сказалъ Эдоардо.

Развернулъ коробку и вынулъ изъ нея бѣлую деревянную лошадку, съ шелковой гривой и хвостомъ, на подставкѣ съ четырьмя колесиками.

Изидора помирала со смѣху, глядя на этого серьезнаго мужчину, который медленно возилъ лошадку, мотавшую головой при каждомъ движеніи.

— О, Господи!—см[illegible] Изидора.—Ну, хорошо, что вы сказали. Я бы ни за что не угадала и проиграла бы пари. Мало вамъ живыхъ лошадей, Фальконаро?

Морелла стояла, серьезная, снова захваченная любопытствомъ и снова изумленная нѣжной заботливостью Эдоардо объ этомъ ребенкѣ. Замѣтивъ, что сестра смѣется, она нагнулась къ ней и шопотомъ спросила:

— Ты думаешь, это онъ—чтобы соблазнить Аннунціату?

Изидора еще звончѣй расхохоталась. Но Эдоардо невозмутимо повернулся къ Мореллѣ:

— Хотите пойти туда со мною вечеромъ?—Сдѣлать счастливымъ маленькаго человѣка?

— Пойду,—пообѣщала молодая женщина.—Только смотрите, вы избалуете его: подарокъ слишкомъ для него хорошъ...

IX.

Сейчасъ же послѣ обѣда они пошли разыскивать Польдо.

Федерико, видя, что они уходятъ, поворчалъ немного, прося ихъ не замѣшкиваться, не заблудиться какъ-нибудь въ саду, или въ огородѣ, Изидора улыбалась. Эдоардо и Морелла отвѣчали шутками; на душѣ у нихъ было спокойно, сердца чужды всякихъ тревогъ.

Солнце спускалось все ниже на трагическомъ небѣ, прорѣзанномъ большими полосами сѣраго и пурпура; на этомъ фонѣ четко вырисовывались очертанія деревьевъ.

На закатѣ поднялся легкій вѣтерокъ, пріятно освѣжавшій; по временамъ доносилось звяканье колокольчиковъ, возвѣщавшее возвращеніе стадъ, которыя, покинувъ пастбища, лѣниво брели обратно въ свои стойла.

Молодая женщина шла немного впереди Эдоардо; оба больше склонны были слушать, чѣмъ бесѣдовать; оба были задумчивы и нѣсколько грустны.

Фальконаро смотрѣлъ, но чистымъ взглядомъ, на стройное, словно вибрирующее тѣло Мореллы; она смотрѣла впередъ, любуясь четкимъ узоромъ листьевъ и вѣтвей на безпредѣльномъ сводѣ неба.

— Какая красота!—воскликнула она, указывая Фальконаро на рядъ кудрявыхъ бѣлыхъ облаковъ на розоватомъ фонѣ.

— Какъ вы думаете, гдѣ мальчикъ?—спросилъ тотъ, поровнявшись съ Мореллой.—Гдѣ его искать—дома, что ли?

— Вѣдь вы знаете, гдѣ ег[illegible] Вы уже были у него.

— Да, заходилъ разъ, справиться объ его здоровьѣ. Ручка уже зажила, а къ фартучку у него былъ приколотъ мой платокъ, весь окровавленный, но Польдо низачто и никому не хотѣлъ отдать его, вѣрный уговору. Чтобъ убѣдить его отдать выстирать этотъ платокъ, я обѣщалъ ему купить лошадку и сегодня вечеромъ принести,—такъ что надо было сдержать слово.

— Дѣти, должно быть, очень слушаются васъ,—замѣтила Морелла, говоря какъ бы сама съ собой.

Эдоардо не отвѣтилъ, и молодая женщина почувствовала, что настаивать безполезно.

Они шли садомъ и еще не добрались до тропинки, ведшей въ огородъ, какъ въ концѣ аллеи показалась маленькая фигурка, приближавшаяся медленно, нерѣшительно, поминутно останавливаясь.

— Это онъ!—воскликнулъ Эдоардо.

Мальчуганъ увидѣлъ его и кинулся ему навстрѣчу.

— Что ты тутъ дѣлалъ?—спрашивалъ его Фальконаро.— Кого искалъ?

Мальчишка молчалъ, какъ убитый; засунувъ палецъ въ ротъ, онъ косился на барыню, на Мореллу.

— Ты пришелъ за лошадкой?—допытывался Эдоардо.

Польдо утвердительно кивнулъ головкой.

— Вотъ она, твоя лошадка,—Эдоардо передалъ ему игрушку.—Нравится тебѣ? Смотри, какая длинная грива.

Польдо схватилъ лошадку обѣими руками, разинувъ ротъ отъ радости и удивленія, поставилъ на землю, сѣлъ съ ней рядомъ, долго гладилъ ее, потомъ сталъ возить и совершенно позабылъ объ Эдоардо, объ Мореллѣ и обо всемъ мірѣ—томъ крохотномъ мірѣ, который былъ ему извѣстенъ.

Возлѣ клумбы съ цвѣтущими амарантами и бегоніями была широкая скамья со спинкой; Морелла присѣла на нее, Эдоардо сѣлъ съ ней рядомъ, и оба нѣкоторое время слѣдили за играми Польдо.

— Никому изъ тѣхъ, кто знаетъ васъ,—неожиданно начала Морелла,—не пришло бы въ голову, что вы такъ любите дѣтей. Я думала, вы терпѣть ихъ не можете, или, по крайней мѣрѣ, равнодушны къ нимъ.

— Это такъ и было,—отвѣтилъ Эдоардо.—Но...

Молодая женщина не рѣшилась спросить: что «но»... Она поняла, что, если заглянуть ему въ глаза и показать, что ждешь

отвѣта, онъ снова не поддастся порыву искренности, охватившему его въ этотъ часъ таинственной вечерней тишины и сладкой грусти.

Ей показалось, что сердце ея перестало биться, когда Эдоардо, увлекаемый неудержимой потребностью высказаться, прибавилъ:

— У меня у самого былъ ребенокъ...

Наступила долгая пауза. Потомъ Морелла медленно выговорила:

— Я это знала.

Эдоардо изумленно повернулся къ ней, чтобъ посмотрѣть, не шутитъ ли она, но Морелла сидѣла, по-прежнему не поднимая глазъ, и онъ переспросилъ:

— Вы знали? Давно ли? Отъ кого?

— Отъ васъ самихъ, съ тѣхъ поръ, какъ вы взяли на руки Польдо.

— Это правда... Женщина должна была понять меня.

Морелла ждала, недвижная, почти цѣпенѣя отъ тревоги, все не рѣшаясь взглянуть ему въ глаза. Нѣтъ, она ничего не скажетъ, не станетъ приставать къ нему съ разспросами — пусть его признаніе будетъ добровольнымъ, искреннимъ и полнымъ, вылившимся изъ души.

— Гопъ!.. Гопъ!..—кричалъ Польдо, бѣгая взадъ и впередъ по аллеѣ и таща за собой игрушечную лошадь, колеса которой скрипѣли по гравію.—Гопъ! Гопъ!..

X.

Онъ повторилъ:

— У меня тоже былъ ребенокъ—мальчикъ. И какой красавецъ!..

Дрожь пробѣжала по спинѣ Мореллы. По тону Эдоардо она поняла, что этого ребенка уже нѣтъ на свѣтѣ, что онъ умеръ. И изъ жалости спросила:

— Вы никогда ни съ кѣмъ не говорили о немъ?

— У меня нѣтъ друзей,— отчетливо прозвучалъ отвѣтъ.

— А Лоренцо?—спросила удивленная Морелла.

Фальконаро колебался: но теперь не время было прибѣгать къ уверткамъ или играть словами. И онъ отвѣтилъ искренно:

— Не думаю, чтобы Лоренцо способенъ былъ понять такія вещи. Я не виню его: у него нѣтъ дѣтей. Пока у меня не было моего мальчика, я тоже былъ къ нимъ равнодушенъ, какъ Лоренцо.

Если бъ въ сердце Мореллы воткнули острый ножъ, оно не облилось бы кровью больше, чѣмъ сейчасъ.

Все кричало въ ней: «Это правда, правда! Лоренцо не можетъ этого понять: у него нѣтъ дѣтей. Ты не дала ему ребенка—ты сама не знаешь, что значатъ въ жизни дѣти, какая это радость».

Она опустила голову на грудь и закрыла глаза, чтобы скрыть свою муку, но Эдоардо продолжалъ:

— Женщина—да. Только женщина и можетъ угадать. Вы, вотъ, угадали.

Морелла подняла голову и порывисто заговорила:

— Да, да, я угадала. Это было такъ ново въ васъ, такъ неожиданно для меня, что я растерялась, какъ будто вы довѣрили мнѣ всѣ свои мысли. Ваше умѣнье приручить ребенка, то, какъ вы промывали ранку, показало мнѣ, что вы привыкли обращаться съ дѣтьми, и я поняла, что вы думали въ это время о другомъ ребенкѣ, далекомъ...

— Да, далекомъ,—задумчиво повторилъ Эдоардо.—Очень далекомъ—слишкомъ далекомъ...

Они пугливо посмотрѣли другъ на друга. Оба были, какъ въ бреду; оба вдругъ почувствовали, что невидимая рука сближаетъ ихъ, словно хочетъ бросить ихъ въ объятія другъ другу. Движимыя однимъ и тѣмъ же чувствомъ сожалѣнія—женщина: о томъ, что было и чего ужъ нѣтъ—ихъ души и тѣла влеклись одно къ другому, жаждали слиться въ пылкомъ, оплодотворяющемъ объятіи.

Эдоардо пристально смотрѣлъ на дрожащія губы своей поблѣднѣвшей сосѣдки; Морелла испуганно вздрогнула и крикнула:

— Польдо! Польдо, поди сюда!

— Гопъ! Гопъ! Гопъ!—кричалъ въ отвѣтъ ребенокъ.

Но, все же, прибѣжалъ на зовъ барыни.

— Оставайся здѣсь,—приказала ему Морелла.—Сядь вотъ здѣсь, на землю, возлѣ меня и играй тутъ, не уходи.

Потомъ, съ слабой улыбкой повернулась къ Эдоардо, какъ бы объясняя:

— Онъ никогда не былъ здѣсь въ саду—онъ можетъ заблудиться.

Мальчуганъ повиновался. Онъ сѣлъ на землю и нѣкоторое время сидѣлъ угрюмый, хмурый, потомъ рѣшилъ, что дуться глупо, когда у васъ есть такая чудесная лошадь, и снова принялся играть у ногъ Мореллы, бѣгая взадъ и впередъ съ лошадкой, заставляя ее прыгать и раскачиваться.

Мимолетное безуміе разсѣялось. Морелла, еще нѣсколько взволнованная, продолжала:

— Вы знаете, что у Польдо есть сестра? Видѣли вы ее, когда навѣщали мальчика?

— Сестра?—вздрогнувъ, повторилъ Фальконаро.—Нѣтъ, я не зналъ. Почему вы спросили?

Молодая женщина тихонько засмѣялась.

— Потому, что Изидора думала, что вы ходите туда ухаживать за дѣвушкой—ей шестнадцать лѣтъ, и она прехорошенькая.

— Это странно!—усмѣхнувшись, воскликнулъ Эдоардо.— Развѣ у меня такая дурная репутація?

— Нѣтъ, но Изидора не могла, разумѣется, угадать истины и высказала первое, что ей пришло въ голову.

— И вы разубѣдили ее?

— Конечно.

— Разсказали ей?..

— Ничего я ей не разсказала; просто сказала, что она ошибается, а Дора знаетъ, что я никогда не лгу.

Послѣднія слова она выговорила рѣзко, почти надменно— красиво, когда человѣкъ можетъ сказать, что онъ никогда не лжетъ.

Пурпурныя полосы на небѣ исчезли; черныя тучи заволокли небо; въ воздухѣ сразу потемнѣло; долину и горы окутала тѣнь, отбрасываемая тучами. Эдоардо и Морелла не замѣтили, какъ измѣнилась погода, и лишь первый раскатъ грома предупредилъ ихъ, что надвигается ненастье.

— Надо итти, сказала молодая женщина.—Будетъ гроза.

И указала на темное небо, въ которомъ нѣсколько бѣлыхъ кудрявыхъ облачковъ предвѣщали дождь съ градомъ.

— Сперва,—предложила она,—отведемъ домой Польдо, чтобъ онъ не напугался.

— Я самъ отведу его,—возразилъ Эдоардо,—а вы бѣгите поскорѣй домой.

— Нѣтъ. Я пойду съ вами.

Эдоардо поднялъ съ земли игрушку, взялъ за руку мальчика, а Морелла за другую ручку, и всѣ трое почти бѣгомъ направились черезъ огородъ къ дому Польдо. Когда они вернулись, вѣтеръ ужъ разгулялся во-всю и со свистомъ, какъ тростникъ, пригибалъ къ землѣ молодыя деревья.

Тяжело упали первыя крупныя капли дождя, и тотчасъ хлынулъ настоящій ливень.

Морелла была безъ корсета, и прозрачная батистовая блузка, намокнувъ, обрисовала ея бюстъ съ такой отчетливостью линій, что молодая женщина, стянутая въ таліи чернымъ поясомъ, казалась до пояса голой.

Вскорѣ затѣмъ зашумѣлъ градъ по листьямъ, засверкали зеленоватыя молніи, слѣпившія глаза, озарявшія фантастическимъ свѣтомъ садъ, деревья, корежившіяся подъ вѣтромъ и дождемъ, и горы вдали—всю эту картину ужаса и безпорядка, между тѣмъ, какъ съ верхушекъ деревьевъ облетали листья, сорванные ураганомъ.

— Боитесь?—спросилъ Эдоардо.

— Нѣтъ, съ вами мнѣ не страшно,—отвѣтила Морелла.

Эдоардо хотѣлъ возразить: «Но, вѣдь, я не управляю громами,» но сдержался и только усмѣхнулся, увидавъ бѣжавшаго имъ навстрѣчу Федерико, съ двумя большими дождевыми зонтиками. Онъ былъ смѣшонъ, бѣдняга, весь красный, встревоженный, запыхавшійся, промокшій насквозь, такъ какъ, въ порывѣ великодушной заботливости о другихъ, самъ онъ позабылъ захватить зонтикъ.

О немъ подумалъ Эдоардо, который тотчасъ отдалъ одинъ зонтикъ дамѣ, самъ же съ Федерико укрылся подъ другимъ.

— Вотъ сумасшедшіе! Ахъ, сумасшедшіе!—ворчалъ Федерико, едва поспѣвая за Фальконаро.—Какъ же это вы не замѣтили, что надвигается гроза? Гдѣ вы были?

— Ты меня такъ смѣшишь, что я итти не могу,—вскричала молодая женщина—ворчанье зятя казалось ей необычайно комичнымъ.

— Смѣйся! Смѣйся!—сердито ворчалъ Федерико.—Вы что же, раствориться въ водѣ хотѣли, что ли? Вотъ вамъ, для примѣра, громъ—вамъ это нравится?

Сверкнула слѣпящая, кроваваго цвѣта молнія и тотчасъ вслѣдъ за нею, совсѣмъ близко, грянулъ громъ, долго перекатывавшійся съ горы на гору, изъ долины въ долину.

— Вотъ вамъ и другой!—воскликнулъ Эдоардо.

— Вотъ вамъ и третій, для примѣра!—со смѣхомъ вскричала Морелла.

Ударъ слѣдовалъ за ударомъ съ необычайной быстротой, молніи яркими зигзагами бороздили небо.

Морелла сама дивилась своему спокойствію; присутствіе Эдоардо вливало въ нее небывалую, совсѣмъ несвойственную ей отвагу, какъ будто онъ могъ предотвратить опасность, грозившую имъ отъ этихъ оглушительныхъ ударовъ, отъ которыхъ дрожало все окрестъ.

Но вотъ, наконецъ, и вилла.

Морелла первая шагнула за порогъ, посмотрѣла на себя и вся зардѣлась.

Мокрая блузка четко обрисовывала ея стройный станъ, и молодая женщина подумала, что Эдоардо видѣлъ ее такъ, трепетной, полунагой. И, вдругъ испугавшись, побѣжала одѣваться.

— Поди ты къ Изидорѣ!—кричалъ вслѣдъ ей шуринъ.— Она такъ испугалась за тебя. Поди успокой ее.

По корридору перваго этажа звонко пронесся голосъ Мореллы:

— Дора! Дора! я здѣсь, я жива и невредима... Дора! ты только посмотри на меня!..

XI.

Съ этого вечера, всѣ немногіе остальные дни, которые Эдоардо провелъ на виллѣ, онъ и Морелла старательно избѣгали другъ друга. Оба понимали, что признаніе, неудержимо вырвавшееся изъ сердца Эдоардо и прерванное внезапнымъ испугомъ обоихъ, осталось недосказаннымъ, и оба отдаляли поводъ къ новымъ изліяніямъ.

Словно по взаимному нѣмому уговору, оба, очень искусно, устраивали такъ, что съ ними всегда былъ Федерико, или Изидора, или тотъ и другая вмѣстѣ. Ни одному изъ нихъ не приходило въ голову, что это старательное избѣганіе встрѣчъ наединѣ само по себѣ показываетъ, что оба уже захвачены; и въ часы уединенія, когда человѣкъ перебираетъ въ памяти событія пережитаго дня и планируетъ свой слѣдующій день, каждый изъ нихъ помнилъ только этотъ интимный разговоръ и придумывалъ только, какъ бы устроить такъ, чтобы не продолжать его.

Оба вздохнули свободнѣе, когда пріѣхалъ Лоренцо.

Онъ явился на виллу въ субботу, ровно въ полдень, расфранченный. Онъ былъ такой же, какъ всегда, но Мореллѣ онъ показался болѣе обыкновеннаго крикливымъ, шумнымъ и вульгарнымъ. Его шутки нагоняли на нее тоску; его привычка называть ее вульгарными ласкательными: «моя женушка», «цыпочка», «моя блондиночка» раздражала ее нестерпимо, и каждый разъ, какъ мужъ обращался къ ней съ такимъ словечкомъ, она взглядывала на Эдоардо, силясь разгадать выраженіе его лица.

Но лицо Эдоардо оставалось безстрастнымъ и непроницаемымъ; порой онъ даже улыбался, какъ бы одобряя эту фамильярность, говорившую о самодовольствѣ самца, сумѣвшаго найти себѣ «такую вкусную бабенку». Превосходно владѣющій собой, презирая всякія изліянія, несклонный близко сходиться съ людьми

и, вообще, ихъ мало уважающій, Эдоардо Фальконаро еще въ юности выработалъ себѣ маску, которая съ годами все болѣе и болѣе совершенствовалась, подъ вліяніемъ разочарованій, наслажденій, кризисовъ его дѣловой жизни, трудности непрерывной борьбы и утраты вѣры въ людей.

Рѣдко кому удавалось подмѣтить отпечатокъ чувства на его лицѣ и тѣмъ болѣе разгадать его значеніе: терпѣливый, вѣжливый, безупречный во всемъ, что относилось къ формѣ, образованный, такъ какъ раньше, чѣмъ заняться биржевыми спекуляціями и записаться въ число биржевыхъ агентовъ, онъ кончилъ курсъ классическихъ наукъ и вышелъ кандидатомъ правъ, Эдоардо Фальконаро только снисходилъ къ людямъ, но не дружился съ ними.

Онъ былъ непреклоненъ. Его «да» и «нѣтъ» нельзя было заставить взять назадъ никакими мольбами и угрозами; и эта упорная энергія нажила ему массу враговъ, которые прятались во мракѣ, выжидая случая навалиться на него.

Самъ изумленный тѣмъ, что онъ не совладалъ съ собой и разоткровенничался съ женщиной, да еще такъ скоропалительно, онъ рѣшилъ на будущее время остерегаться ея, предчувствуя, что въ этой драмѣ, едва намѣтившейся смутнымъ абрисомъ, даже его стальная воля, пожалуй, можетъ спасовать.

Поэтому онъ безстрастно слушалъ комплименты, расточаемые его пріятелемъ Мореллѣ, и словно не замѣтилъ, что Лоренцо протянулъ руку, чтобы потрепать по щекѣ жену, а та вдругъ рѣзко отодвинулась.

— Oh là-là!—засмѣялся Лоренцо.—Какая недотрога! Какъ будто Эдоардо не знаетъ, что ты—моя блондиночка.

Если бъ мужъ сорвалъ съ нея платье и показалъ всѣмъ ея наготу, молодая женщина не почувствовала бы такой острой боли, но Лоренцо этого не понялъ и, повернувшись къ Эдоардо, завелъ рѣчь о дѣлахъ, передавая ему вкратцѣ событія недѣли.

Когда Лоренцо кончилъ, другъ его, точно вскользь, замѣтилъ:

— Послѣзавтра я вернусь въ Миланъ, пробуду тамъ нѣсколько дней, чтобъ устроить дѣла, а затѣмъ поѣду путешествовать.

— Путешествовать?—повторила Морелла.

— Да. Хочу побывать на Сѣверѣ. Пробуду въ отсутствіи, должно быть, нѣсколько мѣсяцевъ.

— Поѣзжайте въ Норвегію,—посовѣтовалъ Федерико.—Норвегію стоитъ посмотрѣть: три года тому назадъ я былъ тамъ и...

— Мнѣ это совсѣмъ не нравится,—прервалъ его Лоренцо.—Теперь, когда у меня собственный фехтовальный залъ, я думалъ, ты будешь чаще приходить ко мнѣ. И Пино Монти ждетъ тебя. Какія у меня шпаги и рапиры новыя!—прямо пальчики оближешь; но ты, если хочешь, можешь захватить свои. А «колоколъ» я все-таки оставилъ...

Эдоардо улыбнулся. «Колоколъ» была большая тяжелая маска для упражненій въ фехтованьи, которую Лоренцо предпочиталъ всѣмъ прочимъ.

— Мы привыкаемъ къ своему оружію, какъ попъ къ своему требнику,—продолжалъ Лоренцо.—Кстати о попахъ—мнѣ давеча разсказывали одну исторійку—я тебѣ говорю: пальчики оближешь...

Предвидя, что мужъ ея опять разскажетъ сальный анекдотъ, Морелла поднялась и вышла.

Велѣла горничной принести себѣ зонтикъ, шелковую подушечку и отправилась гулять въ поля...

Невдалекѣ отъ виллы ей встрѣтился Польдо, игравшій со своей лошадкой на самомъ припекѣ.

— Пойдемъ со мною, Польдо!—позвала она.

Морелла, барыня, синьора, внушала мальчику невыразимый страхъ. Онъ недоумѣвалъ, съ чего это она, никогда прежде не интересовавшаяся имъ, теперь вдругъ говоритъ съ нимъ, и такъ ласково. Головенка у него была совсѣмъ круглая, гладко остриженная, покрытая только пушкомъ, такимъ свѣтлымъ, что онъ казался бѣлымъ; на загорѣломъ личикѣ сіяли голубые, совсѣмъ небесные глаза; на немъ было красное ситцевое платьице, къ груди приколотъ булавкой платочекъ Эдоардо, тщательно вымытый и выглаженный его матерью.

Польдо взялъ на руки лошадку и босыми ноженками молча засѣменилъ вслѣдъ за Мореллой. Но синьора шла такъ быстро, что ребенокъ не поспѣвалъ за нею и, чтобъ не отстать, просто бѣжалъ за ней, какъ собаченка.

Едва они дошли до рощи, бросавшей прохладную тѣнь на зелень луга, какъ Морелла выбрала себѣ мѣстечко подъ каштаномъ и улеглась, подложивъ подъ голову подушечку и оставивъ зонтикъ раскрытымъ на землѣ. Замѣтивъ мальчика, который стоялъ возлѣ нея, какъ бы въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, она слегка улыбнулась ему и сказала:

— А ты составь мнѣ компанію.

Мальчуганъ вытаращилъ на нее глаза, силясь понять, и

это явное усердіе на дѣтскомъ личикѣ было такъ уморительно, что Морелла невольно разсмѣялась.

— Ступай, ступай играть... Поиграй съ своей лошадкой.

Польдо подождалъ еще немного, но, видя, что барыня не обращаетъ на него вниманія и, лежа на травѣ, съ подушечкой подъ головой, смотритъ на небо, снова занялся игрушкой. А барыня тѣмъ временемъ глубоко задумалась.

Она думала не столько о предстоящемъ отъѣздѣ Эдоардо, сколько о томъ, что ждетъ ее самое по возвращеніи въ городъ, о жизни въ новомъ домѣ и въ плебейской части города.

Съ тѣхъ поръ, какъ Эдоардо заговорилъ съ нею о себѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она сама заговорила съ нимъ о дѣтяхъ, ея тоска по ребенкѣ обострилась. Унылая, пустая жизнь въ несимпатичномъ домѣ, гдѣ не слышно дѣтскаго смѣха и не мелькаютъ кудрявыя головки, представилась ей такъ рельефно. Возвращаться въ Миланъ—для чего? Для кого?..

Мужа она видала только за завтракомъ и за обѣдомъ; тѣ вечера, которые онъ изрѣдка ей посвящалъ, онъ теперь будетъ проводить почти цѣликомъ въ своей фехтовальной залѣ.

А она, какъ прежде, будетъ выѣзжать, дѣлать визиты, читать безъ устали, разговаривать о вещахъ, не интересныхъ для нея, и дѣлать видъ, будто она ими интересуется—и, среди этой ужасающей пустоты, медленно стариться, пока наступитъ день, когда для нея станетъ неприлично даже одѣваться элегантно иначе, какъ въ черное—и другой день, когда она заболѣетъ и умретъ, безъ дѣтей и внуковъ у ея изголовья.

Въ отчаяніи она заломила руки, шепча:

— Боже мой! Боже! Какой ужасъ!..

Но, замѣтивъ, что Польдо, вытянувъ шейку, съ безпокойствомъ смотритъ на нее, тотчасъ сдержалась, бросивъ ему:

— Играй, играй. Не смотри на меня.

Въ душу ея запало желаніе имѣть ребенка и засѣло крѣпко, терзая ее мучительной болью. Она такъ ясно представляла себѣ этого ребенка—мальчика, смуглаго, съ сѣрыми глазами и свѣтлыми волосиками.

Почему съ сѣрыми глазами? У нея глаза были цвѣта овса; у Лоренцо — маленькіе, черные; сѣрые глаза были у Эдоардо Фальконаро. Она не скрывала отъ себя: эти сѣрые глаза на смугломъ лицѣ были удивительно красивы, а у ея мальчика были бы еще длинныя рѣсницы, затѣнявшія ихъ блескъ.

И она вполголоса, съ безстыдствомъ, отъ котораго она крас-

нѣла и вмѣстѣ наслаждалась, сказала себѣ, что у нея и Эдоардо, именно у нихъ двоихъ, сынъ былъ бы красавецъ.

Молодая женщина провела рукой по лбу, сама ошеломленная дерзостью этой мысли, но отогнать ея не могла; невольно она сопоставляла свои собственныя физическія особенности съ физическими особенностями Эдоардо, слившіяся въ ребенкѣ, скрашенныя дѣтской граціей — получался очаровательнѣйшій образъ... Ей было пріятно также, если бъ сынъ ея унаслѣдовалъ нравственныя качества Эдоардо, смягченныя ея разумнымъ и кроткимъ вліяніемъ.

И она замечталась о томъ, какъ бы она воспитывала сына, какъ бы заполнила свою жизнь этой заботой, какъ учила бы его читать, писать; какъ бы онъ потомъ поступилъ въ лицей, потомъ въ университетъ, кончилъ лауреатомъ... потомъ увидѣла себя старушкой, съ серебряными волосами и возлѣ себя статнаго юношу, честнаго и пылкаго — своего сына... Смуглаго лицомъ, бѣлокураго, съ сѣрыми глазами и стальнымъ взглядомъ...

И снова, вздрогнувъ, заломила руки.

— Онъ хорошо, хорошо дѣлаетъ, что уѣзжаетъ.

Вскочила на ноги, подняла зонтикъ и подушечку, кликнула Польдо, — посмотрѣла на него съ улыбкой.

— Ну, пойдемъ. Пора тебѣ домой, а то мама твоя будетъ искать тебя, чтобы накормить кашкой.

Польдо удивился, что барыня не то говоритъ, и счелъ долгомъ поправить:

— Мама меня не кормитъ кашей.

— А кто же тебя кормитъ?

— Нунціата.

— А я и не знала. Ну, такъ Нунціата — Нунціата, которая кормитъ тебя кашей, будетъ искать тебя. Идемъ.

Онъ снова побѣжалъ за нею, какъ робкая и преданная маленькая собачка, и, слыша за собою топотъ его босыхъ ножекъ, Морелла думала о томъ, что вотъ его мать, навѣрное, завидуетъ ей, ея богатству и роскоши, окружающей ее, а на самомъ дѣлѣ, сама она болѣе достойна зависти: у нея есть все: кусокъ земли, которымъ она кормится, мужъ, подходящій къ ней, который любитъ ее, и двое дѣтей: эта самая Нунціата, шестнадцатилѣтняя красоточка, такая чистенькая и хорошенькая, и мальчишка, Польдо...

Ей казалось, что завидовать женѣ своего батрака — это ужъ послѣдняя степень нравственнаго убожества, и двѣ горячихъ слезы скатились по ея щекамъ.

XII.

Лоренцо дождался въ этотъ вечеръ, пока хозяева ушли къ себѣ, потомъ поднялся въ первый этажъ и тихонько постучался въ дверь Мореллы.

— Войдите! — послышалось оттуда.

Комната была въ стилѣ Второй Имперіи, обитая блѣдно-зелеными обоями, освѣщенная затѣненными электрическими лампочками; кровать — широкая и низкая, съ бронзовыми украшеніями, такими же точно, какъ на креслахъ и вдоль панелей на стѣнахъ. Одно окно выходило на поле и на долину, другое — въ садъ; оба были открыты, и въ нихъ неслись ночныя благоуханія умиравшихъ розъ.

Морелла переодѣлась въ легкій синій пеньюаръ съ широкими рукавами, вышитый золотомъ и застегнутый одной лишь пряжкой на груди. Не вставая съ кресла, она посмотрѣла на Лоренцо, одѣтаго съ ногъ до головы въ бѣлое, и, можетъ быть, по контрасту съ костюмомъ, онъ ей показался еще ниже ростомъ и лицо его еще болѣе краснымъ и толстымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Что тебѣ? — спросила она.

— Кажется, не трудно догадаться. — Я пришелъ проститься съ тобой.

— Мы уже прощались. Я пожелала тебѣ доброй ночи, когда мы всѣ расходились.

Лоренцо сунулъ руки въ карманы брюкъ и сталъ передъ женой.

— Будемъ говорить на чистоту, — началъ онъ рѣзко и отчетливо. — Пора покончить съ этимъ. Ты послѣднее время злишься и хандришь, но я выброшу у тебя изъ головы эту дурь. Что это еще за капризы? что это за чванство, которое и злитъ, и оскорбляетъ? То ты молчишь, какъ убитая, то стоитъ мнѣ сказать слово, какъ ты уходишь — какъ сегодня, оставивъ всѣхъ насъ въ дуракахъ. Что ты такое изъ себя корчишь? Какую-то принцессу, развѣнчанную королеву? А мы же кто такіе для тебя? Капустные кочаны? Болваны? Жалкіе людишки, недостойные бесѣдовать съ вашимъ величествомъ.

Морелла не подала признака жизни, и Лоренцо продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Я не о себѣ хлопочу: я уже привыкъ къ твоимъ фокусамъ и мнѣ плевать на нихъ... Но я требую, все-таки, нѣ-

котораго вниманія и уваженія къ моимъ друзьямъ—ну, хоть бы къ Фальконаро.

Молодая женщина усмѣхнулась.

— Ты боишься, что онъ раздружится съ тобой изъ-за того, что я съ нимъ нелюбезна?

Лоренцо пожалъ плечами.

— Очень онъ мнѣ нуженъ! Да плевать мнѣ на него! Но я приглашалъ его сюда не затѣмъ, чтобъ ты строила передъ нимъ свои фокусы и бѣгала отъ него, какъ отъ зачумленнаго... Вообще, повторяю тебѣ, что этими твоими кривляньями я сытъ по горло. Поняла?.. Скажите, пожалуйста! Я прихожу къ ней, а она меня спрашиваетъ, словно сонная, чего мнѣ нужно.

Онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и грубо пояснилъ:

— Чего мнѣ нужно? Провести ночь съ своей женой — кажется, это мое право.

И, снова обведя ее взглядомъ, приказалъ:

— Раздѣвайся!

Вмѣсто отвѣта, Морелла моментально вскочила на ноги.

— Уйди отсюда!—прошипѣла она.—Уйди, Энцо, прошу тебя, оставь меня въ покоѣ.

— Это еще что?—съ удивленіемъ воззрился онъ на нее.

— То, что ты говоришь со мной не такъ, какъ долженъ говорить мужъ съ женой. Такъ можно разговаривать съ продажной женщиной, а не со мной. Уйди, прошу тебя. Не заставляй меня объяснять—все равно, это будетъ безполезно—ты не поймешь меня.

Лоренцо расхохотался.

— Вотъ оно! Это—одно изъ твоихъ любимыхъ словечекъ. Подумаешь, какая Сивилла! чтобы понять ее, нужно какой-то спеціальный курсъ наукъ пройти. Превосходно я тебя понимаю: голова у тебя романтическая, а дѣлать тебѣ нечего. Если бъ ты работала, какъ я, или Эдоардо, всѣ эти капризы прошли бы.

Морелла молча опустилась въ кресло, безсильная заставить понять себя.

— Ну, что жъ ты сѣла? Все раздумываешь?

Молодая женщина не отвѣтила. Лоренцо подошелъ къ ней ближе.

— Я съ тобою говорю, фокусница. Что жъ ты сидишь? Все никакъ рѣшиться не можешь?

Обозленный молчаніемъ Мореллы, онъ схватилъ ее за платье на груди и грубо тряхнулъ.

— Ну, будетъ! Коли я говорю, такъ слушайся.

Морелла снова вскочила, выпрямивъ свой стройный станъ и растерянно глядя на мужа.

— Слушай!—начала она дрожащимъ голосомъ.—Ради Господа, не обращайся со мной такъ. Ты думаешь, что мнѣ все равно, а мнѣ это причиняетъ жестокую боль. Ты правъ, у меня романтическая голова, но не мучь же меня, Энцо. Вотъ и сегодня, когда ты сталъ ласкать меня при постороннихъ, мнѣ было страшно больно. Можетъ быть, я неправа, но что жъ мнѣ дѣлать, когда я такая? Когда ты своимъ обращеніемъ даешь мнѣ чувствовать, что я для тебя—только вещь, ты унижаешь меня. Предоставь мнѣ свободу располагать собой: сегодня вечеромъ я хочу быть одна; не настаивай же, не принуждай меня, какъ будто ты нашелъ меня на улицѣ, купилъ за деньги и привелъ къ себѣ. Будь добръ, Энцо, непрошу тебя. Ну, я готова признать, если ты хочешь этого, свою неправоту, но мнѣ хотѣлось бы иного отношенія, иныхъ рѣчей... Ты знаешь, напримѣръ, что терпѣть не могу сальныхъ анекдотовъ, и всегда разсказаваешь ихъ при мнѣ, въ присутствіи другихъ мужчинъ, не считаясь съ тѣмъ, что мнѣ это непріятно... Зачѣмъ тебѣ нужно, чтобъ я краснѣла передъ твоими друзьями?.. А потомъ являешься ко мнѣ и говоришь мнѣ: «Раздѣвайся», какъ будто я не живой человѣкъ, а заводная кукла,—даже съ невольницами такъ не обращаются. А, когда я возмущаюсь такой пошлостью, ты хохочешь мнѣ въ лицо... Да какъ же мнѣ объяснить, чтобы ты понялъ меня?

Пока она говорила, Лоренцо сидѣлъ напротивъ нея, заложивъ ногу на ногу, спрятавъ руки въ карманы и водя скучающимъ взглядомъ по потолку.

— Ты кончила?—спросилъ онъ, наконецъ.— Достаточно взглянуть на тебя, чтобъ увидѣть, что ты грызешь и точишь себя этими своими глупостями; ты съ каждымъ днемъ худѣешь—какая-то драная кошка стала, а не женщина.

Морелла не отвѣтила на это оскорбленіе, но съ ужасомъ подумала, что, дѣйствительно, она, должно быть, некрасива, и это сомнѣніе въ себѣ, къ которому она нѣсколько дней тому назадъ отнеслась бы совершенно равнодушно, теперь было невыразимо мучительно.

— И еще, изволите ли видѣть, чего она требуетъ отъ мужа! — саркастически продолжалъ Лоренцо. — Мужъ вѣренъ; мужъ довольствуется тѣмъ, что можетъ дать ему жена, а жена обижается и гонитъ его прочь. Да это сумасшествіе какое-то!.. Если бъ я разсказалъ это Эдоардо, онъ не повѣрилъ бы.

Морелла съ крикомъ кинулась къ нему.

— Ради всего святого, не примѣшивай имени твоего друга къ этимъ гнусностямъ!

— Ого! Это еще что?—Лоренцо подозрительно уставился на нее.—Развѣ я не въ правѣ высказать предположеніе? Ты боишься, что я разскажу Эдоардо?..

— Да, боюсь,—пробормотала женщина, съ трудомъ стараясь овладѣть собой.—Боюсь, что ты разскажешь...

— Это великолѣпно!.. Не бойся: ничего не разскажу... Я знаю, что можно говорить и чего нельзя... Да Эдоардо и плевать на тебя и на твои фантазіи... Онъ ѣдетъ путешествовать на сѣверъ... И, ужъ навѣрное, съ Наташей...

— Кто это—Наташа?—спросила Морелла, чувствуя, что сердце ея бьется съ такою силой, что у нея захватываетъ духъ.

Лоренцо снова засмѣялся.

— Наташа? Одна потаскушка—русская—которая нравится Эдоардо... Да я, впрочемъ, такъ себѣ сказалъ: Наташа—онъ, вѣдь, ихъ мѣняетъ каждую недѣлю. И никому объ этомъ не разсказываетъ, ни съ кѣмъ не дѣлится... Я думаю, ни одна душа въ мірѣ, не исключая и его матери, не знаетъ ничего объ его личной жизни... Надо правду сказать: желѣзный человѣкъ, закованный въ броню...

Глаза Мореллы такъ сверкнули, что она опустила ихъ, чтобъ Лоренцо не замѣтилъ этого необычнаго блеска.—А ей, вотъ, онъ довѣрился; передъ нею раскрылъ свою душу; она затрепетала всѣмъ тѣломъ отъ удовольствія и гордости... Но раздумывать долго было некогда: голосъ Лоренцо разбилъ глубокое впечатлѣніе этихъ словъ и грубо вернулъ ее къ дѣйствительности:

— Ну, такъ какъ же: ты гонишь меня?.. Я, вѣдь, не затѣмъ пришелъ сюда, чтобъ восхвалять передъ тобою Эдоардо, до котораго тебѣ столько же дѣла, какъ мнѣ до великаго могола... Уходить мнѣ, что ли?

Онъ вспотѣлъ и, слегка пыхтя, провелъ платкомъ по лбу и по шеѣ, подъ воротничкомъ; эта маленькая деталь въ такой моментъ показалась молодой женщинѣ отвратительной.

— Да,—сказала она,—прошу тебя, Энцо, не трогай меня сегодня. Мнѣ нездоровится, и я буду признательна тебѣ за эту маленькую жертву.

Лоренцо презрительно махнулъ рукой.

— Да, вѣдь, это дикость: эта твоя «маленькая жертва»! Неужели ты не понимаешь, что это смѣшно? Не понимаешь,

что мнѣ надоѣли, опротивѣли, осточертѣли твоя сантиментальность и всѣ эти твои комедіи?

Онъ покосился на жену: она стояла, вся дрожа мелкой нервной дрожью, отъ страха, что ей не удастся убѣдить его уйти и придется повиноваться ему. Лоренцо вспомнилось, какъ давеча Морелла испугалась при одномъ имени Эдоардо, и онъ рѣшилъ использовать это:

— Да, осточертѣли! — повторилъ онъ. — Честное слово, завтра же, я разскажу все Эдоардо—пусть онъ посмѣется.

Морелла, которая, подойдя къ туалетному столу, смотрѣла на флаконъ съ духами, не видя его, изумленно обернулась.

— Такъ и скажу ему, что, молъ, когда я прихожу къ тебѣ, ты выставляешь меня за дверь. Хоть посовѣтуюсь съ нимъ, спрошу, что онъ объ этомъ думаетъ... Все-таки, утѣшеніемъ будетъ отвести душу съ другомъ...

Молодая женщина, оцѣпенѣвшая въ первый моментъ отъ изумленія и ужаса, подошла къ нему ближе и заглянула ему въ глаза. Она не могла повѣрить, не могла вообразить себѣ, чтобъ онъ осмѣлился это сдѣлать; а онъ, тѣмъ временемъ, продолжалъ, исподтишка поглядывая на нее, чтобы провѣрить, какое это на нее производитъ впечатлѣніе...

— Ты хочешь разсказать это Фальконаро?—съ неожиданнымъ спокойствіемъ выговорила Морелла...—Ты хорошо сдѣлаешь. Разскажи все твоему другу—но только *все*—понимаешь?.. Скажи ему, что, войдя въ мою комнату, ты велѣлъ мнѣ раздѣться. Скажи ему, что ты меня назвалъ «драной кошкой» — все, по совѣсти, скажи... И знаешь, что онъ тебѣ отвѣтитъ, другъ твой.

— Послушаемъ: что, по-твоему, онъ мнѣ отвѣтитъ.

— Что ты пошлякъ и негодяй.

Лоренцо молча всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, сжимая кулаки, схватилъ жену за платье и однимъ толчкомъ бросилъ ее на кровать. Но молодая женщина, нисколько не пугаясь его гнѣва, хотя Лоренцо стоялъ нагнувшись надъ ней, готовый ударить, продолжала, глядя ему прямо въ глаза:

— Онъ скажетъ тебѣ, что съ этой Наташей, съ этой «потаскушкой», какъ ты ее называешь, онъ обходится лучше, чѣмъ ты со мною. И повторитъ тебѣ, что только негодяй можетъ позорить такъ свою жену.

Лоренцо, побѣлѣвшій отъ злости, ударилъ Мореллу по щекѣ, разъ и другой, но, увидавъ, что она лежитъ недвижная и пѣна выступила у нея по угламъ рта, вдругъ понялъ возму-

тительность своего поведенія и, отойдя, пробормоталъ сквозь зубы:

— Скотина! Не понимаетъ, когда съ нею шутятъ.

Оглянулся посмотрѣть, не движется ли она, и, видя, что она съ трудомъ приподнимается, поспѣшно зашагалъ къ порогу.

— Уходи отсюда!—почти шепотомъ выговорила Морелла, сверкнувъ глазами.—И чтобъ ноги твоей здѣсь больше не было. Не смѣй подходить ко мнѣ, ни сегодня, никогда. Если ты еще тронешь меня, я крикну и разбужу весь домъ.

Лоренцо понялъ, что жена его, дѣйствительно, способна это сдѣлать, снова заложивъ руки въ карманы, ушелъ, сердито бормоча себѣ подъ носъ:

— Скотина! Не моя вина, что ты животное и не понимаешь, когда съ тобою шутятъ...

Перев. съ итал. З. Журавская.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОЙНА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ.

(Письмо изъ Лондона).

I.

Перспектива соціальнаго кризиса, сказавшаяся въ финансовомъ мірѣ Англіи моментами «черной паники», какъ только нависшая надъ Европой гроза военной непогоды разразилась первыми пушечными выстрѣлами [1]), съ небывалой силой подчеркнула истинный характеръ англійской общественно-политической жизни.

Самый фактъ войны въ Англіи, какъ и всюду, конечно, снялъ съ очереди многіе вопросы, до того волновавшіе текущую жизнь ея и окрашивавшіе ее въ опредѣленные цвѣта. Нормальное существованіе націи было выбито изъ привычной колеи рѣзкимъ и,—несмотря на всю неизбѣжность международнаго конфликта,—неожиданнымъ толчкомъ, и все то, въ чемъ тенденціи англійской общественной эволюціи сказывались наиболѣе ярко, оказалось отброшеннымъ на задній планъ, уступившимъ мѣсто задачамъ военнаго времени. Необходимость противопоставить противнику «объединенный фронтъ» свела на нѣтъ всѣ споры, т. е. вызывавшіе наиболѣе упорную оппозицію со стороны защитниковъ прошлаго, и потому самые характерные для переживавшагося Англіей періода общественнаго развитія.

Но за то на смѣну имъ перспектива общественнаго кризиса выдвинула новыя проблемы—и выдвинула ихъ съ остротой, служившей непреодолимымъ импульсомъ къ попыткамъ ихъ разрѣшенія.

---

[1]) По свидѣтельству одного финансиста, странѣ въ первыя же недѣли войны «угрожала самая черная паника, какую когда-либо переживало Сити... На-лицо имѣлись параличъ кредита, золотой голодъ и кризисъ денежнаго обращенія, которые, не будь приняты быстрыя и рѣшительныя мѣры, запутали бы въ безнадежный клубокъ всѣ дѣловыя операціи». «The Commercial and Financial Outlook: a City-Man's Views», by H. J. Jennings, Nineteenth Century, октябрь 1914, стр. 800.

Разгромъ финансовой организаціи, отмѣченный въ Англіи, какъ и повсемѣстно, закрытіемъ биржъ и санкціей прекращенія платежей по векселямъ и другимъ долговымъ обязательствамъ; разстройство производственной дѣятельности, вызванное отозваніемъ отъ производительнаго труда массы наиболѣе здоровыхъ и дѣеспособныхъ членовъ общества; сокращеніе внѣшней торговли, выразившееся паденіемъ англійскаго вывоза въ первый мѣсяцъ войны на 45%, по сравненію съ соотвѣтствующимъ мѣсяцемъ предшествовавшаго года, и въ октябрѣ на 38,6%—все это создавало предпосылки такого народнаго бѣдствія, что государству нужно было дѣйствовать быстро и энергично, чтобы предупредить серьезныя внутреннія осложненія въ моментъ осложненій внѣшнихъ. Одно пониженіе экспорта болѣе, чѣмъ на треть нормальной суммы въ Англіи, производство которой на двѣ трети предназначено къ вывозу на внѣшніе рынки, грозило затяжной безработицей и даже прямымъ голоданіемъ значительной долѣ населенія.

Естественно, что въ такихъ условіяхъ то, *какъ* государство реагировало на поставленные ему вопросы, *какого именно характера* мѣры оно приняло для приспособленія къ этимъ обстоятельствамъ общественной организаціи, расшатанной войною въ самомъ фундаментѣ, должно было выявить реальную сущность общественно-политическаго быта Англіи въ болѣе категорическихъ, прямолинейныхъ формахъ, чѣмъ это могло бы сдѣлать законодательство нормальнаго времени. Въ процессѣ перестройки общественной жизни примѣнительно къ острымъ нуждамъ минуты, государство не могло не руководиться, обходя частные и групповые интересы, тѣми тенденціями общественнаго развитія, которыя уже сложились къ войнѣ.

Такое вліяніе войны—въ смыслѣ проявленія тенденцій общественнаго развитія—вытекаетъ не только изъ логики положенія, но и изъ историческаго опыта. Англія не въ первый разъ переживаетъ послѣдствія такого крупнаго толчка извнѣ, какимъ является теперешняя общеевропейская война. Какъ и современный конфликтъ, наполеоновскія войны были тоже связаны для нея съ перспективой общественнаго развала. «Континентальная система» Наполеона, не выполнившая, какъ извѣстно, цѣли своего автора—убить Англію экономически—тѣмъ не менѣе вызвала крайне тяжелыя осложненія въ хозяйственной жизни страны, закрывъ ея экспорту доступъ на рынки европейскаго материка. Вліяніе обѣихъ войнъ тожественно даже въ нѣкоторыхъ деталяхъ. И такое тожество въ положеніи вещей въ то время и теперь создавало для государства тожественную же потребность: намѣтить свое отношеніе къ поставленнымъ

кризисомъ вопросамъ, найти свою линію поведенія къ критическій моментъ. И мы знаемъ, что эпоха наполеоновскихъ войнъ служитъ исходнымъ моментомъ для вполнѣ опредѣлившагося тогда періода англійской общественной исторіи—періода индивидуализма, наложившаго свою печать на всю соціально-экономическую политику Англіи въ теченіе XIX в. Credo индивидуализма, до того лишь частично проявлявшееся въ государственныхъ актахъ, въ моментъ этихъ войнъ стало оффиціальнымъ символомъ вѣры руководителей англійской общественно-политической жизни.

Во всѣхъ мѣропріятіяхъ государства по приведенію общества въ устойчивое положеніе, относящихся къ этой эпохѣ, удареніе ставилось исключительно на обезпеченіи за народнымъ хозяйствомъ тѣхъ условій процвѣтанія, которыя были уничтожены торговой политикой Наполеона. Что же касается безработицы, голода и другихъ послѣдствій общественнаго кризиса, то вопросъ о нихъ интересовалъ государство только въ качествѣ проблемы полицейско-административной какъ явленія, порождающія внутри страны потенціальное недовольство и безпорядки—но не болѣе. Ни одинъ изъ парламентскихъ комитетовъ того времени не считалъ для себя возможнымъ рекомендовать заботы о пострадавшемъ населеніи. Напротивъ, разбирая петицію «многихъ ткачей», одинъ комитетъ «цѣликомъ признавая и глубоко оплакивая великое бѣдствіе, постигшее многихъ лицъ, занятыхъ въ текстильной промышленности», придерживался «рѣшительнаго убѣжденія» въ принципіальной недопустимости какой бы то ни было помощи со стороны государства. «Вмѣшательство законодательнаго собранія въ свободу промышленности или вольность каждаго располагать своимъ временемъ либо трудомъ такъ, какъ это на его взглядъ наиболѣе соотвѣтствуетъ его интересамъ,—писали члены этого комитета въ своемъ докладѣ,—не можетъ имѣть мѣста безъ того, чтобы не были нарушены общіе принципы, отъ соблюденія которыхъ зависитъ процвѣтаніе и счастіе общества, чтобы не былъ установленъ гибельный прецедентъ, и даже безъ того, чтобы то бѣдствіе, противъ котораго направлено вмѣшательство, не оказалось ухудшеннымъ [1]). И особенно категорически комитетъ осуждалъ ту форму помощи, которая одна только и была еще доступна пострадавшему населенію—поддержку приходомъ изъ средствъ, собираемыхъ въ видѣ «налоговъ въ пользу бѣдныхъ» (poor-rate). «А сверхъ того, комитетъ придерживается самаго рѣшительнаго мнѣнія, что денежная помощь какой-либо группѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ временнаго бѣдствія... была бы крайне нежела-

[1]) Report on Petition of Several Weavers etc., Reports from Committees, 1810—1811, vol. II, стр. 389.

тельна со всѣхъ точекъ зрѣнія... а особенно потому, что она болѣе чѣмъ что-либо иное, нарушила бы соотношеніе между положеніемъ труда и спросомъ на него въ различныхъ отрасляхъ мануфактуры, торговли и сельскаго хозяйства» [1]).

Конечно, подобнаго рода принципіальный индифферентизмъ къ судьбамъ населенія выросъ, не могъ не вырости, передъ лицомъ тяжелаго народнаго бѣдствія въ знаменіе полнаго торжества новой соціальной психологіи, психологіи прямолинейнаго индивидуализма, который рѣзко контрастировалъ съ несравненно болѣе гуманными законами семнадцатаго столѣтія.

Точно также и въ нынѣшнюю общеевропейскую войну произошла аналогичная—столь же рѣзко контрастирующая съ индивидуалистическими тенденціями XIX в.—сдвижка въ области взаимоотношеній личности и государства. Если въ первомъ случаѣ имѣлъ мѣсто послѣдовательный индифферентизмъ къ положенію личности въ періодъ общественнаго кризиса, то въ послѣднемъ наблюдается, напротивъ, особенная заботливость къ пострадавшему населенію. Въ настоящее время «экстренное законодательство», которое было противопоставлено англійскимъ парламентомъ и кабинетомъ Асквита надвигавшемуся народному бѣдствію, въ гораздо большей степени посвящено огражденію благополучія народной массы, чѣмъ чему-либо другому. Отъ обезпеченія семей ушедшихъ на войну и до контроля надъ цѣнами на продукты первой необходимости, во всемъ красной нитью проходитъ идея всесторонняго огражденія народныхъ интересовъ. И притомъ въ такой степени, что это заставляетъ видѣть въ мѣрахъ «экстреннаго законодательства» радикальную перестройку всего быта. «Общество, какимъ мы его знаемъ,—писала, напр., либеральная «Daily News» 10-го августа 1914 г.—просто исчезло, и на его мѣстѣ создается новая общественная организація». «Никто не долженъ закрывать глаза на безгранично огромное значеніе перемѣны—читаемъ мы въ другомъ номерѣ той же газеты.—...Каковъ бы ни былъ результатъ войны, эффектъ этого великаго эксперимента нельзя уже будетъ уничтожить. Къ добру или къ худу, англійская жизнь никогда не будетъ той же самой послѣ этого предметнаго урока по государственному соціализму». И совершенно такъ же опредѣлилъ,—въ полномъ согласіи съ рядомъ другихъ органовъ,—характеръ пережитой перестройки общественной организаціи и «Labour Leader», органъ «Независимой Рабочей Партіи», въ №-рѣ отъ 27 августа: «Капитализмъ, лицомъ къ лицу съ

---

1) Ibid., стр. 390.

Франкенштейновскимъ чудищемъ войны, оказывается раздавленнымъ и отброшеннымъ въ сторону имъ же вызваннымъ духомъ. Индивидуализмъ исчезъ, затертый великимъ ледоходомъ, и спасителями общества выступаютъ соціалистическіе принципы».

Но, по существу принципы теперешняго «экстреннаго законодательства» (какъ и торжество индивидуализма въ эпоху наполеоновскихъ войнъ) произвели и производятъ впечатлѣніе рѣшительнаго, радикальнаго переворота только потому, что въ вызванный войною общественный кризисъ общество пережило внѣшній толчекъ, заставившій взглянуть на вещи иначе, чѣмъ раньше, выставившій въ новомъ освѣщеніи то, что до того было прикрыто привычными навыками мысли. Тенденціи, наложившія свою печать на то, что государство дѣлало, или, вѣрнѣе, отказывалось дѣлать сто лѣтъ тому назадъ, равно какъ на то, что оно дѣлаетъ въ настоящее время, имѣлись на-лицо задолго до этого внѣшняго толчка.

Англія въ эпоху наполеоновскихъ войнъ только-что пережила катаклизмъ индустріальной революціи. Къ произведенному этимъ перевоплощеніемъ хозяйственнаго быта разгрому устоевъ общежитія и перетасовкѣ общественно-экономическихъ функцій присоединялось еще вліяніе аграрной революціи, согнавшей съ общинной земли земледѣльцевъ и превратившей ихъ въ «аморфный полупромышленный классъ, неподготовленный ни къ какой регулярной работѣ и неспособный существовать безъ какой-нибудь работы» [1]". Трагедія этого,—по опредѣленію того же автора,—«мрачнаго дна вырожденія и голода, отчаянія нищеты и бунта отчаянія», рисовалась творцамъ новаго экономическаго строя неизбѣжнымъ зломъ [2]), сопровождающимъ общественное благо, и, въ извѣстной мѣрѣ, даже оздоровляющимъ общество явленіемъ: идея Мальтуса о перенаселеніи, какъ факторѣ естественнаго подбора въ рамкахъ соціальной организаціи, носилась въ воздухѣ. Въ противовѣсъ этой трагедіи упадка, въ глаза бросался успѣхъ «самородковъ», многочисленныхъ self made men, съ помощью индустріальной революціи выбившихся изъ-подъ ярма тяжелаго труда, чтобы набросить его на менѣе удачливыхъ—успѣхъ, подчеркивавшій, казалось, роль личныхъ качествъ или ихъ отсутствія въ конкретныхъ примѣрахъ богатства и бѣдности. По-

---

1) J. M. Robertson, Evolution of States, Лондонъ, 1912, стр. 467.

2) Бѣдность, „объективно говоря, моральное зло, — писалъ, напр., Артуръ Юнгъ („An Enquiry into the State of Public Mind amongst the Lower Classes", Лондонъ, 1798, стр. 9),—но зло, которое не болѣе мыслимо изгнать изъ политическаго организма, чѣмъ болѣзнь или смерть".

нятно, что въ этихъ условіяхъ даже приходская взаимопомощь, къ которой сводились тогда еще операціи «законовъ о бѣдныхъ», необходимо должна была рисоваться идущей въ разрѣзъ съ реальными интересами общежитія и требовавшей, если не полнаго уничтоженія, то, во всякомъ случаѣ, радикальной реформы, которая сдѣлала бы (по историческому выраженію королевской комиссіи по законамъ о бѣдныхъ 1834 г.) «положеніе паупера менѣе заманчивымъ, чѣмъ положеніе независимаго работника самаго низшаго разряда». Такимъ образомъ, мѣры, принятыя государствомъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, или, точнѣе, имъ *не* принятыя, только рѣшительно и послѣдовательно отразили на себѣ общественно-политическое credo, складывавшееся параллельно развитію индивидуалистическихъ тенденцій англійскаго быта еще задолго до того.

Аналогично, «соціалистическіе принципы», къ которымъ государство прибѣгло въ теперешній кризисъ для цементированія расшатаннаго войною общественнаго фундамента, являются въ равной мѣрѣ естественнымъ и логическимъ продуктомъ тенденцій общественнаго развитія, намѣтившихся за непосредственно предшествовавшій международному конфликту періодъ англійской исторіи. Общеевропейская война застала въ Англіи силы, подготовлявшія почву для разрѣшенія проблемы *распредѣленія народнаго богатства.* Съ демократизаціей здѣсь политическаго строя въ шестидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, отдавшей рѣшающій голосъ въ направленіи политическаго и общественнаго курса народнымъ массамъ, съ подъемомъ культурности и духовнаго развитія рабочаго класса, особенно ярко сказывающимся въ стремленіи его не только къ среднему, но и къ высшему образованію, англійское общественное развитіе постепенно все болѣе и болѣе направлялось на путь, ведущій къ постановкѣ и разрѣшенію именно этой проблемы. Все соціальное и рабочее законодательство послѣднихъ лѣтъ исходило изъ основного принципа *коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе*, служащаго необходимѣйшей предпосылкой правильной организаціи распредѣленія народнаго богатства. Пенсіи старости, національное страхованіе на случай болѣзни, инвалидности и безработицы, вознагражденіе потерпѣвшихъ увѣчье рабочихъ, повторные пересмотры рабочаго законодательства на новыхъ основаніяхъ, попытки разрѣшенія жилищнаго вопроса государствомъ и муниципалитетами, всеобщее обученіе, общественно-санитарная организація, все, наконецъ, то, что подводится подъ понятіе «муниципальный соціализмъ»—все это представляетъ собой за-одно плоды новой соціальной психологіи, диктующей коллективную отвѣтственность за индивидуальное благополучіе, и рычаги, съ помощью которыхъ уже

до войны государствомъ контролировался въ интересахъ народныхъ массъ процессъ распредѣленія народнаго богатства.

Разумѣется, этимъ далеко не была разрѣшена проблема такого распредѣленія [1]). Но при наличности всего этого нельзя было также и ожидать возрожденія того принципіальнаго индифферентизма къ долѣ населенія со стороны государства, который такимъ острымъ угломъ выступаетъ въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. «Экстренное законодательство» въ теперешнюю войну явилось лишь дальнѣйшимъ этапомъ въ развитіи англійскаго общественнаго быта, формировавшагося задолго до войны, продуктомъ тенденцій соціальной эволюціи Англіи, намѣтившихся достаточно опредѣленно и до того. Но это законодательство, въ свою очередь, вноситъ рядъ весьма существенныхъ перемѣнъ въ общественно-политическій строй страны. Даже бѣглый просмотръ актовъ парламента, указовъ (Orders in Council), регламентовъ и циркуляровъ за время съ 1 августа по 3 ноября, собранныхъ въ объемистый томъ почти въ 600 страницъ съ приложеніями, даетъ понятіе о силѣ импульса, сообщеннаго этимъ тенденціямъ толчкомъ извнѣ. Война сыграла по отношенію къ нимъ такую же точно роль, какую играетъ въ химической лабораторіи толчекъ, сообщенный экспериментаторомъ сосуду съ перенасыщеннымъ растворомъ: она ускорила процессъ кристаллизаціи ихъ и, произведя это внезапно, создала представленіе о рѣзкомъ общественномъ переворотѣ.

II.

Однимъ изъ первыхъ шаговъ кабинета Асквита, ознаменовавшихъ такой «переворотъ», было назначеніе, въ день формальнаго разрыва дипломатическихъ сношеній съ Германіей, «правительственнаго комитета по предупрежденію бѣдствія и облегченію его» (Government Committee on Prevention and Relief of Distress), наряду съ назначеніемъ съ той же цѣлью цѣлаго ряда локальныхъ и спеціальныхъ комитетовъ.

---

[1]) Въ Англіи до сихъ поръ еще наблюдаются случаи смертей отъ голода или на почвѣ голода. Въ 1912 году, напр., коронерами было констатировано такихъ смертей 94, при чемъ въ 15 случаяхъ смерть послѣдовала въ результатѣ простого истощенія голоднаго организма, безъ дополнительныхъ причинъ въ видѣ какой-либо болѣзни. Deaths from starvation for the year 1912, H. C. № 216, 1913, стр. 2. Врядъ ли можно признать, что общество, въ которомъ продолжаетъ имѣть мѣсто смерть отъ голода, разрѣшило проблему распредѣленія народнаго богатства.

Симптоматическое значеніе этотъ шагъ кабинета пріобрѣлъ не по одному тому, что онъ ознаменовалъ собой «мобилизацію общественныхъ силъ», что къ участію въ работахъ въ комитетахъ были привлечены выдающіеся практическіе дѣятели рабочаго движенія [1]) и крупные авторитеты по вопросамъ, разрѣшеніе которыхъ возложено на эти комитеты. Въ Англіи, гдѣ понятія «государство» и «общество» стали уже почти синонимами, общественныя силы привлекаются къ участію въ государственномъ строительствѣ не только тогда, когда онѣ воплощены въ лицѣ народныхъ представителей, но и въ качествѣ частныхъ лицъ, располагающихъ непосредственнымъ знакомствомъ съ той или иной стороной дѣла. Символомъ перемѣны эти комитеты явились потому, что — какъ показываетъ и ихъ названіе—они были созданы съ цѣлью, главнымъ образомъ, *предупрежденія*, а не одного лишь облегченія, бѣдствія. Въ многочисленныхъ циркулярахъ, разосланныхъ министерствомъ мѣстнаго управленія по локальнымъ комитетамъ, неоднократно подчеркивалось, что «первичной обязанностью» этихъ послѣднихъ является «изысканіе мѣръ, которыя слѣдовало бы принять для предупрежденія бѣдствія».

Въ этомъ подчеркиваніи такого именно рода «первичной обязанности» общественныхъ силъ, привлеченныхъ на помощь постояннымъ административнымъ органамъ, и заключается первый крупный фактъ, который опредѣленно намѣчаетъ характеръ перемѣнъ, вызванныхъ войною въ соціально-политическомъ быту Англіи. Правда, здѣсь очень популярна пословица, примѣняемая и къ мѣрамъ соціальной политики, что «an ounce of prevention is better than a pound of cure» (унцъ предупрежденія лучше фунта лѣкарствъ). Но до сихъ поръ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда государство проводило послѣдовательно въ жизнь въ той или иной области принципъ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе, оно оказывало нерѣдко предпочтеніе «фунту лѣкарствъ» передъ «унцемъ предупрежденія». Когда, напр., въ началѣ 1908 г. рабочая партія внесла свой билль о «правѣ на трудъ», добиваясь прямого воздѣйствія со стороны государства на причины безработицы, кабинетъ Кэмпбелль-Баннермэна предложилъ палатѣ общинъ откло-

---

[1]) О роли рабочихъ представителей свидѣтельствуетъ, напр., составъ „комитета по доставленію работы женщинамъ" (Central Committee on the Women's Employment), въ который входитъ пять членовъ женской рабочей и женской кооперативной лигъ, двѣ извѣстныя радикальныя публицистки, бывшая главная фабричная инспектрисса и пять женъ бывшихъ и нынѣшнихъ министровъ и секретаремъ котораго состоитъ извѣстная дѣятельница англійскаго рабочаго движенія, миссъ Мэри Мак-Артуръ.

нить его, обѣщая выработать «практическія альтернативы» этому законопроекту. Таковыми оказались, прежде всего, страхованіе отъ безработицы, т.-е. именно борьба съ послѣдствіями бѣдствія, а не съ самимъ бѣдствіемъ, и лишь отчасти организація рабочаго рынка, удаляющая нѣкоторыя частныя причины безработицы. Такое отношеніе государства совершенно понятно. Условія общественной жизни, которыя порождаютъ потребность въ опредѣленной реформѣ, въ большинствѣ случаевъ тѣсно связаны съ характерными чертами капиталистической организаціи народнаго хозяйства, и потому предупрежденіе того или иного бѣдствія было бы немыслимо безъ частичной перестройки этого хозяйства на совершенно новыхъ основаніяхъ, т.-е. неизбѣжно сопровождалось бы крупными осложненіями въ политической жизни. Естественно, что въ обстановкѣ нормальнаго времени государство избѣгало вызывать такія осложненія и избирало менѣе спорный, кружный путь, — путь облегченія уже имѣющагося на-лицо бѣдствія. Лишь когда нормальное теченіе жизни оказывается рѣзко выброшеннымъ изъ привычной колеи, когда передъ обществомъ и государствомъ ставятся острые вопросы обезпеченія самого существованія ихъ, лишь въ этомъ случаѣ подобный путь, по сравненію съ непосредственнымъ предупрежденіемъ бѣдствія, теряетъ значительную долю своей предпочтительности, становится несравненно менѣе желательнымъ.

Это въ особенности справедливо по отношенію къ самому крупному злу, выросшему на почвѣ порожденнаго общеевропейской войной общественнаго кризиса—по отношенію къ массовой интенсивной безработицѣ среди рабочихъ тѣхъ отраслей народнаго хозяйства, рынки которыхъ автоматически исчезли или сократились благодаря нарушенію международнаго равноправія. Дѣйствовавшія въ Англіи ко времени войны системы страхованія — обязательнаго и факультативнаго — оказались совершенно несостоятельными въ условіяхъ военнаго времени. Системы эти вырабатывались примѣнительно къ условіямъ нормальнаго колебанія безработицы и нормальной же продолжительности ея въ индивидуальныхъ случаяхъ. Каждый изъ обязательно застрахованныхъ рабочихъ имѣетъ право на пособіе изъ фондовъ страхованія лишь на срокъ не долѣе 15 недѣль въ году, тогда какъ основная особенность безработицы, угрожающей англійскому рабочему во время войны—это ея исключительно затяжной характеръ, вытекающій изъ самаго факта рѣзкаго сокращенія емкости внѣшнихъ рынковъ Англіи. Точно также и члены трэдъ-юніоновъ, выдающихъ пособія своимъ безработнымъ и отчасти пользующихся субсидіей государства по факультативной системѣ страхованія, нахо-

дятся въ далеко не блестящемъ положеніи. Изъ всего числа членовъ этихъ профессіональныхъ союзовъ не болѣе 23,7% обладаютъ правомъ на поддержку изъ союзной кассы въ теченіе болѣе продолжительнаго срока, чѣмъ 26 недѣль въ году [1]). Добавьте къ этому, что никогда не отличавшіеся прочностью фонды трэдъ-юніоновъ не въ состояніи долгое время выдерживать выплату пособій во много разъ возросшему числу своихъ безработныхъ даже по принятой ими скалѣ размѣровъ и продолжительности пособій. Секретаріатъ союзовъ, поэтому, находится передъ альтернативой—либо финансоваго краха, либо отказа отъ выдачи пособій. Такимъ образомъ, разсчитанныя на нормальныя условія хозяйственной жизни—и, притомъ, обезпечивающія на случай безработицы лишь небольшую относительно часть англійскихъ рабочихъ—системы страхованія оказываются совершенно несостоятельными въ качествѣ единственнаго способа борьбы съ самымъ крупнымъ бѣдствіемъ общественнаго кризиса — массовой затяжной безработицей.

Разумѣется, государство могло бы прійти на помощь фондамъ страхованія экстренными субсидіями, погашеніемъ всѣхъ ихъ чрезвычайныхъ расходовъ изъ средствъ казначейства. Но въ такомъ случаѣ,—оставляя даже въ сторонѣ вопросъ о контингентѣ безработныхъ, никогда не бывшихъ застрахованными ни по обязательной, ни по факультативной системѣ—на государство ложились бы колоссальные малопроизводительные расходы, въ моментъ, когда на ресурсы государственныхъ финансовъ и безъ того ложится бремя небывало тяжелыхъ и совсѣмъ ужъ непроизводительныхъ расходовъ. И размѣръ подобнаго субсидированія фондовъ, къ тому же, нельзя даже и предвидѣть съ какой-либо точностью. Предупрежденіе бѣдствія безработицы въ такихъ условіяхъ диктовалось объективными преимуществами предупредительныхъ мѣръ, по сравненію съ мѣрами облегченія этого бѣдствія. Но, если естественнымъ способомъ облегченія бѣдствія было предупрежденіе его, если это послѣднее было продиктовано государству правильно понятыми соображеніями экономіи, то это нисколько не ослабляетъ значеніе произведенной тѣмъ самымъ перемѣны въ характерѣ законодательства, значеніе замѣщенія въ его основѣ принципа облегченія бѣдствія принципомъ предупрежденія; тѣмъ болѣе, что такая перемѣна, въ свою очередь, повлекла за собой существенныя измѣненія въ общественно-политическомъ быту Англіи. Мы говоримъ о введеніи института «права на трудъ», о

---

[1]) См. Report on Trade-Unions in 1908 — 1910 with comparative statistics, Cd. 6109, 1912, стр. XXXVIII.

признаніи государствомъ своей *обязанности* доставить лишенному средствъ къ существованію населенію право на платное занятіе.

Основное положеніе, изъ котораго вытекаетъ вся линія поведенія государства въ борьбѣ съ безработицей во время войны, было формулировано министерствомъ мѣстнаго управленія, какъ обезпеченіе каждаго, по возможности, безработнаго работой: «наилучшій способъ обезпечить выброшенныхъ войною на улицу рабочихъ,—читаемъ мы въ «руководствѣ» министерства,—это дать имъ какое-либо иное платное занятіе» [1]). Къ этому доставленію рабочему населенію Англіи «иныхъ платныхъ занятій» и были привлечены государствомъ всѣ тѣ органы, которые въ состояніи открыть своими операціями въ той или иной мѣрѣ выходъ неиспользованной производственной энергіи. Рядомъ циркуляровъ, разосланныхъ по иниціативѣ «правительственнаго комитета», мѣстнымъ самоуправленіямъ, указано было на необходимость избѣгать ложной экономіи въ видѣ сокращенія предпринятыхъ или намѣченныхъ работъ по возведенію школьныхъ зданій, расширенію водопроводной, газовой или трамвайной сѣти, по ремонту улицъ, застройкѣ участковъ, отведенныхъ подъ рабочіе коттэджи и тому подобному, чтобы не усиливать безработицы. Министерства, заказы которыхъ возрасли во много разъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, — особенно морское и военное,—предприняли шаги къ тому, чтобы дать этими заказами работу возможно большему числу рабочихъ, и съ этой цѣлью разослали предпринимателямъ циркуляръ, настаивающій, какъ на одномъ изъ обязательныхъ условій заключенія контракта, на «наймѣ добавочныхъ рабочихъ... предпочтительно передъ введеніемъ сверхъурочныхъ работъ» и на «сдачѣ части подряда другимъ фирмамъ [2]), если наличный рабочій персоналъ и техническая экипировка фабрики не позволяютъ закончить заказъ къ сроку».

Само собой, выполненіе во время войны однѣхъ лишь экономическихъ задачъ, намѣченныхъ для нормальнаго времени, было бы недостаточно для созданія дѣйствительнаго противовѣса сокращенію спроса на трудъ въ отрасляхъ народнаго хозяйства, переживщихъ параличъ экономическаго застоя. Поэтому «правительственный комитетъ» настаивалъ на томъ, чтобы были приняты мѣры и къ выработкѣ новыхъ хозяйственныхъ плановъ, исполненіе которыхъ въ состояніи было бы потребовать трудъ рабочихъ, оказавшихся въ противномъ случаѣ безъ работы. «Тамъ, гдѣ наблюдается неудовле-

---

1) „Memorandum for the guidance of the Local Committees" отъ 20 августа 1914 г. Memorandum on... the Prevention and Relief of Distress, Cd 7603, 1914, стр. 25.

2) Цит. по Board of Trade Labour Gazette, сентябрь 1914, стр. 322.

творительный спросъ на рабочемъ рынкѣ,—предписывало цитированное выше «руководство» министерства мѣстнаго управленія,—локальный комитетъ долженъ совѣтовать муниципалитету ускорить выполненіе плановъ общественно-необходимыхъ работъ, которые въ данный моментъ могли бы и не выполняться». На время войны, другими словами, мѣстнымъ самоуправленіямъ предлагается усилить свою экономическую активность путемъ немедленной реализаціи проектовъ, намѣченныхъ, въ виду ихъ неспѣшности или недостатка средствъ, для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, и пропорціонально увеличить свой спросъ на трудъ. Аналогично, два спеціальные органа, созданные актомъ 1910 г. (Development and Road Improvement Act) — «комиссія по развитію экономическихъ рессурсовъ» и «дорожный совѣтъ», — въ свою очередь, получили мандатъ на немедленное приведеніе въ исполненіе какъ тѣхъ проектовъ, которые намѣчены были ими для реализаціи въ періодъ промышленнаго застоя [1]), такъ и тѣхъ, которые выполняются ими нормально—по прокладкѣ каналовъ и шоссейныхъ дорогъ, по залѣсенію свободныхъ участковъ, постройкѣ гаваней и моловъ, ремонту улицъ и ихъ расширенію и т. п.

Степень повышенія пульса хозяйственной жизни, вызваннаго такого рода мѣрами кабинета съ цѣлью открыть передъ потерявшими работу «иное платное занятіе», всецѣло зависитъ, конечно, отъ размѣровъ свободной наличности, которая можетъ быть использована для расширенія хозяйственной дѣятельности государства и мѣстныхъ самоуправленій. Въ распоряженіи «мобилизованныхъ», для борьбы съ безработицей органовъ ко времени войны имѣлись,—если не считать не поддающихся точному учету «свободныхъ» средствъ муниципалитетовъ,—сравнительно незначительныя суммы. Еще въ самый канунъ войны «комиссія по развитію экономическихъ рессурсовъ» жаловалась, что «сумма фонда, по сравненію съ предъявленными къ нему требованіями, настолько мала, что не позволяетъ и думать объ операціяхъ сколько-нибудь крупнаго объема» [2]). Но государство,

---

[1]) „Такъ какъ текущій годъ будетъ... годомъ процвѣтанія, — писали члены комиссіи въ своемъ третьемъ годичномъ докладѣ (Third Report of the Development Commission, 1913, H. C. № 273, стр. 4), то предписаніе акта о развитіи экономическихъ рессурсовъ, сводящееся къ тому, чтобы нами принимались во вниманіе, при ассигнованіи суммъ изъ фонда, общее состояніе рабочаго рынка и виды на будущее, слѣдуетъ считать равносильнымъ прямой рекомендаціи, чтобы схемы этого рода... не проводились пока въ жизнь въ сколько-нибудь крупныхъ размѣрахъ".

[2]) Fourth Report of the Development Commission, H. C. № 441, 1914. стр. 33. Фонды комиссіи къ 31-му марта 1914 г. равнялись 2.900.000 ф. ст

вводя институтъ «права на трудъ» съ цѣлью создать реальный противовѣсъ пониженію спроса на трудъ со стороны частной промышленности, не ограничило финансы борьбы съ безработицей только этими средствами. Актъ о постройкѣ жилищъ (Housing No 2 Act), принятый парламентомъ 10-го августа, уполномочилъ министерства мѣстнаго управленія и земледѣлія израсходовать въ теченіе перваго же года войны, при сотрудничествѣ «комиссіи по развитію экономическихъ рессурсовъ», до четырехъ милліоновъ ф. ст. на постройку рабочихъ коттэджей какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ [1]). Другой актъ — Public Works Loans Act. получившій королевскую подпись одновременно съ первымъ, прибавляетъ къ этимъ еще 6 милліоновъ ф. ст., которые «комиссія государственнаго долга» получила полномочія распредѣлять въ видѣ безпроцентнаго займа между мѣстными самоуправленіями для организаціи всевозможныхъ общественно-необходимыхъ работъ. Въ общей сложности, свыше полутора десятка милліоновъ ф. ст.—около 150 милліоновъ рублей— было сразу же передано въ фактическое завѣдываніе «правительственнаго комитета» на борьбу съ безработицей. Тѣмъ самымъ и реализація «права на трудъ» поставлена была на прочную финансовую базу, и дѣло предупрежденія бѣдствія было обезпечено такъ, что усиленная хозяйственная активность центральныхъ органовъ государства и мѣстныхъ самоуправленій въ состояніи въ значительной мѣрѣ разрѣдить армію безработныхъ.

Само собой, идея организаціи экстренныхъ работъ для предоставленія платнаго занятія безработнымъ далеко не нова. Мы уже упоминали, что государство, широко ставя вопросъ о борьбѣ съ безработицей, привлекло къ участію въ этой борьбѣ всѣ тѣ, существовавшіе до войны, органы, которые въ состояніи были оказать своими операціями вліяніе на размѣры арміи безработныхъ, и что въ числѣ этихъ органовъ были такіе, которые еще до войны спеціально хранили опредѣленныя суммы для выполненія хозяйственныхъ задачъ, отложенныхъ до наступленія промышленной депрессіи, съ цѣлью создать извѣстный противовѣсъ послѣдней. Въ Англіи къ

Въ распоряженіи „дорожнаго совѣта“, кромѣ отложеннаго спеціально на періодъ обостренной безработицы милліона, имѣлось 2.170.895 ф. ст. (См. Fourth Report of the Road Board, H. C. № 300, 1914, стр. 4).

[1]) Въ одной англійской деревнѣ жилищная нужда выражается цифрой „по меньшей мѣрѣ въ 12 тысячъ квартиръ“. (См. The Land. The Report of the Land Enquiry Committee, Лондонъ 1913, vol. I. Rural, стр. 134), а что касается положенія вещей въ городѣ, то здѣсь „нужда въ жилищахъ—широко распространенное зло“, такъ какъ „не менѣе одной десятой всего населенія живетъ въ условіяхъ страшной тѣсноты“. (См. ibid, vol. Urban, II, 1914, стр. 70 и 205).

тому же, почти всегда, начиная съ 1886 г. (а спорадически еще ранѣе) періодическое или сезонное обостреніе безработицы вызывало со стороны муниципалитетовъ и, съ 1905 г., спеціальныхъ «комитетовъ безработицы» (Distress Committees) попытки организовать для безработныхъ спеціальныя работы. Въ этомъ, несомнѣнно, свидѣтельство того, что война лишь придала болѣе рѣзкіе контуры тѣмъ чертамъ общественно-политическаго быта страны, которыя начинали выясняться задолго до нарушенія международныхъ отношеній. Но въ этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и источникъ критики теперешней попытки реализовать «право на трудъ».

Дѣло въ томъ, что «общественныя работы» прошлаго пріобрѣли весьма печальную репутацію. Являясь продуктомъ желанія помочь безработнымъ, эти работы, какъ правило, представляли собой плоховуалированный предлогъ дать пострадавшимъ отъ безработицы возможность воспользоваться частицей ассигнованныхъ суммъ, не оскорбляя ихъ чувства собственнаго достоинства. Въ лучшемъ случаѣ, то, что дѣлалось муниципалитетами, сводилось къ найму безработныхъ на безполезныя или масло полезныя хозяйственныя функціи, типичнымъ образчикомъ которыхъ можно считать наемъ ихъ въ суровыя зимы на чистку улицы ручнымъ, а не механическимъ способомъ, нанивеллированіе и расчистку пустырей, копанье ненужныхъ канавъ или битье щебня. Рабочіе, прекрасно понимая, что «вспомогательныя работы» (relief works) создаются не потому, что онѣ необходимы, а лишь для оказанія имъ помощи, относились къ нимъ, какъ къ таковымъ, выполняя возложенныя на нихъ задачи кое-какъ. Отсюда то, что запись въ кандидаты на подобныя работы особенно привлекаетъ наименѣе желательныхъ представителей рабочаго класса, «случайныхъ рабочихъ», въ большинствѣ случаевъ принадлежащихъ къ городскимъ отбросамъ [1]). Отсюда также и то, что работы эти обходятся мѣстнымъ самоуправленіямъ втридорога, превращаясь фактически въ благотворительную подачку. Если бы реализація «права на трудъ» въ настоящее время только повторяла собой въ широкихъ размѣрахъ опытъ «общественныхъ работъ» прошлаго, цѣнность ея, какъ мѣры, приводящей къ сокращенію арміи безработныхъ, подрывалась бы деморализаціей, которую вносятъ такія работы въ рабочую жизнь.

[1]) По даннымъ 31-го марта 1914 г. „случайные рабочіе давали 50,2% всего числа обращеній за работой, зарегистрированныхъ „комитетами безработицы". См. Proceedings of Distress Committees, H. C. № 444, 1914, стр. 4. И это несмотря на категорическое предписаніе Unemployed Workmen's Act, 1905, чтобы комитеты оказывали помощь работою, главнымъ образомъ, квалифицированнымъ рабочимъ и избѣгали нанимать тѣхъ, для кого безработица является хроническимъ состояніемъ.

«Правительственный комитетъ по предупрежденію и облегченію бѣдствія» былъ въ состояніи не только широко и планомѣрно поставить дѣло реализаціи «права на трудъ», въ отличіе отъ аналогичныхъ шаговъ въ прошломъ; но онъ избѣжалъ при этомъ въ равной мѣрѣ и повторенія ошибокъ, приводящихъ къ дискредитированію «общественныхъ работъ». Вмѣсто того, чтобы организовать «вспомогательныя работы», совершенно лишенныя общественной цѣнности, онъ, какъ мы видѣли, открывалъ выходъ неиспользованной производственной энергіи путемъ выполненія общественно-*необходимыхъ* работъ: «гдѣ только возможно,—писало въ своихъ циркулярахъ по его рекомендаціи министерство мѣстнаго управленія,— подобныя работы должны быть работами, которыя нормально могли бы выполняться мѣстными самоуправленіями». И подборъ на эти работы имъ производился совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлалось при организаціи «общественныхъ работъ» въ прошломъ, когда считалось «надлежащимъ, чтобы наиболѣе нуждающіеся кандидаты на работу получали ее первыми» [1]). Конечно, и теперь мотивомъ реализаціи «права на трудъ» является желаніе помочь оказавшимся безъ работы—это желаніе продиктовано сознаніемъ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе. Но мысль о *помощи* работою не выдается въ настоящее время острымъ угломъ въ формѣ найма на работы актуальныхъ безработныхъ, независимо отъ ихъ пригодности къ данной работѣ и въ прямой связи съ ихъ индивидуальной нуждой, какъ она выступала раньше при наймѣ на муниципальныя «общественныя работы». Комитетъ особенно настаивалъ на томъ, чтобы работы—предпринимаемыя мѣстными самоуправленіями, будь то работы нормальныя или экстренныя—выполнялись обычнымъ порядкомъ, рабочими, спеціально подходящими для даннаго класса работъ, и подобранными, какъ таковые, на общемъ рабочемъ рынкѣ, а не тѣми, кто занесенъ въ регистры (локальныхъ) комитетовъ въ качествѣ нуждающихся въ помощи [2])». Другими словами, на этотъ

---

[1]) Report of the Select Committee of the House of Commons on the Distress from Want of Employment, Cd. 321, 1896 г., стр. X.

[2]) Memorandum on... the Prevention and Relief of Distress, стр. 25. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—„только тогда, когда этого выхода не остается",— комитетъ допускаетъ, что потребуется организовать и «вспомогательныя работы», не обладающія прямой хозяйственной цѣнностью, для доставленія платныхъ занятій обращающимся за помощью. Но и въ этихъ случаяхъ комитеты должны,—какъ это и дѣлаетъ «Центральный комитетъ по доставленію платной работы женщинамъ»,—организовать работы либо «съ цѣлью доставить работающимъ техническое образованіе и инструктированіе, либо для производства продуктовъ, которые иначе не были бы вовсе произведены.

разъ рѣчь идетъ не объ утилизаціи труда самихъ безработныхъ, не о непосредственной помощи имъ, а о такой постановкѣ общаго спроса на трудъ путемъ усиленія хозяйственной активности государства и его мѣстныхъ органовъ, при которой недостаточный спросъ со стороны пострадавшей отъ войны частной промышленности покрывался бы возросшимъ спросомъ государства и муниципалитетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣль введенія «права на трудъ» достигается безъ того, чтобы выполненіе общественно-необходимыхъ работъ превратилось въ плохо вуалированную подачку безработнымъ.

Конечно, за отсутствіемъ надлежащихъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ дѣйствительные размѣры безработицы въ Англіи и реальную ея интенсивность, невозможно оцѣнить послѣдствія введенія «права на трудъ» въ такомъ новомъ видѣ, въ какомъ оно реализовано «правительственнымъ комитетомъ». Эта форма «права на трудъ», къ тому же, въ отличіе отъ другихъ, оказываетъ свое вліяніе на состояніе рабочаго рынка въ неподдающихся прямому учету фактахъ. Въ то время, какъ въ прошломъ наемъ на «общественныя работы» организовывался путемъ учрежденія предварительной регистраціи безработныхъ и тщательнаго веденія статистики распредѣленія среди нихъ занятій,—что сразу же давало конкретныя цифры числа нуждающихся въ помощи и воспользовавшихся ею,—мѣры, принятыя теперь, исключаютъ самимъ своимъ принципомъ найма возможность количественной оцѣнки ихъ вліянія. Въ силу этого онѣ являются, въ извѣстномъ смыслѣ, тѣмъ, что англичане называютъ «Leap into the dark», прыжкомъ въ темную,—во всякомъ случаѣ, покуда длительный и всесторонній опытъ не дастъ государству прочнаго критерія для уясненія реальныхъ потребностей такой формы борьбы съ безработицей. Теоретически вѣрная, эта форма на практикѣ,—да еще въ условіяхъ, когда война вноситъ во всѣ разсчеты элементъ неустойчивости и неопредѣленности,—требуетъ, поэтому, дополненія въ видѣ обезпеченія безработныхъ, чей трудъ не будетъ, въ концѣ концовъ, почему-либо поглощенъ хозяйственной активностью государства. Если, въ качествѣ единоспасающаго средства, мѣры, предназначенныя для облегченія положенія потерявшихъ работу, недѣйствительны, то въ связи съ «правомъ на трудъ» онѣ пріобрѣтаютъ значеніе естественнаго дополненія мѣръ предупрежденія.

Нечего и говорить, что въ Англіи функціонированіе существовавшихъ до войны системъ страхованія отъ безработицы не было пріостановлено. Напротивъ, въ концѣ октября 1914 г. кабинетъ Асквита сдѣлалъ попытку еще болѣе обезпечить выполнимость финансоваго бремени, лежащаго на трэдъ-юніонахъ. Онъ выработалъ скалу

дополнительныхъ субсидій, повышающихъ на время войны долю участія государства въ факультативномъ страхованіи до одной трети и даже до половины всѣхъ расходовъ профессіональныхъ союзовъ по поддержанію своихъ безработныхъ членовъ [1]). Въ этомъ укрѣпленіи финансовъ трэдъ-юніонистской системы страхованія лежитъ залогъ того, что не поглощенный общественными работами избытокъ предложенія труда на рабочемъ рынкѣ не окажется предоставленнымъ волѣ судебъ и что, въ попыткахъ облегчить положеніе избыточной рабочей арміи, трэдъ-юніоны не переживутъ непоправимый финансовый крахъ.

Помимо, однако, вопроса о дѣеспособности института «права на трудъ»—вопроса, недостаточная опредѣленность отвѣта на который диктуетъ предусмотрительное развитіе и страхованія—сама по себѣ взятая, реализація этого права является яркимъ образцомъ тѣхъ новшествъ, которыя были внесены въ соціально-политическій бытъ Англіи общественнымъ кризисомъ. Въ фактѣ признанія государствомъ своей обязанности доставлять населенію платное занятіе (отсюда—*право* на трудъ) сказалась въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ раньше, новая общественная психологія, устанавливающая въ основѣ взаимоотношеній личности и государства принципъ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе.

III.

Проблему безработицы слѣдуетъ признать самымъ острымъ, самымъ больнымъ изъ вопросовъ, поставленныхъ общественнымъ кризисомъ передъ государствомъ. Это зло непосредственнѣе и ощутительнѣе всего бьетъ по базѣ общественной пирамиды—трудовымъ слоямъ націи, вынужденнымъ строить всю свою жизнь на зависимости отъ эфемерной особенно въ военное время перспективы незакрѣпленной долгосрочнымъ контрактомъ продажи своего труда. Но постановкой проблемы безработицы общественный кризисъ не ограничился. Онъ выдвинулъ острымъ ребромъ еще рядъ вопросовъ, требовавшихъ отъ государства немедленнаго разрѣшенія и въ соотвѣтствующей степени вызывавшихъ проявленіе истиннаго характера тенденцій англійскаго общественно-политическаго развитія.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ былъ вопросъ о положеніи семей ушедшихъ на войну солдатъ и матросовъ. Англія, не знающая

---

[1]) Въ зависимости отъ того, какого размѣра дополнительные взносы отъ работающихъ членовъ будутъ установлены с юзами, субсидія увеличивается либо на одну шестую расходовъ сверхъ обычной субсидіи того же размѣра, либо на одну треть.

института всеобщей воинской повинности и въ мирное время поддерживающая совсѣмъ незначительный контингентъ постоянной арміи, очутилась въ моментъ разрыва дипломатическихъ сношеній лицомъ къ лицу съ необходимостью оторвать отъ производительнаго труда небывало огромную массу активнаго населенія. И такъ какъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ это сопровождалось для семей призванныхъ на передовые посты полной потерей ихъ единственнаго или главнаго источника средствъ къ существованію, то на общество и государство тѣмъ самымъ возлагалась задача обезпеченія ихъ.

Задача эта ставится, конечно, элементарнѣйшими соображеніями справедливости, недопускающими, чтобы общество позволило познать все отчаяніе крайней нищеты семьямъ людей, жертвующихъ собой въ интересахъ этого общества. Даже въ расцвѣтѣ индивидуализма, въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, государство выдѣлило семьи ушедшихъ на войну въ особенную группу, интересамъ которой оно оказало несравненно больше вниманія, чѣмъ какой-либо иной изъ пострадавшихъ отъ войны соціальныхъ группъ. Въ то время приходскіе наблюдатели за бѣдными (overseers of the poor) были уполномочены особымъ актомъ парламента «выплачивать изъ суммъ, собираемыхъ въ видѣ налога въ пользу бѣдныхъ, еженедѣльно женѣ и каждому ребенку» каждаго солдата пособіе въ размѣрѣ «обычной цѣны однодневнаго труда сельскохозяйственнаго работника въ округѣ», но не менѣе одного шиллинга. И притомъ семьи эти были освобождены отъ позорящаго клейма пауперизма, которое накладывалось обычно на пользующихся приходскимъ вспомоществованіемъ путемъ лишенія ихъ политическихъ и гражданскихъ правъ: солдатъ не терялъ этихъ правъ, если его семья была вынуждена воспользоваться поддержкой «наблюдателей за бѣдными».

Но, если заботы о семьяхъ ушедшихъ на войну естественны въ организованномъ общежитіи, то тѣ формы, въ которыя выливаются эти заботы въ различные періоды, характерны для каждаго даннаго періода.

Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ задача облегченія положенія солдатскихъ и матросскихъ семей была возложена на институтъ «законовъ о бѣдныхъ». Государство, даже санкціонируя освобожденіе этихъ семей отъ клейма пауперизма, все же не шло дальше того толкованія своихъ обязанностей, которое основывалось на взглядѣ на личность, оказавшуюся въ затрудненіи, какъ на объектъ государственной благотворительности. Семья солдата должна была первой обратиться за поддержкой, и только въ этомъ случаѣ приходскіе наблюдатели за бѣдными выдавали ей «цѣну однодневнаго труда сельскохозяйственнаго рабочаго». Правда, на практикѣ «многія

семьи по всей странѣ требовали и получали средства къ существованію изъ суммъ налоговъ въ пользу бѣдныхъ, не только не испытывая чувства деградаціи, но какъ право, какъ почетное отличіе, оказываемое семьямъ мужчинъ, съ честью служащихъ своей родинѣ. Быть скупымъ въ распредѣленіи помощи такимъ лицамъ считалось бы непатріотичнымъ и, пожалуй, незаконнымъ [1])». Но такое толкованіе заботъ давалось самими пользующимися поддержкой семьями и, быть можетъ, еще лицами, непосредственно вѣдавшими выдачей пособій. Государство же, цѣликомъ усвоившее credo прямолинейнаго индивидуализма и только съ цѣлью поощрить наборъ рекрутовъ въ милицію снявшее пятно деградаціи съ пособій семьямъ этихъ рекрутовъ, придерживалось иного взгляда на характеръ своихъ отношеній къ личности. Вдохновители соціальной политики того времени, заслужившіе отъ Коббетта немало лестныхъ кличекъ («глупое и отвратительное племя»—одна изъ невиннѣйшихъ) видѣли въ поддержкѣ солдатскихъ семей только актъ государственной благотворительности, притомъ—и актъ сомнительнаго общественнаго достоинства.

Во время англо-бурской войны, несмотря на то, что она имѣла мѣсто совсѣмъ недавно, наблюдался совершенно тотъ же характеръ отношенія государства къ семьямъ ушедшихъ на войну. Если, пока солдатъ былъ живъ, семья его—благодаря введенному ранѣе обычаю разрѣшать рядовымъ жениться во время службы (on the strength)—пользовалась такъ называемымъ separation allowance, т.-е. частью заработка солдата съ небольшой прибавкой отъ государства (что, впрочемъ, распространялось на семьи солдатъ, женившихся до поступленія на службу, не иначе, какъ по особому ходатайству солдата) и имѣла право на небольшую пенсію, то за этимъ исключеніемъ содержаніе ея было предоставлено точно также чисто-благотворительнымъ институтамъ. Для нуждавшейся семьи не было иного выбора, кромѣ обращенія къ «попечительному совѣту» прихода либо къ частной благотворительной организаціи—въ особенности консервативной по политическимъ убѣжденіямъ ея руководителей, «Ассоціаціи солдатскихъ и матросскихъ семей» (Soldiers and Sailors Families Association), которой поручалось завѣдываніе собраннымъ всенародной подпиской «національнымъ фондомъ».

Такого рода благотворительный характеръ поддержки семей ушедшихъ на войну самымъ рѣшительнымъ образомъ расходился бы съ намѣтившимися передъ нынѣшней всеевропейской войной чер-

---

[1]) A History of English Poor Law, by Sir George Nicols, Лондонъ, 1898 vol. II, стр. 137.

тами англійскаго быта. Если рабочій, нѣсколько десятковъ лѣтъ проработавшій въ частныхъ предпріятіяхъ, и его жена получаютъ по достиженіи семидесятилѣтняго возраста, какъ *заслуженные слуги государства*, право на почетную пенсію, то не меньшимъ правомъ обладаетъ и тотъ, кто вынесъ на своихъ плечахъ долю опасности, угрожавшей всему обществу, и его семья. Принципъ коллективной отвѣтственности за индивидуальное благополучіе, примѣняемый къ судьбѣ больного, инвалиднаго либо безработнаго члена общества, не можетъ, разумѣется, не быть примѣненнымъ и къ долѣ жены, дѣтей и другихъ членовъ семьи солдата. Въ Англіи 1914 г. было бы не у мѣста то, что являлось естественнымъ не только для Англіи 1814 г., но и для Англіи 1899 г., когда соціальная политика государства продолжала еще вдохновляться индивидуалистическими принципами.

Когда, поэтому, военное министерство, заваленное своей спеціальной работой по веденію военной кампаніи и составленію новыхъ, небывалыхъ по размѣрамъ, армій, сдѣлало попытку возложить часть задачи обезпеченія семей опять-таки на благотворительныя организаціи—то и въ странѣ, и въ парламентѣ не нашлось ни одного голоса, который не высказался бы противъ этого шага. Даже «Times» въ рядѣ статей протестовалъ противъ попытки государства не выполнять своихъ прямыхъ обязанностей. «Поставьте себя на мѣсто жены солдата новой арміи,—писалъ этотъ руководящій органъ консервативнаго лагеря въ №-рѣ отъ 20 ноября 1914 г.— Не скажетъ ли она: «Вы, нація, взяли моего мужа, вы на время уничтожили мой семейный очагъ, и я не буду болѣе получать средства въ субботу вечеромъ, вы обязаны за то, что вы сдѣлали, компенсировать меня, именно меня, лично, а не только моего мужа. Резонно, что я должна нести часть народныхъ тяготъ, но я не должна быть брошена въ бѣдность. *Это — мое право*. Обезпечьте меня». И надо при этомъ замѣтить, что военное министерство поручило «Ассоціаціи солдатскихъ и матросскихъ дѣтей» лишь распредѣлить между этими семьями средства, выдаваемыя государственной казной, за неприспособленностью къ новымъ колоссальнымъ потребностямъ Paymaster's office (бюро по уплатѣ жалованія при министерствѣ). «Times», какъ и всѣ въ Англіи, протестовалъ противъ *малѣйшей примѣси благотворительнаго элемента* въ взаимоотношеніяхъ государства и семей ушедшихъ на войну.

Въ настоящую минуту военное министерство уже въ извѣстной мѣрѣ наладило ту организацію распредѣленія пособій (вѣрнѣе, «выдачъ», такъ какъ даже техническій терминъ «allowances» избавленъ отъ привкуса благотворительности), которая въ состояніи удовлетво-

рить общественное мнѣніе Англіи. Женѣ каждаго солдата или матроса, либо зависящимъ отъ нихъ роднымъ казначеемъ министерства выдается документъ, уполномачивающій ихъ получать въ ближайшей почтовой конторѣ причитающуюся еженедѣльно сумму. Никакихъ постороннихъ посредниковъ эта схема не допускаетъ. И если почему-либо наблюдается, при выдачѣ этого документа, задержка, вынуждающая родныхъ солдата обратиться къ наблюдательному совѣту прихода или къ какой-либо частной ассоціаціи, государство немедленно погашаетъ расходы этихъ органовъ и требуетъ, чтобы даже имя обратившихся къ нимъ за помощью было вычеркнуто изъ ихъ списковъ.

Размѣръ выдачъ, равно какъ и распредѣляемыхъ тѣмъ же путемъ пенсій, потерявшимъ трудоспособность солдатамъ или матросамъ, либо, въ случаѣ ихъ смерти даже спустя семь лѣтъ послѣ даты полученія раненія, вдовамъ и сиротамъ,—въ настоящую минуту еще не разрѣшенъ окончательно. Министерство выработало, было, временную скалу, но критика рабочей прессы, признавшей эту скалу недостаточной, побудила кабинетъ Асквита назначить особый парламентскій комитетъ для переработки ея. Независимо, однако, отъ размѣровъ (достигающихъ пока что, для вдовьихъ пенсій—20 шилл. въ недѣлю) для обремененныхъ семьей солдатъ, потерявшихъ трудоспособность—23 шилл. и для многодѣтной съ четырьмя дѣтьми жены—22 шилл. [1]) самый критерій, которымъ государство пользуется при оцѣнкѣ своихъ обязанностей, представляетъ собою яркую иллюстрацію новыхъ взаимоотношеній личности и государства. *Не индивидуальная нужда*, а исключительно *фактъ родства* съ солдатомъ или матросомъ, отдающимъ свои силы на службу государству, поставленъ во главу угла. Никакихъ инквизиціонныхъ разспросовъ о личномъ достаткѣ, отъ которыхъ прежде такъ страдали семьи отбывавшихъ повинность, теперь нѣтъ при опредѣленіи того, слѣдуетъ или не слѣдуетъ выдавать пособія или пенсіи. Единственная допущенная схемой градація основана на размѣрахъ семей: вдова съ четырьмя дѣтьми получаетъ пенсію большаго размѣра, чѣмъ бездѣтная вдова, и жена пріобрѣтаетъ право на большую «выдачу», если на ея рукахъ содержаніе большаго количества дѣтей въ возрастѣ моложе 14 лѣтъ для мальчиковъ и 16—для дѣвочекъ.

Какъ мы говорили выше, то обстоятельство, что государство

---

1) Эта сумма составляется изъ еженедѣльнаго вычета въ 3 ш. 6 п. изъ заработка солдата и 18 ш. 6 п. государственной доли. Для каждаго ребенка, сверхъ четырехъ, государство прибавляетъ по 2 ш. въ недѣлю. См. Navy and Army, Allowances and Pensions, Cd. 7662, отъ 9 ноября 1914 г. стр. 8. По этой скалѣ пока и выдаются пособія и пенсіи.

проявляетъ извѣстную заботливость по отношенію къ семьямъ солдатъ, не представляетъ собой исключительно новаго явленія, хотя форма, которую принимаетъ эта заботливость, является, дѣйствительно, новшествомъ. Но поскольку рѣчь идетъ о мѣрахъ обезпеченія населенія отъ голода и другихъ мѣрахъ возстановленія нормальной хозяйственной жизни, принятыхъ кабинетомъ Асквита въ первые мѣсяцы войны, то здѣсь настолько послѣдовательное отступленіе отъ каноновъ индивидуализма, что позволяетъ говорить о полномъ крахѣ его. Государство фактически взяло въ свои руки контроль надъ хозяйственной жизнью и сдѣлало это въ такой формѣ, какая не можетъ пройти безслѣдно. «Уже теперь ясно,—какъ справедливо замѣчаетъ одинъ англійскій экономистъ,—что война революціонизируетъ методы руководства многими отраслями народнаго хозяйства Англіи» [1]).

Въ этомъ отношеніи, пожалуй, наиболѣе знаменательнымъ шагомъ кабинета Асквита былъ «Articles of Commerce (Returns etc.) Act.» 23 августа 1914 г. Предписанія этого акта сводятся къ тому, что министерство торговли уполномачивается собирать періодически свѣдѣнія о всѣхъ товарахъ, «находящихся въ Соединенномъ Королевствѣ или „въ транзитѣ», и, если изъ этихъ свѣдѣній или изъ какого-либо иного источника оно вынесетъ впечатлѣніе, что тотъ или иной товаръ не выпускается на рынокъ со спекулятивными цѣлями, конфисковать его по цѣнамъ, установленнымъ независимымъ трибуналомъ. Но за скобками такой, сравнительно, скромной юридической формулы красуется несравненно болѣе многозначительная сущность, вскрытая практикой примѣненія акта.

Въ моментъ объявленія войны въ Англіи среди потребителей воцарилась паника. Англія зависитъ отъ привозныхъ продуктовъ въ такой мѣрѣ, въ какой не зависитъ никакая иная страна въ мірѣ, такъ какъ туземное зерно покрываетъ едва 18,8% всего зернового потребленія, а туземное мясо не болѣе 63,8% всего потребленія мясного. О такихъ, совершенно непроизводящихся въ Англіи продуктахъ, какъ сахаръ, и говорить не приходится. Правда, основаній для паники было мало: если война и закрыла доступъ на англійскіе рынки германскимъ и австрійскимъ продуктамъ, то она тѣмъ самымъ вовсе не подорвала поставку никакого изъ продуктовъ первой необходимости, за исключеніемъ сахара, пока англійскій флотъ въ состояніи охранять торговые пути. Но паника, вызванная внезапно охватившимъ умы сознаніемъ общей непрочности поло-

---

[1]) Edgar Crammond, „Economic Aspects of the War“, Quarterly Review, октябрь 1914, стр. 540.

женія, тѣмъ не менѣе имѣла мѣсто и позволила проявиться одной изъ наиболѣе отрицательныхъ чертъ капиталистическаго порядка—спекуляціи на общемъ несчастіи. Цѣны на самые главные жизненные продукты сразу же, словно искусственно подогрѣваемый столбикъ термометра, взлетѣли вверхъ, благодаря тому, что на усиленную закупку припасовъ публикой оптовые импортеры отвѣтили намѣреннымъ corner'омъ, соглашеніемъ или отказомъ выпускать на рынокъ нужное количество товаровъ. Сахаръ почти удвоился въ цѣнѣ, мука поднялась на 20%, яйца на 24%, баранина на 19%, копченая свинина на 15%, маргаринъ на 19%, и т. д., и т. д. Чтобы оградить населеніе отъ подобныхъ, неоправдывавшихся реальными запасами и только подливавшихъ масла въ огонь паники спекуляцій, кабинетъ и выдвинулъ свою угрозу спекулянтамъ въ формѣ короткаго акта (Unreasonable withholding of food supplies, 10 августа), включеннаго потомъ въ актъ 28 августа. Цѣны сразу же упали, хотя и не для всѣхъ продуктовъ одинаково, а вмѣстѣ съ тѣмъ стала ясной и необходимость планомѣрнаго контроля со стороны государства для предупрежденія повтореній такого рода «выгодныхъ операцій».

Этотъ контроль и былъ установленъ въ формѣ полномочія, даннаго министерству торговли, поставить весь торговый рынокъ подъ наблюденіе особыхъ инспекторовъ, имѣющихъ право обыска торговыхъ помѣщеній и складовъ и привлеченія къ суду виновныхъ равно въ сознательномъ укрывательствѣ товаровъ и въ несообщеніи въ требуемой формѣ о ихъ наличности.

Конечно, извѣстная доля надзора за тѣмъ, какъ частныя предпріятія удовлетворяютъ насущныя потребности населенія, сравнительно давно введена въ Англіи. Санитарная инспекція активно наблюдаетъ за доброкачественностью продаваемыхъ продуктовъ, и цѣлый рядъ парламентскихъ актовъ нормируетъ условія продажи различныхъ товаровъ—начиная отъ молока и кончая поддѣлкой легко воспламеняющейся фланели. Но до сихъ поръ надзоромъ за качествомъ и ограничивалось вмѣшательство государства. Попытки расширить область контроля до включенія въ нее цѣны и количества выпускаемаго на рынокъ товара въ нормальное время считались бы слишкомъ значительнымъ шагомъ въ направленіи къ «опаснымъ соціалистическимъ экспериментамъ». И лишь угроза общественнаго кризиса, открывшаго объективно недопустимую возможность спекуляціи на народномъ бѣдствіи, въ состояніи была позволить правительству поставить всѣ торговыя операціи и во всѣхъ отношеніяхъ подъ наблюденіе своихъ инспекторовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она позволила государству и нормировать цѣны,—чего оно никогда не рѣшалось дѣлать въ обычное время,—

устанавливая ихъ время отъ времени въ максимальномъ размѣрѣ, выше котораго ни одна лавка не можетъ продавать своимъ кліентамъ, не рискуя быть привлеченной къ отвѣтственности.

Этимъ, однако, практика «Articles of Commerce (Returns etc.) Act» не ограничилась. Перспектива общественнаго кризиса подвинула государство не только на установленіе абсолютнаго контроля надъ торговыми операціями, но и на государственную организацію этихъ операцій въ частныхъ случаяхъ. Актъ 28 августа 1914 г. прямо не предусматриваетъ такой организаціи. Въ немъ лишь допускается конфискація продуктовъ, спекуляція которыми могла бы угрожать населенію. На практикѣ же его предписанія дали государству возможность прибѣгнуть къ «соціалистическому эксперименту» общественной организаціи торговыхъ операцій въ интересахъ населенія. Мы говоримъ объ обобществленіи поставки англійскому потребителю сахара, который до войны ввозился въ Англію преимущественно изъ Германіи и Австріи.

Выполнившая предварительную работу по этому обобществленію спеціальная «Королевская комиссія по доставкѣ сахара» (Royal Commission on sugar supplies) разсказываетъ, въ выпущенномъ къ прессѣ сообщеніи, о весьма простомъ и мало напоминающемъ соціальную революцію способѣ, какимъ государство порвало въ данномъ случаѣ съ основными принципами индивидуалистически организованнаго народнаго хозяйства. Правительство, оказывается, «призвало главныхъ рафинеровъ и уговорилось съ ними, 1) чтобы всѣ рафинеры стали въ сторонѣ отъ рынка сахара-сырца; 2) чтобы этотъ рынокъ цѣликомъ былъ предоставленъ операціямъ одного лишь государства; 3) чтобы только къ государству рафинеры обращались за сырцемъ, который долженъ быть отпускаемъ рафинаднымъ заводамъ по фиксированнымъ цѣнамъ и 4) чтобы тѣ, въ свою очередь, продавали рафинадъ по установленной же таксѣ, при чемъ разница между цѣнами не должна быть большей, чѣмъ *справедливая* прибыль производства» [1]). Коротко говоря, предпринимателямъ было предложено государствомъ стать его агентами на извѣстныхъ, установленныхъ государствомъ же «комиссіонныхъ»—но не болѣе. И это было сдѣлано въ условіяхъ, недавшихъ рафинерамъ и тѣни возможности отказаться, ибо правительство, вооруженное Defence of the Realm Acts («Актами о защитѣ державъ», консолидированными парламентомъ 27 ноября 1914 г.), уполномочено «дѣлать все, что необходимо, не считаясь съ частными правами на собственность»,

1) Цит. по Cooperative News, № отъ 10 октября 1914, стр. 1267.

и потому оно лишь проявило извѣстную любезность, ознакомивши ихъ о своемъ намѣреніи.

Можно было бы отмѣтить еще рядъ практическихъ шаговъ въ томъ же направленіи, но распространяющихся на другія сферы хозяйственной жизни и, взятый каждый въ отдѣльности, менѣе рельефно оттѣняющихъ характеръ произведеннаго «переворота». Можно было бы указать на фактическій переходъ въ вѣдѣніе казначейства банковыхъ операцій, благодаря гарантированію государствомъ учета векселей и реформѣ денежнаго обращенія, на проектъ открытія правительствомъ—не съ фискальными цѣлями, а въ качествѣ нормальнаго отправленія экономическихъ функцій государства—фабрики анилиновыхъ красокъ, на реорганизацію, подъ непосредственнымъ контролемъ министерства торговли, коммерческаго страхованія, и т. п., и т. п. Но и сказанное, какъ намъ кажется, съ логической неопровержимостью свидѣтельствуетъ о такомъ расширеніи сферы государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь, какое идетъ въ разрѣзъ съ убѣжденіями не только Сеньора или Герберта Спенсера, для которыхъ фантомъ нарушенія права частной собственности былъ вѣрнымъ предвѣстникомъ окончательной гибели цивилизаціи, но даже и самихъ членовъ кабинета Асквита въ самый канунъ войны.

А. Чекинъ.

ОТЪ КОПЕНГАГЕНА ДО ПАРИЖА.

Все-европейская война!.. Какія дикія и страшныя слова—слова, казалось бы, безконечно далекія и чуждыя нашему пониманію, но, увы... уже успѣвшія стать для всѣхъ насъ чѣмъ-то вполнѣ привычнымъ и понятнымъ!.. Первое время, когда мнѣ пришлось быть въ уютной и привѣтливой столицѣ крохотнаго датскаго королевства,—единственномъ пунктѣ сейчасъ въ цѣлой Европѣ, гдѣ съ наибольшей быстротой сходятся информаціонныя извѣстія изъ всѣхъ воюющихъ государствъ,—я невольно чувствовалъ себя какъ бы ходящимъ въ странномъ и тревожномъ снѣ... Неужели все это правда—то, о чемъ безстрастными буквами сообщаютъ ежедневно выставленныя въ витринахъ датскихъ газетъ и отовсюду получаемыя телеграммы?.. Неужели на самомъ дѣлѣ надѣвшіе остроконечныя каски мирные бюргеры культурной Германіи начала XX столѣтія

душатъ, грабятъ и разоряютъ маленькую, тоже культурную и ничуть не менѣе ихъ просвѣщенную Бельгію, сжигаютъ ея историческіе города, насилуютъ женщинъ, убиваютъ дѣтей и стариковъ только за то, что въ героическомъ и высокочеловѣчномъ порывѣ маленькая страна не захотѣла сказать покорное «да!» передъ замахнувшимся на нее и на остальную Европу «бронированнымъ кулакомъ» прусскаго юнкерскаго милитаризма?..

Кругомъ идиллическія, тихія улицы... Старые дома съ высокими черепичными крышами, прозрачно и важно отражающимися въ водѣ спокойныхъ и точно къ чему-то далекому прислушивающихся каналовъ... Добродушные люди съ привѣтливыми лицами толпятся на уютной единственной площади. Мчатся безчисленные велосипедисты, звенятъ звонки электрическихъ трамваевъ. Идетъ обычная, ежедневная жизнь большого, съ культурными традиціями и историческимъ прошлымъ европейскаго города. Но чего-то нѣтъ уже больше въ окружающей мирной и трудовой обстановкѣ. Что-то неуловимое, но безъ чего наша жизнь превращается въ простую цѣпь рабской зависимости отъ куска хлѣба на завтрашній день, исчезло въ смутномъ заревѣ поднимающагося на горизонтѣ всеевропейскаго грознаго пожара...

И, всмотрѣвшись ближе въ эти «Сѣверныя Аѳины», какъ любятъ обычно называть датчане свой дѣйствительно милый и въ художественномъ отношеніи далеко превосходящій многія, даже крупныя европейскія столицы, Копенгагенъ, послушавъ мимолетные отрывки разговоровъ въ непрерывно чернѣющей передъ выставленными телеграммами толпѣ, почитавъ упорно избѣгающія какихъ бы то ни было разсужденій «отъ себя» по поводу военныхъ дѣйствій датскія газеты, можно съ грустной увѣренностью сказать:—Нѣтъ больше прежней Европы!.. Нѣтъ больше того общаго, ненарушимаго цѣлаго, въ которомъ понималась и заключалась совокупность усилій десятковъ и сотенъ людей, цѣлыхъ, одушевляемыхъ стремленіями къ вѣчному идеалу человѣческихъ поколѣній... Все разлетѣлось, все разрушилось, какъ зданье, построенное на пескѣ!.. Куда теперь пойти?.. Кому повѣдать и передать тоску о томъ, что такъ грубо и страшно было смято и раздавлено на вершинахъ человѣческой культуры ни стыда, ни тягости не вѣдающей рукой внезапно выбѣжавшаго изъ пещеры доисторическаго звѣря-человѣка?..

И вотъ, если раньше маленькіе и слабые знали, что имѣется хоть какой-нибудь общественный судъ, существуетъ какое ни на есть, а все же обще-европейское «просвѣщенное» общественное и человѣческое мнѣніе,—теперь горькая истина встала передъ ними во всей своей злобной и жуткой наготѣ: отрасти себѣ когти, за-

остри зубы, если не хочешь, чтобы тебя проглотили крупные хищники на своемъ пути... Заведи дальнобойную артиллерію, усиль свой флотъ, ощетинь штыками каждую пядь твоей границы—и тогда и лишь только тогда ты, быть можетъ, сможешь мирно пользоваться плодами твоихъ трудовъ, слушать музыку по вечерамъ въ твоихъ кафэ, украшать цвѣтами и статуями твои, какъ Малинъ, Лувэнъ и прочіе, въ прахъ и пепелъ обращенные нынче бельгійскіе города, подъ такой же вѣчной угрозой 42-сантиметровыхъ орудій стоящія «Сѣверныя Аѳины»!..

Жалобно пищитъ тоненькая, точно дѣтская, флейта. Совсѣмъ невоинственно и не страшно грохочетъ барабанъ... Идутъ опять и снова идутъ окончательно уже игрушечнаго вида датскіе солдаты, проходя по нѣскольку разъ по тому же самому мѣсту, какъ статисты, изображающіе «войска» на провинціальной, оперной сценѣ. Маленькая Данія по случаю событій мобилизовала «всю свою армію» и съ унылой покорностью неизбѣжной судьбѣ въ смертельномъ страхѣ ждетъ, когда ее проглотитъ кто-нибудь изъ могущественныхъ сосѣдей... На чьей сторонѣ сейчасъ ея симпатіи?—сказать мудрено. Россію здѣсь знаютъ только по наслышкѣ. Да и далеко она уже очень, и наврядъ ли ей нужно обращать Копенгагенъ въ уѣздный русскій городъ, какъ почему-то думаютъ шведы относительно нашихъ якобы твердыхъ намѣреній по поводу ихъ, «угрожаемаго русской опасностью» Стокгольма... Германія же наоборотъ—близко. Даже очень близко... Отнятыя ею у датчанъ въ 1864 г. коренныя датскія провинціи Шлезвичъ-Гольштейнъ напоминаютъ ей объ этомъ ежедневно. Ежедневно является и германскій посланникъ въ Копенгагенѣ въ здѣшнее министерство иностранныхъ дѣлъ для обстоятельнаго «частнаго» разговора... Въ результатѣ—«Новая блестящая побѣда германскихъ войскъ на западномъ фронтѣ!»—жирными буквами читаемъ мы заголовокъ только-что выставленной телеграммы.—Еще новая, наиблестящая...—рядомъ съ предыдущей такимъ же жирнымъ шрифтомъ зазываетъ почтеннѣйшую датскую публику въ свою германскую лавочку другая...—«Въ Австріи русскихъ гонятъ и бьютъ безъ передышки»—краснорѣчиво свидѣтельствуетъ третья. И совсѣмъ гдѣ-то на задворкахъ, скромнымъ мелкимъ шрифтомъ—«Русскій главный штабъ сообщаетъ»... Но что онъ сообщаетъ и о чемъ?—Кому это важно и интересно знать—тѣмъ болѣе, разъ изъ предыдущихъ телеграммъ уже ясно, какъ Божій день—что «Deutschland, Deutschland побѣдоносно шествуетъ по трупамъ «über Alles»!..

И несчастные, волей судебъ покамѣстъ еще «нейтральные» датчане вмѣстѣ съ своимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Брандесомъ (братомъ извѣстнаго критика),—давно уже совѣтовавшимъ для

блага страны упразднить безполезную и дорого стоющую армію, приставивъ къ границѣ на случай нарушенья нейтралитета единственнаго «морально протестующаго» городового,—читаютъ и вѣрятъ—вѣрятъ и трясутся...

Если отъ чтенія съ спеціальной цѣлью фабрикуемыхъ германскихъ телеграммъ истина о положеніи на театрѣ военныхъ дѣйствій можетъ предстать передъ датской публикой закутанной фантастическимъ туманомъ,—то никакая, даже самая пылкая, фантазія не сумѣетъ замаскировать неожиданно всколыхнувшуюся на родинѣ Гёте и Шиллера волну всеобщаго, нравственнаго и культурнаго одичанія... Въ данномъ случаѣ для производства наблюденій—Копенгагенъ ближайшій и удобный центръ. Утреннія газеты, выходящія въ Берлинѣ, получаются здѣсь вечеромъ въ тотъ же самый день. Можно, сидя въ тиши своей комнаты, подъ грустный и меланхолическій бой старинныхъ часовъ на сосѣдней башнѣ перелистывать совсѣмъ еще свѣжіе газетные листы и въ вечернемъ сумракѣ за окномъ видѣть великія, но современной Германіей нашихъ дней позабытыя и поруганныя тѣни...

Ибо чѣмъ же инымъ, какъ не надругательствомъ надъ лучшими завѣтами всему человѣчеству принадлежащихъ творцовъ германской культуры могутъ назваться писанія ихъ нынѣшнихъ недостойныхъ потомковъ—гдѣ съ болью въ сердцѣ видишь имя Гергарда Гауптмана подъ стихами, проповѣдующими кровь, насиліе и уничтоженіе, гдѣ на-ряду съ продажно-патріотическимъ кликушествомъ изолгавшагося уличнаго журналиста вчерашніе еще люди мысли, науки и труда тѣми же самыми перьями пишутъ проповѣди систематическаго истребленія всѣхъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ нынѣшнему нѣмецкому юнкерству не по вкусу!.. И какое при этомъ злобное издѣвательство надъ тѣмъ, что не носитъ на себѣ «истинно-нѣмецкаго» кайзеромъ Вильгельмомъ одобреннаго и прусскими юнкерами «принятаго и дополненнаго» отпечатка. Какъ всѣ эти «русскія собаки», «англійскія свиньи», «бельгійскіе мерзавцы», «французскіе подлецы» и т. д. ничтожны, глупы, безсмысленны, надѣлены всевозможными недостатками и пороками; и какъ—наоборотъ—всѣ нѣмцы и ихъ «австро-венгерскіе союзники» сіяютъ яркостью красокъ ума, доблести, отваги, рѣшимости и благородства!.. И ни одной при этомъ человѣческой черты! Точно вся, печатаемая нынче въ германскихъ газетахъ военная и «около войны находящаяся» беллетристика сочиняется спеціально для какихъ-то дикарей, съ которыми приходится объясняться лишь при помощи однихъ нечленораздѣльныхъ звуковъ...

Возьмемъ хотя бы на удачу иллюстрированное литературное

приложеніе къ «Berliner Tageblatt». Иллюстраціи, конечно, всѣ изображаютъ или «разрушительное дѣйствіе нашихъ орудій» то въ одномъ, то въ другомъ изъ вчера еще мирныхъ и цвѣтущихъ бельгійскихъ городовъ, или «разстрѣлъ нашими уланами пойманнаго бельгійскаго шпіона», или «реквизицію припасовъ въ французскомъ селѣ»... Разсказы, между которыми попадаются подписанные весьма извѣстными въ германскомъ литературномъ мірѣ именами—тѣ же иллюстраціи «съ натуры» и на ту же главную тему—бей, рѣжь, грабь и убивай!.. Въ одномъ разсказѣ бравый лейтенантъ вихремъ налетаетъ со своимъ отрядомъ на трепещущее въ ужасѣ французское мѣстечко.

— Гдѣ мэръ?.. Подать сюда мэра!..

— 3000 франковъ, monsieur le maire!..—на чистомъ французскомъ языкѣ обращается онъ къ приведенному передъ его свѣтлыя очи, и натурально, при видѣ остроконечной каски совершенно растерявшемуся старику-французу. — Въ противномъ же случаѣ... Herr Leutenant краснорѣчивымъ жестомъ берется за саблю.

Деньги моментально доставлены.

— Merci, monsieur!..

— Налѣво кругомъ!.. Р...рысью... маршъ...

Отрядъ выѣзжаетъ. Впереди покачивается въ сѣдлѣ торжествующій герой-лейтенантъ. Чудный закатъ солнца. Великолѣпная панорама. Чирикаютъ птички. Вся природа, повидимому, вмѣстѣ съ героемъ разсказа и его авторомъ радуется «новому подвигу германскаго оружія», не подозрѣвая даже въ своей невинности о томъ, что вымогательство денегъ съ оружіемъ въ рукахъ у беззащитныхъ и мирныхъ людей не столь уже доблестное и похвальное дѣло!

Въ другихъ разсказахъ—бравые лейтенанты то высмѣиваютъ и застращиваютъ плѣнныхъ и безоружныхъ враговъ, то устраиваютъ необычайно, по всей вѣроятности, съ ихъ точки зрѣнія остроумныя штуки въ родѣ якобы сбрасыванія съ моста въ рѣку на глазахъ тысячной толпы—больного француза, оказывающагося впослѣдствіи искусно наряженной въ французскій военный мундиръ соломенной куклой и т. д. въ томъ же родѣ.

Что касается политическихъ газетныхъ статей, то каково же можетъ быть ихъ содержаніе вообще, когда даже соціалъ-демократическій «Vorwärts» устами Зюдекуна — извѣстнаго вождя германскихъ соціалъ-демократовъ, вполнѣ опредѣленно заявляетъ:

— Сперва намъ необходимо побѣдить, а уже послѣ будемъ философствовать и разсуждать! Бельгійскій нейтралитетъ долженъ былъ быть нами нарушенъ, ибо того требовали наши насущные интересы!..

И идутъ безконечныя разсужденія о томъ, «какъ мы всѣхъ бьемъ и какъ насъ всѣ боятся»; «наплевать намъ на историческіе дома въ Лувэнѣ, разъ изъ оконъ этихъ историческихъ домовъ стрѣляютъ по нашимъ германскимъ солдатамъ»,—«зачѣмъ русскимъ плѣннымъ офицерамъ даютъ мясо, когда у насъ въ Германіи есть нѣмцы, которымъ мяса не на что купить?.. Достаточно будетъ съ нихъ сухого хлѣба съ саломъ!..» и т. д.

Иногда эти однообразныя темы «освѣжаются» или ученымъ трактатомъ какого-нибудь, съ патріотической цѣлью взявшагося за перо Herr Professor'а или наоборотъ—дѣтскимъ лепетомъ патріотически настроеннаго «истинно-германскаго» младенца. Образчикомъ перваго можетъ служить попытка нѣкоего тайнаго совѣтника, бывшаго директора Дрезденскаго банка вычислить въ «Крестовой Газетѣ», какую контрибуцію должна взыскать побѣдоносная Германія съ уничтоженныхъ ею и окончательно раздавленныхъ союзныхъ государствъ? Покамѣстъ я былъ въ Копенгагенѣ, ученый финансистъ успѣлъ «обложить» одну лишь Францію, но зато весьма солидной суммой въ 40 милліардовъ марокъ, не франковъ, а именно германскихъ марокъ, что̀ и было неоднократно подчеркнуто въ началѣ его статьи... Кромѣ того, конечно французскія колоніи переходятъ къ Германіи въ вѣчное и потомственное владѣніе; въ предѣлахъ самой французской территоріи на 10 лѣтъ, въ видѣ гарантіи уплаты контрибуціи, всѣ города занимаются германскими войсками. Такъ какъ никакого «реванша» уже нѣтъ и больше быть не можетъ, то французская армія за ненадобностью упраздняется совсѣмъ, а освободившійся отъ этой операціи бюджетъ идетъ опять-таки на скорѣйшую уплату «долга крови» и т. д.

Образчикъ второго рода литературнаго творчества, которымъ наполняются теперь даже недавно еще солидныя германскія газеты, мы находимъ въ «Local Anzeiger'ѣ» отъ 1 сентября нов. стиля. Въ редакцію является «нѣмецкая мать», и приноситъ стихотвореніе своего маленькаго Фрица, написанное къ дню рожденія «папахенъ», который «тамъ на границѣ бьетъ сейчасъ французовъ»... Редакція вмѣсто того, чтобы посовѣтовать матери наказать хорошенько «маленькаго Фрица» за такіе стихи — наоборотъ — печатаетъ ихъ полностью и, какъ будто даже съ большимъ удовольствіемъ. Для характеристики происходящаго сейчасъ въ Германіи, непонятнаго для посторонняго наблюдателя, но, повидимому, всеобщаго отупѣнья,—привожу эти стихи тоже полностью въ переводѣ:

— Милый папахенъ! — пишетъ малолѣтній Теодоръ Кернеръ Германіи нашихъ дней,—я не плачу здѣсь о тебѣ, ибо я знаю, какъ ты тамъ убиваешь враговъ!.. Но объ одномъ прошу тебя: приведи

къ намъ съ собой какого-нибудь изъ нихъ поздоровѣе, чтобы и я тоже могъ его хорошенько «отлупцовать»!..

Но къ чему удивляться кровожадной глупости этого маленькаго Фрица, когда «большіе Фрицы», по общественному и соціальному своему положенію могущіе служить примѣромъ для маленькихъ, тоже выступаютъ нынче съ публичными заявленіями, ничуть не уступающими ни по формѣ, ни по содержанію приведенному выше «патріотическому стихотворенію». Вотъ, напримѣръ, «обращеніе германскихъ ученыхъ къ своимъ бывшимъ французскимъ друзьямъ», напечатанное въ «Berliner Tageblatt» и подписанное рядомъ именъ, о которыхъ у насъ раньше было совсѣмъ иное представленіе... Теперь, обуреваемые жаждой внести посильную лепту въ «общее дѣло», ученые профессора объявляютъ своимъ французскимъ коллегамъ о «расторженіи связывавшихъ ихъ узъ личной дружбы»...

— По вашей же французской поговоркѣ — пишутъ германскіе ученые—les amis de nos amis sont nos amis... Мы логически продолжаемъ ее: если у васъ, monsieur такой-то, вашимъ другомъ считается какой-нибудь Жоржъ Клемансо или Мильеранъ—люди, нападающіе на наше отечество, то мы должны вамъ заявить:—les amis de nos ennemis sont nos ennemis, и по этому случаю отнынѣ мы не желаемъ имѣть съ вами ничего общаго!..

Идя еще дальше—тѣ же ученые и профессора уже безо всякаго стѣсненія принимаютъ на себя роли активныхъ участниковъ въ защитѣ якобы подвергшагося «варварскому нападенію» германскаго фатерланда. У меня въ гостиницѣ, рядомъ со мной, жилъ извѣстный въ Германіи профессоръ X., спеціально присланный для «обработки датскаго общественнаго мнѣнія» и, въ виду его знанія русскаго языка—также «для надзора за русскими журналистами». Кромѣ того, почтенный ученый занимался еще и другими дѣлами, равнымъ образомъ, ничего общаго съ наукой не имѣющими. Каждое утро къ нему являлись съ рапортами какія-то темныя личности, при чемъ, нерѣдко, ошибаясь дверью, они входили сперва въ мой номеръ, а одинъ разъ, сидя у себя вмѣстѣ съ однимъ знакомымъ, я долженъ былъ быть невольнымъ слушателемъ происходящихъ за стѣной оживленныхъ и шумныхъ преній о посылкѣ въ Египетъ 20 спеціальныхъ эмиссаровъ для возбужденія тамошняго мусульманскаго населенія противъ англичанъ... Дѣйствительно, можно сказать: — «Лиха бѣда начало!»...

Передъ отъѣздомъ изъ Копенгагена мнѣ пришлось быть въ «Ландсби»—характерномъ, въ старо-датскомъ стилѣ устроенномъ художественномъ кафэ-концертѣ. Послѣднимъ номеромъ программы была какая-то толстая, уже весьма почтенныхъ лѣтъ нѣмка, по

увѣреніямъ моихъ пріятелей-датчанъ — «знаменитая пѣвица изъ Берлина»... Съ остатками когда-то дѣйствительно прекраснаго контральто, съ простыми, полными сдержаннаго достоинства манерами, она исполнила романсъ на слова извѣстнаго стихотворенія Гейне о царской дочери, давнымъ-давно умершей и лишь въ грустномъ, сладостномъ снѣ явившейся майской ночью къ одинокому мечтателю-поэту... Скорбный мотивъ, чудныя слова, благородная нѣжность и красота исполненія — все какъ-то сразу напомнило намъ, собравшимся въ этой стариннаго вида маленькой и тѣсной залѣ, о Германіи прежнихъ дней, о той старой и поэтической Германіи, въ которой такъ ярко горѣлъ огонь человѣческаго духа, такъ вѣрилось въ подвигъ истины, благородства, добра и красоты...

Но обаяніе продолжалось всего лишь нѣсколько секундъ! Сейчасъ же, едва успѣвъ закончить Гейневскій романсъ, пѣвица перешла къ пошлѣйшей, безвкуснаго и сквернаго берлинскаго издѣлія шансонеткѣ, гдѣ главную роль играли «Die gnädige Frau und der Herr Choffeur!»...

Притихшая-было и какъ-будто задумавшаяся компанія нѣмцевъ за сосѣднимъ столомъ шумно задвигалась и оживилась... Послышались одобрительные возгласы, громкій, жирный смѣхъ. Та же старая и толстая женщина, только-что такая простая и благородная въ своемъ черномъ платьѣ — теперь нелѣпо кривлялась и бѣгала по сценѣ, выкрикивая въ публику грубыя сальности о похожденіяхъ почтеннаго нѣмецкаго семейства—въ которомъ весенняя ночь пробудила желаніе «sich amüsieren»...

И я вышелъ изъ залы подъ впечатлѣніемъ Германіи нашихъ дней, гдѣ «Die gnädige Frau und der Herr Choffeur» съ побѣдной наглостью заняли мѣсто прежней, съ испугомъ и болью скрывшейся тѣни давно умершей царской дочери и куда-то безслѣдно сгинувшаго одинокаго мечтателя-поэта!..

...Тусклыя въ туманѣ поздней осени улицы Христіаніи—такія методически правильныя, съ убійственной точностью пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ среди тяжелыхъ и безвкусныхъ каменныхъ ящиковъ-домовъ. Грязная мостовая. Всюду преслѣдующій запахъ рыбы и чего-то еще тяжелаго, душнаго. Тоскливо мерцающіе въ вечернемъ сумракѣ огни газовыхъ фонарей. Толпа суровая, молчаливая, непривѣтливо движущаяся по блестящимъ отъ только-что переставшаго холоднаго и мелкаго дождика тротуарамъ.

Въ столицѣ Норвегіи не чувствуешь себя въ атмосферѣ дру-

жественнаго расположенія. Здѣсь уже начинается непосредственная «зона вліянія» германскаго фатерланда. Сынъ великаго норвежца — Бьернстерне - Бьернсона, отдавъ на службу Берлину имя своего, всѣмъ норвежскимъ народомъ глубоко чтимаго покойнаго отца, безплатно и съ неимовѣрнымъ трудолюбіемъ наводняетъ страну километрическими телеграммами изъ учрежденнаго имъ на нѣмецкія деньги телеграфнаго агентства. Одна, внушенная германскимъ правительствомъ ложь слѣдуетъ за другой... Редакціи норвежскихъ газетъ буквально завалены то «интервью съ бывшимъ канцлеромъ Бюловымъ», то сообщеніями изъ германскихъ источниковъ о звѣрствахъ русскихъ казаковъ, то общими разсужденіями на тему—какая Германія хорошая, симпатичная и культурная держава, какіе венгерцы и австрійцы милые люди и какъ у союзниковъ все скверно, отвратительно и безобразно!... Если по отношенію къ Англіи и Франціи свѣдѣнія предпріимчиваго «сына своего отца» не встрѣчаютъ особаго сочувствія въ норвежскихъ общественныхъ кругахъ, то на широкія плечи невѣдомой имъ и гдѣ-то въ безконечныхъ и вѣчныхъ снѣжныхъ поляхъ затерявшейся Россіи можно безъ зазрѣнія совѣсти валить все, что угодно! Въ представленіи норвежцевъ—Россія полу-варварская, дикая страна, гдѣ происходятъ разныя чудесныя и для культурнаго европейца абсолютно непонятныя и недопустимыя вещи. Разумѣется, непрерывно размахивающій окровавленной «nagaïka», звѣрски заросшій бородой до глазъ «kasak»-«pogrom»; питающійся чуть-ли не лѣснымъ мохомъ и на первой ступени отъ обезьяны находящійся «mujik»; съ утра до поздней ночи шипящій на столѣ и для настоящей русской жизни совершенно неизбѣжный «samovar»—знакомы здѣсь всѣмъ и каждому, какъ свои собственныя пять пальцевъ...

Русская культура—въ Норвегіи вещь настолько же мало извѣстная, какъ «культура» какихъ-нибудь Сандвичевыхъ острововъ. Что же касается до общепризнанныхъ всей Западной Европой именъ нашихъ ученыхъ, писателей, художниковъ, артистовъ и т. д., то на это «образованные» норвежцы обычно возражаютъ:

— У насъ здѣсь то же имѣется весьма даже любопытный феноменъ: простой, неграмотный батракъ Ени Буль на 25 году сталъ учиться читать и писать... На 30 году онъ уже былъ авторомъ по всему міру прогремѣвшаго сочиненія по астрономіи, и сейчасъ съ его научными работами въ этой области считаются всѣ мало-мальски извѣстные астрономы... Отсюда все же нельзя вывести заключенія, что наши норвежскіе мужики имѣютъ особыя способности къ астрономіи, какъ нельзя равнымъ образомъ брать отдѣльныя единицы на фонѣ вашего невѣжества и вашей темноты за по-

казателей общаго уровня, какой-то, якобы существующей у васъ «русской культуры»!..

Помимо спеціальнаго незнанія Россіи—въ Норвегіи мы мало симпатичны, главнымъ образомъ, уже потому, что въ здѣшнемъ, хотя и сѣверномъ, но очень пылкомъ воображеніи мы являемся въ роли будущихъ завоевателей верхней части норвежскаго океанскаго побережья. По мнѣнію здѣшнихъ политиковъ,—а въ данномъ случаѣ политики здѣсь всѣ,—Россіи такъ же необходимъ выходъ къ свободному морю, какъ человѣку необходимы легкія для дыханья. Выходовъ этихъ имѣется только три: къ Тихому океану, къ незамерзающей благодаря Гольфштрему, части Ледовитаго и наконецъ—Босфоръ и Дарданеллы. По этому случаю, когда Россія въ своихъ поискахъ двигалась на Дальній Востокъ,—Свенъ Гединъ писалъ въ Швеціи пламенныя статьи въ защиту русскихъ, дальне-восточныхъ интересовъ, а добрые норвежцы искренно скорбѣли и плакали о нашихъ неудачахъ подъ Портъ-Артуромъ и при Цусимѣ... Но когда отъ этого пути волей судебъ намъ пришлось, повидимому, совершенно отказаться—тогда въ Норвегіи на всѣхъ перекресткахъ забили самую отчаянную тревогу... Подумать только: у норвежцевъ на океанѣ есть удобная гавань—Нарвикъ—которую при желаніи можно превратить въ военный портъ и къ которой прямая дорога ведетъ черезъ сѣверъ Швеціи!.. Что стоитъ огромной и варварской Россіи наступить своей медвѣжьей пяткой на оба маленькія культурныя, но беззащитныя передъ ней государства—и отнять у одного часть территоріи, у другого его Нарвикъ?..

— Russkiy-Knutskiy!..—какъ дразнили норвежскіе ребятишки въ школѣ сына одного моего знакомаго, «по независящимъ причинамъ» принужденнаго очутиться въ здѣшней, безконечно далекой и чуждой для него обстановкѣ. А при такихъ обстоятельствахъ—отъ русскаго всего можно ожидать и въ первую очередь—внезапнаго наводненія Швеціи и Норвегіи своими дикими, но, къ сожалѣнію, безчисленными войсками... Вотъ если колесо исторіи съ Божьей помощью такъ повернется, что русскія устремленія направятся снова или на Дальній Востокъ, или въ сторону еще больше Нарвика нужныхъ Россіи Босфора и Дарданеллъ, тогда, конечно, совсѣмъ другое дѣло!.. Тогда, быть можетъ, обѣ маленькихъ Скандинавскихъ страны позабудутъ свои, по отношенію къ намъ, большія огорченія... Появится желаніе поближе узнать, что дѣйствительно представляетъ собой эта, какъ Кнутъ Гамсунъ назвалъ Россію въ своей книгѣ—«Сказочная страна» и возможно соперничающія между собой «на рѣзвость и злобность» въ распространеніи ложныхъ извѣстій агентства Вольфа молодого Бьернстерне-Бьернсона

вмѣсто слѣпо вѣрящихъ имъ читателей, какъ сейчасъ встрѣтятъ въ освобожденной отъ «русскаго кошмара» Норвегіи лишь всеобщее, единодушное осужденіе!..

Нашъ поѣздъ стоитъ въ пустынномъ мѣстѣ—стоитъ долго, должно быть уже больше часу... Кругомъ обвѣянные осенней грустью сжатыхъ и убранныхъ полей невысокіе холмы. Сизыя тучи нависли надъ ними низко и неподвижно. Мы во Франціи, неподалеку отъ Калэ. Выѣхали оттуда еще рано утромъ, а вотъ уже полдень скоро и наврядъ ли намъ удалось отъѣхать больше, чѣмъ на 25—30 километровъ! Поѣздъ шелъ буквально черепашьимъ шагомъ, останавливаясь черезъ каждыя 10—15 минутъ. Весь этотъ путь нѣсколько дней тому назадъ былъ во многихъ мѣстахъ разрушенъ. Теперь его наскоро починили кое-какъ, но все еще боятся пускать поѣзда полнымъ ходомъ. Различія въ классахъ больше не существуетъ, всѣ лѣзутъ куда попало, стоятъ въ коридорахъ, стоятъ возлѣ оконъ въ купэ—вездѣ все набито людьми до полнаго и окончательнаго изнеможенія...

Начиная уже отъ Лондона, почувствовалось близкое и грозное дыханье войны... Англійская столица въ ожиданіи нѣмецкихъ цепелиновъ съ 6 вечера погружена во мракъ. Надъ витринами магазиновъ опущены спеціальныя шторы, освѣщенныя окна частныхъ домовъ и общественныхъ учрежденій тщательно завѣшены, трамваи и автомобили мчатся безъ огней и на многихъ улицахъ газовые фонари погашены совершенно. Фантастическій, блѣдный снопъ прожектора бродитъ гдѣ-то наверху по черному небу, выщупывая тамъ очертанья приближающагося воздушнаго врага. Лицъ прохожихъ, особенно не въ центральныхъ кварталахъ, почти не видно въ темнотѣ, и кажется невольно—кругомъ, навстрѣчу и около безконечной вереницей движутся какія-то тѣни...

Но бодрость духа у англичанъ удивительная. Хладнокровіе и выдержка—тоже. Разъ взявшись за начатое дѣло—они спокойно и методично доведутъ его до конца, не взирая ни на какія временныя препятствія и затрудненія.

Къ однимъ моимъ знакомымъ вечеромъ долженъ былъ придти ихъ пріятель - англичанинъ. Ровно въ 8 часовъ его высокая, тощая фигура появилась на порогѣ.

— Къ сожалѣнію, я долженъ теперь уйти,—посидѣвъ около получасу, заявилъ неожиданно онъ.

— Почему такъ скоро?—изумились хозяева.

— А дѣло, видите, въ томъ, что, собираясь къ вамъ, я полу-

чилъ извѣстіе о смерти моего брата... Онъ убитъ въ сраженіи подъ N. Придется теперь пойти сообщить его женѣ. Ужасно непріятно!..

И, пожавъ всѣмъ присутствующимъ руки — англичанинъ съ такимъ же невозмутимымъ видомъ удалился...

Въ Калэ я пріѣхалъ поздно ночью. На невидимомъ въ темнотѣ морѣ вспыхивали и снова исчезали лучи прожекторовъ съ стоящихъ на рейдѣ французскихъ и англійскихъ военныхъ кораблей. Среди осенняго мрака, по неосвѣщеннымъ улицамъ маленькаго городка, двигались, хлопая по грязи и лужамъ, какія-то, странно молчаливыя, безшумныя толпы... Утромъ мнѣ пришлось разглядѣть ихъ поближе. Это оказались бельгійцы—женщины, дѣти, старики—бѣглецы изъ Антверпена.

Раньше, во время Балканской войны, когда на равнинахъ Ѳракіи, или въ Македонскихъ горахъ я видѣлъ эти тупыя, съ застывшей покорностью судьбѣ, никакими другими человѣческими чувствами, кромѣ голода, страха и усталости, не отмѣченныя лица,— я думалъ невольно: 500-лѣтній рабскій гнетъ не могъ же вѣдь пройти безслѣдно! Это все остатки прежней психологіи—привычка къ вѣчно поднятому надъ головой и угрожающему кулаку, отсутствіе сознанія безопасности и увѣренности въ томъ, что завтрашній день можетъ и долженъ пройти благополучно. Но вотъ сейчасъ я вижу передъ собой людей изъ одного изъ наиболѣе просвѣщенныхъ, культурныхъ и мирныхъ уголковъ Европы. И что же оказывается: трехъ мѣсяцевъ ужасовъ войны было достаточно для того, чтобы всѣ они и по внѣшнему виду, и по внутренней психикѣ стали похожими на тѣхъ македонскихъ и ѳракійскихъ «бѣженцовъ», которые такъ же тупо и безразлично, точно стадо, куда-то двигались, сами не зная—куда и зачѣмъ, — такими же долгими часами безмолвно стояли на одномъ мѣстѣ, не зная: зачѣмъ и почему?

Мнѣ показывали одного грузнаго старика, въ недавно еще, повидимому, черномъ—теперь принявшемъ отъ грязи, морской сырости и постояннаго дождя невообразимый пѣгій цвѣтъ сюртукѣ. Этотъ старикъ — антверпенскій богатый ювелиръ — во время переѣзда изъ Бельгіи въ Калэ на биткомъ набитой людьми парусной лодкѣ не выпускалъ изъ рукъ своего маленькаго чемодана. Въ немъ было 4.000 фунтовъ стерлинговъ золотомъ—все, что удалось спасти и захватить съ собой изъ недавно еще огромнаго денежнаго состоянія. Уже въ виду береговъ Франціи чемоданъ этотъ почему-то выпалъ у него прямо въ море—а онъ, не шевелясь, безъ малѣйшаго движенія, все по-прежнему стоялъ у борта и смотрѣлъ на стальныя волны Ламанша, въ которыхъ погибла его послѣдняя надежда...

Со мной вмѣстѣ ѣдутъ бельгійскіе солдаты. Здоровые, крѣпкіе, веселые, они говорятъ и разсказываютъ о чемъ угодно, только не о войнѣ и всего менѣе о своихъ собственныхъ подвигахъ. Лишь подъ конецъ нашего совмѣстнаго путешествія я случайно узнаю, что всѣ они участники семи наиболѣе ожесточенныхъ и кровопролитнѣйшихъ сраженій, нѣкоторые изъ нихъ были ранены и снова вернулись въ строй и теперь опять отправляются куда-то,—возможно, что на вѣрную и неизбѣжную гибель.

Наконецъ, выясняется причина нашего долгаго и мучительнаго ожиданія. Оказывается, мы должны пропустить рядъ военныхъ поѣздовъ съ только-что прибывшими изъ Индіи туземными войсками. Вагонъ за вагономъ медленно проползаетъ мимо нашего окна. Дикіе крики, мяуканье, визгъ несутся оттуда пронзительно и непрерывно. Это индусскіе солдаты дружески привѣтствуютъ насъ, очевидно, по принятой у нихъ въ далекой и незнакомой намъ Индіи манерѣ. Мы тоже, съ своей стороны, стараемся быть любезными съ ними, но только уже на европейскій ладъ.

— Боже мой!.. Вотъ рожи!.. Ну и рожи страшныя у нихъ!..— не выдерживаетъ, наконецъ, сидящая рядомъ со мной француженка— здѣшняя крестьянка.

— Зато солдаты хорошіе!.. — отвѣчаютъ ей изъ разныхъ угловъ.—Съ такими солдатами никакіе нѣмцы не страшны...

И то и другое мнѣніе совершенно справедливо: темныя, гримасничающія лица, восточные тюрбаны, фантастическіе костюмы «защитнаго цвѣта», дѣйствительно, производятъ впечатлѣніе чего-то похожаго на жуткій и странный сонъ; но нельзя не признаться, что встрѣча подъ боевымъ огнемъ съ этими коренастыми, гибкими, точно обезьяны, и, должно быть, жестокими къ врагу людьми не должна быть особенно пріятна!

Только къ вечеру подъѣзжаемъ къ оставленному нѣмцами Амьену. Весь путь отъ Калэ до Парижа, обычно дѣлаемый въ 6—7 часовъ, приходится теперь продѣлывать въ теченіе 22—23 часовъ и притомъ безо всякой возможности найти чего-нибудь съѣдобнаго въ дорогѣ. На огромномъ заполненномъ ранеными, бѣглецами пассажирами и всюду валяющимся въ безпорядкѣ багажемъ амьенскомъ вокзалѣ нужно снова безконечно и терпѣливо ждать.

На разсвѣтѣ для насъ составляютъ поѣздъ. Измученные, голодные, продрогшіе до костей, мы молча лѣземъ и разсаживаемся какъ и гдѣ попало... Еще зачѣмъ-то стоимъ и снова чего-то ждемъ. Въ концѣ концовъ шипитъ выпускающій пары локомотивъ, свистки, звонки. Мы начинаемъ ѣздить взадъ и впередъ и трястись на на-

шихъ чемоданахъ, ибо поѣздъ нашъ, почему-то, оказался товарнымъ и мнѣ приходится нынче совершить свой въѣздъ въ столицу Франціи съ билетомъ «отъ Кука» I класса, но зато въ вагонѣ, въ которомъ недавно должно быть перевозимыя лошади успѣли послѣ себя оставить обильные и свѣжіе слѣды...

А. Деренталь.

ПОЗИЦІЯ ИТАЛІИ.

(Письмо изъ Рима).

Жить въ странѣ нейтральной въ эпоху мірового пожара, быть можетъ, очень безопасно, удобно, даже, пожалуй, интересно, такъ какъ здѣсь концентрируются, безъ цензурной просѣйки, всѣ телеграфныя свѣдѣнія, но (такъ ужъ странно созданъ даже мирный человѣкъ!)—стыдно. Стыдно жить въ теплѣ, когда другіе мерзнутъ на стужѣ; стыдно быть созерцателемъ, когда другіе дѣйствуютъ. Говоря такъ, я имѣю въ виду, конечно, не свои личныя ощущенія, которыя интереса представлять не могутъ, а психологію гражданина нейтральной страны, которая не хочетъ и не можетъ мириться съ второстепенной ролью въ міровомъ соперничествѣ державъ. Густавъ Эрве, нападая на итальянскихъ соціалистовъ, назвалъ ихъ «нейтральными кастратами». Трудно въ такой моментъ оскорбить больнѣе! Не знаю, обидѣлись ли соціалисты, но рѣдкій итальянецъ не ощущаетъ, что столь недавнія пламенныя рѣчи о растущей силѣ Италіи, о ея великихъ задачахъ, не встрѣчаютъ подтвержденія въ занятой ею позиціи.

Италія пришла къ нейтралитету путемъ отказа слѣдовать за своими союзницами: она оставила этихъ союзницъ въ самый рѣшительный и трудный для нихъ моментъ. Итальянское правительство не могло поступить иначе, не рискуя вызвать революціонный взрывъ въ населеніи, ненавидящемъ въ лицѣ Австріи исконнаго историческаго врага; оно не должно было и не захотѣло вести Италію къ гибели. Въ рѣшительный моментъ ему пришлось ухватиться за формальную оговорку и благородно ретироваться, предпочтя нейтралитетъ двойному риску, внѣшнему и внутреннему. Иначе поступило бы оно, если бы вѣрность дружбѣ обѣщала Италіи явную выгоду безъ большого риска. Во всякомъ случаѣ фактъ оставленія союзницъ имѣется на-лицо. Смягчающимъ обстоятельствомъ является то, что

оставляющей оказалась не Италія, т.-е. не итальянскій народъ, не виновный ни въ дружбѣ съ австро-германцами, ни въ охлажденіи къ нимъ, а его дипломатія, лишь незадолго передъ войной (на свиданіи въ Абаціи) вновь подтвердившая вѣрность Италіи союзницамъ.

Итакъ, признаемъ, что итальянскій нейтралитетъ лишь постольку явился актомъ благородства, поскольку онъ освященъ и оправданъ единодушнымъ признаніемъ народа, поскольку онъ исправилъ старую ошибку дипломатіи. Къ счастію въ международныхъ отношеніяхъ моральный критерій вообще пока не приложимъ; къ счастью, конечно, для добраго имени Италіи, а не для международныхъ отношеній. Если мы все же не чуждаемся терминовъ «благородство» и «измѣна», то сдѣлаемъ это въ двухъ цѣляхъ: 1) въ цѣли выясненія истиннаго характера итальянскаго нейтралитета, который является нейтралитетомъ «священнаго эгоизма», 2) въ цѣли предупрежденія, что Италія и въ будущемъ способна еще разъ не оправдать чьихъ-нибудь надеждъ. Впрочемъ, уже самая формула «священный эгоизмъ», въ данное время оффиціально признанная, должна насъ предостерегать отъ слѣпой вѣры въ дружбу.

Этого небольшого предисловія, полагаю, достаточно, чтобы застраховаться отъ обвиненія въ излишней довѣрчивости къ странѣ «священнаго эгоизма». Въ дальнѣйшемъ намъ нѣтъ надобности скрывать надеждъ, которыя вселяетъ въ насъ данная позиція Италіи.

Заявивъ о строгомъ нейтралитетѣ Италіи, итальянское правительство вскорѣ, путемъ статей въ оффиціозныхъ органахъ, дало понять, что Италія не можетъ оставаться безучастной къ міровымъ событіямъ. Нейтралитетъ ея съ первыхъ шаговъ былъ названъ «готовымъ, бодрствующимъ и вооруженнымъ» (neutralità pronta, vigile ed armata). Итальянской территоріи не грозило, конечно, никакое вторженіе враждующихъ сторонъ, какъ могли этого ожидать Бельгія, Люксембургъ, Голландія и Швейцарія. Однако, интересы государства не ограничиваются предѣлами его территоріи. Нарушеніемъ интересовъ Италіи могло явиться умаленіе ея господства на Адріатикѣ, вліянія въ Албаніи, въ Эгейскомъ морѣ (гдѣ за нею пока остаются, согласно лозаннскому договору, крупные турецкіе острова), и еще больше—лишеніе ея надеждъ на приращеніе территоріи за счетъ Австріи. Это послѣднее сразу опредѣляло, въ какую сторону склоняется итальянскій нейтралитетъ. Ирредентныхъ мечтаній по адресу Ниццы, Савойи, Мальты, въ широкихъ кругахъ итальянскаго населенія нѣтъ совершенно. Память о былыхъ историческихъ предѣлахъ прочно живетъ лишь постольку, поскольку въ отнятыхъ или уступленныхъ провинціяхъ остается крѣпкой связь съ бывшей метрополіей. Савойя давно уже перестала быть итальян-

ской по духу. Между тѣмъ Тренто и Тріестъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ старанія Австріи, не сдѣлались провинціями австрійскими по духу. Italianità этихъ провинцій внѣ всякаго сомнѣнія. Связь ихъ съ Италіей поддерживалась тѣмъ, что въ Италіи онѣ видятъ страну большей политической свободы, цѣлостное національное государство, ихъ оторванность отъ котораго можетъ быть лишь временной. Если Австріи удалось, до извѣстной степени, искоренить ирредентизмъ украинскаго и польскаго населенія Галиціи, то это объясняется условіями совершенно противоположнаго характера. Тренто и Тріестъ не получили отъ присоединенія къ Австріи никакихъ выгодъ; но, примкнувъ къ австрійской культурѣ, эти провинціи терпѣли умаленіе во всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ культурной связи съ Италіей. Политика Австріи сводилась здѣсь къ поддержкѣ взаимныхъ распрей между населеніемъ кореннымъ итальянскимъ и пришлымъ славянскимъ, путемъ покровительства послѣднему; но, не ограничиваясь этимъ, Австрія старалась воздвигнуть стѣну между своими итальянскими подданными и ихъ прежней метрополіей. Пущена была въ ходъ ложная система мелкихъ придирокъ, въ родѣ запрещенія въ Тріестѣ оперъ Верди, задержанія цензурой открытокъ съ портретомъ итальянскаго короля, преслѣдованія національныхъ цвѣтовъ даже въ маскарадныхъ костюмахъ и т. п. Это могло только раздражать мѣстныхъ итальянцевъ и укрѣплять ихъ естественный ирредентизмъ. Въ то время, какъ въ Галиціи, на-ряду съ раздуваніемъ вражды рутиновъ и поляковъ, тѣмъ и другимъ предоставлялось развивать свой національный языкъ и совершенствовать свою культуру съ несравненно большей свободой, чѣмъ это выпадало на долю ихъ зарубежныхъ соплеменниковъ,—итальянцы Австріи были въ униженномъ положеніи по сравненію съ соплеменниками d'oltre confine. Съ теченіемъ времени отношенія между итальянскимъ населеніемъ и намѣстниками Австріи обострялись, давая пищу ирредентистской пропагандѣ по обѣ стороны Альпъ. Несмотря на существованіе дружбы пусть оффиціальной, между Италіей и Австріей, несмотря на то, что Австрія, казалось бы, была въ полномъ правѣ распоряжаться въ своихъ провинціяхъ по своему единоличному усмотрѣнію,—вопросъ о культурныхъ правахъ итальянскаго населенія Тренто и Тріеста неоднократно былъ предметомъ дипломатическихъ споровъ между двума державами, какъ будто за Италіей все же оставались какія-то права на эти провинціи. Правда, реальнаго значенія эти споры почти никогда не имѣли. Культурная Италія, съ своей стороны, дѣятельно поддерживала связь съ сѣверными провинціями, настойчиво выдѣляя ихъ въ особую категорію «временно чужихъ» провинцій. Такъ, напримѣръ, характерно, что всѣ итальянскія газеты и издательства

имѣютъ особый тарифъ абонемента для Италіи, Трепто и Тріеста, и особый для «заграницы». Быть можетъ, не менѣе характерно и то, что въ Вѣнѣ выражаются о чиновникахъ, командированныхъ въ Тренто и Тріестъ, какъ о живущихъ dort unten, in Italien. Въ противовѣсъ этому вы никогда не услышите отъ итальянца, пріѣхавшаго изъ этихъ провинцій, что онъ былъ «въ Австріи». Венеціанцы и ломбардцы, чувства которыхъ къ Австріи особенно опредѣленны, часто носятъ въ карманѣ особыя, запрещенныя въ Австріи (а раньше и въ Италіи) коробки спичекъ съ изображеніемъ карты Италіи, съ границей, расширенной къ сѣверу.

Предѣлами этихъ двухъ австрійскихъ провинцій ограничиваются законныя,—если это слово умѣстно,—вожделѣнія Италіи. Если же говорить вообще о территоріальныхъ стремленіяхъ итальянскихъ націоналистовъ, то Тріестъ не является ихъ границей. Не безъ основанія они утверждаютъ, что переходъ порта Тріестъ въ руки Италіи не рѣшитъ окончательно вопроса о господствѣ Италіи на Адріатикѣ, такъ какъ, лишившись интерланда, Тріестъ потеряетъ значительную часть своей важности, и роль его перейдетъ къ Фіуме (если Фіуме останется въ рукахъ Австріи). Далѣе, историческія права Италіи простираются и на все далматинское побережье, гдѣ во многихъ городахъ преобладаетъ итальянское населеніе (Дзара). Наконецъ, несомнѣнны итальянскіе интересы въ Албаніи, самостоятельность которой вообще очень призрачна. Во всякомъ случаѣ, Валлона, являющаяся, на-ряду съ итальянскимъ Отранто, ключемъ Адріатики, Италіи совершенно необходима. Какъ извѣстно, въ Валлону уже давно посланы итальянскія суда, и лишь нежеланіе предупреждать событія и отвлекать силы на меньшую цѣль заставило Италію пока отказаться отъ прямой и открытой оккупаціи Валлоны. На послѣднемъ планѣ стоятъ Эгейскіе острова, оккупированные Италіей во время триполитанской войны и подлежащіе возврату Турціи; ясно, что, при вступленіи Италіи въ конфликтъ на сторону тройственнаго соглашенія, послѣдуетъ разрывъ ея съ Турціей и, слѣдовательно, статьи лозаннскаго договора потеряютъ значеніе. Въ этомъ случаѣ острова или останутся за Италіей, или, при послѣдней разверсткѣ европейской карты, будутъ отданы ею Греціи.

Такимъ образомъ, итальянскіе интересы рѣшительно вездѣ сталкиваются съ интересами Австріи прежде всего, и не только Австріи, но и Германіи, которая, въ своемъ стремленіи къ безграничному расширенію и міровому господству, не забываетъ, разумѣется, о выходѣ къ Адріатикѣ. Не менѣе важно для Италіи и уничтоженіе вліянія младотурокъ, не оставляющихъ въ покоѣ ея новыя сѣверо-африканскія колоніи. Лишь во второй серіи «интересовъ»

Италія сталкивается съ Сербіей (Далмація) и Греціей (Валлона, острова); но, конечно, не Греція, а опять же Австрія является ея соперницей въ Албаніи. И только въ послѣдней серіи «интересовъ», вѣрнѣе, въ области мечтаній о возстановленіи безпочвенныхъ историческихъ правъ, появляются на сцену Ницца и Савойя, и раньше ихъ Тунисъ, гдѣ работаетъ такъ много итальянскихъ эмигрантовъ, Тунисъ, нѣкогда, по мнѣнію Италіи, глупо проигранный ея дипломатіей.

Столь ясная и столь рѣзко очерченная градація итальянскихъ «интересовъ» не оставляетъ сомнѣнія, что вмѣшательство Италіи въ европейскій конфликтъ возможно только ради одной цѣли: ради ослабленія и даже раздѣла Австріи и обезсиленія ея союзницъ— Германіи и Турціи. Всякое предположеніе о томъ, что Австрія можетъ купить дружбу Италіи уступками, напримѣръ, уступкой Тренто и вліянія въ Албаніи, совершенно наивно. Съ тѣмъ же правомъ можно предположить, что Австрія купитъ дружбу и содѣйствіе Румыніи за Трансильванію, Сербіи за Боснію, Россіи за Галицію; но вѣдь тогда почти не останется и самой Австріи! Притомъ, въ данный періодъ войны Тренто уже не можетъ удовлетворить итальянскихъ вожделѣній; уступкой его врядъ ли можно купить не только содѣйствіе, но даже и вѣрность нейтралитету.

Эти соображенія, а не какія-нибудь другія, сентиментальнаго характера, опредѣляютъ и общественныя симпатіи Италіи. Страна непосредственной отзывчивости и пылкихъ чувствъ, каковою считали и еще до сихъ поръ нѣкоторые считаютъ Италію, давно уже, въ дѣйствительности, пережила эпоху общественнаго сентиментализма. Въ письмахъ изъ Италіи, за эти шесть лѣтъ находившихъ пріютъ въ «Вѣстникѣ Европы», мнѣ многократно послѣдовательно приходилось отмѣчать эволюцію итальянскаго общественнаго мнѣнія. Самый рѣзкій скачекъ сдѣлало оно въ періодъ триполитанской войны, одновременно съ пробужденіемъ націоналистическихъ и даже имперіалистскихъ теченій. Если до этого времени итальянская общественность полагала свою гордость въ мирномъ прогрессѣ наукъ и промышленности, то съ періода завоеванія Ливіи возвышаетъ голосъ проповѣдь аггрессивной внѣшней политики. Италія, несомнѣнно, переоцѣниваетъ свои силы и свое міровое назначеніе. Но она— страна удачи. Вспыхнувшая балканская война помогла ей быстро и выгодно ликвидировать собственную войну съ Турціей; вспыхнувшая европейская война съ каждымъ лишнимъ днемъ увеличиваетъ вѣсъ Италіи, остающейся нейтральной и сохраняющей, такимъ образомъ, свою военную мощь въ то время, какъ всѣ державы расходуютъ и своихъ людей, и свои финансовые запасы. На Италію,

которая раньше играла третью скрипку въ европейскомъ концертѣ, теперь смотрятъ, какъ на державу, отъ доброй воли которой зависитъ дать перевѣсъ той или другой изъ борющихся сторонъ. На Италію смотрятъ и ея иниціативы ждутъ также балканскія государства, и прежде всѣхъ Румынія, положеніе которой во многихъ отношеніяхъ тождественно съ положеніемъ Италіи: тотъ же давній двусторонній ирредентизмъ, съ явнымъ перевѣсомъ въ сторону австрійскихъ провинцій. За Италіей ухаживаютъ всѣ державы, хваля ее за лойальность, добиваясь ея симпатій всякими путями. Изъ уличной пѣвицы она сдѣлалась для всякаго заманчивой партіей.

Подъ вліяніемъ этихъ всеобщихъ ухаживаній и родилась въ Италіи тенденція «священнаго эгоизма». Въ началѣ войны итальянское общество относилось къ европейскимъ событіямъ съ гораздо большей непосредственностью, болѣе подчиняясь голосу чувства, чѣмъ разсчета. На начавшуюся войну смотрѣли такъ, какъ смотрятъ, повидимому, у насъ въ Россіи: какъ на роковую борьбу идеала демократическаго противъ милитаризма, какъ на защиту права націй на самоопредѣленіе противъ аггрессивной идеи міроваго господства націи германской. Разрушеніе культурной и лойальной Бельгіи пробудило въ итальянскомъ обществѣ лучшія чувства, выразившіяся въ открытыхъ демонстраціяхъ протеста, положительно угрожавшихъ дальнѣйшему существованію нейтралитета. Но вскорѣ равнодѣйствующей этому настроенію явились ужасы войны. Итальянцы, въ общемъ, народъ мирный. Одно дѣло—«увеселительная прогулка на завоеваніе Ливіи», другое дѣло—кровопролитная и долгая война. Вся ливійская война обошлась Италіи въ 2 тысячи человѣкъ,—цифра, на мѣрку настоящей войны, оперирующей съ десятками тысячъ, съ милліономъ смертей, совершенно ничтожная. Когда ходъ военныхъ дѣйствій на обоихъ фронтахъ показалъ, что война грозитъ затянуться надолго, что въ результатѣ четырехъ мѣсяцевъ безпрерывной и ожесточенной войны противники оказываются лишь около своихъ границъ, безъ явнаго перевѣса въ ту или другую сторону,—маленькій воинственный пылъ Италіи началъ ослабѣвать. Надъ проповѣдниками немедленнаго вмѣшательства взяли перевѣсъ сторонники «нейтралитета готоваго, бодрствующаго и вооруженнаго». Одновременно съ этимъ оказалось, что нейтралитетъ «вооруженный» больше фраза, чѣмъ реальность, что Италія оказывается совершенно неподготовленной къ войнѣ въ такомъ огромномъ масштабѣ. Свѣдѣнія о ея пробѣлахъ въ артиллерійскомъ дѣлѣ безтактно и неосторожно были пущены въ печать, вызвавъ не только полемику, но и нѣкоторую панику.

Справедливость требуетъ сказать, что итальянское правитель-

ство, во-время спохватившись, успѣло, пользуясь нейтралитетомъ, наверстать время въ смыслѣ большей военной подготовки Италіи къ возможному выступленію. Въ данное время прежней опасности уже нѣтъ: результатъ четырехмѣсячной лихорадочной работы и чрезвычайныхъ ассигновокъ на войско и флотъ, проведенныхъ королевскими декретами. Нѣтъ, поэтому, и прежняго страха передъ войной. Но и эта сознанная необходимость громаднаго финансоваго напряженія, и упомянутая лесть всѣхъ державъ по адресу Италіи, и вліяніе ужасовъ войны, и рядъ другихъ факторовъ, не исключая и усиленной германской пропаганды,—все это въ результатѣ отразилось на общественномъ настроеніи въ опредѣленную сторону: создалось убѣжденіе, что не чувства, а лишь сознаніе матеріальной національной выгоды должно руководить дѣйствіями Италіи. Выступивъ теперь, можно выиграть, но можно и потерять, такъ какъ силы воюющихъ сторонъ пока равны. Нужно выступить на сцену лишь тогда, когда перевѣсъ будетъ явно на одной изъ сторонъ, нужно выступить *наканунѣ рѣшенія спора*, ставъ на сторону того, кто имѣетъ больше шансовъ на побѣду. Таково, по крайней мѣрѣ, господствующее настроеніе среди активныхъ политиковъ Италіи. Дальше я укажу, что оно отнюдь не является настроеніемъ народнымъ. Впрочемъ, и въ активныхъ политическихъ кругахъ его нельзя назвать прочнымъ и непоколебимымъ. Въ самое послѣднее время выступили на сцену новые факторы, съ которыми также приходится считаться.

Прежде всего оказывается, что разсчеты на длительный нейтралитетъ въ длительной войнѣ, какъ на простѣйшій способъ сдѣлаться сильнѣйшей державой среди державъ, ослабленныхъ взаимной распрей, не вполнѣ правиленъ. Оказалось, что нейтралитетъ обходится Италіи очень дорого, какъ потому, что ей приходится держать наготовѣ войска и флотъ, разоряясь на ихъ усиленіе, такъ и потому, что нѣкоторые виды итальянской промышленности потерпѣли полное крушеніе, даже независимо отъ общагo промышленнаго кризиса, вызваннаго войной. Такова, напримѣръ, industria dei forestieri, «промыселъ на иностранцахъ», дающій обычно странѣ огромные доходы. Иностранцевъ въ Италіи совсѣмъ нѣтъ, ея безчисленные отели разорены и закрыты, ея желѣзныя дороги приносятъ убытки колоссальные; курорты, музеи, театры, рестораны,—все это существовало лишь ради иностраннаго золота и все это абсолютно пустуетъ. Одновременно растетъ громадная армія безработныхъ, при чемъ не дѣйствуетъ болѣе и предохранительный клапанъ безработицы—эмиграція. Напротивъ, толпы рабочихъ, находившихъ пропитаніе за границей, теперь были вынуждены вер-

нуться на родину и питаться здѣсь на общественный счетъ. Есть и еще одна, отнюдь не призрачная опасность: усиленіе движенія арабовъ въ Триполитаніи и Киренаикѣ, еще далеко не замиренныхъ, даже фактически не завоеванныхъ новыхъ колоніяхъ, — усиленіе, вызванное объявленіемъ Турціей священной войны.

Въ результатѣ выясняется, что продолжительный «вооруженный нейтралитетъ» окажется разорительнѣе кратковременной войны. Въ то же время зарождается сомнѣніе, возможно ли будетъ съ достаточной точностью угадать, когда наступитъ моментъ, удобный и выгодный для вмѣшательства, т. е. моментъ явнаго перевѣса одной изъ сторонъ. Ибо, пропустивъ этотъ моментъ, Италія рискуетъ, что отъ ея услугъ по-просту откажутся побѣдители, и на международной конференціи требованія представителя Италіи будутъ звучать наивнымъ «мы пахали».

Эти соображенія заставляютъ Италію внести коррективъ въ понятіе «бодрствующій и вооруженный нейтралитетъ». И коррективъ, дѣйствительно, внесенъ въ самое послѣднее время—(послѣднимъ временемъ, за трудностью сообщенія съ Россіей, мнѣ приходится называть конецъ ноября, когда пишутся эти строки),—отразившись въ рѣчи министра-президента Саландра при открытіи послѣдней сессіи палаты: «Нейтралитета, — сказалъ Саландра, — недостаточно, чтобы гарантировать Италіи ея интересы». Единодушный вотумъ довѣрія палаты доказываетъ, что страна (поскольку палата можетъ ее отражать) вполнѣ раздѣляетъ взгляды правительства на обоюдоострый характеръ нейтралитета. Впрочемъ, вотумъ палаты интересенъ для насъ и въ другомъ отношеніи. Послѣ рѣчей представителей разныхъ парламентскихъ фракцій не остается сомнѣнія, что заявленіе правительства о возможности выхода изъ нейтралитета понято палатой, какъ опредѣленное, хотя и иносказательное, возвѣщеніе возможности войны *противъ Австріи*. Нѣкоторые депутаты подчеркнули, что лишь въ этомъ смыслѣ заявленіе правительства для ихъ фракцій пріемлемо. Депутатъ Альтобелли, напримѣръ, сказалъ безъ обиняковъ, что новый союзъ правительства съ центральными государствами Европы имѣлъ бы въ результатѣ крушеніе монархіи въ Италіи. Саландра отпарировалъ эту угрозу пышной фразой о томъ, что каждый итальянскій гражданинъ безпрекословно исполнитъ то, что укажетъ ему его король. Онъ сорвалъ апплодисментъ, — но былъ ли онъ увѣренъ въ справедливости такой надежды? Думается — нѣтъ! Утвержденія абсолютистскаго характера годятся въ Италіи для парламентской реплики, но реальной цѣны имѣть не могутъ. Саландра напрасно призываетъ всуе имя короля; не король управляетъ страной, а правительство,

одобренное палатой. Но никогда итальянскій народъ не обѣщалъ безпрекословнаго повиновенія своему правительству, которое онъ сегодня признаетъ и завтра можетъ отставить отъ дѣлъ.

Политика «священнаго эгоизма» предполагаетъ, казалось бы, возможность обращенія итальянскаго меча въ любую сторону, когда для того наступитъ время. Однако, огромное большинство итальянскихъ политиковъ сходится на убѣжденіи, что побѣда бывшихъ союзницъ никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать интересамъ Италіи. Выше я сказалъ, что рѣшительно вездѣ интересы Италіи сталкиваются съ интересами ея ближайшей сосѣдки и старой соперницы Австріи. Если даже предположить добровольную уступку со стороны послѣдней ирредентныхъ провинцій, то чѣмъ гарантирована Италія, что союзницы-побѣдительницы въ ближайшемъ будущемъ не отнимутъ этихъ провинцій назадъ? На чью помощь сможетъ тогда разсчитывать Италія, оказавшаяся «лойяльной измѣнницей»? Рѣшительно, священный эгоизмъ Италіи требуетъ съ ея стороны лишь дѣйствій, направленныхъ къ ущербу центральныхъ державъ. Но сверхъ того, для всякаго, жившаго въ Италіи и ее знающаго, не можетъ подлежать сомнѣнію, что итальянскій народъ, вопреки торжественнымъ и пустымъ заявленіямъ Саландры, никогда не пойдетъ за Австріею. Война на сторонѣ Австріи психологически невозможна. Такой роковой ошибки ни одно правительство въ Италіи сдѣлать не рѣшится. Кромѣ тонкаго слоя «реальныхъ политиковъ во что бы то ни стало», въ Италіи не найдется ни одной политической группы, ни одного города, ни одной войсковой части, которые бы спокойно подчинялись объявленію войны державамъ соглашенія, хотя бы за большой подарокъ: за Тренто и Тріестъ. Послать войска противъ Франціи значило бы вызвать немедленную революцію и въ обществѣ, и войскахъ. Объ этомъ двухъ мнѣній не можетъ быть, и, говоря по правдѣ, ни Германія, ни Австрія на активную помощь Италіи совершенно не разсчитываютъ. Большее, на что онѣ надѣются, это—абсолютный нейтралитетъ Италіи за рядъ уступокъ и обѣщаній; такова цѣль миссіи князя Бюлова, только-что назначеннаго посломъ въ Римъ.

Не нужно, впрочемъ, думать, что войнѣ противъ Франціи воспрепятствуютъ симпатіи Италіи къ старшей латинской сестрѣ; эти симпатіи—одно изъ обычныхъ заблужденій. Напротивъ, большее, о чемъ можно говорить, это—равнодушіе къ французамъ; гораздо чаще можно констатировать нерасположеніе, освященное традиціей времени освобожденія Италіи. Только контрастъ съ опредѣленной ненавистью къ Австріи и австрійцамъ дѣлаетъ для Италіи французовъ наиболѣе пріемлемыми и желательными союзниками. Что ка-

сается до Англіи, то отношеніе къ ней итальянцевъ еще несложнѣе: Италія боится Англіи, главнымъ образомъ, ея морской мощи. Единственное искреннее расположеніе итальянскаго народа, которое можно смѣло констатировать, это,—какъ бы ни показалось страннымъ,—расположеніе къ Россіи, объяснимое, думается мнѣ, лишь тѣмъ, что Италіи и Россіи нечего дѣлить, что ихъ интересы нигдѣ не сталкиваются.

Такимъ образомъ, не только внутреннія побужденія народа, но и самый принципъ «священнаго національнаго эгоизма», диктуетъ Италіи опредѣленную линію поведенія: нейтралитетъ для ближайшаго времени (для зимняго періода), интенсивная подготовка военныхъ силъ за этотъ періодъ, выступленіе на сцену въ благопріятный моментъ, когда максимумъ пользы можно будетъ извлечь съ минимумомъ пожертвованій. Такимъ моментомъ нужно считать моментъ явнаго поворота судьбы въ сторону одной изъ борющихся сторонъ. Къ этому нужно еще прибавить, что обнаруженіе перевѣса на сторонѣ центральныхъ государствъ, если этотъ перевѣсъ не будетъ грозить державамъ соглашенія полнымъ разгромомъ (во что очень трудно повѣрить), можетъ заставить Италію дольше предположеннаго остаться въ положеніи страны нейтральной; наоборотъ, перевѣсъ на сторонѣ соглашенія вызоветъ, мнѣ думается, немедленное вмѣшательство Италіи, взыскующей своей доли въ дѣлежѣ австрійской территоріи. Итальянцы, съ трогательнымъ единодушіемъ, предполагаютъ, что моментъ ихъ выступленія въ конфликтъ наступитъ не раньше и не позже, какъ въ февралѣ 1915 года. Извѣстно, что человѣку свойственно опредѣлять время датами, по возможности точными; извѣстно также, что рѣшительныя дѣйствія обычнѣе всего предполагаются весной, въ дни обновленія природы. Только такими психологическими предпосылками можно объяснить увѣренность итальянцевъ въ неизбѣжности февральскаго выступленія. Долженъ признаться, что мнѣ эта дата отнюдь не представляется убѣдительной, и думаю, что итальянцамъ гораздо дольше придется оставаться «нейтральными кастратами». Но... все можетъ быть, и можетъ случиться, что эти строки дойдутъ до Россіи уже тогда, когда Италія займетъ первыя позиціи Тренто и Тріеста.

Именно потому, что сейчасъ пишется новая исторія, новыми, невиданными по яркости кровавыми красками, никто не можетъ и долженъ браться за пророчества. Дѣлаю эту оговорку въ поясненіе словъ, сказанныхъ въ началѣ письма: «Италія и въ будущемъ еще не разъ способна не оправдать чьихъ-нибудь надеждъ». Если въ наше время возможно то, что сдѣлала Бельгія и что стало съ Бельгіей, въ одинъ мѣсяцъ переставшей существовать, то что вообще

считать невозможнымъ? Политика священнаго эгоизма, возводимая Италіей на пьедесталъ, но не ею, конечно, изобрѣтенная, можетъ возвеличить Италію, какъ можетъ и стать причиной ея безвременной гибели. Возросшій аппетитъ маленькой великой державы можетъ толкнуть ее на большія авантюры. Такъ, напримѣръ, Италія, мечтающая обогатиться за счетъ Австріи, боится не столько успѣховъ своей бывшей союзницы, сколько успѣховъ сербо-черногорскихъ. Если бы сербамъ удалось начать быстрыя и успѣшныя операціи въ Босніи, это непремѣнно послужило бы сигналомъ къ итальянскому вмѣшательству. Политика «священнаго эгоизма» не желаетъ считаться съ тѣмъ, что идеей настоящей европейской войны является возвратъ націямъ ихъ территорій. Если Италіи представится случай забрать у Австріи Далмацію, она ни на минуту не задумается надъ тѣмъ, что это породитъ новый ирредентизмъ, направленный противъ новой незаконной владѣлицы, ирредентизмъ сербскаго населенія Далмаціи. Но и до такого совершившагося захвата мы вполнѣ можемъ ожидать итало-сербскаго столкновенія на этой территоріи, подобно тому, какъ явилась въ свое время борьба балканскихъ государствъ изъ-за Македоніи. На эту грядущую опасность не слѣдуетъ закрывать глазъ. Я уже не говорю о болѣе отдаленныхъ и призрачныхъ мечтаніяхъ итальянскихъ націоналистовъ; осуществленіе этихъ мечтаній (Ницца, Савойя, Мальта и т. д.) возможно только въ томъ случаѣ, если непомѣрно затянувшаяся война совершенно и въ конецъ ослабитъ всѣ великія европейскія державы, за исключеніемъ Италіи, которая, въ такомъ случаѣ, сдѣлается новымъ европейскимъ деспотомъ, менѣе культурнымъ, чѣмъ Германія, но не менѣе жаднымъ и не менѣе поклоняющимся теоріи «священнаго эгоизма». Но и эти мечтанія могутъ отразиться на поведеніи Италіи, если не въ первый, сейчасъ нами переживаемый періодъ европейской войны, то въ періоды послѣдующіе, съ измѣненной группировкой борющихся сторонъ, ожидать которые мы имѣемъ, на мой взглядъ, всѣ основанія. Послѣднее предположеніе, могущее показаться парадоксальнымъ, поясню хотя бы, ссылкой на странное и не вполнѣ ясное поведеніе Венгріи, слухи о которомъ дѣлаются все болѣе настоятельными. Въ случаѣ перегруппировки сторонъ, въ разгарѣ ли войны, въ моментъ ли перемирія или даже въ эпоху международной конференціи, позиція Италіи можетъ внезапно оказаться совершенно неожиданной, и съ кѣмъ она пойдетъ—предугадать очень трудно.

Есть еще одинъ интересный вопросъ: насколько Италія, выступивъ на сцену, можетъ оказаться сильной союзницей и противницей? Извѣстно, что главнымъ стремленіемъ Италіи является довести численность своего войска до милліона; при

нынѣшнемъ состояніи финансовъ шансы на это слабы. Гораздо большее значеніе имѣетъ ея флотъ, который поможетъ ей координировать военныя дѣйствія на морѣ и на сушѣ. Какъ бы ни была ослаблена Австрія пораженіями на ея двухъ фронтахъ, все же, на пути Италіи въ Тренто и Тріестъ, ее ждутъ большія трудности и отчаянное сопротивленіе. Въ послѣдніе мѣсяцы трентинская граница неустанно укрѣплялась и продолжаетъ укрѣпляться. Разсчетъ на дѣятельную помощь населенія освобождаемыхъ провинцій ослабленъ тѣмъ, что Австрія еще въ началѣ войны приняла самыя крутыя предупредительныя мѣры въ своихъ итальянскихъ провинціяхъ, и все взрослое итальянское населеніе взято въ войска и послано подъ наиболѣе рѣшительные удары русской арміи. Итальянское войско не испытано на войнѣ, такъ какъ нельзя, конечно, считать войною триполитанскій походъ. Повидимому, основными пробѣлами итальянской военной силы является недостатокъ достаточно подготовленныхъ офицеровъ и артиллеріи. Наконецъ, итальянцы по природѣ не слишкомъ выносливы, и войска не отличаются дисциплиной. Таковы обычно указываемые недостатки итальянской арміи; у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній ни для ихъ утвержденія, ни для ихъ опроверженія. Но современная война показала, что выносливость и дисциплина появляются сами собою въ войнѣ популярной, для которой народъ и солдаты находятъ оправданіе. Она же доказала, что если организація военнаго дѣла и стратегія играютъ роль огромную, то такую же, если не бо̀льшую роль играетъ духъ войска, поддерживаемый тою же идеей справедливости войны. Въ Триполитанію итальянскіе солдаты шли безъ ропота, но и безъ видимой охоты; возможно, что на сѣверъ они пойдутъ съ большимъ энтузіазмомъ. Во всякомъ случаѣ единственной войной, могущей разсчитывать на широкую и всеобщую популярность въ Италіи, является война съ Австріей за освобожденіе старыхъ итальянскихъ провинцій. Но главное значеніе выступленія Италіи будетъ состоять въ томъ, что оно послужитъ сигналомъ къ выступленію Румыніи, а быть можетъ и Греціи. Для этого даже нѣтъ надобности мечтать о созданіи лиги нейтральныхъ державъ подъ верховенствомъ Италіи, какъ это улыбалось правительствамъ Италіи и Румыніи, пока упорство Болгаріи (или, точнѣе, упорство Сербіи уступить болгарамъ) не разрушило этихъ плановъ. Выступленіе же совмѣстное двухъ или трехъ государствъ, остающихся до сихъ поръ нейтральными, можетъ быстро рѣшить исходъ войны прежде всего полнымъ разгромомъ Австріи, и сейчасъ уже совсѣмъ ослабленной войной на восточномъ фронтѣ.

Совершенно иначе обстояло бы дѣло, если бы Италія высту-

пила на сторонѣ державъ центральныхъ. Въ этомъ случаѣ, лишившись одновременно поддержки Румыніи и Греціи, Италія не могла бы предложить своимъ союзницамъ ничего, кромѣ войска, дезорганизованнаго полной непопулярностью войны. Ея собственныя границы остались бы совершенно открытыми для враждебныхъ дѣйствій англо-французскаго флота, съ которымъ ея флотъ бороться совершенно не въ силахъ. И не поддержку населенія, а взрывъ ропота и негодованія встрѣтило бы итальянское правительство внутри страны. Къ счастью, о подобномъ выступленіи Италіи противъ тройственнаго соглашенія и думать не приходится.

Вопросъ можетъ стоять лишь такъ: нейтралитетъ или война съ Австріей? На него мы уже отвѣтили: нейтралитетъ, благожелательный тройственному соглашенію, до того момента, пока станетъ возможнымъ выступленіе съ меньшимъ рискомъ и большей выгодой. Моментъ этотъ намѣтится дѣйствіями на всѣхъ трехъ театрахъ войны.

М. А. Осоргинъ.

ГЕРМАНІЯ И КУЛЬТЪ СИЛЫ.

Въ опубликованной недавно англійской «Синей книгѣ» обращаетъ на себя вниманіе, между прочимъ, чрезвычайно интересная депеша британскаго посла въ Берлинѣ, сэра Гошена, отъ 4 августа. Это подробный отчетъ о бесѣдѣ съ германскимъ канцлеромъ, Бетманъ-Гольвегомъ, по поводу предъявленнаго Англіею ультиматума изъ - за вопроса о бельгійскомъ нейтралитетѣ.

«Я нашелъ канцлера крайне взволнованнымъ, — писалъ сэръ Гошенъ сэру Эдуарду Грею.—Онъ тотчасъ началъ говорить, и его монологъ продолжается около двадцати минутъ. Онъ сказалъ, что принятая британскимъ правительствомъ мѣра ужасна до послѣдней степени; изъ-за одного слова «нейтралитетъ»,—слова, которое часто ставилось ни во что въ военное время, — изъ-за клочка бумаги, Великобританія собирается воевать съ родственнымъ ей народомъ, который ничего такъ не желалъ, какъ быть съ нею въ дружбѣ. Всѣ усилія его, канцлера, въ этомъ направленіи сдѣланы безполезными этимъ ужаснымъ рѣшеніемъ Англіи; политика, которую онъ преслѣдовалъ съ момента своего вступленія во власть, разрушилась какъ карточный домикъ. То, что сдѣлала Англія,—воскликнулъ онъ,—просто непостижимо; это все равно, что нанести сзади ударъ

человѣку, защищающему свою жизнь отъ двухъ напавшихъ на него враговъ. Онъ считаетъ Великобританію отвѣтственною за всѣ страшныя послѣдствія, которыя могутъ отъ того произойти. — Я энергически протестовалъ противъ этого заявленія и объяснилъ, что такъ же точно, какъ онъ самъ и г. фонъ-Яговъ убѣждали меня, что по стратегическимъ причинамъ передвиженіе войскъ черезъ Бельгію и нарушеніе ея нейтралитета есть для Германіи дѣло жизни или смерти. Мы съ своей стороны хотѣли бы убѣдить его, что соблюденіе принятаго на себя торжественнаго обязательства сдѣлать все возможное для защиты нейтралитета Бельгіи въ случаѣ нападенія на него—составляетъ вопросъ жизни или смерти для чести и достоинства Великобританіи. Я настаивалъ на томъ, что соблюдать этотъ торжественный договоръ безусловно необходимо, ибо иначе исчезнетъ всякое довѣріе къ обязательствамъ, принятымъ на себя Великобританіею. Канцлеръ прервалъ меня вопросомъ: «Но какою цѣною будетъ достигнуто соблюденіе этого обязательства? Подумало ли объ этомъ британское правительство?» Я далъ понять канцлеру съ возможною для меня ясностью, что боязнь послѣдствій не можетъ служить оправданіемъ для нарушенія торжественныхъ обязательствъ. Но онъ находился въ такомъ состояніи возбужденія, былъ, очевидно, такъ разстроенъ извѣстіемъ о нашемъ вмѣшательствѣ и былъ такъ мало расположенъ выслушивать какіе-либо доводы, что я воздержался отъ дальнѣйшей аргументаціи, чтобы не подливать масла въ огонь» («Синяя книга», № 160, и приложеніе къ французской «Желтой книгѣ») [1]).

Въ этой бесѣдѣ ярко обрисовывается не только политическая физіономія германскаго канцлера, но и вся совокупность воззрѣній, лежащихъ въ основѣ новѣйшей международной политики Германіи. Бетманъ-Гольвегъ надѣялся успокоить Англію увѣреніемъ, что Германія «ни подъ какимъ предлогомъ не присвоитъ себѣ какой бы то ни было части бельгійской территоріи». Искренность этого увѣренія онъ подтверждалъ торжественнымъ обѣщаніемъ строго соблюдать нейтралитетъ Голландіи, такъ какъ, очевидно, «мы (нѣмцы) не могли бы съ пользою присоединить часть бельгійской территоріи безъ соотвѣтственнаго расширенія на счетъ Голландіи».

Одновременно съ грубымъ нарушеніемъ прямыхъ формальныхъ обязательствъ онъ требовалъ довѣрія къ простымъ словеснымъ обѣщаніямъ, подкрѣпленнымъ двусмысленными «реальными» доводами, и онъ никакъ не могъ понять, почему его точка зрѣнія столь рѣши-

[1]) Въ русскомъ изданіи британской дипломатической переписки, вышедшемъ подъ названіемъ „Бѣлой книги“ (издательство „Освобожденіе“), приведенная депеша пропущена.

тельно отвергается Англіею. Онъ не сумѣлъ скрыть отъ своего британскаго собесѣдника, что прямое военное заступничество Англіи за Бельгію явилось полною неожиданностью для Германіи, что оно было «непостижимо» и ужасно для ея правительства, и подъ вліяніемъ охватившаго его волненія онъ нечаянно высказалъ свой подлинный взглядъ на международныя обязательства, какъ на простые «клочки бумаги»,—взглядъ, который прославилъ его имя во всемъ культурномъ мірѣ.

Германскій канцлеръ, какъ и весь правящій классъ страны, былъ твердо увѣренъ, что только одна Германія можетъ угрожать сосѣдямъ войною, когда найдетъ это нужнымъ, и что другія великія державы фактически не пользуются въ этомъ отношеніи правомъ иниціативы; всего менѣе вѣроятнымъ казалось серьезное воинственное выступленіе Англіи, поглощенной интересами своей всемірной торговли и промышленности. Отъ англичанъ ожидались только бумажные дипломатическіе протесты и ничего больше; даже Россія и Франція, обладающія милліонными арміями, могли играть только пассивную роль въ вопросахъ, способныхъ привести къ европейской войнѣ, и неизмѣнно отступали или должны были отступать передъ угрозами Германіи, для избѣжанія катастрофы. Выборъ момента для дѣйствительной войны на два фронта зависѣлъ всецѣло отъ Германіи, и для Бетманъ-Гольвега была «ужасна» не самая эта война, къ которой германское правительство считало себя вполнѣ готовымъ, а именно война съ Англіею, не входившая вовсе въ его разсчеты въ данное время. Въ Берлинѣ свыклись съ идеею войны по одностороннему рѣшенію Германіи. Въ маѣ 1913 года французскій посолъ, Жюль Камбонъ, сообщалъ, что начальникъ генеральнаго штаба, графъ Мольтке, произнесъ въ военной средѣ слѣдующія слова: «Надо отбросить общія мѣста объ отвѣтственности нападающей стороны. Необходимо предупредить нашего главнаго противника, и какъ только явится какой-нибудь шансъ войны, мы должны начать ее немедленно, чтобы грубо раздавить всякое сопротивленіе». Шесть мѣсяцевъ спустя, въ ноябрѣ того же 1913 года, Камбонъ писалъ министру Пишону: «Вражда противъ насъ обостряется, и императоръ пересталъ быть сторонникомъ мира». Такое же впечатлѣніе вынесъ бельгійскій король изъ разговора съ Вильгельмомъ II, происходившаго въ присутствіи начальника генеральнаго штаба. «Императоръ—по словамъ Камбона—освоился съ кругомъ идей, который прежде былъ ему противенъ, и мы должны держаться на-сторожѣ». Сознавая, что никто не можетъ предпринимать наступательную войну въ Европѣ, кромѣ Германіи, нѣмецкіе государственные дѣятели стали чувствовать себя какъ бы свободными отъ соблюденія

тѣхъ международныхъ правилъ и обязательствъ, которыя представлялись имъ почему-либо стѣснительными. Это свободное отношеніе къ международнымъ договорамъ выразилось въ цѣломъ рядѣ фактовъ, соотвѣтствующихъ знаменитой фразѣ о «клочкахъ бумаги».

Между прочимъ, за послѣдніе годы значительно измѣнилось пониманіе смысла союзнаго договора, связывающаго Германію съ Австро-Венгріею. Въ текстѣ трактата 7 октября 1879 года сказано, что тѣсное сближеніе обѣихъ державъ «не можетъ никому угрожать» и что оба императора «торжественно обѣщаютъ никогда не давать какой бы то ни было агрессивной тенденціи ихъ чисто-оборонительному соглашенію». Начиная съ совмѣстной кампаніи 1909 года по боснійскому вопросу, союзъ принялъ рѣзко агрессивный характеръ, а новѣйшее выступленіе противъ Сербіи и косвенно противъ Россіи находилось уже въ полномъ противорѣчіи съ содержаніемъ договора, на которое ссылалась германская дипломатія. Германія совершенно не обязана была слѣдовать за вѣнскимъ кабинетомъ въ его наступательномъ предпріятіи противъ Сербіи, и если она связалась въ этомъ дѣлѣ съ австрійцами, то вовсе не на основаніи союзнаго договора, а въ силу своего собственнаго рѣшенія воспользоваться даннымъ случаемъ для возбужденія европейской войны.

Послѣ того, какъ задуманная катастрофа совершилась, Германія обнаружила систематическое пренебреженіе къ установленнымъ правиламъ и обычаямъ войны, санкціонированнымъ Гаагскою конвенціею 1899 года. Первая статья конвенціи опредѣляетъ, что «высокія договаривающіяся стороны дадутъ своимъ сухопутнымъ вооруженнымъ силамъ инструкціи, соотвѣтствующія приложенному регламенту относительно законовъ и обычаевъ войны на сушѣ». Такъ какъ въ выработкѣ и обсужденіи этого регламента участвовали военные уполномоченные великихъ державъ и въ томъ числѣ Германіи, то практическая цѣлесообразность его не возбуждала никакихъ сомнѣній, и онъ могъ считаться безусловно обязательнымъ для подписавшихъ конвенцію государствъ. Однако, въ 1902 году, германскій генеральный штабъ, вмѣсто предположенной инструкціи для войскъ, издалъ постановленіе «объ обычаяхъ сухопутной войны», значительно отступающее отъ упомянутаго регламента. Въ этой оффиціальной брошюрѣ говорится въ ироническомъ тонѣ о гуманитарныхъ попыткахъ устанавливать для войны правила, противорѣчащія ея цѣлямъ, и о моральномъ признаніи этихъ попытокъ на брюссельской и Гаагской конференціяхъ. Такіе отзывы германскаго генеральнаго штаба о международныхъ постановленіяхъ, принятыхъ и Германіею, должны были обратить на себя вниманіе

второй Гаагской конференціи 1907 года, при пересмотрѣ этихъ правилъ; но германскіе делегаты предупредили непріятные толки внесеніемъ дополнительной статьи, въ силу которой воюющая сторона, нарушившая предписанія означеннаго регламента, обязана вознаградить потерпѣвшихъ и признается отвѣтственною за дѣйствія всѣхъ участниковъ ея вооруженныхъ силъ. Такимъ образомъ Германія вновь подтвердила обязательность регламента, установивъ матеріальную отвѣтственность за его нарушеніе [1]). Семь лѣтъ спустя она уже отбросила всякія правила и отреклась отъ всякихъ обязательствъ относительно способовъ веденія войны. Она оказалась нарушительницею международнаго права par excellence. По этому поводу принято теперь приписывать нѣмецкому народу особую «тевтонскую» психологію, связанную съ принципіальнымъ отрицаніемъ права вообще и съ исключительнымъ поклоненіемъ грубой силѣ. Источники этой своеобразной психики отыскиваются въ давнихъ временахъ, и наиболѣе характерное воплощеніе ея усматривается въ знаменитомъ основателѣ имперіи, князѣ Бисмаркѣ.

Намъ кажется, что тевтонская психологія нисколько не объясняетъ новѣйшаго вырожденія прусско-германскаго милитаризма и что горделивое самомнѣніе Вильгельма II и его приближенныхъ имѣетъ не такъ ужъ много общаго съ разсчетливою политикою Бисмарка. Не мѣшаетъ вспомнить, что вся исторія современной Германской имперіи обнимаетъ менѣе полувѣка и что система хроническихъ угрозъ, опирающихся на прогрессивно возрастающія вооруженія, приняла свое настоящее развитіе только въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Далеко не всегда и не во всемъ господствовала сила надъ правомъ въ политической жизни Германіи, въ періодъ правительственной и дипломатической дѣятельности Бисмарка. Въ эпоху острой внутренней борьбы, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, все-таки существовалъ въ Пруссіи парламентъ, ...
. . . . а послѣ побѣды при Садовой правительство скромно обратилось къ палатѣ съ предложеніемъ забыть прошлыя его прегрѣшенія. Право силы часто сознательно подчинялось соображеніямъ политической цѣлесообразности, какъ идеямъ формальнаго и традиціоннаго права. Съ образованіемъ сѣверо-германскаго союза Бисмаркъ ввелъ народное представительство на основѣ всеобщей и прямой подачи голосовъ; онъ долженъ былъ постоянно бороться противъ одностороннихъ . .
. . . . вліяній военнаго класса, склоннаго къ агрессивнымъ

[1]) См. интересный этюдъ Луи Рено: „La guerre et le droit des gens au vingtième siècle", „Temps", 27 octobre.

рѣшеніямъ и предпріятіямъ. Во время мирныхъ переговоровъ въ Никольсбургѣ, въ іюлѣ 1866 года, Бисмаркъ настойчиво убѣждалъ короля не требовать отъ Австріи никакихъ территоріальныхъ уступокъ и воздержаться отъ побѣдоноснаго похода на Вѣну, вопреки домогательствамъ придворно-военной партіи. «Не слѣдуетъ,—говорилъ онъ,—наносить противнику слишкомъ чувствительный ударъ и вызывать въ немъ чрезмѣрную жажду возмездія; напротивъ, нужно сохранить возможность вновь сблизиться съ нынѣшнимъ врагомъ и возстановить съ нимъ добрыя отношенія въ будущемъ». Бисмаркъ возставалъ также противъ намѣренія короля урѣзать территоріи нѣкоторыхъ изъ числа воевавшихъ съ нимъ нѣмецкихъ государствъ; онъ просилъ уволить его отъ должности министра-президента, если его взглядъ не будетъ одобренъ, и ему удалось сломить упорство Вильгельма I только благодаря неожиданной поддержкѣ тогдашняго кронпринца. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Бисмаркъ былъ рѣшительнымъ противникомъ крутыхъ мѣръ и насилій. При основаніи новой Германской имперіи онъ оставилъ неприкосновенными небольшія нѣмецкія государства съ ихъ старинными династіями и уважалъ ихъ историческія права, несмотря на существованіе сильнаго общественнаго теченія, направленнаго къ болѣе тѣсному національному единству; съ этимъ теченіемъ былъ отчасти солидаренъ и кронпринцъ, какъ видно изъ опубликованнаго впослѣдствіи дневника Фридриха III. Правительство дѣйствовало крайне осторожно и въ вопросѣ объ императорскомъ титулѣ, стараясь ни въ чемъ не задѣть интересовъ и правъ отдѣльныхъ германскихъ государей, не обладавшихъ уже въ сущности никакою реальною силою. Самъ король не соблазнялся новымъ титуломъ и принялъ его только по настоянію окружающихъ; на запросъ кронпринца въ сентябрѣ 1870 г. онъ заявилъ, что не расположенъ вступить на путь имперіализма, который вообще непопуляренъ и не имѣетъ будущности. Въ ноябрѣ кронпринцъ записываетъ обстоятельную бесѣду съ Бисмаркомъ. Онъ высказался за энергическій и твердый образъ дѣйствій, съ примѣненіемъ силы, относительно южныхъ нѣмецкихъ государствъ; канцлеръ возражалъ настолько рѣзко, что весь разговоръ принялъ характеръ личнаго спора; онъ допускалъ болѣе смѣлыя предложенія только по инициативѣ парламента. Кронпринцъ стоялъ за то, чтобы Пруссія обезпечила органическое единство нѣмецкаго народа, опираясь на общественное мнѣніе націи; съ династіями, по его мнѣнію, она справилась бы легко, и новая Германія, при свободныхъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, имѣла бы предъ собою блестящее будущее. Бисмаркъ съ своей стороны находилъ такой способъ дѣйствія совершенно недопустимымъ: прибѣгать къ насилію противъ

союзниковъ, добросовѣстно исполнявшихъ свой долгъ, было бы предательствомъ, которое ничѣмъ не могло бы быть оправдано [1]). Бисмаркъ, какъ это ни странно, ссылался на соображенія права и морали, а либеральный кронпринцъ указывалъ на превосходство силы. Планы канцлера были проведены въ жизнь, и до сихъ поръ, въ продолженіе болѣе сорока лѣтъ, сохраняются въ Германіи мелкія отдѣльныя государства . . . . которыхъ никто не думаетъ упразднять и объединять. Автономія этихъ народностей и государствъ никого не безпокоитъ, и ихъ свободное существованіе не мѣшаетъ Германіи быть единою могущественною имперіею. Очевидно, внутри страны, кромѣ права силы, твердо держится еще и сила права, хотя, быть можетъ, и въ устарѣлыхъ формахъ.

Уродливое развитіе грубаго милитаризма есть уже порожденіе позднѣйшей эпохи—личнаго режима Вильгельма II, которому культурная нѣмецкая нація не сумѣла противопоставить надлежащаго отпора. Заключительный поворотъ къ безправію въ международно-военныхъ отношеніяхъ неразрывно связанъ съ идеею о «послѣдней войнѣ». Германскіе милитаристы, послѣ необычайныхъ, напряженныхъ усилій 1912 и 1913 годовъ, довели свои военныя приготовленія до той черты, когда безусловный успѣхъ кажется обезпеченнымъ заранѣе, когда все разсчитано до послѣднихъ мелочей и остается лишь пустить машину въ ходъ, чтобы разъ навсегда покончить съ возможными врагами и соперниками. Эта увѣренность, что побѣда будетъ окончательная и что Германіи не придется больше встрѣчать какое-либо сопротивленіе въ Европѣ, внушила нѣмецкимъ правителямъ несчастную мысль, что нѣтъ надобности считаться съ нормами и обязательствами международнаго права, если послѣднія могутъ замедлить или стѣснить въ чемъ-либо тріумфальное шествіе германскихъ армій. Ибо для побѣдителей законъ не писанъ, и побѣдителей не судятъ; но именно этотъ лозунгъ безправія, усвоенный Вильгельмомъ II и его сподвижниками, дѣлаетъ исторически-необходимымъ и неизбѣжнымъ военное пораженіе Германіи.

Л. Слонимскій.

---

[1]) Oskar Klein-Hattingen. Bismarck und seine Welt. B., 1902.

КЪ ПОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ.

Польша, на территоріи которой разыгрывается одна изъ драмъ всемірной исторіи, привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Въ началѣ войны верховный главнокомандующій русскихъ войскъ, Вел. Кн. Николай Николаевичъ, обращается съ воззваніемъ къ польскому народу, обѣщая ему объединеніе и свободу его родины. То же самое дѣлаютъ генералиссимусы германскихъ и австрійскихъ войскъ. Въ настоящее время вся Россія спѣшитъ оказать матеріальную помощь разоренной странѣ. О Польшѣ толкуютъ всѣ русскія газеты. Англійскіе государственные и общественные дѣятели и, между прочимъ, первый министръ Асквитъ, говоря о задачахъ войны, не забываютъ упомянуть о необходимости ея освобожденія. Западно-европейская, особенно англійская, печать проявляетъ живой интересъ къ польскому вопросу.

Все это объясняется и ролью Польши въ настоящей войнѣ, и ея прошлымъ, и необходимостью ея освобожденія въ интересахъ европейскаго равновѣсія.

Еще въ средніе вѣка польское государство сослужило важную службу Европѣ, удерживая движеніе тевтоновъ на Востокъ, а монгольскихъ племенъ — на Западъ, о чемъ свидѣтельствуютъ Грюнвальдская и Лигницкая битвы. Впослѣдствіи, въ первой половинѣ XIX в., когда оно уже было разорвано на три части, западно-европейская демократія видѣла въ его возстановленіи средство противъ реакціонной роли священнаго союза, въ частности противъ политики тогдашней Россіи, и первый шагъ впередъ по пути къ осуществленію демократическихъ идеаловъ. Послѣ франко-прусской войны соотношеніе силъ въ Европѣ мѣняется. Ростъ могущества Германіи грозитъ мирному развитію Европы. Франція заключаетъ союзъ съ Россіей. Вмѣсто польскаго вопроса выдвигается вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи и о борьбѣ съ германскимъ милитаризмомъ.

И только нынѣшняя война, явившаяся слѣдствіемъ развитія конфликта между тремя державами, раздѣлившими нѣкогда Польшу, опять ставитъ польскій вопросъ на порядокъ дня международной политики. Судя по характеру задачъ, выдвинутыхъ въ настоящей войнѣ тройственнымъ соглашеніемъ, можно предвидѣть, что Польша воскреснетъ не для того, чтобы стать орудіемъ имперіалистическихъ тенденцій той или иной державы, а чтобы служить дѣлу мирнаго развитія Европы.

Когда наступитъ моментъ осуществленія свободъ, намѣченныхъ лишь въ общихъ штрихахъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, тогда несомнѣнно, при опредѣленіи характера политическаго строя объединенной Польши, будутъ приняты во вниманіе и тенденціи, проявившіяся нынѣ во всѣхъ трехъ частяхъ ея, и объективный голосъ общественнаго мнѣнія союзныхъ съ Россіей западно-европейскихъ государствъ.

Каковы же эти тенденціи? Каково отношеніе къ польскому вопросу наиболѣе солидныхъ органовъ французской и англійской печати?

Въ теченіе 50 лѣтъ, прошедшихъ со времени послѣдняго польскаго возстанія, произошли значительныя измѣненія во внутренней жизни и взаимныхъ отношеніяхъ русской, прусской и австрійской Польши. Общественное развитіе поляковъ все тѣснѣе сплачиваетъ каждую польскую область съ тѣмъ государствомъ, въ предѣлахъ котораго она преобразовывается въ современную капиталистическую страну. Въ сферѣ политическихъ задачъ дня русскіе поляки занимаютъ иную позицію, чѣмъ австрійскіе, австрійскіе—иную, чѣмъ прусскіе. Польскій народъ уже не проявляетъ той энергіи въ борьбѣ за свое освобожденіе, которою онъ отличался въ половинѣ XIX в. Только богатая польская культура и идеалъ государственной независимости объединяютъ всѣ его части въ одинъ національный организмъ.

Еще до начала войны можно было предвидѣть, что населеніе Царства Польскаго поддержитъ Россію противъ Германіи и Австріи. Правда, въ теченіе 50 лѣтъ страна эта потеряла автономію, которою пользовалась раньше, и вынесла на себѣ всѣ послѣдствія бюрократическаго режима. Она развивалась въ атмосферѣ исключительныхъ положеній . . . .
. . . . Но, благодаря торговымъ сношеніямъ съ Россіей и Востокомъ, а равно таможенной политикѣ правительства, Царство Польское расцвѣло въ экономическомъ отношеніи, что дало сильный толчекъ развитію въ немъ въ болѣе быстромъ темпѣ, чѣмъ въ двухъ другихъ частяхъ Польши, польской національной культуры, и заинтересовало его населеніе въ судьбахъ Россіи. Развитіе русскаго освободительнаго движенія, положившаго въ основу своей программы принципъ національнаго самоопредѣленія, и въ частности его отношеніе къ польскому вопросу возбудило въ полякахъ надежду на созданіе въ предѣлахъ Россіи благопріятныхъ политическихъ условій для развитія Польши.

Нынѣ, правда, война расшатала экономическую связь Царства

Польскаго съ Россіей [1]): рынки, эксплоатированные въ теченіе десятилѣтій польской промышленностью, вслѣдствіе нанесеннаго ей войной удара, быстро захватываются русскими промышленными фирмами. Неизвѣстно, какъ эта потеря рынковъ отразится въ будущемъ на судьбахъ Польши и польско - русскихъ отношеніяхъ. Но современная политическая программа польскаго народа опредѣлилась подъ вліяніемъ тѣхъ условій, въ которыхъ Царство Польское развивалось до послѣдняго времени.

Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія всѣ классы польскаго народа, не отказываясь отъ идеала будущаго—независимости Польши, видятъ ближайшую задачу не въ отдѣленіи отъ Россіи, а въ достиженіи . . . . . равноправія. Буржуазные классы избираютъ съ этой цѣлью путь мирнаго воздѣйствія на правящія сферы; рабочій классъ сознаетъ свою солидарность съ русскими рабочими. Это подтверждается и эволюціей партій націоналъ-демократической (Н.-Д.) и польской соціалистической, и характеромъ выступленій польскихъ народныхъ массъ въ 1905 г. въ рядѣ митинговъ, забастовокъ, петицій, въ резолюціяхъ декабрьскаго съѣзда 1200 крестьянъ въ Варшавѣ.

Не таково отношеніе, установившееся въ Царствѣ Польскомъ къ Германіи, гдѣ антипольская политика правительства поддерживается не только частью реакціонеровъ, но и прогрессивными элементами, за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, рѣзко осуждающихъ ее.

Польскій вопросъ,—заявилъ 10 лѣтъ тому назадъ кн. Бюловъ въ прусскомъ ландтагѣ, — это самый важный вопросъ для Пруссіи. Методы рѣшенія этого «важнѣйшаго вопроса» были крайне неблагопріятны для поляковъ. Германія особенно въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ вела планомѣрную борьбу со всѣмъ польскимъ народомъ. Съ одной стороны, въ великомъ княжествѣ Познанскомъ германизаторская дѣятельность колонизаціоннаго фонда, проведеніе въ 1910 г. въ прусскомъ ландтагѣ закона о принудительномъ выкупѣ польскихъ помѣстій, преслѣдованіе польскаго языка—парализовали экономическое, культурное и политическое развитіе страны. Съ другой—что еще болѣе чувствительно для русскихъ поляковъ— Пруссія въ отношеніи къ послѣднимъ стала источникомъ, питающимъ русскую реакцію. Опасаясь упроченія польско-русскихъ симпатій, и, слѣдовательно, усиленія Россіи на ея западной границѣ, и развитія національнаго революціоннаго движенія въ Познани, она,

---

1) См. статью г. Кафенгауза въ „Русскихъ Вѣд.“, № 172.

какъ въ этомъ сознается кн. Бисмаркъ въ своихъ «Gedanken und Erinnerungen»—поставила себѣ задачей «противодѣйствовать развитію полякофильскихъ тенденцій въ русскомъ кабинетѣ». Прусское правительство и послѣ смерти желѣзнаго канцлера шло неуклонно по этому пути. Стоитъ только вспомнить, какъ рѣзко въ 1907 г. оффиціальная и полу-оффиціальная нѣмецкая печать выступила противъ предполагавшагося введенія въ школахъ Царства Польскаго преподаванія на польскомъ языкѣ, заявляя, что Германія сочла бы эту реформу вызовомъ со стороны Россіи.

Видные польскіе публицисты — представитель правыхъ— Р. Дмовскій, крайней лѣвой—Роза Люксембургъ, давно пришли къ заключенію, что не Россія, а Германія [1]), была послѣ 1871 г. оплотомъ европейской реакціи. Р. Дмовскій отмѣтилъ наличность все болѣе назрѣвающаго конфликта между міромъ германскимъ и славянскимъ. «Вслѣдствіе перемѣнъ, наступившихъ въ Европѣ со времени послѣдняго возстанія,—пишетъ онъ,—Востокъ Европы пересталъ быть опаснымъ; главнымъ источникомъ опасности для Польши и другихъ народовъ стала Германія... Грозный ростъ могущества Германіи и ея движеніе на юго-востокъ опредѣлили роль Польши, какъ главнаго авангарда славянства въ борьбѣ съ этимъ побѣдоноснымъ шествіемъ». Въ виду этого г. Дмовскій приходитъ къ заключенію, что польскій народъ долженъ вести непримиримую борьбу съ той «системой управленія Царствомъ Польскимъ», которая практикуется бюрократіей, ибо она «разлагаетъ общественный организмъ народа, способствуетъ пониженію его культурнаго уровня и подготовляетъ почву для завоеванія страны Пруссіей». Правящія сферы Россіи должны будутъ, по его мнѣнію, сознать это и . . . . создать условія для развитія въ немъ самодѣятельности и выполненія имъ его исторической миссіи.

Не замѣчается у большинства населенія Царства Польскаго и симпатіи къ Австріи.

Тамъ условія, въ которыхъ развивается польскій народъ, гораздо лучше, чѣмъ въ Германіи. Онъ пользуется автономіей, свободой, правомъ представительства въ рейхсратѣ и министерствѣ. Но въ Царствѣ Польскомъ вполнѣ справедливо считаютъ Австрію орудіемъ прусской дипломатіи. И поэтому, когда вспыхнула война, симпатіи русскихъ поляковъ оказались на сторонѣ Россіи. Напрасно

---

[1]) См. Р. Дмовскаго „Германія, Россія и польскій вопросъ"; Р. Люксембургъ, „Socjalpatryotyzm w Polsce".

генералиссимусы германской и австрійской армій обѣщаютъ освобожденіе польскому народу. Напрасно издаваемый на польскомъ языкѣ органъ германскаго генеральнаго штаба говоритъ о намѣреніи Вильгельма II, послѣ взятія Варшавы, объявить польскимъ королемъ одного изъ принцевъ популярной нѣкогда въ Польшѣ саксонской династіи. Все это нисколько не измѣняетъ отношенія поляковъ къ Германіи. Дѣйствія германскихъ войскъ на территоріи Царства Польскаго, особенно разгромъ Калиша—съ одной стороны, обращеніе русскаго верховнаго главнокомандующаго къ населенію—съ другой, еще болѣе углубили вражду къ Германіи.

Несмотря на краткость, дающую возможность понимать его различно, обращеніе это создало въ польскомъ народѣ увѣренность, что вскорѣ многолѣтнимъ страданіямъ поляковъ наступитъ конецъ. Оно по общему своему характеру родственно указаннымъ выше стремленіямъ поляковъ въ Россіи. Въ немъ, правда, говорится не объ автономіи, а о «свободѣ въ вѣроисповѣданіи, языкѣ и самоуправленіи», и даже не упоминается объ учрежденіи польскаго сейма . . . . . .
. . . .
. . . . И хотя въ обращеніи къ полякамъ не учитывается необходимость одновременнаго съ освобожденіемъ Польши преобразованія всего государственнаго строя, но обѣщанія, данныя населенію этой страны, являются такимъ существеннымъ отступленіемъ отъ принциповъ бюрократическаго режима, что ликвидація послѣдняго тѣмъ или инымъ путемъ неизбѣжно должна совершиться.

Понимая все это такимъ образомъ, широкіе слои населенія Царства Польскаго съ тѣмъ большимъ воодушевленіемъ выступили солидарно со всей Россіей противъ Германіи и Австріи. Польскія т. н. буржуазныя партіи—Реальной Политики, Націоналъ-демократическая, Прогрессивное Объединеніе и Польская Прогрессивная—заявляютъ въ принятыхъ ими по вопросу о современномъ моментѣ резолюціяхъ, что польскій народъ въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ поддержать Россію въ настоящей войнѣ, и осуждаютъ стремленія галиційскихъ поляковъ къ присоединенію Царства Польскаго къ Австріи . . . .
. . . .

«Граждане Варшавы», узнавъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ полякамъ Германіей и Австріей, въ спеціальномъ воззваніи къ населенію предостерегаютъ отъ увлеченія обѣщаніями «разныхъ главнокомандующихъ» и заявляютъ, что въ результатѣ побѣды этихъ странъ могло бы наступить присоединеніе части Царства Польскаго къ

Германіи, а это фактически было бы новымъ раздѣломъ Польши и гибельно отразилось бы на развитіи польской культуры. Патріархъ польскаго либерализма А. Свентоховскій замѣчаетъ, въ своемъ еженедѣльникѣ «Humanisía»: «если тройственное соглашеніе разгромитъ Германію, то по всей вѣроятности Польша воскреснетъ; но если побѣдитъ Германія, то послѣдній разъ въ исторіи прозвучитъ страшный, роковой приговоръ—Finis Poloniae!»

По мнѣнію органа Н.-Д.—«Gazeta Warszawska»—возрожденіе Польши возможно только «на развалинахъ Пруссіи и Австріи»; во второй половинѣ XIX ст. каждое рѣшительное пораженіе Австріи вело къ торжеству идеи національнаго освобожденія; послѣ пораженій при Маджентѣ и Сольферино наступило объединеніе Италіи, исходомъ битвы подъ Садовой было обусловлено объединеніе Германіи. «Будемъ надѣяться,—читаемъ мы въ концѣ этой статьи—что пораженіе подъ Люблиномъ приведетъ къ объединенію Польши».

Въ настоящее время во всей странѣ организуются волонтерскіе отряды; формируется польскій корпусъ; населеніе повсюду самоотверженно оказываетъ всякаго рода содѣйствіе русскимъ войскамъ.

Галиція представляетъ картину совершенно противоположнаго характера. Обладая широкими политическими правами, галиційскіе поляки считаютъ Австрію своей родиной. Конечно, объединеніе всѣхъ трехъ частей Польши въ предѣлахъ Россіи создало бы болѣе благопріятныя условія для культурнаго развитія народа. Но неувѣренность въ прочности гарантій обѣщанныхъ свободъ заставляетъ польское населеніе Галиціи отстаивать сохраненіе существующаго порядка вещей.

Австрофильскія тенденціи уже давно зародились въ населеніи Галиціи. Онѣ господствуютъ не только въ средѣ «станчиковъ», буржуазной демократіи, демократовъ, группирующихся вокругъ газеты «Nowa Reforma», крестьянскихъ партій, но и въ средѣ соціалъ-демократіи. Извѣстный соціалистъ И. Дашинскій, депутатъ рейхсрата, во время борьбы за всеобщее избирательное право во всѣхъ своихъ выступленіяхъ мотивировалъ необходимость избирательной реформы не только тѣмъ, что она открываетъ пролетаріату доступъ къ власти, но и тѣмъ, что она упрочитъ цѣльность и единство австрійскаго государства. Когда вспыхнула балканская война, въ Краковѣ образовалась «Временная Комиссія» изъ представителей всѣхъ демократическихъ партій, поставившая себѣ задачу использованія предполагавшейся уже тогда войны съ Россіей для присоединенія Царства Польскаго къ Австріи, видя въ этомъ шагъ къ возстановленію польскаго государства. Она организуетъ т. н.

«стрѣлецкіе отряды», обучаемые военному дѣлу подъ руководствомъ инструкторовъ австрійскаго генеральнаго штаба, и польскій военный фондъ.

Въ началѣ сентября наступаетъ объединеніе временной комиссіи съ центромъ консервативныхъ элементовъ Галиціи — Національной Радой, въ результатѣ чего возникаетъ Главный Національный Комитетъ. Въ его составъ входятъ представители всѣхъ политическихъ партій; на-ряду съ поляками «станчикомъ» Старжевскимъ, демократомъ д-ромъ Лео, соціалистомъ И. Дашинскимъ, членами Комитета состоятъ прогрессистъ еврей Сарэ, соціалистъ д-ръ С. Марекъ, демократъ (русинъ по происхожденію) К. Сроковскій [1]). Задача комитета — организація защиты страны отъ русской арміи. Дашинскій и Марекъ не удовлетворяются этой задачей и настаиваютъ на организаціи возстанія въ Царствѣ Польскомъ [1]). Наступаетъ объединеніе стрѣлецкихъ отрядовъ съ организованными Н. Д. сокольскими дружинами. Образуется польскій корпусъ, состоящій подъ командой генерала Бачинскаго и извѣстнаго соціалиста-націоналиста, полковника Іосифа Пилсудскаго. Въ него записались убѣленные сѣдинами видные польскіе писатели. Все населеніе польское и еврейское съ поразительнымъ энтузіазмомъ оказываетъ содѣйствіе дѣлу защиты границъ Австрійской имперіи. Печать считаетъ войну съ Россіей борьбою за цивилизацію. Галиційскіе поляки забыли ту вражду къ Германіи, которая такъ ярко проявилась въ 1910 г. въ празднованіи 400-лѣтней годовщины Грюнвальдской битвы.

«Nowa Reforma» считаетъ побѣду Германіи и Австріи надъ «некультурной» Россіей и «разлагающейся», «хилой» Франціей— неизбѣжной съ точки зрѣнія законовъ природы и исторіи и «спасительной для Польши». Дашинскій, въ своемъ открытомъ письмѣ къ населенію Царства Польскаго, изданномъ отъ имени польской соціалистической фракціи рейхсрата, клеймитъ именемъ враговъ народнаго дѣла поляковъ, сражающихся въ рядахъ россійской и французской армій.

Въ Познани поляки занимаютъ нейтральную позицію. Вышеуказанная политика прусскаго правительства создала въ населеніи этой страны непримиримую вражду къ Германіи и въ то же время парализовала способность къ политическимъ выступленіямъ. Архіепископъ Ликавскій,—какъ сообщаетъ познанскій корреспондентъ поль-

---

[1]) См. „Nowa Reforma" и „Napvzód" за октябрь 1914 г.

скаго парижскаго еженедѣльника «Polonia»,—человѣкъ преклонныхъ лѣтъ и слабой воли, лишь подъ давленіемъ прусскихъ властей подписалъ ими составленное извѣстное воззваніе къ населенію. Изъ данныхъ, появлявшихся въ берлинскомъ «Vorwärts», легко заключить, что поляки, лишь уступая силѣ, сражаются въ рядахъ германской арміи [1]). Въ познанской польской печати, несмотря на строгость цензуры, проявляется симпатія къ Россіи. Это особенно замѣтно въ газетѣ «Dziennik Poznanski», которая еще во время японско-русской войны высказывала взглядъ, что вся Польша заинтересована въ побѣдѣ Россіи на Дальнемъ Востокѣ.

Особенно отчетливо выступаетъ позиція прусской Польши въ настоящей войнѣ въ отношеніи печати къ дѣятельности галиційскаго Главнаго Національнаго Комитета. «Goniec Wielkopolski» заявляетъ: «что касается интересовъ нашей страны, то мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній увлекаться галиційскими легіонами, которые безъ всякой гарантіи, даже безъ открытаго заявленія монарха о его намѣреніи освободить Польшу, идутъ въ бой въ интересахъ Габсбургской монархіи лишь потому, что въ ея предѣлахъ Галиція пользуется свободой національнаго развитія. Это обнаруживаетъ, правда, благородное чувство благодарности, но не имѣетъ ничего общаго съ здравымъ политическимъ разсудкомъ».

Такимъ образомъ, польскій народъ въ своемъ отношеніи къ ближайшимъ національнымъ задачамъ раздѣлился на два лагеря: населеніе Царства Польскаго и отчасти Познани видитъ средство къ рѣшенію польскаго вопроса, въ ближайшемъ будущемъ, въ объединеніи Польши при содѣйствіи Россіи, населеніе Галиціи возлагаетъ надежды на Австрію и Германію.

Успѣхи Россіи въ войнѣ даютъ возможность предполагать, что исполнятся чаянія большинства польскаго народа. Объективное обсужденіе перспективъ польскаго вопроса въ галиційской печати, конечно, могло бы содѣйствовать ослабленію конфликта между этими двумя лагерями, но, къ сожалѣнію, оно невозможно въ виду атмосферы, создаваемой быстро развертывающимися военными событіями. Врядъ ли извѣстно въ Галиціи и отношеніе къ польскому вопросу общественнаго мнѣнія такихъ западно-европейскихъ державъ, какъ Франція и Англія. А оно много говоритъ полякамъ.

---

[1]) Мы придаемъ въ данномъ случаѣ особенное значеніе нѣмецкой печати, хотя и французская и итальянская печать открыто сообщала объ этомъ.

Парижская газета «Figaro» еще въ половинѣ августа посвятила этому вопросу двѣ большія статьи. Въ нихъ высказывается увѣренность, что Россія, въ правильно понятыхъ собственныхъ интересахъ, окажетъ содѣйствіе дѣлу полнаго освобожденія Польши. По мнѣнію автора одной изъ нихъ, академика (и бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ) Габріэля Ганото, только тотъ можетъ занять первое мѣсто въ Европѣ, кто, какъ нѣкогда Наполеонъ I, освободитъ угнетенные народы. Перевѣсъ націоналистическихъ тенденцій въ правительственныхъ сферахъ Россіи, въ особенности консерватизмъ государственнаго совѣта, тормозилъ дѣло освобожденія Польши. Но такія обѣщанія, какъ тѣ, которыя даны 1 (14) августа н. г., не могутъ быть взяты обратно. Въ другой статьѣ указывается, что и покойные Столыпинъ и Скалонъ считали необходимымъ измѣненіе правительственной политики въ Польшѣ . . . .

. . . .

Англійская печать выказываетъ еще болѣе интереса къ Польшѣ Широко распространенный въ Англіи еженедѣльникъ «Nation» въ № 43 посвящаетъ польскому вопросу большую редакціонную статью. Редакція этого органа находитъ, что интересы польскаго народа совпадаютъ съ интересами Европы и Россіи и что польскій вопросъ можетъ быть успѣшнѣе всего рѣшенъ путемъ . . . . надѣленія объединенной Польши полной политической автономіей въ предѣлахъ одной таможенной территоріи съ Россіей. По ея мнѣнію, на этомъ враждующія державы скорѣе могутъ придти къ соглашенію, чѣмъ на объединеніи трехъ польскихъ провинцій въ предѣлахъ одной изъ нихъ, ибо присоединеніе, напр., германской и австрійской Польши къ Россіи грозитъ Германіи и Австріи усиленіемъ враждебнаго имъ государства. . . . .

. . . . . Возстановленіе государственной независимости Польши «Nation» считаетъ мѣрой, болѣе отвѣчающей правильно понятымъ интересамъ Россіи, чѣмъ объединеніе ея въ провинцію Россійскаго государства. Та или иная форма самоуправленія можетъ-де не удовлетворить поляковъ, и тогда Польша станетъ очагомъ революціоннаго движенія, питающимъ другіе недовольные элементы, что можетъ отразиться отрицательно на мирномъ развитіи Россіи. Оказавъ же содѣйствіе дѣлу возстановленія Польши, Россія пріобрѣла бы въ ея лицѣ вѣрнаго союзника.

Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и объективныхъ органовъ, «Westminster Gazette», обсуждая вопросъ о возможномъ заключеніи мира, указываетъ, между прочимъ, слѣдующія его условія: «Эльзасъ

и Лотарингія должны быть возвращены Франціи; разорванная нѣкогда на три части Польша должна быть объединена въ особый государственный организмъ подъ скипетромъ Россіи».

Конечно, судьба Польши зависитъ не столько отъ пожеланій самихъ поляковъ и ихъ западно-европейскихъ друзей, сколько отъ соотношенія силъ на будущей мирной конференціи и отъ тенденцій, господствующихъ въ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ Россіи. Намъ казалось необходимымъ отмѣтить, что, по мнѣнію французской и англійской печати, предоставленіе объединенной Польшѣ возможно большей самостоятельности отвѣчаетъ интересамъ не только польскаго народа, но и Россіи, и Западной Европы.

К. Залевскій.

ПОЭТЪ ЖИЗНИ.

(Къ двадцатипятилѣтію литературной дѣятельности А. И. Куприна).

„Рѣка Жизни—какъ это громадно!
Все она смоетъ рано или поздно, унесетъ
всѣ твердыни, оковавшія свободу духа".
А. Купринъ.

Въ каждомъ большомъ писателѣ есть нѣчто свое—внѣвременное, непреходящее и, конечно, самое цѣнное. Оно живетъ, привлекаетъ къ себѣ симпатіи, волнуетъ—независимо отъ всѣхъ обстоятельствъ, настроеній и точекъ зрѣнія.

Въ Купринѣ это индивидуальное начало очень ярко. Оно въ немъ всего интереснѣе—преобладаетъ надъ тѣмъ содержаніемъ, которое внесла въ его писательскую личность жизнь. Поэтому-то антимилитаристскій «Поединокъ» Куприна и теперь, въ самую милитаристскую изъ эпохъ, читается съ наслажденіемъ. Уже миновала, безповортно отодвинулась отъ насъ та «бездорожная» общественная эпоха, которая воспитала Куприна, и преодолѣваются, отчасти уже преодолѣны тѣ индивидуалистическія, ницшеанскія настроенія, которыя дали идейную окраску его творчеству, а самъ Купринъ живъ и интересенъ. Жива его солнечная муза. По-прежнему увлека-

теленъ его гибкій, свободно льющійся, мѣстами кипучій разсказъ, прочно запечатлѣваются яркіе, сочные, выпуклые, словно пропитанные его любовью къ землѣ, образы, и особенно волнуетъ щедрый лиризмъ чувствъ.

Произноситъ ли алкоголикъ Назанскій свои пламенныя рѣчи о святости нераздѣленной любви и о безмѣрной красотѣ жизни, которую онъ собирается славить даже «подъ колесами поѣзда», пишетъ ли свое сантиментальное предсмертное письмо къ Прекрасной Дамѣ жалкій влюбленный «Гранатоваго браслета», трудно оставаться безучастнымъ. Въ душѣ подымается смутная тоска по чемъ-то миломъ—утраченномъ, безвозвратно ушедшемъ отъ насъ...

Купринскаго героя, доктора Кашинцева, поразила красота еврейки. Онъ не просто любуется ею, какъ эстетикъ. Онъ въ своемъ восхищеніи доходитъ до религіознаго экстаза, онъ видитъ въ ней «священный огонь народнаго генія», для него въ ней «раскрывается черная бездна вѣковъ»... «Здѣсь чудо, здѣсь какая-то божественная тайна. О, что же я, вчерашній дикарь, а сегодняшній интеллигентъ,—что я значу въ сравненіи съ этой живой загадкой, можетъ быть, самой необъяснимой и самой великой въ исторіи человѣчества?» Мысленно Кашинцевъ произноситъ горячія рѣчи о судьбѣ еврейскаго народа. «Сколько тысячелѣтій ея народъ долженъ былъ ни съ кѣмъ не смѣшиваться, чтобы сохранить эти изумительныя библейскія черты?.. Глядя на нее, вѣришь, чувствуешь и точно видишь, какъ этотъ народъ идетъ въ своей умопомрачительной генеалогіи къ Моисею, подымается къ Аврааму и выше, еще выше—прямо до великаго, грознаго, мстительнаго библейскаго Бога! Удивительный, непостижимый еврейскій народъ! Что ему суждено испытать дальше?»

Безпредѣльный крылатый романтизмъ, въ большей степени свойственный нашей старой, чѣмъ новой литературѣ, является отличительной чертой лучшихъ произведеній Куприна.

Однако, своеобразіе индивидуальнаго облика не мѣшаетъ разсмотрѣть въ Купринѣ то содержаніе, которое внесла въ него жизнь. Непреходящее личное въ немъ тѣсно переплетено съ постороннимъ-общественнымъ. Переходныя эпохи, впрочемъ, всегда накладываютъ на своихъ питомцевъ особенно рѣзкое клеймо. Какъ и Чеховъ, Купринъ писатель порубежный—между старой и новой литературой,—впитавшій въ себя интеллигентскія настроенія. Онъ принадлежитъ къ младшему поколѣнію «бездорожной» эпохи и отдѣленъ отъ Чехова всего какимъ-нибудь десятилѣтіемъ.

Отъ сопоставленія какого бы то ни было новаго писателя съ Чеховымъ трудно воздержаться. Въ Чеховѣ—все, а въ каждомъ изъ его преемниковъ—кое-что, такъ или иначе съ нимъ связанное. Чеховъ главная пограничная станція. Отъ него идутъ всѣ пути—къ новой литературѣ, къ новой жизни, которая рождается на смѣну прошлому. Въ Чеховѣ было тонко, но очень отчетливо намѣчено все, что впослѣдствіи воплощено и развито другими писателями.

Въ данномъ случаѣ, говоря о Купринѣ, приходится отмѣчать не столько психологическое родство между двумя писателями, сколько контрастъ ихъ. Нельзя, конечно, отрицать непосредственнаго вліянія Чехова на Куприна, особенно въ раннихъ произведеніяхъ послѣдняго (въ разсказахъ «Молохъ», «Болото» и др.). Есть сходство настроеній, сюжетовъ и даже отдѣльныхъ фигуръ, напр. угрюмый озлобленный неудачникъ-землемѣръ въ разсказѣ «Болото», какъ двѣ капли воды, похожъ на такого же суроваго чеховскаго чиновника въ разсказѣ «Почта», и жизнерадостный студентъ такъ же, какъ у Куприна, донимаетъ его разговорами. Но это вліяніе случайное, внѣшнее. Самое важное—природа обоихъ талантливыхъ писателей—различна. И Чеховъ, и Купринъ, оба—писатели характерно-русскіе и глубоко національные. Но національная стихія отразилась въ нихъ по-разному: въ одномъ болѣе косвенно и сложно, съ большими преломленіями, въ другомъ—совсѣмъ непосредственно, въ простотѣ. Природа, создавая ихъ, какъ бы дѣйствовала по разному плану: для Чехова все національное тщательно взвѣшивала, отбирала и фильтровала, а для Куприна черпала все—щедрой рукой, но безъ разбора. Чеховъ—ея избранникъ, ребенокъ-чудо, созданный для образца, а Купринъ тоже собственное и страстно любимое enfant terrible, отъ котораго можно ждать и радостей, и хлопотъ...

Разница «состава» сказалась, прежде всего, въ отношеніи обоихъ писателей къ своему творчеству. Чеховъ работалъ надъ собой съ чисто-артистическимъ, профессіональнымъ упорствомъ и развивался съ большою послѣдовательностью и полнотой. А въ Купринѣ совсѣмъ не чувствуется этой методической работы. Онъ какъ бы росъ совсѣмъ стихійно, толчками и порывами, то стремительно поднимаясь вверхъ, то неожиданно опускаясь. Природное богатство щедро брызжетъ и блещетъ въ Купринѣ, но это блескъ неровный. Есть что-то по-русски рыхлое и непрочное въ его богатырскомъ талантѣ. Между вершинами и низинами его творчества—цѣлая бездна. Въ самомъ крошечномъ чеховскомъ этюдѣ вы всегда узнаете автора,—такъ онъ характеренъ и стиленъ. А у Куприна немало такихъ случайно и небрежно написанныхъ вещей, отъ которыхъ онъ, навѣрно, самъ съ

радостью бы отрекся. Таковы, напр., нѣкоторые его дебюты, которыхъ онъ не включилъ въ собраніе своихъ сочиненій. А послѣ этихъ поверхностныхъ очерковъ, напоминающихъ репортерскіе отчеты, онъ сразу выступилъ съ прекрасными серьезными разсказами, среди которыхъ былъ и блестящій «Поединокъ»—шедевръ его творчества. Но и впослѣдствіи, въ промежуткахъ между серьезными произведеніями, онъ тоже не разъ грѣшилъ плохенькими анекдотами. Пестрой плодовитостью и неровностью творчества Купринъ напоминаетъ другой, тоже крупный, но менѣе гибкій талантъ, Мамина-Сибиряка, а также своего любимца, норвежца Гамсуна, которому въ собраніи сочиненій Куприна посвящена восторженная статья.

Различіемъ природы обусловлена и разница въ соотношеніи между авторомъ и его героями въ произведеніяхъ Чехова и Куприна. Чеховъ никогда не сливается со своими героями и не укладывается въ рамки изображаемой эпохи. Когда онъ съ сочувствіемъ рисуетъ своихъ хмурыхъ людей, сѣрыхъ россійскихъ обывателей, этихъ нытиковъ и гамлетовъ, вопіющихъ изъ провинціальной пустыни, спивающихся тамъ и погибающихъ, вы чувствуете, что самъ онъ отъ всего этого немножко въ сторонѣ, скорѣе созерцатель, чѣмъ участникъ. Въ немъ, безъ сомнѣнія, есть та же общественная и національная закваска, но въ небольшомъ количествѣ, словно лишь затѣмъ, чтобы сдѣлать для него возможнымъ пониманіе его героевъ; это расплывчатое, податливое вещество въ немъ словно чѣмъ-то сдерживается, регулируется и тренируется. Наконецъ, въ Чеховѣ есть нѣчто такое, чего совсѣмъ нѣтъ въ его герояхъ—людяхъ сумрачной эпохи: жизненный оптимизмъ; его герои на всѣ лады твердятъ о томъ, что жизнь скучна и безцѣльна, а Чеховъ, про себя, хорошо знаетъ ей цѣну и дорожитъ каждой ея минутой, какъ гурманъ, смакуетъ ее по каплямъ, съ новою, неслыханною для его героевъ, цѣпкостью за нее держится. Одной, хилой, стороной своего существа онъ—со своими надломленными тоскующими героями, а другой, упругой, неутомимо дѣятельной—гдѣ-то совсѣмъ впереди, въ грядущемъ.

Купринъ, напротивъ, весь въ современности, неотдѣлимъ отъ своихъ героевъ. По мыслямъ и вкусамъ, которые они высказываютъ, одинаково легко составить себѣ представленіе какъ обо всѣхъ оттѣнкахъ пережитыхъ Купринымъ настроеній, такъ и о сложныхъ переходахъ и перемѣнахъ въ общественныхъ идеологіяхъ той эпохи, которая непосредственно примыкаетъ къ чеховской. Ни о какомъ разладѣ нѣтъ рѣчи. Передъ нами характерный средній человѣкъ своего времени—того времени, когда въ атмосферѣ стало свѣтлѣе и въ зависимости отъ этого въ людяхъ началъ пробуждаться апе-

титъ къ жизни, но нужныхъ для жизни силъ и здоровыхъ навыковъ еще не было. Отсюда экстазъ, экзальтація, преувеличеніе, кокетничаніе со своимъ новообрѣтеннымъ «я», апоѳеозъ личности, подобно прежнему апоѳеозу общественности, новые провалы и новыя крушенія. «Бездорожники» 80-хъ годовъ очутились въ тупикѣ, потому что суверенная общественность потребовала отъ нихъ такого самоотверженія и самопожертвованія, на которое далеко не всѣ были способны; насиліе надъ собой и привело къ надрыву и опустошенію души. Въ 90-ые годы было провозглашено верховенство личности, раздались проповѣди и славословія въ честь красоты жизни. Но у надломленной личности не оказалось силъ ни для того, чтобы проявить себя, ни для того, чтобы использовать тѣ щедрыя блага жизни, которыя такъ неожиданно были открыты.—Жизнь прекрасна, но она не для насъ...—вотъ единственный выводъ, которымъ они себя утѣшали, уходя съ пира голодными. Они были вѣрны своей новой вѣрѣ. Они славословили жизнь даже «подъ колесами поѣзда», но использовать ее для себя не могли. Эта трагедія полностью отразилась въ произведеніяхъ Куприна, особенно въ «Поединкѣ» и «Рѣкѣ жизни». Но любопытно прослѣдить исторію этого индивидуалиста-банкрота съ самаго начала.

Герой раннихъ купринскихъ разсказовъ имѣетъ много общаго съ чеховскимъ. Это дряблый и нервный, рефлектирующій, мягкосердечный человѣкъ, исполненный благихъ намѣреній, но не жизнеспособный, пасующій при первомъ же препятствіи и неудачѣ. Таковъ инженеръ Бобровъ, интеллигентъ народнической окраски, въ разсказѣ «Молохъ», напечатанномъ въ 1896 г. въ «Русск. Бог.». «Его нѣжная, почти женственная натура жестоко страдала отъ грубыхъ прикосновеній дѣйствительности, съ ея будничными, но суровыми нуждами. Онъ самъ себя сравнивалъ, въ этомъ отношеніи, съ человѣкомъ, съ котораго заживо содрали кожу. Иногда мелочи, не замѣченныя другими, причиняли ему глубокія и долгія огорченія». Неврастенія Боброва зашла очень далеко: онъ уже не можетъ обходиться безъ морфія. Источникъ ея—острое сочувствіе чужимъ страданіямъ и рефлектированіе по поводу своей профессіи въ чисто народническомъ стилѣ. Никакихъ положительныхъ сторонъ своей дѣятельности (которой посвятилъ себя по недоразумѣнію) онъ не видитъ и считаетъ ее позорнымъ служеніемъ Молоху капитализма, пожирающему чужія жизни. «Что-то удручающее, нечеловѣческое чудилось Боброву въ безконечной работѣ кочегаровъ»... «Глядя на ихъ упорный трудъ... онъ самъ какъ будто испытывалъ часть ихъ физическихъ страданій. Ему тогда становилось стыдно и за свой

выхоленный видъ, и за свое тонкое бѣлье, и за три тысячи своего жалованья»... Образъ Боброва у Куприна наиболѣе цѣльный, выдержанный; это типичный старый «бездорожный» интеллигентъ, изъѣденный рефлексіей и тяготящійся жизнью. Однако, и въ немъ есть нѣкоторый диссонансъ, сближающій его съ позднѣйшими героями Куприна. Когда Бобровъ отъ разныхъ неудачъ, въ припадкѣ неврастеніи, собирается покончить съ собой, какой-то голосъ «изъ глубины его» «насмѣшливо-грубо» нашептываетъ ему:—«Нѣтъ, ты не убьешь себя. Зачѣмъ передъ собой притворяться? Ты слишкомъ любишь ощущеніе жизни, для того чтобы убить себя»... Любовь къ ощущенію жизни, а главное—сознаніе въ себѣ этой притаившейся любви—большая новость въ хиломъ интеллигентѣ. Чеховскимъ героямъ, напр., она совсѣмъ была несвойственна.

Еще больше этой раздвоенности и диссонансовъ въ героѣ слѣдующаго разсказа: «Болото», студентѣ Сердюковѣ, тоже народникѣ. Попавъ вмѣстѣ съ землемѣромъ на ночлегъ въ семью лѣсника, пожираемую злостной лихорадкой, онъ весь охваченъ сочувствіемъ къ несчастнымъ, безпомощно погибающимъ людямъ и полонъ ненависти къ бездушному «вампиру», высасывающему ихъ кровь. Онъ такъ разстроенъ, что даже во снѣ не можетъ отрѣшиться отъ полученныхъ впечатлѣній. Ему снится, будто бы онъ горячо, «до боли въ сердцѣ», споритъ о судьбѣ лѣсника со своимъ спутникомъ, равнодушнымъ землемѣромъ. «Къ чему эта жизнь?—говоритъ онъ со страстными слезами на глазахъ.—Кому нужно это жалкое, нечеловѣческое прозябаніе? Какой смыслъ въ болѣзняхъ и въ смерти милыхъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, у которыхъ высасываетъ кровь уродливый болотный вампиръ? Какой отвѣтъ, какое оправданіе можетъ дать судьба въ ихъ страданіяхъ?» Ему снится, что землемѣръ досадливо морщится и отворачивается, а лѣсникъ стоитъ тутъ же и участливо улыбается. «Онъ тихо покачивалъ головой, какъ будто жалѣлъ этого нервнаго и добраго юношу, который не понимаетъ, что человѣческая жизнь скучна, бѣдна и противна, и что не все ли равно, гдѣ умереть,—на войнѣ или въ путешествіи, дома или въ гнилой болотной трясинѣ?» Казалось бы, гамлетовскія настроенія всецѣло заполнили нашего юнаго героя, даже непричастному къ нимъ лѣснику онъ навязываетъ свои представленія о жизни — что она «скучна» и «противна»... А между тѣмъ къ утру отъ этого гамлетизма не остается и слѣда. Неожиданно откуда-то, изъ глубинъ души у студента приливаютъ совсѣмъ иныя, новыя настроенія, спеціально купринскія. Его охватываетъ неудержимое желаніе—поскорѣе самому выбраться изъ отвратительнаго тумана. Ему «вдругъ жадно, до

страданія, захотѣлось увидѣть солнце и вздохнуть яснымъ, чистымъ воздухомъ лѣтняго утра»... И когда онъ, пробравшись сквозь туманъ, наконецъ, взбѣжалъ на высокій бугоръ, онъ «задохнулся отъ прилива невыразимой радости»...

Финалъ этого любопытнаго разсказа звучитъ почти символически для творчества Куприна, для того общественнаго періода, который въ немъ отразился.

«Туманъ лежалъ бѣлой колыхающейся безконечною гладью у его ногъ, но надъ нимъ сіяло голубое небо, шептались душистыя зеленыя вѣтви, а золотые лучи солнца звенѣли ликующимъ торжествомъ побѣды».

Въ томъ, какъ бурно реагировалъ герой разсказа «Жидовка», докторъ Кашинцевъ, на впечатлѣніе красоты, тоже чувствуется природа Куприна, писателя новой эры. Когда Кашинцевъ повернулся лицомъ къ красавицѣ-еврейкѣ, «ему показалось, что какая-то невидимая сила толкнула его въ грудь и чья-то холодная рука сжала его затрепыхавшееся сердце»... Этотъ привыкшій рефлектировать интеллигентъ проявляетъ совсѣмъ необычную, несвойственную ему хищническую склонность. Онъ спрашиваетъ себя: «не заключается ли вся цѣль, весь смыслъ, вся радость моей жизни въ томъ, чтобы всѣми правдами и неправдами завладѣть вотъ такой женщиной, какъ эта, украсть, отнять, соблазнить,—не все ли равно?»

Порывъ жизнерадостности, охватившій въ 90-хъ годахъ интеллигенцію, едва выбравшуюся изъ слякоти бездорожья, носилъ чисто стихійный характеръ. Къ солнцу тянулись безотчетно и безпричинно. Никому не хотѣлось оглядываться назадъ, раздумывать надъ тѣмъ, что туманъ, можетъ быть, успѣлъ съѣсть половину души и наградить разрушительными бактеріями; радовались солнцу.

Новая общественная волна находитъ живой откликъ во впечатлительной натурѣ Куприна. Онъ не довольствуется тѣмъ, что рисуетъ еретическихъ интеллигентовъ съ новыми нотами въ психологіи. Его тянетъ изображать простыхъ цѣльныхъ людей, здоровыхъ и непосредственныхъ, не мудрствующихъ, а живущихъ полною, напряженною жизнью. И тутъ онъ даетъ волю своей бурной жизнерадостности, своей ненасытной зрительной жадности, забавляясь пестрой яркостью красокъ, непринужденностью позъ, непрерывностью движенія. Рисуя конокрада-виртуоза Бузыгу, не нужно за него извиняться и думать о благопристойности. Можно дать его въ натурѣ—хотя бы и вульгарнымъ, циничнымъ, но живымъ. Бузыга—силачъ и атлетъ. О его силѣ складываются цѣлыя легенды. Завидующій ему старый нищій Козелъ, потерявшій въ неловкомъ воровствѣ почти всѣ пальцы на рукахъ, увѣряетъ, что у Бузыги «всѣ ребра

срослись, до самаго пупа».—«Такого, какъ Бузыга хоть чѣмъ хочешь бей, а ужъ печенокъ ты ему, братъ, нѣ-ѣтъ... не отобьешь. Потому что у него печенки къ ребрамъ приросли»... Внукъ Козла, маленькій Василь, слушаетъ эти разсказы съ восхищеніемъ и твердо рѣшаетъ, что когда онъ выростетъ, не станетъ просить милостыню, а будетъ «какъ Бузыга». Бузыга—весь движеніе. Ему некогда задумываться надъ жизнью, но, судя по его «веселому», «самоувѣренному» голосу, она для него не «скучна» и не «бѣдна», какъ для героя «Болота», а полна интереса. Скучаетъ онъ только во время вынужденнаго бездѣйствія. Какъ разъ въ такой именно моментъ Купринъ любовно описываетъ своего богатыря-конокрада. «Маленькіе голубые глаза, окруженные бѣлыми рѣсницами, смотрѣли сонно, и только въ самую послѣднюю минуту въ нихъ зажглось странное—острое и жестокое выраженіе. Движенія у него были медленныя, лѣнивыя и какъ будто разсчитанныя на то, чтобы тратить на нихъ наименьшія усилія, но его могучая, круглая шея, выступавшая изъ косого ворота рубахи, длинныя руки съ огромными рыжеволосыми кистями, наконецъ, широкая, свободно согнувшаяся спина—говорили о тѣлесной силѣ необычайныхъ размѣровъ»... Бузыга успѣшно подвизается въ своемъ искусствѣ, терроризируя владѣльцевъ лошадей, а когда его поймали на кражѣ, онъ покорно принялъ свой жребій: стойко перенесъ всѣ побои и истязанія (въ описаніи которыхъ Купринъ не щадитъ кровавыхъ красокъ) и умеръ какъ герой, не выдавъ своихъ сообщниковъ. При этой смерти безмолвно присутствовалъ пламенный почитатель Бузыги Василь, съ такимъ благоговѣніемъ и затаеннымъ восторгомъ, какіе испытывалъ развѣ старый Тарасъ Бульба при казни своего сына Остапа.

Къ обоимъ своимъ стихійнымъ «индивидуалистамъ» Купринъ относится съ нескрываемымъ сочувствіемъ и симпатіей, точно такъ же, какъ Горькій къ своимъ сказочнымъ босякамъ. У романтическаго конокрада, въ самомъ дѣлѣ, много общаго съ горьковскими героями. И по времени «Конокрады» совпадаютъ съ лучшими босяцкими разсказами Горькаго. Очевидно, въ жизни ощущался наплывъ этихъ новыхъ мажорныхъ настроеній, и въ обычныхъ рамкахъ интеллигентской психологіи ихъ сразу трудно было художественно воплотить. Скоро для этого новаго жизнеощущенія нашлась и соотвѣтствующая идеологія—въ ницшеанствѣ. У Куприна съ первыми сознательными индивидуалистами мы встрѣчаемся въ его «Поединкѣ».

«Поединокъ»—не только лучшее произведеніе Куприна, въ которомъ его талантъ обнаруживаетъ наибольше силы и блеска. Это, и помимо всякихъ сравненій, выдающаяся вещь, которую можно

поставить на-ряду только съ классическими произведеніями нашей литературы. По художественной цѣльности, по широтѣ захвата, по красотѣ и свободѣ выполненія нѣтъ ничего равнаго «Поединку» во всей новѣйшей литературѣ. Мастерство, съ которымъ онъ написанъ, изумительно, и въ то же время въ немъ не чувствуется никакихъ усилій, оно какъ бы далось автору само собой, родилось отъ вдохновенія. Яркій бытописатель-пластикъ соединился въ Купринѣ съ художникомъ новаго типа—психологомъ и лирикомъ. Вотъ почему у него такая гармонія между внѣшней, изобразительной стороной и психологической. «Поединокъ»--не просто повѣсть, а художественная поэма, одновременно общественная и индивидуальная, совмѣщающая въ себѣ сатирическій и трагическій элементы. Сила производимаго имъ впечатлѣнія обусловлена благородной простотой, съ которой онъ написанъ, и единствомъ творческаго настроенія. Тема «Поединка» такъ хорошо выношена авторомъ, такъ ясна ему и дорога, что не требовала никакихъ искусственныхъ ухищреній въ развитіи, излилась сама собою. Въ немъ нѣтъ сѣрыхъ и слабыхъ страницъ, нѣтъ ничего, что̀ подлежало бы исключенію—все органически связано и читается съ одинаковымъ интересомъ. Общее цѣльное впечатлѣніе не мѣшаетъ отчетливости отдѣльныхъ фигуръ. Каждая изъ нихъ интересна не только какъ часть большого цѣлаго, но и сама по себѣ; каждая живетъ своею жизнью, вполнѣ закончена. Неуклюжій, забитый солдатикъ Хлѣбниковъ вспоминается, по прочтеніи «Поединка» съ такой же яркостью, какъ и главныя дѣйствующія лица. Единственнымъ исключеніемъ является нѣсколько «головной» Назанскій. У него какъ будто нѣтъ яснаго облика, помнятся только его интересныя рѣчи, словно онъ произноситъ ихъ гдѣ-то за сценой. Онъ былъ нуженъ автору для полноты выраженія занимавшей его индивидуалистической философіи. Въ другомъ авторскомъ alter ego, подпоручикѣ Ромашевѣ, напротивъ, воплощена стихійная сторона писательской личности Куприна: его художническій складъ, органическое тяготѣніе къ творчеству и острая впечатлительность натуры. Эта потребность въ художническомъ раздвоеніи для выраженія себя въ творчествѣ говоритъ о густотѣ и сложности переживаній. Въ противоположность Назанскому, Ромашевъ вышелъ совсѣмъ живой. Своей психологіей и поступками онъ все время какъ бы иллюстрируетъ теоріи Назанскаго,

Офицеры Куприна находятся въ близкомъ духовномъ родствѣ съ его штатскими героями. Всѣ они изъ одного тѣста. Это не только братья, а близнецы. И «болѣзненный, молчаливый, нервный молодой человѣкъ» Авиловъ въ разсказѣ «Ночлегъ», и Яхонтовъ изъ «Похода», о которомъ уже упоминалось, и истеричный Козловскій въ

«Дознаніи», громко рыдающій, какъ женщина, послѣ тѣлесной экзекуціи надъ солдатомъ,—похожи другъ на друга и на инженера Боброва, человѣка съ «заживо содранной кожей», съ обнаженными нервами.

Таковъ и чуткій, благородный, но немного жалкій и смѣшной Ромашевъ, мечтательный и наивный, любившій о себѣ думать въ третьемъ лицѣ, цитатами изъ романовъ. Онъ полонъ добрыхъ и чистыхъ намѣреній и порывовъ, у него даже бываютъ приливы настоящей силы и мужества, но онъ весь неизлѣчимо изъѣденъ неврастеніей. Какъ и у Боброва, у него есть какіе-то роковые дни, когда впечатлѣнія жизни ложатся на душу особенно остро и болѣзненно. То, мимо чего другіе люди проходятъ не замѣчая, ранитъ его мучительными уколами. Иногда онъ долго ищетъ въ памяти причину, испортившую, отравившую ему день, и, наконецъ, вспоминаетъ, что это, просто, какое-нибудь рѣзкое, непріятное впечатлѣніе: испугавшій его утромъ свистокъ паровоза и т. п. Какъ всѣ нервные люди, онъ очень обидчивъ и самолюбивъ и всегда преувеличиваетъ всѣ обиды, близокъ къ тому, чтобы покончить съ собой изъ-за всякаго пустяка.

Ромашевъ любитъ мечтать о подвигахъ, воображать себя блестящимъ героемъ, чуть не спасителемъ человѣчества, а на самомъ дѣлѣ онъ, просто, неловкій и незамѣтный офицеръ, неудачникъ, человѣкъ «съ куцымъ хвостомъ». Будучи и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніи головой выше другихъ, онъ «многаго хотѣлъ», но «ничего не могъ». Это вѣрно опредѣлила его героиня, Шурочка Николаева. Оттого она и отказалась идти за нимъ, несмотря на любовь къ нему.

— Зачѣмъ вы такой... слабый! Зачѣмъ вы такой жалкій!—сѣтуетъ она:—Вѣдь жалость—сестра презрѣнія. Подумайте: я не могу уважать васъ...

Художникъ не безъ основанія выбралъ жалкаго, безвольнаго Ромашева въ носители новаго индивидуалистическаго сознанія. Всѣ наши скороспѣлые ницшеанцы, провозгласившіе верховную власть «я», страдали именно безсиліемъ этого «я», были отъ природы чѣмъ-то ущемлены и надломлены. Это прекрасно проанализировано въ предсмертномъ письмѣ студентомъ-самоубійцей въ разсказѣ «Рѣка жизни», идейно примыкающемъ къ «Поединку». «Моя душа навѣки опустошена, мертва и опозорена. Низкая неврастеническая боязливость впилась въ нее, какъ клещъ въ собачье ухо... Не я одинъ погибъ отъ этой моральной заразы... Все прошлое поколѣніе выросло въ духѣ набожной тишины, насильственнаго почтенія къ старшимъ, безличности и безгласности»...

Сознаніе своей личности пробудилось въ Ромашевѣ внезапно

въ то время, когда онъ, за упущенія по службѣ, сидѣлъ подъ арестомъ.

«...Дверь открыта, мнѣ хочется итти, куда хочу, дѣлать, что хочу, а я сижу... Это *я* сижу. Я. Вѣдь это—я!..

«...Я!—Ромашевъ остановился среди комнаты и съ разставленными врозь ногами, опустивъ голову внизъ, крѣпко задумался.—Я! Я! Я!—вдругъ воскликнулъ онъ громко, съ удивленіемъ, точно въ первый разъ понявъ это короткое слово». Радуясь своему открытію, Ромашевъ старается разграничить все, что есть «я», отъ того, что— «не я», впервые взвѣшиваетъ и сравниваетъ эти два міра. Зачѣмъ ему подчинять себя чужой волѣ, напр. нести ненавистную службу, если все внѣшнее существуетъ лишь постольку, сколько оно связано съ внутреннимъ—съ его «я»? И родина, которую долгъ велитъ защищать, и честь, и враги—все это относительно. «Они живутъ, пока живетъ мое сознаніе. Но исчезни родина, и честь, и мундиръ, и всѣ великія слова,—мое Я останется неприкосновеннымъ. Стало быть, все-таки, мое «я» важнѣе всѣхъ этихъ понятій о долгѣ, о чести, о любви»...

Еще опредѣленнѣе формулируется новое міросозерцаніе въ разговорѣ Ромашева съ Назанскимъ, настоящимъ фанатикомъ индивидуализма:—«Когда меня не станетъ, то и весь міръ погибнетъ?» Вѣдь вы это говорите?—спрашиваетъ Ромашевъ. И Назанскій, живущій, по его словамъ, внутреннею жизнью только во время запоя, а слѣдовательно, почти лишенный возможности проявлять свое «я», подтверждаетъ:—«Это самое»...

Далѣе слѣдуетъ пламенное исповѣданіе новой вѣры. «...Любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычадилась изъ человѣческихъ сердецъ. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всесильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ... Настанетъ время и великая вѣра въ свое Я осѣнитъ, какъ огненные языки Святого Духа, головы всѣхъ людей, и тогда уже не будетъ ни рабовъ, ни господъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами».

Не такъ давно произносились подобныя, полныя энтузіазма, слова объ индивидуализмѣ, а теперь уже ясно, что онъ обманулъ ожиданія и не утвердился въ сердцахъ; самые убѣжденные носители его тяготятся имъ и стараются преодолѣть его, выйти изъ того тѣснаго, замкнутаго кольца, которымъ онъ обхватилъ психику. Ясно и большее: что русской интеллигенціи нужна не замѣна одного міросозерцанія другимъ, а основное оздоровленіе ея природы—и физическое,

психическое. Апоѳеозъ «Я» смѣнился призывомъ «къ жизни», и ликующая «жизнерадостность» постепенно переселяется изъ идеологіи въ кровь. Новое поколѣніе растетъ уже совсѣмъ инымъ: его уже не нужно убѣждать въ томъ, что «жизнь прекрасна»... Теперь восторженныя рѣчи Назанскаго о грядущей «богоподобной жизни» кажутся наивными, но въ нихъ звучитъ подлинный общественный голосъ тѣхъ лѣтъ перелома, когда индивидуализмъ былъ новымъ бодрящимъ словомъ. И кто знаетъ, не сослужилъ ли онъ свою службу въ дѣлѣ подлиннаго общественнаго оздоровленія? Теперь, когда на эту краткую полосу въ жизни интеллигенціи уже можно смотрѣть исторически, понятно, что индивидуализмъ для Россіи все же растеніе экзотическое. Въ своей основной первоначальной, штирнеро-ницшеанской постановкѣ проблема индивидуализма слишкомъ узка и ограничена, чтобы служить тѣмъ исчерпывающимъ, играющимъ роль религіи міровоззрѣніемъ, какимъ были у насъ другія идеологіи. Характерно, что герои Куприна стараются внести въ свою новую «вѣру» недостающіе ей элементы: широту и общественный альтруизмъ. И этотъ налетъ на ихъ «индивидуализмѣ», пожалуй, всего любопытнѣе. Назанскій увѣряетъ Ромашева, что индивидуализмъ — лучшій общественный оплотъ, «надежнѣйшая спайка между людьми».

Сами герои Куприна, по натурѣ, мало пригодны для проведенія въ жизнь ницшеанской жестокости. Это настоящія русскія души—широкія и порывистыя, но вялыя и дряблыя, неспособныя къ выдержкѣ и къ планомѣрному, послѣдовательному проявленію себя. Эти люди совершенно не выносятъ вида насилія и жестокости; у Ромашева, напр., это вызываетъ родъ обморочной тошноты и дрожаніе колѣней. А Назанскій, проповѣдующій любовь къ «дальнему», переполненъ добрыми чувствами именно къ ближнему, къ своему товарищу Ромашеву. Съ отеческой нѣжностью («Дорогой мой Юрочка, простите, что я васъ такъ называю»...) онъ убѣждаетъ его не драться на дуэли и, вообще, поскорѣе уйти въ запасъ, чувствуетъ въ Ромашевѣ «какой-то свѣтъ» и боится, что «въ грязной берлогѣ» его погасятъ. И свое нравственное право на «запой» Назанскій отстаиваетъ на томъ основаніи, что это состояніе удаляетъ его отъ пошлости жизни, углубляетъ ея смыслъ, озаряетъ ее новымъ свѣтомъ.—«Это время моей свободы! Свободы духа, воли, ума! Я живу тогда, можетъ быть, странной, но глубокой жизнью!»

И Ромашевъ, и Назанскій—законныя дѣти Куприна. Это—идеалисты чистѣйшей воды въ одеждѣ индивидуализма, поклонники Прекраснаго. Ихъ жизненная идея противоположна формулѣ индивидуализма. Не «когда меня нестанетъ, весь міръ погибнетъ», а напротивъ: пускай погибну я, лишь бы осталось Прекрасное въ мірѣ

и не было бы осквернено мое понятіе о немъ... Они совсѣмъ не эгоисты и впадаютъ скорѣе въ обратную крайность: не умѣютъ щадить и беречь свое «я» и расточительно имъ жертвуютъ, какъ показываетъ безсмысленная смерть Ромашева.

Такъ же идеалистиченъ и юный самоубійца въ «Рѣкѣ жизни», тоже поклонникъ новой вѣры «священнаго уваженія къ своему радостному, гордому, свободному я». Онъ уходитъ изъ жизни по чисто альтруистическимъ мотивамъ. Онъ всей душой сочувствуетъ тому бурному освободительному потоку, который разлился на его глазахъ, всѣмъ новымъ чувствамъ и мыслямъ, которыя этотъ потокъ принесъ съ собой, но онъ чувствуетъ, что именно въ этой новой, яркой, созидательной жизни ему—не мѣсто. «Въ теперешнее время позорно и тяжело и прямо невозможно жить такимъ, какъ я»...

Идеализмъ—основной нервъ творчества Куприна. Онъ ярче всего отразился на его представленіи о любви. Это единственный изъ новыхъ писателей, въ произведеніяхъ котораго вѣетъ мечтой о великой любви, той рѣдкой, таинственной любви, которая какъ талантъ дается въ удѣлъ только избранникамъ. Въ новѣйшей литературѣ она вытѣснена довольно прѣсной «проблемой пола». Купринъ тоже не ушелъ отъ вліянія проблемы пола, но претворилось оно у него благородно и очень своеобразно. Оно сказывается не только внѣшнимъ образомъ—въ античной откровенности его любовныхъ сценъ, поражающей послѣ цѣломудренной сдержанности старыхъ романтиковъ, а и внутренно. Въ самыя рискованныя реалистическія картины (напр. въ «Морской болѣзни») Купринъ внесъ психологическую тонкость и мистическую углубленность, которая съ ними примиряетъ. «Порнографическія» краски нужны ему лишь для рамки, для колорита. За ярко-претенціозными, чувственно-возбуждающими драпировками присутствуетъ самъ свѣтлый богъ... богъ той сжигающей, роковой, чисто-человѣческой любви, которая съ поэтической непосредственностью воспѣта Гамсуномъ и съ философской глубиной опредѣлена Соловьевымъ.

— Вы мнѣ милы всѣмъ,—говоритъ Ромашеву отвергающая его Шурочка:—Я о васъ всегда думаю, я вижу васъ во снѣ... Я чувствую васъ...

Въ жизни имъ суждено разойтись. И цѣли, и планы у нихъ разные. Но любви нѣтъ дѣла до обыденности, у нея свои законы, и она имъ подчинила влюбленныхъ, въ любви они—одно.

Шурочка гдѣ-то слыхала легенду о томъ, какъ «Богъ создалъ сначала всѣхъ людей цѣлыми, а потомъ разбилъ каждаго на двѣ части и разбросалъ по свѣту; и вотъ ищутъ цѣлые вѣка одна половинка

другую и все не находятъ»... Она говоритъ Ромашеву—въ то время, когда разлука съ нимъ уже безповоротно рѣшена: — «Дорогой мой! Вѣдь мы съ вами эти двѣ половинки... У насъ все общее: и любимое, и нелюбимое, и мысли, и сны, и желанія. Мы понимаемъ другъ друга съ полунамека, съ полуслова, даже безъ словъ, одной душой»... И послѣдняя страстная сцена сближенія передъ дуэлью, когда Шурочка пришла вознаградить Ромашева за то, что отнимаетъ у него жизнь, тоже глубоко проникнута мистикой любви. Она полна такого экстаза сложныхъ человѣческихъ чувствъ—страданія и наслажденія, такого предѣльнаго удовлетворенія, что заставляетъ забыть и отталкивающую жестокость Шурочки (самой послѣдовательной ницшеанки Куприна), и слабоволіе Ромашева.

Теоретикомъ любви въ «Поединкѣ» выступаетъ Назанскій. Онъ говоритъ о ней съ восторгомъ, прославляя, главнымъ образомъ, высшій идеализмъ ея проявленія — «нераздѣленную», «безнадежную» любовь. Мысль о такой идеалистической беззавѣтной любви, видимо, всегда занимала Куприна. У него цѣлый рядъ, въ разное время написанныхъ, этюдовъ на эту тему. Среди нихъ наибольшей извѣстностью пользуется «Гранатовый браслетъ», произведеніе слабое, совсѣмъ не блещущее свойственною Куприну яркою изобразительностью, но трогающее своимъ чистымъ и цѣльнымъ идеализмомъ.

Есть еще область, гдѣ тоже щедро и полно развертывается художническая натура Куприна. Это—его отношеніе къ природѣ. Въ его восхищеніи природой, въ свѣжести и яркости тѣхъ настроеній, которыя она въ немъ возбуждаетъ, есть нѣчто родственное Гамсуну. Но Купринъ здѣсь сильнѣе и оригинальнѣе своего любимца. У Гамсуна, при всей его поэтичности, въ его чувствѣ природы есть коечто нарочитое, есть реторика, а Купринъ совершенно простъ и естественъ. Гамсунъ прославляетъ божество природы—великаго Пана и себя на ея фонѣ, а Купринъ воспѣваетъ конкретную мать-землю и заражаетъ насъ своимъ чувствомъ къ ней, потому что мы ее по его словамъ отчетливо представляемъ себѣ. Сначала можетъ показаться, что Купринъ «описываетъ» природу, какъ въ старину, съ чрезмѣрными подробностями и слишкомъ цвѣтисто. Но затѣмъ эта-то конкретная и гибкая, тончайшая «цвѣтистость» и начинаетъ увлекать, ибо эти детали не реторическія метафоры, а творческія искорки. Онѣ зажглись и разсыпались отъ того сложнаго, жаднаго воспріятія міра—тысячею глазъ, тысячею ушей, о которомъ говорилъ другой удивительный пѣвецъ земли, Мопассанъ. Куприну оно присуще. Сколько у него красочной поэзіи и какое перевоплощеніе въ лошадиную психологію въ описаніи сна Изумруда! «Передъ самымъ разсвѣтомъ онъ увидѣлъ во снѣ раннее весеннее утро, красную зарю

надъ землей и низкій ароматный лугъ. Трава была такъ густа и сочна, такъ ярко, сказочно-прелестно зелена и такъ нѣжно розовѣла отъ зари, какъ это видятъ люди и звѣри только въ раннемъ дѣтствѣ, и всюду на ней сверкала дрожащими огнями роса. Въ легкомъ рѣдкомъ воздухѣ всевозможные запахи доносятся удивительно четко... Слышенъ сквозь прохладу утра запахъ дымка, который сине и прозрачно вьется надъ трубой въ деревнѣ, всѣ цвѣты на лугу пахнутъ по-разному, на колеистой влажной дорогѣ за изгородью смѣшалось много запаховъ: пахнетъ и людьми, и дегтемъ, и лошадинымъ навозомъ, и пылью, и парнымъ коровьимъ молокомъ отъ проходящаго стада, и душистой смолой отъ еловыхъ жердей забора.

«Изумрудъ, семимѣсячный стригунокъ, носится безцѣльно по полю, нагнувъ голову и взбрыкивая задними ногами. Весь онъ точно изъ воздуха и совсѣмъ не чувствуетъ вѣса своего тѣла. Бѣлые пахучіе цвѣты ромашки бѣгутъ подъ его ногами назадъ, назадъ. Онъ мчится прямо на солнце. Мокрая трава хлещетъ по бабкамъ, по колѣнкамъ и холодитъ, и темнитъ ихъ. Голубое небо, зеленая трава, золотое солнце, чудесный воздухъ, пьяный восторгъ молодости, силы и быстраго бѣга!»

Ни у одного писателя нѣтъ столько всевозможныхъ звѣрюшекъ, какъ у Куприна. Они у него вездѣ сопутствуютъ человѣку, имъ посвященъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ разсказовъ: «Изумрудъ», «Собачье счастье», «Пудель», «Барбосъ и Жулька» и др. Какъ любовно и наглядно описанъ звѣринецъ Бема въ «Поединкѣ!» Въ необыкновенно живомъ, яркомъ очеркѣ: «На глухарей» изображено пернатое царство; и здѣсь та же детальная конкретность и непосредственность въ передачѣ чувствъ охотника и подслушанныхъ имъ «тайнъ лѣса».

«Я не знаю, сколько прошло времени... Внезапно мой слухъ поражается такими странными звуками, что я невольно вздрагиваю отъ неожиданности. Это какіе-то высокіе, необыкновенно звучные и гармоничные стоны, издаваемые цѣлыми десятками голосовъ...

«—Журавли!—еле слышно произноситъ Трофимъ».

«Уу-рлы, урлу-рлы, урлу-рлы,—стонетъ по всему лѣсу невидимый хоръ, и, едва только замолкаетъ, какъ въ отвѣтъ ему откуда-то съ противоположнаго конца лѣса раздаются такіе же гармоничные стоны другого стада проснувшихся журавлей, потомъ отзывается третье стадо, за нимъ четвертое... Эта утренняя перекличка служитъ сигналомъ для всего лѣса. Заяцъ начинаетъ вопить своимъ дрожащимъ, гнусавымъ и прерывающимся сопрано, гдѣ-то близко отъ насъ чуфыркнулъ задорно и рѣзко тетеревъ, сова расхохоталась на верхушкѣ высокаго дерева»...

Внѣшней остротѣ воспріятія у Куприна соотвѣтствуетъ его внутренняя полнота и углубленность. Оно какъ бы выходитъ за предѣлы обычныхъ «пяти чувствъ». Какимъ-то особымъ чутьемъ, подсознательнымъ разумомъ онъ улавливаетъ внутреннюю сущность вещей, связь причинъ и слѣдствій, первооснову жизни. Этимъ новымъ высшимъ чувствомъ Купринъ надѣляетъ и нѣкоторыхъ своихъ героевъ, иногда даже въ ущербъ бытовому правдоподобію. Когда студентъ-неврастеникъ, передъ смертью, предается разнымъ мистическимъ раздумьямъ и прозрѣніямъ, читатель долженъ чувствовать непріятную раздвоенность. Ему остается одно изъ двухъ: или усумниться въ томъ, что герой Куприна, въ концѣ концовъ, дѣйствительно застрѣлился, или не вѣрить тому, что онъ испытывалъ описанныя настроенія. Человѣкъ, которому открылась такая красота и цѣлесообразность міра, не могъ застрѣлиться. Но сами по себѣ мысли студента все-таки интересны.

«Мысль человѣка,—это какъ бы токъ отъ таинственнаго, еще невѣдомаго центра, это какая-то широкая напряженная вибрація невѣсомой матеріи, разлитой въ міровомъ пространствѣ и проникающей одинаково между атомами камня, желѣза и воздуха»... «Можетъ быть, мысли и сны всѣхъ людей, бывшихъ до меня въ этой комнатѣ, еще рѣютъ вокругъ меня и тайно направляетъ мою волю? И, можетъ быть, завтра случайный посѣтитель этого номера задумается внезапно о жизни, о смерти, о самоубійствѣ, потому что я оставлю послѣ себя мою мысль?...» «Ахъ, я думаю, что ничто въ мірѣ не пропадаетъ—ничто!—не только сказанное, но и подуманное. Всѣ наши дѣла, слова и мысли—это ручейки, тонкіе подземные ключи. Мнѣ кажется, я вижу, какъ они встрѣчаются, сливаются въ родники, просачиваются наверхъ, стекаются въ рѣчки—и вотъ уже мчатся бѣшено и широко въ неодолимой «Рѣкѣ Жизни...»

Небольшой тонкій психологическій очеркъ «Вечерній гость» посвященъ тому же проникновенному раздумію о значительности жизни и глубокомъ смыслѣ всѣхъ кажущихся случайными и разрозненными явленій ея. Въ короткое мгновеніе между стукомъ въ дверь поздняго гостя и отвѣтомъ: «Войдите!» въ душѣ человѣка разыгрывается цѣлая симфонія неуловимо-тонкихъ и сложныхъ настроеній и мыслей: о судьбѣ, о жизни и смерти, о личности.

Въ отношеніи новизны содержаніе у Куприна далеко опередило форму. Въ области художественныхъ пріемомъ онъ не новаторъ, не творецъ. Онъ хорошій выученикъ старой школы, хотя ему самому иногда тѣсно въ ея рамкахъ. Онъ не только не осуществилъ никакой новизны, но, повидимому, и не стремился къ ней. Ему чужда страстная чеховская жажда новаторства, воплемъ вырвав-

шаяся въ словахъ Треплева:—«Нужны новыя формы! Новыя формы нужны, а если ихъ нѣтъ, то ничего не нужно...» Купринскія тщательныя описанія отчасти напоминаютъ тургеневскія. Но его разсказы изобилуютъ длиннотами; по сравненію съ чеховскими, они очень растянуты, они не удовлетворяютъ первому треб ванію «новизны» — сжатости. Символика, въ сильной степени присущая Чехову, не дается Куприну, какъ это можно видѣть изъ тяжеловѣснаго разсказа: «Молохъ». Вообще, между старыми застывшими пріемами творчества Куприна и его новымъ волнующимъ содержаніемъ нѣтъ гармоніи. Лишь въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ разсказахъ («Рѣка Жизни», «Штабсъ-капитанъ Рыбниковъ») у Куприна чувствуется нѣкоторый переломъ въ сторону импрессіонизма. Но въ большомъ романѣ-хроникѣ: «Яма» онъ опять явственно возвращается къ излюбленной старинѣ. Такъ проще, такъ ему удобнѣе... Творчество Куприна можетъ служить опроверженіемъ очень распространеннаго теперь парадоксальнаго утвержденія, что стиль, это—все, самое первое и самое важное въ писателѣ. Стиль иногда приходитъ послѣднимъ. Тысяча причинъ мѣшаютъ писателю овладѣть имъ, найти для своего содержанія соотвѣтствующую форму. Держась старыхъ пріемовъ, Купринъ сумѣлъ, однако, развернуть всю красоту своего творчества, такую смѣлую, солнечную, и талантливо сказать свое новое—бодрое и радостное—слово о жизни.

Е. Колтоновская.

ВЕЛИКОЕ КЛАДБИЩЕ.

(Поѣздка въ Новгородъ) [1].

— Наша Флоренція!—съ энтузіазмомъ сказалъ мой спутникъ, когда мы бродили въ лѣтній солнечный сіяющій день по Новгороду, и нѣсколько разъ съ восторгомъ и жаромъ внезапнаго убѣжденія повторялъ:

— Да, Москва—нашъ Римъ, а Новгородъ—наша Флоренція!

Это взглядъ восхищеннаго цѣнителя красоты, который увидѣлъ ее въ неожиданномъ и притомъ въ своемъ, родномъ мѣстѣ, гдѣ ничего кромѣ болотъ да унылыхъ варварскихъ развалинъ не ожидалъ встрѣтить. Такой острый и любовный взглядъ уже многое

---

[1]) Поѣздка была совершена въ іюлѣ истекшаго года.

открылъ и спасъ отъ послѣдней гибели въ угасшемъ Новгородѣ. И это – большая національная заслуга.

Охотно соглашаешься:—Да, это—наша Флоренція. Это—остатки нашего древняго и самобытнаго искусства, нашего ранняго и напряженнаго исканія красоты въ зодчествѣ, живописи и скульптурѣ.— Соглашаешься и все же смутно чувствуешь, что это не все, что это малое и, можетъ быть, не главное.

Новгородъ,—чѣмъ больше по нему блуждаешь, чѣмъ больше всматриваешься, думаешь и грезишь на-яву, —сотрясаетъ душу сложнымъ, разрастающимся волненіемъ. Сердце и мысль холодѣютъ отъ сознанія, что мы находимся среди великихъ первоначальныхъ могилъ, съ которыми наша психика связана древними, но, надо думать, все еще живыми и важными нитями. Въ подлинномъ и глубокозначительномъ смыслѣ здѣсь колыбель Руси. Здѣсь первые исторически-ощутимые корни нашей націи, нашей государственности. Здѣсь зачиналась Русь. И зачиналась не хило и не случайно. Это было блистательное и цвѣтущее начало. Поражаешься изумленіемъ, отъ котораго, кажется, никогда не оправишься, что 600—700 лѣтъ назадъ въ Новгородѣ было четыреста тысячъ жителей, а нынѣ—22 тысячи! И дѣло, разумѣется, не въ одной только этой необычайной для тогдашней Руси цифрѣ населенія. Великій Новгородъ былъ великъ не числомъ глотокъ и ѣдоковъ. О пышной, сложной и расцвѣтающей жизни того времени мы едва можемъ догадываться по немногимъ, хотя и краснорѣчивымъ намекамъ. Обиліе старыхъ, удивительныхъ по архитектурѣ и живописи церквей говоритъ отчасти, какіе вкусы и потребности развивались въ новгородскомъ населеніи. А стремительная быстрота, съ которой возводились одинъ за другимъ громадные храмы, намекаетъ на то, что Новгородъ, видимо, кипѣлъ мастерами, техниками и художниками, не только иностранными, но и своими, созрѣвшими и значительными (о чемъ говоритъ національный характеръ зодчества и живописи того времени). О вѣчѣ мы знаемъ только историческія сплетни, запомнивъ, что на немъ кричали, ссорились и дрались, сбрасывая иногда другъ-друга съ моста въ Волховъ. Но, видимо, была въ комъ-то широта и дальновидность государственнаго пониманія. Новгородъ шелъ уже тогда нога въ ногу съ Западной Европой, войдя съ ней въ прочное и постоянное единеніе черезъ Ганзейскій торговый союзъ. Естественно, органически, мѣрно и просто совершалось то, для чего два-три вѣка спустя Петру Великому потребовалось геніальное и судорожное усиліе просвѣщенно-насильственнаго реформаторства.

Историческіе пути неисповѣдимы. Можетъ быть, все такъ и нужно было, какъ случилось. Но странно и ошеломительно для еди-

ничнаго сознанія оглядываться на дымящійся, катастрофическій путь нашей исторіи. Странно, что Москва должна была задавить Новгородъ съ его народовластіемъ, свободной торговлей и дружбой съ Европой,—задавить, чтобы дать расцвѣтъ абсолютизму. Странно, что тому же абсолютизму, въ лицѣ Петра, пришлось, однако, совершать часть новгородской задачи, насильственно поворачивая Русь лицомъ къ Европѣ и насильственно насаждая науки и искусства. Странно, что только теперь, около двадцатаго вѣка, художники увидѣли среди новгородскихъ развалинъ древніе побѣги нашего самобытнаго искусства и только теперь въ двадцатомъ вѣкѣ захирѣвшая государственность почувствовала, что ей не обойтись безъ своихъ корней народнаго представительства,—тѣхъ самыхъ корней, которые на новгородской землѣ были выкорчеваны и вытравлены нѣсколько столѣтій назадъ.

Нѣсколько столѣтій! Можетъ быть, исторія должна идти по своему невѣдомому кругу или зигзагу. Но когда зигзагъ приводитъ на прежнее мѣсто, а жизнь внушительно говоритъ: «Дѣлай то, что дѣлалось нѣкогда здѣсь!»—то съ невольной оторопью и тоской оглядываешь могилы, развалины и запустѣніе, думая съ отуманенной головой: «А почему же здѣсь не цвѣтетъ жизнь? Почему она вытравлена четыреста лѣтъ назадъ?». 400 лѣтъ! Четыре вѣка загадочнаго круга, зловѣщаго зигзага съ трагическимъ жертвоприношеніемъ Новгорода нашей странной всероссійской судьбѣ.

Странно и удивительно, что Новгородъ какъ бы предчувствовалъ свою трагическую участь. Едва начинается блестящая жизнь великаго города, только еще строится главный Софійскій соборъ, а лѣтопись уже заноситъ на устрашеніе поколѣній зловѣщую легенду. Три раза переписывали мастера благословляющую руку Спасителя въ куполѣ собора, и три раза рука снова сжималась. И былъ гласъ иконописцамъ, что рука пребудетъ сжатой. «А когда сія рука распространится, тогда будетъ граду сему скончаніе».

Такую же пугающую легенду оставили лѣтописи и о мѣдномъ голубѣ, прикрѣпленномъ на крестѣ средняго купола. Передъ гибелью Новгорода голубь затрепещетъ крыльями и слетитъ съ креста. И въ самые пышные, могучіе годы, когда, казалось бы, странно было цвѣтущему городу заботиться о какомъ-то «скончаніи», новгородцы томились предчувствіемъ, поглядывая, не разжимается ли рука Спасителя, не затрепыхались ли крылья голубя.

Было ли вообще тогда время тревожное, или у Новгорода было особое смутное сознаніе своей необычной роли среди перекрестныхъ теченій исторической судьбы Россіи... Любопытно, однако, что новгородцы до сихъ поръ не безъ испуга вспоминаютъ

о древней легендѣ. И теперь посматриваютъ, не стала ли разжиматься рука Спасителя, не трепыхнулся ли голубь,—все пугаются, не приходитъ ли «скончаніе» Новгороду, не замѣчая, что Великій Новгородъ давно уже превратился въ кладбище, а среди холмовъ, развалинъ и зелени ютится нынѣшній захудалый городокъ

II.

Нынѣшнее маленькое, но живое борется, какъ умѣетъ, съ древнимъ великимъ, но мертвымъ.

Въ Софійскомъ соборѣ, когда мы вошли въ него, совершался ремонтъ. Лежали вывороченныя плиты, рогожи, доски, обмазанныя известью. Ремонтъ, улучшеніе, украшеніе. Софійскій соборъ уже нѣсколько разъ такимъ образомъ ремонтировался и улучшался, и во время одного капитальнаго ремонта подъ штукатуркой, известью и подмалевкой исчезли всѣ древнія, изумительныя и безцѣнныя фрески. Всѣ исчезли, безслѣдно и непоправимо. Въ поученіе поколѣній случайно была найдена подъ отбитой штукатуркой лишь одна плита съ фреской, изображающей Константина и Елену. Попорченная, еле различимая, она стоитъ теперь возлѣ входа для внушенія должнаго уваженія къ ремонтамъ и новѣйшимъ благоукрашеніямъ нашихъ древнихъ храмовъ.

Осторожно двигались мы мимо вывороченныхъ плитъ, рогожъ и досокъ, вглядываясь въ грандіозный образъ Спасителя въ куполѣ (со все еще сжатой рукой), въ древнія чудотворныя иконы, а въ особенности въ главнѣйшую святыню собора—строгій ликъ Софіи Премудрости Божіей, образъ по живописи высокаго сильнаго, благочестиваго и самобытнаго мастерства древняго Новгорода. Съ особымъ чувствомъ созерцали Корсунскія врата собора. Не знаменательно ли, что для главной святыни города врата эти сдѣланы за границей чужеземными мастерами? Латинскія надписи на выпуклыхъ изображеніяхъ краснорѣчиво говорятъ о торной дорогѣ, которая шла 800 лѣтъ назадъ изъ Европы къ Новгороду.

Черезъ доски и плиты выбираемся къ выходу, а снаружи долго смотримъ на общія линіи собора, на привившуюся здѣсь форму удлиненнаго куба съ полукружіемъ вверху. Простота и гармонія линій, уловленная когда-то новгородскимъ зодчествомъ и потомъ воплощенная во многихъ здѣшнихъ церквахъ.

— Хорошо хоть,—замѣчаетъ мой спутникъ,—что архитектуру не легко испортить ремонтомъ.

Однако, вскорѣ мы съ огорченіемъ узнаемъ, что значительное число новгородскихъ церквей измѣнено и искажено позднѣйшими

пристройками и поправками. Ахъ, эта самоувѣренность всякаго новаго вѣка считать себя тоньше, умнѣе и художественнѣе старыхъ вѣковъ!

Одна маленькая ошибка дала намъ случай увидѣть вблизи представителя XX вѣка, съ искреннимъ и откровеннымъ недоброжелюбіемъ взирающаго на старое искусство. Мы поспѣшили посмотрѣть церковь Ѳеодора Стратилата, въ которой приключился сравнительно недавно примѣчательный ремонтъ. Въ 1885 году въ этой церкви забѣлили известью всѣ фрески, покрывавшія сводъ и стѣны. А фрески составляли рѣдчайшій памятникъ стѣнной живописи XIV вѣка. Печальная ошибка нѣсколько исправлена всего лишь два-три года назадъ, когда заботами археологическаго общества часть фресокъ возстановлена отъ варварскаго ремонта.

Сюда мы поѣхали. Но не зная, что церквей Ѳеодора Стратилата имѣется двѣ (на Торговой и на Софійской сторонѣ), мы попали въ другую церковь, не въ ту, въ которую хотѣли. Эта церковь (на Софійской сторонѣ) также ведетъ начало издревле, но много разъ подвергалась капитальнымъ передѣлкамъ.

Священникъ, руководившій нами при осмотрѣ храма, охотно говорилъ объ этихъ передѣлкахъ и улучшеніяхъ и нѣсколько разъ съ удовольствіемъ показалъ намъ на сіявшій золотомъ иконостасъ, съ удовлетвореніемъ повторяя:

— А иконостасъ обновленный. Да. Иконостасъ обновленный.

— А фресокъ у васъ нѣтъ?—спросилъ мой спутникъ.

— Фресокъ нѣтъ,—съ удовольствіемъ подтвердилъ священникъ.—И слава Богу!

Онъ взглянулъ при этомъ на насъ такими сіяющими, довольными глазами, что мы невольно, улыбаясь, спросили:

— Почему же—слава Богу?

— Ну, какъ же!—охотно объяснилъ онъ.—Какое же благолѣпіе храма возможно, ежели фрески? Ихъ вонъ теперь охраняютъ, не велятъ трогать. А что же хорошаго: ободранная стѣна, изображенія съ оторванной головой или безъ рукъ, безъ ногъ, съ пятнами. Тягостно глядѣть.

И онъ свѣтлыми, невинными, довольными глазами посмотрѣлъ на сіяющій позолотой иконостасъ, на цѣльную, свѣжую окраску стѣнъ. Новенькое, свѣженькое, опрятное.

Мы, конечно, съ нимъ не спорили. Протестъ живого противъ мертвой старины имѣетъ свою силу и правоту. Культъ отжившаго искусства довелъ, напримѣръ, нынѣшнюю Италію до судорогъ футуризма. Современное искусство, хоть и маленькое, но живое, задыхается и бьется подъ плитами великихъ мертвецовъ.

Наша личная бѣда въ томъ, что старина гибнетъ не во имя движенія искусства впередъ, а во имя лака, извести и штукатурки, во имя опрятности, новенькой щеголеватости и политурнаго улучшенія.

Футуристъ съ ненавистью заноситъ молотокъ надъ шедевромъ генія, но видитъ и знаетъ, что это рѣдкій даръ человѣческаго духа. И оттого рука дрогнетъ иной разъ, а молотокъ не опустится для разрушенія. У насъ же ремонтировщики добросовѣстны, наивны и невинны, и оттого они ужасны и неодолимы. Что тутъ сдѣлаешь, если глазъ видитъ грязное пятно и плѣсень, а не фреску? Оттого-то у насъ и мыли, чистили, закрашивали, золотили, перестраивали изъ вѣка въ вѣкъ наши древности. И если кое-что осталось, напримѣръ, въ Новгородѣ, то это удивительная случайность.

III.

На Владычномъ дворѣ, около Софійскаго собора, мы долго искали грановитую палату. Надо было ее поглядѣть не только потому, что она—замѣчательное произведеніе архитектурнаго искусства, но еще больше потому, что хотѣлось прикоснуться къ славнымъ и страшнымъ воспоминаніямъ, память о которыхъ еще тепла въ этихъ расписныхъ стѣнахъ. Въ грановитой палатѣ нѣкогда принимали иностранныхъ пословъ, здѣсь засѣдали правители Новгорода, сюда возводили съ особой церемоніей избранныхъ владыкъ, и здѣсь же грянула страшная трагедія, когда Іоаннъ Грозный, зазвавъ сюда на примирительный пиръ знатнѣйшихъ полководцевъ, захватилъ ихъ и далъ сигналъ къ потрясающей кровавой расправѣ, во время которой было перебито и потоплено въ Волховѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ.

Палата была тутъ на дворѣ, но мы никакъ не могли ее найти. Сторожъ, сконфузившись, сказалъ: «Не знаю». Какой-то студентъ, сидѣвшій на скамейкѣ и весело глядѣвшій на насъ, тоже бойко и быстро отвѣтилъ:

— Извините, не знаю.

— Вотъ тебѣ и Флоренція!—проворчалъ мой спутникъ.—Къ своей-то старинѣ можно бы быть и не такъ равнодушными.

— Въ томъ-то и дѣло, не своей!—откликнулся съ нѣкоторой обидой студентъ, услышавшій слова моего спутника.—Я не здѣшній, я гощу здѣсь.

Онъ, видимо, считалъ себя оправданнымъ тѣмъ, что онъ изъ другого города.

Нашли, наконецъ, пономаря. Онъ повелъ насъ въ палату, подъ окнами которой какъ-разъ сидѣлъ безпечный къ старинѣ студентъ.

Вотъ и росписные своды палаты, гдѣ вѣяла слава и гдѣ разразился ужасъ для Новгорода. Наше слабое воображеніе получаетъ особую силу, когда нога ступаетъ на историческое мѣсто. Здѣсь чувствуешь съ неожиданной ясностью, что исторія—не книжныя слова, росказни и вымыслы, а кровь, стоны, клики, живое содроганье. И вдругъ холодѣешь, и волосы на головѣ готовы шевельнуться отъ вѣтра древнихъ воспоминаяій...

Въ палатѣ устроена церковь. Въ Новгородѣ, вообще, остались лишь церкви, церкви для вздоховъ и молитвъ о прошломъ. Но вотъ нѣчто неожиданное и радостное. Пономарь ведетъ въ комнату возлѣ палаты. Здѣсь нѣкогда жилъ св. Іоаннъ архіепископъ. Память согрѣвается особымъ, исключительнымъ воспоминаніемъ.

Изъ ранняго дѣтства помню волнующій разсказъ, прочитанный въ Четьи-Минеяхъ, о старцѣ Іоаннѣ, котораго вздумалъ напугать бѣсъ. Нечистый залѣзъ въ рукомойникъ и сталъ въ немъ плескаться, а старецъ закрестилъ бѣса, запечаталъ крестомъ въ умывальникѣ и такъ напугалъ, что дьяволъ взмолился о пощадѣ. Святой обѣщалъ пощаду, но подъ условіемъ, чтобы бѣсъ свозилъ его въ Іерусалимъ.

Какъ было неожиданно и поэтично прочитать такую красочную повѣсть среди суровыхъ священныхъ исторій! Пискъ пойманнаго бѣса, смѣлость старца и его полетъ на осѣдланномъ искусителѣ за тридевять земель!

И вотъ она, эта комната, вотъ мѣдный умывальникъ въ углубленіи стѣны,—тотъ самый! Похлопавъ тяжелой мѣдной крышкой умывальника, мы съ увлеченіемъ сказали монаху:

— Такъ вотъ здѣсь плескался бѣсъ!

Онъ смущенно и съ уклончивостью сказалъ:

— Да, этакъ разсказываютъ... въ преданіи...

Увы, видимо, скептицизмъ вѣка коснулся и простыхъ монашескихъ сердецъ. А отъ этого тускнѣетъ и мертвѣетъ поэзія легендъ. И хоть странно это, а жаль чего-то, какъ-будто эта нынѣшняя трезвая проза, этотъ обыденный здравый смыслъ похожи на лакъ, известь и окраску, свѣженькимъ и опрятненькимъ слоемъ закрасившіе древнія фрески.

IV

Ѣдемъ на лодкѣ смотрѣть нечаянно сохранившееся диво—церковь Спаса Нередицы. Эту церковку спасла бѣдность. Отъ бѣдности угасъ и исчезъ безслѣдно Спасо-Нередицкій монастырь. Отъ бѣд-

ности забросили и совершенно забыли эту единственную церковку. Отъ бѣдности не дѣлали въ ней ни ремонта, ни улучшеній, ни благолѣпныхъ украшеній. И вотъ къ двадцатому вѣку, когда стали открываться глаза на древнюю красоту, церковка вдругъ засіяла своей архитектурой, а въ особенности—живописью. Внутри забытой церковки чудомъ сохранились всѣ фрески, покрывающія сплошнымъ ковромъ красокъ куполъ, своды, стѣны.

По этой цѣльности и сліянности стѣнной живописи церковь оказалась исключительной драгоцѣнностью не только для Новгорода, но и для Россіи (а художники отводятъ ей одно изъ первыхъ мѣстъ и въ ряду художественныхъ памятниковъ древности въ Европѣ).

Плывемъ на лодкѣ сначала по Волхову, потомъ по малому Волховцу, по рѣчкѣ Спасской. Повертываемъ, кружимся по лугамъ, гдѣ звенятъ, поблескивая, косы, и зигзагами приближаемся къ Спасу Нередицѣ. Церковка стоитъ на горѣ, стройная, съ простыми и строгими линіями угаданной новгородскимъ зодчествомъ гармоніи частей. Она чистенькая, выбѣленная, подправленная. Это значитъ, что когда открыли неожиданное сокровище, то все же не утерпѣли и подошли къ ней съ ремонтомъ. Подошли съ уваженіемъ, осторожностью и художественнымъ трепетомъ. Внутри къ фрескамъ пальцемъ не коснулись, а снаружи при поправкѣ, подкраскѣ, при починкѣ крышъ и купола, при прорубаніи новыхъ оконъ тщательно старались угадать общую мысль древняго зодчаго, чтобы ни на іоту не исказить прежній обликъ церкви. И все же знатоки и цѣнители древности вздыхаютъ съ грустью. Говорятъ, что съ ремонтомъ исчезло что-то неуловимое и обаятельное,—именно то, что говорило въ линіяхъ церкви о простотѣ, строгости и самобытности новгородскаго зодчества. Реставрація, говорятъ, приблизила обликъ церкви къ обычному древне-византійскому типу. Такъ опасна склонность къ реставраціямъ и ремонтамъ даже у осторожныхъ цѣнителей старины. Опасна увѣренность, что можно полностью угадать художественный замыселъ мастера, отдѣленнаго отъ насъ пропастью въ семь вѣковъ.

А лодочникъ нашъ ворчливо разсказываетъ кое-что удручающее о расхищеніи церкви. Онъ, оказывается, работалъ при ремонтѣ церкви въ качествѣ кровельщика.

— Да,—насмѣшливо крутитъ онъ волосатой головой,—поубавилъ иконъ-то. Которыя лишнія, сбавилъ. Надзирать некому. Что хотѣлъ, то и бралъ. Продавалъ, конечно. Самъ себѣ хозяинъ...

Печально, что наши безцѣнныя рѣдкости и художественныя древности до сихъ поръ существуютъ почти безъ охраны. Бери кто угодно и что хочешь. И брали. Воздухъ въ Новгородѣ и около Новгорода насыщенъ ошеломительными разсказами о хищническомъ оголеніи мѣстныхъ церквей и старинныхъ домовъ.

Взобрались на горку. Церковь стояла предъ нами прямая, какъ свѣча, съ единственнымъ скромнымъ куполомъ, покрытымъ оцинкованнымъ или бронзированнымъ желѣзомъ (цѣнители восхищаются рѣдкой красотой этого «шлемообразнаго» купола,—форма, присущая новгородскому стилю).

Возлѣ церкви небольшая звонница. Старикъ сторожъ, босой, въ разстегнутой рубахѣ и простыхъ портахъ,—видимо, только-что пришедшій съ покоса,—повелъ насъ въ церковь.

Оголенная бѣдность внутри, выбитый полъ, ветхій иконостасъ, изглоданные вѣками стѣны, углы, своды. Но взглядъ жадно устремляется на знаменитыя фрески, живыми лицами глядящія сверху, со сводовъ, со стѣнъ, со всѣхъ сторонъ. Скорбные, суровые, почти устрашающіе лики. Для насъ, нынѣшнихъ мірскихъ и суетныхъ людей, кажется жуткой и трагической эта костистая изможденность фигуръ, эта горящая и напряженная воспаленность взгляда, этотъ застывшій экстазъ самобичеванія. А тогда, на утрѣ новой религіи, пришедшей изъ Византіи, когда сердца загорѣлись аскетическимъ пламенемъ, это было идеаломъ духовной жизни, высочайшей ступенью, доступной человѣку. И въ томъ-то, вѣроятно, главная сила этой живописи, что та же вѣра горѣла и въ груди мастеровъ, съ трепетомъ и молитвой приступавшихъ, какъ къ подвигу, къ выявленію на церковныхъ стѣнахъ святыхъ изображеній.

Вспоминаемъ со спутникомъ, что схожія фрески, съ подобными устрашающими, изможденными фигурами, видѣли мы въ Италіи. Та же цѣльная, жуткая, горящая вѣра укоряющими и какъ бы грозящими аскетическими ликами глядѣла на насъ съ фресокъ великаго Джотто и его современниковъ. До странности и удивленія похоже. И явственно, что одно и то же дыханіе Византіи проникло на западъ, въ Италію, и на сѣверъ, въ Россію, заставивъ просыпающееся искусство живописи служить идеалу монашескаго аскетизма. Но знаменательно, а для русскихъ художниковъ радостно, что наши фрески засвѣтились аскетической силой въ XI и XII вѣкѣ, т.-е. за одно-два столѣтія до великаго Джотто и его послѣдователей. И можно догадываться (по національнымъ чертамъ), что отъ пріѣзжихъ греческихъ художниковъ очень скоро усвоили высоту мастерства мѣстные русскіе живописцы.

Такъ рано и самобытно зацвѣло на Руси искусство зодчества и живописи, а за ними, видимо, шла вообще высокая по тому времени культура, и мы могли бы, вѣроятно, не только идти нога въ ногу съ Западной Европой, но, можетъ быть, кое въ чемъ и обогнали бы ее. И все было затоптано въ монгольскомъ нашествіи и свалкахъ междоусобія, когда горѣли города одинъ за другимъ, разграблялись

и уничтожались вещи и зданія, избивалось населеніе, и земля непрерывно, въ теченіе столѣтій, дымилась кровью и головнями пожарищъ... И только теперь художники съ волненіемъ и гордостью узнаютъ, что не такъ ужъ обидно было для таланта націи за послѣдніе два-три вѣка идти въ хвостѣ и въ подражаніи европейскому искусству, ибо по крохамъ открытій и раскопокъ видно, что семьсотъ лѣтъ назадъ наше искусство начиналось самобытно, сильно и ярко.

Думали и говорили мы объ этомъ, разглядывая фрески, какъ вдругъ мой спутникъ сказалъ вполголоса:

— А вотъ и одинъ изъ оригиналовъ фресокъ!

— Въ самомъ дѣлѣ!—съ удивленіемъ воскликнулъ я, вглядѣвшись въ сторожа, который, понурившись, строго и терпѣливо глядѣлъ на насъ. Такая же изможденная, костлявая фигура, полусѣдая борода на почернѣломъ, впаломъ, сожженномъ лицѣ, большіе, суровые глаза съ напряженнымъ, трагическимъ взглядомъ.

Мы переводили изумленные глаза со сторожа на фрески и съ фресокъ на сторожа. Похоже до ошеломленія,

— Который годъ, дѣдушка, вы здѣсь?—спросили мы.

— Сорокъ первый,—сказалъ онъ глухимъ, землянымъ басомъ, и стоялъ предъ нами, не улыбаясь, изможденный и строгій, въ рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ на жилистой черной шеѣ, въ рваныхъ порткахъ на костлявыхъ ногахъ.

Сходство, очевидно, не случайное. Можетъ быть, сорокъ лѣтъ живя возлѣ суровыхъ изображеній, старикъ невольно отразилъ на своемъ лицѣ ихъ черты. Или, можетъ быть, съ такихъ вотъ новгородскихъ лицъ писали древніе мастера аскетическіе лики, вводя безсознательно національныя черты въ изображенія святыхъ. А вѣрнѣе, что вліяніе было обоюдное, какъ всегда въ отношеніяхъ жизни и искусства: творчество собираетъ изъ жизни черточки для создаваемаго образа, а жизнь потомъ беретъ его за образецъ, и снова творитъ по жизни искусство, и снова оно отражается на жизни.

И вотъ эти фрески приковываютъ къ себѣ вниманіе съ новой силой. Онѣ уже не только слѣды кисти древняго мастера, но какъ бы живыя видѣнія и призраки, глядящіе сквозь толщу времени въ семь вѣковъ. Съ особымъ вниманіемъ всматриваемся мы въ изображеніе основателя храма, князя Ярослава Владиміровича, держащаго въ рукѣ модель церкви. Ужъ этотъ древній иконо-портретъ, вѣроятно, съ живого лица рисовала набожная и почтительная рука художника. И вотъ эта фигура въ свѣтлоголубой ферязи, въ собольей шапкѣ, съ темнокарими глазами и длинной, темнорусой бородой смотритъ на насъ изъ XII вѣка.

Въ церкви поражаетъ почти полное отсутствіе иконъ. Даже въ иконостасѣ есть пробѣлы, а имѣющіяся иконы вставлены небрежно и явно отличаются своимъ характеромъ отъ древняго духа церкви.

Сторожъ, указывая на иконостасъ, лаконично, глухимъ басомъ объясняетъ:

— Вотъ эту икону обралъ архіепископъ. И эту обралъ. И тѣ обраны. Сдалъ ихъ въ музей. А суды прислалъ эти.

— Хорошо, хоть этого обрать нельзя,—сказалъ мой спутникъ, указывая на фрески,—стѣны не унесешь.

Сторожъ угрюмо ворчитъ:

— Стѣны не унесешь. А нашлись бы которые... и стѣны бы унесли. Благодарность имъ, кресты, ордена.

Можетъ быть, и хорошо, что нѣкоторыя иконы ушли въ музей. Тамъ сохраннѣе. Но жаль оголенную церковь, и жаль этого сторожа, который, видимо, болѣетъ сердцемъ за опустѣвшій храмъ.

Обошли мы внутри всю церковку. Осмотрѣли алтарь. Скудный престолъ съ обветшалымъ покровомъ, изъязвленныя временемъ стѣны. Бѣдность, бѣдность. Но спасительная, благословенная бѣдность, сохранившая церковь отъ губительнаго вниманія людей.

Вышли наружу и медленно обошли кругомъ церковку, чтобы цѣльный ея образъ закрѣпить въ памяти. А потомъ сѣли въ лодку и поѣхали отъ бѣдности къ богатству, въ Юрьевскій монастырь, который многочисленными золотыми куполами сіялъ на другомъ берегу Волхова.

V.

Юрьевскій монастырь не только богатъ, но какъ бы отягченъ богатствомъ: многія драгоцѣнности его, иконы, осыпанныя брилліантами, золото и самоцвѣтные камни заключены въ одинъ изъ золотыхъ куполовъ, за замками и печатями.

Съ робостью идемъ мимо каменныхъ корпусовъ къ двумъ главнымъ храмамъ, изъ которыхъ каждый блистаетъ пятью большими позолоченными главами. Привѣтливый монахъ, побрякивая ключами, ведетъ насъ въ Георгіевскій соборъ. Отпираетъ желѣзную рѣшетчатую дверь, впускаетъ насъ и сейчасъ же тщательно запираетъ извнутри дверь.

Храмъ сверкаетъ пышностью и богатствомъ. Огромный пятиэтажный иконостасъ облитъ сплошнымъ золотомъ, и звѣздной россыпью мерцаютъ по иконамъ драгоцѣнные камни: бриліанты, изумруды, жемчугъ, топазы.

Монахъ, прежде всего, ведетъ насъ къ главной святынѣ. Икона

Георгія Побѣдоносца, аршина въ три вышиной, ослѣпляетъ блескомъ золота и цѣнныхъ камней.

— На милліонъ рублей драгоцѣнностей,—говоритъ монахъ, указывая на икону,—золото, алмазы. И особенно обратите вниманіе на жемчугъ.

Смотримъ на четыре громадныхъ жемчужины на мечѣ Георгія. Одна изъ нихъ величиной съ голубиное яйцо. Образъ почти весь укрытъ сіяющей ризой и разглядѣть его невозможно, а образъ древній, рѣдкій по письму и оригинальный тѣмъ, что Георгій изображенъ пѣшимъ.

Монахъ, однако, исключительно говоритъ о драгоцѣнностяхъ, видимо, навсегда завороженный ихъ оглушительной цѣнностью.

— Да, на милліонъ рублей на одной вотъ иконѣ,—повторяетъ онъ.

— На милліонъ!—удивляемся мы, чтобы доставить ему удовольствіе.—Однако, вѣдь, это безпокойно. А грабителей не боитесь?

— Ну, что же,—вздыхаетъ монахъ,—уповаемъ на Божью помощь. Охраняемъ. Три сторожа у насъ съ револьверами вокругъ церкви караулятъ.

— А въ куполѣ?—интересуемся мы.

— Въ куполѣ три двери съ печатями и замками, и ключи у трехъ человѣкъ. Одинъ не можетъ войти. Только втроемъ.

И, обходя дальше храмъ, онъ указываетъ на разныя драгоцѣнности, обращаетъ наше вниманіе на громадные камни и говоритъ все о томъ же, о цѣнѣ ихъ, о деньгахъ, о богатствѣ.

— А отсюда вотъ,—указываетъ онъ на пустые овалы въ иконостасѣ, въ которые вставлены случайныя небольшія четырехугольныя и явно неподходящія иконы,—отсюда вотъ образа перенесены въ куполъ, въ хранилище. Осыпаны драгоцѣнностями.

Монахъ щелкаетъ позади насъ замкомъ, запираетъ извнутри дверь и объясняетъ:

— Извините, такой порядокъ заведенъ. Остерегаемся.

И опять, запертые въ церкви, идемъ отъ одной иконы къ другой. Золото, бриліанты, серебро, изумруды, жемчугъ, топазы.

А монахъ ошеломляетъ цифрами:

— Подсвѣчникъ чистаго серебра, пять пудовъ вѣсомъ. Паникадила и люстры чистаго серебра. Евангеліе—переплетъ изъ серебра съ золотомъ, вѣсомъ два пуда. Престолы изъ чистаго серебра. Ризы съ алмазами изъ плетенаго серебра. А это, вотъ,—почтительно останавливается онъ предъ иконой Богоматери и указываетъ на вкрапленную въ ризу огромную жемчужину, величиной съ куриное

яйцо,—этому вотъ и цѣны нѣтъ. Двое ученыхъ тутъ спорили. Такъ и не сошлись. Цѣны нѣтъ.

— А какую же цѣну опредѣлили они?—интересуемся мы, любуясь энтузіазмомъ монаха.

— Ни на чемъ не сошлись. Одинъ свою цѣну, другой другую.

— Ну, все-таки, сколько же?

— Одинъ сказалъ, что два милліона, а другой говоритъ: дороже, ей цѣны нѣтъ. Вотъ какая!

Удивительны богатства монастыря, но еще изумительнѣе, какъ и когда они нахлынули сюда.

Монастырь древній, ему около 800 лѣтъ. Но только сто лѣтъ назадъ, при архимандритѣ Фотіи, сразу обстроился монастырь, засіялъ золотомъ, заблестѣлъ драгоцѣнными камнями. При архимандритѣ Фотіи, страстномъ аскетѣ и огненномъ молчальникѣ, прорывавшемся иногда стремительнымъ потокомъ словесной и письменной проповѣди, преобразился монастырь.

Монахъ вводитъ меня въ каменный темный чуланчикъ.

— Вотъ здѣсь Фотій, — говоритъ онъ, — творилъ въ затворѣ сорокадневный постъ. Господи Боже мой,—вздыхаетъ онъ въ темнотѣ,—и четыре-то часа пробыть тутъ, затоскуетъ душа. А на-ка, сорокъ-то дней!

Довольно долго оба мы молча стоимъ въ сумракѣ, какъ бы вслушиваясь въ каменную тишину гробницы живого человѣка и вдыхая тяжкій, мертвенный запахъ тѣсныхъ стѣнъ. Выхожу изъ чуланчика и вижу надъ дверью большую цитату, озаглавленную: «Тайна». Это Фотій оставилъ свой завѣтъ. Въ цитатѣ выдвигаются слова: «Молчи, безмолвствуй, въ семъ корни безгрѣшія». И дальше: «И будешь свободенъ отъ трехъ страстей — отъ слышанія, видѣнія и глаголанія».

Выходимъ изъ храма, переходимъ дворъ, и монахъ вводитъ насъ въ другой соборъ, Спасскій.

Запереться въ каменный мѣшокъ, чтобы не видѣть, не слышать, не говорить. Съ нашей, обычной, точки зрѣнія это значитъ— почти не жить. Но, видимо, горѣла какимъ-то особымъ восторгомъ душа человѣка, оставившаго въ заповѣдныхъ словахъ такую «тайну», и была своя напряженная, огненно-духовная жизнь.

Снова вошелъ я въ темный каменный чуланчикъ, и за мной, вздыхая, придвинулся монахъ. Вдвоемъ мы съ трудомъ помѣщались здѣсь. Изъ чуланчика была дверца въ подцерковье. Туда спускался Фотій, ложился въ гробъ и въ молчаніи думалъ. Какія мысли горѣли въ его головѣ?

Да. А въ углу мерцаетъ лампада и освѣщаетъ икону. Прибли-

жаю лицо, чтобы разглядѣть, и долго въ изумленіи не отрываю глазъ. Осіянный, радостный Младенецъ, и держитъ Его на рукахъ нѣжная, юная, плѣнительная, сіяющая Богоматерь. Итальянская иконопись того времени, когда послѣ Рафаэля въ священные лики вошли краски жизни, сладость и нѣжность юности, смягченное и преображенное блистанье земной любви. И вотъ такое нѣжное, сладостное сіянье мерцало въ мрачномъ затворѣ архимандрита Фотія. Какое странное сочетанье отверженнаго, изступленнаго аскетизма и этой благостной мягкости!

— Итальянская икона,—пояснилъ монахъ;—графиня Орлова-Чесменская поставила въ келью Фотія. Онъ молился на нее.

И чувствуешь касаніе къ новой тайнѣ, живой, человѣческой.

Судьба графини Анны Орловой странно и таинственно сплелась съ жизнью этого монастыря и жизнью Фотія. Легенда говоритъ, что блестящая, свѣтская и несмѣтно богатая графиня Анна Алексѣевна Орлова пришла къ Фотію съ бриліантовымъ обручальнымъ кольцомъ и спросила его, выходить ли ей замужъ за князя Волконскаго. А Фотій взялъ кольцо, повѣсилъ его на вѣнчикъ иконы Спасителя и сказалъ: «Се Женихъ твой». Графиня Анна упала безъ чувствъ, а, придя въ сознаніе, отреклась отъ прежней жизни и приковала свою судьбу къ этому монастырю. Именно къ этому. Не ушла въ женскій монастырь, не искала себѣ гдѣ-либо затворъ и уединеніе, а поселилась здѣсь, около поразившаго ее Фотія. И всѣ богатства ея пошли на возвеличеніе монастыря. Она перестроила храмы, возвела башни, озолотила купола, залила внутренность церквей золотомъ, усыпала иконы драгоцѣнностями. Весь блескъ своей жизни сняла съ себя и перенесла на монастырь. И аскетъ Фотій, очевидно, не противоборствовалъ этой роскоши, изливаемой на монашескую обитель. Не отвергалъ и этой преданной женской жизни, поселившейся рядомъ. Двуликая тайна, объединившая въ странномъ сліяніи аскетизмъ, отвергшій все земное, и женственность, составляющую вершину всего земного, а здѣсь отрекшуюся отъ себя, повергнувшись ницъ передъ своимъ воплощеннымъ отрицаніемъ.

Мы идемъ насъ по алтарямъ, притворамъ и отдѣленіямъ этого храма, и вездѣ монахъ указывалъ намъ слѣды нѣжности, щедрости и самоотверженности графини Анны: серебряныя ризы, вышитыя ея руками, алмазы, жемчуга, старинные часы съ мелодическимъ боемъ, драгоцѣнныя покрывала, кресла, даже зеркало въ рамѣ краснаго дерева,— все, все повержено сюда. А вотъ и комната, гдѣ она жила, вотъ и мѣсто передъ иконой, гдѣ она сама повергласъ ницъ въ послѣдній разъ и приняла кончину (въ 1848 году).

Монахъ ведетъ насъ въ подцерковье, подводитъ къ двумъ гробницамъ, стоящимъ рядомъ.

— Фотій раньше умеръ, — объясняетъ монахъ, — и графиня сдѣлала ему серебряный покровъ въ два пуда. А себя завѣщала похоронить безъ украшеній.—И онъ указываетъ на двѣ гробницы: украшенную, драгоцѣнную, облитую серебромъ, въ которой покоится аскетъ, и скромную, бѣдную,—послѣднее убѣжище несмѣтно-богатой свѣтской женщины. Тайна и противорѣчіе при жизни, тайна и противорѣчіе за гробомъ. И двѣ разъединенно-соединенныя жизни—молчаливо и навсегда соединены въ безмолвіи гробницъ.

— Каждый день,—говоритъ тихо и съ уваженіемъ монахъ,—служимъ здѣсь литургію и краткую литію. Конечно, вся братія приходитъ.

Судьба двухъ этихъ лицъ скована въ нѣчто единое и слитное для монастыря. Тайна, странная, тревожная, стала, очевидно, привычною для здѣшнихъ монаховъ. О ней уже не размышляютъ. Лишь благодарно возносятъ молитвы.

А мы уходимъ въ задумчивости и потрясеніи. Тайна, которую не разгадать ни воображенію романиста, ни изысканію историка. И не помогутъ никакія записки и мемуары, такъ какъ и для самихъ этихъ двухъ лицъ тайна въ глубинѣ своей, вѣроятно, оставалась тайной. Горѣли, трепетали и сгорали въ огненной темнотѣ своей двуединой судьбы.

И какъ странно, что послѣ этого, выйдя на солнечный свѣтъ, монахъ продолжалъ говорить о деньгахъ. Но теперь онъ жаловался.

И еще, если не тайна, то странная загадка: монахъ жаловался на бѣдность. Золото, безцѣнные камни, сокровища на виду и подъ замками, громадный капиталъ, оставленный въ банкахъ графиней Анной,—а монахъ съ искренней печалью говоритъ о бѣдности и затрудненіяхъ монастыря.

— Братіи только 61 человѣкъ,—уныло разсказываетъ онъ,—что-то не идутъ къ намъ жить. Архимандриты не заживаются долго. Десять архимандритовъ смѣнилось. Долговъ тоже много на монастырѣ: тысячъ 30-ть.

Мы спрашиваемъ, много ли паломниковъ и посѣтителей бываетъ въ обители.

— Мало, никого нѣтъ,—меланхолически говоритъ монахъ,—доходовъ никакихъ не бываетъ.

Все это странно. Первоклассный монастырь, съ богатствами, святынями, съ историческимъ прошлымъ и славнымъ блескомъ фотіевскаго періода, — а какая-то оброшенность, полузапустѣлость. Словно рокъ бросилъ на него смутную тѣнь.

И когда мы отъѣзжали на лодкѣ по Волхову, а золотыя главы монастыря постепенно оставались позади, воображеніе тщетно ста-

ралось выяснить клубокъ спутанныхъ, странныхъ впечатлѣній. И почему-то отчетливо рисовались среди пустынныхъ, мощеныхъ дворовъ три фигуры съ револьверами, тревожно стерегущія запертыя сокровища, не грѣющія и не питающія монаховъ.

VI.

Иронія жизни: на древнѣйшемъ историческомъ мѣстѣ, возлѣ Новгорода, въ «Рюриковомъ Городищѣ», гдѣ когда-то основался Рюрикъ съ дружиной, гдѣ потомъ жили князья новгородскіе, и гдѣ были дворцы и церкви,—нынѣ осталась захудалая деревенька, которая промышляетъ огурцами. Время слизнуло безъ слѣда и дворцы, и церкви, и слѣды древне-пышной жизни, и на землѣ остался лишь наивный, зеленый огурецъ.

И эта трагическая улыбка забвенія вьется надъ всѣмъ Новгородомъ. Взглянешь съ горки, колокольни или башни: зеленое море, а среди него скромные домики захолустнаго городка. Это ли «Господинъ Великій Новгородъ»? Его нѣтъ. Онъ исчезъ подъ зеленымъ улыбающимся ковромъ зелени. Погребенъ и зарытъ. Лишь многочисленныя пирамиды церквей возвышаются, какъ забытые памятники заброшеннаго кладбища.

Новгородъ забытъ. И только археологи да художники за послѣднія десятилѣтія вспомнили о немъ и стали отрывать изъ земли погибшую старину, отбивать штукатурку, чтобы спасти кусокъ фресокъ, разбирать уродливыя пристройки, чтобы за ними найти линію древняго храма или дворца.

Смотримъ древнюю, оригинальную Спасскую церковь съ любопытными выемками, крестами и нишами на стѣнахъ. «Одна изъ красивѣйшихъ церквей новгородскаго зодчества»,—по отзыву цѣнителей старины. А вотъ въ ней уже въ XIX вѣкѣ случайно отвалилась штукатурка внутри, и подъ пылью извести усмотрѣли цѣнныя, древнія фрески. Малую часть ихъ возстановили. Остальное погибло.

Сторожъ, показавъ намъ церковь и провожая насъ до Знаменскаго собора (рядомъ), хвастливо говорилъ:

— Этотъ моложе. Нашему 800 лѣтъ!

Да, прекрасный и рѣдкій возрастъ. Но узнали-то объ этомъ и чуточку стали цѣнить только теперь, когда стали наѣзжать со стороны любопытствующіе люди.

Въ древнѣйшемъ Никольскомъ соборѣ сторожъ показалъ намъ чудотворную икону и обновленный золотой иконостасъ, и уже вышелъ съ нами, заперевъ церковь, а потомъ услышалъ, что мы ин-

тересуемся фресками, и повелъ насъ куда-то въ подвалы церкви. Здѣсь отвалилъ доски и показалъ на сырой обвалившейся стѣнѣ остатокъ великолѣпной стѣнной живописи. Въ полумракѣ съ заплѣсневѣлой стѣны глядѣлъ на насъ скорбный ликъ склоненной Богоматери. И мы долго и печально смотрѣли на него. Можетъ-быть, рука выдающагося мастера съ любовью и долгимъ напряженіемъ выявляла здѣсь свой рѣдкій талантъ, и вотъ сгибло задаромъ...

— Конечно, ничего мы не знали,—печаловался сторожъ,—я вотъ здѣсь 15 лѣтъ, а какъ-то не примѣчалъ. Ну, пришли знающіе люди, увидѣли. Тутъ у насъ печи для отопленія церкви, вся штукатурка и осыпается. Поставили вотъ заслоны,—указалъ онъ на деревянный щитъ,—все-таки малость посохраннѣе.

Ужъ чего сохранять въ сыромъ подвалѣ. Не сохранишь. Но какъ оказались церковныя стѣны въ подвалѣ? Нужнымъ показалось поднять полъ въ церкви, и вотъ все сломали, замазали известкой, переложили свѣжимъ кирпичомъ, подбѣлили, подкрасили, позолотили... Стало чистенько и уютно, а исчезновенія безцѣнной художественной старины никто и не замѣтилъ.

Такъ во всѣхъ церквахъ безъ исключенія. Ломали, перестраивали, замазывали и забывали. Прочно забывали, пока весь Новгородъ не оказался забытымъ и оброшеннымъ.

Подозрительными начинаютъ казаться даже такіе мелкіе штрихи. Въ богатѣйшемъ Юрьевскомъ монастырѣ, оказывается, почему-то монахи почти всѣ малороссы.

— Ничего, хорошій народъ,—благодушно говоритъ мѣстный житель,—хохлы, а ничего. Смирные.

— А мѣстныхъ мало?

— Русскихъ мало. Не идутъ отчего-то.

Или: на Ярославовомъ дворищѣ, древнѣйшемъ мѣстѣ, гдѣ раздавался когда-то вѣчевой гулъ и толпился новгородскій людъ, видимъ жалкія лавчонки. Изъ одной двери озабоченно выглядываетъ типичная еврейская голова въ картузѣ и съ пейсами.

— У васъ и евреи есть?—спрашиваемъ сторожа, благодушнаго и привѣтливаго парня, въ распоясанной рубахѣ.

— Да,—охотно отвѣчаетъ онъ и съ доброй, почти нѣжной улыбкой показываетъ на ряды лавокъ, объясняя:—У насъ тутъ вопче евреи торгуютъ. Сплошь.

«Слава Богу,—думаемъ,—національной розни здѣсь не замѣтно». Но почему же все-таки на древнѣйшихъ великорусскихъ мѣстахъ живутъ пришлые малороссы и евреи, а великороссы «не идутъ что-то»? Начинаетъ казаться, что надъ Новгородомъ, какъ надъ гиблымъ мѣстомъ, застылъ издревле русскій испугъ. Какъ

будто недаромъ здѣсь раздавливалась и выкорчевывалась перво-русская государственность, недаромъ съ неимовѣрной жестокостью топились десятки тысячъ людей въ Волховѣ, недаромъ лилась ручьями кровь, катились отрубленныя головы, недаромъ выжигался и разграблялся Новгородъ,—дошло, наконецъ, какъ будто до того, что все русское стало въ паническомъ страхѣ пятиться отъ Новгорода. «Чуръ меня, чуръ, чуръ»...

Вѣдь именно, надъ Новгородомъ полосовала нѣсколько вѣковъ гроза. Именно онъ за упорство въ своеобразно-русскомъ устройствѣ жизни оказался обреченнымъ смерти и запустѣнію. Другіе города выжили, окрѣпли и расцвѣли. Кіевъ и Москва живые, а не мертвецы.

И живое инстинктивно тянется къ живому, а не къ погосту. Новгородъ оброшенъ до явной преувеличенности, до несомнѣнной несправедливости. Пусть это теперь уже не городъ, а историческое кладбище. Но все же поразительная вещь: въ Новгородѣ неисчислимое количество народныхъ святынь, чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ мощей, древнихъ храмовъ—а сюда какъ будто заросли тропы для паломниковъ. Въ Кіевъ, къ Троице-Сергію, въ Москву, въ Соловецкій монастырь, въ Сарово текутъ живые народные потоки,—а сюда почти никто.

Здѣсь, около Новгорода, какъ-никакъ, «зачиналась Русь». Новгородъ если не выше по исторической памяти, чѣмъ Москва и Кіевъ, то и не ниже ихъ, а сюда почти нѣтъ притока русскихъ туристовъ. Мы вообще къ своему странно нелюбопытны (наше любопытство пробуждается въ Италіи, во Франціи, въ Испаніи, гдѣ мы съ восторгомъ обозрѣваемъ чуждыя руины), но къ Новгороду больше чѣмъ нелюбопытны. Тутъ, видимо, слѣды стараго испуга, попятнаго движенія отъ гиблаго мѣста, а затѣмъ прочнаго забвенія.

Странно и печально. Пусть кладбище, но музейное, рѣдкое и родное кладбище, съ изумительными осколками и остатками старины. Народная психика, какъ и личная, крѣпнетъ, когда прочно сплетаетъ прошлое съ настоящимъ, и когда память, какъ челнокъ въ основѣ, непрерывно двигается туда и сюда, связывая былые факты съ нынѣшними.

И. Жилкинъ.

УКРАИНЦЫ ВЪ АВСТРО-ВЕНГРІИ.

Къ началу нынѣшней войны Россія не оканчивалась въ Россіи, а продолжалась въ Австро-Венгріи. Австрійскія провинціи—восточная Галиція и сѣверо-западная Буковина—прямое и непосредственное продолженіе русскихъ—Холмщины, Волыни и Подоліи, а находящаяся за Карпатами Угорская Русь—такое же прямое и непосредственное продолженіе Руси Галицкой и Буковинской. Лишь отдаленныя историческія воспоминанія, восходящія къ средневѣковью, связываютъ Галицкую, Буковинскую и Угорскую Русь съ Русью вообще; съ Русью Украинской, кромѣ того, ихъ связываетъ единство народности и единство культурнаго возрожденія, твердо установившееся, несмотря на вѣковую принадлежность къ двумъ различнымъ государствамъ. Эта внутренняя, интимная связь да послужитъ тѣмъ цементомъ, при посредствѣ котораго старыя русскія области неотрывно спаяются съ новымъ для нихъ государствомъ—Россіей.

Самая большая изъ этихъ областей—восточная Галиція, нѣкогда часть древне-русскаго Галицко-Волынскаго государства, впослѣдствіи Русское и Белзкое воеводство коронной Польши. При раздѣлѣ земель польскаго королевства въ 1772 году восточная Галиція досталась Австріи по мотиву, странному для нашихъ дней. Во время внутреннихъ смутъ въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ въ XII—XIII вѣкахъ венгерскіе короли на короткое время овладѣвали его землями. Одинъ изъ нихъ, король Андрей, подчинившій Галичину и Волынь своему верховенству въ малолѣтство знаменитаго князя, впослѣдствіи короля Даніила, принялъ даже титулъ «короля Галиціи и Лодомеріи (испорченное—Владиміръ, столица Волыни). Титулъ этотъ сохранился у венгерскихъ королей вмѣстѣ съ венгерской короной, перешелъ къ Габсбургамъ и въ 1772 году послужилъ для Австріи формальнымъ оправданіемъ для захвата восточной Галиціи. По третьему раздѣлу Польши Австрія получила нынѣшнюю западную Галицію, чисто польскую область, съ древней польской столицей Краковомъ. Послѣ нѣкоторыхъ политическихъ осложненій и административныхъ колебаній, эти области были присоединены къ Галиціи, получившей оффиціально очень пестрое названіе: «Королевство Галиція и Лодомерія вмѣстѣ съ

великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествами Освѣцимомъ и Затором». Названіе это какъ нельзя лучше характеризуетъ искусственное объединеніе различныхъ энтографически и исторически земель—въ одно цѣлое.

На томъ основаніи, что верховье Прута нѣкогда тяготѣло къ Галицкому княжеству, австрійцы въ 1774 году заняли часть сѣверной Молдавіи, населенной русинами и румынами. Два года спустя оккупація превратилась, по договору съ Турціей, въ постоянное владѣніе, и новая провинція, нѣкоторое время входившая въ составъ «королевства Галиціи и Лодомеріи», получила титулъ княжества Буковины.

Угорская Русь уже съ XIII вѣка вошла въ составъ земель Венгерскаго королевства и съ тѣхъ поръ никогда не имѣла самостоятельнаго существованія, даже въ видѣ административной единицы. Занимая сплошную территорію, Угорская Русь распредѣлена между нѣсколькими комитатами такимъ образомъ, что ни въ одномъ изъ нихъ руснаки не являются большинствомъ.

Будучи единымъ энтографически и занимая сплошную территорію, населеніе Галичины, Буковины и Угорской Руси, благодаря историческимъ условіямъ, оказалось разъединеннымъ въ политическомъ, культурномъ и, въ извѣстной степени, въ религіозномъ отношеніи.

Галиція, около четырехъ вѣковъ входившая въ составъ Польши, испытала все то, что испытала одноплеменная съ нею правобережная Украина, съ той лишь разницей, что ея населеніе, какъ болѣе близкое территоріально къ коренной Польшѣ и ранѣе къ ней присоединенное, не могло развить внутри себя той отпорной народной силы, которая получила въ исторія названіе козачества, сыгравшаго такую трагическую для Польши роль. Массовая иммиграція въ Галицію польской шляхты, получившей отъ польскаго короля огромныя помѣстья съ приписанными къ нимъ крестьянами, заложила въ этой области прочныя основанія для польскаго политическаго и соціальнаго господства, неизжитаго и къ нашему времени. Старое боярство Галичины въ скоромъ времени растворилось безъ остатка въ польскомъ шляхетствѣ, ставши въ національномъ отношеніи польскимъ, въ религіозномъ—католическимъ. Тотъ же процессъ, хотя и не въ столь сильной и рѣзкой формѣ, а растянувшись на нѣсколько столѣтій, привелъ почти къ полной денаціонализаціи мѣстные мелкіе дворянскіе роды и даже городское мѣщанство.

Польское вліяніе проникло во всѣ поры соціальнаго уклада Галичины, начиная съ введенныхъ въ ней взамѣнъ мѣстныхъ—польскихъ административныхъ учрежденій, польскаго права, поль-

скихъ политическихъ и земельныхъ отношеній и, наконецъ, худшаго изъ польскихъ подарковъ—крѣпостного права, организованнаго въ Галиціи по особенно тягостному польскому образцу. Остатки національной культуры ютились возлѣ православной церкви, найдя для своей защиты могучее средство въ такъ называемыхъ церковныхъ братствахъ, происхожденіе которыхъ относится къ первымъ вѣкамъ южно-русской исторіи. Роль этихъ братствъ въ исторіи Украины, въ частности въ Галиціи, въ XVI и XVII вѣкахъ была огромной. Это тѣ самыя братства, которыя покрыли тогдашнюю Украину густою сѣтью школъ, сдѣлали ея населеніе почти поголовно грамотнымъ; которыя, вступивъ въ координированныя дѣйствія съ остатками православной шляхты, съ горожанами и объединившись съ козачествомъ, возстановили на Украинѣ исчезнувшую подъ польскими репрессіями церковную епископскую іерархію, основали высшее учебное заведеніе въ Кіевѣ, рядъ среднихъ учебныхъ заведеній въ другихъ городахъ, въ томъ числѣ и во Львовѣ, заводили типографіи, поддерживали монастыри, и т. д. Во главѣ этого движенія одно время стояло знаменитое Львовское братство при церкви Успенія, изъ Львова же вышли многіе замѣчательные дѣятели украинскаго возрожденія XVII вѣка.

Присоединеніе Кіева и лѣвобережной Украины къ Россіи, повлекшее за собою эмиграцію туда наиболѣе культурныхъ элементовъ изъ Украины правобережной, оставшейся за Польшей, оборвало культурныя и религіозныя связи Галиціи съ остальной Украиной. Отрѣзанное отъ главнаго ядра своего, населеніе Галиціи быстро теряетъ, одну за другой, свои церковныя позиціи и уже въ 1700 году безъ протеста принимаетъ церковную унію. Но неистребима сила національнаго элемента въ народѣ: та же унія,—греко-католическій обрядъ, какъ называютъ ее въ Галиціи,—противъ которой галицкое населеніе боролось долго и самоотверженно, будучи воспринята народомъ и сдѣлавшись народной религіей, стала впослѣдствіи однимъ изъ отправныхъ пунктовъ въ борьбѣ за національность все съ тѣми же польскими вліяніями и съ тѣмъ же католичествомъ.

Ко времени присоединенія Галичины къ Австріи представителями украинской народности въ ней оставались лишь «хлопъ да попъ»,—крестьянство и низшее духовенство. Крестьянство, обнищавшее, сплошь безграмотное,—на всю Галицію приходилось нѣсколько десятковъ приходскихъ школъ,—забитое, приниженное; духовенство, стоящее на низкомъ уровнѣ развитія, обезличенное помѣщичьимъ патронатомъ надъ церквами, безправное, лишенное какой бы то ни было общественной поддержки,—даже у своего прямого духовнаго начальства.

Аналогичную характеристику можно примѣнить и къ Буковинѣ со времени ея присоединенія къ Австріи. Нѣкогда украинскіе элементы Буковины играли въ Молдавіи ту же роль, которая принадлежала бѣлоруссамъ въ русско-литовскомъ государствѣ. Вплоть до середины XVII вѣка исторія Молдавіи отмѣчена культурнымъ преобладаніемъ русскаго элемента. Въ Молдавію проникаетъ южно-русская литература и языкъ, принятый въ оффиціальныхъ актахъ; богослуженіе совершается на церковно-славянскомъ языкѣ. Паденіе этого преобладанія совпадаетъ съ территоріальнымъ расширеніемъ Молдавіи и съ перенесеніемъ молдавской столицы и митрополіи изъ Сучавы въ Яссы, что, въ свою очередь, совпало съ вовлеченіемъ Молдавіи въ сферу турецкаго политическаго вліянія, смѣнившаго вліяніе венгерско-польское. Съ установленіемъ вассальныхъ отношеній между Турціей и Молдавіей, русское населеніе Буковины, поддерживавшее до того тѣсныя культурныя и политическія связи съ Галиціей и со всей остальной Украиной (приведемъ для образца этихъ связей постройку молдавскимъ господаремъ Александромъ Лопушнянскимъ знаменитой, сохранившейся и нынѣ «Волошской» церкви во Львовѣ, ясскій православный соборъ 1642 года изъ представителей южно-русской и молдавской церкви, женитьбу старшаго сына Богдана Хмельницкаго на дочери молдавскаго господаря Василія Лупула, и т. д.), оказалось обособленнымъ. Началось культурное паденіе всей Молдавіи, а съ нею вмѣстѣ и украинскаго ея элемента. Высшіе классы украинскаго населенія орумынились, представителями населенія и здѣсь остались лишь «хлопъ и попъ». Но условія существованія въ Буковинѣ всегда были легче, чѣмъ въ Галиціи. Духовенство никогда не было здѣсь въ такомъ приниженномъ состояніи, а крестьянство такъ безправно, какъ въ польскомъ государствѣ; экономическое состояніе его было несравненно лучше. Кромѣ того, украинцы Буковины никогда не знали религіозныхъ преслѣдованій, такъ какъ румыны всегда были и остались православными. Къ тому же вялое по характеру, мало культурное румынское дворянство, вовлеченное въ орбиту турецкой внѣшней и внутренней политики, не умѣло и не могло развить той силы соціальнаго притѣсненія, которая такъ характерна для исторіи дворянства польскаго.

Въ исторіи Угорской Руси борьба за національность проявлялась въ формѣ борьбы за православіе противъ уніи. Неорганизованное населеніе, лишенное издавна высшихъ классовъ, которые здѣсь мадьяризировались, вело эту борьбу пассивно, безъ рѣшительныхъ выступленій и противодѣйствій. Борьба эта тянулась весь XVII-ый вѣкъ, закончившись формальной побѣдой уніатства, но право-

славіе фактически еще долго сохранялось среди населенія. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка въ нѣкоторыхъ округахъ Угорской Руси существовали православные церкви и священники; къ 1760 году относится довольно сильное движеніе къ возстановленію «старой вѣры», сопряженное съ легендой о «восточныхъ государяхъ». Движеніе это было сурово подавлено австрійскими властями, и отрѣзанное отъ всѣхъ связей съ Галиціей и всѣмъ южно-русскимъ міромъ, населеніе Угорской Руси доходитъ до послѣднихъ ступеней соціальнаго и культурнаго паденія.

Присоединеніе русинъ къ Австріи не принесло имъ сколько-нибудь значительныхъ выгодъ. Весь соціальный укладъ остался безъ измѣненій, австрійская власть отнюдь не склонна была мѣнять что-либо въ крѣпостномъ режимѣ, создавшемся до нея. Но австрійская бюрократія, при всей своей реакціонности, все же была много культурнѣе прежней польской или молдавской и, исходя изъ своихъ же собственныхъ интересовъ, не могла не обратить вниманія на жалкое положеніе украинскаго элемента. Къ тому же присоединеніе Галиціи и Буковины совпало по времени съ такъ называемой эпохой просвѣщеннаго абсолютизма, виднымъ представителемъ котораго былъ Іосифъ II, сначала соправитель своей матери, потомъ обладатель Австріи.

Реформы административная и судебная улучшили правовое положеніе населенія; такъ называемый «Іосифовскій патентъ» въ значительной степени способствовалъ смягченію суроваго режима крѣпостного права, содѣйствовалъ личной и экономической эмансипаціи крестьянина; барщинныя отношенія были поставлены подъ котроль бюрократіи. Въ области культурной начинанія австрійскаго правительства сводились къ организаціи свѣтскихъ народныхъ школъ различныхъ типовъ, съ преподаваніемъ на русинскомъ языкѣ, и къ учрежденію среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, главной задачей которыхъ была подготовка уніатскаго духовенства. Первой такой школой былъ Мункачскій лицей, организованный тамошнимъ епископомъ Андреемъ Бачинскимъ и руководимый имъ. Лицей этотъ явился разсадникомъ украинской интеллигенціи не только въ одной Угорской Руси. Вторымъ такимъ разсадникомъ явилась учрежденная въ 1774 году въ Вѣнѣ духовная уніатская семинарія, сыгравшая видную роль въ дѣлѣ образованія галицкаго духовенства. Спустя десять лѣтъ основаны были во Львовѣ университетъ, въ которомъ учреждено было нѣсколько русинскихъ каѳедръ, лицей для подготовки русинской молодежи къ поступленію въ университетъ и духовная уніатская семи-

нарія. Изъ секвестрованныхъ земельныхъ имуществъ упраздненныхъ монастырей былъ образованъ въ Львовѣ религіозный фондъ, долженствовавшій служить улучшенію положенія сельскаго духовенства. Такой же фондъ образованъ былъ и въ Буковинѣ. Буковинскій фондъ поражаетъ своими размѣрами: земельныя его имущества превышаютъ пятую часть всей буковинской территоріи; назначеніемъ его было: «служить нуждамъ клира, религіи и всего населенія».

Культурное оживленіе, вызванное этими мѣропріятіями въ русинскомъ обществѣ, длилось не долго. Наступившая послѣ смерти Іосифа II реакція, наполеоновскія войны, въ которыя была втянута Австрія, и восторжествовавшая вслѣдъ затѣмъ Меттерниховская система управленія не могли способствовать дѣлу національнаго возрожденія. Одно за другимъ уходятъ изъ рукъ украинскаго общества культурныя и даже правовыя и экономическія пріобрѣтенія эры просвѣщеннаго абсолютизма. Польское дворянство Галиціи, румынское въ Буковинѣ, венгерское въ Угорской Руси становятся оплотомъ австрійской власти, которая въ свою очередь поддерживаетъ ихъ. Лучшая часть интеллигенціи Угорской Руси, какъ Лодій, Кукольникъ, Венелинъ и др., не находя примѣненія своимъ силамъ на родинѣ, эмигрируютъ изъ предѣловъ Австріи. Грандіозный религіозный фондъ въ Буковинѣ весьма скоро превращается въ орудіе румынизаціи украинскаго населенія; буковинскія школы получаютъ нѣмецко-румынско-польскій характеръ. Исчезаютъ русинскія каѳедры Львовскаго университета, прекращаетъ свое существованіе и лицей при университетѣ. Въ галицкихъ народныхъ школахъ вводится преподаваніе на польскомъ языкѣ; самыя школы переданы всецѣло въ руки духовенства.

Русинская интеллигенція была слишкомъ слаба для того, чтобы бороться противъ реакціонныхъ стремленій мѣстнаго дворянства и такихъ же мѣропріятій австрійскаго правительства. Положеніе ея оказалось тяжелымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Уже одно тяготѣніе къ родному украинскому языку, къ своей народности было политически небезопаснымъ, такъ какъ вызывало подозрѣніе въ симпатіи къ Россіи, въ ирридентизмѣ, сепаратизмѣ и т. д. Изданныя въ Россіи книги были воспрещены ко ввозу въ Австрію; всякія культурныя связи съ Россіей были оборваны на долгое время. Для характеристики тогдашняго положенія просвѣщенія въ Галиціи достаточно привести слѣдующія данныя: «Съ 1787 по 1806 г. не было издано въ Галиціи ни одной сколько-нибудь замѣчательной книги или брошюры... Съ 1809 до 1813 г. въ восточной Галиціи не вышло ни одной книги, ни одной даже азбуки... Съ 1816 до 1830 г. всего въ восточной Галиціи было напечатано только 36 книгъ (12 церковныхъ,

16 азбукъ, 3 стихотворенія, между прочимъ, ода — Державина)» [1]).

Тѣмъ не менѣе, въ средѣ русинской интеллигенціи не заглохло окончательно національное чувство, не увяли ростки и завязи національнаго возрожденія даже и въ суровой атмосферѣ меттерниховскаго режима. Піонеромъ этого возрожденія въ Галиціи явился каноникъ Могильницкій. По его иниціативѣ, уніатскій митрополитъ въ 1816 году ходатайствуетъ о введеніи преподаванія на русинскомъ языкѣ въ народныхъ школахъ; онъ организуетъ въ Перемышлѣ первое въ краѣ просвѣтительное общество, выдвигаетъ вопросъ о популярной литературѣ на народномъ языкѣ; подъ его руководствомъ перемышльское духовенство создаетъ русинскія приходскія училища въ противовѣсъ оффиціальнымъ польскимъ школамъ, устраиваетъ учительскую семинарію и т. д. Продолжателями его дѣятельности являются Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, знаменитая «галицкая троица» 30-хъ годовъ, стоявшая во главѣ молодого галицкаго духовенства и заложившая прочныя основы литературнаго возрожденія народнаго языка въ Галиціи. Преслѣдованія и кары посыпались на молодое духовенство со стороны польской шляхты, австрійской администраціи и консервативно настроенной русинской же духовной іерархіи, но разъ начавшееся уже движеніе остановить было невозможно.

Наступила «весна народовъ» — 1848 годъ, обозначившійся въ Австріи, между прочимъ, чрезвычайнымъ оживленіемъ національнаго движенія въ средѣ славянскихъ ея народностей. Въ сущности, всѣ позднѣйшія національныя программы австрійскихъ славянъ повторяютъ, иногда въ тѣхъ же выраженіяхъ, все то, что было предъявлено ими какъ требованіе въ 1848 году. Выступили со своими требованіями и русины.

Русинскія политическія организаціи, возникшія, главнымъ образомъ, въ средѣ интеллигенціи, и національный конгрессъ, собравшійся въ Львовѣ, потребовали раздѣленія Галиціи на западную и восточную, введеніе въ школахъ преподаванія на русинскомъ языкѣ, признанія за русинами всѣхъ національныхъ правъ; резолюціи, принятыя ими, говорили объ учрежденіи просвѣтительнаго общества по образцу чешской «Матицы», объ экономическомъ и культурномъ подъемѣ крестьянства и т. д. Русинскіе делегаты на знаменитомъ Пражскомъ славянскомъ съѣздѣ договариваются съ поляками о федеративномъ устройствѣ и равноправіи обѣихъ національностей.

---

[1]) См. Энцикл. Словарь Брокгаузъ-Ефрона, т. VII, ст. К. Арабажина: „Галицко-русское литературно-общественное движеніе“.

Крестьяне, незадолго до революціи освобожденные отъ крѣпостной зависимости, проявили бурное воодушевленіе и столь же бурныя надежды на улучшеніе своего экономическаго и соціальнаго положенія, братались съ интеллигенціей, шли подъ ея руководствомъ.

Но политическая незрѣлость, неорганизованность и слабость интеллигенціи, состоявшей все еще почти исключительно изъ лицъ духовныхъ, не позволили русинамъ въ должной мѣрѣ использовать народное воодушевленіе и направить его по вѣрному пути. Этому же способствовали національныя тренія съ поляками, которыя были весьма искусно использованы австрійскимъ правительствомъ. Революціонное движеніе въ Галиціи было представлено поляками, которые открыто ставили своею цѣлью возстановленіе исторической Польши.—Не быть Польшѣ въ прежнихъ границахъ, русины никогда не войдутъ въ ея составъ,—отвѣтили на это полякамъ русины и съ чрезвычайной готовностью откликнулись на призывъ австрійскаго правительства встать на защиту единой Австріи. Русинское движеніе 1848 года получило характеръ лояльный и консервативный. «Изъ русинской интеллигенціи вышли на-верхъ элементы реакціонные, движеніе не оказало возрождающаго вліянія на русинское общество, и когда правительство перестало оказывать свою поддержку (переставъ нуждаться въ русинахъ послѣ подавленія революціоннаго движенія), падаетъ и русинское движеніе. Клерикально-консервативные элементы, игравшіе роль вождей и представителей русинскаго народа и его интеллигенціи, на девять десятыхъ состоявшей изъ священниковъ, и смотрѣвшіе на митрополита съ его соборнымъ капитуломъ, какъ на своихъ вождей, почувствовали себя безсильными и безпомощными безъ правительственной поддержки. Они остались пассивными зрителями важныхъ перемѣнъ, совершавшихся во внутреннихъ отношеніяхъ Галиціи среди затишья реакціи, воцарившейся во всей Австріи послѣ бурь 1848 года. На ихъ глазахъ реакціонные, клерикально-шляхетскіе элементы, выплывшіе наверхъ и среди польскаго общества, снискиваютъ довѣріе центральнаго правительства и получаютъ край въ свое полное, нераздѣльное и безконтрольное управленіе. Правительство головой выдаетъ польской шляхтѣ своихъ вѣрныхъ слугъ, «восточныхъ тирольцевъ», какъ называли русинъ за оказанную въ 1848 году вѣрность Австріи» [1]). Такъ продолжалось до 1867 года, когда Австрія перестроилась на конституціонныхъ началахъ, превратившись изъ единой Австріи въ дуалистическую Австро-Венгрію.

Аналогично прошелъ 1848 годъ и въ Буковинѣ: тѣ же требо-

---

[1]) См. „Очеркъ исторіи украинскаго народа" Мих. Грушевскаго, а также „Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ", т. V.

ванія выдѣленія украинской части области, охраны національныхъ правъ, и тѣ же плачевные результаты.

Своеобразно пережила годы революціи Угорская Русь. Передадимъ этотъ интересный, мало извѣстный эпизодъ словами украинскаго историка. «Когда возстаніе венгровъ было подавлено русскими войсками, передъ угорскими украинцами, казалось, открывалась новая будущность. Среди нихъ оказался человѣкъ выдающейся энергіи, которому, какъ можно было думать, предстояло сыграть большую роль—Адольфъ Добрянскій, горячій сторонникъ панруссизма, теоріи единства русскаго народа, говоря теперешней терминологіей. Во время движенія 1848 года онъ принужденъ былъ покинуть Венгрію и проживалъ въ Галиціи, откуда явился съ русской арміей, при которой былъ назначенъ имперскимъ австрійскимъ комиссаромъ. Подъ его вліяніемъ венгерскіе украинцы рѣшились выступить активно со своими національными постулатами; высланная ими депутація предложила императору записку, гдѣ ходатайствовалось о выдѣленіи украинской территоріи въ отдѣльные комитаты (разграниченіи комитатовъ соотвѣтственно національнымъ территоріямъ), о замѣщеніи правительственныхъ должностей украинцами, о введеніи ихъ языка въ административное дѣлопроизводство, о преподаваніи на томъ же языкѣ въ низшихъ и среднихъ школахъ на ихъ территоріи, объ учрежденіи въ Унгварѣ русинской Академіи, и т. п. Эти ходатайства тогда были приняты весьма благосклонно, и императоромъ были даны вполнѣ благопріятныя обѣщанія. Добрянскій былъ назначенъ намѣстникомъ (великимъ жупаномъ) четырехъ главныхъ комитатовъ съ украинскимъ населеніемъ и началъ вводить въ дѣлопроизводство языкъ русинскій (по крайней мѣрѣ, по имени); въ Унгварской гимназіи было введено преподаваніе на томъ же языкѣ. Закарпатскіе украинцы готовы были считать все это началомъ новой эпохи въ жизни края. Но всѣ эти успѣхи были непрочны: руссофильство Добрянскаго и его послѣдователей обратилось противъ него, какъ только прошелъ кризисъ. Венгерская аристократія, вернувъ себѣ вліяніе, подъ впечатлѣніемъ русской оккупаціи прежде всего обратила всю свою энергію противъ всего, что могло грозить панруссизмомъ. Добрянскій очень скоро былъ перемѣщенъ со своего намѣстничества на другую должность, затѣмъ вовсе устраненъ отъ административной дѣятельности, а послѣдователи Добрянскаго, подъ именемъ русинской тяготѣвшіе къ русской государственной стихіи, давали на каждомъ шагу поводы къ обвиненіямъ въ этомъ смыслѣ. Все, что хотя бы отдаленно дышало руссофильствомъ, было окружено самымъ подозрительнымъ надзоромъ, всяческими стѣсненіями. А такъ какъ,

подъ вліяніемъ Добрянскаго и подъ впечатлѣніемъ русской оккупаціи, руссофильствомъ въ большей или меньшей мѣрѣ была проникнута вся интеллигенція угорской Украины, и мѣстная стихія казалась ей слишкомъ тѣсной, жалкой и недостойной обработки, то въ результатѣ получился полный застой въ національной области, паденіе вообще всякой культуры и затѣмъ—все усиливающееся поглощеніе государственной венгерской стихіей убогихъ всходовъ мѣстной интеллигенціи».

Конституціонная эра (1867 г.) застала австро-венгерскихъ русиновъ въ слѣдующемъ положеніи. Населеніе Угорской Руси, войдя въ составъ Венгріи, оказалось совершенно отрѣзаннымъ отъ галичанъ и буковинцевъ, оставшихся въ предѣлахъ Австріи. И мало-по-малу, подъ тяжелымъ давленіемъ оффиціальнаго и неоффиціальнаго мадьяризма, въ Угорской Руси глохнетъ всякая культурная жизнь. Русинской интеллигенціи здѣсь почти не существуетъ, омадьярилось даже низшее духовенство, а оффиціальные представители здѣшнихъ руснаковъ — уніатскіе епископы Мукачевскій и Пряшевскій—менѣе всего заботятся о нуждахъ своей паствы. Въ Угорской Руси почти не существуетъ школъ, даже низшихъ, съ роднымъ преподавательскимъ языкомъ, половина дѣтей не посѣщаетъ никакой школы, даже мадьярской, взрослое населеніе на три четверти неграмотно. Экономическое положеніе Угорской Руси безотрадно. Достаточно указать на то, что мѣстный русинскій крестьянинъ включаетъ ржаной и пшеничный хлѣбъ лишь въ праздничный режимъ; въ будни онъ довольствуется картофелемъ и овсяными лепешками. Борьба за лучшую долю невозможна для населенія Угорской Руси, и единственное средство спасенія руснаки видятъ въ эмиграціи, которая съ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія приняла въ ихъ средѣ огромные размѣры. Возрожденіе Угорской Руси все въ будущемъ.

Судьбы русинскаго движенія въ Буковинѣ переплелись съ судьбами Галиціи, и то, что̀ дѣлалось въ Галиціи, съ нѣкоторыми измѣненіями и въ маломъ масштабѣ повторялось въ Буковинѣ.

Конституціонная реформа застала русинское населеніе Галиціи все еще въ неорганизованномъ видѣ. Представителями русиновъ были: 1) крестьяне, теперь лично свободные и оффиціально равноправные со всѣми другими классами и сословіями, но мало сознательные, забитые, отсталые культурно и экономически; 2) слабая численно, все еще состоящая почти исключительно изъ духовенства, интеллигенція, воспитанная въ польскихъ и нѣмецкихъ школахъ,

въ значительной степени оторванная отъ народа. Въ культурной, соціальной, общественной и политической жизни Галиціи всецѣло преобладало польское вліяніе. Послѣ опыта 1848 г. польская шляхта Галиціи рѣзко измѣнила свою оріентировку по отношенію къ австрійскому правительству. Изъ революціонной и фрондирующей она стала лойяльной, династически-преданной, замѣнивъ собою «восточныхъ тирольцевъ», какъ болѣе надежная опора Габсбургскаго трона. Вѣковая супрематія польскаго элемента надъ украинскимъ въ Галиціи, пошатнувшаяся нѣсколько въ 1848 году, получила новую силу и новыя основанія.

На бумагѣ двѣ народности края—польская и русинская—признавались равноправными, въ дѣйствительности же не только западная Галиція, но и восточная пріобрѣла чисто-польскій характеръ. Львовскій университетъ, который, по уставу, долженъ былъ быть утраквистскимъ, сталъ польскимъ, если не считать нѣсколькихъ обязательно- украинскихъ каѳедръ; галицкія гимназіи, кромѣ одной во Львовѣ, стали польскими; просачивался польскій языкъ и въ низшую школу. Польскія власти и польскіе чиновники ставили всяческія препятствія проникновенію украинскаго языка въ практику судебную и административную; уродливый куріальный избирательный законъ дѣлалъ галицкій сеймъ учрежденіемъ польскимъ, съ едва замѣтнымъ русинскимъ представительствомъ; тотъ же характеръ носило и представительство края въ вѣнскомъ рейхсратѣ.

Польская супрематія, поддерживаемая центральнымъ вѣнскимъ правительствомъ, опирающаяся на всѣ учрежденія края, на его представительство во-внѣ, на все польское общество, казалась непобѣдимой, и борьба съ нею для слабаго культурно и экономически русинскаго элемента—невозможной. Но невозможное оказалось возможнымъ; внутри себя русины нашли точку опоры и силу для борьбы, и этой силой было національное сознаніе.

Съ шестидесятыхъ годовъ и до нашихъ дней русинское движеніе шло въ двухъ направленіяхъ: внутрь и во-внѣ.

Во-внѣ это были поиски культурныхъ и политическихъ связей въ Австріи и внѣ ея границъ—въ Россіи. Австрійскія связи съ славянскими и не славянскими элементами были случайными, временными, обусловленными каждый разъ задачей текущаго политическаго дня, и отразились онѣ лишь на политической внѣшности, на методахъ и пріемахъ политическаго дѣланія, которое у галицкихъ русинъ естественно пріобрѣло австрійскій характеръ. Русскія связи оказали глубокое воздѣйствіе на все внутреннее строеніе русинскаго движенія въ Галиціи. Одна часть галицкой русинской интеллигенціи завязала отношенія съ представителями стараго сла-

вянофильства московскаго толка и со старой оффиціальной Россіей. Это было старшее поколѣніе галичанъ, пережившее «весну народовъ», поддержку австрійскаго правительства и разочаровавшееся въ немъ. Отчаявшись что-либо сдѣлать собственными силами для народнаго возрожденія, поколѣніе это стремилось найти мощную поддержку для него во-внѣ, въ тогдашнихъ оффиціальныхъ русскихъ кругахъ; отказавшись отъ мысли возсоздать своими силами мѣстную культуру, эта часть галичанъ обратила взоры на сосѣднюю русскую культуру, надѣясь въ ней найти источникъ галицкаго возрожденія. Но они искали не тамъ, гдѣ нужно было. Они завязали связи не съ русской интеллигенціей, тогда какъ разъ захваченной народническими настроеніями, а съ русской бюрократіей, они старались культивировать у себя дома не литературу Пушкина, Гоголя, Бѣлинскаго и Тургенева, а литературу Державина, Карамзина, Погодина и др. Русское народничество пришло, правда, въ Галицію, къ другой части галицкой интеллигенціи—къ ея младшему поколѣнію, но пришло оно съ иной стороны, а именно черезъ русскихъ украинцевъ; съ Пушкинымъ, Бѣлинскимъ и Тургеневымъ галичане тоже ознакомились позже—при посредствѣ Драгоманова. Эта часть галицкой интеллигенціи была вовлечена съ шестидесятыхъ годовъ въ оборотъ украинскаго движенія, совершавшагося въ Россіи. Съ тѣхъ поръ ея связи съ Россіей не обрываются. Всѣ русскія культурныя пріобрѣтенія, всѣ достиженія литературной, научной и политической мысли черезъ русскихъ украинцевъ передавались въ Галицію и воспринимались тамъ. Эти двойныя связи съ Россіей, два пути проникновенія русскаго вліянія въ Галицію должно всегда помнить при оцѣнкѣ значенія и характера двухъ основныхъ группъ галицкаго общества: старо-русиновъ и младо-русиновъ, или, по нынѣшней терминологіи, москалефиловъ и украинцевъ.

Внутренняя эволюція русинскаго движенія въ Галиціи повторила обычные этапы національнаго возрожденія. Сначала это были исканія интеллигенціи, самоопредѣленіе; затѣмъ активныя политическія выступленія, связанныя, между прочимъ, и съ чисто количественнымъ наростаніемъ интеллигенціи и уплотненіемъ ея рядовъ; въ дальнѣйшемъ—сближеніе съ народными массами, организація ихъ и руководительство ими.

Хронологически это распредѣлилось слѣдующимъ образомъ.

Шестидесятые и семидесятые годы были годами исканій и самоопредѣленія. Ознакомленіе съ произведеніями русскихъ украинскихъ писателей, главнымъ образомъ—Шевченка, появленіе въ Галиціи ряда талантливыхъ собственныхъ писателей, съ Федьковичемъ во главѣ, подготовило галицкое общество къ воспріятію идей народ-

ничества и связанныхъ съ нимъ политическихъ устремленій. Устремленія эти въ семидесятыхъ годахъ перешли въ реальную работу надъ просвѣщеніемъ народа, надъ поднятіемъ уровня его культурнаго, національнаго и политическаго сознанія. Этому въ особенности содѣйствовалъ тотъ фактъ, что русскіе украинскіе дѣятели, лишенные возможности, при дѣйствіи указа 1876 года, продолжать свою дѣятельность въ Россіи, перенесли ее въ Галицію, сдѣлавши Львовъ очагомъ культурной, научной и политической мысли. Въ восьмидесятыхъ годахъ галицкіе народники впервые выступаютъ на политическомъ поприщѣ, организуютъ митинги, выставляютъ кандидатовъ въ сеймъ и рейхсратъ, ведутъ оживленную борьбу съ хозяевами края—галицкими поляками. Въ борьбу эту они вовлекли всю интеллигенцію края, въ томъ числѣ и москалефиловъ, въ теченіе десяти лѣтъ работавшихъ въ союзѣ съ украинскими народниками. Въ 90-хъ годахъ этотъ союзъ распадается. Внутри народнической группы возникаетъ новое, болѣе радикальное въ политическомъ отношеніи теченіе, генетически связанное съ идеями Драгоманова, много поработавшаго въ дѣлѣ политическаго воспитанія галицкаго общества. Съ этого же времени можно отмѣтить тѣсное сближеніе галицкой интеллигенціи съ народомъ и оживленное сотрудничество этихъ двухъ элементовъ галицкаго украинства. Экономическая организація народа, обычно являющаяся вѣнцомъ усилій политическихъ партій, падаетъ уже на девятисотые годы.

Къ этому же времени политическая дифференціація галицкаго украинскаго общества привела къ образованію трехъ слѣдующихъ партій: 1) националъ-демократической, 2) радикальной и 3) соціалъ-демократической. Первая служитъ выразительницей прогрессивно-демократическихъ группъ. Главное мѣсто въ ея программѣ занимаютъ требованія національно-политическаго характера; значительное мѣсто удѣлено такъ же мѣропріятіямъ соціальнаго и экономическаго характера, преимущественно аграрнымъ и сельско-хозяйственнымъ, направленнымъ къ поднятію крестьянскаго уровня. Это самая могущественная украинская партія въ Галиціи: на выборахъ она собирала до 75% всѣхъ поданныхъ украинскихъ голосовъ. Второй по силѣ является партія радикаловъ, которая, по программѣ своей, напоминаетъ французскую партію радикаловъ-соціалистовъ. Обычно эта партія дѣйствуетъ вмѣстѣ съ націоналъ-демократической, составляя лѣвое ея крыло. Наиболѣе молодой и слабой является партія соціалъ-демократовъ. Правыхъ партій въ украинствѣ Галиціи не существуетъ, за отсутствіемъ въ украинскомъ народѣ тѣхъ классовъ, на которые онѣ могли бы опираться.

Внутреннему развитію украинской народности въ Галиціи сопутствовали медленные, но неизмѣнные успѣхи во-внѣ.

Въ области политической пріобрѣтенія галицкихъ украинцевъ выразились прежде всего въ томъ, что число принадлежавшихъ имъ депутатскихъ мѣстъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ поднялось въ нѣсколько разъ (съ 8—10 до 27—32, въ зависимости отъ случайностей избранія). Въ мѣстномъ галицкомъ сеймѣ, реформа котораго была проведена до войны, фиксированное число украинскихъ мандатовъ достигло 62, вмѣсто прежнихъ 10—12. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что украинцы отвоевали себѣ право фактическаго участія въ управленіи краемъ, всецѣло принадлежавшимъ галицкому сейму.

Въ области культурной успѣхи украинства полнѣе всего выразились въ школьномъ дѣлѣ. Свыше двухъ тысячъ народныхъ школъ низшаго и высшаго типа съ преподавательскимъ украинскимъ языкомъ, нѣсколько мужскихъ и женскихъ правительственныхъ гимназій, около двадцати частныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, нѣсколько учительскихъ семинарій и институтовъ, параллельныя и самостоятельныя каѳедры во Львовскомъ университетѣ,—все это пріобрѣтенія послѣднихъ десятилѣтій. Основаніе во Львовѣ самостоятельнаго украинскаго университета было предрѣшено и стояло на очереди культурнаго дня.

Украинскій языкъ, не только на бумагѣ, но и фактически, былъ признанъ оффиціальнымъ языкомъ восточной Галиціи въ школѣ, судѣ, администраціи, во всѣхъ частныхъ, общественныхъ и правительственныхъ учрежденіяхъ, начиная съ сельской общины и кончая сеймомъ. Выросла многочисленная періодическая печать, отъ ежедневныхъ газетъ до еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ журналовъ, окрѣпла значительная художественная, научная и популярная литература. Густою сѣтью культурно-просвѣтительныхъ учрежденій покрылись города и села Галиціи; во главѣ этихъ учрежденій должно поставить общество «Просвіта», насчитывающее около сотни филіальныхъ отдѣленій, до 150.000 членовъ, около 3.000 читаленъ, 1.000 кассъ, магазиновъ и другихъ учрежденій. Во главѣ чисто научныхъ учрежденій стояло научное общество имени Шевченка, плодотворная дѣятельность котораго получала не разъ лестную оцѣнку со стороны европейскихъ ученыхъ учрежденій высшаго ранга, въ томъ числѣ и Россійской академіи наукъ. Вопросъ о превращеніи этого общества въ оффиціальную академію наукъ, какъ и вопросъ объ университетѣ, стоялъ въ числѣ очередныхъ культурныхъ задачъ Галиціи.

Въ области экономической пріобрѣтенія украинцевъ шли въ плоскости созданія мощныхъ крестьянскихъ кооперативовъ, по типу чешскихъ, способныхъ конкуррировать съ крупными торгово-промышленными организаціями края. Тотъ же принципъ коопераціи про-

водился въ банковомъ и страховомъ дѣлѣ. Въ Галиціи передъ войной насчитывалось около 4.000 кооперативовъ разнаго типа съ тысячами отдѣленій и десятками тысячъ членовъ. Въ аграрномъ вопросѣ общественное вниманіе было сосредоточено на равномѣрности земельнаго обложенія, на созданіи—опять таки при помощи кооперативовъ—агрономической помощи населенію, на покупкѣ крупныхъ земельныхъ владѣній и на парцелляціи ихъ среди крестьянъ.

Война, заставъ галицкое населеніе въ кипучей фазѣ общественнаго и экономическаго строительства, прервала эту работу. Но прошлое не уходитъ, не оставивъ наслѣдства будущему, отчаяваться въ которомъ галичанамъ нѣтъ повода. То, что достигнуто ими въ Австріи, не можетъ быть утрачено въ Россіи.

Въ заключеніе нѣсколько цифровыхъ данныхъ о странѣ и населеніи. Восточная Галиція, сѣверо-западная Буковина и Угорская Русь представляютъ изъ себя сплошную территорію, граничащую съ Россіей—съ ея Холмщиной, Волынью и Подоліей, съ одной стороны, съ другой—съ румынами, приблизительно по линіи главнаго города Буковины Черновцовъ, гдѣ она переходитъ Карпаты; за Карпатами граница идетъ опять-таки съ румынами Трансильваніи, съ мадьярами и словаками на западѣ и сѣверѣ; перейдя снова на востокъ, черезъ Карпаты, территорія эта граничитъ съ поляками, приблизительно по р. Сану. Въ общей сложности русинская (малорусская, украинская) территорія въ предѣлахъ Австро-Венгріи занимаетъ свыше 75.000 кв. кил., при чемъ свыше 55 тыс. кв. кил. падаетъ на восточную Галицію, свыше 14 тыс.—на Угорскую Русь и свыше 5 тыс.—на Буковину. Всего населенія въ этихъ областяхъ насчитывается до 4.300.000, изъ которыхъ около трехъ съ половиной милліоновъ приходится на восточную Галицію, полмилліона на Угорскую Русь, остальныя 300 тыс.—на Буковину.

М. Славинскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Событія истекшаго года.—Дипломатическая переписка и война.—Австро-германская политика и ея результаты.—Положеніе нейтральныхъ государствъ и перспективы ближайшаго будущаго.

Годъ тому назадъ дипломатія «тройственнаго согласія» была поглощена заботами объ удовлетвореніи всевозможныхъ требованій Австро-Венгріи и Германіи относительно устройства балканскихъ дѣлъ. Она хлопотала объ основаніи новой нѣмецкой династіи на Балканахъ, въ лицѣ прусскаго офицера, князя Вильгельма Вида, назначеннаго правителемъ вновь созданнаго албанскаго государства; она заставляла сербовъ, грековъ и черногорцевъ соглашаться на расширеніе албанскихъ границъ въ ущербъ ихъ собственнымъ пріобрѣтеніямъ. Россіи приходилось играть главную роль въ этихъ одностороннихъ «примирительныхъ» усиліяхъ; она дѣлала крупнѣйшія и отчасти обидныя для нея уступки въ области традиціонныхъ интересовъ своей балканской политики, ради сохраненія внѣшняго мира. Новый ставленникъ Европы на тронѣ независимой Албаніи откровенно ѣздилъ на поклонъ къ монархамъ и правящимъ министрамъ державъ тройственнаго союза и только впослѣдствіи, въ виду возбужденныхъ этимъ газетныхъ толковъ, удостоилъ посѣщеніемъ также столицы Франціи, Англіи и Россіи.

Однако, никакая уступчивость русской дипломатіи не признавалась достаточною съ точки зрѣнія Вѣны и Берлина. Въ нѣмецкой печати все чаще появлялись статьи, наполненныя угрозами по адресу Россіи; оффиціозная «Кельнская газета» занялась агитаціею по поводу опасныхъ будто бы русскихъ вооруженій, и со стороны нашего военнаго вѣдомства напечатанъ былъ обстоятельный отвѣтъ, сущность котораго сводилась къ тому, что «Россія готова» и никакихъ угрозъ не боится. Въ апрѣлѣ, австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Берхтольдъ, говорилъ еще въ делегаціяхъ о дружбѣ съ Россіею и о внимательномъ отношеніи къ Сербіи; но въ политической атмосферѣ чувствовалась напряженность, предвѣщавшая близость катастрофы. Боевая готовность Германіи и Австро-Венгріи не допускала дальнѣйшихъ отсрочекъ въ осуществленіи давно задуманныхъ военныхъ плановъ. Ожидался только подходящій предлогъ для взрыва. Убійство австрійскаго наслѣдника престола,

эрцгерцога Франца-Фердинанда въ Сараевѣ, 15 (28) іюня, послужило сигналомъ для военно-политической кампаніи, истинный смыслъ которой не возбуждалъ уже никакихъ сомнѣній. Австрійское правительство и австрійская пресса прямо обвиняли Сербію въ организаціи заговора, имѣвшаго своимъ результатомъ сараевское покушеніе. Сербскій посланникъ въ Вѣнѣ, г. Іовановичъ, не былъ принятъ графомъ Берхтольдомъ, но передалъ одному изъ высшихъ чиновъ его министерства слѣдующее заявленіе: «Королевское сербское правительство сильнѣйшимъ образомъ осуждаетъ сараевское преступленіе и обязывается сдѣлать съ своей стороны все необходимое для того, чтобы воспрепятствовать на своей территоріи возбужденію агитаціи, могущей повредить и безъ того столь щекотливымъ отношеніямъ съ Австро-Венгріею. Наше правительство готово предать суду всякаго соучастника покушенія, какой окажется въ Сербіи. Вопреки затрудненіямъ и препятствіямъ, создаваемымъ австро-венгерскою дипломатіею, сербское правительство продолжаетъ твердо стремиться къ возстановленію сосѣдскихъ отношеній съ Австро-Венгріею на прочныхъ основаніяхъ. Сараевское покушеніе не должно и не можетъ помѣшать достиженію этой цѣли».

Никакого отвѣта на это заявленіе получено не было, и газетныя нападки на Сербію становились все болѣе рѣзкими и ожесточенными. Старанія г. Іовановича выяснить дѣйствительныя намѣренія вѣнскаго кабинета оказались безплодными. Французскій посолъ въ Петроградѣ, г. Палеологъ, телеграфировалъ въ Парижъ министру-президенту Вивіани, что въ бесѣдѣ съ австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, графомъ Чернинымъ, С. Д. Сазоновъ ясно далъ понять, что, пытаясь перенести свои поиски виновныхъ на территорію Сербіи, вѣнскій кабинетъ вступилъ бы на опасный путь. Эти предостереженія не приводили ни къ чему. Вѣнская «Neue Freie Presse» требовала «истребленія проклятой сербской расы во имя человѣчности»; предполагалось, что Россія не двинется на защиту Сербіи, точно такъ же, какъ и во время боснійской аннексіи, а Франція дезорганизована и неспособна дѣйствовать. Австрійскій спеціальный военный журналъ настаивалъ на скорѣйшемъ выступленіи въ походъ. «Моментъ для насъ благопріятенъ—говорилось въ этомъ журналѣ.—Если мы теперь не рѣшимся воевать, то война, которую мы вынуждены будемъ вести черезъ два или три года, начнется при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ. Въ настоящее время намъ принадлежитъ инициатива. Россія еще неготова, моральные факторы и правота—на нашей сторонѣ, точно такъ же, какъ и сила. Такъ какъ намъ все равно придется когда-нибудь принять борьбу, то возбудимъ ее немедленно. Дѣло идетъ о нашемъ

престижѣ, о нашемъ положеніи великой державы, о нашемъ достоинствѣ; даже болѣе того,—весьма вѣроятно, что этимъ затронутъ вопросъ о нашемъ существованіи, вопросъ: быть или не быть». Оффиціальное дипломатическое вѣдомство сохраняло молчаніе и поддерживало иллюзію миролюбія до того момента, когда баронъ Гиссель фонъ-Гисслингенъ, вечеромъ 23 (10) іюля, вручилъ бѣлградскому правительству знаменитую австро-венгерскую ноту.

Въ Вѣнѣ никто изъ иностранныхъ дипломатовъ, кромѣ германскаго посла, барона Чиршкаго, не имѣлъ понятія о предпринятомъ шагѣ. Наканунѣ и въ самый день врученія этой ноты французскій посолъ Дюмэнъ имѣлъ продолжительныя свиданія съ однимъ изъ товарищей австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барономъ Макіо, который увѣрилъ его, что совѣты Франціи произвели надлежащее впечатлѣніе и что предположенная нота не будетъ заключать въ себѣ ничего такого, чего не могла бы принять безъ всякаго колебанія любая держава, дорожащая своимъ самолюбіемъ. Во время второй бесѣды Дюмэнъ не былъ даже предупрежденъ, что въ тотъ самый день предстояла передача ноты въ Бѣлградѣ и что текстъ послѣдней долженъ былъ уже появиться въ вѣнскихъ газетахъ. Только позднѣе второй товарищъ министра, графъ Форгачъ, конфиденціально сообщилъ послу о характерѣ ноты и о передачѣ ея въ тотъ же день. Русскій посолъ былъ настолько далекъ отъ предположеній объ австрійскихъ планахъ, что отправился 20 іюля въ отпускъ на двѣ недѣли и вынужденъ былъ вернуться черезъ три дня. Можно было подумать, что, по крайней мѣрѣ, итальянскій посолъ, герцогъ д'Аварна, представитель союзной страны, долженъ былъ быть посвященъ въ тайну графа Берхтольда; но и онъ былъ оставленъ въ полномъ невѣдѣніи относительно сущности австрійской ноты. Французскій посолъ только случайно, изъ частныхъ источниковъ, узналъ, какая гроза собирается надъ Сербіею. Въ консульскомъ рапортѣ изъ Вѣны отъ 20 числа сообщалось, что не слѣдуетъ довѣрять проповѣдникамъ оптимизма и что отъ Сербіи потребуются жертвы: «Въ Берлинѣ и Вѣнѣ существуетъ кругъ лицъ, принимающихъ идею конфликта въ обобщенныхъ размѣрахъ въ видѣ всеобщаго пожара. Руководящая идея повидимому заключается въ томъ, что нужно идти впередъ, прежде чѣмъ Россія окончила свои крупныя военныя усовершенствованія и свои желѣзныя дороги, и прежде чѣмъ Франція завершила свою военную организацію. Но здѣсь (въ Вѣнѣ) въ высшихъ сферахъ замѣчается разногласіе: графъ Берхтольдъ и дипломаты желали бы ограничиться локализованною операціею противъ Сербіи; однако надо все предвидѣть, и все представляется возможнымъ».

Въ Берлинѣ сербскій посланникъ заявилъ, что его правительство готово оказать австрійцамъ содѣйствіе своихъ судебныхъ властей въ производствѣ дознанія о виновникахъ сараевскаго покушенія, насколько это совмѣстимо съ достоинствомъ и независимостью Сербіи; но тамъ дѣлали видъ, что ничего не знаютъ объ австрійскихъ требованіяхъ. За два дня до врученія ноты, 21 іюля, фонъ-Яговъ увѣрялъ, что содержаніе ея совершенно ему неизвѣстно; по этому поводу французскій посланникъ выразилъ ему свое удивленіе, такъ какъ обстоятельства заставляютъ предполагать нѣчто совсѣмъ другое. Въ то же время германскій посолъ въ Вѣнѣ открыто выступалъ сторонникомъ воинственныхъ рѣшеній, и въ Германіи принимались уже приготовительныя мѣры къ проведенію мобилизаціи.

Двойственная игра продолжалась до послѣдней минуты. Почти наканунѣ рѣшительнаго шага графъ Тисса утверждалъ въ венгерскомъ парламентѣ, что нѣтъ основанія опасаться серьезныхъ осложненій въ ближайшемъ будущемъ, а представитель Германіи въ Лондонѣ, князь Лихновскій, далъ знать сэру Эдуарду Грею, что въ Берлинѣ съ тревогою ожидаютъ непріятной австрійской мѣры, отъ которой едва-ли будетъ возможно удержать вѣнскій кабинетъ. Сэръ Эдуардъ Грей, обезпокоенный этимъ сообщеніемъ, просилъ австрійскаго посла, графа Менсдорфа, передать его правительству совѣты умѣренности и благоразумія, и еще въ роковой день 23 іюля въ Вѣнѣ категорически заявлено было французскому посланнику, что «тонъ и содержаніе австрійской ноты позволяютъ разсчитывать на мирную развязку».

Наконецъ, «стрѣла была пущена», какъ выразился германскій дипломатъ фонъ-Шенъ. Кабинеты тройственнаго согласія были увѣдомлены объ этомъ только на слѣдующій день утромъ, а срокъ истекалъ черезъ двадцать четыре часа. Времени для обсужденія не было, и кризисъ обострялся еще вызывающимъ тономъ нѣмецкой печати противъ Россіи. Въ Парижѣ фонъ-Шенъ отъ имени Германіи передалъ грозную декларацію, въ которой, изложивъ въ крайне рѣзкой формѣ обвинительные пункты противъ Сербіи, слѣдующимъ образомъ формулировалъ точку зрѣнія своего правительства: «Германское правительство считаетъ, что настоящій вопросъ касается исключительно Австро-Венгріи и Сербіи и долженъ быть разрѣшенъ только между ними, безъ всякаго участія и вмѣшательства другихъ державъ. Правительство горячо желаетъ, чтобы конфликтъ былъ локализованъ, такъ какъ всякое вмѣшательство другой державы должно было бы, въ силу естественнаго дѣйствія союзовъ, вызвать неисчислимыя послѣдствія». Германскій статсъ-секретарь

иностранныхъ дѣлъ подтвердилъ Жюлю Камбону, что такова именно точка зрѣнія Германіи; онъ лично признаетъ ноту «энергическою, но вполнѣ обоснованною»; онъ предвидитъ «нѣкоторое волненіе» среди друзей Сербіи, но разсчитываетъ, что ей дадутъ добрые совѣты; однако, онъ не могъ объяснить, почему закрытъ путь къ обсужденію ноты по существу и къ пересмотру ея отдѣльныхъ, наиболѣе затруднительныхъ пунктовъ.

Нѣмецкіе дипломаты, съ одной стороны, отрицали всякое свое участіе въ подготовкѣ австрійской ноты, а съ другой,—ссылались на свою безусловную обязанность отстаивать ея содержаніе; они не признавали въ ней характера ультиматума и протестовали противъ толкованія своихъ заявленій въ смыслѣ угрозы, а въ то же время заранѣе отклоняли всякія попытки смягчить значеніе и послѣдствія сдѣланнаго шага. Въ виду явно агрессивной цѣли, преслѣдуемой обѣими союзными имперіями, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ настойчиво убѣждалъ британское правительство заявить о своей солидарности съ Россіею и Франціею; но британскій посолъ въ Петроградѣ, сэръ Бьюкенэнъ, находилъ, что его правительство не можетъ взять на себя безусловное обязательство поддерживать своихъ друзей вооруженной силою, ибо Англія не имѣетъ никакихъ прямыхъ интересовъ въ Сербіи, и война въ пользу этой страны никогда не была бы одобрена британскимъ общественнымъ мнѣніемъ. По мнѣнію русской дипломатіи, Англія будетъ во всякомъ случаѣ вовлечена въ войну, если война вспыхнетъ при участіи Франціи и Россіи, а между тѣмъ своевременное заявленіе объ этой рѣшимости Англіи могло бы удержать Германію и Австро-Венгрію отъ задуманнаго ими предпріятія и, слѣдовательно, способствовало бы сохраненію общаго мира. Въ томъ же духѣ говорилъ и французскій посолъ, который между прочимъ предупреждалъ своего британскаго коллегу, что «Франція, въ случаѣ необходимости, исполнитъ всѣ обязательства, налагаемыя на нее союзомъ съ Россіею». Сэръ Эдуардъ Грей пытался дѣйствовать примирительно въ Берлинѣ, но, встрѣтивъ категорическій отказъ въ какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ въ австро-сербскіе счеты, высказалъ князю Лихновскому свое убѣжденіе, что Англія не останется въ сторонѣ при возникновеніи европейской войны.

Германія и Австро-Венгрія какъ-будто не вѣрили этимъ указаніямъ или не придавали имъ серьезнаго значенія. Просьбы объ отсрочкѣ ультиматума просто отвергались, безъ всякихъ разумныхъ мотивовъ. Вѣнскій дипломатъ, баронъ Макіо, въ отвѣтъ на напоминаніе князя Кудашева о международной вѣжливости, сухо замѣтилъ, что «иногда интересъ избавляетъ отъ обязанности быть вѣж-

ливымъ». Фонъ-Яговъ объяснялъ русскому повѣренному въ дѣлахъ г. Броневскому, что дѣло идетъ не о войнѣ съ Сербіею, а объ «экзекуціи», имѣющей чисто-мѣстный характеръ; онъ, Яговъ, не допускаетъ мысли, чтобы такая военная экзекуція повлекла за собою европейскую войну. Когда Сербія подчинилась почти всѣмъ австрійскимъ требованіямъ, вѣнскій кабинетъ поспѣшилъ признать это подчиненіе недостаточнымъ и объявилъ разрывъ, за которымъ не сразу послѣдовали военныя дѣйствія. Всякія примирительныя и посредническія усилія оказывались напрасными; 28-го іюля графъ Берхтольдъ заявилъ британскому послу, сэру Бунзену, что эти попытки запоздали, такъ какъ война уже объявлена Сербіи. Германская дипломатія держалась того взгляда, что Россія не имѣетъ повода вмѣшиваться, если Австро-Венгрія обѣщаетъ не присоединять какой-либо части сербской территоріи къ своимъ владѣніямъ и довольствуется лишь созданіемъ гарантій противъ зловредной великосербской пропаганды, — хотя сущность этихъ гарантій оставалась загадочною; на этой почвѣ дѣлались попытки отдѣлить Францію отъ Россіи и взвалить отвѣтственность за сохраненіе мира на русскую дипломатію. Отъ Россіи требовалось молчаливое одобреніе австрійской «экзекуціи» надъ Сербіею, и подъ этимъ условіемъ Германія соглашалась отсрочить на нѣкоторое время возбужденіе кроваваго европейскаго пожара.

Нѣтъ сомнѣнія, что австрійское нападеніе на Сербію входило въ программу австро-германской политики на Балканахъ и должно было служить первымъ рѣшительнымъ шагомъ къ установленію фактическаго владычества обѣихъ нѣмецкихъ имперій на ближнемъ Востокѣ. Какъ видно изъ недавнихъ дипломатическихъ разоблаченій, въ маѣ 1913 года графъ Берхтольдъ поручилъ австро-венгерскому посланнику въ Бухарестѣ, князю Фюрстенбергу, довести до свѣдѣнія румынскаго правительства, что Австрія будетъ защищать Болгарію съ оружіемъ въ рукахъ и имѣетъ въ виду напасть на Румынію, если послѣдняя будетъ противиться уничтоженію Сербіи. Въ іюнѣ того же 1913 года маркизъ ди Санъ-Джуліано получилъ изъ Вѣны телеграмму, въ которой австрійское правительство сообщало о своемъ намѣреніи выступить противъ Сербіи и запрашивало римскій кабинетъ, согласится ли Италія дѣйствовать совмѣстно съ Германіею и Австро-Венгріею. Посовѣтовавшись съ тогдашнимъ министромъ-президентомъ, маркизъ ди Санъ-Джуліано отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что Италія не имѣетъ никакихъ основаній идти по предлагаемому пути. Вѣнскій кабинетъ побудилъ Болгарію затѣять братоубійственную войну противъ Сербіи, въ разсчетѣ на легкій успѣхъ, и принялъ на себя обязанность содѣйствія или вмѣшательства, въ случаѣ надобности,

но по обыкновенію не исполнилъ своего обѣщанія. Въ депешѣ къ русскому посланнику въ Софіи, отъ 12 іюня, сообщая о своей бесѣдѣ съ болгарскимъ представителемъ, г. Бобчевымъ, о состоявшемся разрывѣ съ Сербіею, нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ: «Я прибавилъ, что для меня совершенно ясно, что Болгарія дѣйствуетъ такъ, подчиняясь посторроннимъ внушеніямъ и подаваемымъ ей надеждамъ, въ которыхъ она можетъ горько разочароваться [1]). Опираясь на тѣсное сближеніе съ Болгаріею и на союзъ съ Румыніею, Австро-Венгрія собиралась такъ или иначе уничтожить или обезсилить Сербію и забрать въ свои руки значительную часть Балканскаго полуострова, тогда какъ остальная часть—турецкая—предоставлена новой ближайшей союзницѣ и покровительницѣ Оттоманской имперіи, Германіи. Австрійцы и ихъ могущественные союзники старались вовлечь Болгарію и Румынію въ непріязненныя дѣйствія противъ Россіи, и это едва не удалось имъ, благодаря австро-нѣмецкимъ связямъ и симпатіямъ царя Фердинанда и покойнаго короля Карла, но въ концѣ концовъ планъ не осуществился; съ своей стороны, Германія успѣшно исполнила свою часть задачи, водворившись прочно въ Турціи и втянувъ ее въ ненужную войну.

Послѣ австрійской мобилизаціи и вооруженнаго нападенія на Бѣлградъ былъ еще моментъ, когда Австро-Венгрія готова была признать европейскій характеръ конфликта и допустить обсужденіе ноты по существу; но въ это время выступила на первый планъ Германія и грубо прервала переговоры не только отъ своего имени, но и отъ имени своей союзницы. Неизбѣжныя съ нашей стороны военныя мѣры предосторожности, въ отвѣтъ на приготовленія Австро-Венгріи и Германіи, приняты были за поводъ къ ультиматуму, который означалъ уже объявленіе войны (19-го іюля). Три дня спустя, 3-го августа нов. стиля, французскому правительству была передана фонъ-Шеномъ декларація, въ которой указывалось на начало враждебныхъ дѣйствій со стороны Франціи, а именно: «нѣкоторые французскіе авіаторы нарушили нейтралитетъ Бельгіи, совершивъ перелетъ надъ ея территоріею; одинъ пытался разрушить сооруженія близъ Везеля, другіе были замѣчены въ районѣ Эйфеля (въ Рейнской провинціи), одинъ бросилъ бомбы на желѣзную дорогу около Карльсруэ и Нюренберга». Германская дипломатія не нашла болѣе остроумныхъ мотивовъ для нападенія на Францію. Несравненно сильнѣе и убѣдительнѣе изложена отвѣтная нота, разосланная державамъ французскимъ правительствомъ отъ того же 3-го августа нов. ст.: «Германское прави-

[1]) Сборникъ дипломатическихъ документовъ, касающихся событій на Балканскомъ полуостровѣ (августъ 1912—іюль 1913). Изд. министерства иностр. дѣлъ, 1914 г., № 254.

тельство объявило Франціи войну послѣ того, какъ оно двинуло свои вооруженныя силы черезъ границу и позволило имъ совершить цѣлый рядъ убійствъ и грабежей на французской территоріи; послѣ того, какъ оно нарушило нейтралитетъ великаго герцогства Люксембургскаго, вопреки предписаніямъ лондонской конвенціи 11-го мая 1867 г. и Гаагской конвенціи 18 (5) октября 1907 года, подписанныхъ Германіею; послѣ того, какъ оно обратилось съ ультиматумомъ къ правительству Бельгіи, имѣющимъ цѣлью потребовать пропуска германскихъ войскъ черезъ бельгійскую территорію, въ нарушеніе трактатовъ 19 апрѣля 1839 года, равнымъ образомъ подписанныхъ Германіею, а также упомянутой Гаагской конвенціи. Правительство республики протестуетъ передъ всѣми цивилизованными націями и спеціально передъ правительствами, подписавшими означенные договоры, противъ нарушенія этихъ международныхъ обязательствъ Германскою имперіею, и оставляетъ за собою право на репрессаліи противъ непріятеля, столь мало заботящагося о соблюденіи даннаго слова. Правительство республики, имѣя въ виду руководствоваться началами международнаго права, будетъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ сообразоваться, подъ условіемъ взаимности, съ постановленіями международныхъ конвенцій, подписанныхъ Франціею и касающихся права войны на сушѣ и на морѣ». Такъ началась грандіозная истребительная борьба народовъ по почину военной клики, окружающей Вильгельма II, и ничтожныхъ совѣтниковъ слабоумнаго старца, стоящаго еще во главѣ имперіи Габсбурговъ.

Придумывая разные искусственные и явно неправдоподобные аргументы для доказательства того, что противники первые напали на Германію, берлинская дипломатія въ сущности сама признаетъ, что ей по праву принадлежитъ роль нападающей стороны. Италія, связанная формальнымъ союзомъ съ Германіею и Австро-Венгріею, сохранила нейтралитетъ на томъ основаніи, что настоящая война имѣетъ характеръ наступательный, а не оборонительный, противъ чего не возражали и обѣ названныя державы. Очевидно, если бы послѣднія въ самомъ дѣлѣ оборонялись, а не нападали, онѣ потребовали бы отъ Италіи присоединенія къ войнѣ противъ Франціи и Россіи, въ силу союзнаго договора; но онѣ этого не сдѣлали, потому что должны были согласиться съ указаніемъ Италіи и признать ея право на нейтралитетъ. Активное вмѣшательство Англіи было вызвано нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета со стороны Германіи, и война объявлена 4-го августа нов. ст.; затѣмъ и союзница Англіи, Японія, выступила противъ Германіи и захватила ея главный опорный пунктъ на Дальнемъ Востокѣ—область Кіао-чао, съ крѣпостью Цзиндао. Турція, руководимая германцами, начала

воевать только въ октябрѣ, и ея выступленіе принесло наибольше выгодъ англичанамъ: во-первыхъ, островъ Кипръ, считавшійся еще номинально въ составѣ Оттоманской имперіи, присоединенъ непосредственно къ британскимъ владѣніямъ, и, во-вторыхъ, Египетъ объявленъ независимымъ отъ Турціи и подчиненъ британскому протекторату. Бывшій хедивъ, Аббасъ-Хильми, находившійся временно въ Константинополѣ, принялъ сторону турецкаго правительства и высказался противъ Англіи; за это онъ былъ низложенъ, и на его мѣсто назначенъ его дядя, сынъ знаменитаго Измаила I, принцъ Гуссейнъ-Камель, которому присвоенъ титулъ султана. Участіе Турціи въ войнѣ даетъ также возможность англичанамъ завладѣть частью Багдадской желѣзной дороги, на которую Германія возлагала такія большія надежды. Англіи достанутся и важнѣйшія изъ германскихъ колоній въ разныхъ частяхъ свѣта; она завладѣетъ значительною долею ея міровой торговли.

Война ведется въ такихъ размѣрахъ, какихъ не знала еще исторія человѣчества. Германія, Австро-Венгрія и Турція, располагающія приблизительно восемью милліонами солдатъ, имѣютъ противъ себя Россію, Францію, Англію, Бельгію, Сербію и Черногорію, съ десятью или одиннадцатью милліонами вооруженныхъ людей. Съ такими массами войскъ можно передвигаться взадъ и впередъ на обширномъ фронтѣ, можно достигать крупныхъ частичныхъ успѣховъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, можно даже одерживать блестящія побѣды, но чрезвычайно трудно добиться прочнаго и опредѣленнаго результата, ибо успѣшное своевременное преслѣдованіе становится почти невозможнымъ при огромныхъ разстояніяхъ каждаго фронта, и нельзя помѣшать силамъ противника, послѣ испытанной неудачи, вновь собираться въ томъ или другомъ районѣ и опять толкаться впередъ, опираясь на временный численный перевѣсъ въ данной мѣстности. Сотни тысячъ войска ничего теперь не рѣшаютъ, а милліонныя арміи, занимающія укрѣпленныя позиціи, слишкомъ громоздки и малоподвижны для быстрыхъ и рѣшительныхъ операцій. Въ битвѣ при Садовой, рѣшившей судьбу Австріи, въ іюлѣ 1866 года, на сторонѣ пруссаковъ было двѣсти шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, а на сторонѣ австрійцевъ—около 270 тысячъ; самая битва продолжалась всего одинъ день, 3 іюля. Въ настоящее время это былъ бы одинъ изъ многихъ второстепенныхъ боевъ гдѣ-нибудь между Вислой и Пилицей, или на Млавскомъ направленіи; подобные бои повторяются чуть не ежедневно, въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ, при чемъ постоянные отдѣльные успѣхи остаются какъ-то безразличными для общаго хода дѣлъ. Полумилліонныя арміи, которыя въ былое время считались достаточными чуть ли не для завое-

ванія всей Европы, перебрасываются теперь съ западнаго фронта на восточный, не производя никакого рѣшающаго эффекта на положеніе противника. При меньшей численности войскъ, дѣйствующихъ на данномъ театрѣ войны, легче достигается побѣда, въ зависимости отъ духа арміи; поэтому сербы могли окончательно разбить австрійцевъ и вытѣснить ихъ изъ своей страны, несмотря на ихъ численный перевѣсъ и превосходство вооруженія. Пока германцы пользуются однимъ весьма важнымъ преимуществомъ: они упорно распоряжаются и кормятся на чужой территоріи, присосавшись, какъ вампиры, къ несчастной Бельгіи, къ сѣверной Франціи и къ западнымъ губерніямъ нашего Царства Польскаго. Потребуется еще много кровавыхъ усилій, чтобы удалить ихъ оттуда и вступить самимъ въ ихъ собственные предѣлы, для окончательной ликвидаціи войны.

Военныя событія подавляютъ собою всю политическую жизнь Европы, и передъ ними отступаютъ всякіе другіе интересы. Парламенты открываютъ свои засѣданія только для ассигнованія новыхъ милліардовъ на военныя нужды и для подтвержденія своей патріотической солидарности съ правительствами и войсками. Съ этою цѣлью засѣдала британская палата общинъ, съ 11 ноября (нов. ст.); германскій имперскій сеймъ, собравшійся 2-го декабря (нов. ст.), долженъ былъ выслушать одну изъ самыхъ бездарныхъ и длинныхъ рѣчей Бетманъ-Гольвега; французскій парламентъ имѣлъ возможность собраться въ Парижѣ, 9 (22) декабря, не опасаясь уже набѣга прусскихъ уलановъ. Нейтральныя страны не оставались спокойными при общемъ напряженномъ и подавленномъ состояніи передовыхъ культурныхъ націй; остановка внѣшнихъ сношеній, параличъ международной торговли и связанный съ этимъ глубокій экономическій кризисъ чувствуются повсюду въ Европѣ. Скандинавскія государства, Швеція, Данія и Норвегія, сближаются между собою на почвѣ общихъ интересовъ; и очень можетъ быть, что недавнее свиданіе ихъ королей въ Мальмё положитъ начало тѣсному союзу, не только экономическому, но и политическому. Изъ нейтральныхъ государствъ только Соединенные Штаты могли бы при извѣстныхъ условіяхъ оказывать вліяніе на вопросы войны и мира, но до сихъ поръ вашингтонскій кабинетъ очень слабо откликался даже на тѣ вопіющія нарушенія международнаго права, которыя несомнѣнно входятъ въ компетенцію всѣхъ державъ, участвовавшихъ въ выработкѣ и подписаніи соотвѣтственныхъ Гаагскихъ конвенцій.

Совершенно особое значеніе имѣетъ нейтралитетъ Италіи, Румыніи и Болгаріи. Эти государства заинтересованы не въ томъ, чтобы до конца оставаться въ сторонѣ отъ происходящихъ событій, а въ томъ, чтобы во-время, въ нужный моментъ, принять въ нихъ

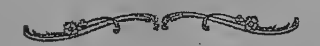
активное участіе. Правители этихъ странъ съ напряженнымъ вниманіемъ и безпокойствомъ слѣдятъ за ходомъ войны, чтобы воспользоваться благопріятными условіями для вмѣшательства; ихъ нейтралитетъ — только временный, условный, выжидательный. Итальянцы находились и номинально понынѣ находятся въ искусственномъ оборонительномъ союзѣ съ Австро-Венгріею; этотъ союзъ фактически пересталъ для нихъ существовать, такъ какъ австрійская внѣшняя политика была всегда аггрессивна и большею частью противорѣчила политическимъ интересамъ Италіи; притомъ послѣднее выступленіе вѣнскаго кабинета противъ Сербіи и Россіи было задумано безъ вѣдома итальянскаго правительства, которое узнало объ австрійской нотѣ только изъ постороннихъ источниковъ, чѣмъ нарушенъ былъ внутренній смыслъ союзнаго договора со стороны Австро-Венгріи. Италія имѣетъ старинныя историческія и національныя права на пограничныя австрійскія области, и она должна занять ихъ въ надлежащій моментъ, пока имперія Габсбурговъ лишена возможности защищаться; австрійцы отлично понимаютъ это и предвидятъ, такъ что ничего неожиданнаго для нихъ въ данномъ случаѣ не произойдетъ. Потеря итальянской части Тироля, Тріента и Истріи съ Тріестомъ, такъ же какъ и части Далматинскаго побережья, издавна признается неизбѣжною для Австро-Венгріи, при наступленіи извѣстныхъ событій; а систематическія военныя неудачи австрійцевъ, вовлеченныхъ въ опасную рѣшительную борьбу съ восточнымъ сосѣдомъ, создаетъ вполнѣ подходящую обстановку для захвата австрійскихъ земель, на которыя претендуетъ Италія. Эту точку зрѣнія краснорѣчиво, съ большимъ подъемомъ и успѣхомъ, объяснилъ итальянскій министръ-президентъ Саландра въ парламентѣ, 3 декабря (нов. ст.). «Свободно возвѣщенный и добросовѣстно соблюдаемый нейтралитетъ,—говорилъ онъ,—не можетъ предохранить насъ отъ послѣдствій огромнаго потрясенія, которое съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе размѣры и конца котораго никто предвидѣть не можетъ. На земляхъ и моряхъ стараго материка, котораго политическое распредѣленіе должно, вѣроятно, измѣниться, Италія имѣетъ жизненныя права, требующія заботливой охраны; она имѣетъ справедливыя притязанія, которыя ей предстоитъ подкрѣплять и поддерживать; она должна ограждать неприкосновенность своего положенія великой державы; она должна стремиться къ тому, чтобы это положеніе не потерпѣло ущерба сравнительно съ возможнымъ территоріальнымъ увеличеніемъ другихъ государствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нашъ нейтралитетъ долженъ не оставаться бездѣятельнымъ и вялымъ, а быть активнымъ и бодрствующимъ, не безсильнымъ, а могущественно вооруженнымъ и приготовленнымъ

ко всякимъ случайностямъ. Опытъ, даваемый намъ исторіей, и особенно событія, при которыхъ мы присутствуемъ, убѣждаютъ насъ, что, когда прекращается господство права, единственною гарантіею спасенія для народа остается сила, организованная человѣческая сила, снабженная всѣми техническими, дорого стоющими усовершенствованіями защиты. Италія, не имѣющая никакого намѣренія притѣснять кого-либо насиліемъ, должна съ наиболѣе возможнымъ напряженіемъ обезпечить себя отъ того, чтобы быть когда бы то ни было притѣсняемою». Министръ-президентъ предлагалъ поэтому утвердить необходимые финансовые законопроекты для удовлетворенія нуждъ арміи и флота; онъ взывалъ къ единенію партій и къ полному національному единодушію: «Отложимъ до другого времени,—продолжалъ онъ,—всякіе партійные и политическіе счеты, всякія разногласія парламентскихъ группъ и общественныхъ классовъ. Теперь одно чувство должно торжественно подтверждаться словами и дѣйствіями—чувство солидарности всѣхъ итальянцевъ», для лучшей защиты «настоящихъ и будущихъ интересовъ» страны и для «возвышенія ея роли въ культурномъ мірѣ». Рѣчь Саландры принята была парламентомъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ и дала поводъ къ восторженнымъ и продолжительнымъ оваціямъ; она вызвала также сочувственные отзывы въ газетахъ всѣхъ направленій и оттѣнковъ, отъ консервативныхъ до соціалистическихъ. Министръ затронулъ наиболѣе чувствительныя струны итальянскаго патріотизма; онъ сумѣлъ высказать намеками то, что составляетъ предметъ всеобщихъ стремленій и надеждъ, и онъ высказалъ это именно такъ, какъ это возможно было при современномъ щекотливомъ положеніи.

Разумѣется само собою, что для Румыніи вопросъ о нейтралитетѣ ставится нѣсколько иначе, чѣмъ для Италіи, которая есть все-таки великая держава. Румынскому правительству приходится соблюдать большую осторожность; оно должно лавировать между разными противоположными теченіями, чтобы не обидѣть могущественныхъ заинтересованныхъ государствъ и не задѣть своихъ менѣе крупныхъ сосѣдей; тѣмъ не менѣе, оно чувствуетъ себя обязаннымъ готовиться рано или поздно къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, чтобы помочь румынамъ Трансильваніи и Буковины освободиться отъ австро-венгерскаго гнета при помощи русскаго оружія. Румынія должна будетъ выйти изъ своего нейтралитета, когда настанетъ время выясненія положительныхъ результатовъ ожидаемаго военнаго торжества Россіи надъ Австро-Венгріею. Румынскіе патріоты, съ одной стороны, опасаются риска при преждевременномъ вмѣшательствѣ, а съ другой—боятся опоздать со своимъ выступленіемъ. Это

создаетъ для Румыніи крайне тяжелое политическое состояніе, изъ котораго не видно спокойнаго и разумнаго выхода. Въ еще болѣе мучительномъ положеніи находится Болгарія, которая, благодаря неудачнымъ дипломатическимъ исканіямъ и интригамъ правящихъ лицъ, потеряла довѣріе друзей и враговъ; она настолько запуталась въ сѣтяхъ «высшей» международной политики, что о дѣйствительномъ политическомъ удовлетвореніи болгарскихъ національныхъ идеаловъ не можетъ быть пока и рѣчи.

Война стоила уже колоссальныхъ человѣческихъ жертвъ, но она не привела еще къ такому положенію, которое позволяло бы предвидѣть скорое ея окончаніе. Можно только надѣяться, что въ теченіе наступившаго 1915-го года народы добьются наконецъ желаннаго прочнаго мира.



НА ТЕМЫ ДНЯ.

Національзмъ и либерализмъ.—Несвоевременные панегирики.—„Гипнозъ государства“.

Со времени освободительныхъ войнъ начала XIX-го вѣка передъ германскимъ народомъ стояла тяжелая, мучительная проблема. Разрозненное существованіе многихъ государствъ, крайне различныхъ по населенности, но однородныхъ по племенному составу, все больше и больше принимало характеръ явной аномаліи. Нація, объединенная духовно, не могла не мечтать о государственномъ единствѣ. Переходъ отъ мечтаній къ дѣйствію, совершившійся въ 1848-мъ году, потерпѣлъ полную неудачу. Задача, надъ которой напрасно тратилъ силы и время «безумный годъ» («das tolle Jahr»), продолжала, однако, привлекать къ себѣ умы и сердца. Именно ее имѣлъ въ виду старикъ Арндтъ, когда воскликнулъ: «мы разбиты, но не побѣждены; въ такой битвѣ пораженіе невозможно» (wir sind geschlagen, nicht besiegt; in solcher Schlacht erliegt man nicht). Уцѣлѣла и та форма, въ которую первое общегерманское представительство облекло свою излюбленную идею: приверженцы такъ называемыхъ малогерманскихъ, затѣмъ національный союзъ (Nationalverein) продолжали стоять за прусскую гегемонію. Развивался культъ силы, орудіемъ котораго могъ слу-

жить только «вооруженный прусскій народъ». Ничего не измѣнила, въ этомъ отношеніи, даже эпоха «конфликта»: отталкивая и возмущая, политика «желѣза и крови», вмѣстѣ съ тѣмъ, открывала манящія перспективы могущества и славы. Неудивительно, что послѣ блестящихъ побѣдъ 1866-го года въ Пруссіи образовалась партія націоналъ-либераловъ, вслѣдъ затѣмъ ставшая сѣверо-германскою, нѣсколько лѣтъ спустя—общегерманскою. Названіе ея, въ моментъ ея рожденія, соотвѣтствовало дѣйствительности; въ ея составъ вошли либералы различныхъ оттѣнковъ, прямые наслѣдники традицій 1848-го года. Объединеніе, столь для нихъ дорогое, было только начато; предстояло довершить его, укрѣпить, расширить и углубить его основы, воскресить національно-германскую имперію. Министерство Бисмарка принесло повинную въ своихъ грѣхахъ, испросивъ у палаты депутатовъ «отпущеніе» (Indemnität) за безбюджетное антиконституціонное управленіе. Наиболѣе довѣрчивые изъ его недавнихъ противниковъ могли льстить себя надеждой, что съ внѣшнимъ строительствомъ оно соединитъ работу надъ организаціей политически свободнаго, истинно правового государства. На самомъ дѣлѣ, однако, изъ-за первой задачи вторая все больше и больше отодвигалась на задній планъ. Германская имперія стала реальнымъ фактомъ; никто ей не угрожалъ, ничье соперничество не было для нея опасно, но во внутренней ея жизни если не все, то очень многое оставалось по-старому; въ Пруссіи, напримѣръ, несокрушимо держалась избирательная система, чуть не оффиціально признанная худшею изъ всѣхъ существующихъ. Двойственность въ наименованіи партіи выродилась въ явное противорѣчіе: усиленное подчеркиванье первой половины партійнаго девиза обезцѣчивало и обезцѣнивало вторую. «Націоналы» мало-по-малу переставали быть «либералами».

Мы присутствуемъ теперь при потугахъ созданія у насъ своего рода націоналъ-либеральной партіи или хотя бы національно либеральнаго настроенія. Насъ увѣряютъ, что «національноеное начало неудержимо внѣдряется въ либерализмъ», что «русскій либерализмъ станетъ національнымъ не только фактически, но и сознательно опирающимся на *русскую* (курсивъ въ подлинникѣ) національную стихію», что «въ націонализаціи русскаго либерализма есть историческая необходимость». Замѣтимъ, прежде всего, что терминамъ *національный, націонализмъ* въ Россіи, силою вещей, придается другое значеніе, чѣмъ въ Германіи. Въ Германіи они возникли на почвѣ политическаго распада, шедшаго въ разрѣзъ съ общимъ происхожденіемъ и общимъ, до извѣстной степени, прошлымъ; въ Россіи они пускаются въ ходъ на почвѣ государственнаго единства и глубокихъ племенныхъ различій. Германія стремилась къ превращенію націи въ государство; въ Россіи это превращеніе совершилось нѣ-

сколько вѣковъ тому назадъ, послѣ чего государство, образованное націей, включило въ свой составъ множество другихъ, разнородныхъ національныхъ элементовъ. Отсюда разница въ самомъ свойствѣ и развитіи националистическихъ стремленій. Въ Германіи ихъ остріе было направлено, первоначально, противъ внѣшнихъ враговъ, противъ сосѣдей, считавшихъ для себя выгоднымъ расчлененіе, т.-е. безсиліе германскаго народа; въ Россіи оно сразу направилось противъ «внутреннихъ враговъ», къ числу которыхъ были отнесены всѣ нарушающіе единообразіе и единоцвѣтность громаднаго цѣлаго. Національнымъ, еще не вполнѣ сознательный, вошелъ, подъ именемъ «народности», въ составъ знаменитой трехчленной формулы графа Уварова; смягченный, съ легкимъ налетомъ гуманизма, онъ сталъ краеугольнымъ камнемъ первоначальнаго, подлиннаго славянофильства; грубымъ и узкимъ онъ явился на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей», спустился еще ниже у продолжателей Каткова и, наконецъ, достигъ крайней степени паденія въ средѣ новѣйшихъ «истинно-русскихъ людей». Въ Германіи націонализмомъ, въ первомъ его фазисѣ, могли увлечься либералы, не измѣняя своему символу вѣры; онъ не только не грозилъ ничьей свободѣ, ничьему праву, но обѣщалъ, въ обновленномъ и сильномъ государствѣ, такія личныя и общественныя гарантіи, какихъ не могли дать десятки слабыхъ и именно потому боязливыхъ дуодецимальныхъ государей. Въ Россіи пропасть между націонализмомъ и либерализмомъ съ самаго начала оказалась непереходимой.

Побѣдивъ на всей линіи своихъ исконныхъ задачъ, германскій націонализмъ вступилъ въ періодъ кризиса, глубоко измѣнившаго его сущность и сблизившаго его съ русскимъ. Въ Германіи, справившейся съ внѣшними врагами, также оказались «враги внутренніе». Одинъ изъ нихъ, сравнительно давно подчиненный нѣмецкой власти, служилъ для нея и раньше источникомъ безпокойства и непріятныхъ усложненій; но настсящая борьба между нѣмцами и поляками, длительная, упорная, ни съ той, ни съ другой стороны не допускающая уступокъ, началась въ Познани уже послѣ включенія ея въ составъ германской имперіи. Пора возстаній прошла, въ усмиреніяхъ не было надобности; ихъ замѣнили мѣры ассимиляціи польскаго населенія, а въ виду ихъ малоуспѣшности—мѣры покровительства нѣмецкимъ элементамъ въ ущербъ польскимъ, достигшія своего апогея въ извѣстномъ законѣ о правѣ экспропріаціи польскихъ имѣній. Къ полякамъ присоединились, въ качествѣ внутреннихъ враговъ, жители сѣвернаго Шлезвига—послѣ войны 1864-го года, жители Эльзасъ-Лотарингіи—послѣ войны 1870—71 гг. Притязанія націонализма все чаще и чаще становились несогласными съ требованіями либерализма—конечно, либерализма послѣдовательнаго и искренняго. Въ этомъ заключается основная причина

перемѣны, совершившейся, какъ указано выше, въ настроеніи—и положеніи—германскихъ націоналъ-либераловъ. Если партія этого имени все еще существуетъ, то только по инерціи, по привычкѣ; серьезное значеніе и внутренній смыслъ она потеряла уже давно. Это позволяетъ судить о томъ, насколько желательно—и цѣлесообразно было бы образованіе націоналъ-либеральной партіи, въ настоящую минуту, у насъ, въ Россіи.

Намъ говорятъ, что «національное начало перестаетъ и перестанетъ быть монополіей тѣхъ элементовъ, которые именуются правыми». Что это значитъ? Что измѣняется—господствовавшее ли до сихъ поръ пониманіе «національнаго начала», или отношеніе къ этому началу тѣхъ, кто былъ ему чуждъ или враждебенъ? Первое мало вѣроятно: многое заставляетъ думать, что наши «националисты» (въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. не одни только члены партіи, называющей себя этимъ именемъ) остаются вѣрными и своей доктринѣ, и способу проведенія ея въ жизнь. Если крайніе націоналисты, въ лицѣ писателей изъ «Русскаго Знамени», доходятъ до проповѣди еврейскаго погрома, то болѣе умѣренные продолжаютъ сочувствовать антисемитизму, изобличать украинофильство, отстаивать неограниченное или едва ограниченное единодержавіе государственнаго языка. Прежде чѣмъ говорить не только о сліяніи, но хотя бы о сближеніи націонализма съ либерализмомъ, нужно было бы доказать, что подъ именемъ перваго разумѣется отнынѣ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ прежде. Въ составъ «либеральной» программы, самой умѣренной, неизбѣжно входятъ два основныя требованія: равенство передъ закономъ и свобода, во всѣхъ тѣхъ формахъ, въ которыхъ ее признаетъ и охраняетъ правовое государство. Націонализмъ, какъ боевой принципъ, какъ партійное знамя, отрицаетъ и то, и другое, обусловливая полноту правъ принадлежностью къ господствующей націи—или, по меньшей мѣрѣ, непринадлежностью къ націямъ опальнымъ, только терпимымъ въ государствѣ—и, слѣдовательно, ограничивая свободу передвиженія, свободу избранія мѣста жительства и занятій, свободу преподаванія и ученія. «Національно-либеральной» программы мы, поэтому, еще не видали и, безъ сомнѣнія, не увидимъ, пока націонализмъ сохраняетъ у насъ свои типичныя черты. И это очень хорошо сознаютъ наиболѣе дипломатичные изъ числа нашихъ націоналистовъ: привѣтствуя «націоналъ-либеральную» пропаганду, они заранѣе убѣждены, что «національное» восторжествуетъ въ ней надъ «либеральнымъ». Ceci tuera cela: они это знаютъ — и становятся на защиту взглядовъ, вносящихъ раздоръ въ среду «либераловъ» [1]).

---

[1]) Мы употребляемъ это слово только въ виду той роли, которую оно играетъ въ занимающей насъ полемикѣ. Либераловъ, въ старомъ, специфи-

Кладя во главу угла «національное» (или «общенаціональное») начало, новые его сторонники опредѣляютъ его такими общими словами, за которыми едва виднѣется его настоящее содержаніе. Это объясняется, отчасти, условіями настоящей минуты, тяготѣющими, до извѣстной степени, и надъ нео-націоналистами, но особенно неблагопріятными для ихъ противниковъ. «Вы хотите»,—говорятъ первые, обращаясь къ послѣднимъ,—«чтобы были соблюдаемы мѣстныя особенности. Устраните самую мысль, что вы желаете поступаться ради этого началомъ общенаціональнымъ». Это требованіе неисполнимо уже потому, что предвзятую мысль нельзя устранить никакими увѣреніями—а на почвѣ національнаго вопроса больше, чѣмъ гдѣ-либо, приходится считаться съ предубѣжденіями, сознательными и безсознательными. Между «мѣстными особенностями, есть много такихъ, которыя приросли къ сердцу населенія; нельзя жертвовать ими ради отвлеченнаго начала. «Пока»,—читаемъ мы дальше,—въ русской литературѣ и публицистикѣ русскими авторами будетъ съ «либеральной» точки зрѣнія оспариваться бытіе и высшая національная цѣнность общерусской культуры, общерусскаго языка, до тѣхъ поръ въ малорусскомъ вопросѣ русскій либерализмъ будетъ явно безсиленъ». Едва-ли кѣмъ-нибудь серьезно оспаривалось *бытіе* общерусскаго языка и даже общерусской культуры; что касается до ихъ «высшей національной цѣнности», то, какъ нѣчто абсолютное, она не существуетъ или, во всякомъ случаѣ, точному опредѣленію не поддается, а какъ нѣчто относительное—всегда будетъ подлежать спору, рѣшаемому, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, не умомъ, а сердцемъ. Съ «либеральной точки зрѣнія» можно утверждать только одно: *оцѣнка* культуры и языка никому навязываема быть не можетъ. Какъ бы ясно ни было для однихъ превосходство даннаго языка, данной культуры, они не въ правѣ требовать отъ другихъ усвоенія этого взгляда. Если у него есть твердыя основы, онъ будетъ, мало-по-малу, распространяться въ глубь и ширь, безъ искусственной поддержки, на самомъ дѣлѣ легко обращающейся въ помѣху.

Русскіе либералы «обречены на безсиліе»; обратясь въ національ-либераловъ, они станутъ силой, «съ которой будутъ считаться настоящимъ образомъ и власть, и областныя движенія». Таково пророчество нео-націоналистовъ. Исполнится ли оно, и въ какой мѣрѣ, мы, конечно, не знаемъ; несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно—побѣда, одержанная на этомъ пути, не будетъ побѣдой либерализма.

ческомъ смыслѣ, въ томъ значеніи, какое имѣлъ этотъ терминъ, на Западѣ Европы, въ первой половинѣ XIX-го вѣка, у насъ давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ и партіи, для характеристики которой достаточно было бы наименованія „либеральная".

Націоналъ-либералы, если имъ суждено появиться на нашей почвѣ, будутъ столь же мало либералами, какъ и нынѣшніе одноименники ихъ въ Германіи. На это указываетъ довольно ясно пріемъ, встрѣченный проповѣдью націоналъ-либерализма въ нашей печати; сочувственный откликъ она нашла только въ средѣ націоналистовъ стараго покроя. Вѣдь и они не прочь иногда поговорить о своемъ либерализмѣ... До крайности прискорбно, что къ полемикѣ противъ новой доктрины примѣшиваются иногда выпады противъ личности ея автора. Далеко не свободенъ, впрочемъ, отъ этого нежелательнаго элемента и одинъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ на такіе выпады [1]). Есть предѣлъ, за который не должно переходить нападеніе, но не должна переходить и защита.

Подробная оцѣнка министерской дѣятельности Л. А. Кассо была бы несвоевременной какъ потому, что слишкомъ еще недавно его постигла смерть, такъ и потому, что вниманіе общества отвлечено войной отъ внутренней жизни Россіи. Но если не настало время для критики, то оно, повидимому, считается наставшимъ для панегириковъ, хотя бы и переходящихъ въ пасквиль на противниковъ покойнаго. Л. А. Кассо— читаемъ мы въ одномъ изъ произведеній этого рода—«былъ слишкомъ уменъ и культуренъ, чтобы впасть въ большія крайности. Можетъ быть, онъ не дошелъ бы и до малыхъ крайностей, если бы наша профессура не была захвачена кадетскимъ лагеремъ, гдѣ узость мысли, бездарное политиканство, раздраженная ненависть противъ всего государственнаго и національнаго свили себѣ слишкомъ ужъ прочное гнѣздо... Кассо слишкомъ долго сидѣлъ въ трясинѣ нашего учебнаго вѣдомства, чтобы не видѣть, чѣмъ хвораетъ русская школа. Она хвораетъ русской лѣнью и недобросовѣстностью, которую у насъ довольно часто называютъ либерализмомъ. Она хвораетъ элементарною невоспитанностью, отсутствіемъ методики труда, непониманіемъ самыхъ цѣлей просвѣщенія и его простыхъ задачъ». Еще болѣе безцеремоннымъ оказывается другой хвалитель. По его словамъ, Л. А. Кассо, «профессорствуя въ Москвѣ, до отвращенія насмотрѣлся въ революціонное время на стадныя увлеченія молодежи и на малодушное потворство гонявшихся за популярностью коллегъ по преподаванію... Онъ любилъ торжественную тишину храма науки считая ее драгоцѣннымъ завоеваніемъ свободы и цивилизаціи». Онъ зналъ, «на какой ужасъ онъ идетъ», изгоняя изъ храма науки «недостойныхъ жрецовъ», затрагивая «сплоченную профессорскую коллегію, среди которой были кумиры молодежи. И тѣмъ болѣе видимость была противъ него, что среди граждански малодушныхъ приспѣшниковъ революціи встрѣчались люди большого научнаго значенія. Онъ

---

[1]) См. № 14560 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (утренній выпускъ).

зналъ, что въ политическомъ смыслѣ многіе изъ нихъ являлись неубѣжденными фразерами, ухаживавшими за «страшнымъ» студентомъ, и онъ, конечно, отдавалъ себѣ отчетъ въ вопляхъ, которые поднимутся по поводу разгрома науки; но то, въ чемъ онъ былъ убѣжденъ, онъ совершилъ безъ страха и смущенія»..

«Торжественная тишина храма науки»! Можно было бы сказать, что это «звучитъ гордо», если бы не бросалось въ глаза вопіющее противорѣчіе между словами и дѣйствительностью. *Торжественной* тишина можетъ быть лишь тогда, когда она водворяется сама собою и поддерживается только уваженіемъ къ святынѣ храма. Тишина, достигаемая мѣрами принужденія и пресѣченія, можетъ быть полной, глубокой, но понятіе о торжественности примѣнимо къ ней столь же мало, какъ къ тишинѣ тюремныхъ камеръ. Лекціи, читаемыя подъ охраной, могутъ быть выслушиваемы спокойно, но это спокойствіе не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которое обезпечивается научнымъ авторитетомъ лектора. Допустимъ, на минуту, что тѣ «люди большого научнаго значенія», о которыхъ говоритъ панегиристъ, были «гражданственно малодушны» («приспѣшниками революціи» мы не можемъ назвать ихъ даже предположительно, до такой степени это было бы далеко отъ истины); удаленіе ихъ изъ университета и тогда было бы потерей, во много разъ превышающей сомнительный выигрышъ. Никѣмъ не замѣнимы на университетской каѳедрѣ, какъ и въ научной литературѣ, люди «большого научнаго значенія»—и меньше всего они замѣнимы въ случаѣ вынужденнаго ихъ ухода; не всякому дается рѣшимость занять опустѣвшее такимъ образомъ мѣсто... Въ панегирикѣ идетъ рѣчь о «сплоченной профессорской коллегіи», среди которой были «кумиры молодежи». Сплоченность профессуры—необходимое условіе вліянія ея на слушателей, и можно пожалѣть только о томъ, что она далеко не всегда и не вездѣ является достаточною. Менѣе всего желательно тенденціозное ея разрушеніе, введеніемъ въ нее не ассимилирующихся съ нею элементовъ. «Кумировъ» современная учащаяся молодежь себѣ не создаетъ и меньше всего ищетъ ихъ между профессорами. Не популярничаньемъ пріобрѣтается ея уваженіе; кто знакомъ съ университетскою жизнью не по наслышкѣ и смотритъ на нее не чрезъ оффиціозные очки, тотъ знаетъ, что не попустительствомъ безпорядковъ, не потворствомъ «стаднымъ увлеченіямъ» отличались профессора, стоявшіе, въ 1905—10 г.г., во главѣ Московскаго университета. Нужно большое... мужество, чтобы утверждать, что высшая русская школа хвораетъ «недобросовѣстностью», «непониманіемъ цѣлей и задачъ просвѣщенія». Недостатковъ у нея немало, они коренятся въ ея многострадальномъ прошломъ, въ ея необезпеченномъ настоящемъ, въ общихъ условіяхъ переживаемой нами эпохи. Не «малыми край-

ностями»—которыя, впрочемъ, гораздо правильнѣе было бы назвать «большими»,—а только мѣрами совершенно другого рода она можетъ быть поставлена на высоту истиннаго «храма науки». Одна изъ этихъ мѣръ—изданіе «университетскаго устава», соотвѣтствующаго требованіямъ времени. Въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, это дѣло подвинулось не впередъ, а назадъ, какъ и дѣло изданія гимназическаго устава... Панегиристы Л. А. Кассо ничего не говорятъ о направленіи, которому онъ слѣдовалъ въ области средней и низшей школы; не коснемся этого вопроса и мы, ограничившись напоминаніемъ о циркулярахъ, изъ которыхъ одинъ почти свелъ на нѣтъ дѣятельность родительскихъ комитетовъ, а другой затруднилъ распространеніе внѣшкольнаго образованія, поставивъ множество земскихъ библіотекъ въ зависимость отъ должностныхъ лицъ учебнаго вѣдомства.

«Гипнозъ государства—такова общая формула, которою кн. Е. Н. Трубецкой, въ талантливыхъ, высоко интересныхъ статьяхъ: «Что съ ними сдѣлалось»? [1]) объясняетъ поразительное превращеніе, совершившееся въ нѣмцахъ, «специфическое безуміе», проявляемое ими со времени начала настоящей войны. Побѣдоносное, въ эпоху Бисмарка, государство стало сурово властвовать надъ личностью, относящеюся къ нему благоговѣйно, почти религіозно. Оно сдѣлалось для нея идоломъ, земнымъ богомъ. Отсюда общее пониженіе уровня духовной жизни, матеріализація всѣхъ жизненныхъ интересовъ, неспособность понимать тѣхъ, кто не раздѣляетъ поклоненія государству—германскому государству; отсюда свирѣпое ожесточеніе, овладѣвшее нѣмцами, когда ихъ сосѣди оказались непослушными германскому императору. Нѣмецкія добродѣтели «дѣйствуютъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, на которые простирается покровительственно доброжелательное отношеніе нѣмецкаго государства. За этими предѣлами все дозволено: враговъ нѣмецкаго государства дозволительно грабить, убивать, обманывать и пытать, а женъ и дочерей ихъ можно подвергать всякому насилію».

Въ этихъ жестокихъ словахъ много, очень много правды, но не вся правда. Если въ Германіи больше, чѣмъ гдѣ-либо, распространено преклоненіе передъ государствомъ, то далеко не у всѣхъ нѣмцевъ оно имѣетъ одинъ и тотъ же смыслъ, одинъ и тотъ же характеръ. Для однихъ властителемъ думъ—и дѣйствій—является государство настоящаго, въ образѣ многостепенной правительственной власти; для другихъ такимъ властителемъ служитъ государство будущаго. Само собою разумѣется, что первое государство—реальное, могуществен-

---

[1]) „Русскія Вѣдомости“, №№ 277 и 279.

ное, на каждомъ шагу напоминающее о себѣ то грозно, то благосклонно—не остается безъ вліянія и на тѣхъ, для кого оно предметомъ поклоненія не служитъ; но все же оно для нихъ не идолъ, и не его велѣніемъ обусловливается ихъ понятіе о гражданскомъ и нравственномъ долгѣ. Въ дали, болѣе или менѣе туманной — смотря по степени вѣры,—они видятъ идеалъ, отъ котораго можно временно отдалиться, но который трудно забыть совершенно. Сказанное кн. Трубецкимъ примѣнимо къ нимъ лишь съ большими оговорками; о государствѣ, какъ они его понимаютъ, нельзя сказать, что оно—«одинъ изъ низшихъ плановъ человѣческаго бытія». Подъ «гипнозомъ» внѣшней силы и военныхъ побѣдъ они до начала войны не находились. Чѣмъ они стали послѣ ея объявленія—это вопросъ очень сложный и темный; правильное его рѣшеніе станетъ возможнымъ еще не скоро. Слишкомъ стѣснены, въ военное время, способы выраженія мнѣній, слишкомъ мало у насъ свѣдѣній о томъ, что говорится въ нѣмецкой печати, въ нѣмецкихъ общественныхъ кружкахъ—и что не говорится ни тамъ, ни тутъ по «независящимъ причинамъ». И теперь, однако, можно сказать утвердительно, что многое, творимое или допускаемое германскими военными властями, возбуждаетъ негодующіе протесты въ оппозиціонныхъ сферахъ. Необходимо также имѣть въ виду особыя условія военнаго времени, до крайности затрудняющія критическое отношеніе къ дѣйствительности. Въ Германіи особенно тяжело ложится на вѣсы оффиціальная ложь, никогда и нигдѣ, кажется, не достигавшая такихъ колоссальныхъ размѣровъ; она съ самаго начала войны отравила общественное настроеніе, ввела въ обманъ многихъ, даже изъ числа тѣхъ, отъ кого можно было ожидать меньшаго легковѣрія, и, смѣшавъ антипатію къ чужимъ и чужому со страхомъ за собственное существованіе, обратила добродушную, въ общемъ, массу людей въ ревущій и мечущійся отъ злобы звѣринецъ.

Небольшое разногласіе съ кн. Трубецкимъ не только не уменьшаетъ, но увеличиваетъ наше сочувствіе къ его заключительнымъ выводамъ, вполнѣ согласнымъ съ тою ролью, которую онъ съ самаго начала занялъ въ литературѣ военнаго времени. Пораженія Германіи, по его словамъ, «нужны не только для спасенія другихъ народовъ—они благодѣтельны для нея самой; только цѣной тяжкихъ пораженій возможно возрожденіе тѣхъ высшихъ духовныхъ силъ, которыя таятся въ нѣмецкомъ народѣ и которыя раньше создали его великую культуру... Германія должна вспомнить о тѣхъ лучшихъ временахъ, когда она была народомъ мыслителей и художниковъ... Только ударъ грома можетъ пробудить ее отъ нынѣшняго духовнаго ея усыпленія. Тогда изъ силы, враждебной человѣчеству, нѣмецкій народъ вновь станетъ однимъ изъ могущественныхъ двигателей міровой, общечеловѣческой

культуры». Такова и наша вѣра, подтверждаемая тѣмъ, что и во времена «усыпленія» — или ослѣпленія—въ Германіи не переставали дѣйствовать силы, прокладывающія пути къ лучшему будущему.

К. Арсеньевъ.

ПРОЕКТЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.

Въ концѣ истекшаго года,—значительно позднѣе, чѣмъ полагается по закону,—министръ финансовъ представилъ въ Государственную Думу проектъ росписи доходовъ и расходовъ на 1915 годъ съ объяснительною своею запискою. Съ внѣшней стороны первая роспись, внесенная въ законодательную палату П. Л. Баркомъ, ничѣмъ не отличается отъ обычныхъ росписей: мы находимъ здѣсь то же дѣленіе доходовъ и расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные и тѣ же подраздѣленія въ объяснительной запискѣ. Между тѣмъ переживаемыя нынѣ чрезвычайныя обстоятельства создали условія исключительныя для выработки смѣтныхъ предположеній, особенно въ отношеніи исчисленій дохода, поступленіе котораго, конечно, въ значительной степени зависитъ отъ условій военнаго времени. Правда, при составленіи росписи 1915 года допущено существенное упрощеніе, а именно—въ ней вовсе не предусмотрѣны издержки на веденіе войны, и это сдѣлано,—согласно сомнительному толкованію министра финансовъ, — потому, что будто-бы кредиты на эту потребность «открываются въ порядкѣ Верховнаго управленія, по положеніямъ совѣта министровъ». Обѣщая законодательнымъ учрежденіямъ представить современемъ, лишь въ отчетахъ государственнаго контроля, свѣдѣнія о дѣйствительныхъ расходахъ, вызванныхъ войною, и объ источникахъ ихъ покрытія, объяснительная записка свидѣтельствуетъ только, что до конца октября общая сумма открытыхъ по всѣмъ вѣдомствамъ чрезвычайныхъ кредитовъ военнаго времени равнялась 1.435 милл. руб., кромѣ расходовъ мобилизаціонныхъ, не совсѣмъ выясненныхъ еще и достигающихъ приблизительно 350 милл. руб. Въ какомъ общемъ «размѣрѣ выразятся чрезвычайные расходы военнаго времени,—по словамъ записки,— судить въ настоящее время крайне затруднительно

по неизвѣстности времени окончанія войны; и министерство финансовъ не считаетъ себя въ правѣ оглашать тѣ предварительные разсчеты предстоящихъ расходовъ, которыми надлежитъ руководствоваться при выполненіи отвѣтственной задачи по изысканію источниковъ для покрытія расходовъ на веденіе военныхъ дѣйствій» (стр. 23).

Такимъ образомъ, пользуясь наиболѣе удобнымъ для себя толкованіемъ спорной ст. 117 Осн. зак., министръ финансовъ, безъ сомнѣнія, значительно облегчилъ свой трудъ по составленію проекта росписи. Но нельзя не признать, что и въ этихъ ограниченныхъ рамкахъ смѣта нынѣшняго года представляла для вѣдомства не легкую задачу, главнымъ образомъ, въ виду прекращенія казенной винной монополіи, что выразилось крупнымъ уменьшеніемъ дохода казны въ суммѣ свыше 651 милл. рублей.

Это огромное сокращеніе самаго главнаго изъ источниковъ казеннаго дохода вмѣстѣ съ чувствительнымъ паденіемъ поступленій отъ другихъ статей, — какъ дохода таможеннаго, отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и др., — вынуждало министерство финансовъ принять болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры къ возмѣщенію значительной убыли, образовавшейся въ бюджетѣ. Министерство вынуждалось къ тому еще и тѣмъ, что кассовыя свѣдѣнія его о доходахъ уже въ августѣ мѣсяцѣ показывали недоборъ въ обыкновенныхъ доходахъ по сравненію съ соотвѣтствующимъ періодомъ за прошлый годъ, недоборъ, явившійся прямымъ слѣдствіемъ условій военнаго времени. «Задача эта, — по свидѣтельству объяснительной записки, — отчасти уже выполнена путемъ увеличенія существующихъ налоговъ и сборовъ и установленія новыхъ, отчасти еще выполняется разработкой дальнѣйшихъ предположеній въ этой области». Это увеличеніе существующихъ и установленіе разныхъ новыхъ налоговъ, — о чемъ мы говорили достаточно подробно («Вѣстн. Евр.» октябрь) — уже осуществлено въ порядкѣ ст. 87 Осн. зак., и вѣроятныя поступленія изъ этихъ новыхъ источниковъ приняты въ разсчетъ при построеніи доходной смѣты наступившаго года. Что касается до смѣты расходной, то министръ указываетъ въ своей запискѣ, что въ настоящихъ условіяхъ «необходимо было ограничить, насколько возможно безъ нарушенія нормальнаго теченія хозяйственной жизни страны, размѣры вносимыхъ въ проектъ росписи на 1915 г. расходовъ. Поэтому въ проектъ росписи не внесены кредиты на многія, вполнѣ назрѣвшія и даже разрѣшенныя въ установленномъ порядкѣ, мѣропріятія, которыя возможно было отложить до окончанія войны, безъ особаго ущерба для дѣла».

Въ результатѣ такого пересмотра общій остовъ государственной росписи на нынѣшній годъ получилъ слѣдующій видъ:

Предполагается обыкновенныхъ	доходовъ	3.080.108.314	руб.
„ „	расходовъ	3.078.814.461	„
„ чрезвычайныхъ	доходовъ	9.500.000	„
„ „	расходовъ	155.493.953	„

Отсюда ясно, что проектъ росписи на 1915 годъ предусматриваетъ превышеніе расходовъ надъ доходами въ суммѣ 144,7 милл. рублей, которую предполагается покрыть «посредствомъ кредитныхъ операцій». Объяснительная записка замѣчаетъ, впрочемъ, что въ настоящее время затруднительно съ точностью опредѣлить размѣръ суммы, которая должна быть получена именно этимъ путемъ кредитныхъ операцій, такъ какъ министерствомъ финансовъ уже разработаны предположенія о введеніи еще новыхъ налоговъ сверхъ тѣхъ, которые только-что проведены въ порядкѣ ст. 87. Значитъ, если вновь проектированные налоги осуществятся, то по крайней мѣрѣ часть вышеуказаннаго дефицита будетъ покрыта изъ этого источника, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, въ той или иной мѣрѣ сократится и потребность прибѣгать къ помощи кредитныхъ операцій. Стремленіе министерства избѣжать необходимости покрытія предвидимаго дефицита посредствомъ такихъ операцій вполнѣ понятна, такъ какъ разсчитывать на безусловную дѣйствительность этого способа отнюдь нельзя и особенно рискованно полагаться на кредитъ теперь, когда помощь его необходима намъ для полученія огромныхъ средствъ на веденіе исключительно тяжелой и затяжной войны. Въ чемъ состоятъ эти новые виды обложенія, которые уже разработаны министерствомъ, въ точности неизвѣстно; ходятъ лишь слухи о рѣшеніи поднять таможенное обложеніе, установить налогъ съ закладныхъ, съ виноградныхъ винъ и электрическихъ лампочекъ, повысить судебные и вексельные сборы и т. д. Все это представляетъ изъ себя, главнымъ образомъ, лишь надбавки къ существующимъ податямъ, и потому такого рода нововведенія способны только усилить недостатки дѣйствующей податной системы, всей своей тяжестью лежащей на менѣе обезпеченныхъ разрядахъ населенія.

Сравнивая роспись предшествующаго 1914 г. съ проектомъ ея на 1915 г., объяснительная записка сопоставляетъ доходы казны по главнымъ категоріямъ ихъ въ особой таблицѣ, изъ которой мы беремъ два первыхъ отдѣла.

I. Государственные налоги.	По росписи на 1914 г. милл. руб.	Процентъ къ итогу доходовъ.	По проекту росписи на 1915 г. милл. руб.	Процентъ къ итогу доходовъ.
Прямые	276,0	7,7%	342,5	11,1%
Косвенные	731,5	20,5%	694,2	22,6%
Пошлины	237,9	6,7%	508,9	16,5%
	1.245,4	34,9%	1.545,6	50,2%
II. Доходы съ казенныхъ имуществъ и предпріятій.				
Казенныя жел. дор. . .	858,6	24,0%	848,6	27,6%
Прочіе казенные имущества и капиталы .	267,9	7,5%	225,2	7,3%
Казенная винная операція	936,1	26,2%	144,2	4,7%
Прочія правительствен. регаліи	134,1	3,8%	179,9	5,8%
	2.196,7	61,5%	1.397,9	45,4%

Объяснительная записка, прежде всего, подчеркиваетъ, что, согласно этой таблицы, государственные налоги,—прямые, косвенные и пошлины,—составляютъ по росписи прошлаго года—1.245,4 милл. р. или 34,9% бюджета, а по проекту росписи на наступившій годъ—1.545,6 милл. р., или 50,2%. Однако, такой выводъ,—согласно той же записки,—не вполнѣ соотвѣтствуетъ истинѣ: если «къ налогамъ присоединить и поступленія отъ казенной винной операціи, *доходъ отъ которой въ значительной своей части носитъ налоговой характеръ*, то обложеніе населенія выразится въ цифрахъ для 1914 г.—2.181,5 милл. р. (61,1% бюджета), а для 1915 г.—1.689,8 милл. р. (54,9% бюджета) и *составитъ на душу населенія въ 1914 г.—12 р. 54 к., а въ 1915 г.—9 р. 55 к.*».

Послѣ этой вполнѣ правильной поправки получается, такимъ образомъ, совершенно иной результатъ,—результатъ весьма утѣшительный, свидѣтельствующій о значительномъ облегченіи податного бремени въ наступившемъ году. Картина принимаетъ еще болѣе свѣтлый характеръ, если сдѣлать и дальнѣйшую поправку: «въ приведенномъ сопоставленіи, — читаемъ мы въ запискѣ, — доходы отъ казенной винной операціи приняты въ валовыхъ итогахъ. Если

же принять лишь чистую выручку отъ этой операціи, то итогъ всѣхъ налоговыхъ поступленій составитъ въ 1914 г.—1.935 милл. р., а въ 1915 г.—1.584 милл. р. При этомъ прямые налоги входятъ въ указанные итоги за 1914 г. въ размѣрѣ 276 милл. р. или 14,3%, а за 1915 г.—342,5 милл. р. или 21,6%. Эти данныя показываютъ, что *значеніе прямыхъ налоговъ въ бюджетѣ на 1915 г. увеличилось съ 14,3% всѣхъ вообще налоговыхъ поступленій до 21,6%, т.-е. на 51%*.

Это обстоятельство, весьма подчеркиваемое въ объяснительной запискѣ, несомнѣнно, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ очень интересной чертѣ въ построеніи проекта послѣдняго бюджета, значительно измѣняющей установившееся у насъ сравнительное значеніе въ доходной смѣтѣ прямого и косвеннаго обложенія: если по росписи на 1914 г. прямые налоги къ общему итогу дохода составляли 7,7%, а косвенные 20,5%, то въ проектѣ росписи на 1915 годъ налоги прямые составляютъ къ итогу дохода—11,1, а косвенные только 22,6%.

Для провѣрки высказаннаго въ цитированныхъ мѣстахъ записки надо обратиться, прежде всего, къ проекту самой росписи, гдѣ на стр. 2—3 мы находимъ необходимый для рѣшенія этого матеріалъ. Изъ разсмотрѣнія его оказывается, что составитель объяснительной записки, совершенно правильно вспомнившій, что доходъ отъ казенной винной операціи, хотя и помѣщается по росписи въ отдѣлѣ регалій,—«въ значительной своей части носитъ налоговой характеръ»,—упустилъ самъ изъ вида, что и нѣкоторые другіе доходы носятъ такой же харартеръ. Такъ, почтовый и телеграфный доходы числятся въ отдѣлѣ правительственныхъ регалій, хотя, несомнѣнно, съ точки зрѣнія плательщика они тоже носятъ «налоговой характеръ».

Затѣмъ, объяснительная записка дѣлаетъ еще одну ошибку. А именно, при исчисленіи достигнутаго пониженія налоговъ въ 1915 г. она изъ итога увеличеній по разнымъ параграфамъ доходной смѣты вычитываетъ уменьшенія по другимъ параграфамъ, хотя увеличенія происходятъ отъ *повышенія обложенія*, а уменьшенія—отъ *недополученія существующихъ налоговъ*. Такъ, въ отдѣлѣ косвенныхъ налоговъ различные сборы—съ питей, съ табака, съ сахара и т. д. увеличиваются въ 1915 году на 100 милл. р.; уменьшается же,—не вслѣдствіе *пониженія ставокъ*, а вслѣдствіе ожидаемаго *недобора*,—только таможенный доходъ и именно на 137 милл. р. Но очевидно, для опредѣленія увеличенія или уменьшенія податного бремени населенія нельзя вычитать первую цифру изъ второй, какъ дѣлаетъ объяснительная записка,—и нельзя говорить, что косвенные

налоги понижаются на 37 милл. р., когда для всякаго ясно, что они значительно увеличены; если же таможенный доходъ понизился, то,—повторяемъ,—онъ понизился не отъ уменьшенія обложенія, а вслѣдствіе сокращенія, по случаю войны, привоза иностранныхъ товаровъ. И если остановиться на общей суммѣ увеличенія налоговъ, показанныхъ въ I отдѣлѣ приведенной выше таблицы, то окажется, что она составитъ не 300 милл. р. (1.545,6—1.245,4), а, какъ сказано на стр. 25 той же объяснительной записки,—536,7 милл. р., т. е. на 236,7 милл. р. больше. Причисляя сюда еще хотя бы только часть указаннаго 145 милліоннаго дефицита по росписи, которую также предполагается пополнить новыми, вскорѣ имѣющими быть введенными налогами, мы получимъ, что общая сумма обложенія въ наступившемъ году составитъ не 1.545,6 милл., какъ показано въ объяснительной запискѣ, а 1.782,3 милл. плюсъ все то, что будетъ покрыто новыми налогами изъ 145 милл. предвидимаго росписью дефицита. Надо полагать, что дефицитъ въ дѣйствительности окажется больше; но если даже предположить, что проектируемыми новыми налогами будетъ покрыта только половина именно этого приведеннаго здѣсь дефицита, то и тогда общая сумма обложенія въ 1915 г. окажется совсѣмъ не 1.584 милл., какъ неправильно показано въ объяснительной запискѣ (стр. 36), а—1.892 милл.,—что совсѣмъ близко отъ суммы 1914 года, т. е. отъ 1.935 милл. р... Съ внесеніемъ этой поправки, конечно, измѣняется и вся картина благополучія, такъ ярко изображенная въ объяснительной запискѣ: никакого замѣтнаго облегченія плательщику роспись 1915 г. не даетъ даже при предположеніи, что вновь проектируемые налоги покроютъ только половину дефицита.

Послѣ этихъ, такъ сказать, формальныхъ замѣчаній по росписи остановимся еще и на тѣхъ способахъ, какими возмѣщена огромная убыль въ доходной смѣтѣ. Намъ приходилось говорить—(«Вѣстн. Евр.», октябрь)—по поводу уже проведенныхъ по ст. 87 новыхъ временныхъ налоговъ, при помощи которыхъ министерство финансовъ пытается сбалансировать смѣту и хоть въ нѣкоторой мѣрѣ возмѣстить убыль, происшедшую въ доходной части росписи отъ прекращенія казенной продажи питей. Уменьшеніе чистаго дохода отъ казенной винной операціи исчисляется приблизительно въ 651 милл., а доходовъ отъ введенія новыхъ и повышенія существующихъ налоговъ—(нынѣ уже утвержденныхъ) ожидается по смѣтѣ на сумму 502,6 милл. Въ какой мѣрѣ эти ожиданія осуществятся въ дѣйствительности, покажетъ только будущее; но что для такихъ надеждъ не было особенно твердыхъ основаній, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Въ доказательство

приведемъ хотя бы нижеслѣдующее мѣсто изъ объяснительной записки, касающееся таможеннаго дохода. Исходя изъ того, что съ начала войны товарообмѣнъ совершенно прекратился въ районѣ военныхъ дѣйствій, составитель записки заключаетъ, что «при такомъ положеніи дѣла и за неизвѣстностью срока окончанія войны, представляется болѣе осторожнымъ при опредѣленіи ожидаемаго дохода по европейской границѣ исходить изъ суммы средняго годового поступленія его за послѣднее пятилѣтіе и ограничиться въ проектѣ росписи на 1915 г. 60% ея». Спрашивается: почему же взятъ именно такой процентъ? Если товарообмѣнъ «совершенно прекратился» въ районѣ военныхъ дѣйствій и если «разстройство торговыхъ сношеній должно будетъ отразиться на оборотахъ внѣшней торговли» даже «и въ первое время по заключеніи мира», то позволительно очень усомниться въ правильности включенія въ роспись этихъ 60% средняго годового поступленія таможеннаго сбора за послѣднее пятилѣтіе. Одного этого примѣра, полагаемъ, достаточно для доказательства того, что предполагаемая цифра дохода отъ новыхъ налоговъ, 502,6 милл.—величина явно гадательная и скорѣе преувеличенная.

Добавочное обложеніе это въ разныхъ его видахъ отличается тѣмъ, что усиливаетъ недостатки дѣйствующей системы, невыгодной для фиска и крайне неравномѣрно распредѣляющей между косплательщиками податное бремя. И если огромное сокращеніе косвеннаго обложенія, являвшееся въ результатѣ отмѣны операцій казенной винной монополіи,—представлялось фактомъ въ высокой степени благодѣтельнымъ въ народно-хозяйственномъ отношеніи, то возстановленіе теперь сократившагося дохода казны въ значительной мѣрѣ посредствомъ увеличенія разныхъ видовъ того же косвеннаго обложенія—не находитъ никакого оправданія и ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть признано удачнымъ. Не говоря о всѣхъ этихъ поборахъ съ дрожжей, спичекъ, папиросной бумаги и гильзъ, сахара, нефти,—укажемъ только на весьма крупный желѣзнодорожный сборъ,—исчисленный по смѣтѣ въ 228 милл. и числящійся въ отдѣлѣ пошлинъ,—который одинъ долженъ чрезвычайно удорожить предметы массоваго потребленія, въ томъ числѣ—удовлетворяющіе первѣйшимъ жизненнымъ потребностямъ. Мы имѣли случай указывать на это и предупреждали, что повышеніе проѣздной и провозной платы по желѣзнымъ дорогамъ ляжетъ значительной своей тяжестью на массу населенія, безъ того чрезмѣрно обремененную. Мы говорили также, что большая часть перевозимаго по желѣзнымъ дорогамъ груза представляетъ изъ себя сырой матеріалъ или полуфабрикаты, которые еще должны подвергнуться дальнѣйшей обработкѣ; а потому къ обложенію такихъ продуктовъ

слѣдуетъ относиться возможно осмотрительно, такъ какъ взиманіе производится здѣсь съ собственника не за проданный имъ товаръ, даже не за товаръ, уже изготовленный, а за продуктъ, который находится еще въ стадіи производства. И вполнѣ справедливы «Русскія Вѣдомости» (№ 272), указывающія, что хотя этотъ новый видъ обложенія представляетъ собою *косвенный налогъ*, падающій на всѣ грузы, перевозимые по желѣзнымъ дорогамъ, но, понятно, на кого должна лечь тяжесть несенія этого налога, если «преобладающее мѣсто занимаютъ такіе массовые и малоцѣнные по сравненію съ вѣсомъ грузы, какъ хлѣба, топливо, строительные матеріалы и сырье, на которое приходится болѣе 80% всего грузооборота». Газета указываетъ на весьма высокій размѣръ сбора, взимаемый съ хлѣбныхъ грузовъ, который въ сущности возстановляетъ отвергнутые проекты хлѣбнаго налога, вслѣдствіе чего «цѣна муки должна подняться въ самомъ благопріятномъ случаѣ на 10 коп., что при цѣнѣ ржаной муки въ 125—150 коп. составляетъ около 8% стоимости». Точно также возстановляется тѣмъ же путемъ введенія сбора «столь памятный населенію налогъ на соль въ размѣрѣ 4 коп. съ пуда при цѣнѣ ея на главныхъ рынкахъ въ 10—15 коп. и даже меньше». Но, кромѣ удорожанія самыхъ необходимыхъ предметовъ потребленія, желѣзнодорожный сборъ удорожаетъ и промышленное производство. «Топливо,—говоритъ та же газета,—этотъ хлѣбъ промышленности,—удорожается на 10—15%; нефть и нефтяные остатки, стоящіе теперь въ Баку около 25 коп. за пудъ, облагаются сборомъ въ 4 коп. съ пуда, а каменный уголь при цѣнѣ въ Юзовскомъ районѣ въ 13—15 коп. обложенъ налогомъ въ 2 коп. съ пуда. Въ такой же мѣрѣ удорожаются строительные матеріалы... Къ тому же надо принять во вниманіе, что дѣйствительная величина налога во многихъ случаяхъ будетъ вдвое и втрое превышать размѣръ тарифа, такъ какъ очень много грузовъ перевозится изъ мѣстъ производства не прямо въ мѣста потребленія, а предварительно поступаетъ въ склады при торговыхъ центрахъ, а уже отсюда снова направляется по желѣзнымъ дорогамъ въ мелкіе провинціальные центры... Тяжесть обложенія возрастаетъ еще отъ того, что очень мало товаровъ проходитъ всѣ стадіи своего производства на одномъ мѣстѣ, большинство же колеситъ по дорогамъ нѣсколько разъ сначала въ видѣ сырья, потомъ въ видѣ полупродукта и готоваго издѣлія... Наконецъ, новый налогъ отличается крайней неравномѣрностью и измѣняетъ установившіяся условія конкурренціи между отдѣльными предпріятіями. Въ привилегированномъ положеніи оказываются тѣ крупныя комбинированныя предпріятія, заводы которыхъ находятся въ мѣстахъ добычи топлива и у которыхъ всѣ отдѣлы сосредоточены въ одномъ мѣстѣ».

Къ числу обременительныхъ и для развитія общественной жизни стѣснительныхъ поборовъ слѣдуетъ отнести также очень чувствительное увеличеніе платы за почтовую корреспонденцію и за пользованіе телеграфомъ, отъ котораго ожидается возрастаніе дохода казны на крупную сумму въ 36 милл. руб. Если не задаваться прямою цѣлью созданія мощныхъ преградъ для сношеній между гражданами и прямыхъ тормозовъ къ хозяйственному развитію страны, то вновь введенные въ порядкѣ Верховнаго управленія сборы эти должны быть возможно скоро отмѣнены.

Изъ отдѣла прямыхъ налоговъ остановимся на государственномъ промысловомъ налогѣ, всѣ виды котораго подняты на 50% и доходъ отъ котораго по смѣтѣ увеличивается на 53,6 милл. руб. Мы говорили уже въ вышеуказанной статьѣ нашей о томъ, въ какой большой степени должна усилиться тягость и неравномѣрность податного бремени отъ огульнаго увеличенія ставокъ промысловаго обложенія. Министерство финансовъ и само хорошо сознаетъ это, такъ какъ еще при увеличеніи даннаго обложенія въ 1906 году признало возможнымъ повысить лишь ставки процентнаго сбора и затѣмъ само внесло въ Госуд. Думу проектъ пересмотра этого налога. Поражая сильнѣе мелкіе разряды торговли и промышленности, промысловый налогъ, увеличенный теперь на 50%, въ большей степени поразитъ какъ разъ эти мелкіе разряды и тѣмъ значительно усилитъ неравномѣрность обложенія, безъ того достаточно несправедливаго.

Въ заключеніе, слѣдуетъ еще разъ отмѣтить увеличеніе налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ, хотя мы и говорили объ этомъ въ упомянутой статьѣ нашей достаточно подробно и указывали, что поднятіе ставки налога съ 6% на 8% не можетъ не оказаться тяжелымъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ возраженія, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ на съѣздѣ городскихъ представителей въ Кіевѣ даже противъ установленнаго въ 1910 году размѣра обложенія въ 6%, и тѣ длинные разговоры, которые возбудилъ тотъ же вопросъ въ Государственной Думѣ въ 1913 году при обсужденіи предложенія министерства финансовъ о продленіи срока дѣйствія закона 6 іюня 1910 года. Но всего интереснѣе, что, рѣшаясь, въ виду, конечно, исключительныхъ условій времени, такъ значительно поднять размѣръ налога съ городской недвижимости, правительство совсѣмъ не увеличило вполнѣ однороднаго обложенія недвижимости сельской въ губерніяхъ Европейской Россіи, продолжающей уплачивать сравнительно ничтожный государственный поземельный налогъ. Несмотря на указаніе печати на странность такого неодинаковаго отношенія, дѣло осталось въ томъ же положеніи,

и это одно уже служитъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, что даже въ совершенно исключительныхъ условіяхъ, нами нынѣ переживаемыхъ, правительство не рѣшается на сколько-нибудь существенныя измѣненія въ дѣйствующей податной системѣ. Оно пытается получить средства для удовлетворенія колоссальныхъ требованій, предъявляемыхъ къ государственному казначейству, съ помощью обычныхъ, устарѣлыхъ способовъ и изъ тѣхъ же наименѣе платежеспособныхъ разрядовъ населенія, которые несли на своихъ плечахъ податную тяготу и до сихъ поръ. Продолжая щадить группы плательщиковъ болѣе сильныя и отказываясь подвергать ихъ надлежащему обложенію, правительство неизбѣжно сокращаетъ средства казны и обрекаетъ нашъ бюджетъ на хроническіе дефициты. Если въ росписи нынѣшняго года оказалось крупное превышеніе расхода надъ доходомъ, когда произведены значительныя сокращенія въ расходной смѣтѣ и когда введенъ цѣлый рядъ *временныхъ* налоговъ, налоговъ весьма тяжелыхъ, то что же предполагается дѣлать въ будущемъ? Что дѣлать въ томъ ближайшемъ будущемъ, когда придется отмѣнять эти новые налоги, введенные по ст. 87 опредѣленно на одинъ 1915 годъ и въ виду совершенно исключительныхъ условій?

А. Посниковъ.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Двѣ половины минувшаго года.- Предположенія о реформѣ городского самоуправленія.—Разрядная система.—Проектируемое „разгруженіе" городскихъ думъ.—Общественное служеніе и стороннее управленіе.—Противозаконный арестъ губернаторомъ редактора газеты.—В. А. Племянниковъ, А. М. Рыкачевъ и П. А. Брюлловъ †.

Въ будущихъ учебникахъ отечественной и міровой исторіи, не исключая самыхъ краткихъ и самыхъ элементарныхъ, дата минувшаго года, конечно, будетъ отмѣчаться, какъ дата года, исключительно и навѣки памятнаго. Историкъ найдетъ мѣсто событію нынѣшней всеевропейской войны въ сравненіи съ другими событіями историческаго прошлаго. Но намъ, современникамъ и свидѣтелямъ развернувшейся во всю ширь картины борьбы съ германскимъ милитаризмомъ, думается, что никогда еще государства Европы не переживали момента,

равнаго по важности и по неисчислимому множеству грядущихъ послѣдствій. Въ минувшемъ году война началась, и чѣмъ бы и когда она ни кончилась,—годъ ознаменованъ. Ознаменована, сказать точнѣе, началомъ войны только вторая половина года. Имѣла ли значеніе для психологіи войны, и какое—первая, сказать сейчасъ невозможно. Исторія и это раскроетъ. Мы же, современники, можемъ трактовать первую половину минувшаго года, лишь какъ самостоятельный моментъ въ ходѣ и развитіи русской жизни, не связывая, а даже противополагая ее второй.

Для русской общественности минувшій годъ начался земскимъ юбилеемъ. Чествовались не столько пятидесятилѣтніе итоги дѣятельности земскихъ учрежденій, сколько актъ ихъ созданія. Настоящее сопоставлялось съ прошлымъ и дѣлались выводы, отнюдь не приподнимавшіе настоящаго надъ прошлымъ. Надежды на будущее не шли далѣе желаній возврата назадъ, къ законодательному акту, изданному 1 января 1864 года. Оффиціальная сторона чествованія носила формальный характеръ. Общественный банкетъ, устроенный въ Петроградѣ, прошелъ въ неопредѣленныхъ тонахъ скорѣе подавленнаго, нежели поднятаго настроенія. Было чествованіе, не было торжества.

Въ январѣ же былъ выдвинутъ во всемъ его государственно-бытовомъ и, главное, бюджетномъ значеніи вопросъ объ отрезвленіи народа. Изъ области надеждъ, мечтаній и требованій моралистовъ, вопросъ перешелъ въ реальную плоскость сужденій о финансовой возможности покончить съ «пьянымъ бюджетомъ» и о дѣйствительныхъ мѣрахъ борьбы съ порокомъ пьянства. Предположенія и заявленія новаго главы финансоваго вѣдомства были встрѣчены сочувственно; но общественное сознаніе отнеслось къ нимъ недовѣрчиво. Оно желало вѣрить, что казна не станетъ болѣе выкачивать изъ народнаго хозяйства, въ обмѣнъ на водку, пресловутую и якобы неистощимую «послѣднюю копѣйку»—и не могло. Вопросъ о пьянствѣ оно ставило въ связь со всей совокупностью другихъ вопросовъ права и быта и въ нихъ не находило ключа для его радикальнаго разрѣшенія. Даже въ стѣнахъ Маріинскаго дворца, одинъ изъ членовъ Государственнаго Совѣта по назначенію,—одинъ, по его собственному опредѣленію, «изъ умудренныхъ долголѣтнимъ жизненнымъ и служебнымъ опытомъ старыхъ слугъ государства»,—даже тамъ и онъ, при обсужденіи вопроса о винной монополіи и пьянствѣ, говорилъ не по предмету и призывалъ Совѣтъ «быть твердымъ оплотомъ противъ натиска безпросвѣтной реакціи и воинствующаго націонализма, работающихъ въ непостижимомъ ослѣпленіи на пользу однихъ лишь внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ Россіи».

Всю первую половину минувшаго года оппозиціонное настроеніе общественности наростало. Его наростаніе состояло не столько въ повышеніи напряженности, сколько въ томъ, что оно ширилось вправо, захватывая все дальше умѣренные круги. Въ этомъ отношеніи яркимъ отраженіемъ переживаній страны служила Государственная Дума. Съ апрѣля въ Думѣ создался острый конфликтъ большинства съ правительствомъ, а въ маѣ происходила бюджетная борьба. Конфликтъ, къ моменту роспуска Думы на лѣтнія вакаціи, такъ, въ сущности, и остался не разрѣшеннымъ.

Печать, со времени созданія новыхъ законодательныхъ учрежденій, почти не касалась, въ ихъ общей постановкѣ, вопросовъ самоуправленія, ограничиваясь одной сухой хроникой явленій мѣстной земской и городской жизни. Въ минувшемъ году эти вопросы, можно сказать, не сходили съ столбцовъ газетъ.

Въ концѣ первой половины года высоко поднялась-было волна забастовочнаго рабочаго движенія. Долго тянувшаяся забастовка въ Баку внезапно перекинулась въ Петроградъ. Почти двѣ недѣли бастовали въ Петроградѣ чуть не всѣ заводы. Забастовочное движеніе было вынесено на улицу. Дѣлались массовыя попытки уличныхъ демонстрацій.

Вспыхнула война, и всѣ явленія наростанія оппозиціонности и недовольства, которыя наблюдались въ первую половину года, вдругъ исчезли. Война, какъ магическій ножъ, отрѣзала первую половину года отъ второй. Цѣпь фактовъ оборвалась. Забастовочное движеніе прекратилось. Тѣ самые люди, которые за нѣсколько дней передъ тѣмъ пытались демонстрировать съ краснымъ флагомъ, взяли въ руки трехцвѣтный національный флагъ и двигались съ пѣніемъ гимна. Мобилизація вездѣ и всюду прошла блестяще. Страна объединилась и встала на боевую защиту, какъ одинъ человѣкъ. Рознь взглядовъ и убѣжденій и внутреннія распри забылись. Внутреннее положеніе страны опрокинуло коварные и методичные разсчеты нѣмецкаго самомнѣнія. Страна поднялась во всей мощи внѣшней силы.

Государственная Дума, въ лицѣ всѣхъ фракцій, горячо привѣтствовала министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова и бурно апплодировала, когда онъ говорилъ съ думской каѳедры. Вслѣдъ за Думой, апплодировала его словамъ вся русская общественность. Земскія учрежденія и города предложили свои услуги правительственной власти на служеніе святому дѣлу помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Ихъ услуги были съ готовностью приняты. Еще никогда русская общественность не была охвачена въ такой мѣрѣ заботами о войскѣ—о теплыхъ вещахъ, о бѣльѣ, о чаѣ, сахарѣ, табакѣ. Не

спрашиваютъ: кто обязанъ снабжать солдата всѣмъ необходимымъ? Собираютъ деньги, вещи, шьютъ, вяжутъ и отправляютъ транспортъ за транспортомъ. Отвезти транспортъ вещей и раздать бѣлье и кисеты на позиціяхъ, въ окопахъ, считается честью и счастьемъ...

Война дала народу отрезвленіе. То, что въ условіяхъ мира было неосуществимо, осуществилось. Казенныя винныя лавки закрыты. «Пьянаго бюджета» нѣтъ. Дѣло народной трезвости передано общественнымъ организаціямъ, вплоть до сельскихъ, селенныхъ, хуторскихъ и аульныхъ сходовъ. Городскія думы и всякаго рода представительныя учрежденія поселеній уже болѣе не должны просить, какъ милости, чтобы внутри поселеній не было торговли спиртными напитками. Воспретить торговлю—стало ихъ правомъ. Ихъ рѣшенія подлежатъ обязательному для власти приведенію въ исполненіе.

На шестомъ мѣсяцѣ жестокой изъ жестокихъ войны, страна вступаетъ въ новый годъ безъ малѣйшихъ признаковъ утомленія. Кругомъ много горя, но нѣтъ и слѣдовъ потери энергіи. Настроеніе спокойное и бодрое.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, въ печати неоднократно подчеркивалось—и повидимому, на основаніи данныхъ оффиціознаго характера, что, несмотря на войну, министерство внутреннихъ дѣлъ возобновило работы по реформѣ городского самоуправленія. Это «возобновленіе» работъ весьма знаменательно съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Оно знаменательно, во-первыхъ, по сопоставленію съ тѣмъ, что, въ виду переживаемыхъ исключительныхъ обстоятельствъ, законодательная дѣятельность во всѣхъ рѣшительно областяхъ народной жизни, поскольку законодательныя мѣры не связаны съ войной, пріостановилась. Оно не менѣе знаменательно, во-вторыхъ, по сопоставленію съ тѣмъ, въ какой послѣдовательности и въ какомъ порядкѣ велись работы по созданію органовъ земскаго и городского самоуправленія въ шестидесятыхъ годахъ, по ихъ преобразованію въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девятидесятыхъ годовъ и по осуществленію предположеній, выдвинутыхъ переходомъ къ новому государственному строю.

Во всѣ эти три момента пятидесятилѣтняго прошлаго органовъ мѣстнаго самоуправленія основнымъ предметомъ общественнаго вниманія и основнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ было земство, а не городское самоуправленіе. Всѣ принципіальные вопросы ставились и разрѣшались въ примѣненіи къ земству. Города получали въ готовомъ видѣ то, что становилось закономъ для земства.

Такъ было въ 1870 году, когда явилось городовое положеніе, построенное на началахъ земскаго положенія 1864 года. Такъ повторилось въ 1892 году, когда, вслѣдъ за новымъ земскимъ положеніемъ 1890 года, тѣ же самыя ограниченія были распространены на города. Въ 1870 году городскія думы получили самостоятельность только потому, что за шесть лѣтъ передъ тѣмъ были признаны самостоятельными, «въ кругѣ ввѣренныхъ имъ дѣлъ», земскія собранія. Въ 1892 году городскія думы лишились большой доли самостоятельности опять таки только потому, что за два года раньше той же доли самостоятельности лишились земскія учрежденія. Въ обоихъ случаяхъ объясненія къ законопроектамъ городской реформы исходили изъ принятыхъ уже для земскихъ учрежденій началъ и заключали въ себѣ лишь оцѣнку, насколько нормы земскаго закона, въ приложеніи къ городскому самоуправленію, подлежатъ видоизмѣненію. И такая система законодательной работы была совершенно естественна. По строю нашего мѣстнаго самоуправленія, основную форму представляетъ самоуправленіе земское. Города входятъ въ земскую организацію и въ уѣздную, и въ губернскую, и даже выдѣленные въ особыя единицы города—въ губернскую.

Одинаково былъ поставленъ вопросъ о земской реформѣ,—и въ связи съ нею о городской,—въ указѣ 12 декабря 1904 г. и въ работахъ по проведенію его предначертаній комитета министровъ. Одинаково же онъ ставился во всѣхъ вносившихся до сихъ поръ въ Государственную Думу законодательныхъ предположеніяхъ, какъ правительства, такъ и возникавшихъ въ порядкѣ думской инициативы. Лишь впервые въ настоящее время министерство внутреннихъ дѣлъ, отказавшись отъ мысли о реформированіи земскаго самоуправленія, «возобновило» работы по вопросу о городской реформѣ. А между тѣмъ, поднятый вопросъ касается, на первый взглядъ, такихъ основъ мѣстнаго самоуправленія, какъ избирательное право и какъ ограниченіе компетенціи городскихъ думъ за счетъ расширенія компетенціи исполнительныхъ органовъ. Но если вникнуть въ появлявшіяся въ печати предположенія министерства, то сдѣлается ясно, почему выдвинута на очередь реформа одного городского самоуправленія и въ чемъ заключается ея суть. Она заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ дальнѣйшемъ сближеніи городового положенія съ дѣйствующимъ земскимъ,—въ отношеніи тѣхъ тенденцій, которыми проникнуто земское положеніе 1890 года.

«Передаютъ,—писали «Русскія Вѣдомости»,—что въ руководящихъ кругахъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ настоящее время наблюдается теченіе въ пользу возвращенія къ разрядной системѣ городового положенія 1870 года, съ отступленіями, вызываемыми

современными требованіями. Эта избирательная система, по мнѣнію ея сторонниковъ, крайне гибка и даетъ возможность почти неограниченно расширить кругъ избирателей. По вопросу о соотношеніи компетенціи городской думы и управы въ министерствѣ преобладаетъ мнѣніе о необходимости включенія въ проектъ городской реформы правилъ, клонящихся къ разгруженію городской думы отъ ряда мелкихъ дѣлъ, которыя, по дѣйствующимъ правиламъ, должны подлежать ея разрѣшенію. Съ этой цѣлью имѣется въ виду созывать думскую сессію лишь для разрѣшенія крупныхъ дѣлъ городского хозяйства, какъ, напримѣръ, вопросовъ объ обложеніи, смѣтѣ, займахъ, отчужденіи, концессіяхъ и т. д. Что же касается вопросовъ, превышающихъ компетенцію управы, то ихъ предполагается представлять на разрѣшеніе особыхъ органовъ, по типу петроградскаго общаго присутствія управы».

Избирательная система по земскому положенію 1890 г. обыкновенно называется сословной. Она дѣйствительно построена на сословномъ различеніи избирателей, но въ практическомъ отношеніи основное ея значеніе представляется отнюдь не въ томъ, что землевладѣльцы изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ производятъ выборы гласныхъ въ отдѣльныхъ куріяхъ, а въ томъ, что, какъ бы мало ни явилось на выборы дворянъ и какъ бы много ни явилось лицъ другихъ сословій, гласные-дворяне, во всякомъ случаѣ, будутъ имѣть въ земскомъ собраніи подавляющее преобладаніе. Смыслъ системы, слѣдовательно, коренится въ расписаніи числа гласныхъ, избираемыхъ въ каждой куріи, — т.-е. въ простой ариѳметикѣ, такъ скомбинированной, что для однихъ избирательное право приближается къ фикціи, а для другихъ къ возможности стать гласнымъ даже безъ избранія. Если, какъ извѣстно, на избирательное собраніе по дворянской куріи избиратели прибудутъ въ числѣ менѣе половины положеннаго отъ нихъ числа гласныхъ, то выборы не производятся, и всѣ прибывшіе безъ баллотировки зачисляются въ гласные. Съ другой стороны, каждый крестьянинъ-домохозяинъ имѣетъ земское избирательное право, но до 1906 г. крестьяне даже вовсе гласныхъ не выбирали, а только ходили на выборы, ибо назначалъ крестьянскихъ гласныхъ губернаторъ.

Подобнаго же рода «гибкая» система существовала и въ отношеніи городскихъ выборовъ по положенію 1870 г. Сообразно суммѣ платежнаго городского сбора, избиратели дѣлились на три разряда, и каждый разрядъ избиралъ одинаковое число гласныхъ. Въ результатѣ, даже въ первые годы по введеніи положенія въ дѣйствіе, въ Петроградѣ, напримѣръ, одинъ голосъ избирателя перваго разряда равнялся тремъ голосамъ избиралея второго и шестидесяти—третьяго. Но

при реформѣ 1892 г. вытекающее отсюда «удобство» системы не было учтено. Напротивъ, законъ намѣренно отказался отъ дѣленія избирателей на разряды. Въ глазахъ реакціи, городскіе домовладѣльцы всѣ, вмѣстѣ взятые, и бѣдные и богатые, рисовались въ то время политически однородными и одинаково неопасными. Съ другой стороны, разряды не выдѣляли и не могли выдѣлить домовладѣльцевъ-дворянъ, т. е. представителей того сословія, которое тогда признавалось единственно-благонадежнымъ.

Разрядная система была возстановлена въ 1903 году, но въ спеціальномъ законѣ для одного Петербурга; въ отличіе отъ всѣхъ другихъ городовъ, избирательное право было предоставлено здѣсь высшимъ разрядамъ квартиронанимателей, — элементу населенія, хотя и сравнительно состоятельному, но въ политическомъ смыслѣ не безразличному. По суммѣ платимаго сбора, положеніе 1903-го года установило два разряда избирателей, съ тѣмъ, что первый избираетъ одну треть гласныхъ, а второй—двѣ трети. Въ 1903 году 261 избиратель перваго разряда избрали 54 гласныхъ, а 10.080 второго—104. За девять послѣдующихъ лѣтъ число избирателей перваго разряда увеличилось на 100 человѣкъ, второго же—на 5.513. И такая система вплоть до 1913 г. обезпечивала въ Петербургской городской думѣ полное торжество такъ называемыхъ стародумцевъ. Понадобились самые невѣроятные факты, завѣренные сенаторской ревизіей, чтобы прогрессивно настроеннымъ интеллигентнымъ избирателямъ удалось разрушить перворазрядный оплотъ стародумческихъ пріемовъ веденія городского хозяйства.

Къ настоящему моменту картина, представляемая городскимъ самоуправленіемъ, рѣзко измѣнилась. Въ Петроградѣ, въ Москвѣ и въ цѣломъ рядѣ большихъ городовъ дѣятельность городскихъ думъ, въ отношеніи привлеченія общественнаго вниманія, стала успѣшно конкуррировать съ дѣятельностью земскихъ учрежденій. Въ Петроградѣ на смѣту Леляновымъ и Глазуновымъ постъ городского головы занялъ гр. И. И. Толстой. Москва, изъ-за избранія городскимъ головой кн. Г. Е. Львова, въ теченіе цѣлаго года находилась въ конфликтѣ съ правительствомъ, и конфликтъ, въ концѣ концовъ, разрѣшился тѣмъ, что городскимъ головой былъ избранъ и утвержденъ не менѣе политически-опредѣленный человѣкъ—М. В. Челноковъ. Не столько земства уже, какъ было прежде, досаждаютъ мѣстной и центральной администраціи, сколько города. Домовладѣльческія думы давно выросли изъ состоянія политическаго безразличія. И возвратъ къ разрядной избирательной системѣ имѣетъ цѣлью создать, хотя и по другому признаку, но ту самую политически-классовую группировку избирателей, которая дала послѣ 1906 г. такіе успѣшные результаты въ земскомъ представительствѣ.

Разрядная система, весьма «гибкая» сама по себѣ, при условіи ея сочетанія съ «вызываемыми современными требованіями отступленіями», дѣйствительно можетъ дать возможность «почти неограниченно расширить кругъ избирателей». Если представить себѣ, что «отступленія» будутъ состоять въ томъ, что разрядовъ будетъ установлено не два или три, а пять, шесть или десять, если далѣе допустить, что при десяти, скажемъ, разрядахъ и при равномъ числѣ избираемыхъ ими гласныхъ, въ первый разрядъ будутъ зачислены плательщики одной двадцатой части суммы сборовъ, а въ десятый, положимъ,—пяти двадцатыхъ,—то, очевидно, низшіе классы населенія будутъ имѣть право ходить на выборы, но въ то же время на общій результатъ выборовъ не будутъ оказывать никакого вліянія. И изобрѣтенная въ Пруссіи система, въ такомъ случаѣ, не замедлитъ вернуть картину тиши и глади въ городскомъ самоуправленіи,—тиши, нарушаемой судебными процессами, и глади, нарушаемой перебранками людей, не подѣлившихъ городского пирога.

Въ отношеніи порядка веденія дѣлъ, главное отличіе органовъ городского самоуправленія отъ земскаго заключается въ томъ, что очередныя засѣданія городскихъ думъ происходятъ въ теченіе всего года, а земскихъ собраній въ теченіе однажды въ году созываемыхъ сессій, на десять дней уѣздныхъ собраній и на двадцать—губернскихъ. Такое различіе не останавливало на себѣ вниманія ни составителей городового положенія 1870 г., ни составителей положенія 1892 года. Внѣ соображеній политическаго характера, основаніе для него слишкомъ просто и очевидно: земскіе гласные для участія въ собраніи должны съѣзжаться за десятки, а то и за сотни верстъ; городскіе же гласные—горожане того самаго города, гдѣ происходятъ засѣданія думы. Но если приложить политическія соображенія, то несомнѣнно станутъ замѣтны послѣдствія различія. При сессіонной системѣ въ земскомъ самоуправленіи, земскіе исполнительные органы гораздо менѣе зависимы отъ органовъ распорядительныхъ, земскихъ собраній, и гораздо болѣе свободные отъ нихъ въ текущей дѣятельности, нежели исполнительные органы городскіе. По составу же своему земскія управы и земскія собранія съ 1890 года, равно городскія управы и городскія думы съ 1898 года, стали существенно отличными. Гласныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ никто въ ихъ званіи не утверждаетъ, на государственной службѣ они не состоятъ и дисциплинарному воздѣйствію со стороны административной власти не подлежатъ. Предсѣдатели же и члены управъ и городскіе головы, чуть утвержденные въ должностяхъ чиновники государственной службы находящіеся въ служеб-

номъ подчиненіи губернаторамъ и министерству внутреннихъ дѣлъ. И понятно, къ чему ведетъ, въ такихъ условіяхъ, суженіе компетенціи органовъ распорядительныхъ городскихъ думъ, за счетъ расширенія компетенціи городскихъ управъ.

Но и въ данномъ отношеніи «гибкость» и «удобства» принятой для земскаго самоуправленія сессіонной системы, въ приложеніи къ городамъ, не были въ 1892 году, по тому же самому мотиву, учтены. Ихъ опять учелъ лишь спеціальный законъ для Петрограда. Положеніе 1903 года не установило сессіоннаго порядка очередныхъ собраній Петроградской городской думы, но они создали новый органъ между управой и думой,—такъ называемое общее присутствіе управы, которому стародумцы не то по непониманію, не то по инымъ соображеніямъ, дали ставшее ходячимъ, наименованіе «маленькой думы». «Маленькая дума» получила нѣкоторыя, правда, неширокія, распорядительныя функціи. А состоитъ она изъ городского головы, его товарищей, членовъ управы и изъ служебно сравненныхъ съ членами управы предсѣдателей городскихъ исполнительныхъ комиссій,—т.-е. сплошь изъ лицъ, прошедшихъ черезъ искусъ утвержденія, а то и просто назначенныхъ, если избранные «большой» думой гласные или избиратели не были утверждены.

Эту-то Петроградскую «маленькую думу» и предполагается, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, принять за типъ того органа городского самоуправленія, который долженъ будетъ «разгрузить» городскія думы. Передавалось также, что въ составъ «маленькихъ думъ» проектируется включить нѣсколько гласныхъ, не занимающихъ исполнительныхъ должностей. Ихъ участіе, само собою разумѣется, не измѣнитъ характера новыхъ коллегій. Если сюда прибавить, что граница между «крупными» и «мелкими» дѣлами городского хозяйства безпредѣльно условна,—то не будетъ надобности въ дальнѣйшемъ разборѣ преобладающаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ «мнѣнія» о городской реформѣ.

Это «мнѣніе» базируется на комбинированіи въ избирательномъ законѣ численнаго соотношенія между категоріями избирателей и числомъ избираемыхъ гласныхъ, съ одной стороны, а съ другой—на томъ теоретическомъ утвержденіи, которое въ 1901 году было сформулировано Д. С. Сипягинымъ и С. Ю. Витте въ ихъ совмѣстномъ представленіи въ Государственный Совѣтъ по проекту введенія земства въ неземскихъ губерніяхъ. Авторы представленія тогда утверждали, что нѣтъ и не можетъ быть принципіальнаго различія между дѣятельностью по началу общественнаго служенія и по началу полученія полномочій отъ власти, и на этомъ утвер-

жденіи они строили институтъ гласныхъ по назначенію. Мнѣніе, получившее нынѣ преобладаніе въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, не идетъ такъ далеко въ выводѣ, но опирается на то же самое отправное положеніе. Составъ городскихъ управъ трактуется совершенно одинаково съ составомъ городскихъ думъ и, черезъ посредство состава управъ, функціями распорядительныхъ органовъ городского самоуправленія снабжаются коллегіи лицъ, получившихъ полномочія, если не всегда въ порядкѣ назначенія, то всегда въ порядкѣ принятія на государственную службу, на основаніи акта утвержденія состоявшагося избранія.

Такимъ образомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ своихъ предположеніяхъ, снова ставитъ и снова разрѣшаетъ въ прежнемъ смыслѣ вѣковой вопросъ о двухъ началахъ, конкуррирующихъ въ дѣлѣ попеченія о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ: началѣ общественнаго служенія и началѣ сторонняго управленія. И разрѣшаетъ оно его, какъ бы не замѣчая того громадной важности факта, который внезапно выросъ въ связи съ войной и съ охватившимъ всю страну исключительнымъ подъемомъ. Этотъ фактъ—дѣятельность по оказанію помощи больнымъ и раненымъ воинамъ всероссійскихъ союзовъ земствъ и городовъ. Въ какіе-нибудь четыре-пять мѣсяцевъ размахъ дѣятельности союзовъ далеко оставилъ позади себя дѣятельность такой давней организаціи, какъ Красный Крестъ. Работа въ союзахъ кипитъ. Нѣтъ угла въ необъятной странѣ, куда бы она не проникла. Союзы обслуживаютъ всѣ фронты театра войны и весь тылъ, не исключая самаго глубокаго, сибирскаго. Союзы создали тысячи лазаретовъ, санитарные поѣзда, перевязочно-питательные пункты, склады и т. д., и т. д. Союзы съумѣли привлечь къ работѣ лучшія общественныя силы.

Конечно, большая доля успѣшной дѣятельности союзовъ должна быть отнесена на счетъ всенароднаго подъема. Но одинъ подъемъ настроенія и одно желаніе всѣхъ и каждаго работать, во имя побѣды надъ врагомъ, были бы безсильны, если бы имъ не способствовали организаціонныя свойства союзовъ. Свойства же эти до изумительности просты. Статуты, на основаніи которыхъ земскій и городской союзы образовались, существуютъ и тратятъ десятки милліоновъ рублей, не имѣютъ ни главъ, ни статей, ни параграфовъ, а заключаютъ въ себѣ всего по нѣсколько строкъ. Союзы суть въ чистомъ видѣ общественныя организаціи. Въ засѣданіяхъ комитетовъ участвуютъ представители государственнаго контроля, и это, само собою разумѣется, не можетъ встрѣчать никакихъ возраженій, разъ союзы расходуютъ государственныя средства. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, союзы и ихъ мѣстные органы абсолютно свободны

отъ внѣшняго надзора за цѣлесообразностью ихъ дѣйствій. Союзамъ неизвѣстно право администраціи останавливать ихъ постановленія. Среди дѣятелей союзовъ нѣтъ лицъ, назначаемыхъ или утверждаемыхъ. Основа отношенія къ работѣ—довѣріе.

Нѣкоторыми губернаторами была сдѣлана попытка примѣнить къ служебному персоналу союзовъ обычное для губернаторовъ, столь широко практикуемое ими право veto. По счастью, эта попытка въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не встрѣтила поддержки. Въ засѣданіи главнаго комитета союза городовъ 14 декабря, главноуполномоченный М. В. Челноковъ оффиціально довелъ до его свѣдѣнія, что начальникъ главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства сдѣлалъ ему слѣдующія разъясненія: 1) съѣзды представителей союза происходятъ съ разрѣшенія подлежащихъ властей; 2) члены комитетовъ и различныхъ комиссій союза, какъ въ центральныхъ, такъ и въ провинціальныхъ его учрежденіяхъ, не подлежатъ утвержденію; 3) состоящій въ различныхъ учрежденіяхъ союза персоналъ также не подлежитъ утвержденію, и 4) никакіе цензы для членовъ комитетовъ и комиссій не нужны». Еще раньше, въ самомъ началѣ дѣятельности земскаго и городского союзовъ, губернаторы стремились ее себѣ подчинить въ отношеніи распредѣленія раненыхъ, пріема пожертвованій и т. п. Но и это стремленіе было скоро ликвидировано особымъ циркуляромъ.

Государственный Совѣтъ стараго устройства въ 1890 году далъ слѣдующую характеристику земскимъ гласнымъ. Онъ характеризовалъ ихъ, какъ людей, «знающихъ и чувствующихъ мѣстныя потребности и берущихся за трудъ не изъ-за матеріальныхъ выгодъ, а изъ любви и усердія къ самому дѣлу». Въ знаніи потребностей—реальная сила общественнаго служенія. Въ любви и усердіи къ дѣлу—сила идейная. Такого сочетанія основы дѣятельности и ея стимуловъ не можетъ быть въ представителѣ начала сторонняго управленія, въ чиновникѣ. Сегодня онъ управляетъ здѣсь, завтра—за тысячу верстъ. Стимулъ его дѣятельности—карьера, чины, ордена, въ лучшемъ случаѣ—не связанное съ карьерой сознаніе служебнаго долга. «Дѣлу» же онъ остается если не чуждымъ, то постороннимъ; «любовь и усердіе къ самому дѣлу» никогда органически не могутъ стать стимуломъ его дѣятельности. Чиновникъ ищетъ дѣла, соотвѣтственнаго его положенію, возрасту, способностямъ, таланту. Общественный дѣятель ищетъ дѣла, которое любитъ. И, въ итогѣ, большіе люди дѣлаютъ самое маленькое дѣло. Знаменитый адвокатъ и выдающійся членъ Государственной Думы работаетъ на театрѣ войны въ качествѣ помощника уполномоченнаго при перевязочно-питательномъ отрядѣ земскаго союза. Мыслимо ли что-либо

подобное въ дѣлѣ, веденіе котораго принадлежитъ организаціямъ бюрократическаго типа? Сенаторъ или губернаторъ чужой губерніи, пріѣхавшіе въ качествѣ гласныхъ на земское собраніе, говорятъ и спорятъ, а не изрекаютъ истины, пишутъ заявленія и доклады, а не кладутъ на заготовленныя для нихъ бумаги резолюціи. Тутъ они люди, работающіе «изъ любви и усердія къ дѣлу», тамъ—особы соотвѣтственнаго ихъ званію ранга...

Если предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ выльются въ законопроектъ, то въ его дальнѣйшемъ движеніи сильнымъ аргументомъ противъ него и въ пользу предначертаній указа 12 декабря 1904 года будутъ несомнѣнно служить указанія на то, какъ работали и что сдѣлали въ дѣлѣ помощи раненымъ и больнымъ воинамъ земскій и городской союзы.

Не можемъ не отмѣтить безпримѣрнаго до сихъ поръ факта назначенія предварительнаго слѣдствія надъ губернаторомъ, по признакамъ превышенія власти и незаконнаго лишенія свободы, за то, что онъ подвергъ аресту редактора газеты.

22 и 23 іюля въ выходящей въ Либавѣ газетѣ «Голосъ Либавы» были помѣщены статьи, въ которыхъ указывалось, что патріотическій подъемъ, охватившій съ начала войны съ Германіей все мѣстное населеніе безъ различія національностей, не только не коснулся прибалтійскихъ нѣмцевъ, но что они открыто выражаютъ свое недовольство проявленіемъ этого патріотическаго настроенія, глядя съ презрѣніемъ на толпы манифестантовъ. Въ день появленія второй статьи мѣстный предводитель дворянства баронъ Мантейфель обратился по телеграфу къ курляндскому губернатору Набокову, прося защиты нѣмецкаго населенія отъ возможныхъ эксцессовъ, какъ слѣдствія выпадовъ «Голоса Либавы». Губернаторъ Набоковъ по телеграфу же предписалъ либавскому полицеймейстеру арестовать на три мѣсяца временнаго редактора «Голоса Либавы» Теклю Люби, и въ тотъ же день направить ее въ ближайшую уѣздную тюрьму, въ городъ Газенпотъ, для отбытія наказанія. По телеграммѣ губернатора немедленно послѣдовало исполненіе, и г-жа Люби была освобождена изъ-подъ ареста лишь по истеченіи трехъ недѣль, вслѣдствіе ходатайства ея мужа передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Курляндскій губернаторъ Набоковъ объяснилъ сенату, что хотя со дня объявленія войны латышское населеніе губерніи проявило огромный подъемъ патріотизма, однако весьма быстро стало замѣтно, что къ такому его настроенію присоединилось желаніе свести съ нѣмцами старые счеты годовъ революціоннаго движенія.

Въ издающейся на средства мѣстныхъ латышей газетѣ «Голосъ Либавы» появился рядъ статей, явно возбуждающихъ населеніе противъ мѣстныхъ нѣмцевъ. Получивъ объ этомъ телеграмму предводителя дворянства барона Мантейфеля, губернаторъ, по его заявленію, не могъ не принять тѣхъ или другихъ репрессивныхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что телеграммѣ оффиціальнаго лица, какъ баронъ Мантейфель, онъ не могъ не вѣрить, а «Голосъ Либавы» ему уже и ранѣе не внушалъ довѣрія, какъ составомъ своей редакціи, такъ и своимъ направленіемъ. Что касается формальной стороны своего распоряженія, то въ этомъ отношеніи онъ основывался на изданномъ имъ обязательномъ постановленіи, которымъ воспрещается возбужденіе вражды противъ правительственныхъ установленій или должностныхъ лицъ.

Сенатъ, по первому департаменту, нашелъ, что если и можно было въ замѣткѣ «Голоса Либавы» усмотрѣть возбужденіе вражды, то лишь противъ мѣстнаго населенія, т.-е. нѣмцевъ, но ни въ какомъ случаѣ не противъ правительства. А потому сенатъ призналъ въ дѣйствіяхъ г. Набокова наличность преступнаго превышенія власти и опредѣлилъ назначить предварительное слѣдствіе.

Что со стороны курляндскаго губернатора было допущено правонарушеніе, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть сомнѣній. И слѣдуетъ лишь пожелать, чтобы первый примѣръ не остался единственнымъ. Ровно десять лѣтъ тому назадъ, указомъ 12 декабря было признано неотложнымъ «принять *дѣйствительныя* мѣры къ охраненію полной силы закона», дабы ненарушимое и одинаковое для всѣхъ исполненіе его почиталось первѣйшею обязанностью всѣхъ властей и мѣстъ, «неисполненіе же ея *неизбѣжно* влекло законную за всякое произвольное дѣйствіе отвѣтственность».

———

Въ лицѣ Василія Андреевича Племянникова сошелъ въ могилу одинъ изъ старѣйшихъ и лучшихъ земцевъ. Гласный съ 1871 года, покойный былъ знатокомъ быта и нуждъ самарской деревни, безпредѣльно преданнымъ интересамъ крестьянства и идеѣ земскаго служенія. Чуждый, до дней освободительнаго движенія, политики, онъ, однако, никогда не пользовался благорасположеніемъ губернскаго начальства. За многіе годы его земской дѣятельности, В. А. неоднократно былъ выбираемъ предсѣдателемъ и членомъ самарской губернской управы. Иногда его утверждали, но большей частью получался отказъ.

Въ 1904 и 1905 гг. Племянниковъ былъ неизмѣннымъ участникомъ земскихъ съѣздовъ. Въ 1906 г. Самарская губернія послала его своимъ представителемъ въ первую Думу. Хотя онъ и

не былъ участникомъ «выборгскаго процесса» и потому сохранилъ до конца жизни политическія права, но послѣ роспуска первой Думы его общественная дѣятельность оборвалась. Въ земствѣ, охваченномъ реакціей, для него, испытаннаго земскаго работника, не нашлось мѣста. Онъ ушелъ въ родную бузулукскую деревню, гдѣ нынѣ и скончался.

Въ тяжелые дни второй половины русско-японской войны, Андрей Михайловичъ Рыкачевъ поѣхалъ въ Манчжурію военнымъ корреспондентомъ «Нашей Жизни». Его телеграммы и письма читались съ живымъ интересомъ и имѣли огромный успѣхъ: изъ нихъ было ясно видно, что авторъ дѣлаетъ наблюденія и получаетъ впечатлѣнія не въ штабахъ, а непосредственно на бивакахъ и позиціяхъ. Въ нынѣшнюю войну онъ пошелъ солдатомъ-добровольцемъ и погибъ въ окопахъ, тогда—онъ былъ едва начавшимъ свою дѣятельность журналистомъ. Теперь—крупной литературной и научной силой. Его экономическія изслѣдованія (о движеніи цѣнъ на хлѣбъ и о заработной платѣ, о ввозѣ нашихъ хлѣбовъ въ Германію и особенно, «Деньги и денежная власть») поставили его имя въ ряду замѣтныхъ именъ экономистовъ. Онъ готовился къ профессорскому званію и въ послѣдніе годы преподавалъ политическую экономію на стебутовскихъ женскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ.

А. М. Рыкачевъ, человѣкъ чрезвычайно скромный и съ виду застѣнчивый, былъ изъ тѣхъ людей, въ которыхъ таится героизмъ, неудержимо ихъ влекущій туда, гдѣ есть опасность. Во время вооруженнаго возстанія въ Москвѣ, не будучи отнюдь революціонеромъ, Рыкачевъ поѣхалъ освѣдомлять съ мѣста о ходѣ событій газету «Нашу Жизнь». Въ посвященныхъ покойному строкахъ, близко его знавшій П. Б. Струве писалъ: «Онъ ушелъ на войну простымъ солдатомъ. Онъ упрямо хотѣлъ быть лишь, никому невидимой въ отдѣльности, скромнѣйшей единицей въ многомилліонной арміи. Такъ онъ и умеръ. Вѣроятно, окружавшіе его товарищи и его начальники вовсе и не знали, что маленькій, тщедушный солдатъ-доброволецъ около нихъ—замѣчательный ученый и публицистъ»...

Въ нашемъ журналѣ покойный А. М. помѣстилъ статью: «Попытки реставрированія ремесленныхъ цеховъ за границей» (1910, февраль).

Покойнаго Павла Александровича Брюллова, женатаго первымъ бракомъ на дочери К. Д. Кавелина, тѣсно связывала съ редакціей нашего журнала его многолѣтняя близость съ М. М. Стасюлевичемъ и съ кружкомъ лицъ, неизмѣнно собиравшихся по субботамъ на Га-

лерной въ томъ домѣ, который сейчасъ украшаетъ доска съ надписью: «Здѣсь болѣе пятидесяти лѣтъ жилъ и скончался М. М. Стасюлевичъ». П. А. Брюлловъ былъ постояннымъ участникомъ этихъ собраній и, какъ единственный въ кружкѣ художникъ кисти, дополнялъ его составъ.

Среди художниковъ-живописцевъ, П. А. примыкалъ къ «передвижникамъ», въ ряды которыхъ онъ вступилъ еще въ 1872 году. Къ сожалѣнію, его картины не часто появлялись на выставкахъ. Въ Третьяковской галлереѣ имѣется нѣсколько пейзажей его работы.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.

(Пятый мѣсяцъ войны).

Съ началомъ истекшаго мѣсяца совпали крупныя перемѣны въ положеніи дѣлъ на восточномъ театрѣ войны. Когда выяснилось, что окруженіе германскихъ частей, прорвавшихся восточнѣе Лодзи, не дало тѣхъ результатовъ, на которые можно было разсчитывать, и когда эти корпуса все-таки прорвались обратно къ своимъ главнымъ силамъ, общее положеніе дѣлъ въ Польшѣ расцѣнивалось тѣмъ не менѣе очень благопріятно для насъ. Не только всѣ русскія газеты говорили о крупной побѣдѣ надъ германцами, объ этомъ говорили также въ своихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ представители англійскаго правительства. Больше того, объ этомъ писали и такія изданія, которыя, несомнѣнно, были освѣдомлены относительно фактическаго положенія дѣлъ. Такъ, издаваемый при штабѣ Главнокомандующаго арміями юго-западнаго фронта «Армейскій Вѣстникъ» въ №43, помѣченномъ воскресеньемъ 16 ноября, писалъ слѣдующее: «На фронтѣ Торнъ-Краковъ закончено большое лодзинское сраженіе. Нѣмцы отходятъ подъ давленіемъ нашихъ войскъ, оставляя раненыхъ, оружіе, снаряженіе и повозки. Наша конница и передовыя пѣхотныя части преслѣдуютъ противника по пятамъ, стараясь не дать ему возможности вновь устроиться». Нѣсколькими днями позже, тотъ же «Армейскій Вѣстникъ» (№ 45 отъ 20 ноября) писалъ: «Лодзинское сраженіе окончилось и наши войска одержали успѣхъ... Съ 17 по 19 ноября бои между нашими и германскими войсками продолжались по всему фронту и наши, атакуя и сбивая противника, тѣснили его къ границѣ». Въ дѣйствительности, сраженіе оказалось далеко не законченнымъ и въ скорости приняло совершенно иной

оборотъ. Въ ночь на 23 ноября наши войска оставили Лодзь по стратегическимъ соображеніямъ, а потомъ выяснилось, что операціи германцевъ имѣютъ въ виду не просто задержку нашего наступленія къ Кракову, а нѣчто большее, и германскія газеты выражали въ это время надежды на возможность рѣшительнаго пораженія русскихъ армій, которыя проектировалось отрѣзать отъ Варшавы.

Для того, чтобы достигнуть поставленныхъ себѣ цѣлей, германцы выработали новый планъ. Они продолжали, съ одной стороны, свое прежнее наступленіе въ лодзинскомъ направленіи, а съ другой стороны, австрійскія войска, поддерживаемыя нѣкоторыми германскими корпусами, возобновили свое наступленіе изъ-за Карпатъ. Фронтъ Краковъ-Ченстоховъ, прикрывавшій Силезію, т.-е. наиболѣе угрожаемую границу Германіи, былъ оставленъ почти совершенно безъ защиты. Большая часть дѣйствовавшихъ здѣсь австрійскихъ войскъ была переведена на Карпаты. Правда, позиціи на фронтѣ Краковъ-Ченстоховъ были очень сильно укрѣплены, что давало возможность защищать ихъ сравнительно небольшими частями, но не на одну силу укрѣпленныхъ позицій разсчитывали германцы. Они исходили изъ вполнѣ правильнаго разсчета, что до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать угроза обоимъ нашимъ флангамъ, наше наступленіе на фронтъ Краковъ-Ченстоховъ не можетъ имѣть рѣшительнаго характера, и вотъ они стремились создать эти угрозы флангамъ. Нашему правому флангу должно было грозить наступленіе въ ловичскомъ направленіи, приведшее постепенно германцевъ къ нижнему теченію Бзуры. Угрозой лѣвому флангу должно было служить наступленіе австрійцевъ изъ-за Карпатъ. Наступленіе это обнаружилось впервые съ 24 ноября на наиболѣе западныхъ изъ Карпатскихъ проходовъ къ юго-востоку отъ Кракова въ районѣ Тымбаркъ-Новый Сандецъ. Недѣлей приблизительно позже, около 30 ноября, австрійскія войска стали большими массами переваливать черезъ болѣе восточные Дуклинскіе проходы.

Соединенное дѣйствіе этихъ двухъ угрозъ,—продвиженіе германскихъ войскъ къ Бзурѣ и наступленіе австрійцевъ изъ-за Карпатъ—создало «необходимость соотвѣтственно измѣнить группировку нѣкоторыхъ нашихъ армій», о чемъ и извѣщало сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго, опубликованное въ газетахъ, вышедшихъ 6 декабря. Измѣненіе группировки прежде всего свелось къ отходу нашихъ армій изъ-подъ Кракова, къ остановкѣ нашего наступленія и къ переходу всѣхъ нашихъ армій на извѣстное время къ оборонѣ. Оборона эта велась нами на фронтѣ, который шелъ по нижней Бзурѣ, по ея правому притоку Равкѣ, затѣмъ пересѣкалъ рѣку Пилицу, проходилъ черезъ районъ Опочна и затѣмъ по рѣкѣ Нидѣ упирался

въ Вислу. Продолженіемъ этого фронта въ Галиціи была линія нижняго теченія рѣки Дунайца и его притока Бялы, затѣмъ фронтъ заворачивалъ на востокъ, или, правильнѣе, на юго-востокъ, и шелъ по предгоріямъ Карпатъ приблизительно на Ясло, Кросно, Санокъ и Лиско. На всемъ этомъ фронтѣ шли бои, заполнившіе собою почти всю первую половину декабря.

Когда наши войска заняли въ Польшѣ линію рѣкъ Бзуры, Равки и Ниды, надежда германцевъ на большую побѣду, высказывавшаяся въ нѣмецкихъ газетахъ въ концѣ ноября, исчезла, и отзывы этихъ газетъ сразу стали гораздо болѣе сдержанными. Наиболѣе выдвинутыя къ западу наши части отошли къ востоку, стали на одну линію, вышли изъ-подъ опасности удара. Необходимый просторъ для маневра исчезъ, и операціи сразу приняли нормальный и вмѣстѣ съ тѣмъ затяжной характеръ. Нѣмецкія газеты продолжали говорить объ успѣхѣ, не сулившемъ одной большой рѣшительной побѣды. Фронтъ по рѣкамъ Бзурѣ, Равкѣ и Нидѣ имѣлъ вполнѣ правильныя очертанія, былъ на значительной части своего протяженія прикрытъ не совсѣмъ маловажными естественными преградами и не заключалъ въ себѣ никакихъ слабыхъ пунктовъ, ударъ по которымъ могъ бы грозить общему положенію нашихъ армій. Продолжая свое наступленіе, германцы, въ лучшемъ случаѣ, могли отбросить насъ еще дальше къ востоку, но пути для рѣшительной побѣды имъ уже не открывались. И тѣмъ не менѣе они свое наступленіе продолжали. Съ первыхъ же чиселъ декабря начались ихъ упорныя атаки на нижнемъ теченіи рѣки Бзуры и попытки утвердиться на ея правомъ берегу. Атаки эти имѣли много сходства съ тѣми атаками, которыя въ октябрѣ велись германцами на западномъ театрѣ войны во Франціи противъ позицій союзниковъ на рѣкѣ Изеръ и у Ипра. Съ замѣчательнымъ упорствомъ германцы долбили наши позиціи, сосредоточивъ здѣсь громадное количество войскъ, ведя ожесточенныя атаки и не считаясь при этомъ ни съ какими потерями. Попытки ихъ переправиться черезъ Бзуру возобновлялись каждый день все въ новыхъ мѣстахъ почти на всемъ протяженіи этой рѣки отъ ея устья до впаденія въ нее рѣки Равки. Попытки эти производились у деревни Мистржевице, у господскаго двора Жукова, у Сохачева, у деревни Дахова, у Закржева и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко германскимъ частямъ, иногда даже довольно крупнымъ, удавалось прорваться на правый берегъ Бзуры, но они не могли тамъ утвердиться надолго. Переправившіяся части въ большинствѣ случаевъ сейчасъ же сбивались русскими войсками гдѣ огнемъ, а гдѣ штыковыми ударами. Тамъ же, гдѣ имъ удавалось задержаться на правомъ берегу рѣки, они не могли использовать этого своего успѣха, не могли продвинуться впередъ и потомъ все-таки возвращались на лѣ-

вый берегъ. Германцы понесли во время этихъ атакъ колоссальныя потери, которыя оцѣниваются авторитетными кругами въ 100 и даже до 150 тысячъ человѣкъ, но цѣною этихъ жертвъ не достигли ни малѣйшаго успѣха. Столь же безуспѣшны были ихъ попытки форсировать рѣку Равку въ ея нижнемъ теченіи. Они и тутъ произвели цѣлый рядъ ожесточенныхъ атакъ между городомъ Болимовымъ и устьемъ Равки, а также въ районѣ Скерневицъ, т.-е. по направленію варшаво-вѣнской желѣзной дороги. Атаки эти носили совершенно такой же характеръ, какъ и на рѣкѣ Бзурѣ. Германцы вели наступленіе большой колонной, густыми массами, переправлялись мѣстами на правый берегъ рѣки и сейчасъ же сбивались отсюда, устилая поле сраженія своими трупами. Такъ, за одинъ день на небольшомъ сравнительно участкѣ въ районѣ Скерневицъ нами было насчитано больше тысячи германскихъ труповъ. Въ районѣ Болимова германцы удержались на правомъ берегу рѣки, продвигались временами на нѣсколько верстъ къ востоку до деревни Гумина и усадьбы Боржимова, но не могли прочно овладѣть этой мѣстностью. Въ верхнемъ теченіи Равки серьезныхъ столкновеній, повидимому, не происходило. Зато германцы сосредоточили большія силы въ районѣ рѣки Пилицы и вели энергичную атаку вдоль ея лѣваго берега. Въ одномъ мѣстѣ они оттѣснили нѣсколько къ востоку русскія войска и достигли деревни Рожково-Воля и фольварка Езержецъ въ 10 верстахъ къ западу отъ Нове-Място, т.-е. нѣсколько восточнѣе продолженія линіи рѣки Равки. Но продвинуться еще дальше къ востоку и развить свой успѣхъ въ этомъ районѣ имъ не удалось. Больше того, имъ пришлось сейчасъ же обратить свое вниманіе съ лѣваго берега Пилицы на правый, гдѣ русскія войска предприняли успѣшную диверсію въ районѣ между Опочно и Томашевымъ. Германцамъ пришлось въ дополненіе къ своему главному фронту, обращенному на востокъ, пристроить еще дополнительный фронтъ, обращенный на югъ, вдоль рѣки Пилицы. Они пытались переправиться на правый берегъ Пилицы у Иванолодзя, но изъ этой попытки ничего не вышло.

Боевыя столкновенія въ районѣ Опочно и Конска носили менѣе оживленный характеръ, что вполнѣ понятно, такъ какъ этотъ районъ является какъ бы восточнымъ продолженіемъ фронта Краковъ—Ченстоховъ, съ котораго, какъ извѣстно, австрійцы увели свои главныя силы. Болѣе оживленныя дѣйствія шли на р. Нидѣ, особенно на самомъ ея нижнемъ теченіи, между городкомъ Вислицей и устьемъ рѣки. Здѣсь австрійцамъ удалось на время переправиться на лѣвый берегъ рѣки и овладѣть цѣлымъ рядомъ селеній Вислицей, Щербаковымъ, Шитниками, Семпѣховымъ и Новымъ Корчиномъ. Но долго тутъ австрійцамъ не пришлось пробыть, и постепенно эти всѣ селенія были отняты нами обратно у австрійцевъ, которые должны были вернуться

на правый берегъ Ниды. Попытки же австрійцевъ переправиться черезъ Ниду нѣсколько выше района Пинчова и Сковроно были еще менѣе удачны, и переправившіяся тутъ австрійскія части моментально сбивались обратно на правый берегъ. Въ общемъ австрійцы понесли на Нидѣ очень тяжелыя потери. Можетъ быть, число убитыхъ и раненыхъ у нихъ здѣсь было меньше, чѣмъ у германцевъ на Бзурѣ, но зато здѣсь нами было захвачено очень большое число плѣнныхъ, которое по самымъ скромнымъ подсчетамъ достигаетъ приблизительно 17 тысячъ человѣкъ. Послѣ отраженія австрійскихъ атакъ русскія войска перешли на правый берегъ рѣки Ниды въ ея нижнемъ теченіи и заняли Старый Корчинъ и деревню Сениславице.

Въ общемъ къ серединѣ декабря въ западной Польшѣ установилось извѣстное равновѣсіе. На сѣверномъ участкѣ Польскаго фронта между нижней Вислой и Пилицей, составляющими какъ бы правый флангъ главнаго нашего стратегическаго фронта, германцы не могли продвинуться къ востоку и обѣ стороны въ теченіе недѣль приблизительно сохраняли свои позиціи. На южной половинѣ Польскаго фронта, являющейся какъ бы нашимъ центромъ, въ положеніи сторонъ тоже не произошло крупныхъ перемѣнъ, но здѣсь исходъ частныхъ боевъ показывалъ, что русскія войска могутъ во всякій данный моментъ нарушить установявшееся тутъ равновѣсіе въ свою пользу, т.-е. перейти въ наступленіе, дающее хорошіе шансы на успѣхъ. Приходилось, однако, сообразовать дѣйствія на этомъ фронтѣ съ дѣйствіями на другихъ фронтахъ и выжидать, какъ тамъ повернутся событія. Раньше всего назрѣли перемѣны на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ Галиціи и въ Карпатахъ.

Галиційскій фронтъ по р. Дунайцу является прямымъ продолженіемъ нашего польскаго фронта, потому что рѣка Дунаецъ впадаетъ въ Вислу почти что напротивъ р. Ниды. Первоначальное наступленіе австрійцевъ на лѣвый берегъ Дунайца было довольно успѣшно, и именно оно было чуть ли не главной причиной нашего отхода изъ-подъ Кракова. Во всякомъ случаѣ германскія оффиціальныя донесенія придавали очень большое значеніе успѣхамъ австрійскаго наступленія въ западной Галиціи, которое привело сперва къ отходу русскихъ войскъ на линію Райбротъ—Ясловъ, а затѣмъ имѣло дальнѣйшимъ послѣдствіемъ отходъ русскихъ уже на болѣе широкомъ польско-галиційскомъ фронтѣ, Петроковъ — Новорадомскъ — Вольбромъ — Неполомице—Райбротъ. Отходъ этотъ былъ, впрочемъ, въ Галиціи не особенно далекъ, и русскія войска сохранили за собою лѣвый берегъ Дунайца въ его нижнемъ теченіи. Конецъ ноября можно считать началомъ третьяго общаго наступленія австрійцевъ. Первое наступленіе австрійцевъ велось въ августѣ и довело австрійскую армію чуть ли не до линіи Люблинъ—Холмъ

въ предѣлахъ восточной Польши. Второе наступленіе велось въ концѣ сентября и въ первой половинѣ октября и привело австрійскую армію къ р. Сану и на линію Самборъ—Стрый. Третье наступленіе, декабрьское, оказалось еще менѣе глубокимъ, чѣмъ второе, и было остановлено нами на упомянутомъ выше фронтѣ Нижній Дунаецъ—Туховъ—Ясло—Кросно—Санокъ—Лиско. Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ каждымъ разомъ волна австрійскаго наступленія становилась все слабѣе и раньше разбивалась на путяхъ къ сѣверо-востоку; наоборотъ, русскія наступленія, которыя чередовались съ австрійскими, съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе продвигались къ западу. Наше наступленіе въ августѣ и сентябрѣ привело насъ къ р. Вислокѣ; второе, начавшееся въ концѣ октября и охватывавшее собою почти весь ноябрь, привело насъ почти сразу непосредственно къ стѣнамъ Кракова. Отличалось декабрьское наступленіе австрійцевъ отъ предыдущихъ и своей меньшей напряженностью. Въ октябрѣ австрійцы держались на Санѣ дольше, чѣмъ германо-австрійскія арміи въ Польшѣ, и отступили лишь тогда, когда взятіе русскими Сандомира создало явную угрозу для лѣваго фланга австрійцевъ на Санѣ. Наоборотъ, въ декабрьскомъ общемъ наступленіи германцевъ и австрійцевъ, австрійскія войска, ведшія наступленіе въ Галиціи и на Карпатахъ, уступили свои позиціи первыми.

Раньше всего было остановлено наступленіе австрійцевъ на наиболѣе восточномъ участкѣ въ районѣ Санока и Лиско. Здѣсь австрійцы были отбиты уже 3 декабря и послѣ того не возобновляли осерьезныхъ попытокъ наступленія, хотя здѣсь имѣлся для нихъ особенно цѣнный объектъ для такого наступленія, въ видѣ попытки освободить осажденный Перемышль. Гарнизонъ Перемышля какъ разъ въ это время проявилъ наибольшую активность и дѣлалъ многочисленныя вылазки, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣла вылазка, производившаяся 5 декабря въ направленіи на Бирчу, т.-е. на юго-западъ, на соединеніе съ австрійской арміей, наступавшей въ районѣ Санокъ—Лиско. Но какъ войска, наступавшія изъ-за Карпатъ, были отбиты, точно также были отбиты и всѣ эти попытки вылазокъ со стороны Перемышльскаго гарнизона.

Нѣсколько дольше затянулось австрійское наступленіе на болѣе западныхъ участкахъ галиційскаго и карпатскаго фронтовъ, нѣсколько обособленныхъ одинъ отъ другого правыми притоками Вислы—Дунайцемъ, Вислокой и притокомъ Сана, Вислокомъ. Здѣсь въ теченіе почти всей первой половины декабря происходило множество отдѣльныхъ боевъ, изъ которыхъ наши штабныя донесенія отмѣчаютъ бои у деревни Рудко, у Рыглице, у Іодловы, на р. Осліокѣ, у Тарновы, у Балигрода и т. д. Результатомъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ боевъ

явилось тяжелое пораженіе австрійской арміи. Австрійцы понесли въ общемъ здѣсь очень крупныя потери. На одномъ фронтѣ Змигродъ—Дукла, т. е. противъ главныхъ Дуклинскихъ проходовъ, у австрійцевъ, по подсчету «Армейскаго Вѣстника», выбыло изъ строя до 50% общаго состава. Въ нашихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ нерѣдко отмѣчалось, что нами на томъ или другомъ участкѣ было подсчитано до 500 или даже до полутора тысячъ непріятельскихъ труповъ. Одними плѣнными австрійцы потеряли въ Галиціи и на Карпатахъ въ теченіе декабрьскихъ боевъ не менѣе 50 тысячъ человѣкъ.

Наши позднѣйшія оффиціальныя донесенія сообщали, что австрійцы находятся въ полномъ отступленіи или даже въ безпорядочномъ отступленіи, а сообщенія штаба Верховнаго Главнокомандующаго, опубликованныя 16 декабря, уже говорили слѣдующее: «Непріятельская операція, связанная съ переброской силъ съ ченстоховскаго направленія въ Карпаты и встрѣченная нашимъ контръ-маневромъ, къ 14 декабря окончательно завершилась для непріятеля неудачей». Эта неудача австрійскаго наступленія изъ-за Карпатъ въ западную Галицію должна имѣть очень большое вліяніе на все положеніе дѣлъ на нашемъ западномъ фронтѣ. Какъ мы видѣли, этому наступленію въ общемъ планѣ германо-австрійскихъ операцій отводилась очень большая роль, потому что ради него былъ оставленъ почти беззащитнымъ фронтъ Краковъ—Ченстоховъ. Пораженіе австрійцевъ въ Галиціи и на Карпатахъ предоставляетъ свободу дѣйствія и нашимъ войскамъ въ южной Польшѣ и открываетъ такимъ образомъ вновь пути для нашего наступленія на Краковъ.

На кавказскомъ театрѣ войны истекшій мѣсяцъ характеризовался значительнымъ повышеніемъ активности турецкихъ войскъ и ихъ попытками переходить въ разныхъ направленіяхъ въ наступленіе. Хотя Турція вмѣшалась въ общеевропейскую войну по своей иниціативѣ и хотя она сама выбрала извѣстный моментъ для начала военныхъ дѣйствій, она, какъ оказалось, была совершенно не готова къ этому моменту и не поспѣла закончить сосредоточеніе своихъ войскъ къ нашей границѣ. Въ виду этого въ теченіе перваго мѣсяца войны нашимъ войскамъ приходилось на большинствѣ направленій имѣть дѣло преимущественно съ нерегулярной или полурегулярной курдской конницей, лишь изрѣдка поддерживаемой регулярными частями. Значительныя турецкія регулярныя силы были встрѣчены нами лишь на эрзерумскомъ направленіи, да и то не въ первые же дни войны и не на ближайшемъ къ границѣ разстояніи. Онѣ появились впервые лишь послѣ взятія нами 24-го октября кеприкейской позиціи, лежащей приблизительно на половинѣ разстоянія между границей и Эрзерумомъ. Даже тамъ, гдѣ турки проявляли наибольшую активность, они

пользовались преимущественно нерегулярными частями, и во вторженіи въ Батумскую область главную роль играли не постоянныя войсковыя части, а вооруженныя толпы аджарцевъ.

Недостаточное число, а иногда и прямое отсутствіе регулярныхъ турецкихъ войскъ значительно облегчало наше движеніе впередъ во многихъ направленіяхъ. Мы очень быстро овладѣли Алашкертской равниной, проникли въ долину Мурадъ-чая (верхняго Евфрата), значительно улучшили свое положеніе въ Ванскомъ направленіи или на турецко-персидской границѣ, очистили отъ непріятеля почти всю долину рѣки Ольты-чай и т. д. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ главнымъ препятствіемъ нашему движенію впередъ являлось полное бездорожье, затруднительность перевозки артиллеріи и обозовъ, а не сопротивленіе турокъ. Во второй половинѣ ноября это положеніе стало нѣсколько мѣняться, къ туркамъ начали подходить регулярныя войска и вмѣстѣ съ тѣмъ оборона турокъ сдѣлалась гораздо болѣе упорной, а мѣстами они переходили въ наступленіе.

Раньше всего эти перемѣны сказались въ такъ называемомъ Ванскомъ направленіи, т.-е. на турецко-персидской границѣ или на пространствѣ между озерами Ванъ и Урмія. Для насъ это направленіе являлось съ самаго начала оборонительнымъ. Наше наступленіе въ этомъ районѣ почти исключалось, съ одной стороны, отдаленностью самого этого района отъ жизненныхъ частей Турціи и отъ нашихъ базъ, а съ другой малодоступностью для большихъ войсковыхъ частей горныхъ хребтовъ, нагроможденныхъ къ югу отъ озера Ванъ. Но если мы тутъ обречены географическими условіями мѣстности на стратегическую оборону, то для Турціи въ данномъ районѣ вырисовывались перспективы прорыва черезъ персидскій Азербейджанъ въ наименѣе защищенныя части нашего Закавказья, въ Елисаветпольскую и Бакинскую губерніи. Конечно, провести сюда регулярную армію и начать на границахъ восточнаго Закавказья правильную войну было бы для Турціи болѣе чѣмъ трудно, но Турція на это и не разсчитывала. Регулярныя войска должны были только открыть дорогу курдскимъ шайкамъ, на которыя и возлагалась задача вторженія въ предѣлы Россіи. Появленіе новыхъ турецкихъ войскъ въ этомъ районѣ было обнаружено во второй половинѣ ноября, когда здѣсь появились части багдадскаго турецкаго корпуса и новыя формированія. Ихъ прибытіе дало туркамъ возможность предпринять наступленіе на занятые нами 19-го ноября турецкіе города Сарай и Башъ-кала, а это привело къ ряду упорныхъ боевъ, длившихся много дней и кончившихся тѣмъ, что турецкое наступленіе около 7-го декабря было остановлено. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ районѣ, турки повторили свои попытки въ болѣе южномъ направленіи и обнаружили большую дѣятельность у юж-

ной оконечности озера Урмія, около персидскаго города Саучжабулака, что̀ и привело къ постановкѣ на очередь вопроса о нейтралитетѣ Персіи.

Почти одновременно было начато турецкое наступленіе и въ долинѣ верхняго Евфрата. Здѣсь мы еще 2-го ноября заняли городъ Дутахъ, являющійся довольно важнымъ узломъ дорогъ. 28-го ноября произошло сраженіе на фронтѣ Дутахъ-Эсмаръ-Пурускъ (Пирюскъ), при чемъ на участкѣ Дутахъ - Эсмаръ мы отбросили непріятеля за Евфратъ, но въ общемъ турки все же продвинулись впередъ и послѣдующіе бои шли уже сѣвернѣе Дутаха у Суверди и Клычъ-Гядукскаго перевала, соединяющаго Алашкертскую равнину съ долиной верхняго Евфрата и отстоящаго отъ Дутаха въ 18 верстахъ къ сѣверу. Въ Алашкертскую долину туркамъ, однако, повидимому, не удалось прорваться, и послѣдующія сообщенія штаба кавказской арміи вновь уже упоминаютъ о боевыхъ столкновеніяхъ къ сѣверо-востоку отъ Дутаха. Изъ этого слѣдуетъ, что наступленіе турокъ въ этомъ направленіи остановлено.

Около 7-го декабря начались вновь боевыя столкновенія на Эрзерумскомъ направленіи, о которомъ въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца не поступало никакихъ свѣдѣній. При этомъ сообщенія штаба кавказской арміи стали употреблять вмѣсто выраженія «Эрзерумское направленіе» выраженіе «Сарыкамышское направленіе», изъ чего можно заключить, что боевыя дѣйствія приблизились здѣсь къ границѣ. Двумя днями позже была обнаружена «усиленная дѣятельность» турокъ въ Ольтинскомъ направленіи, т.-е. прежде всего въ долинѣ рѣки Ольты-чай, занятой нами еще въ первыхъ числахъ ноября. Продолжались все время боевыя столкновенія и въ Чорохскомъ краѣ и въ пограничныхъ частяхъ Батумской области.

Наибольшее значеніе получили операціи на Ольтинскомъ направленіи, болѣе или менѣе совпадающемъ съ линіей Эрзерумъ—Ардаганъ. Это направленіе вслѣдствіе бездорожья всегда считалось «глухимъ» и «безплоднымъ» въ смыслѣ наступленія. Турки, однако, нашли здѣсь возможность вести наступленіе очень крупными силами и къ концу отчетнаго мѣсяца уже подошли къ Ардагану, около котораго начался бой, объ исходѣ котораго въ данный моментъ еще нѣтъ свѣдѣній. Ихъ движенію къ Ардагану съ юго-запада помогло обходное движеніе съ запада съ границы между Батумской и Карской областями съ перевала Ялабузъ-чамъ на водораздѣлѣ между долинами рѣкъ Ардануча и Куры. Пути къ Ардагану по прямому Ольтинскому направленію были преграждены нашими войсками, оттѣснившими турокъ до почтовой станціи Мерденскъ, но обходное движеніе турокъ черезъ Ялабузъ-чамскій перевалъ вывело ихъ къ самому Ардагану.

Въ свою очередь, операціи на Ольтинскомъ направленіи дали туркамъ возможность совершить обходное движеніе по отношенію къ нашимъ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Эрзерумскомъ направленіи. Въ то время, какъ эти войска сражались на турецкой территоріи на линіи Сономеръ—Хоросанъ, турецкая колонна, свернувшая съ Ольтинскаго направленія, подошла черезъ Чатакъ и Бардусъ съ сѣверо-запада къ Сарыкамышу, т.-е. въ довольно глубокомъ тылу нашихъ войскъ, стоявшихъ на Эрзерумскомъ направленіи. У Сарыкамыша, съ цѣлью прервать ихъ операціонную линію, начались жестокіе бои, до сихъ поръ не рѣшенные. Вмѣстѣ съ тѣмъ остаются невыясненными и результаты турецкихъ операцій и ихъ смѣлыхъ обходныхъ маневровъ по мѣстности, лишенной сносныхъ путей сообщенія.

Всѣ усилія турокъ были направлены въ теченіе мѣсяца именно противъ нашихъ войскъ, а на остальныхъ своихъ фронтахъ они совершенно бездѣйствовали. Они оказывали сравнительно слабое сопротивленіе наступленію англичанъ со стороны Персидскаго залива, и англичане уже заняли городъ Корну, лежащій при сліяніи рѣкъ Тигра и Евфрата, и овладѣли слѣдовательно всѣмъ теченіемъ Шатъ-эль-Араба. Багдадскій корпусъ, который прежде всего именно и долженъ защищать Месопотамію, не только не спѣшитъ противъ англичанъ, но и направленъ частью противъ русскихъ на Ванское направленіе. О наступленіи турокъ на Египетъ, о чемъ такъ много говорилось въ первые дни послѣ вмѣшательства Турціи въ войну, не только ничего не слышно, но даже не видно никакихъ серьезныхъ подготовленій къ нему. Не исключена поэтому возможность, что и часть сирійскихъ турецкихъ корпусовъ переведена на русскую границу и что эта операція была начата еще до вмѣшательства Турціи въ войну. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время турки располагаютъ противъ насъ значительно большимъ числомъ регулярныхъ войскъ, чѣмъ въ началѣ кампаніи. Войска Эрзерумскаго округа уже почти полностью участвовали въ кеприкейскихъ бояхъ, и явившіяся послѣ того новыя подкрѣпленія взяты изъ какого-то другого мѣста. Отчасти это войска Багдадскаго округа, отчасти новыя формированія, но думается, что этихъ двухъ источниковъ недостаточно, чтобы дать туркамъ такія значительныя подкрѣпленія. Въ виду этого участіе сирійскихъ корпусовъ въ дѣйствіяхъ на нашей границѣ представляется очень правдоподобнымъ.

Въ противоположность событіямъ на востокѣ, богатымъ разнообразными перемѣнами и до извѣстной степени драматическими моментами, событія на западномъ театрѣ войны по-прежнему развивались въ высшей степени однообразно. Въ теченіе всего ноября здѣсь царило прямое затишье, и ни одна сторона не проявляла

сколько-нибудь серьезныхъ дѣйствій. Съ начала декабря это затишье прекратилось. Боевыя столкновенія здѣсь стали болѣе оживленными, сводясь къ попыткамъ союзниковъ перейти въ наступленіе, но это наступленіе не имѣло общаго характера и не отличалось надлежащей рѣшительностью. При прежнихъ наступленіяхъ германцевъ въ теченіе октябрьскихъ боевъ фронтъ союзниковъ принялъ извилистыя очертанія и мѣстами германцы довольно глубоко вклинились въ линію союзниковъ. И вотъ теперь союзники, воспользовавшись пріостановкой германскаго наступленія и перевозкой значительныхъ германскихъ силъ на востокъ, задались цѣлью исправленія своего фронта. Началось наступленіе союзниковъ почти на всемъ фронтѣ отъ Сѣвернаго моря до границы Швейцаріи, но наступленіе каждый разъ ограничивалось небольшими участками и ставило себѣ каждый разъ очень скромныя, чисто-мѣстныя цѣли. Союзники выпрямляли свой фронтъ въ районѣ р. Изеръ, въ районѣ къ югу отъ Ипра, на р. Энъ, въ Аргоннахъ, на правомъ берегу Мааса, но до сихъ поръ не было сдѣлано ни одной попытки перейти въ серьезное наступленіе. Операціи велись въ такомъ скромномъ масштабѣ, что перспектива наступленія на бельгійскій городокъ Мененъ, лежащій къ сѣверу отъ Лилля и верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ Ипра, представлялась уже очень серьезной операціей, требующей значительной подготовки и такъ до сихъ поръ и не выполненною. Въ теченіе всѣхъ этихъ частныхъ боевъ союзникамъ удалось исправить свой фронтъ, придать ему болѣе правильное очертаніе, отнять у германцевъ нѣкоторые опорные пункты и такимъ образомъ занять нѣсколько болѣе выгодное исходное положеніе на случай общаго наступленія. Но общаго наступленія до сихъ поръ не было, и оно, повидимому, будетъ не особенно скоро. Союзники ждутъ свѣжихъ подкрѣпленій въ видѣ французскихъ контингентовъ 1915 года, заканчивающихъ укороченный срокъ обученія, и въ видѣ подвозки новыхъ англійскихъ армій, формированіе которыхъ затянулось. Англичане, какъ извѣстно, разсчитывали выставить на континентъ всего 6 армій изъ 32 дивизій. До сихъ поръ ими перевезена на театръ военныхъ дѣйствій только одна армія въ составѣ 7 дивизій и нѣсколькихъ дивизій индійскихъ войскъ. Очевидно, пройдетъ еще не мало недѣль, прежде чѣмъ союзники получатъ такія подкрѣпленія, которыя дадутъ имъ шансы для успѣшнаго общаго наступленія. Положеніе можетъ измѣниться только въ случаѣ дальнѣйшей массовой перевозки германскихъ силъ съ запада на востокъ. Это ослабленіе германцевъ будетъ, конечно, равноцѣннымъ усиленію союзниковъ и можетъ побудить ихъ перейти въ общее наступленіе, не дожидаясь перевозки новыхъ англійскихъ армій, которой ожидаютъ въ февралѣ.

Наиболѣе рѣшительными перемѣнами ознаменовалось въ теченіе истекшаго мѣсяца положеніе дѣлъ на балканскомъ театрѣ войны. Въ самомъ концѣ предыдущаго мѣсяца, 18 ноября, австрійцы достигли здѣсь своего наивысшаго успѣха и заняли Бѣлградъ. Положеніе Сербіи казалось въ этотъ моментъ совершенно потеряннымъ. Военныя дѣйствія были перенесены вглубь Сербіи, ея столица находилась въ рукахъ непріятеля, и сербамъ неоткуда было ждать, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, непосредственной помощи. Это положеніе дѣлъ, однако, сразу измѣнилось самымъ рѣзкимъ образомъ. Австрійцы переоцѣнили достигнутый ими здѣсь успѣхъ и ослабили свою южную армію, перевезя изъ нея значительныя силы на наиболѣе угрожаемый для Австріи сѣверный Карпатскій фронтъ. Сербская армія учла это обстоятельство и моментально перешла въ наступленіе, закончившееся тяжелымъ пораженіемъ австрійскихъ войскъ. Разбитыя у Сувобора и на р. Льигъ и Колубара, австрійскія войска должны были начать отступленіе, совершившееся при очень затруднительныхъ условіяхъ. Понеся большія потери во время самыхъ боевъ, австрійцы понесли еще большія потери во время энергичнаго преслѣдованія ихъ сербами. Австрійская армія была разгромлена въ прямомъ смыслѣ этого слова и не могла задержаться нигдѣ въ Сербіи. Однимъ ударомъ сербы очистили свою родину отъ противника, и 2 декабря Бѣлградъ былъ уже обратно занятъ сербами. Съ этого момента въ предѣлахъ Сербіи не находится ни одного австрійскаго солдата, кромѣ плѣнныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ было появилось извѣстіе о наступленіи сербовъ въ Сирміи и о занятіи ими Землина, но извѣстіе это оказалось пока преждевременнымъ. У истощенной сербской арміи хватило силъ для того, чтобы изгнать враговъ изъ своей родины, но для того, чтобы перенести военныя дѣйствія на непріятельскую территорію, она нуждалась въ продолжительномъ отдыхѣ и пополненіи своихъ истощенныхъ запасовъ.

На морскомъ театрѣ войны въ теченіе истекшаго мѣсяца произошли довольно крупныя событія, 25 ноября дальневосточная германская эскадра адмирала Шпее, потопившая мѣсяцемъ раньше у береговъ Чили два англійскихъ броненосныхъ крейсера, была застигнута англійской эскадрой у Фальклэндскихъ острововъ (южная часть Атлантическаго океана, противъ береговъ Патагоніи). Въ результатѣ этой встрѣчи разыгралось сраженіе, самое крупное пока изъ морскихъ сраженій настоящей войны. Въ составъ германской эскадры входило два броненосныхъ крейсера «Scharnhorst» и «Gneisenau» и три легкихъ крейсера «Dresden», «Nürnberg» и «Leipzig». О составѣ англійской эскадры, участвовавшей въ бою, имѣются неполныя и противорѣчивыя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ англійская эскадра была зна-

чительно сильнѣе германской. Оно кончилось гибелью четырехъ германскихъ крейсеровъ. Спасся лишь одинъ легкій крейсеръ «Dresden», а оба броненосные и остальные два изъ легкихъ крейсеровъ погибли вмѣстѣ со своими экипажами въ волнахъ Атлантическаго океана. Англичане не потеряли ни одного судна и понесли очень скромныя потери людьми.

Значеніе сраженія у Фальклэндскихъ острововъ далеко не исчерпывается однимъ матеріальнымъ ущербомъ для германскаго флота, хотя, разумѣется, и эта сторона является тоже существенной. Послѣ гибели эскадры адмирала Шпее у Германіи почти не осталось судовъ, которыя плавали бы въ открытомъ морѣ. Спасшійся у Фальклэндскихъ острововъ «Dresden», плавающій въ Атлантическомъ океанѣ «Karlsruhe», можетъ быть, также «Bremen» и еще одинъ небольшой крейсеръ,—вотъ все, что имѣетъ теперь Германія внѣ предѣловъ Сѣвернаго и Балтійскаго морей. Этихъ двухъ-трехъ или четырехъ маленькихъ крейсеровъ, разумѣется, совершенно недостаточно, чтобы грозить сколько-нибудь существенно англійской морской торговлѣ, и для борьбы съ ними достаточно однихъ легкихъ же англійскихъ крейсеровъ. Раньше, когда подъ германскимъ флагомъ плавали такія крупныя боевыя единицы, какъ «Scharnhorst» и «Gneisenau», Англія вынуждена была держать для защиты колоній и морской торговли вдали отъ метрополіи значительное число большихъ боевыхъ судовъ, броненосцевъ и бронесныхъ крейсеровъ. Такъ, вдали отъ Англіи плавали: линейный крейсеръ (крейсеръ - дрэдноутъ) «Australia», броненосцы «Triumph», «Swiftsure», «Goliath», «Canopus», броненосные крейсеры—«Cumberland», «Kent», не говоря уже про суда, сражавшіяся у Фальклэндскихъ острововъ, и много другихъ не менѣе крупныхъ боевыхъ единицъ. Теперь всѣ эти, въ общемъ очень внушительныя силы совершенно свободны и могутъ быть употреблены для другихъ цѣлей. Да и легкіе крейсеры, которые останутся теперь въ дальнихъ водахъ, пріобрѣтаютъ гораздо большую свободу дѣйствій, чѣмъ раньше, потому что теперь имъ уже не грозитъ опасность наткнуться на болѣе сильнаго противника. Англійскіе легкіе крейсеры значительно сильнѣе соотвѣтствующихъ германскихъ крейсеровъ.

Почти одновременно съ потерей четырехъ крейсеровъ у Фальклэндскихъ острововъ Германія понесла замѣтную потерю и на Балтійскомъ морѣ, гдѣ погибъ, повидимому, наткнувшись на мины загражденія, броненосный крейсеръ «Friedrich-Karl». Къ настоящему времени общія потери германскаго флота въ теченіе войны представляются въ такомъ видѣ. Погибли броненосные крейсеры: «Scharnhorst», «Gneisenau», «Yorck», «Friedrich-Karl»; легкіе крейсеры: «Magdeburg», «Köln», «Mainz», «Emden», «Nürnberg», «Königsberg»,

«Leipzig», «Ariadne», «Hela»; канонерки: «Panther», «Kormoran», «Luchs», «Tiger», «Jaguar», «Iltis», девять истребителей, три подводныхъ лодки и одно промѣрочное судно. Разоружены въ нейтральныхъ гаваняхъ—легкій крейсеръ «Geier» и канонерка «Eber». Общее водоизмѣщеніе всѣхъ этихъ судовъ около 88.000 тоннъ. Англійскій флотъ за время войны потерялъ броненосецъ: «Bulwark», броненосные крейсеры—«Aboukir», «Cressy», «Hogue», «Good Hope», «Monmouth», легкіе крейсеры: «Amphion», «Pegassus», «Pathfinder», «Hawke», «Hermes», канонерки—«Speedy» и «Niger» и двѣ подводныхъ лодки. Общее водоизмѣщеніе этихъ судовъ 101,000 тоннъ. Потери англичанъ по тоннажу абсолютно превышаютъ потери германцевъ; относительно же германцы потеряли почти вдвое большую часть своего флота, чѣмъ англичане. И это все, не принимая во вниманіе значительнаго числа большихъ германскихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, потопленныхъ или захваченныхъ англичанами.

Въ отвѣтъ на уничтоженіе германской эскадры у Фальклэндскихъ острововъ германскій флотъ совершилъ набѣгъ на берега Англіи. Набѣгъ былъ произведенъ утромъ 3 декабря, и жертвой его стали три приморскихъ города восточной Англіи: Гартльпуль, Уитби и Скарборо. Гартльпуль и Скарборо—укрѣпленные порты, хотя въ военномъ отношеніи не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія. Гартльпуль довольно бойкій коммерческій портъ съ судостроительными верфями, пароходнымъ заводомъ и большими доками. Скарборо преимущественно извѣстенъ какъ морской курортъ, а портъ его доступенъ лишь для судовъ съ осадкой не больше 16 футовъ. Наконецъ, Уитби просто небольшой приморскій городокъ, не имѣющій даже признаковъ укрѣпленій и не играющій въ то же время совершенно никакой роли въ торговомъ мореплаваніи. Нападеніе на него, совершенно не оправдываемое никакими военными соображеніями, явилось новымъ проявленіемъ стратегическаго озорства, такъ часто примѣняемаго Германіей.

Всѣ эти три города подверглись бомбардировкѣ. Она была непродолжительна, такъ какъ германскіе крейсеры поспѣшили удалиться при перныхъ признакахъ приближенія англійской эскадры, но тѣмъ не менѣе причинила большія поврежденія, такъ такъ въ набѣгѣ участвовали не только броненосные германскіе крейсеры, но и линейные крейсеры (крейсеры-дрэдноуты), вооруженные многочисленной тяжелой артиллеріей. Особенно сильно пострадалъ Гартльпуль, нѣсколько меньше Скарборо и Уитби. Въ Гартльпулѣ разрушенъ газовый заводъ, водопроводъ, четыре церкви, ратуша, школа, много частныхъ домовъ. Въ Скарборо—старинный замокъ, двѣ гостиницы и опять-таки много частныхъ домовъ. Въ Уитби повреждено историче-

ское зданіе аббатства и т. д. Вообще, бомбардировка была направлена противъ частныхъ и общественныхъ зданій, а не противъ какихъ-либо укрѣпленій. Велики были и жертвы людьми. Всего пострадало отъ бомбардировки до 500 человѣкъ, въ томъ числѣ свыше 100 убитыхъ. И опять-таки изъ этихъ сотенъ жертвъ лишь 21 человѣкъ принадлежали къ числу военныхъ, а остальные были выхвачены изъ рядовъ мирнаго населенія. Въ Гартльпулѣ, между прочимъ, пострадало много школьниковъ.

Нѣсколькими днями позже англичане нанесли отвѣтный визитъ въ главную базу германскаго военнаго флота—Куксгафенъ, явившись сюда съ легкими крейсерами и гидропланами. Какихъ-нибудь большихъ поврежденій германскому флоту этотъ набѣгъ не причинилъ, но своею смѣлостью онъ произвелъ очень большое впечатлѣніе.

А. Оглинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ XI. Исторія Пугачевскаго бунта. Петроградъ. 1914 Стр. X+482+364. Ц. 3 р.

XI томъ «академическаго Пушкина» содержитъ «Исторію Пугачевскаго бунта» и статью «Объ исторіи Пугачевскаго бунта» (разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества», въ январѣ 1835 г.). Пушкинскій текстъ этого тома, приготовленный къ печати покойнымъ В. Е. Якушкинымъ, воспроизводитъ въ точности текстъ авторскаго изданія 1814 года; при этомъ лишь въ Примѣчаніяхъ Пушкина къ Исторіи «Пугачевскаго бунта» допущены вставки тѣхъ дополнительныхъ примѣчаній, которыя, по словамъ самого автора, «не могли войти въ исторію Пугачевскаго бунта» и особо были представляемы Императору Николаю Павловичу, а опубликованы лишь значительно позднѣе. Въ настоящемъ изданіи воспроизведены также всѣ приложенія, находящіяся въ изданіи 1834 года, и кромѣ того данъ фототипическій снимокъ съ портрета Пугачева, находящійся при одной копіи «Лѣтописи» Рычкова. Повидимому, этотъ портретъ надо считать изъ наиболѣе достовѣрныхъ.

Къ настоящему тому приложенъ обширный комментарій, самъ по себѣ представляющій цѣлый томъ-изслѣдованіе, и принадлежащій бывшему профессору Казанскаго университета, извѣстному историку Н. Н. Ѳирсову. Собственно комментарію предшествуетъ большая и очень интересная обстоятельная статья, выясняющая тѣ условія, при которыхъ Пушкинъ предпринялъ и писалъ Исторію Пугачевскаго бунта. Это также общая оцѣнка историческаго труда Пушкина съ точки зрѣнія современной исторической критики. Авторъ шагъ за шагомъ характеризуетъ общія условія литературы и научнаго изслѣдованія въ Россіи тридцатыхъ годовъ, а также отношенія Императора Николая Павловича къ Пушкину и къ предмету его изслѣдованія, отношенія весьма подозрительныя. Во время Пушкина только и можно было «разсказывать о Пугачевскомъ бунтѣ, но нельзя было выяснить основныя причины этого движенія и развернуть полную и безпристрастную картину пугачевщины». Столь же неблагопріятны были и исторіографическія условія работы Пушкина; онъ не имѣлъ въ изслѣдованіи пугачевщины, можно сказать, предшественниковъ, вслѣдствіе запретности этой темы. Литература пугачевщины была тогда, помимо оффиціальныхъ свѣдѣній, совершенно ничтожна, и въ лучшемъ случаѣ давала немногія занимательныя внѣшнія подробности движенія или сомнительные анекдоты. На изученіе пугачевщины, хотя Пугачевымъ онъ интересовался издавна, поэтъ натолкнулся нѣсколько случайно въ 1833 г., при занятіяхъ Суворовымъ. Для біографіи Суворова нужно было написать главу и о Пугачевѣ; но документы о Пугачевѣ, съ которыми познакомился поэтъ, видимо, и отвлекли его мысли отъ Суворова къ пугачевщинѣ. Матеріалы, Пушкинымъ собранные и использованные для своего сочиненія, г. Ѳирсовъ изучилъ въ подлинникахъ, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ и въ Румянцевскомъ Музеѣ; онъ находитъ ихъ для того времени исключительно обильными: «никто до Пушкина не собиралъ такого матеріала для исторіи Пугачевскаго бунта», хотя съ точки зрѣнія современной приходится признать этотъ матеріалъ «очень неполнымъ». На книгѣ, конечно, также отразились особенности Пушкина, какъ историческаго мыслителя и писателя. Онъ не былъ подготовленъ къ своему труду, былъ дилеттантомъ, но болѣе серьезный недостатокъ былъ въ самомъ характерѣ его историческаго міросозерцанія. Великій поэтъ, хотя ясно видѣлъ устарѣлость манеры Карамзина, все же не пошелъ дальше автора «Исторіи государства Россійскаго» и вообще старой школы, которая главную роль въ исторической жизни народовъ относила къ лицу и случаю. Самая пугачевщина вставала въ воображеніи поэта не какъ одно изъ неизбѣжныхъ при данныхъ условіяхъ проявленій народной жизни, а просто «какъ мятежъ, на-

чатый горстью непослушныхъ казаковъ, усилившійся по непростительному нерадѣнію начальства», т.-е. какъ чисто случайный эпизодъ царствованія Екатерины II. Поэтому и книга его не столько исторія бунта и пугачевщины, сколько исторія занявшей его интересной личности самого Пугачева. Онъ самъ хотѣлъ назвать книгу «Исторія Пугачева», но Николай I нашелъ, что «преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи». Собственно народное движеніе осталось въ книгѣ Пушкина въ тѣни, въ глубинѣ сцены, почти совершенно стушевавшись передъ Пугачевымъ и военными дѣйствіями. Отразилось здѣсь представленіе Пушкина о народной массѣ, какъ пассивной и инертной, болѣе способной «безмолствовать», нежели проявлять свою иниціативу и самостоятельность. Въ изображеніе активно выступившей части этой массы Пушкинъ невольно внесъ нѣсколько неспокойное узко-сословное представленіе о ней какъ о «черни», о «сволочи», отразивъ настроеніе, какое было разлито въ раздраженно говорившихъ о Пугачевщинѣ матеріалахъ поэта. Это, по мнѣнію г. Ѳирсова, гармонировало и съ его оппортунистическими общественно-политическими тогдашними взглядами. На книгѣ отразились, наконецъ, и такія обстоятельства жизни Пушкина, какъ нужды семьи и практическіе разсчеты — необходимость скорѣе кончить работу, чтобы выйти изъ финансовыхъ затрудненій. Объѣздъ театра пугачевщины былъ произведенъ поэтомъ съ крайней быстротою, и затѣмъ еще стремительнѣе былъ въ Болдинѣ написанъ текстъ, притомъ параллельно многимъ другимъ писаніямъ, и, наконецъ, отпечатанъ столь же быстро. Этой исключительной быстротой работы объясняются и многія погрѣшности, отмѣченныя комментаторомъ въ текстѣ «Исторіи». Книга, вышедшая въ концѣ 1834 года, въ свое время не имѣла успѣха, хотя и тогда была признана нѣкоторыми замѣчательная простота и занимательность изложенія. «Ясное изложеніе происшествій, довольно запутанныхъ»—и самъ Пушкинъ считалъ главной своей задачей. Онъ сознавалъ пропуски и недостатки своего труда и собирался его переработать по болѣе полнымъ даннымъ, съ главнымъ изъ нихъ—слѣдственнымъ дѣломъ о Пугачевѣ—въ первую голову. Въ итогѣ, и въ настоящее время цѣнны нѣкоторыя безспорныя положительныя качества пушкинскаго труда. Въ предѣлахъ бывшаго въ его распоряженіи времени поэтъ чрезвычайно тщательно отнесся къ несродной его генію роли ученаго и, стремясь къ научной истинѣ, собралъ множество цѣнныхъ матеріаловъ и далъ нѣкоторые очерки событій (въ первой части книги), отличающіеся достаточной точностью, ясностью и удивительною простотою изложенія. Отъ себя замѣтимъ не отмѣченное г. Ѳирсовымъ обстоятельство, что самый объѣздъ театра пугачевщины былъ шагомъ

для того времени довольно замѣчательнымъ: и посейчасъ многія «исторіи» пишутся чисто-бумажно, безъ необходимаго ознакомленія въ натурѣ съ мѣстомъ и памятниками событій. Но что особенно цѣнно—по указанію г. Ѳирсова,—это самъ пушкинскій «историческій» Пугачевъ, это—«замѣчательно реальный образъ»... «Пониманіе Пушкинымъ личности Пугачева, постигнутое поэтомъ-историкомъ и благодаря его работѣ надъ первоисточниками, и еще болѣе благодаря художественной интуиціи, оказало свое мощное вліяніе на послѣ-пушкинскую литературу о пугачевщинѣ».

Въ обширныхъ и подробныхъ замѣчаніяхъ г. Ѳирсова на текстъ Пушкина указаны источники, которыми руководился Пушкинъ въ изложеніи извѣстныхъ ему фактовъ, и дано множество исправленій и дополненій. Эти примѣчанія, занимающія свыше 250 страницъ, разрастаются иногда въ цѣлыя самостоятельныя статьи по вопросамъ, затронутымъ Пушкинымъ, и важны, пожалуй, уже не столько для изучающихъ Пушкина, сколько для изучающихъ самую пугачевщину.

Ч. В—скій.

— Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе „Задруги“ и К. Ф. Некрасова. Томъ I. Въ 4-ую д. л. стр. 255. Цѣна по подпискѣ за три тома 18 р.

Предисловіе къ этому изданію (изъ типа «роскошныхъ», то-есть съ множествомъ дорогихъ иллюстрацій) справедливо замѣчаетъ, что «въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ имѣется весьма неопредѣленное представленіе о той группѣ общественныхъ и религіозныхъ явленій, которыя включаетъ въ себѣ прошлое масонства». Русскому читателю, дѣйствительно, негдѣ найти отвѣта на вопросы, чѣмъ было въ прошломъ это таинственно влекущее къ себѣ явленіе и что оно такое въ настоящемъ. Любопытствующаго приходится отсылать, что касается русскаго масонства, къ работамъ Лонгинова, Ешевскаго и Пыпина и къ литературѣ о Новиковѣ, а по общей исторіи масонства къ изданному въ семидесятыхъ годахъ переводу Финделя, уже не стоящему на уровнѣ современныхъ данныхъ. Новое изданіе обѣщаетъ заполнить, и заполнить удачно, этотъ существенный пробѣлъ нашей исторической литературы. «Задача сборника и будетъ показывать, насколько возможно, сущность стараго масонства». Редакція отводитъ первенствующее мѣсто въ книгѣ масонству русскому. Помимо общей характеристики теченій его въ разныя эпохи, будутъ даны литературные портреты наиболѣе выдающихся представителей масонства. Не совсѣмъ только

ясна оговорка редакціи относительно статей разныхъ авторовъ: «Въ коллективномъ трудѣ неизбѣжны расхожденія въ точкахъ зрѣнія отдѣльныхъ авторовъ. Они будутъ и въ настоящемъ изданіи, тѣмъ болѣе, что оцѣнка такого явленія, какъ масонство, по преимуществу субъективна (?)». Но вѣдь книга имѣетъ чисто-историческій характеръ, и потому самому должна дать возможно объективное изложеніе и освѣщеніе предмета.

Первый томъ открывается тремя статьями г.г. И. М. Хераскова, А. М. Васютинскаго и В. Н. Перцева, посвященными послѣдовательно—происхожденію масонства и его развитію въ Англіи, французскому масонству и нѣмецкому масонству въ XVIII вѣкѣ. Редакція отстранила разборъ и изложеніе фантастическихъ легендъ о возникновеніи масонства и начинаетъ изложеніе прямо съ XVII—XVIII вѣка. Къ сожалѣнію, изложеніе въ этихъ статьяхъ, вводныхъ къ исторіи масонства русскаго, чрезмѣрно сухо и схематично и вслѣдствіе того мѣстами невразумительно для читателя. Напр., авторъ первой статьи пишетъ (стр. 13) о розенкрейцерствѣ и его тенденціяхъ, проникавшихъ европейское общество: «не все въ нихъ было пустой фантастикой, пережиткомъ далекихъ эпохъ: въ туманной мистикѣ и загадочныхъ символахъ, бывшихъ данью культурнымъ особенностямъ момента, скрывалось здоровое зерно свободной мысли, прокладывавшей себѣ путь черезъ лѣсъ церковной схоластики и фанатизма». Однако, и эта мистика, и символы, и зерно свободной мысли остаются въ статьѣ вовсе не изображенными, едва только названными. Распространяясь о внѣшнихъ фактахъ исторіи масонства на Западѣ, авторы сухо объясняютъ успѣхъ его тѣмъ, что эти смирные вѣрноподданные и благочестивые люди принадлежали къ аристократіи или крупной буржуазіи, и тѣшились таинственными формами и ритуаломъ, удовлетворяясь туманнымъ и неопредѣленнымъ идеаломъ братства, высказаннымъ въ англійскомъ масонствѣ. Но, несомнѣнно, въ этомъ идеалѣ была дѣйственная, захватывавшая лучшихъ людей своего времени сила, которая питалась также и красивыми формами и таинственнымъ ритуаломъ. Между тѣмъ эта внутренняя интимная жизнь масонства дальнихъ эпохъ затушевана и тонетъ во внѣшнихъ подробностяхъ и судьбахъ разныхъ ложъ и т. п. Обстоятельнѣе и живѣе, чѣмъ англійское и французское масонство, освѣщено масонство нѣмецкое въ статьѣ г. Перцева. Дополненіемъ къ ней служитъ небольшая статья г. Васютинскаго объ орденѣ иллюминатовъ, представлявшемъ оригинальное сочетаніе масонскихъ и іезуитскихъ формъ съ идеями вѣка просвѣщенія. Сотрудники какъ будто все время—говоря словами одного изъ масоновъ, И. П. Елагина—интимную жизнь масонства почитаютъ «со-

вершенно игрушкою, для препровожденія празднаго времени выдуманною»; не чувствуется бережно вдумчиваго отношенія къ этимъ «игрушкамъ» мистики и ритуала, которое одно могло бы выявить и обрисовать все движеніе, какъ цѣльное историческое явленіе.

Русское масонство въ настоящемъ томѣ представлено и полнѣе и любовнѣе въ общемъ обзорѣ г. А. В. Семеки: «Русское масонство въ XVIII вѣкѣ» и статьяхъ г. В. Н. Тукалевскаго: «Н. И. Новиковъ и I. Г. Шварцъ», и Н. К. Пиксанова: «И. В. Лопухинъ». Здѣсь подчеркиваются въ масонствѣ «элементы, отвѣчающіе глубокимъ общественнымъ потребностямъ вѣка», что́, конечно, вполнѣ правильно; здѣсь на-лицо серьезное и вдумчивое вниманіе къ идеологіи и психологіи масонства. Лучшей статьей въ первомъ томѣ намъ показалась статья г. Пиксанова, сжато и выпукло рисующая образъ И. В. Лопухина, одного изъ виднѣйшихъ теоретиковъ масонства; въ своей замѣчательной дѣятельности и жизни, онъ проявилъ, какъ масонскіе филантропизмъ и терпимость (протесты противъ смертной казни и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній и защита духоборовъ отъ преслѣдованій), такъ и свою тѣсную связь съ родственной ему чисто-охранительной средою (узко-сословные взгляды и пр.).

Во всякомъ случаѣ, новое изданіе обѣщаетъ стать для русскихъ читателей надолго основательнымъ источникомъ для ознакомленія съ умственнымъ и нравственнымъ теченіемъ, игравшимъ въ развитіи русской мысли столь видную роль, въ общемъ—вопреки мнѣнію редакціи, видящей возможность только субъективной оцѣнки,—объективно цѣнную въ общественномъ и образовательномъ смыслѣ. Мы бы высказали пожеланіе, чтобы въ концѣ изданія былъ данъ обстоятельный указатель всей литературы предмета, хотя бы только русской, помимо указаній на нее въ текстѣ, большей частью не достаточно полныхъ.

Видное мѣсто въ изданіи занимаютъ иллюстраціи, исполненныя очень хорошо, притомъ почерпнутыя изъ многихъ недоступныхъ широкой публикѣ частныхъ и общественныхъ книгохранилищъ и музеевъ, даже иностранныхъ. Къ сожалѣнію, эта иллюстраціонная часть, по признанію самой редакціи, не можетъ претендовать на какую-либо научность. Образцы символовъ масонства, обрядовыя сцены и снимки предметовъ ритуала и т. п. приводятся безо всякихъ порядка и поясненій. Правда, обѣщаны статьи спеціально о масонской обрядности, въ которыхъ она и будетъ освѣщена, но пока-что — большинство иллюстрацій не можетъ не производить на непосвященныхъ въ таинства масонства впечатлѣнія простого курьеза и бутафоріи, чего было бы, конечно, желательно избѣжать.

Ч. В—скій.

— «Педагогическій сборникъ за пятьдесятъ лѣтъ». 1864—1914. Краткій историческій очеркъ. Составилъ И. С. Симоновъ. Петроградъ. 1914.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ совѣта военно-учебныхъ заведеній за 1857 годъ былъ вынесенъ жестокій приговоръ нашимъ дореформеннымъ кадетскимъ корпусамъ. «При весьма способныхъ и достойныхъ преподавателяхъ, — гласитъ отчетъ,—новое поколѣніе воспитанниковъ стало гораздо образованнѣе своихъ наставниковъ». Таковъ былъ результатъ обособленія и доведенной до послѣдняго слова специализаціи системы военнаго образованія. И было совершенно естественно, что реформаторъ нашей арміи, гр. Д. А. Милютинъ обратилъ свое главное вниманіе на то, чтобы поставить дѣло подготовки офицерскаго состава на новыя начала. Корпуса были раздѣлены на военныя училища и военныя гимназіи, при чемъ въ основу устройства послѣднихъ были положены «современныя требованія педагогики, какъ по части воспитательной, такъ и по части учебной».

Съ 1836 года при штабѣ военно-учебныхъ заведеній издавался «Журналъ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній». Къ моменту военно-учебной реформы, изданіе журнала «перестало достигать своей цѣли», и въ резолюціи на докладѣ о расходахъ по его изданію въ 1863 году Д. А. Милютинъ предложилъ обсудить, «не слѣдуетъ ли употребить на что-либо болѣе полезное издерживаемыя на этотъ предметъ суммы». Этимъ «болѣе полезнымъ» предметомъ расходовъ и сдѣлался съ 1864 года «Педагогическій Сборникъ». Разработка программы журнала принадлежала извѣстному педагогу Н. Х. Весселю, занявшему должность перваго его редактора и сумѣвшему привлечь къ дѣлу лучшія педагогическія силы. Первыя двѣ статьи въ первой книжкѣ принадлежали К. Д. Ушинскому: «Главнѣйшія черты человѣческаго организма въ приложеніи къ искусству воспитанія» и «О первоначальномъ преподаваніи русскаго языка». Уже одно заглавіе этихъ статей давало опредѣленный обликъ журналу, какъ органу, посвященному разработкѣ вопросовъ обще-педагогическихъ, ибо и военныя гимназіи представляли собой, какъ писалъ Н. Х. Вессель, «чисто реальныя общеобразовательныя заведенія». К. Д. Ушинскій, въ видѣ отдѣльныхъ статей, напечаталъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ» большую часть своего капитальнаго труда «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Изъ другихъ авторовъ, печатавшихъ свои статьи въ журналѣ за время редакторства Н. Х. Весселя, нельзя не упомянуть: Н. Ф. Бунакова, В. И. Водовозова, А. М. Герда, А. Л. Громачевскаго,

В. А. Евтушевскаго, Г. А. Леера, Д. И. Тихомирова, Ф. Ф. Эрисмана и мн. др.

Н. Х. Весселя въ 1882 г. замѣнилъ А. Н. Острогорскій,— одинъ изъ лучшихъ представителей созданной Д. А. Милютинымъ школы военныхъ педагоговъ. Военный офицеръ, связанный съ войскомъ всей своей службой, военнымъ чиномъ и военнымъ мундиромъ, А. Н. Острогорскій предварительно прошелъ должности воспитателя пажескаго корпуса, инспектора классовъ военной гимназіи и директора учительской семинаріи военнаго вѣдомства. Педагогу въ душѣ, ему приходилось работать въ журналѣ совсѣмъ въ другой обстановкѣ и въ другихъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ работалъ его предшественникъ. «Время перехода «Педагогическаго Сборника» подъ редакцію А. Н. Острогорскаго,—пишетъ составитель историческаго очерка,—совпало какъ разъ съ переименованіемъ военныхъ гимназій въ кадетскіе корпуса», при чемъ «предполагалось соотвѣтственнымъ пріучать постепенно воспитываемыхъ къ строгимъ требованіямъ дисциплины и къ строю, сдѣлавъ для сего необходимыя измѣненія въ административной организаціи гимназій». Разработка «реформы» шла помимо страницъ неоффиціальной части журнала. И въ очеркѣ вѣрно говорится: «Этотъ путь, конечно, не могъ создать того возбужденія, какое сопровождало созданіе военныхъ гимназій, въ которомъ приняло участіе, можно сказать, все вѣдомство, оставивъ по себѣ слѣдъ въ обширномъ литературномъ матеріалѣ, наполнявшемъ книжки «Педагогическаго Сборника» въ первые годы его существованія. По тѣмъ же причинамъ новый редакторъ не могъ разсчитывать на столь же широкое общеніе журнала съ учебно-воспитательнымъ составомъ военно-учебныхъ заведеній по вопросамъ организаціоннаго характера, возбуждаемымъ совершаемою реформою». Въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ А. Н. Острогорскому, все-таки, удалось сохранить преемственную связь вышедшихъ за его подписью книжекъ съ тѣми, которыя подписывалъ Н. Х. Вессель. И въ этомъ его огромная заслуга.

Съ 1910 г. редакторомъ «Педагогическаго Сборника» состоитъ составитель юбилейнаго очерка И. С. Симоновъ. Что предстоитъ журналу во второе пятидесятилѣтіе,—гадать трудно. Хотѣлось бы, чтобы онъ вернулся къ своимъ первымъ годамъ и чтобы этотъ возвратъ сталъ для него обновленіемъ.

К.—К.

— Атласъ Азіатской Россіи. 50 картограммъ, 8 картограммъ, 13 діаграммъ, 4 + 24 стр.—Азіатская Россія. Т. I. Люди и порядки за Ураломъ. Стр. VIII + 576 + 11.—Т. II. Земля и хозяйство. Стр. 638 + + 11. Изданіе переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. П. 1914.

Этими изданіями переселенческаго управленія заполненъ весьма существенный пробѣлъ въ нашей картографіи и литературѣ по исторіи, заселенію и экономическому развитію Сибири, Степного края и Туркестана. Печатнаго матеріала, относящагося къ этимъ окраинамъ и представляющаго собою результаты ученыхъ трудовъ отдѣльныхъ лицъ, работъ разныхъ правительственныхъ учрежденій и изслѣдованій спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ практическихъ знаній, — книгъ, брошюръ, сборниковъ статистическихъ свѣдѣній, графическихъ изображеній и т. п.,—накопилось немало и изъ груды этихъ изданій можно составить цѣлую хорошую библіотеку. Но среди этого богатства отсутствовали сводные источники съ систематическимъ подборомъ, обобщеніемъ и разработкой разрозненныхъ матеріаловъ, что сильно затрудняло и даже дѣлало невозможнымъ составленіе правильнаго общаго представленія объ экономическомъ и культурномъ состояніи азіатскихъ владѣній Россіи. Указанные здѣсь труды землеустроительнаго вѣдомства даютъ возможность составить общую картину современнаго положенія дѣлъ въ русской Азіи.

Атласъ и два тома пояснительнаго къ нему текста представляютъ собою коллективный трудъ многихъ лицъ, изданный подъ ближайшимъ общимъ руководствомъ начальника переселенческаго управленія, г. Глинки. Текстъ редактированъ г. Тхоржевскимъ, а общая редакція картъ, подборъ ихъ и всѣхъ вообще матеріаловъ по изданію выполнены г. Цвѣтковымъ. Карты атласа отпечатаны въ нѣсколько красокъ, текстъ иллюстрированъ большимъ количествомъ прекрасныхъ рисунковъ, исполненныхъ цинкографіями. Атласъ снабженъ обширнымъ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ нанесенныхъ на карты географическихъ названій, а въ концѣ второго тома текста приложена особая статья: «Исторія изученія Азіатской Россіи», въ которой приведены, съ болѣе или менѣе подробными объясненіями, имена всѣхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ изученіи, и указаны всѣ главные источники, использованные при составленіи атласа и текстовой къ нему части. Эти приложенія весьма облегчаютъ всякаго рода справки въ атласѣ и разысканія въ основныхъ первоисточникахъ.

Содержаніе атласа отличается выдающейся полнотой. Огромный фоліантъ открывается обстоятельной статьей: «Картографія Азіатской Россіи» съ оттискомъ въ ней «Карты Сибири Петра Году-

нова 1667 года», «Чертежа Сибирской земли 1672 года» и «Карты Иркутской провинціи изъ атласа 1745 года» и указаніемъ учрежденій и лицъ, принимавшихъ участіе въ составленіи атласа (главное управленіе удѣловъ, кабинетъ Его Величества, профес. Бергъ, профес. Воейковъ, профес. Глинка, профес. Шокальскій, профес. Середонинъ, г. Цвѣтковъ, г. Филатьевъ, г. Турчаниновъ и др.).

Первую серію въ атласѣ составляютъ копіи историко-географическихъ картъ Россіи временъ Грознаго и эпохи воцаренія Дома Романовыхъ, а также и Сибири при воцареніи Петра Великаго. Къ историческому отдѣлу принадлежитъ и вновь составленная «Карта общаго распространенія русскаго владычества въ Азіатской Россіи». Далѣе, идетъ длинный рядъ картъ административнаго дѣленія и подраздѣленій Азіатской Россіи на православныя епархіи, военные, судебные, учебные округа, губерніи и области и т. п., здѣсь же приложены планы городовъ и гербы губерній и областей. Большое число картъ посвящено изображенію данныхъ о населеніи Азіатской Россіи, его плотности и распредѣленіи по этнографическимъ и вѣроисповѣднымъ признакамъ. Не меньше мѣста отведено въ атласѣ и уясненію естественно-историческихъ условій, которыя представлены на картахъ во всемъ ихъ разнообразіи и со всѣми болѣе или менѣе важными характерными особенностями. Даны карты естественно-географическихъ областей, растительности и климатическія Азіатской Россіи, гипсометрическая и почвенная Россійской имперіи.

Главнѣйшую группу, однако, составляютъ карты, картограммы и діаграммы, дающія наглядное представленіе различныхъ сторонъ хозяйственнаго устройства, состоянія промышленности и финансовъ, а также общей культурно-экономической обстановки всей вообще Азіатской Россіи. Лѣса и полезныя ископаемыя, сельское хозяйство, промыслы, пути сообщенія и переселенческое дѣло, вывозъ главнѣйшихъ товаровъ, доходы и расходы государственнаго казначейства, задолженность и бюджеты городовъ — все это изображено графически и представлено въ цифрахъ въ широкомъ масштабѣ и въ то же время съ большими подробностями. Много вниманія удѣлено также спеціальнымъ отдѣламъ въ области переселенческихъ работъ, каковы землеотводныя въ Киргизской степи и сибирскихъ губерніяхъ, оросительныя въ Туркестанѣ и осушительныя въ Томской губерніи. Приложены, наконецъ, особыя карты казачьихъ и кабинетскихъ земель, планъ Мургабскаго государева имѣнія, карта Голодной степи и діаграммы водныхъ запасовъ Туркестанскаго края.

Подобной же полнотой содержанія отличаются и два объемистыхъ, свыше 1200 страницъ in quarto, тома текста. Энциклопедиче-

скій характеръ этого изданія явствуетъ уже изъ простого перечня вошедшихъ въ него статей.

Въ I томѣ («Люди и порядки за Ураломъ») помѣщены очерки по исторіи завоеванія Азіатской Россіи, статьи о ея пространствѣ и границахъ, административномъ и судебномъ устройствѣ, населеніи, школьномъ дѣлѣ, врачебной части, городахъ, казакахъ и ихъ земляхъ, кабинетскихъ земляхъ, переселеніи, колонизаціи и земельныхъ порядкахъ.

Во II томѣ «Земля и Хозяйство» напечатаны статьи о климатѣ, почвѣ, устройствѣ поверхности и геологическомъ строеніи, о флорѣ и фаунѣ, горныхъ и лѣсныхъ богатствахъ, ирригаціи, промыслахъ, торговлѣ, промышленности и кредитѣ, о путяхъ сообщенія и исторіи изученія Азіатской Россіи.

Въ составленіи текста участвовали: профессоръ А. И. Воейковъ («Климатъ»), проф. К. Д. Глинка («Почвы»), членъ Государственной Думы С. В. Востротинъ («Сѣверный морской путь»), Л. С. Бергъ («Устройство поверхности»), И. П. Толмачевъ («Геологическое строеніе»), Б. А. Федченко («Растительность»), П. Е. Васильковскій («Животный міръ»), многіе спеціалисты по статистикѣ, агрономіи и т. п.

Ограничиваясь этими краткими указаніями, добавимъ въ заключеніе, что изданія эти, какъ единственныя въ своемъ родѣ по обилію заключающихся въ нихъ свѣдѣній, полнотѣ разработки и обстоятельности изложенія, являются необходимыми настольными источниками для всѣхъ, интересующихся состояніемъ нашихъ щедро одаренныхъ природою, но до сихъ поръ мало извѣстныхъ читающей публикѣ обширныхъ азіатскихъ владѣній. Можно надѣяться, что труды эти найдутъ себѣ распространеніе не въ однихъ правительственныхъ учрежденіяхъ, но и среди представителей науки и литературы, а также въ различныхъ кругахъ общественныхъ дѣятелей.

К.

— Старинные люди у холоднаго океана.—В. М. Зензиновъ. Москва. 1914 г. Цѣна 75 к.

Небольшая книга Зензинова печаталась раньше въ журналѣ «Этнографическое Обозрѣніе» и теперь появилась вторымъ изданіемъ. Авторъ былъ высланъ на самый сѣверный изъ всѣхъ обитаемыхъ пунктовъ въ Россіи и Азіи (за исключеніемъ Нордъ-Капа), и здѣсь онъ встрѣтилъ русскій поселокъ, жизнь котораго, благодаря своей оторванности отъ внѣшняго міра, не измѣнилась на протя-

женіи вѣковъ. Зензинову удалось дать портреты и описать жизненный укладъ людей, которые пережили старину и донесли къ намъ тотъ укладъ жизни и мыслей, тѣ обычаи и говоръ, о которыхъ мы знаемъ только по книгамъ и которые существовали не позднѣе царствованія Алексѣя Михайловича.

Впервые поселокъ Русское Устье, о которомъ говорится въ книгѣ, упоминается, повидимому, въ 1739 г., въ царствованіе Анны Іоанновны. Оно было найдено «Большою Сѣверною Экспедиціею», во главѣ которой стоялъ Берингъ. Экспедиція провела въ Русскомъ Устьѣ зиму. Позднѣе, одинъ изъ членовъ экспедиціи Врангеля въ 1823 г. нашелъ здѣсь 4 хижины и насчиталъ 108 человѣкъ мужчинъ, которые всѣ были русскіе. Теперь въ поселкѣ можно насчитать всего двадцать мужчинъ. По сохранившемуся отъ стариковъ преданію, предки здѣшнихъ мѣщанъ были выходцами изъ Россіи. Спасаясь отъ тягостей ратной службы, жители разныхъ городовъ еще при Иванѣ Грозномъ, на ботахъ и кочахъ вышли изъ Россіи, моремъ двинулись на востокъ и осѣли въ устьѣ рѣки Индигирки.

При Алексѣѣ Михайловичѣ на нихъ, повидимому, наткнулись русскіе казаки. Благодаря отдаленности края (до Якутска 3.000 вер., т.-е. полтора мѣсяца ѣзды на оленяхъ) индигирцы освобождены отъ воинской повинности, и такимъ образомъ отрѣзана послѣдняя нитка, которая могла бы связывать этотъ уголокъ съ жизнью.

Въ языкѣ индигирцевъ сохранилось много старо-русскихъ словъ и оборотовъ. Они сохранили также старинныя русскія пѣсни, нѣкоторыя изъ нихъ авторъ собралъ. Даже характеръ индигирцевъ, по мнѣнію автора, совпадаетъ съ особенностями населенія въ XII и XIV вѣкахъ. Та же «расчетливость и осторожность, боязнь риска и широкихъ плановъ, цѣпкое пристрастіе къ старинѣ и традиціямъ дѣдовъ», но зато они въ тяжелой борьбѣ за существованіе утратили свои положительныя черты—мягкое добродушіе, юморъ и мечтательность. Разсказы о чудесахъ русской жизни ихъ не привлекаютъ. Оторванные отъ Россіи, поставленные судьбою въ необходимость вести тяжелую борьбу за существованіе, безграмотные, они древне-русскій укладъ жизни принаровили къ новымъ жизненнымъ условіямъ. Ихъ бытъ авторъ подробно описываетъ.

А. Т.

— Евгеній Ефимовъ. Природа преступленія. Естественно-научная теорія преступленія. Методологическое изслѣдованіе. М. 1914. Стр. 390.

Лежащая передъ нами работа г. Ефимова представляетъ первую часть предпринятаго имъ изслѣдованія главнѣйшихъ напра-

вленій въ наукѣ уголовнаго права. По мнѣнію автора, изученію соціологическаго и юридическаго направленія въ уголовномъ правѣ должно предшествовать изученіе болѣе ранняго, естественно-научнаго теченія, главнымъ образомъ, основного его положенія, что преступленіе есть *естественное* явленіе.

Первую главу книги, посвященную борьбѣ уголовно-правовыхъ школъ вокругъ реформы уголовнаго законодательства въ Германіи, слѣдуетъ разсматривать какъ вступительную. Въ этой борьбѣ главнѣйшій интересъ для автора представляетъ полемика между соціологомъ фонъ-Листомъ и классикомъ Биркмейеромъ. Коренное разногласіе заключается, по мнѣнію г. Ефимова, въ концепціяхъ преступленія: если для Листа преступленіе есть чувственное явленіе, данное намъ въ опытѣ, обусловленное, по преимуществу, соціальными причинами, то для Биркмейера преступленіе не является эмпирическимъ понятіемъ.

Принявъ первую точку зрѣнія, мы должны признать, что къ познанію преступленія примѣнимы формы, категоріи и пріемы позитивнаго, естественно-научнаго мышленія. Это утвержденіе нуждается въ провѣркѣ, которая можетъ быть сдѣлана путемъ анализа научныхъ изслѣдованій представителей позитивнаго направленія со стороны тѣхъ познавательныхъ принциповъ, которыми они оперируютъ въ этихъ изслѣдованіяхъ. Идя по этому пути, авторъ прежде всего обращается къ вопросу о происхожденіи формулы: преступленіе есть соціальное явленіе.

Прослѣживая развитіе этой формулы у Мануврiе, Лакассаня, Листа, авторъ приходитъ къ выводу, что въ основѣ ея лежитъ первоначальная формула Ломброзо, утверждавшая естественную необходимость преступнаго человѣческаго дѣйствія и заключавшая въ себѣ біологическую концепцію преступленія. «Но такая концепція,— говоритъ г. Ефимовъ,—находилась въ противорѣчіи съ понятіемъ человѣческаго дѣйствія, которое есть актъ человѣка не только какъ зоологическаго вида, но и какъ общественнаго животнаго, тѣсно связаннаго съ окружающей соціальной средой. Отсюда возникаетъ соціологическая концепція преступленія...» (Стр. 165).

Какъ бы то ни было, теорія Ломброзо, его взглядъ на преступленіе, какъ на естественное явленіе внѣшняго міра, имѣетъ значеніе все же первоосновы всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ позитивной школы. Ученіе итальянскаго ученаго было много разъ предметомъ критики, но, по утвержденію нашего автора, ей удалось срубить стволъ, но не вырвать корень антропологическаго ученія, ибо корнемъ этимъ является не идея прирожденнаго преступника, на которую обрушились удары критики, а положеніе, что преступленіе можетъ быть

объектомъ естественно-научнаго познанія. Критики теоріи Ломброзо доказывали, что связь между особой организаціей преступника и преступленіемъ *не доказана* туринскимъ профессоромъ, а не то, что такой связи не существуетъ, и что доказать ее невозможно. Анализъ ученія Ломброзо приводитъ автора къ выводу, что слово «преступленіе» не служитъ знакомъ для обозначенія конкретнаго представленія, которое поддавалось бы обработкѣ при посредствѣ категорій предметнаго мышленія. Преступленіе выражаетъ отрицательную оцѣнку, неодобреніе человѣческаго дѣйствія. «Чтобы понять преступленіе, нужно знать *основаніе* неодобрительной оцѣнки извѣстной категоріи поступковъ, т.-е. обратиться къ изученію не совершителя поступка, но совершителя оцѣнки—нормативнаго сознанія общества, произносящаго приговоръ черезъ законодателя и судью». (Стр. 218).

Попытку создать теорію естественнаго преступленія, сдѣланную Гарофало, авторъ также считаетъ неудачной. Поставивъ своей цѣлью дать естественно-научное опредѣленіе, Гарофало не былъ въ состояніи «пріемами точныхъ наукъ, въ формахъ теоретическаго мышленія разрѣшить проблему, лежащую, по своей этической, въ широкомъ смыслѣ, природѣ за предѣлами теоретическаго познанія». (Стр. 274).

Заключительная глава изслѣдованія посвящена вопросу о естественно-научномъ методѣ въ наукѣ уголовнаго права. Не отрицая плодотворности позитивнаго метода въ наукахъ о природѣ, г. Ефимовъ рѣшительно возражаетъ противъ притязаній этого метода на универсальность и въ особенности противъ примѣнимости его въ уголовномъ правѣ. Съ точки зрѣнія автора, наука уголовнаго права имѣетъ своей цѣлью не познаніе доступной воспріятію въ той или другой формѣ дѣйствительности, но установленіе нормъ для волевой дѣятельности человѣка. Это опредѣленіе находится въ связи съ общимъ противоположеніемъ естественно-научнаго мышленія мышленію нормативному, направленному на установленіе общезначимыхъ цѣнностей, какъ цѣлей для многообразной человѣческой дѣятельности.

Таковъ, въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, ходъ мыслей автора. Изслѣдованіе г. Ефимова представляетъ цѣнность прежде всего потому, что является едва-ли не первой у насъ попыткой подвергнуть обстоятельной ревизіи методологическіе принципы позитивной школы въ наукѣ уголовнаго права. Можно не соглашаться съ выводами автора, но нельзя не признать, что работа проникнута единствомъ мысли и ярко написана, возбуждаетъ и по-своему рѣшаетъ рядъ интересныхъ проблемъ. Нѣсколько смущаетъ только то, что авторъ тратитъ слишкомъ много усилій для доказательствъ истинъ почти

самоочевидныхъ, напр., что преступленіе не есть конкретный предметъ, ограниченный въ пространствѣ. Нельзя не отмѣтить также склонность автора къ чрезмѣрному упрощенію мыслей своихъ теоретическихъ противниковъ и иногда къ излишней полемической рѣзкости. Взглядъ автора на задачи науки уголовнаго права лишенъ отчетливости,—область уголовнаго правовѣдѣнія у него какъ будто сливается съ этикой.

Ал. Маклецовъ.

— Д-ръ Otto Rank и д-ръ Hanns Sachs. Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ. Авторизованный переводъ д-ра М. Кобылинской. Петроградъ.

Это, кажется, первая книга на русскомъ языкѣ, излагающая въ систематическомъ видѣ примѣненіе психоанализа Фрейда къ изученію такихъ процессовъ и продуктовъ человѣческаго духа, какъ миѳы, религіи, мораль, художественное творчество и т. п. Корни этихъ явленій фрейдисты ищутъ въ безсознательной области человѣческой души; и хотя на ту же область ссылаются и другіе изслѣдователи при объясненіи, напр., художественнаго творчества, но, главнымъ образомъ, школа Фрейда пытается показать, изъ какихъ элементовъ безсознательнаго и при помощи какихъ психологическихъ механизмовъ возникаютъ или развиваются данныя явленія. Да и само «безсознательное», введенное въ науку Фрейдомъ и играющее, по утвержденію его школы, такую важную роль въ происхожденіи вышеуказанныхъ явленій человѣческой психики, не есть, какъ извѣстно, то безсознательное (по терминологіи фрейдистовъ «предсознательное»), въ которомъ хранится запасъ образовъ и представленій, служащихъ матерьяломъ для работы сознанія, и гдѣ совершаются психическіе процессы, подготовительные къ работѣ послѣдняго. «Безсознательное» Фрейда наполнено представленіями, связанными съ аффективными переживаніями дѣтскаго возраста индивида и съ переживаніями первобытнаго человѣчества, естественными для того времени, когда они появились, но несовмѣстимыми съ послѣдующей культурою и изгнанными («вытѣсненными») поэтому изъ человѣческаго сознанія, но не изъ головы человѣка, откуда они воздѣйствуютъ, независимо отъ сознанія, на важнѣйшіе процессы душевной жизни, а временами пытаются ворваться въ обыденную жизнь сознанія, возрождая въ человѣкѣ примитивныя, и, казалось, давно изжитыя, противныя современной культурѣ стремленія и желанія. Человѣчество борется съ этими антисоціальными вліяніями прошлаго и индивидуально, и коллективно, или совершенно устраняя

ихъ изъ сознанія, или направляя эти могущественные аффекты въ русло, гдѣ они утрачиваютъ свою разлагающую силу. Это достигается при помощи работы фантазіи миѳологическаго, религіознаго, художественнаго характера. Общій смыслъ этой работы фантазіи, — говорятъ авторы указанной въ заголовкѣ этой замѣтки книги,—заключается въ томъ, что ея продуктами достигается «символическое удовлетвореніе соціально непримѣнимыхъ инстинктовъ» (стр. 90). «Соціальная функція миѳологіи заключается въ томъ, чтобы, насколько это возможно, отводить вредныя вытѣсненныя стремленія на путь фантастическаго удовлетворенія и тѣмъ самымъ удалить ихъ изъ области реальнаго» (стр. 94). Религіозныя системы дали въ этомъ смыслѣ гораздо больше. «Въ своей способности видоизмѣнять и сублимировать эти стремленія, онѣ до такой степени замаскировали ихъ удовлетвореніе, что сдѣлали возможнымъ высокое этическое развитіе человѣчества» (стр. 90). Художники, въ свою очередь, «принадлежатъ къ вождямъ человѣчества въ борьбѣ за усмиреніе и облагораживаніе враждебныхъ культурѣ инстинктовъ. Когда какая-либо изъ привычныхъ формъ проявленія этихъ инстинктовъ старѣетъ, т.-е. опускается ниже уровня культуры и своей предательской фигурой мѣшаетъ человѣчеству идти впередъ, тогда личности, одаренныя художественной творческой силой, освобождаютъ людей отъ вреда, оставляя имъ въ то же время наслажденіе; они переливаютъ старый инстинктъ въ новую, болѣе привлекательную, болѣе благородную форму» (стр. 148).

Не довольствуясь тѣми явленіями духовной жизни, которыя носятъ явный характеръ фантазіи, школа Фрейда претендуетъ распространить психоанализъ на такіе продукты человѣческаго духа, которые, какъ философскія системы, считаются производными чистаго разума и «сами претендуютъ на то, чтобы ихъ цѣнили, какъ чисто научныя и конечныя объясненія отношенія человѣка къ вселенной» (стр. 149). Вліяніе безсознательнаго фрейдисты ищутъ и въ психологической структурѣ философа, и въ продуктахъ его творчества. Въ разсматриваемой здѣсь книгѣ, впрочемъ, весь этотъ предметъ пройденъ очень бѣгло, и задачей авторовъ было лишь намѣтить исходные пункты для примѣненія въ этой области психоанализа.

Въ построеніяхъ Фрейда есть много страннаго, подчасъ смѣшного (стремленіе вездѣ искать вліяніе сексуальныхъ переживаній дѣтства), основныя положенія психоанализа, къ тому же, не установлены научно, а составляютъ гипотезу, быть можетъ, и не подлежащую прямому индуктивному доказательству. Тѣмъ не менѣе, попыткамъ примѣненія психоанализа въ наукахъ о духѣ нельзя

отказать ни въ остроуміи, и можно только пожелать, чтобы спеціалисты обратили на нихъ вниманіе и извлекли изъ этого метода то цѣнное, что онъ въ состояніи дать.

— L. Hersch. Le juif errant d'aujourd'hui: étude sur l'émigration de l'Europe orientale aux Etats-Unis de l'Amérique du Nord. Paris, 1913. 331 стр.

Эта книга, изданная въ Парижѣ и посвященная сѣверо-американской иммиграціи, наиболѣе интересна для Россіи. Главнымъ ея предметомъ служитъ эмиграція русскихъ евреевъ. Причины этой эмиграціи извѣстны: безправіе, ограниченія въ *правѣ жительства* и выборѣ занятія. Изъ года въ годъ сотни тысячъ евреевъ покидаютъ свою родину и отправляются туда, гдѣ имъ можно безъ всякихъ препятствій жить и работать. Эта основная причина налагаетъ опредѣленную печать на весь характеръ еврейской эмиграціи, отличающій ее отъ всей остальной эмиграціонной массы.

Во-первыхъ, русско-еврейскіе эмигранты почти всѣ эмигрируютъ *навсегда*, окончательно отряхая съ ногъ своихъ прахъ родины: возвращаются въ среднемъ всего только 8 процентовъ. Во-вторыхъ, это эмиграція, по преимуществу, семейная: переселяясь навсегда, евреи, естественно, берутъ съ собою, или вызываютъ ихъ за собою, своихъ близкихъ (женъ, дѣтей и пр.). Въ-третьихъ, въ русско-еврейской эмиграціи преобладаютъ высшіе слои рабочаго класса: «обученные рабочіе», ремесленники и т. под. Тогда какъ даже среди нѣмецкихъ эмигрантовъ насчитывается только одна треть обученныхъ рабочихъ («skilled mechanics»), русско-еврейская эмиграція даетъ таковыхъ 67 процентовъ. Послѣдній фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: покидаетъ Россію самый цѣнный въ экономическомъ отношеніи элементъ еврейскаго трудового населенія. Если еще принять во вниманіе, что на столь рѣшительный шагъ, какъ разрывъ съ родиной и переселеніе въ далекую и чуждую за-океанскую страну, естественно, рѣшаются только наиболѣе предпріимчивые люди, то приходится признать, что «естественный подборъ», совершающійся посредствомъ этой эмиграціи, едва-ли благопріятенъ для Россіи.

Б.

— Л. П. Кочеткова. Вымираніе мужского пола въ мірѣ растеній, животныхъ и людей. Москва. 1915.

Книга Л. П. Кочетковой имѣетъ дѣло съ явленіями и опытами, сдѣлавшимися извѣстными сравнительно недавно и обѣщающими внести существенныя поправки въ нѣкоторыя наши біологическія построенія. Явленія эти и опыты относятся къ феномену размноженія или, вѣрнѣе, продолженія рода въ мірѣ животныхъ и растеній, а мысль г-жи Кочетковой вращается около идеи о незакончившейся еще—по ея мнѣнію эволюціи,—функціи размноженія. Г-жа Кочеткова разсматриваетъ въ своей работѣ явленія естественнаго и искусственнаго партеногенеза (дѣвственнаго размноженія), опыты объ условіяхъ образованія половъ у растеній и животныхъ, опыты искусственнаго возбужденія развитія зародыша путемъ дѣйствія на женское яйцо различныхъ раздражителей—предметы, какъ видитъ читатель, очень интересные и почти неизвѣстные большой публикѣ; и уже поэтому книжка г-жи Кочетковой заслуживаетъ вниманія. Но г-жа Кочеткова остановилась на этихъ явленіяхъ и опытахъ не съ цѣлью простого ознакомленія съ ними читателя. Констатируя то или иное вліяніе внѣшнихъ условій на различныя формы размноженія и останавливаясь особенно на явленіяхъ дѣвственнаго размноженія—существованіе котораго настолько противорѣчило установившимся взглядамъ, что его долго отрицали, и область распространенія коего еще далеко не опредѣлилась—г-жа Кочеткова комбинируетъ факты такимъ образомъ, что эта форма произведенія потомства представляется не частнымъ и въ извѣстномъ смыслѣ случайнымъ явленіемъ, присущимъ лишь нѣкоторымъ видамъ животныхъ и растеній, а новой и притомъ высшей фазой въ эволюціи функціи размноженія, которой пока достигли древнѣйшія и наилучше приспособленныя къ условіямъ существованія животныя породы (членистоногія), но которой,—по ея мнѣнію,—не избѣжать въ свое время и человѣку. А такъ какъ естественное развитіе партеногенеза сопровождается умноженіемъ женскихъ особей и вырожденіемъ, а затѣмъ и полнымъ исчезновеніемъ мужского пола, то весь органическій міръ стремится превратиться,—и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ это стремленіе осуществится,—въ женское царство. «Полъ не былъ созданъ природой, говоритъ авторъ, въ самомъ началѣ жизни на землѣ; онъ не принадлежитъ къ незыблемымъ основамъ жизни, и нѣтъ основаній полагать, что онъ будетъ существовать вѣчно. Полъ есть исторически сложившееся явленіе, пріобрѣтенное въ теченіе долгой эволюціи организмовъ. Половое размноженіе, образовавшееся изъ безполаго, было лишь средствомъ возстановить утерянную отдѣльной особью способ-

ность размножаться». Съ теченіемъ времени способность особи производить самостоятельно потомство возстановляется, участіе въ этомъ процессѣ мужского элемента становится излишнимъ, функція пола, какъ таковаго, упраздняется, возникаетъ, слѣдовательно, въ новомъ видѣ безполое размноженіе; женская особь—единственная при такихъ условіяхъ обитательница земли—теряетъ половое значеніе; перестаетъ быть половой особью, «какъ не считается таковой амеба, хотя она и даетъ (путемъ дѣленія) потомство». Въ этомъ только смыслѣ и можно примириться съ утвержденіемъ г-жи Кочетковой (если только ея воззрѣнія на судьбу полового размноженія правильны), что полъ—явленіе временное на землѣ.

Г-жа Кочеткова намѣчаетъ и нѣкоторыя условія (помимо усложненія организаціи живого существа, потребовавшаго и болѣе сложнаго механизма размноженія) возникновенія полового размноженія, смѣны его размноженіемъ дѣвственнымъ и исчезновенія мужского пола. Основанія для этого она находитъ въ фактахъ и опытахъ, подобныхъ нижеслѣдующимъ. Во многихъ случаяхъ безполаго размноженія (водоросли, грибы), при ухудшеніи условій питанія, организмъ начинаетъ производить половыя клѣтки, и безполое размноженіе смѣняется половымъ. Равнымъ образомъ и при неполномъ развитіи партеногенеза, когда послѣ ряда женскихъ поколѣній появляется одно мужское, и дѣвственное размноженіе смѣняется половымъ—эта смѣна происходитъ при тѣхъ же условіяхъ ухудшенія условій существованія. Такая зависимость одного явленія отъ другого вполнѣ подтверждается и опытами, и можно, слѣдовательно, утверждать, что улучшеніе условій существованія содѣйствуетъ образованію женскихъ особей и развитію дѣвственнаго размноженія, а ихъ ухудшеніе вызываетъ усиленное рожденіе мужскихъ особей. «Половое размноженіе,—заключаетъ изъ сего г-жа Кочеткова,—было вызвано обстоятельствами преходящими—тяжелой борьбой за существованіе»; теперь главная его роль сыграна, «оно идетъ на убыль и постепенно смѣняется дѣвственнымъ».

Установленную наблюденіемъ и опытомъ зависимость рожденія мужскихъ и женскихъ особей отъ лучшихъ условій существованія г-жа Кочеткова пытается примѣнить къ объясненію факта различнаго соотношенія между числомъ мужчинъ и женщинъ у различныхъ человѣческихъ племенъ, въ различныхъ странахъ и слояхъ населенія, и эту попытку во многихъ случаяхъ можно считать удачной. И такъ какъ, побѣждая природу, человѣчество создаетъ все лучшія и лучшія условія для своего существованія, то въ этомъ авторъ находитъ подтвержденіе правильности мысли, что начавшійся въ животномъ мірѣ и уже завершившійся у нѣкоторыхъ породъ живот-

ныхъ процессъ замѣны полового размноженія дѣвственнымъ распространится современемъ на человѣческій родъ и превратитъ его въ родъ женскій.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г-жи Кочетковой. И какъ бы ни относиться къ ея предположеніямъ, книга, трактующая объ интересныхъ и весьма мало извѣстныхъ публикѣ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области біологіи, не можетъ не привлечь къ себѣ вниманіе читателя.

В. В.

— Д-ръ И. В. Сажинъ. Алкоголизмъ въ арміи и мѣры борьбы съ нимъ Спб. 1913 г. Ц. 15 к. Его же. Вліяніе спиртныхъ напитковъ на нервную систему. Спб. 1914 г. Ц. 30 к. Его же изданія И. Горбунова-Посадова «Борьба съ пьянствомъ»: умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ. Москва, 1914 г. Ц. 10 к. Наиболѣе распространенныя причины алкоголизма и необходимость борьбы съ ними. Москва, 1914 г. Ц. 8 к. О вліяніи спиртныхъ напитковъ на растущій организмъ. Москва, 1914 г. Ц. 8 к. Правда о пивѣ и виноградныхъ винахъ. Петроградъ, 1914 г.

Д-ръ И. В. Сажинъ—извѣстный дѣятель въ области борьбы съ алкоголизмомъ и указанныя выше брошюры его, посвященныя этому вопросу, будутъ съ пользой прочтены всякимъ, не имѣющимъ спеціальныхъ свѣдѣній въ этой области, но желающимъ подкрѣпить свое апріорно-отрицательное отношеніе къ алкоголю и алкоголизму, какъ народной болѣзни, серьезными научными данными. Изложеніе автора всегда ясное и точное, отличается объективностью, внушающей довѣріе къ сообщаемымъ фактамъ и наблюденіямъ, и искренній защитникъ алкоголя—лукаваго ничѣмъ не убѣдить—прочитавъ брошюры д-ра Сажина, долженъ будетъ усомниться въ своей правотѣ.

Большинство брошюръ написано до начала безпримѣрнаго по своему размаху въ исторіи опыта принудительнаго изгнанія изъ обихода многомилліонныхъ массъ алкогольныхъ напитковъ, безъ которыхъ до сихъ поръ не мыслилось наше существованіе. Только брошюра «Правда о пивѣ и виноградныхъ винахъ» написана тогда, когда первое впечатлѣніе отъ ошеломляющаго опыта стало проходить, когда стали сначала потихоньку, а затѣмъ все громче раздаваться голоса сторонниковъ «укрѣпляющей и живительной» влаги, когда стали окружать какимъ-то особымъ почетомъ пиво и вино, когда стали даже указывать на эти напитки, какъ на *средство борьбы* съ алкоголизмомъ. Крайне интересно и поучительно, какъ отмѣчаетъ И. В. Сажинъ и всѣ, изучающіе вопросъ, что трудовой людъ, въ особенности женщины трудящихся массъ радостно благословляютъ начинающееся отрезвленіе народа, съ тревогой и

ужасомъ думаютъ о возможности возобновленія пьянства. Недовольство же создавшимся положеніемъ идетъ большей частью со стороны имущихъ и, какъ это ни прискорбно, зачастую интеллигентныхъ слоевъ населенія. Послѣдними пускается въ ходъ, въ числѣ другихъ, и такой аргументъ, что, при отсутствіи алкоголя, массы станутъ отравляться морфіемъ, гашишемъ, эѳирами и т. д. и каждый случай такого отравленія, попадающій въ газетную хронику, укрѣпляетъ ихъ въ этой позиціи. Можно сильно сомнѣваться, грозитъ ли намъ такое новое массовое бѣдствіе. Наоборотъ, примѣръ Америки, гдѣ въ нѣкоторыхъ штатахъ запретительная система проведена, а также Норвегіи, гдѣ потребленіе алкоголя рѣзко падаетъ, говорятъ противъ этихъ опасеній. Само собой понятно, что однѣхъ запретительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ недостаточно, что вмѣстѣ съ запрещеніемъ не исчезла имѣющая глубокія соціально-экономическія и бытовыя причины потребность въ возбудителѣ, какимъ являлся алкоголь. Но запретительныя мѣры ни въ малѣйшей степени не исключаютъ возможности примѣненія иныхъ способовъ для прекращенія или, по крайней мѣрѣ, сокращенія народнаго пьянства. Исчезновеніе изъ обихода одурманивающаго яда можетъ только содѣйствовать проявленію самосознанія, самодѣятельному проведенію въ жизнь всякихъ улучшающихъ ее начинаній.

Потребленіе виноградныхъ винъ и пива, хотя бы въ умѣренномъ количествѣ, отнюдь не обозначаетъ собою меньшаго въ сравненіи съ крѣпкими напитками алкогольнаго отравленія. Какъ показываютъ вычисленія, выпивающій ежедневно 3 рюмки водки вводитъ въ свой организмъ за годъ 11 литровъ алкоголя, выпивающій $^1/_2$ бутылки винограднаго вина—13,3 литра, выпивающій ежедневно бутылку пива—14,6 литра чистаго спирта! Какъ единодушно подтверждаютъ всѣ изслѣдователи, должно быть признано лицемѣрнымъ обманомъ указаніе, будто съ ростомъ потребленія пива и винограднаго вина падаетъ потребленіе водки. Наоборотъ, статистическія данныя Германіи и Франціи, странъ пива и виноградныхъ винъ, показываютъ, что нѣтъ никакого антагонизма въ потребленіи тѣхъ или иныхъ напитковъ; то же самое отмѣчается и въ Россіи, гдѣ кривыя потребленія пива и вина съ одной стороны и водки съ другой — идутъ параллельно. Широкое потребленіе вина взамѣнъ водки должно неизбѣжно усилить и безъ того существующую фальсификацію винъ. Москва, являющаяся очагомъ массоваго алкоголизма, занимается, однако, вывозомъ огромныхъ количествъ вина, т.-е. представляетъ крупнѣйшій центръ поддѣлки винъ Уже теперь, какъ сообщаетъ С. А.

Первушинъ, появился, въ виду спроса, особый «портвейнъ», цѣною въ 20—30 к. за бутылку!

Совершенно безразлично, говоритъ знатокъ алкогольнаго вопроса проф. Гауле, происходитъ ли опьяненіе изъ поэтической виноградной лозы или прозаическаго картофеля, воспѣвается ли напитокъ поэтами, какъ божественный виноградный сокъ, или появляется въ видѣ вульгарнаго шнапса—все равно, мы во всѣхъ этихъ случаяхъ имѣемъ дѣло съ опредѣленнымъ ядомъ—алкоголемъ.

В. Б—ъ.

— Джорджъ Холіокъ. Исторія рочдэльскихъ піонеровъ. Переводъ съ 10-го англійскаго изданія С. Цедербаума, подъ редакціей В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1914.

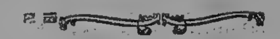
«Исторія рочдэльскихъ піонеровъ» Джорджа Холіока, написанная и изданная въ два пріема, въ 1857 и 1878 г.г. и дополненная въ 1893 г., будучи въ свое время переводима на иностранные языки, долго служила однимъ изъ важныхъ средствъ распространенія кооперативныхъ идей въ Англіи и въ другихъ государствахъ, подобно тому, какъ само рочдэльское потребительное общество своими солидными успѣхами, широкими замыслами и начинаніями очень распространило и укрѣпило идею коопераціи среди низшихъ и высшихъ классовъ Соединеннаго Королевства. И написана-то была Холіокомъ исторія этого общества не только съ цѣлью увѣковѣченія даннаго начинанія, но и главнымъ образомъ, въ видахъ подтвержденія практической важности, удобовыполнимости и распространенія идеи кооперативной организаціи трудящагося люда. Это обстоятельство, въ совокупности съ тѣмъ фактомъ, что авторъ составлялъ свою книгу не на основаніи только рукописнаго и печатнаго матерьяла, но и по личнымъ наблюденіямъ описываемаго излюбленнаго имъ начинанія рочдэльскихъ ткачей, входилъ въ дѣло не только разумомъ, но и чувствомъ, вмѣстѣ съ прямо заинтересованными въ немъ лицами радовался его успѣхамъ и негодовалъ на враговъ молодого общества, рѣзко отличаетъ книгу Холіока отъ обычныхъ, составляемыхъ посторонними лицами «исторій» со строго соразмѣренными частями и безстрастными выкладками и придаетъ ей особенно жизненный характеръ. Это даже, впрочемъ, и не исторія въ обычномъ смыслѣ слова, а сборникъ газетныхъ статей по различнымъ предметамъ, связаннымъ съ предпріятіемъ рочдэльскихъ ткачей. Книга отличается поэтому несистематичностью изложенія, частыми отступленіями, повтореніями, оби-

ліемъ мелкихъ фактовъ, интересныхъ лишь для ея современниковъ, а также собственныхъ разсужденій автора и требовала бы дѣятельнаго вмѣшательства редакціоннаго характера. Излишне, кажется, пояснять, что разсматриваемое нами изданіе вводитъ читателя въ кругъ идей и явленій, относящихся къ начальнымъ стадіямъ успѣховъ кооперативнаго движенія въ Англіи, но не можетъ дать понятія о современномъ состояніи даже рочдэльскаго потребительнаго общества.

— Обзоръ кустарныхъ промысловъ Московской губерніи за 1912—13 г.г. Москва. 1914.

Текущія свѣдѣнія о кустарныхъ промыслахъ можно встрѣтить въ обзорахъ многихъ земствъ о состояніи сельскаго хозяйства, составляемыхъ по отвѣтамъ ихъ корреспондентовъ. И такъ какъ, не говоря о краткости соотвѣтствующей программы вопросовъ—земскіе корреспонденты набираются преимущественно изъ сельскохозяйственныхъ, а не кустарныхъ районовъ губерніи, то неудивительно, что соотвѣтствующія части земскихъ сельскохозяйственныхъ обзоровъ оказываются очень неполными и имѣющими характеръ случайности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ самостоятельную текущую статистику кустарныхъ промысловъ пробовалъ издавать сельскохозяйственный отдѣлъ министерства земледѣлія, а въ истекшемъ году приступило къ такому изданію московское губернское земство, составившее спеціальную для того программу вопросовъ и озаботившееся пріобрѣтеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ кустарныхъ районахъ губерніи. Программа имѣетъ въ виду выясненіе вопросовъ о родѣ употребляемыхъ въ промыслѣ сырыхъ матеріаловъ, условіяхъ ихъ пріобрѣтенія кустарями и цѣнахъ при различныхъ способахъ покупки; объ условіяхъ, формахъ сбыта и цѣнахъ приготовляемыхъ кустарями издѣлій; о заработкахъ кустарей и расплатѣ за работу товарами. Полученныя отъ 373-хъ корреспондентовъ свѣдѣнія сгруппированы въ поволостныя таблицы, коимъ предпосланъ составленный г. Вихляевымъ текстъ, излагающій главнѣйшіе итоги изслѣдованія. При первомъ знакомствѣ съ данной работой возникаетъ вопросъ о степени согласованности, а слѣдовательно, и достовѣрности свѣдѣній о такихъ, напримѣръ, щекотливыхъ предметахъ, какъ цѣны матерьяловъ, покупаемыхъ кустарями у скупщиковъ за наличныя и въ долгъ сравнительно съ рыночными, и о цѣнахъ готовыхъ издѣлій, сбываемыхъ кустарями скупщикамъ за наличныя и въ долгъ, сравнительно съ цѣнами, получаемыми за

нихъ—при продажѣ на вольномъ рынкѣ—въ тѣхъ случаяхъ, когда эти свѣдѣнія даются рядовымъ кустаремъ и скупщикомъ. Основанія для возбужденія такихъ вопросовъ мы находимъ въ фактѣ большихъ колебаній разницы цѣнъ нѣкоторыхъ матерьяловъ и издѣлій при покупкѣ и продажѣ ихъ разными способами. И для болѣе сознательнаго отношенія къ этому факту слѣдовало бы, какъ кажется, раздѣльно группировать свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ, полученныя отъ скупщика и отъ рядового кустаря.



ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ.

Ко времени написанія «Обзора военныхъ дѣйствій» (см. выше, стр. 395) операціи на Кавказскомъ фронтѣ находились въ стадіи неопредѣленности и незаконченности. Съ 23 по 28 декабря опубликованы штабомъ кавказской арміи сообщенія, указывающія на побѣдоносное для русскихъ войскъ движеніе этихъ операцій.

23 декабря штабомъ опубликовано слѣдующее краткое сообщеніе:

I.

«У Сарыкамыша сраженіе продолжается для насъ благопріятно. Наши войска съ разсвѣтомъ 21-го декабря атаковали Ардаганъ и къ вечеру, послѣ упорнаго боя, турки, понеся большія потери, были выбиты изъ окоповъ».

II.

«Въ упорномъ бою 21-го декабря подъ Ардаганомъ туркамъ нанесено полное пораженіе. Наши войска занимаютъ Ардаганъ и преслѣдуютъ разбитаго противника».

24-го декабря штабъ кавказской арміи сообщаетъ:

«Подъ Сарыкамышемъ нанесено полное пораженіе турецкой арміи.

«IX-й турецкій корпусъ уничтоженъ. Командиръ корпуса Исханъ-Паша, начальникъ 17-й, 28-й и 29-й дивизій и два замѣстителя начальниковъ дивизій со своими штабами, свыше сотни офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ.

«Потеря турокъ убитыми и ранеными огромны. Намъ досталось много орудій, пулеметовъ, боевыхъ припасовъ, обозовъ.

«Рота одного изъ доблестныхъ полковъ захватила въ плѣнъ весь высшій командный составъ IX-го корпуса.

«Наши побѣдоносныя войска преслѣдуютъ остатки X-го турецкаго корпуса, пытавшагося спастись бѣгствомъ.

При взятіи нами Ардагана одинъ изъ сибирскихъ полковъ, бросившійся въ атаку въ конномъ строю, изрубилъ двѣ роты турецкой пѣхоты, а четвертая сотня этого полка взяла знамя 8-го пѣхотнаго Константинопольскаго полка.

«Отъ Ардагана турки поспѣшно отступаютъ въ разныхъ направленіяхъ.

«На прочихъ фронтахъ безъ перемѣнъ».

---

25 декабря штабъ кавказской арміи даетъ сводное описаніе всѣхъ операцій, длившихся съ конца ноября и остававшихся до того неизвѣстными:

«Къ концу ноября главная масса войскъ третьей турецкой арміи была эшелонирована на востокъ отъ Эрзерума, имѣя впереди два корпуса и одинъ въ резервѣ у Гассанъ-Кала.

«По плану Энвера-паши 3-я турецкая армія должна была наступать слѣдующимъ образомъ: X-ый и IX-ый корпуса должны были перейти на Ольтинское направленіе и составить наступающій флангъ, а XI-му корпусу приказано оставаться на своихъ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ и путемъ демонстраціи привлечь на себя вниманіе нашихъ войскъ; въ случаѣ же нашего перехода въ рѣшительное наступленіе, XI-й корпусъ долженъ отходить къ Эрзерумской крѣпости и увлекать за собою наши войска.

«X-й корпусъ долженъ былъ наступать двумя колоннами: одной дивизіей на Идъ долиною Ольты-Чая и двумя дивизіями на Ардожъ долиною Серви-Чая.

«Въ промежутокъ между XI и X корпусами долженъ былъ наступать IX-ый корпусъ.

«Нашъ Ольтинскій отрядъ, несмотря на значительно превосходныя силы противника, мужественно сдерживалъ послѣдняго и, переходя въ энергичныя контръ-атаки, нанесъ врагу весьма значительныя потери.

«Тѣмъ временемъ обнаружилось наступленіе сильной турецкой колонны, поддерживаемой возставшимъ мусульманскимъ населеніемъ со стороны Пантурецкаго и Ялогузчанскаго переваловъ, въ направленіи на Ардаганъ. Занимавшій этотъ пунктъ нашъ гарнизонъ, послѣ упорнаго боя въ теченіе 16-го и 17-го декабря, отошелъ нѣсколько къ востоку.

Получивъ подкрѣпленіе, мы атаковали 21-го декабря турецкія силы, сосредоточенныя у Ардагана, нанесли здѣсь туркамъ полное пораженіе, причемъ нами захвачено знамя 8-го турецкаго полка, принадлежащаго къ составу константинопольскаго гарнизона.

«При дальнѣйшемъ развитіи боевыхъ дѣйствій, выяснилось, что главныя силы турокъ, т. е. IX-й и X-й турецкіе корпуса повели наступленіе на Сарыкамышъ. Эти движенія по горнымъ дорогамъ, занесеннымъ снѣгомъ, черезъ высокіе перевалы производились почти безъ обоза, безъ полевой артиллеріи, хотя турецкія войска были обильно снабжены боевыми припасами.

«При этихъ дѣйствіяхъ турки разсчитывали, главнымъ образомъ, на сочувствіе и широкую помощь мѣстныхъ мусульманъ, заранѣе организованныхъ турецкими эмиссарами.

«На долю нашихъ войскъ выпала задача, удерживая на фронтѣ большія турецкія силы, выдѣлить достаточный заслонъ для того, чтобы разбить IX-й и X-й турецкіе корпуса.

«Несмотря на исключительную трудность этой задачи, на суровую зиму, при условіи борьбы на высокихъ перевалахъ, до 10.000 футовъ, занесенныхъ снѣгомъ, наши доблестныя кавказскія войска, послѣ 10-дневнаго упорнаго боя, благополучно выполнили свою исключительно трудную задачу, а, именно, отразивъ бѣшенныя атаки турокъ съ фронта и на Сарыкамышъ, они окружили и уничтожили почти два турецкихъ корпуса, причемъ остатки одного изъ нихъ вмѣстѣ съ командиромъ корпуса, тремя начальниками дивизій, штаба и многими офицерами, тысячами нижнихъ чиновъ, артиллеріей, пулеметами и вьючными транспортами, были захвачены въ плѣнъ.

«Напряженная борьба на главномъ фронтѣ, естественно, потребовала перегруппировки нашихъ силъ на второстепенныхъ для насъ направленіяхъ и приближеніе нѣкоторыхъ отрядовъ къ нашимъ границамъ.

«Наши трофеи не приведены еще въ извѣстность, такъ какъ преслѣдованіе еще продолжается».

---

27 ноября народомъ въ газетахъ сообщеніе штаба о нѣкоторыхъ важныхъ подробностяхъ указанныхъ сраженій:

«Въ бою подъ Ардаганомъ 21-го декабря были разбиты и разсѣяны части турецкихъ войскъ принадлежавшія къ составу 1-го турецкого корпуса, квартирующаго въ Константинополѣ. Подъ Ардаганомъ оказалось не мало Баши Бузуковъ, привезенныхъ изъ европейской Турціи, а также шаекъ передавшихся на сторону Аджарцевъ.

«Нашими войсками захвачено много боевыхъ припасовъ, оружія, часть артиллеріи, при чемъ одно горное орудіе съ полной запряжкой

и всей прислугой во главѣ съ офицеромъ взято однимъ изъ кубанскихъ казачьихъ полковъ.

«Нами взято въ плѣнъ нѣсколько десятковъ офицеровъ, много нижнихъ чиновъ и предано землѣ свыше полуторы тысячи непріятельскихъ труповъ.

«Знамя 8-го турецкаго полка было захвачено послѣ молодецкой атаки въ конномъ строю частей лихого сибирскаго казачьяго полка, изрубившаго нѣсколько турецкихъ ротъ.

«Выясняется полный разгромъ 30-тысячнаго IX-го турецкаго корпуса, уничтоженнаго подъ Сарыкамышемъ въ бояхъ съ доблестными частями кавказской арміи. Нами захвачена вся артиллерія этого корпуса и взяты въ плѣнъ всѣ генералы, свыше 300 офицеровъ и нѣсколько тысячъ аскеровъ, представляющихъ остатки истребленнаго корпуса.

«Сборъ оружія и прочихъ трофеевъ, разсѣянныхъ на большомъ пространствѣ въ горахъ, лѣсахъ и оврагахъ, занесенныхъ снѣгомъ, продолжается.

«Энергичное преслѣдованіе остатковъ X-го турецкаго корпуса отдаетъ намъ новые трофеи, подсчетъ коихъ еще не доконченъ».

---

28 декабря находимъ въ газетахъ слѣдующее краткое сообщеніе отъ штаба кавказской арміи:

«Турки, повидимому, съ цѣлью облегчить тяжелое положеніе X-го корпуса, остатки котораго спѣшно отступаютъ изъ-подъ Сарыкамыша, вновь повели въ окрестностяхъ Караургана энергичное наступленіе.

«На прочихъ фронтахъ безъ перемѣнъ.

«Въ окрестностяхъ Караургана упорный бой продолжается. Турки ведутъ здѣсь энергичныя атаки, успѣшно отражаемыя нашими войсками, которыя наносятъ противнику большія потери.

«На остальныхъ фронтахъ въ теченіе 26-го декабря шли незначительныя перестрѣлки».

На фронтахъ—прусскомъ, польскомъ и галицкомъ эти дни прошли безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ Буковинѣ, по сообщенію штаба Верховнаго Главнокомандующаго отъ 27 декабря, «въ теченіе послѣднихъ восьми дней наши войска, пройдя съ боями свыше 120 верстъ, достигли пограничнаго хребта, отдѣляющаго Буковину отъ Венгріи. За время этой операціи нами взято въ плѣнъ свыше 1.000 австрійцевъ и захвачено много разнаго рода трофеевъ».

На западномъ фронтѣ въ эти дни не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. Горькій. Дѣтство. Петроградъ, 1915. Стр. 340. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга Горькаго составилась изъ фельетоновъ, печатавшихся въ одной газетѣ. Въ другое время о ней много говорили бы и писали: это необыкновенно ярко и выпукло выписанныя бытовыя картины, воспоминанія дѣтства, прошедшаго въ тупо-темной и жестокой средѣ мѣщанства, простонародья. Многое производитъ въ ней невыносимо тяжелое впечатлѣніе. „Свинцовыя мерзости" взаимной ненависти и ожесточенія заслоняютъ порою то свѣжее, сильное и здоровое, что было въ этой средѣ и въ этомъ тяжеломъ дѣтствѣ и что заставило писателя не потерять вѣры въ возрожденіе народа: типы бабушки, замѣчательной хранительницы легендъ и пѣсенъ, отца (котораго писатель знаетъ, впрочемъ, только по разсказамъ) и немногіе другіе. Съ настоящимъ художественнымъ мастерствомъ Горькій придалъ образамъ своего дѣтства типическое значеніе, и книга будетъ читаться долго, и какъ автобіографія, и какъ бытовыя правдивыя картины широкой полосы простонародной жизни.

Словарь литературныхъ типовъ. Гончаровъ. Петроградъ. 1914. Стр. 368. Цѣна 2 рубля.

Это изданіе, выходящее уже не первый годъ подъ редакціей Н. Д. Носкова, пользуется хорошей извѣстностью въ средѣ педагоговъ и изучающихъ русскую литературу. Новый выпускъ, посвященный Гончарову, составленъ при участіи С. И. Поварнина и Н. А. Саввина и отличается тѣми же достоинствами, что и предыдущіе выпуски: тщательно подобраннымъ матеріаломъ для характеристики типовъ, и всякаго рода справочными и библіографическими свѣдѣніями, полезными при изученіи писателя. Къ сожалѣнію, въ книгѣ нѣтъ ссылокъ на новую превосходную работу о Гончаровѣ А. Мазона, что объясняется, видимо, лишь тѣмъ, что ко времени ея выхода данный томъ словаря уже печатался.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ. XVIII вѣкъ. Ч. I. Отъ Петра до Екатерины II. Сборникъ П. Мельгуновой, К. Сивкова и Н. Сидорова. Стр. VIII + 431 + VI. Москва. Цѣна 1 р. 25 к.

Сборникъ представляетъ удачную попытку дать исторію русскаго быта, поскольку она рисуется въ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Изданіе предназначено для широкой публики и учащихся, не имѣющихъ возможности прочесть хотя бы важнѣйшіе изъ весьма многочисленныхъ относящихся сюда матеріаловъ. Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ стремленію, господствующему нынѣ преподаваніи исторіи, возможно ближе подводить учащагося къ самымъ источникамъ исторіи. Матеріалъ подобранъ весьма разнообразный, и изданіе должно имѣть хорошій успѣхъ, какъ отвѣчающій своему назначенію опытъ. Можно бы пожелать предъ разными отдѣлами книги сжатыхъ вводныхъ статей, которыя характеризовали бы матеріалъ и показывали бы учащемуся, какъ имъ пользоваться.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Профили и зигзаги. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ всегда нѣсколько трескучихъ и декламаціонныхъ очерковъ и фельетоновъ почтеннаго писателя. Но ему нельзя отказать въ умѣньи брать животрепещущія темы и блестяще докладывать о нихъ читателю. „Бывалый" человѣкъ, онъ много и многихъ видалъ и знаетъ, съ многимъ изъ его разсказовъ впослѣдствіи считаться придется. Въ настоящемъ томикѣ имѣется нѣсколько очерковъ, представляющихъ интересъ современности. Таковы въ особенности воспоминанія о Скобелевѣ, съ его предвидѣніями борьбы противъ германцевъ, и письма Скобелева. Тепло написаны воспоминанія о художникѣ Верещагинѣ.

Отчетъ Имп. Рос. Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1913 г. Москва. 1914. Въ 4-ю д. л. Стр. 124.

Чрезвычайно изящно, съ многими иллюстраціями изданный, этотъ отчетъ содержитъ приложенія, любопытныя для археологовъ и архивистовъ. Отмѣчаемъ отчетъ въ виду того обстоятельства, что здѣсь также описана, съ приведеніемъ образцовъ карточекъ, весьма практическая и удобная, принятая теперь въ музеѣ, система каталогизаціи, какъ книгъ, такъ и всѣхъ другихъ предметовъ храненія (американская), что весьма важно для множащихся у насъ библіотекъ, путающихся въ крайне устарѣлыхъ и брошенныхъ системахъ каталогизаціи. Для пушкинистовъ представятъ интересъ помѣщенныя здѣсь же письма гр. В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ несостоявшейся дуэли (замѣтка М. Голубцовой).

Е. А. Звягинцевъ. Инспекція народныхъ училищъ. Русское общество и учебное вѣдомство въ школьномъ дѣлѣ. Москва. 1914. Стр. 132, въ 16-ю д. л. Цѣна 40 коп.

Въ послѣдніе годы министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало рядъ рѣшительныхъ шаговъ, имѣющихъ конечною цѣлью дать въ завѣдываніи начальной школою полное преобладаніе своимъ органамъ въ лицѣ инспекторовъ. Въ книжечкѣ г. Звягинцевъ собралъ очень полный и разносторонній матеріалъ, порою сбивающійся на каррикатуру, по достовѣрный, о томъ, чѣмъ въ дѣйствительности является инспекторскій надзоръ. Появленіе книжки въ виду реформъ въ школьномъ дѣлѣ какъ нельзя болѣе кстати. Авторомъ послѣдовательно проведена чрезъ книжку мысль, что поставить народную школу на должную высоту смогутъ не инспекція, хотя бы въ усиленномъ составѣ, а реформированныя земство и городское самоуправленіе, при посредствѣ просвѣщеннаго и организованнаго учительства.

Ш. Диль. По берегамъ Средиземнаго моря. Кн-во М. и С. Сабашниковыхъ. Серія „Страны, вѣка и народы". Москва. 1915. Стр. 310. Цѣна 1 р. 25 к.

Извѣстный византинистъ, авторъ выпущенныхъ тѣмъ же издательствомъ живыхъ и выпуклыхъ „Византійскихъ портретовъ", Ш. Диль показалъ въ своихъ путевыхъ замѣткахъ также недюжинное искусство живого наблюденія. Искусно сплетая свой первенствующій археологическій интересъ съ современностью, онъ далъ книжку интересную и для широкаго круга читателей. Значеніе современности, въ виду войны съ Австро Венгріей и Турціей, имѣютъ страницы и главы, посвященныя Далмаціи, Босніи и Герцеговинѣ (интересная характеристика политики въ нихъ Австро-Венгріи) и Константинополя.

Ч. В-скій.

І. Саксонъ Миллсъ. Панамскій каналъ. Исторія и описаніе его. Петроградъ. 1914.

Окончаніе въ истекшемъ году сооруженія Панамскаго канала, задуманнаго еще 400 лѣтъ тому назадъ, имѣющаго внести существеннѣйшія измѣненія въ темпъ и направленіе міровой торговли, вызываетъ естественный интересъ и къ прошлой исторіи, исовременному состоя-

нію этого грандіознаго предпріятія, поглотившаго 50 тысячъ человѣческихъ жизней и 800 милліоновъ рублей (знаменитая „Панама") во времена Лессепса и такую же сумму денегъ по переходѣ предпріятія въ американскія руки. Нельзя поэтому не признать своевременнымъ изданіе редакціи „Современника" вышеназванной книжки, въ которой, кромѣ помянутыхъ выше вопросовъ, излагаются главнѣйшіе вѣроятные результаты прорытія канала для различныхъ странъ стараго и новаго свѣта.

В. Твердохлѣбовъ. Теоріи переложенія налоговъ. Петроградъ. 1914.

Въ небольшомъ историческомъ очеркѣ г. Твердохлѣбовъ знакомитъ читателя съ различными ученіями о переложеніи налоговъ, сопровождая ихъ краткими критическими замѣчаніями и высказывая въ заключеніе, что построеніе общей теоріи переложенія налоговъ закончено „по крайней мѣрѣ впредь до новаго теоретическаго синтеза въ экономической наукѣ, который бы выступилъ на смѣну теоріи предѣльной полезности", и дѣло стоитъ теперь за „индуктивнымъ изученіемъ переложенія". Такое изученіе наблюдается теперь больше всего въ Италіи, тогда какъ германская экономическая наука „застыла въ своемъ самодовольствѣ".

Хутора Уфимской губерніи. Составилъ М. П. Красильниковъ. Уфа. 1914.

Хотя немалочисленныя уже изслѣдованія образуемыхъ правительствами хуторовъ предпринимаются съ цѣлью показать, чего можно ожидать для сельскаго хозяйства отъ этой усиленно прививаемой формы землеустройства; но въ дѣйствительности изслѣдованія этого не даютъ и не могутъ дать по той простой причинѣ, что хуторское разселеніе земледѣльцевъ—слишкомъ еще молодое и неопредѣлившееся у насъ явленіе для того, чтобы рѣзко отразиться на состояніи сельскаго хозяйства. Отъ такого изслѣдованія можно ожидать главнымъ образомъ выясненія скорѣе экономическаго и обще-хозяйственнаго, чѣмъ агрикультурнаго типа хуторянина. Сказанное подтверждается и примѣромъ указаннаго въ заголовкѣ настоящей замѣтки изданія уфимскаго губернскаго земства, показавшаго, что средній уфимскій хуторянинъ отличается отъ общинника не земледѣльческой техникой и сѣвооборотами, а прежде всего болѣе крупнымъ земельнымъ участкомъ и въ значительной мѣрѣ зависящими отъ него: болѣе богатымъ и совершеннымъ сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, болѣе цѣннымъ скотомъ (крупный рогатый) и только.

І. А. Шапиро. Руководство по всѣмъ отраслямъ коопераціи. Петроградъ. 1914.

Книга І. А. Шапиро,—обѣщающая читателю „теорію, практику и исторію" разныхъ видовъ коопераціи и претендующая отвѣтить на запросы и самой жизнью приведенныхъ къ идеѣ коопераціи крестьянъ и рабочихъ, и помогающей имъ въ кооперативномъ строительствѣ интеллигенціи, и нуждающихся въ пособіи для повторенія курса по коопераціи слушателей высшихъ учебныхъ заведеній—какъ и слѣдовало ожидать, не удовлетворяетъ ни одной изъ поставленныхъ выше задачъ и всего менѣе пригодна для необразованнаго читателя. Вторая же, большая половина книги и по внѣшней формѣ, и по содержанію совсѣмъ неудобочитаема и могла бы выполнять лишь функцію недостаточно полнаго (сельско хозяйственной коопераціи Германіи посвящено, напр., всего шесть строкъ—с. 105) справочника.

И. А. Поплавскій. О вліяніи жилищъ на заболѣваемость и смертность рабочихъ. Москва. 1914.

Авторъ этой брошюры исходитъ изъ того положенія, что общепринятый пріемъ доказательства вліянія жилищныхъ условій

на здоровье и смертность населенія, заключающійся въ сопоставленіи цифръ населенности жилищъ и цифръ заболѣваемости и смертности даннаго раіона, не выражаетъ искомаго вліянія въ чистомъ видѣ, такъ какъ лица, занимающія рѣдко и густо населенныя квартиры, рѣзко различаются въ экономическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, не остающихся также безъ вліянія на болѣзненность и смертность. Для исключенія вліянія этого фактора слѣдуетъ оперировать надъ цифрами для однороднаго въ данномъ отношеніи населенія, и небольшой статистическій этюдъ И. А. Поплавскаго представляетъ опытъ такого оперированія на матерьялѣ, относящемся къ одной крупной мануфактурѣ въ Смоленской губерніи.

В. В.

Въ теченіе декабря мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Айхенвальдъ, Ю. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб. 20 коп.

Аржановъ, С. П. Краткій учебникъ анатоміи и физіологіи растеній. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 60 коп.

Бергсонъ, Анри. Творческая эволюція. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Буревичъ, К. Смятый цвѣтокъ. Драма въ 6 дѣйствіяхъ. Ростовъ-на-Дону. 1914 г.

Вережникова, А. А. Золотое дно. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 25 коп.

— Всѣмъ солнышко свѣтитъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Воблый, К. Г. Основы экономіи страхованія. Кіевъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гаршинъ, Всеволодъ. То, чего не было. Разсказъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 5 коп.

— Лягушка - путешественница. Сказка. Петроградъ, 1915 г. Ц. 50 коп.

— Сказаніе о гордомъ Аггеѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 6 коп.

— Сигналъ. Разсказъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 6 коп.

Гете. Фаустъ. Томъ I. Текстъ въ пер. Николая Холодковскаго. Т. II. Комментарій и примѣчанія. Сост. Н. А. Холодковскій. Петроградъ, 1914 г. Цѣна за два тома 4 руб.

Горькій, М. Дѣтство. Т. 20. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Грейденбергъ, Б. С. Судебно-психіатрическая экспертиза въ уголовномъ процессѣ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. Недоумѣніе. Т. VIII. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Дъвинъ, П. І. Философія преподаванія родного языка. Вып. I. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Евгеньевъ, Борисъ. Ваятель. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Евлаховъ, А. Надорванная душа. Ейскъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Жерлицынъ, М. Кольриджъ и англійскій романтизмъ. Одесса, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Зайцевъ, Л. М. Подданные враждебнаго государства и русскіе суды. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Зоргенфрей, Г. Въ прусскихъ школахъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Іостъ, Л. Физіологія растеній. Пер. А. А. Рихтера. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 6 руб. 50 коп.

Каптеревъ, П. Ѳ. Исторія русской педагогики. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 3 руб. 25 коп.

— Новая русская педагогика, ея главнѣйшія задачи, направленія и дѣятели. Изд. 2-е. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Карѣевъ, Н. Роль парижскихъ секцій въ переворотѣ 9 термидора. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Конопницкая, Марія. Прометей и Сизифъ. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 20 коп.

Кривенко, С. Н. Салтыковъ. Біографическій очеркъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 75 коп.

Ландо, Б. М. Интересы русскаго сахарнаго экспорта. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Лейтесъ, К. С. Русскіе рабочіе въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб.

Мальбраншъ, Н. Бесѣда христіанскаго философа съ философомъ китайскимъ о бытіи и природѣ Божества. Пер. М. Н. Ершова. Казань, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Мануиловъ, А. А. Политическая

экономія. Курсъ лекцій. Вып. I. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Масловъ, Петръ. Общедоступный курсъ исторіи народнаго хозяйства. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Моравская, М. Стихи о войнѣ. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 20 коп.

Мысовскій, П. К. Старый монастырь. Полѣсская поэма. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Невѣдомый. Лириконъ. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Панюринъ, Г. Дѣтскія игры. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Павловичъ, С. А. Простѣйшія работы по изготовленію коллекцій въ школѣ и дома. Петроградъ, 1915 г.

Петровичъ, П. Состояніе хлопковыхъ плантацій въ Закавказьѣ къ 1 окт. 1914 г. Вып. II. Тифлисъ, 1914 г.

Пинкевичъ - Аржановъ - Ягодовскій. Учебникъ естествознанія. Часть II. Ботаника. Сост. С. П. Аржановъ. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Полферовъ, Я. Я. Сельскохозяйственныя машины и орудія и ихъ производство въ Россіи. Петроградъ, 1914 г.

Соловьевъ, С. В. Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Спекторскій, Е. Происхожденіе протестантскаго раціонализма. Варшава, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Стеллецкій, И. Я. Китайгородская стѣна. Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Степовичъ, Л. Славянскія извѣстія. Воронежъ, 1914 г.

Трубецкой, Евгеній, кн. Смыслъ войны. Вып. I. Москва, 1914 г. Цѣна 30 коп.

Федоровскій, В. Н. Торговля Россіи съ Франціей и Бельгіей. Москва, 1915 г. Цѣна 1 руб. 30 коп.

Хвостовъ, В. М. Женщина и человѣческое достоинство. Москва, 1914 г. Цѣна 2 руб.

Центнершверъ, М. Химическое сродство и его значеніе для техники. Пер. М. А. Блоха. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Шамонинъ, Владиміръ. На погостѣ. Стихи. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 40 коп.

Шмейль, О. Животныя. Изд. 7-е. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 1 руб. 85 коп.

Эрнъ, В. Розмини и его теорія знанія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 80 коп.

Өедоровъ, А. М. Весенній вѣтеръ. Т. I. Изд. 2-ое. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 1 руб.

Отдѣлъ земельныхъ улучшеній въ 1909—1913 гг. Петроградъ, 1914 г.

Очарованный Странникъ. Альманахъ осенній. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Сборникъ: „1914 годъ“. Подъ ред. С. А. Лопатова. Москва, 1914 г.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1913 годъ. Петроградъ, 1914 г.

Статистическій Ежегодникъ Тверской губ. (1912—1913 гг.). Тверь. 1914 г.

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ. Томъ I и II. Петроградъ, 1914 г.

Толстовская Библіографія за 1912 г. Подъ ред. А. Л. Бема. Петроградъ, 1914 г. Цѣна 30 коп.

1913 г. Ежегодникъ Гл. Упр. Землеустройства и Земледѣлія. Годъ 7-ой. Петроградъ, 1914 г.

Азіатская Россія. Т. III. Изд. Переселенческаго Управленія. Петроградъ, 1914 г.

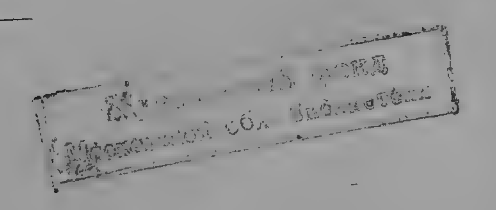
Библіотека „Виленскаго Университета“. Проф. Людвигъ Гурлитъ. Проблемы единой школы. — Е. В. Тарле. Крестьяне и рабочіе во Франціи въ эпоху великой революціи.—П. С. Коганъ. Романтизмъ и реализмъ въ европейской литературѣ XIX в.—Школьная гигіена. Краткій курсъ для учителей начальныхъ училищъ. М. С. Уварова. Петроградъ, 1914 г. Цѣна каждаго выпуска 75 коп.

Всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Извѣстія главнаго комитета. № 1 и 2. Москва, 1914 г.

Восточный Сборникъ въ честь А. Н. Веселовскаго. Москва, 1914 г. Цѣна 3 руб.

Изданія „Посредникъ“. № 12. В. Савихинъ. Кривая доля. № 25. Л. Н. Толстой. Первый винокуръ. № 62. В. Савихинъ. Два сосѣда. № 70. С. Семеновъ. Вино. № 74. Грѣхъ и безуміе пьянства. № 79. Н. Полушинъ. Василиса Марковна. № 123. Ө. Желтовъ, Передъ людьми. № 246. А. Пакинъ. Пора опомниться. № 241. Н. Полушинъ. Разуваевскіе мужики у московской кумы. № 259. С. Семеновъ. Вѣрное средство. № 269. В. Савихинъ. Прошумѣла слава. № 359 Вино—ядъ. № 387. П. Хотымскій. Гришка. № 388. С. Семеновъ. Васька. № 457.

С. Семеновъ. Вудь тревв. № 460. Пьянство—горе наше. № 481. Загубленная жизнь. № 549. На желѣзной дорогѣ. Разсказъ Ѳ. В. Антипова. № 589. Счастливый день Дудкина. Разсказъ К. Фомушкина. № 560. С. Семеновъ. Хорошее житье. № 564. И. Старининъ. Получка. № 608. Л. Н. Толстой. Для чего люди одурманиваются? № 784. Л. Толстой. Какъ чертенокъ краюшку хлѣба выкупалъ. №. 825. Л. Н. Толстой. Благодарная почва. № 842. Козыревъ. Школа. № 934. С. Семеновъ. Порченый. № 1105. Л. Н. Толстой. Отъ нея всѣ качества. № 984. Душеспасительныя наставленія св. Василія Великаго. О пьянствѣ.—„Борьба съ пьянствомъ“ (алкоголизмомъ). Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 1. Народное здравіе и разрушеніе его водкой, виномъ и пивомъ. Вып. 2. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. Вып. 3. Спиртные напитки, какъ причина преступленій. Вып. 4. Спиртные напитки, какъ причина сумасшествія. Вып. 5. Проф. Э. Крепелинъ. Къ молодежи. Вып. 6. Проф. А. Форель. Къ студенчеству. Вып. 7. Проф. Г. Бунге. Алкоголизмъ и вырожденіе. Вып. 8. Чѣмъ помочь великому горю. Вып. 10. Бодрилларъ. Берегитесь спиртныхъ напитковъ. Вып. 12. Л. Н. Толстой. Праздникъ просвѣщенія. Вып. 22. Приключенія бутылки съ виномъ. Вып. 24. Крест. Мих. Новиковъ. Къ братьямъ крестьянамъ. Вып. 26. М. Ильинъ. Исповѣдь запойнаго пьяницы. Вып. 27. Врачъ Францманъ. Объ алкоголизмѣ. Вып. 28. Д. М. Лавровъ. Вліяніе алкогольныхъ напитковъ на человѣка. Вып. 29. Л. Линдрумъ. Уроки трезвости. Вып. 30. Почему я никогда не пью спиртныхъ напитковъ? Вып. 31. В. Рахмановъ. Бесѣда о томъ, какая отрава въ водкѣ, винѣ и пивѣ. Вып. 32. Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. Что говоритъ о спиртныхъ напиткахъ наука? Вып. 35. Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. О вліяніи спиртныхъ напитковъ на растущій организмъ. Вып. 36. Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. Наиболѣе распространенныя причины алкоголизма. Вып. 37. Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ. Вып. 38. Д-ръ мед. И. В. Сажинъ. Чахотка и алкоголизмъ. Вып. 39. Не пей и не кури. Вып. 40. Л. Н. Толстой. Богу или Мамонѣ. Вып. 42. В. Лукьянская. Какой вредъ дѣлаетъ человѣку вино.—Библіотека И. Горбунова-Посадова. № 991. Первыя понятія о томъ, какъ живетъ наше тѣло и что для него полезно и вредно.—Библіотека новаго воспитанія и образованія и защиты дѣтей. Вып. 31. И. Горбуновъ-Посадовъ. Къ русскимъ учителямъ начальной, средней и высшей школы. Учитель и школа въ борьбѣ съ народнымъ пьянствомъ. Москва, 1914 г.



Продолжается подписка на изданія Т-ва „Міръ":

ИТОГИ НАУКИ ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ.

Подъ редакціей: проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

Изъ отзывовъ печати: Представляя изъ себя научную энциклопедію, „ИТОГИ НАУКИ" ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ характера справочника: это—изданіе, предназначенное служить для самообразованія въ широкомъ смыслѣ этого слова, которое даетъ то, что представляетъ наибольшую цѣнность для широкой публики. Нѣкоторые отдѣлы по красотѣ и увлекательности изложенія являются настоящими шедеврами. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. *„Совр. Міръ"*.

Изданіе распадается на четыре отдѣла: **I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общество.**—Изданіе составитъ около 13-ти томовъ и богато-иллюстрировано. **Цѣна изданія** по подпискѣ—6 р. 75 к. за томъ въ роскошномъ переплетѣ безъ пересылки.—Вышли **томы I, II, III, V, VI, VII, IX и X.**

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (1800—1910)

подъ редакціей **Ѳ. Д. БАТЮШКОВА**, при ближайшемъ участіи: проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, Е. В. Аничкова и прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.

Изъ отзывовъ печати: „Предпринятый издательствомъ „Міръ" коллективный трудъ о западной литературѣ XIX в. обѣщаетъ стать столь же цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-популярную литературу, какъ и ранѣе изданная имъ исторія русской словесности... Всѣ статьи написаны обстоятельно и дѣльно и читаются съ несомнѣннымъ интересомъ.—„Изданіе заслуживаетъ живѣйшаго вниманія, какъ превосходное и незамѣнимое пособіе"...—„Изданіе безукоризненное"...—„Авторы подходятъ къ разбираемымъ ими явленіямъ со строго критической оцѣнкой"... *„Русскія Вѣд."* 19 VI 13 г. *„День"* № 67, 13 г., *„Голосъ Минувшаго"* 13 г., *„Рѣчь"* № 40, 14 г.

Изданіе составитъ около **6** томовъ большого формата и богато-иллюстрировано большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ — портретовъ, каррикатуръ, картинъ, воспроизводящихъ бытъ эпохи, автографовъ и т. п.— всего около **1,400** рисунковъ, въ томъ числѣ около **200** на отдѣльныхъ листахъ-вкладкахъ.

Цѣна изданія по подпискѣ 7 р. 50 к. за томъ, въ роскошномъ переплетѣ (безъ пересылки). **Вышли I и II тома**

Продолжается подписка и на другія изданія Т-ва „МІРЪ":

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ. Г. В. Плеханова.
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в. (1800—1910). Подъ ред. проф. С. А. Венгерова.
РУССКАЯ ИСТОРІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. М. Н. Покровскаго.— СИЛУЭТЫ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ. Ю. И. Айхенвальда.
ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.
ЭВОЛЮЦІЯ МІРА. Каруса Штерне. Съ дополнительными статьями проф. Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изд.
СОВРЕМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковскаго.

Допускается разсрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная к-ра Т-ва „МІРЪ": Москва, Знаменка, 9.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ для МЕБЕЛИ
КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ,
БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ
ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ
МОСКВА, Ильинка
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Большой выборъ всѣхъ сортовъ и стилей
Продажа по цѣнамъ фабрики
Иллюстрированный каталогъ высылается безплатно.